Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

NEW YORK PUBLIC LIBRARY
3 3433 04489 9312
D 13-5943
Baudelaire, Charles
Fleurs du mal

Digitized by Google

Digitized by Google

*QCH

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВРЕМЯ

Digitized by Google

Digitized by Google

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОЕВСКАГО

5544

№ 3. МАРТЪ

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА
1863

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
305101
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1904 L

Одобрено цензурою. С. Петербургъ, 8 марта 1863 года.

Digitized by Google

НУЖЕНЪ ЛИ ФЛОТЪ РОССІИ (1)

«Кчему намъ флотъ?» «Не нуженъ флотъ Россіи.» Зачѣмъ бросать лишній десятокъ мильоновъ въ годъ? Россія государство береговое»... Вотъ сужденія, которыя приходится слышать среди общаго равнодушія ко всему морскому, сужденія, ложащіяся тяжолымъ камнемъ на душу моряка и повидимому необѣщающія ничего хорошаго для дальнѣйшаго развитія морскихъ силъ государства!.. Справедливъ ли приговоръ, объ этомъ мало кто думаетъ; флотъ осуждается безъ суда, никого не поражаетъ странность подобнаго факта. Экономія, экономія во что бы ни стало, вотъ крики, раздающіеся со всѣхъ сторонъ, вотъ общій выводъ самыхъ противоположныхъ мнѣній. И какъ ни кажется законнымъ такое требованіе при настоящемъ финансовомъ положеніи нашего отечества, какое бы сочувствіе ни встрѣчало оно въ общественномъ мнѣніи, мы рѣшились однакоже идти на перекоръ потока, и на основаніи глубокаго искренняго убѣжденія, подкрѣпленнаго многочисленными и какъ кажется неопровержимыми фактами, попытаемся провести идею, до сихъ поръ непользующуюся особенной популярностью. Идея эта — *необходимость, настоятельная необходимость флота для Россіи*, и не популярна она потому, что одни вовсе не думали, что́ такое флотъ для государства, подобнаго нашему, другіе не хотѣли объ этомъ подумать, а наконецъ многіе хотя и думали, но по особенной спеціальности вопроса не могли вполнѣ уяснить его, и какъ для содержанія морскихъ силъ нужны деньги и большія деньги, то вотъ и стали кричать: «зачѣмъ военный флотъ, можно обойтись безъ него, онъ намъ вовсе не нуженъ!»

---

(1) Нѣсколько флотскихъ офицеровъ просили насъ дать мѣсто этой статьѣ въ нашемъ журналѣ. Исполняя ихъ желаніе, мы съ своей стороны устраняемся пока отъ рѣшенія этого вопроса и не беремъ на себя отвѣтственности за высказываемыя въ этой статьѣ мнѣнія. Мы желали бы только ею возбудить вопросъ въ обществѣ и въ литературѣ. *Ред.*

Digitized by Google

Сказавъ, что время, переживаемое Россіей, теперь хорошее и вмѣстѣ трудное время, мы безъ сомнѣнія не высказываемъ чего-нибудь особенно новаго; время это, время высочайшаго напряженія народныхъ силъ, пробужденныхъ послѣ долгаго сна, время безчисленныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ большею частью съ доброю цѣлью, вопросовъ, заставившихъ или заставляющихъ поговорить о себѣ и подумать. Писали обо всемъ, начиная съ колосальнаго дѣла освобожденія крестьянъ и кончая какимъ-нибудь неисполнимымъ проектомъ мощенія улицъ; самые ничтожные случаи обыденной жизни обсуживались и пересуживались тысячу разъ; молчали только о флотѣ, и ни въ одномъ періодическомъ журналѣ, ни въ одной изъ ежедневныхъ газетъ до сихъ поръ намъ морякамъ не приходилось встрѣтить нетолько серьозной статьи, но даже простого слова симпатіи или участія. Правда, «Морской сборникъ», вѣрный програмѣ, знакомилъ читателей со всѣмъ что касалось до морской жизни, до новѣйшихъ усовершенствованій и открытій; правда появился даже «Кронштадтскій Вѣстникъ», небольшая газета, съ самыми добрыми намѣреніями и предположеніями, но оба журнала читаются въ своемъ извѣстномъ кругу, а если нѣсколько статей перваго, благодаря именамъ Пирогова, Максимова, Завалишина, Чужбинскаго, привлекли къ себѣ больше вниманія, то лишь потому, что тутъ третировались вопросы столь капитальной важности, какъ вопросы воспитанія, уничтоженія тѣлесныхъ наказаній, колонизаціи амурскаго края, т. е. потомучто содержаніе ихъ доступно всѣмъ и каждому. Собственно же флотъ, значеніе его для Россіи, его развитіе, его будущность интересовали немногихъ, и современная литература, оказавшая такую бездну услугъ нашему народу, выяснившая и для него и для правительства многое, казавшееся и непонятнымъ и невозможнымъ, современная литература, повторяемъ еще разъ съ глубокимъ сожалѣніемъ, не прикоснулась даже къ чему-нибудь, что хотя напомнило бы о флотѣ. Вотъ тутъ-то и нужно искать основанія толковъ о его безполезности, и такое невниманіе, такое забытіе по нашему крайнему убѣжденію гораздо хуже самой злой критики, самыхъ ожесточенныхъ нападокъ!.. Нападеніе вызываетъ сопротивленіе, pro и contra въ какомъ бы то ни было дѣлѣ разъясняютъ его, — явятся враги, явятся и защитники; противъ же различныхъ сплетней, противъ неопредѣленныхъ слуховъ, въ особенности же противъ мнѣній, невысказанныхъ въ печати, ничего не сдѣлаешь. Подкрѣпляемые многочисленными коментаріями, мнѣнія эти легко распространяются въ публикѣ и когда дѣло коснется вопроса вродѣ вопроса о флотѣ, требующаго если и не спеціальнаго изученія, то покрайней-мѣрѣ

Digitized by Google

многихъ дополнительныхъ свѣдѣній и указаній, тогда приговоръ произносится еще съ большей легкостью; приходилось бы сказать пожалуй приговоръ безъ апеляціи, еслибы мысль, что необходимость флота еще не обсужена въ печати, не давала надежды, что пополненіе такого пробѣла въ русской литературѣ возвратитъ намъ, служащимъ Россіи на одномъ изъ самыхъ трудныхъ поприщъ, вниманіе и даже быть-можетъ сочувствіе образованной части нашего народа!..

Цѣль настоящей статьи, какъ легко судить изъ того что уже сказано, заключается въ возможномъ выясненіи для публики, мало знакомой съ флотомъ, значенія этого важнаго учрежденія для Россіи. Конечно для вполнѣ успѣшнаго исполненія подобной програмы нужно много данныхъ, и мы сочтемъ себя вполнѣ счастливыми даже и въ такомъ случаѣ, если трудъ нашъ привлеченіемъ на себя вниманіе какой бы то ни было критики, пробудитъ вниманіе общества къ идеѣ, которая быть-можетъ встрѣтитъ и другихъ зищитниковъ, болѣе способныхъ, болѣе знающихъ и главное пользующихся большимъ авторитетомъ, такъ-что слова ихъ не пропадутъ даромъ!.. Теперь же остается прибавить, что въ основаніе настоящей статьи пошло еще и то убѣжденіе, что народъ, переживающій финансовый кризисъ и платящій отъ двадцати до пятнадцати мильоновъ въ годъ на содержаніе морскихъ силъ, безъ сомнѣнія поинтересуется знать, кчему и для чего подобное пожертвованіе. На сколько возможно попытаемся разъяснить вопросъ, а для этого необходимо обратиться нѣсколько назадъ и показать вопервыхъ *историческое значеніе флота вообще*, потомъ *состояніе его въ другихъ государствахъ*, *возможность содержанія морскихъ силъ въ Россіи и необходимость дальнѣйшаго ихъ развитія*, *необходимость политическую, военную и комерческую.*

Государство, неимѣющее доступа къ морю, не можетъ достигнуть до дѣйствительнаго, цвѣтущаго состоянія, не можетъ развить всѣхъ своихъ силъ и никогда не будетъ въ ряду первостепенныхъ. Истина эта столь же стара, какъ и неопровержима; стоитъ перебрать въ своей памяти исторію всѣхъ народовъ, начиная съ древнихъ временъ и врядъ ли останется мѣсто сомнѣніямъ; такимъ образомъ время наибольшаго могущества финикіянъ было время ихъ господства на морѣ; въ отношеніи къ египтянамъ, къ персамъ и древнимъ грекамъ, карфагенянамъ и римлянамъ таже исторія; періодъ времени съ безсмертнаго открытія Христофора Колумба до уничтоженія непобѣдимой Армады, былъ періодомъ силы, богатства и процвѣтанія Испаніи; годы, когда корабли Магелана и Васко де Гама впервые отправлялись за океаны, останутся

Digitized by Google

всегда лучшими годами Португаліи, точно также какъ страницы, свидѣтельствующія потомству о великихъ подвигахъ адмираловъ Рюйтера и Тромпа, самыя блестящія страницы въ исторіи Голландіи. Пораженіе на морѣ положило начало, было поворотной точкой къ уничиженію Людовика XIV и несмотря на геній Наполеона I, несмотря на энергическія усилія народа дѣятельнаго и предпріимчиваго, французскій флотъ только съ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія начинаетъ заживлять свои раны, и польза, приносимая имъ государству, уже очевидна. Необыкновенное могущество Англіи, колосальные размѣры ея торговли, цвѣтущее состояніе финансовъ, все это слѣдствіе господства англичанъ на морѣ; уничтожьте это господство — сегодня или завтра звѣзда великаго народа пойдетъ къ закату; уничтожьте его, и Англія третьестепенное государство!..

Историческое значеніе флота для Россіи неменѣе знаменательно и что бы современные ученые ни говорили про Петра-великаго, онъ далъ намъ берегъ поморья и тѣмъ самымъ далъ средство сближенія съ Европой: на корабляхъ и по морю черезъ новоустроенный портъ Финскаго залива ученые, художники, купцы, мастеровые могли имѣть къ намъ и имѣли доступъ несравненно легчайшій, чѣмъ черезъ Польшу или остзейскія провинціи, тогда еще независимыя. Только-что созданный флотъ отстоялъ Петербургъ и много способствовалъ къ заключенію славнаго ништатскаго мира. Въ послѣдующіе годы, несмотря на страшную неурядицу въ управленіи вообще, несмотря на чудовищную несообразность морскихъ администрацій въ особенности, флотъ дѣлалъ свое дѣло: неразъ отстаивалъ Кронштадтъ съ Петербургомъ, сжогъ турецкій флотъ при Чесмѣ, способствовалъ къ завоеванію и къ удержанію Финляндіи, далъ намъ преобладаніе на Черномъ морѣ. Въ какой мѣрѣ подобныя завоеванія были полезны народу, объ этомъ здѣсь распространяться врядъ ли умѣстно. Мы позволимъ себѣ только напомнить чѣмъ былъ флотъ для Россіи въ послѣднее время, т. е. въ трудные и несчастные годы восточной войны. Что такое была эта война, какъ и изъ-за чего велась она, послѣдствія ея для Россіи, все это хорошо извѣстно всѣмъ интересующимся судьбами нашего отечества, здѣсь же должно сказать одно: *флотъ честно исполнилъ все что отъ него можно было требовать* и привлекая на себя главныя силы непріятеля, служа мишенью, на которую сосредоточивались всѣ удары союзниковъ, онъ избавилъ по всей вѣроятности отъ нападенія другіе пункты государства болѣе слабые, и не обладавшіе такими условіями обороны, какъ Севастополь!.. Не будь черноморскаго флота, не будь Севастополя, не было бы и ужасной

Digitized by Google

осады, не стала бы она намъ такъ дорого и не понесли бы мы такихъ громадныхъ потерь, — вотъ что приходилось иногда слышать въ числѣ нападокъ на флотъ и право не знаемъ, заслуживаютъ ли опроверженія столь близорукіе доводы. Не будь Севастополя, непріятель устремилъ бы свои удары на Кронштадтъ, сталъ бы дѣйствовать въ Финляндіи, взволновалъ бы Польшу и тогда богъ-знаетъ чѣмъ бы это еще для насъ кончилось. На темномъ горизонтѣ проигранныхъ сраженій, неудачь, потерь, разочарованій, въ тяжкіе годы восточной войны свѣтлыми точками являются имена Корнилова, Нахимова, Истомина и посреди всеобщаго равнодушія, такъ долго и такъ постоянно тяготѣвшаго надъ флотомъ, наконецъ заговорили въ публикѣ и даже въ народѣ о морякахъ и о томъ, что они славно исполняютъ свой долгъ. Правда не дешево обошлось это участіе: потоками крови, смертью и увѣчьемъ лучшихъ изъ своихъ товарищей, перенесеніемъ на передовыхъ бастіонахъ всѣхъ лишеній неслыханной осады черноморскіе моряки отвѣчали на столь мало знакомый имъ привѣтъ общественнаго мнѣнія; за океанами, на дальномъ востокѣ собратья по оружію старались соревновать имъ; защита Петропавловска, прорывъ небольшой камчатской эскадры среди многочисленныхъ непріятельскихъ крейсеровъ, начало колонизаціи устьевъ Амура подъ пушками англичанъ, трактатъ съ Японіей, заключенный въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, вотъ чѣмъ нашъ флотъ успѣлъ наконецъ привлечь къ себѣ вниманіе Европы и вотъ отзывъ объ дѣйствіяхъ русскихъ моряковъ на Восточномъ океанѣ принца Жуанвильскаго, одного изъ самыхъ уважаемыхъ авторитетовъ французскаго флота. Въ статьѣ подъ заглавіемъ «Китайскій вопросъ» (Etudes sur la Marine, Question chinoise стр. 272), описавъ значеніе Россіи въ будущемъ китайской имперіи, показавъ вѣроятіе развитія русскаго могущества на Восточномъ океанѣ черезъ занятіе Амура, принцъ говоритъ: «Намъ быть-можетъ скажутъ, что всѣ эти опасности лишь воображаемыя и что мы строимъ на данныхъ, основанныхъ на фантастическомъ будущемъ; станемъ продолжать расказъ, основываясь на фактахъ; такимъ-то образомъ, судя по самымъ достовѣрнымъ расказамъ, въ настоящій часъ все теченіе Амура въ русскихъ рукахъ; на водахъ этой рѣки нашли себѣ убѣжище тотъ фрегатъ Аврора и та русская эскадра, которые чудесами искуства и мужества избѣжали соединенныхъ эскадръ Франціи и Англіи и когда эскадры эти, раздосадованныя преслѣдованіемъ добычи, отъ нихъ безпрестанно ускользавшей, приблизились къ устьямъ рѣки, онѣ нашли ихъ покрытыми береговыми батареями, усѣянными войсками; онѣ услыхали имена фортовъ и военныхъ учрежденій, до

Digitized by Google

тѣхъ поръ совершенно неслыханныхъ и уже сообщающихся между собою пароходами. Амуръ теперь русская рѣка». Мнѣніе французскаго адмирала не было исключеніемъ: тоже самое говорили и писали адмиралы, командовавшіе англійскимъ флотомъ, тоже повторяли тогда всѣ европейскіе и американскіе журналы: помалчивали только журналы русскіе и хуже этого: прошла война, и люди, не дающіе себѣ труда вникнуть въ то что́ такое флотъ, стали кричать объ его безполезности, стали приводить въ примѣръ, что эскадры наши, скрываясь за батареями Кронштадта и Севастополя, не рѣшились попытать счастья въ морскомъ сраженіи!.. «Чтоже толку, что у насъ десятки кораблей, говорили наши пристрастные судьи: — чтоже дѣлать съ ними, когда у насъ нѣтъ ни адмираловъ, ни офицеровъ, ни матросъ для того, чтобы вести ихъ въ бой!..» Корабли наши парусные, непріятель имѣлъ винтовые; корабли наши большею частью полусгнившіе, негодные для дѣла, непріятель втрое, вчетверо сильнѣе; ничего этого не принималось къ свѣдѣнію и простая, но непреложная истина, *что у насъ были и адмиралы, и офицеры, и матросы, но судовъ не было, тогда какъ и теперь мало кому приходитъ въ голову!..* Можетъ ли Россія окончательно имѣть флотъ и изъ какихъ элементовъ нужно желать, чтобы онъ былъ составленъ, мы постараемся по мѣрѣ нашихъ силъ разъяснить въ своемъ мѣстѣ; теперь же, не желая отступать отъ систематическаго порядка, посмотримъ (и это необходимо для сравненія) въ какомъ состояніи находятся морскія силы въ другихъ государствахъ и чтобы не утомлять побочными предметами вниманія читателей, постараемся сдѣлать это съ возможною краткостью.

Переворотъ, готовящійся совершиться въ морскомъ искуствѣ, въ условіяхъ обороны и нападенія на морѣ, извѣстенъ всѣмъ интересующимся ходомъ современныхъ событій; усовершенствованное нарѣзное орудіе и суда, покрытые броней, теперь предметъ разговора всѣхъ и каждаго; опыты совершающіеся надъ ними въ огромныхъ размѣрахъ въ Англіи и практическое приложеніе этихъ опытовъ въ борьбѣ между сѣверными и южными штатами въ Америкѣ готовятъ такія важныя перемѣны въ будущемъ, что сдѣлать въ настоящемъ какой-нибудь положительный выводъ становится весьма затруднительно. Все что можно сказать въ ожиданіи пока пушка окончательно одержитъ верхъ надъ броней или броня надъ пушкой, заключается пока въ томъ, что послѣдніе опыты, производимые въ Шебуринессѣ, оказались въ пользу пушки, доказавъ, что какою бы бронею (даже 6 и 7 дюймовою) ни было покрыто судно, 300 фунтовое гладкоствольное орудіе въ состояніи пробить ее. Вотъ что по этому случаю говоритъ одинъ изъ самыхъ рьяныхъ защитниковъ брони въ Англіи

Digitized by Google

г. Ферберн въ запискѣ своей «о сопротивленіи желѣза удару ядеръ» (Морск. Сбор. Октяб. 1862 г., смѣсь, стр. 119). «Судя по послѣднимъ испытаніямъ гладкоствольной пушки Армстронга, намъ еще остается рѣшить задачу, не будутъ ли наши военные корабли также безопасны безъ желѣзной брони какъ и съ бронею. Если наши новые корабли будутъ достаточно крѣпки, чтобы носить артилерію 300 фунтоваго калибра, какъ можно надѣяться, то наша броня въ 6 и 7 дюймовъ толщины, будучи пробитою, по всей вѣроятности сдѣлается болѣе разрушительной для тѣхъ, кто находится на кораблѣ, нежели въ томъ случаѣ, когда ядро свободно прошло бы сквозь корабельныя стѣны. Въ этомъ случаѣ мы будемъ находиться въ томъ же положеніи, какъ были прежде съ нашими деревянными стѣнами, съ тою только разницею, что желѣзные корабли останутся безопасными отъ пожара и не будутъ пробиваемы бомбами...» Казалось бы чего яснѣе: броня пробивается; куски ея, разбрасываемые въ сторону, дѣлаютъ такой же вредъ какъ добрый выстрѣлъ картечью, но все же таки защитники желѣзныхъ стѣнъ въ Англіи не теряютъ духу, и тотъ же самый г. Ферберн нѣсколько строкъ ниже прибавляетъ: «Излагая мои мнѣнія, я вовсе не полагаю, что наши военные корабли должно оставить безъ защиты, но я думаю, что намъ должно еще изучить и опредѣлить ту форму брони, при которой она была бы непробиваемою орудіями самаго большого калибра до сихъ поръ изобрѣтенными, *и даже тѣми, которые будутъ изобрѣтены впослѣдствіи;*» далѣе описавъ печальный для него (какъ защитника брони) результатъ опытовъ, Ферберн прибавляетъ: «Нѣтъ, мы еще несовсѣмъ разбиты, и по нашему народному характеру, мы какъ старые рыцари должны сопротивляться до послѣдней крайности.

And though our legs are smitten of
Well fight upon our stumps» (¹).

На такихъ основаніяхъ читатели имѣли бы полное право думать, что окончательные выводы еще долго не будутъ сдѣланы, если бы кромѣ опытовъ, о которыхъ упоминаетъ г. Ферберн, послѣдняя почта не принесла извѣстій о новомъ торжествѣ артилеріи въ лицѣ г. Витворта: 12-ти фунтовыя орудія изобрѣтателя бросали бомбы, пробивающія желѣзо, которое выдерживало прежде дѣйствіе пустотѣлыхъ снарядовъ всѣхъ родовъ; бомба изъ 70 фунтового орудія пронизала плиту въ 5 дюймовъ, 4-хъ дюймовую подкладку и въ заключеніе пробитъ щитъ, представлявшій бортъ лучшаго броне-

(¹) Когда отрубятъ наши ноги,
Мы на колѣняхъ въ бой пойдемъ...

Digitized by Google

носца Англіи (пожалуй и цѣлаго свѣта) фрегата Warrior. Правда теперь строятся суда вродѣ Minautor; толщина брони на нихъ доводится до $5^1/_2$ дюймовъ, но во всякомъ случаѣ увеличеніе толщины должно наконецъ встрѣтить предѣлы въ основныхъ и непремѣнныхъ правилахъ теоріи кораблестроенія и какъ бы читатели наши ни были мало знакомы съ послѣдней наукой, они легко поймутъ слѣдующее: «Чѣмъ тяжести расположены выше на суднѣ, тѣмъ оно менѣе отстойчиво, а слѣдовательно чѣмъ броня будетъ толще, тѣмъ труднѣе будетъ сохранить судну его морскія качества, и если среди хора хвалебныхъ гимновъ, раздавшихся со всѣхъ сторонъ Warrior'у, нерѣдко приходится слышать пока еще заглушаемыя жалобы, что фрегатъ зарывается на волненіи, быстро ложится на бокъ и медленно встаетъ, руля слушаетъ далеко не блистательно; если притомъ вспомнить, что броня фрегата толщиной всего въ $4^1/_2$ дюйма, (т.-е. на основаніи послѣднихъ опытовъ пробиваема), то невозможно не придти къ заключенію, что весьма вѣроятно морскіе инженеры станутъ наконецъ строить дѣйствительно непроницаемыя пловучія батареи или суда вродѣ предложенныхъ капитаномъ Кользомъ, способные защищать берега и плавать недалеко отъ нихъ. Стало-быть страшная тяжесть брони становится все большимъ и большимъ препятствіемъ къ тому, чтобы вновь проектируемыя суда (способныя выдерживать ударъ ядра какого бы то ни было калибра) могли выйти дѣйствительно морскими, готовыми по первому требованію идти за океаны, въ Китай, Индію, Новую-голандію, готовыми летѣть на помощь безчисленныхъ англійскихъ колоній и покровительствовать купеческимъ судамъ, покрывающимъ всѣ моря земного шара. Дѣлая подобные выводы, считаемъ почти лишнимъ оговорку, что они основаны на нашемъ личномъ мнѣніи, мнѣніи хотя и вполнѣ обдуманномъ, но быть-можетъ по трудности предмета, по зависимости его отъ постороннихъ причинъ, еще подлежащемъ измѣненію. Для оправданія себя остается впрочемъ прибавить, что нетолько у насъ во флотѣ и въ русскихъ морскихъ кружкахъ, но даже въ Англіи, среди знаменитыхъ инженеровъ, механиковъ и артилеристовъ, пользующихся всемірною извѣстностью, сужденія болѣе чѣмъ когда-нибудь различны, и если еще такъ недавно многіе изъ самыхъ заклятыхъ рутинеровъ, противниковъ желѣзныхъ судовъ и брони, начали склоняться на сторону послѣдней, то новое гладкоствольное орудіе и еще болѣе блестящее торжество орудій Витворта заставило опять попризадуматься многихъ и многихъ. Такимъ образомъ вопросъ вертится на томъ, что увеличивая толщину брони, ее сдѣлаютъ непроницаемой, но будутъ ли въ состояніи покрыть ею настоящія морскія суда, возможно ли обойтись вовсе безъ судовъ де-

Digitized by Google

ревянныхъ, необходимыхъ для службы въ далекихъ странахъ, гдѣ нѣтъ ни средствъ, ни заводовъ, ни доковъ (¹) для починки и исправленія, все это еще болѣе нежели сомнительно и вотъ тутъ-то и нужно искать причину нерѣшительности лордовъ адмиралтейства, управляющихъ морскими силами Англіи...

Теперь боясь распространиться слишкомъ много въ умозрительныхъ заключеніяхъ, мы обратимся къ продолженію статьи, т.-е. къ описанію настоящаго состоянія европейскихъ флотовъ; разъ же коснувшись подобнаго предмета приходится начинать съ Англіи. Морское могущество англичанъ, несмотря на переходное состояніе условій морской обороны, находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Данные и средства, необходимыя Англіи для колосальнаго флота, превосходятъ собой данные и средства всѣхъ остальныхъ государствъ, взятыхъ вмѣстѣ. Такъ напримѣръ возьмемъ самое существенное, т.-е. деньги: морской бюджетъ англійскаго флота достигаетъ 80 мильоновъ рублей серебромъ въ годъ, и что ни говорятъ почтенные Кобденъ и Брайтъ въ парламентѣ, какъ дружно ни поддерживаетъ достойныхъ представителей ихъ манчестерская компанія, есть поводы думать, что съ введеніемъ брони расходы эти нетолько не уменьшатся, но и усилятся... Переходя ко второму условію, обезпечивающему существованіе флота, т.-е. къ морскому народонаселенію, опять поражаешься тѣмъ что̀ можетъ Англія: 80 тысячъ матросъ составляютъ настоящую силу ея военнаго флота; на купеческихъ судахъ плаваетъ до 230 тысячъ человѣкъ и приложивъ сюда сумму приморскихъ жителей, получимъ страшную цыфру 800 тысячъ человѣкъ, способныхъ придать душу деревяннымъ или будущимъ желѣзнымъ стѣнамъ повелительницы морей. Третье условіе, необходимое для оправданія послѣдняго названія (т.-е. повелительницы морей), и которое дополняетъ два первые, какъ справедливо замѣтилъ г. Ксавье Раймонъ въ превосходной статьѣ, напечатанной въ «Revue des deux Mondes» и надѣлавшей столько шуму (²), — есть промышленное могущество и оно въ Англіи на высшей степени процвѣтанія. За примѣрами не далеко ходить: вспомнимъ восточную войну, вспомнимъ какъ частныя верфи доставляли англійскому флоту по одной канонирской лодкѣ въ сутки (болѣе 200 тоннъ каждыя). Вспомнимъ

(¹) Т. е. доковъ, способныхъ принять такихъ морскихъ чудовищъ какъ Warrior и даже еще большихъ размѣровъ, такъ какъ о дѣйствительно непроницаемыхъ судахъ меньшаго ранга нечего думать, если желать чтобы суда эти могли нести службу на всѣхъ моряхъ и даже въ самыхъ отдаленныхъ колоніяхъ.

(²) Флоты французскій и англійскій съ 1815 г.

Digitized by Google

безчисленные механическіе заводы, пользующіеся всемірною извѣстностью, и тогда станетъ легко понятнымъ какимъ образомъ Англія, начавъ войну съ 221 военными судами, передъ окончаніемъ ея и менѣе чѣмъ черезъ два года могла выставить до 600 вымпеловъ. Придя къ такимъ грандіознымъ результатамъ, англійскій народъ не опочилъ на лаврахъ! Подкрѣпляемые истиннымъ сознаніемъ источника своего превосходства, подстрекаемые журналистикой и соревнованіемъ съ Франціей, англичане строятъ величайшіе броненосные фрегаты, строятъ пловучія батареи различныхъ образцовъ, тратятъ на производство опытовъ болѣе денегъ, чѣмъ весь морской бюджетъ другого второкласнаго государства и къ какимъ бы выводамъ ни привели послѣднія изобрѣтенія, усовершенствованія и открытія — извѣстный гимнъ «Rule Britania» (¹) (мы въ томъ твердо убѣждены) еще долго не потеряетъ своего смысла... Теперь перебирая въ памяти все вышесказанное, намъ пришло въ голову, что при совершенномъ сознаніи значенія Англіи какъ морского государства у читателей легко можетъ родиться вопросъ, не должно ли такое сознаніе отнять бодрость у другихъ народовъ, владѣющихъ берегами морей, и не безполезными ли будутъ всѣ усилія, дѣлаемыя ими для развитія ихъ собственныхъ морскихъ силъ? Отвѣтъ конечно будетъ отрицательный и первымъ подтвержденіемъ подобному отрицанію служитъ единодушное мнѣніе морского сословія цѣлой Европы; на основаніи-то этого мнѣнія государства первокласныя, второкласныя, третьекласныя, всѣ тѣ однимъ словомъ, которыя имѣютъ хотя клочокъ моря, всѣ тѣ наконецъ, которыя прежде никогда не помышляли о флотѣ, теперь начинаютъ заводить его; усиливаютъ морскіе бюджеты, прибѣгаютъ даже къ народнымъ подпискамъ. Такъ Берлинъ, Бреславль и другіе города Пруссіи взялись строить винтовыя канонирскія лодки; такъ городъ Мессина жертвуетъ для итальянскаго флота суммой, необходимой для приобрѣтенія броненоснаго судна! Франція, слѣдующая въ разрядѣ морскихъ державъ тотчасъ вслѣдъ за Англіей, напрягаетъ всѣ свои силы доводить расходы на флотъ до 40 мильоновъ рублей серебромъ въ годъ, суммы (принимая въ соображеніе армію впятеро многочисленнѣйшую англійской), совершенно превышающей средства страны; Франція, или говоря правильнѣе французское правительство, не дождавшись даже окончательныхъ результатовъ опытовъ, горячо принимается за постройку броненосныхъ судовъ, увлекаетъ на этомъ пути нерѣшительныхъ членовъ англійскаго адмиралтейства, волей-неволей заставляетъ ихъ подражать себѣ, первая посылаетъ броненосный

(¹) Британія владѣй волнами.

Digitized by Google

фрегатъ Нормандію за океанъ въ Мексику; фрегатъ на основаніи шебуринской побѣды Витворта проницаемъ, французы потратили на подобныхъ же ему броненосцевъ мильоны, но они и тутъ не унываютъ, не падаютъ духомъ, утолщаютъ брони, строятъ новые фрегаты-тараны, по возможности скрываютъ результатъ своихъ опытовъ и въ ожиданіи будущаго, не бросая старыхъ судовъ, извлекаютъ изъ нихъ всевозможную пользу. Эскадры кораблей подъ трехцвѣтнымъ флагомъ разбросаны по всему свѣту; французскій флотъ дѣятельно содѣйствуетъ во время итальянской войны планамъ Наполеона III, перебрасываетъ потомъ неоднократно корпуса войскъ въ Римъ, въ Алжирію, въ Сирію; французскіе моряки вбѣгаютъ первыми въ ворота Пекина, завоевываютъ Кохинхину, дерутся теперь въ Мексикѣ (¹)... Итальянскій военный флотъ не менѣе быстрыми шагами идетъ къ развитію и благодаря начавшемуся единству Италіи, благодаря твердымъ основаніямъ, положеннымъ знаменитымъ декретомъ объ образованіи морскихъ силъ графа Кавура, благодаря наконецъ общему сочувствію народа, юный флотъ увеличивается съ каждымъ годомъ и еще такъ недавно блокадой, а потомъ бомбардированіемъ Анконы и Гаэты, успѣлъ показать на дѣлѣ чего должна ждать отъ своихъ моряковъ Италія въ будущемъ, быть-можетъ не весьма далекомъ. Итальянское правительство такъ глубоко убѣждено въ необходимости флота для народа самостоятельнаго, что теперь даже, несмотря на критическое положеніе государства, не щадитъ никакихъ издержекъ для увеличиванія своихъ морскихъ силъ и значительное приращеніе бюджета, страшные расходы на сооруженіе порта въ Специи, дѣятельныя работы во всѣхъ другихъ портахъ Италіи, постройка двухъ броненосныхъ фрегатовъ въ Соединенныхъ-штатахъ и трехъ броненосныхъ судовъ во Франціи не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Италія хорошо поняла значеніе флота при настоящемъ положеніи военнаго искуства. Испанія не отстаетъ отъ Италіи, увеличиваетъ морской бюджетъ, улучшаетъ порты и гавани, расширяетъ старые и строитъ новые доки, заказываетъ броненосные фрегаты на англійскихъ и французскихъ верфяхъ... Австрія бросаетъ мильоны на укрѣпленія Полы и при финансахъ недавно близкихъ къ банкротству, возвышая морской бюджетъ въ ущербъ арміи, успѣваетъ выстроить нѣсколько блиндированныхъ батарей и съ усиленной быстротой создаетъ новые броненосныя суда въ Тріестѣ... Пруссія и та увлечена общимъ

(¹) Боясь утомить вниманіе читателей, не распространяюсь о средствахъ Франціи какъ морского государства, объ ея морской конскрипціи и другихъ подробностяхъ болѣе или менѣе интересныхъ.

Digitized by Google

потокомъ: Пруссія мечтаетъ о созданіи германскаго флота и холодные, методическіе нѣмцы Берлина и Аугсбурга, въ глаза невидавшіе моря, разсуждаютъ съ жаромъ о броненосныхъ фрегатахъ-таранахъ, непроницаемыхъ канонирскихъ лодкахъ и тому подобное... Прусское правительство различными средствами старается поддержать энтузіазмъ народа: затѣваются подписки, большіе города берутся на свой счетъ строить лодки, движеніе сообщается остальной Германіи и только останавливается другими неполитическими мѣрами министерства, теряющаго вслѣдствіе ихъ всякую популярность. Морскіе министры Голандіи, Швеціи, Даніи и Португаліи входятъ въ палаты съ докладами о необходимости увеличить флотъ, о настоятельной необходимости новыхъ и усиленныхъ расходовъ на постройку броненосныхъ судовъ. Если перенесемся черезъ океанъ и остановимъ наше вниманіе на Америкѣ, то увидимъ, что мысль о необходимости флота пустила глубокіе корни вездѣ и повсюду, и не говоря о Соединенныхъ-штатахъ, вынужденныхъ обстоятельствами натянуть свои морскія силы до послѣдней возможности, Бразилія, Чили, Перу, всѣ они увеличиваютъ флоты, а Перуанская республика приступаетъ уже къ заказу большого броненоснаго фрегата въ Англіи! Факты, приведенные нами, надѣемся весьма знаменательны; увлекаться могутъ нѣсколько человѣкъ, можетъ партія; увлеченіе (бывали примѣры) распространяется иногда на цѣлый народъ, но если какое бы то ни было увлеченіе сообщается всему свѣту, если увлеченіе проходитъ черезъ разумный контроль общественнаго мнѣнія, представляемаго законодательными корпусами такихъ государствъ, какъ напримѣръ Италія, Данія, Швеція, тогда кто же станетъ оспаривать истину, и не согласится, что идея, встрѣченная и оправданная подобнымъ сочувствіемъ, *непремѣнно здравая*, *разумная идея;* какъ же наконецъ не придти къ выводу, что военный флотъ нуженъ, *настоятельно нуженъ* для народа самостоятельнаго, владѣющаго поморьемъ!

Положимъ, что все сказанное вами справедливо, замѣтятъ пожалуй наши читатели:— положимъ, что флотъ и нуженъ Россіи, но вѣдь въ русскомъ народѣ нѣтъ никакихъ морскихъ элементовъ и вы сами же говорили намъ, что для содержанія морскихъ силъ необходимы деньги, морское народонаселеніе, необходимо промышленное могущество, — откуда же намъ взять хотя одно изъ такихъ данныхъ, какимъ же образомъ идти противъ очевидной невозможности?.. Отвѣчая на вопросъ, прежде всего скажемъ, *что невозможность только кажущаяся*, и придерживаясь все того же систематическаго порядка, начнемъ съ нашихъ денежныхъ средствъ. На основаніи свѣдѣній, почерпаемыхъ изъ «Кронштадскаго Вѣстника», (пользовавшагося

Digitized by Google

оффиціальными источниками), извѣстно, что съ 1855 до 1859 годъ средняя цыфра морского бюджета держалась около 16 мильоновъ рублей серебромъ. Въ 1859 году флотъ стоилъ государству 18,183,331 рубль; въ 1860 году 20,278,334 рубля; въ 1861 году 21,397,027 и въ 1862 году 19,000,000; теперь носятся слухи, что по настоящему положенію финансовъ морской бюджетъ уменьшается еще на нѣсколько мильоновъ, средняя же цыфра за годы съ 1855 по 1862 годъ выходитъ около 20 мильоновъ, что при общемъ бюджетѣ въ 300 мильоновъ составляетъ всего лишь пятнадцатую часть расходовъ государства. Изъ сравненія съ расходами другихъ странъ оказывается, что Россія за исключеніемъ Англіи тратитъ на свой флотъ (относительно прочихъ издержекъ) несравненно меньше чѣмъ народы, неимѣющіе ни одинаковаго политическаго значенія, ни береговъ такого протяженія, какъ берега Балтійскаго, Чернаго, Каспійскаго и Бѣлаго морей, какъ наконецъ берега новыхъ русскихъ владѣній Восточнаго океана. Двадцать мильоновъ при настоящемъ трудномъ и по всей вѣроятности лишь переходномъ состояніи нашихъ финансовъ, все же не представляютъ ненормальной пропорціи съ тѣмъ что мы затрачиваемъ на армію, на постройку крѣпостей и на другія необходимыя условія, обезпечивающія положеніе Россіи въ средѣ остальныхъ европейскихъ государствъ. Между тѣмъ при большой осмотрительности въ расходахъ и непремѣнномъ правилѣ, служившемъ основаніемъ всѣхъ дѣйствій морского министерства за эти семь лѣтъ, при правилѣ, вышедшемъ изъ глубокаго убѣжденія, *что министерство существуетъ для флота, а не флотъ для министерства*, 20 мильоновъ представляются достаточными для того, чтобы въ ожиданіи возможнаго улучшенія финансовъ государства, русскій флотъ продолжалъ бы пользоваться той данью уваженія, въ которой въ послѣдніе годы не отказывали ему самые закоснѣлые изъ его противниковъ, *а въ случаяхъ нужды могъ бы доказать на дѣлѣ, что расходы на его содержаніе не пропадали даромъ!..*

Показавъ, что денежный вопросъ еще не составляетъ непреодолимаго препятствія, попытаемся доказать, что если съ одной стороны народонаселеніе нашихъ береговъ еще и не имѣетъ того значенія въ настоящемъ военнаго флота, которое бы должно и которое по всей вѣроятности будетъ имѣть, то тѣмъ не менѣе русскій народъ способенъ къ морю и въ нашемъ флотѣ за хорошими матросами недостатка не встрѣтится; для этого основываясь на исторіи, приводя лишь голые историческіе факты и даже оставивъ въ сторонѣ преданія глубокой древности, такія напримѣръ какъ походъ Олега къ Царьграду, всегдашнія стремленія новгородцевъ и псковичей къ морю, начнемъ со времени Петра, переберемъ лишь нѣкоторыя со-

Digitized by Google

бытія изъ его и изъ послѣдующихъ царствованій и основываясь на нихъ спросимъ у читателей, чѣмъ какъ не природной способностью къ морю можно объяснить такіе факты, какъ морскія побѣды, морскіе походы основателя Петербурга? Вспомнимъ какъ онъ самъ, начавъ морское образованіе потѣшными плаваніями на Переяславскомъ озерѣ, командуя галерами, кораблями, построенными собственными руками, или бракованными судами, купленными въ Англіи и Голандіи, бивалъ неоднократно, да еще какъ славно бивалъ эскадры тѣхъ самыхъ шведовъ, усомниться въ способности которыхъ къ морю никому не приходитъ и въ голову, шведовъ, происходящихъ отъ морскихъ героевъ такъ поэтически воспѣваемыхъ сагами Норвергіи, Швеціи и Финляндіи!.. Чѣмъ какъ не способностью къ морю назвать дальнѣйшіе подвиги костромскихъ, ярославскихъ, нижегородскихъ мужиковъ, обратившихся послѣ двухъ-трехъ лѣтъ службы въ бравыхъ матросъ, наводившихъ лесантами ужасъ на берега Швеціи, доходившихъ до воротъ Стокгольма, спасавшихъ Петербургъ?.. Развѣ не они, не тѣже костромскіе и ярославскіе мужики, составляли экипажи брандеровъ, ворвавшихся въ чесменскую бухту, биткомъ набитую турецкимъ флотомъ? Не они дрались подъ Навариномъ, держали въ блокадѣ Дарданелы, не они чтоли вмѣстѣ съ флегматическими дѣтьми степей Украины размѣтали турецкій флотъ при Синопѣ и потомъ безропотно сотнями и тысячами клали головы на облитыхъ кровью бастіонахъ Севастополя!.. Нѣтъ, въ способности русскаго человѣка къ морю усомниться врядъ ли возможно и нетолько твердо вѣруемъ въ нее мы, видѣвшіе эту способность на дѣлѣ, но и самыхъ пристрастныхъ изъ нашихъ читателей надѣемся убѣдятъ факты, бросающіеся въ глаза, если прослѣдить движеніе русскаго флота за послѣдніе годы. Такимъ образомъ послѣ возвращенія судовъ, участвовавшихъ въ наваринской битвѣ, и до 1853 года дивизіи линейныхъ кораблей плавали въ Балтикѣ, въ Черномъ морѣ, въ годъ или въ два года разъ посылались транспорты съ грузомъ въ Охотскъ и въ Камчатку, изрѣдка являлось какое-нибудь судно въ Средиземномъ морѣ, но вообще большихъ продолжительныхъ плаваній было немного. Съ отправленія въ Восточный океанъ фрегатовъ Палада, Аврора и Діана въ 1852 и въ 1853 году, въ особенности послѣ заключенія мира обстоятельства измѣняются: начинается цѣлый рядъ походовъ; суда идутъ на Амуръ и въ Средиземное море поодиночкѣ и эскадрами, флагъ нашъ появляется на всѣхъ океанахъ, на всѣхъ моряхъ и проникаетъ въ самые отдаленные закоулки земного шара. Въ періодъ времени съ 1856 года и до настоящихъ дней перебывало въ кругосвѣтномъ и вообще въ заграничномъ плаваніи сорокъ-три судна (линейные корабли, фрегаты,

Digitized by Google

корветы, клипера и даже канонирскія лодки). Суда большею частью выходили изъ Кронштадта осенью, въ сезонъ равноденственныхъ бурь и непогодъ, съ командами только-что сформированными, составленными на половину изъ людей невидавшихъ моря; едва вырвавшись изъ порта, не успѣвъ ни устроиться порядочно, ни довести экипажи до надлежащей степени совершенства, многіе изъ нихъ преодолѣвали всѣ невзгоды осенняго плаванія Нѣмецкимъ моремъ и Англійскимъ каналомъ; многимъ приходилось бороться съ туманами, мелями и непогодами, причинами ежегодной гибели многихъ сотенъ купеческихъ и нѣсколькихъ военныхъ судовъ англійскаго и французскаго флота; приходилось идти потомъ вокругъ свѣта, выдерживать по пути жесточайшіе штормы у мыса Горнъ, встрѣчаться съ ураганами Индѣйскаго океана и Китайскаго моря, испытывать трудности плаваній въ татарскомъ проливѣ и у не гостепріимныхъ береговъ Японіи... Чтоже?.. Возьмемъ пропорціи, посмотримъ, многіе ли поплатились за уроки суровой школы, многимъ ли суждено было недобраться до родного берега? Отвѣтъ выходитъ вполнѣ удовлетворительнымъ!.. Изъ сорока-трехъ судовъ, въ шесть лѣтъ времени погибло два клипера, и причины гибели положительно не относятся къ неспособности русскаго человѣка быть морякомъ. Одинъ изъ клиперовъ Пластунъ взлетѣлъ на воздухъ на высотѣ Ревеля, другой Опричникъ пропалъ безъ вѣсти въ Индѣйскомъ океанѣ, — оба возвращались домой послѣ многолѣтней службы съ командами бывалыми, закаленными въ морѣ; два изъ сорока-трехъ и впродолженіи шести лѣтъ, пропорція нисколько не больше того что теряютъ французскій и англійскій флоты, а слѣдовательно суда, служащія постоянно у туманныхъ береговъ нашихъ владѣній на Восточномъ-океанѣ, плавающія цѣлыми эскадрами въ плохо или даже совсѣмъ неописанныхъ трущобахъ японскаго архипелага и береговъ Кореи, проводящія круглый годъ въ морѣ, суда снаряжаемыя (въ особенности при первыхъ попыткахъ) далеко не съ такимъ тщаніемъ какъ англичане снаряжаютъ свои, *имѣютъ всѣ данныя для того чтобы быть истинно морскими судами.* Экипажи ихъ заслуживаютъ полное право на званіе бравыхъ моряковъ, а адмиралы, капитаны и офицеры, сформировавшіе эти экипажи изъ людей взятыхъ отъ плуга, (отдавая полную дань уваженія ихъ трудамъ и познаніямъ), безъ сомнѣнія не могли бы прійти къ такимъ счастливымъ и даже блистательнымъ результатамъ, еслибы русскій человѣкъ по природѣ не былъ способенъ къ морю, *если бы богатая натура нашего мужика не представляла въ себѣ всѣхъ элементовъ, изъ которыхъ можно создать настоящаго матроса!..*

Digitized by Google

Чтоже это за особенныя способности и какіе собственно элементы, могутъ пожелать знать читатели небывавшіе въ морѣ, — что за элементы, дозволяющіе Россіи пользоваться матросами изъ ея внутреннихъ губерній, тогда какъ всѣ другія государства должны непремѣнно прибѣгать къ морскимъ народонаселеніямъ? Отвѣчать можно легко и понятно... На морѣ экипажъ судна живетъ обыкновенно въ тѣсномъ пространствѣ палубы; — для человѣка привыкшаго къ простору, такое житье начало трудностей, источникъ и зародышъ болѣзней, а для русскаго мужика оно нипочемъ. Проведя время до поступленія на службу большею частью въ курной избѣ, въ избѣ гдѣ на одной и той же половинѣ помѣщается нѣсколько семействъ, гдѣ при отсутствіи идеи о какомъ бы то ни было конфортѣ къ сожалѣнію часто и до сихъ поръ бѣдный народъ живетъ вмѣстѣ съ телятами и различными домашними животными, мужикъ нашъ легко свыкается съ атмосферой и другими неудобствами тѣснаго корабельнаго помѣщенія. Повинуясь съ колыбели суровому деспотизму отца, а въ прежнее время произволу и прихотямъ помѣщиковъ или управляющихъ, довольствуясь по необходимости если и не скудной, то всегда грубой и неприхотливой пищей, мужикъ, обращаясь въ матроса, приноситъ на судно еще два изъ важнѣйшихъ условій жизни на морѣ: *привычку къ повиновенію и способность къ перенесенію всевозможныхъ лишеній.* Онъ равнодушенъ къ опасностямъ морской службы; всѣми признанная черта рускаго характера, необыкновенная смѣтливость, даетъ рекруту средства легко освоиться съ самыми затѣйливыми особенностями матросскаго ремесла, а большое число порядочныхъ машинистовъ, начинающихъ наконецъ сформировываться на судахъ нашего флота, доказываетъ, что доступно русскому человѣку и машинное дѣло, гораздо болѣе сложное. Неимѣя понятія о томъ что̀ такое простуда, мальчишкой выскакивая на морозъ въ одной рубашонкѣ, валяясь въ снѣгу послѣ самой горячей бани, матросъ нашъ способенъ (что весьма важно при всеобщемъ введеніи пара) сдѣлаться превосходнымъ кочегаромъ (¹), способенъ переносить всѣ перемѣны климата кругосвѣтнаго похода, гдѣ часто черезъ двѣ–три недѣли вслѣдъ за невыносимымъ жаромъ экватора и тропиковъ приходится испытывать холода у мыса Горнъ или на переходахъ большими широтами Индѣйскаго океана. Прибавивъ къ сказанному еще одну черту народнаго характера, *большое національное самолюбіе*, мы увидимъ, что разумное развитіе его въ экипажахъ нашихъ судовъ дѣлаетъ ихъ послѣ

(¹) Кочегарами называются на суднѣ люди, занимающіеся топкой печей въ машинѣ.

Digitized by Google

двухъ, или трехлѣтняго плаванія достойными соперничать въ самыхъ сложныхъ, въ самыхъ трудныхъ эволюціяхъ съ матросами первыхъ морскихъ державъ Европы (¹). Наконецъ если всѣ доводы здѣсь приведенные покажутся недостаточными, то остается развѣ прибавить, что не говоря о возможности комплектаціи флота матросами изъ внутреннихъ прирѣчныхъ губерній, возможности, основанной на историческихъ преданіяхъ, на особенностяхъ русской народной жизни и національнаго характера, подтверждаемой результатами опытовъ десятковъ лѣтъ и глубокимъ убѣжденіемъ, вытекающимъ изъ практическаго знакомства съ предметомъ, мы еще можемъ многаго надѣяться отъ разрѣшенія вопроса комплектаціи военныхъ экипажей помощью конскрипціи приморскихъ жителей (какъ во Франціи) или другими болѣе популярными, болѣе современными, хотя къ сожалѣнію еще не вполнѣ разработанными способами. На берегахъ Балтійскаго, Чернаго, Каспійскаго и Бѣлаго морей, по берегамъ такихъ большихъ и судоходныхъ рѣкъ, какъ Волга, Донъ, Днѣпръ, Днѣстръ, Двина живетъ много людей способныхъ доставить экипажи сотнямъ купеческихъ судовъ. На нихъ прежде обращалось мало вниманія; для морского образованія, для развитія у нихъ охоты къ морю почти ничего не сдѣлано; но дѣло принимаетъ другой оборотъ. Нѣсколько человѣкъ талантливыхъ писателей посылались для изученія быта, образа жизни, средствъ и желаній жителей поморьевъ. Исполненные интереса и наблюдательности расказы гг. Максимова и Афонасьева-Чужбинскаго познакомили съ ними читающую публику. Этими же вопросами занимались и занимаются люди болѣе спеціальные: въ «Морскомъ Сборникѣ» печатается цѣлый рядъ превосходныхъ статей, показывающихъ что такое русскіе берега, ихъ богатство, ихъ комерческая будущность (²). Такъ напримѣръ изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ г. Вольдемаромъ въ статьѣ *чѣмъ должны и чѣмъ могутъ наши морскія училища содѣйствовать развитію нашего морского дѣла* («Морской Сборникъ», августъ 1862) оказывается, что въ прибалтійскихъ провинціяхъ уже есть около двухъ тысячъ практическихъ моряковъ (купеческихъ); сверхъ того по тому же берегу отъ Полангена до Нарвы (на основаніи подробныхъ статистическихъ свѣдѣній, собранныхъ г. Вольдемаромъ въ

(¹) Такъ напримѣръ: фрегатъ Полканъ послѣ трехлѣтняго плаванія въ Средиземномъ морѣ былъ постояннымъ предметомъ восхищенія французскихъ и англійскихъ эскадръ и по содержанію судна и достоинству экипажа встрѣчалъ многихъ соревнователей, но не могъ найти ни одного соперника!..

(²) Какъ напримѣръ замѣчательная статья г. Шаврова. «Восточный берегъ Чернаго моря и его значеніе для развитія русскаго мореплаванія», статья г. Петриченки — Каспій, его «Промышленность и торговля» и нѣсколько другихъ.

Digitized by Google

1860 году) около девяносто тысячъ человѣкъ, занимающихся рыболовствомъ на морѣ, прибавьте нѣсколько тысячъ финляндцевъ-матросъ, испытанныхъ и совершенно надежныхъ, прибавьте смѣлыхъ бѣломорцевъ, проводящихъ всю жизнь въ трудныхъ морскихъ промыслахъ, возьмите всѣхъ плавающихъ у береговъ Чернаго моря, Каспія, жителей большихъ рѣчныхъ басейновъ, жителей большихъ озеръ, и получится круглая цыфра, достаточная нетолько для будущаго комерческаго флота Россіи, но и обѣщающая при толковомъ вниманіи къ ея образованію, при нѣкоторыхъ средствахъ, употребленныхъ къ обезпечиванію ея существованія, обѣщающая дать нашему военному флоту если и не постоянный источникъ его силы, то покрайней-мѣрѣ хорошій резервъ, почти ничего нестоющій правительству и между тѣмъ въ случаяхъ быстраго снаряженія большаго отряда судовъ, резервъ всегда способный пополнить кадры военныхъ матросъ, кадры, обезпечиваемые практическими плаваніями эскадръ въ внутреннихъ моряхъ (какъ напримѣръ балтійская практическая эскадра) посылками отдѣльныхъ судовъ заграницу *и которыхъ благоразуміе и пониманіе дѣла конечно заставитъ всегда готовить исподволь!* Какія именно мѣры и средства могли бы развить въ приморскихъ жителяхъ желаніе предаться морской жизни, составляло уже предметъ нѣсколькихъ дельныхъ статей «Морского Сборника» и вѣроятно послужитъ темой особеннаго изученія и изслѣдованія спеціалистовъ, командируемыхъ морскимъ министерствомъ собственно съ этою цѣлью. Важность развитія нашего собственнаго купеческаго флота доступна самымъ близорукимъ. Важность эта, какъ основательно доказываетъ г. Шавровъ въ статьѣ *Восточный берегъ Чернаго моря* («Морской Сборникъ» сентябрь и октябрь 1862), удесятерится для Чернаго моря съ прорытіемъ Суезскаго канала, для Балтійскаго она уже и теперь осязательна, а потому нѣтъ сомнѣнія съ проходомъ финансоваго кризиса, на этотъ капитальный вопросъ обратятъ наконецъ больше вниманія. Въ ожиданіи же доказавъ фактически, что и съ тѣмъ что уже есть подъ рукой, русскій военный флотъ имѣетъ хорошихъ матросъ, мы теперь перейдемъ къ третьему условію, которое по словамъ г. Ксавье-Раймона, а такъ же на основаніи до сихъ поръ общепринятаго мнѣнія, необходимо для пополненія и обезпечиванія двухъ первыхъ условій (денегъ и морского народонаселенія). Это третье условіе — промышленность, промышленное могущество и обойти молчаніемъ его прежнее и настоящее значеніе для военныхъ морскихъ силъ, безъ сомнѣнія было бы крайне не логично.

Дойдя до того, что такое русская промышленность, невозможно не почувствовать тягостнаго и совершенно понятнаго чувства раз-

Digitized by Google

чарованія; разочарованія не потому, чтобы ея вовсе не было, нѣтъ: промышленность есть и даже какъ-будто-бы имѣетъ желаніе начать пошевеливаться нѣсколько скорѣй чѣмъ прежде; разочарованіе происходитъ отъ сравненія нашихъ средствъ, нашего природнаго богатства съ средствами и тѣмъ, чѣмъ надѣлила природа сосѣдей; разочаровываютъ главное результаты сравненія того что другіе дѣлаютъ съ малымъ и что мы могли бы, но что у насъ такъ плохо клѣится со многимъ! Къ счастью въ отношеніи, въ которомъ промышленность необходима для парового флота, она двигается еще несовершенно дурно; такимъ образомъ машинное производство стоитъ уже на довольно твердой почвѣ и если (въ чемъ трудно сомнѣваться) правительство станетъ продолжать заказы нашимъ заводчикамъ какъ до-сихъ-поръ дѣлало даже съ нѣкоторыми пожертвованіями (въ быстротѣ исполненія, тщательности работы и относительно большей стоимости машинъ) (¹), то можно надѣяться, что чрезъ нѣсколько лѣтъ мы выйдемъ наконецъ изъ тягостной зависимости англичанъ. Въ подтвержденіе послѣдняго и чтобы видѣть какія услуги промышленность уже успѣла оказать военному флоту не смотря на ея младенческое состояніе въ Россіи, возьмемъ нѣсколько фактовъ еще свѣжихъ въ памяти; такъ напримѣръ, во время восточной войны, въ два года (1855 и 1856) построено 14 паровыхъ корветовъ, 6 клиперовъ и 75 винтовыхъ канонерскихъ лодокъ: сложность ихъ машинъ представляетъ около 9,000 паровыхъ силъ и если такая цыфра вдвое меньше того что успѣло доставить англійское машинное производство въ одинаковый періодъ времени, то кому неизвѣстно давно ли мы обзавелись заводами?.. Въ русскомъ флотѣ въ настоящее время 248 паровыхъ судовъ съ нарицательнымъ числомъ силъ въ 37 тысячъ; болѣе 16 тысячъ построено въ Россіи, а такая цыфра свидѣтельствуетъ довольно убѣдительно, что машинное дѣло у насъ все же не стоитъ на мѣстѣ!.. Правда, чтобы быть вполнѣ справедливымъ необходимо прибавить, что первые опыты не всегда отличались удачей и стоили дорого, что паровыя машины клиперовъ и корветовъ были неудовлетворительны, доставляли много хлопотъ механикамъ, много скверныхъ часовъ на долю командировъ и офицеровъ, плававшихъ съ ними на Амуръ и обратно. Все это совершенно справедливо и между-тѣмъ ни сколько не-

(¹) Машина въ 800 силъ фрегата Олегъ, приобрѣтенная съ одного изъ лучшихъ заводовъ Англіи (Modslayand Fild) обошлась правительству 349,358 руб. 97 к. Механизмъ для фрегата Александръ-Невскій въ то же число силъ стоитъ на Ижорскихъ заводахъ 417,728 руб. и одинаковая же сумма (т. е. 417,725 руб.) издержана на машину въ 800 же силъ фрегата Дмитрій-Донской, заказанную на заводѣ Берда въ С. Петербургѣ.

Digitized by Google

мѣшаетъ надеждѣ на лучшее, тѣмъ болѣе, что принимая въ расчетъ при какихъ обстоятельствахъ исполнялись заказы, помня хорошо съ какимъ препятствіемъ, предубѣжденіями и недостатками приходилось бороться, мы видимъ послѣдніе образчики русскаго механическаго производства, такіе напримѣръ какъ машины фрегатовъ Ослябя и Пересвѣтъ, машины въ 800 силъ фрегатовъ Дмитрій-Донской и Александръ-Невскій, вполнѣ оправдывающіе наше мнѣніе и свидѣтельствующіе, что хотя русскимъ заводчикамъ не хватаетъ еще коечего въ исполненіи контрактовъ на срокъ; хотя заказы, дѣлаемые имъ, стоятъ дороже чѣмъ въ Англіи, но что при всемъ этомъ, относительно тщательности и чистоты отдѣлки успѣхъ близокъ къ переходу изъ надежды въ дѣйствительность. Обращаясь къ постройкѣ судовъ, выводы, представляемые на судъ читателей, походя въ началѣ на то что сказано о русскомъ машинномъ производствѣ, даютъ результаты еще утѣшительнѣе и на основаніи ихъ и общаго правила, построеннаго на аксіомѣ: *что всякое дѣло, какъ-бы оно сначала ни казалось труднымъ, при сознаніи его необходимости, настойчивостію и энергіею доводится до совершенства*, — мы твердо вѣримъ, что еслибы примѣръ другихъ государствъ заставилъ Россію приступить къ перестройкѣ флота изъ деревяннаго въ желѣзный, то при изобиліи матерьяловъ для такой перестройки, русскіе корабельные инженеры и заводы дадутъ намъ возможность не отстать и на этомъ пока еще совершенно новомъ поприщѣ; теперь же перейдемъ къ настоящему. Суда наши строились и строятся съ подряда и казенными средствами и какъ тѣмъ такъ и другимъ образомъ постройка ихъ еще не очень давно производилась до того неудовлетворительно, что не проходило ни одного дальнаго, даже самаго обыкновеннаго плаванія безъ захода въ доки, безъ исправленій въ заграничныхъ портахъ, не только дорого стоившихъ, но и выставлявшихъ на показъ спеціялистамъ и морякамъ другихъ странъ младенческое и жалкое состояніе русской корабельной архитектуры! Подобное положеніе дѣлъ немогло долго длиться и благодаря гласности, мало того, что дозволенной, но даже поощряемой, во флотѣ неудачи сдѣлались публичными, стали обсуживаться въ Морскомъ Сборникѣ. Въ офиціальномъ отдѣлѣ этого журнала появились рапорты командировъ, прямо и рѣзко говорившихъ о недостаткахъ своихъ судовъ, о необходимости, о средствахъ къ ихъ устраненію; на нашихъ верфяхъ закипѣла иного рода дѣятельность; корабельные инженеры, получивъ извѣстный процентъ со стоимости судна, болѣе обезпеченные чѣмъ прежде въ матерьяльномъ отношеніи, имѣя передъ собою суда, построенныя по лучшимъ образцамъ въ Соединенныхъ-штатахъ, во Франціи и въ Англіи, проникнутые наконецъ духомъ времени и тяжестью от-

Digitized by Google

вѣтственности, вышедшей изъ тѣсныхъ предѣловъ департаментовъ, корабельные инженеры стали строить такіе суда, съ которыми намъ морякамъ не совѣстно показаться на какомъ бы то ни было иностранномъ рейдѣ. Таковы большіе фрегаты Олегъ, Дмитрій-Донской, Александръ-Невскій, таковы въ особенности новые клиперы Алмазъ Жемчугъ и другіе. Частныя верфи Финляндіи служили и еслибы оказалось нужнымъ продолжать деревянныя постройки, то еще и послужатъ большой подмогой казеннымъ адмиралтействамъ. Суда ими созданныя нисколько не уступаютъ англійскимъ, и клиперъ Абрекъ, одинъ изъ нихъ, находящійся теперь на станціи у береговъ Китая, составляетъ предметъ восхищенія моряковъ китайскаго моря и Восточнаго Океана... (¹) Подобные результаты конечно весьма удовлетворительны и могли бы быть достаточными, еслибы морское искуство двигалось впередъ медленѣе чѣмъ оно движется, или если бы вопросъ о будущности флота не былъ въ совершенной зависимости отъ исхода опытовъ надъ броней и надъ нарѣзными орудіями. Морскіе офицеры и инженеры, пользующіеся авторитетомъ и уваженіемъ, посланы правительствомъ для того чтобы слѣдить на мѣстѣ за рѣшеніемъ вопроса и какъ слышно, они въ скоромъ времени познакомятъ публику съ результатомъ своихъ наблюденій; теперь же высказавъ личное мнѣніе по этому предмету мы доказали, что за элементами нужными для флота въ Россіи недостатка не будетъ. Что касается до послѣдняго изъ нихъ т. е. до машиннаго производства, мы имѣемъ всѣ причины думать, что призванное играть такую важную роль въ недалекомъ будущемъ, оно обращаетъ все вниманіе морской администраціи и какъ ни пріятно въ мирное время имѣть исправные суда, прекрасныя могущественныя паровыя машины, непроницаемыя блиндированныя батареи и канонерскія лодки, *но еще пріятнѣе и главное еще важнѣе* неочутиться въ невозможности строить ихъ у себя дома въ военное время когда обращаться за помощью къ сосѣдямъ будетъ не всегда удобно! Безъ сомнѣнія при начальныхъ опытахъ съ желѣзными судами намъ нельзя обойтись безъ заграничныхъ заказовъ, всегда разорительныхъ, безъ сомнѣнія Италія, Испанія, Данія и другія государства прибѣгаютъ къ нимъ, *но какъ бы дорого намъ ни стала наука, мы должны усвоить ее* и наше сравненіе чѣмъ были наши военныя суда 5 лѣтъ назадъ и что они теперь, другія условія, обладаемыя Россіей для со-

(¹) Абрекъ обогналъ недавно на нѣсколько часовъ при входѣ въ Шинхай англійскій пароходъ Лаймунъ, знаменитый своимъ ходомъ и построенный извѣстнымъ коммерческимъ домомъ Dent and C° для того чтобы онъ могъ обгонять всѣ англійскіе почтовые пароходы.

Digitized by Google

держанія флота, все это взятое вмѣстѣ съ военной и политической необходимостью развитія морскихъ силъ обѣщаетъ успѣхъ, если и не чрезвычайно быстрый, то тѣмъ не менѣе дѣйствительный!..

Ну чтоже, хоть бы и такъ, скажутъ читатели, хоть бы доводы ваши о русскомъ флотѣ и не лишены были основанія, все же что значитъ то что́ мы можемъ выставить на морѣ въ сравненіи съ тѣмъ что могутъ выставить англичане; какую пользу принесетъ Россіи ея незначительный флотъ, чѣмъ оправдываются пожертвованія на его содержаніе, какое вліяніе возможно для него въ политическомъ отношеніи, какое значеніе въ военномъ? Отвѣчать на такія возраженія мы беремся тѣмъ съ большей охотой, что между нападками на флотъ ихъ не рѣдко приходилось слышать, и на первый планъ почти всегда выдвигается ничтожность нашихъ силъ сравнительно съ Англіей. Отвѣтъ мы и начнемъ съ того, что скажемъ: «Да, дѣйствительно, число нашихъ судовъ незначительно, *но нынче уже доказано, что сила флота измѣряется не количествомъ, а качествомъ*, и если намъ удастся достигнуть, чтобы строя не много, мы строили дѣйствительно хорошо; если каждое изъ русскихъ военныхъ судовъ выйдя изъ порта готово будетъ по первому приказанію идти немедленно въ какую бы часть свѣта его ни послали; если мы достигнемъ, чтобы суда наши относительно крѣпости постройки, удобства внутренняго расположенія, вооруженія артилеріей и развитія морскихъ качествъ экипажа не только бы не уступали англійскимъ судамъ, но были бы совершенствомъ своего рода, тогда (сейчасъ докажемъ справедливость всего здѣсь сказаннаго фактами), восемь или десять большихъ фрегатовъ, столько же корветовъ, дюжина ходоковъ клиперовъ, нѣсколько броненосныхъ батарей и возможно большое число броненосныхъ канонерскихъ лодокъ, тогда этотъ совершенно вѣроятный и пропорціональный средствамъ государства составъ флота, обезпечивая наши берега и политическое значеніе, поставитъ почетное мѣсто Россіи между морскими державами и заставитъ уважать нашъ флагъ. Конечно такой составъ будетъ полезнѣе, несравненно полезнѣе тѣхъ десятковъ сто-пушечныхъ и осьмидесяти-пушечныхъ кораблей, которые вытянутые въ струнку отъ Толбухина маяка и до передовыхъ батарей Кронштадта, конечно тѣшили на смотрахъ наше самолюбіе многочисленностью и красивымъ наружнымъ видомъ, но построенные на старыхъ началахъ, изъ дряблаго сосноваго лѣса, съ командами, бывшими въ морѣ два много три мѣсяца, были все-таки дрянными судами: *численность ихъ ровно ничего незначила* и не смотря на все желаніе адмираловъ и офицеровъ, не смотря на природныя добрыя качества матросъ, *ложная система, ложныя начала, на которыхъ она была создана, взяли*

Digitized by Google

свое, тѣмъ болѣе что къ невзгодамъ тогдашняго положенія, присоединилось повсемѣстное введеніе паровыхъ судовъ и именно въ то время, когда довольствуясь нѣсколькими колесными пароходами, мы торопились настроить какъ можно болѣе парусныхъ. Подоспѣла война, англичане и французы запрудили Балтику могучими винтовыми кораблями; нашимъ паруснымъ оставалось лишь убраться подъ прикрытіе береговыхъ батарей и вотъ тутъ-то и закричали всѣ, что флотъ безполезенъ, тутъ-то и нужно искать начало того мнѣнія, что мы безсильны противъ англичанъ, здѣсь зародышъ недовѣрія и нерасположенія ко всему морскому въ Россіи!.. Теперь дѣло иначе складывается и не говоря уже, что окончательное введеніе пара даетъ новымъ судамъ болѣе подвижности, усовершенствованное нарѣзное орудіе и возможный результатъ опытовъ надъ броней положительно измѣняютъ всѣ условія обороны и не только лишаютъ надежды укрыть наши корабли, наши фрегаты за фортами Кронштадта, но еще напротивъ, ставятъ эти нѣкогда столь грозные форты въ прямую зависимость отъ развитія нашихъ морскихъ силъ... Трудна, и щекотлива такая роль, но на основаніи науки и новѣйшихъ открытій она выпала на долю флота *и онъ изъ покровительствуемаго обращается волей неволей въ покровителя!* Вопросъ такъ важенъ, *Кронштадтъ такъ близокъ къ Петербургу*, что дѣло о его оборонѣ заслуживаетъ болѣе подробнаго разбора, приступая къ которому, мы прежде всего спросимъ читателей, къ чему послужатъ сотни орудій, покрывающія укрѣпленія, еще такъ недавно бывшія въ состояніи обезпечить столицу, къ чему послужатъ форты, стоившіе мильоны, если англичанамъ вздумается прислать эскадру батарей вродѣ изобрѣтенныхъ капитаномъ Кользомъ и дюжины двѣ-три броненосныхъ канонерскихъ лодокъ?... Въ началѣ статьи, говоря о извѣстныхъ пока результатахъ шебуринскихъ опытовъ, мы усомнились въ томъ, чтобы Англія могла выстроить суда дѣйствительно непроницаемыя, способныя идти за океаны, но дѣлая подобные выводы, мы тамъ же сказали, что нисколько не сомнѣваемся. что постепеннымъ утолщеніемъ брони можно наконецъ достигнуть непроницаемости судовъ, предназначенныхъ къ недалекимъ плаваніямъ, а Кронштадтъ не далеко отъ Портсмута и если неуклюжія наполеонскія батареи добрались до Кинбурна, то усовершенствованнымъ батареямъ и лодкамъ англичанъ безъ особеннаго труда (въ особенности же въ лѣтніе мѣсяцы) можно будетъ дойти до Кронштадта... Подойдя къ укрѣпленіямъ и не встрѣтивъ батарей и лодокъ, которыя были бы въ состояніи остановить ихъ движеніе, англійскіе моряки, неуязвимые (или по крайней-мѣрѣ трудно уязвимые) за своими желѣзными стѣнами, дѣйствуя колосальными орудіями пробивающими даже пяти-

Digitized by Google

дюймовыя желѣзныя плиты, легко справятся съ кронштадскими фортами (¹) (даже можетъ-быть не обратятъ на нихъ вниманія и пройдутъ мимо), а тогда гдѣ же преграда на пути къ Петербургу? Какъ и чѣмъ защитить столицу государства, какъ не видѣть безвыходнаго положенія, выпадающаго намъ на долю, и *какимъ образомъ несогласиться въ настоятельной необходимости наибольшаго развитія нашихъ морскихъ силъ?* Да, — но вѣдь какъ ни увеличивайте вы ваши силы, приходитъ въ голову очевидное возраженіе: англичане всегда могутъ прислать къ Кронштадту болѣе чѣмъ Россія въ состояніи выставить для его обороны и мы опять таки будемъ не въ состояніи остановить ихъ! Не отрицая подобной случайности, замѣтимъ: что вопервыхъ, фарватеры, ведущіе къ Кронштадту, узки, большія эскадры развернуть на нихъ трудно, мимо однихъ фортовъ непріятель могъ бы пройти, но если между послѣдними помѣстится нѣсколько блиндированныхъ фрегатовъ и 7 или 8 непроницаемыхъ батарей, способныхъ благодаря пару перемѣнять мѣсто, если фланги такой эскадры будутъ прикрыты однимъ или другимъ десяткомъ канонерскихъ лодокъ, съ помощью того же пара быстро переносящихся отъ одного угрожаемаго пункта атаки къ другому, то не дѣйствительна ли будетъ тутъ помощь, приносимая флотомъ и не совершенно ли измѣняетъ она условія обороны? *Вовторыхъ* такой же отрядъ лодокъ (понятно, что чѣмъ больше тѣмъ лучше), расположенный въ шхерахъ, командуемый офицерами, заранѣе подготовленными къ назначенію, хорошо знакомыми съ мѣстностью, всегда принесетъ существенную пользу какъ потому, что недастъ непріятелю безнаказанно хозяйничать на нашихъ берегахъ (какъ онъ хозяйничалъ въ послѣднюю войну), такъ и потому что привлекая на себя часть непріятельскихъ силъ, будетъ угрожать отдѣльнымъ судамъ и отрядамъ. *Въ третьихъ* немногочисленный даже, но хорошо содержимый флотъ, разумно соображаемый съ нуждами страны, во всякомъ случаѣ принесетъ хотя ту относительную выгоду, что зная о его существованіи, для нападенія на Россію нужно будетъ употребить больше силъ, больше денегъ и тамъ, гдѣ еслибы флота небыло или еслибы онъ былъ плохъ и ничтоженъ, успѣхъ обезпечивался съ 15 и 20 судами различныхъ формъ и величины, тамъ понадобится ихъ цѣлая сотня а слѣдовательно понадобятся такія средства, употребить которыя можетъ заставить уже не одна политическая прихоть, раздражонное (часто неумѣренное) чувство національнаго самолюбія какъ у англичанъ или

(¹) Предположивъ даже, что изобрѣтутъ такія орудія которыя пробьютъ всякую броню, страшная цѣнность этихъ орудій лишаетъ насъ надежды въ скоромъ времени вооружить ими форты всѣхъ нашихъ приморскихъ крѣпостей.

Digitized by Google

славолюбія какъ у французовъ, понадобятся средства, требующія напряженія всѣхъ силъ государства, *а потому нападеніе на насъ можетъ послѣдовать лишь въ крайнемъ случаѣ дѣйствительной необходимости!* Теперь, чтобы уничтожить послѣдніе доводы, которые намъ могутъ выставить, надобно опровергнуть еще одно мнѣніе, нерѣдко слышанное въ кружкахъ, серьозно интересующихся вопросомъ; мнѣніе это основано на возможности затопить старыя суда на всѣхъ фарватерахъ, ведущихъ къ Петербургу и тѣмъ сдѣлать его положительно недоступнымъ англійскимъ эскадрамъ, какъ бы они грозны и многочисленные ни были. Дѣйствительно, на первый взглядъ кажется нѣтъ ничего легче, но подумавъ немного о послѣдствіяхъ, врядъ ли не придется отказаться отъ подобной мѣры, отказаться *вопервыхъ* отъ того, что затопленіе фарватеровъ окончательно и безвозвратно дѣлаетъ непріятельскій флотъ полновластнымъ господиномъ нашихъ береговъ, *вовторыхъ*, зная о существованіи эскадры, состоящей изъ такихъ судовъ, какъ мы говорили выше, т.-е. лучшихъ образчиковъ своего рода, эскадры немногочисленной, но которая, пользуясь парами и туманомъ, всегда готова вылетѣть въ море, англичане должны будутъ держаться соединенно: для блокады или угрозы Петербургу имъ понадобится собрать всѣ свои силы и такимъ образомъ они уже не будутъ въ состояніи по первому неудовольствію, по первой исторіи, вродѣ скандалезной исторіи Пасифико въ Греціи, отрядить десятокъ кораблей и фрегатовъ и съ ними (оставляя даже въ сторонѣ намѣреніе брать Кронштадтъ, жечь Петербургъ), дѣлать все что имъ угодно: захватывать купеческіе суда, угрожая бомбардированіемъ налагать контрибуціи на приморскіе города, прекращать нашу торговлю, однимъ словомъ поступать такъ, какъ имъ заблагоразсудится. Кчему тутъ послужитъ прекрасная многочисленная армія? кчему тогда всѣ эти гранитныя крѣпости?.. Покройте берега отъ Выборга и до Нарвы тремя-четырьмя стами тысячъ солдатъ, наставьте сколько хотите орудій, что вы сдѣлаете съ ними этому десятку судовъ? Будете ли вы въ состояніи взять, уничтожить ихъ? Съ практической эскадрой, содержимой постоянно въ каналѣ, не прибѣгая ни къ какимъ расходамъ, ни къ какимъ особеннымъ мѣрамъ, не затрачивая лишней копѣйки, Англія посмѣется надо всѣми нашими усиліями. Участь великаго народа отдается на жертву краснорѣчія какого-нибудь джентльмена, представляющаго въ парламентѣ интересы Гулля или Ливерпуля, участь государства съ семидесятью мильонами жителей останется во всегдашней зависимости отъ интересовъ эгоистической политики страны, жертвующей всѣмъ комерческимъ выгодамъ и не только этой страны, но Франціи, Соединенныхъ-штатовъ, Испаніи, Италіи, Пруссіи, Шве-

Digitized by Google

ціи, Даніи, всѣхъ тѣхъ, которыя владѣютъ флотомъ, *всѣхъ тѣхъ однимъ словомъ, которыя, понимая современное значеніе морскихъ силъ, стараются ихъ развить и усовершенствовать!..* Можно затопить фарватеры, говорятъ намъ: — но вѣдь подобное средство защиты столицы не составляетъ ли уже само по себѣ высочайшую степень самоуниженія? Да и есть ли наконецъ дѣйствительная возможность затопить фарватеры такъ, чтобы не оставалось нигдѣ лазейки для канонирскихъ лодокъ, сидящихъ въ водѣ 7 или 8 футъ какъ тѣ, что теперь составляютъ флотилію англійскихъ мелкихъ судовъ, или сидящихъ въ водѣ 6, 5 и даже 4 фута, какъ тѣ, какіе можно выстроить и какіе безъ сомнѣнія будутъ построены? Затопить фарватеры, ведущіе къ Кронштадту и Петербургу, да это значитъ своими руками уничтожить ихъ комерческое значеніе въ будущемъ, и если въ пять лѣтъ времени послѣ восточной войны невполнѣ могли очистить входъ въ севастопольскую бухту, то сколько понадобится времени, усилій, средствъ, чтобы очистить фарватеры Кронштадта, въ особенности фарватеръ Невы, подверженный песчанымъ наносамъ съ верховьевъ? Что будетъ дѣлать въ такомъ случаѣ наша морская торговля? какъ обойтись безъ нея? и наконецъ, повторяемъ еще разъ, затопленіе фарватеровъ невсегда вѣрное средство спасенія. Морское искуство, артиллерія, машинное производство, съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ идутъ огромными шагами къ совершенству. Знаменитый англійскій морякъ графъ Дондональдъ семь лѣтъ тому назадъ мечталъ же о плотахъ, сидящихъ нѣсколько дюймовъ въ водѣ и вооруженныхъ каждый однимъ орудіемъ большого калибра; такіе плоты предполагалось разобрать по частямъ, перевести на транспортахъ въ Балтику, собрать ихъ снова на мѣстѣ дѣйствія и потомъ подъ покровительствомъ эскадры мелко-сидящихъ лодокъ везти на кронштадскіе форты. Чтоже будетъ, если суда, углубленныя въ водѣ хотя и нѣсколько болѣе, да удастся покрыть непроницаемой броней? Какъ и чѣмъ, кромѣ флота, уберечь отъ нихъ Петербургъ? Какимъ образомъ, видя до какихъ необыкновенныхъ результатовъ достигли нынче военныя изобрѣтенія, можно положительно утверждать, что идеѣ Дондональда суждено навсегда оставаться мечтою? Наука еще не сказала своего послѣдняго слова, а на основаніи того что она намъ покуда выяснила, государствамъ, примыкающимъ къ морямъ, необходимо позаботиться о морскихъ силахъ; *необходимость эта стоитъ на ряду съ политической самостоятельностью* и теперь, представивъ то чѣмъ русскій флотъ можетъ быть для защиты важнѣйшаго приморскаго пункта Россіи, указавъ оборонительное значеніе нашихъ морскихъ силъ, постараемся объяснить все что возможно для нихъ въ наступатель-

Digitized by Google

номъ (1), для чего попросимъ обратить вниманіе на ту дюжину клиперовъ, о которой уже упоминалось при перечисленіи возможнаго состава русскаго флота. Клипера-то эти и есть наше наступательное оружіе, и для читателей не спеціалистовъ прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о томъ что такое подобныя суда? Военный паровой клиперъ (какъ тѣ, что нынѣшней осенью ушли въ Восточный океанъ и въ Соединенные-штаты) прежде всего строится съ цѣлью быть въ военное время полезнымъ крейсеромъ, для чего первое условіе наибольшій ходъ подъ парами; если же при незначительномъ числѣ команды клиперъ беретъ на продолжительное время провизіи и угля, вооруженъ орудіями огромныхъ калибровъ, отличается хорошими морскими качествами, то соединеніе всѣхъ этихъ условій, да еще въ искусныхъ рукахъ, дѣлаетъ его (т.-е. клиперъ) неоцѣненнымъ орудіемъ, способнымъ нанести государству, имѣющему большой комерческій флотъ, много вреда, а десятокъ подобныхъ клиперовъ безъ всякаго сомнѣнія заставятъ призадуматься Англію несравненно болѣе чѣмъ стотысячная армія!.. (2) Какъ ни кажется невѣроятнымъ такое мнѣніе, основательность его подтвердятъ многочисленные факты, какъ изъ прошедшаго, такъ и изъ того что дѣлается въ настоящее время; такъ откидывая въ сторону хлопчато-бумажный вопросъ (какъ ни трудно, но обходятся же теперь англійскія фабрики безъ американскаго хлопка), спрашивается, гдѣ причина необыкновенной уклончивости, снисходительности и даже уступчивости англійской политики въ отношеніи къ американцамъ? отчего такое страшное волненіе по всей Англіи при первой возможности разрыва по дѣлу командора Вилькса? отчего теперь, подвергая всѣмъ ужасамъ голода сотни тысячъ рабочихъ своихъ фабричныхъ городовъ, министерство Пальмерстона и Джонъ-Росселя не смѣетъ признать Южныхъ штатовъ? Отвѣтъ простой: англичане боятся американскихъ крейсеровъ, именно крейсеровъ, а не флота, весьма и весьма незначительнаго; англичане хорошо помнятъ какой вредъ, какіе убытки уже понесли они въ прошлой вой-

---

(1) Наступательное значеніе русскаго флота мы конечно показывали *только имея въ виду, что возможность наступленія увеличиваетъ силу обороны.*

(2) Клипера наши, построенные въ послѣднее время и тѣ, которые еще оканчиваются, представляются именно такими судами. Выстроенные съ особенною тщательностью изъ превосходнаго дуба, съ могучими машинами, дающими имъ 13 узловъ хода, вооруженныя тремя большими поворотными орудіями самыхъ большихъ калибровъ и четырьмя нарѣзными, имѣя немного команды, большой запасъ провизіи и угля на двѣнадцать дней, суда эти составляютъ надежду всѣхъ вѣрующихъ въ возможность и пользу крейсерства въ военное время и мы не сомнѣваемся, что въ случаѣ нужды, надеждѣ суждено осуществиться.

Digitized by Google

нѣ отъ американскихъ каперовъ. Морякамъ понеобходимости и по призванію, имъ лучше чѣмъ кому-нибудь другому извѣстно, что если по открытіи военныхъ дѣйствій англійскому флоту не составитъ особеннаго труда справиться съ пятнадцатью или двадцатью американскими фрегатами и корветами, то съ отдѣльными крейсерами будетъ справиться гораздо труднѣе, да и врядъ ли возможно! За примѣрами недалеко ходить, стоитъ лишь вспомнить 1812 годъ; славное крейсерство капитана Портера на фрегатѣ Essex еще у многихъ въ памяти. Впродолженіи трехъ лѣтъ безчисленныя эскадры Англіи ловили американскаго моряка-героя: онъ взялъ нѣсколько десятковъ купеческихъ судовъ, нанесъ убытковъ англійской торговлѣ на 13 мильоновъ франковъ, и еслибы примѣръ приведенный здѣсь показался несвоевременнымъ, на томъ основаніи, что тогдашнія суда были еще парусными, то совершенно свѣжія похожденія парохода Южныхъ-штатовъ Sumter'а, показываютъ, что введеніе пара нисколько не измѣнило вопроса. Кто изъ нашихъ читателей не слыхалъ имя Sumter'а, кто не читалъ про молодецкія штуки, выкидываемыя имъ съ военными судами Сѣверныхъ-штатовъ; кто не видалъ портрета его во всевозможныхъ илюстраціяхъ, а въ самомъ дѣлѣ что такое Sumter?.. Дрянной купеческій пароходъ, имѣющій полсотни команды, одну пушку на поворотной платформѣ, нѣсколько орудій по бортамъ, незамѣчательный ни крѣпостью постройки, ни даже особенно-скорымъ ходомъ. Казалось бы чего легче, какъ взять и уничтожить его, а между тѣмъ посмотрите сколько времени, усилій, средствъ сѣверо-американцы употребляли для этого; посмотрите какъ Sumter выхватываетъ и сожигаетъ десятокъ купеческихъ судовъ Янки, полюбуйтесь какіе лихіе подвиги выкидываетъ онъ, какъ отъ береговъ Америки перелетаетъ къ берегамъ Бразиліи, какъ сегодня въ Мартиникѣ, онъ черезъ мѣсяцъ смотришь появляется на Средиземномъ морѣ и жгетъ богатаго купца въ виду Гибралтара (¹)! Нѣтъ, хорошій крейсеръ, ловко управляемый, можетъ надѣлать бездну хлопотъ государству съ всемірной морской торговлей; трудно, чрезвычайно трудно поймать его на широкомъ раздольѣ морей и океановъ, и если «Essex» могъ нанести столько убытковъ, если дрянной купеческій пароходъ какъ «Sumter» прогремѣлъ на весь свѣтъ, то что же въ состояніи сдѣлать десятокъ клиперовъ вродѣ описанныхъ нами? не пригодятся ли они намъ, и не будутъ ли они единственнымъ наступательнымъ оружіемъ при

(¹) Послѣдніе журналы расказываютъ чудеса про новый каперъ южныхъ штатовъ, пароходъ Alabama, взявшій и истребившій до сихъ поръ 22 купеческихъ судна сѣверо-американцевъ.

Digitized by Google

необходимости войны съ морской державой вродѣ Англіи?.. Тутъ мы очень хорошо знаемъ, что возраженія посыпятся градомъ; намъ навѣрное укажутъ на то что мы сами же говорили о 600 вымпелахъ въ распоряженіи англійскаго адмиралтейства; заранѣе уже слышимъ упреки въ излишней самонадѣянности и сколько разъ, даже въ морскихъ кружкахъ, приходилось оспаривать мнѣніе о томъ, что при своихъ громадныхъ средствахъ англичане непозволятъ ни одному изъ русскихъ судовъ высунуться изъ порта!.. Что же, и мы повторимъ вмѣстѣ со всѣми: да, англичане имѣютъ колосальный флотъ! да, неисчерпаемы и безчисленны средства Англіи, но зато безчисленны и нужды, *поле же дѣйствій — весь земной шаръ!*.. На этомъ основаніи, предполагая самое худшее и почти невозможное, предполагая, что забывъ тяжкіе уроны прошедшей войны, откинувъ въ сторону основныя условія здравой политики, мы вслѣдствіе какой-нибудь непредвидимой необходимости, вынуждены будемъ имѣть войну съ Англіей одни, необезпечивъ себя союзомъ съ другими морскими державами, должны будемъ положиться только на то что сами имѣемъ, — и что же? Даже въ этой печальной обстановкѣ, клипера, или говоря вообще наши крейсеры сдѣлаютъ свое дѣло, а чтобы предупредить сомнѣнія стоитъ только вспомнить какъ придется англичанамъ разбросать свой флотъ. Зная, что морскія силы Россіи въ хорошемъ состояніи, имъ необходимо будетъ сосредоточить большую эскадру въ Балтикѣ, эскадру для блокады береговъ Чернаго моря; понадобится поддерживать значительный флотъ въ Средиземномъ морѣ и въ Англійскомъ каналѣ, усилить морскія станціи у береговъ Соединенныхъ-штатовъ (всегда ненадежныхъ чуть затемняется политическій горизонтъ Англіи), у береговъ Бразиліи, вестъ-и остъ-Индіи, у мыса Доброй-Надежды. Поморье наше Восточнаго океана при своемъ большомъ протяженіи потребуетъ строгой блокады, потребуется слѣдовательно удвоить и утроить число англійскихъ судовъ китайской эскадры; остается потомъ Новая Голандія, берега западной Америки съ портами, удобными для сбыта призовъ, безчисленные острова Тихаго Океана, этотъ лабиринтъ, представляющій такое множество источниковъ для крейсерства; остается конвоированіе и покровительство нѣсколькихъ тысячъ купеческихъ судовъ, которымъ изъ опасенія возможности наткнуться на непріятеля, придется сбираться по нѣскольку вмѣстѣ и требовать (какъ они въ прежнія войны и дѣлывали) прикрытія военнаго флага; остается еще наконецъ защита десятковъ колоніальныхъ портовъ и торговыхъ пунктовъ, огромное число кототорыхъ не допускаетъ и мысли объ обезпечиваніи ихъ обороны

Digitized by Google

надежными крѣпостями, а сообразивъ все это, нельзя не согласиться, что въ англійскомъ морскомъ всемогуществѣ есть своя слабая сторона, есть своего рода ахилесова пятка!.. На станціи у береговъ Амура мы всегда имѣемъ шесть-семь исправныхъ военныхъ судовъ, три или четыре судна составляютъ эскадру Средиземнаго моря, вотъ уже десять судовъ, а какъ война никогда не объявляется вдругъ, то слѣдовательно число это можно всегда удвоить; можно будетъ наконецъ его усилить исподволь подъ какимъ-нибудь предлогомъ и необращая ни чьего вниманія. Электрическій телеграфъ изъ Петербурга доведенъ до Омска; отъ устья Амура уже ведутъ его до Хобаровки на устьѣ рѣки Уссури (¹); линія отъ Хобаровки до Омска не представляетъ особенныхъ затрудненій и мы имѣемъ полное право надѣяться, что черезъ три-четыре года депеша, посланная изъ Петербурга, можетъ быть получена черезъ два, много три дня начальникомъ русской эскадры Восточнаго океана. Вотъ и средство принять мѣры заранѣе, вотъ и возможность крейсерамъ выдти въ морѣ, а разъ на свободѣ, чтобы поймать десятокъ клиперовъ, приспособленныхъ для ихъ назначенія, понадобятся сотни англійскихъ судовъ, понадобятся мѣсяцы, а можетъ-быть и годы времени. Приведенный выше примѣръ американскаго фрегата «Essex» показываетъ, что предположенія наши основаны на исторіи морскихъ войскъ, а «Essex» еще былъ одинъ, на немъ было много команды, которую въ подобныхъ обстоятельствахъ трудно продовольствовать; онъ сидѣлъ глубоко въ водѣ и главное не имѣлъ паровъ, дающихъ средства во всякое время, при всякой погодѣ вскочить въ какой бы то ни было портъ, подойти къ какому бы то ни было подвѣтренному берегу! Возьмемъ теперь собраніе случайностей еще болѣе невыгодныхъ, предположимъ, что вмѣсто десяти клиперовъ, или вмѣсто тѣхъ двадцати судовъ, которыя можно будетъ выслать въ море подготовившись, не торопясь, война застанетъ насъ такъ неожиданно, что англичане успѣютъ покрыть блокадными эскадрами всѣ берега Россіи, то все же таки мы имѣемъ суда на заграничныхъ станціяхъ, имѣемъ политическихъ агентовъ, слѣдящихъ за положеніемъ дѣлъ. Командиры нашихъ судовъ читаютъ газеты, слѣдовательно всегда могутъ приготовиться, могутъ заблаговременно выбраться на просторъ; потомъ блокада въ настоящее время не въ состояніи дать такихъ результатовъ какъ въ прежніе годы, когда не было пара; берега русскихъ владѣній,

(¹) Мы въ особенности обращаемъ вниманіе читателей на выгоду, доставляемую Россіи этимъ телеграфомъ.

Digitized by Google

въ особенности берега Амура и Манджуріи негостепріимны, плохо описаны, туманны; хорошій ходокъ, выбравъ моментъ, непремѣнно успѣетъ выбѣжать въ море, а разъ на свободѣ онъ уже пойдетъ гулять по своему усмотрѣнію: начнетъ положимъ гдѣ-нибудь у береговъ Китая, зашумятъ объ немъ, увидитъ что пришло время убираться, отправится въ Индію; тамъ не ладно — бросится къ берегамъ Новой Голандіи; круто придется и здѣсь—предъ нимъ архипелагъ острововъ, откуда, если понадобятся серьозныя исправленія, легко избрать время и вскочить въ одинъ изъ нейтральныхъ дружественныхъ портовъ, какъ напримѣръ Батавія или св. Франциско въ Калифорніи; вѣдь не выставитъ же Англія по броненосному фрегату къ каждой изъ своихъ колоній, къ каждому изъ закоулковъ, куда проникаетъ ея купеческій флагъ, и допуская даже, что проблема непроницаемыхъ броненосцевъ, способныхъ къ дальнымъ плаваніямъ, будетъ рѣшена удовлетворительно, все же на совершенную замѣну ими деревянныхъ судовъ понадобится столько времени, что въ продолженіи его и мы успѣемъ выстроить то небольшое число судовъ, какое необходимо намъ для единственнаго возможнаго для Россіи наступательнаго образа дѣйствій на морѣ, *и если наука и опыты покажутъ, что такія суда могутъ быть покрыты бронсй, безъ сомнѣнія и у насъ ихъ покроютъ ею;* въ ожиданіи же наши морскія силы не останутся безполезными и въ настоящемъ составѣ! Скажемъ болѣе, предположимъ худшее изъ самого худого, допустимъ, что тотъ десятокъ клиперовъ, который на основаніи нашихъ надеждъ долженъ выйти попытать счастья въ морѣ, окончитъ свое крейсерство самымъ неудачнымъ образомъ; предположимъ, что чрезъ годъ или два военныхъ дѣйствій его возьмутъ, потопятъ, сожгутъ, уничтожатъ, то все же (говоримъ это съ полнымъ убѣжденіемъ) такая потеря для русскаго флота и государства, издержки на постройку и содержаніе клиперовъ окупятся въ десять, въ сто разъ и вредъ, нанесенный англійской торговлѣ, безпокойства въ ея колоніяхъ, вздорожаніе и ненадежность фрахтовъ, паденіе фондовъ на биржахъ, наконецъ моральное вліяніе подобнаго крейсерства будетъ столь велико, что мы не сомнѣваемся — самые невѣрующіе въ необходимость флота для Россіи созна́ются, что онъ дѣйствительно нуженъ, поймутъ и оцѣнятъ его значеніе!.. Англичанамъ уже и теперь не нравится самое незначительное развитіе нашихъ морскихъ силъ на Восточномъ океанѣ; послѣдняя война еще у нихъ не вышла изъ памяти; они помнятъ какъ въ Гонъ-Конгѣ, въ Шанхаѣ, въ Новой Голандіи суетились ихъ негоціанты, какъ тормошили просьбами адмираловъ, командовавшихъ станціями, объ

Digitized by Google

усиливанія мѣръ предосторожности; какъ въ ожиданіи появленія нашей небольшой эскадры, купцы, прикащики, чиновники разныхъ гражданскихъ управленій образовывали роты волонтеровъ и намъ самимъ удавалось слышать отъ сэръ Джонъ Боуринга, тогдашняго представителя королевы въ Китаѣ и губернатора Гонъ-Конга, комическіе расказы о томъ какъ его соотечественникамъ вездѣ мерещились старые фрегаты Палада и Аврора, фрегатъ Діана и корветъ Оливуца, постоянно окружонные и преслѣдуемые многочисленными эскадрами, но все же не доставшіеся въ руки союзниковъ *и спасеніемъ своимъ служащіе новымъ фактомъ, подтверждающимъ возможность и пользу крейсерства!..*

Политическое значеніе хорошаго современнаго флота важно не менѣе значенія военнаго. Государство наше послѣ неудачной войны, при огромныхъ внутреннихъ преобразованіяхъ, совершающихся въ немъ, при неустоявшемся положеніи финансовъ, нуждается безъ сомнѣнія въ спокойствіи, но бываютъ случаи, и теперь какъ нарочно они повторяются все чаще и чаще, когда несмотря ни на какое миролюбіе, честь націи, положеніе Россіи въ семьѣ другихъ народовъ и неумолимое влеченіе обстоятельствъ вынуждаютъ сказать рѣшительное, сильное слово, и тутъ-то эскадра изъ четырехъ надежныхъ фрегатовъ и нѣсколькихъ корветовъ является какъ нельзя болѣе кстати для приданія слову необходимаго значенія. Исторія послѣднихъ лѣтъ представляетъ множество доказательствъ какъ часто самыя краснорѣчивыя и убѣдительныя ноты оставались напрасными и къ несчастію, что бы ни говорили о современномъ прогресѣ, печальные примѣры дѣйствительности, заставляли разочаровываться даже тѣхъ истинно-доброжелательныхъ людей, которые не теряли надежды международныя недоразумѣнія рѣшать силою разума! Сколько разъ мы были свидѣтелями какъ одна или другая сотня орудій, при помощи пара и электричества отдаваемая въ распоряженіе посланника вслѣдъ за какимъ-нибудь событіемъ, мѣняла совершенно ходъ дѣла и ставила въ невыгодное положеніе государства, не располагающія достаточными средствами, чтобы подкрѣпить слова своихъ агентовъ такой несовременной, но увы... пока еще неопровержимой логикой!.. Прежде чѣмъ начать рѣшительную войну и обратиться къ напряженію силъ цѣлаго народа, въ послѣдніе годы вкелось въ обыкновеніе тотчасъ же при извѣстіи о какомъ-нибудь важномъ политическомъ переворотѣ отправлять къ мѣсту дѣйствія нѣсколько военныхъ судовъ; такая посылка прибавляетъ значеніе дипломатическому представителю государства, даетъ ему возможность въ случаяхъ крайней необходимости распо-

Digitized by Google

рядиться немедленно и между-тѣмъ не заставляетъ правительства, у которыхъ флотъ въ порядкѣ, прибѣгать къ сотой долѣ расходовъ, вынуждаемыхъ постановкой на военную ногу арміи или даже простого отдѣльнаго корпуса. Такимъ образомъ мы видѣли, что при первомъ извѣстіи о предпріятіи Гарибальди англійскія военныя суда явились на водахъ Сициліи; при первомъ извѣстіи о событіяхъ въ Сиріи, эскадры всѣхъ морскихъ державъ понеслись къ берегамъ ея; теперь лишь только получена депеша о возстаніи въ Греціи, вслѣдъ за нею вы читаете, что Англія послала въ Пирей столько-то линейныхъ кораблей и фрегатовъ, Франція готовитъ отправить туда свой средиземноморскій флотъ; Австрія и та послѣдовала общему примѣру и телеграфъ принесъ извѣстіе, что фрегатъ, корветъ и двѣ канонирскія лодки уже спѣшатъ въ распоряженіе австрійскаго посольства; что касается до русскаго флота, то запертой болѣе полугода льдомъ въ Кронштадтѣ, онъ не можетъ свободно располагать своими дѣйствіями, но тутъ-то и оказывается дѣйствительная польза и *совершенная для насъ необходимость* содержать постоянную эскадру въ Средиземномъ морѣ... Неоцѣненная уже, потомучто служитъ хорошей практической школой, эскадра даетъ случай нашимъ офицерамъ ознакомиться съ образцовыми судами лучшихъ морскихъ державъ, находящихся на этой станціи, доводитъ морское усовершенствованіе матросъ (чрезъ постоянное соревнованіе съ матросами другихъ націй) до высшей степени и главное нѣсколько разъ уже пригожалась и можетъ еще пригодиться правительству при неожиданномъ возбужденіи важнаго политическаго вопроса! Сначала, когда народная жизнь идетъ своимъ чередомъ, политическій горизонтъ ясенъ, кругомъ все спокойно и тихо, начинаетъ обыкновенно подыматься мнѣніе, что средиземноморское плаваніе только прогулка, что не стоитъ посылать суда на такія спокойныя и вмѣстѣ съ тѣмъ дорогія станціи, что ужь если нужно практиковаться, пусть ихъ себѣ идутъ на Амуръ: тамъ покрайней мѣрѣ хорошенько покачаетъ, и многое другое въ такомъ же родѣ. Но вотъ грянулъ громъ надъ бывшимъ неаполитанскимъ королевствомъ, — посланникъ требуетъ фрегата къ Неаполю; Сицилія въ возстаніи, всѣ морскія державы посылаютъ туда свои суда, понадобился фрегатъ въ Палермо; друзы принялись рѣзать маронитовъ— давайте поскорѣй эскадру въ Сирію: тамъ льется кровь единовѣрцевъ — и хорошо еще что подоспѣли-то вовремя, такъ вовремя, что появленіе русскаго фрегата Илья-Муромецъ, пришедшаго изъ первыхъ на мѣсто дѣйствія, спасаетъ Бейрутъ отъ побоища и поднимаетъ до нельзя упавшій духъ христіанъ вездѣ по сосѣдству. Те-

Digitized by Google

перь возьмемъ послѣднія произшествія. Греція въ возстаніи, у Австріи даже нашлись интересы, потребовавшіе немедленнаго присутствія морской силы; неужели интересы Россіи менѣе значительны. Вотъ когда бы Россіи пригодился сильный флотъ, вотъ въ какихъ обстоятельствахъ окупаются расходы на его содержаніе, вотъ какимъ образомъ, не вовлекая государство въ войну и явясь немедленно въ Пирей, постоянно содержимая эскадра Средиземнаго моря заставила бы подумать нашихъ враговъ и дѣйствительно бы пригодилась союзникамъ!.. Старинная пѣсня, что англичане нашлютъ столько судовъ, что мы не поспѣемъ и пикнуть, послѣ всего сказаннаго выше, не думаемъ, чтобы заслуживала здѣсь серьознаго опроверженія... Развѣ англичане одни, развѣ телеграфъ не провозгласилъ уже, что за англійской эскадрой пойдетъ французская и кто же повѣритъ въ возобновленіе сердечнаго согласія двухъ враговъ-недруговъ, при положеніи, занятомъ ими въ восточномъ вопросѣ?.. Оставляя политическія событія въ Греціи идти своимъ чередомъ, перенесемъ наше вниманіе нѣсколько далѣе, посмотримъ что дѣлается на берегахъ Малой Азіи и вообще въ Турціи и увидимъ что, народное броженіе повсемѣстно, вездѣ христіанское народонаселеніе, утомленное долгимъ игомъ, подымаетъ голову, ежечастно и ежеминутно возможно повтореніе исторіи съ фрегатомъ Илья-Муромецъ, вездѣ и повсюду не будетъ лишнимъ присутствіе небольшого, но исправнаго отряда военныхъ судовъ!.. Уменьшивъ свой флотъ на Черномъ морѣ неужели мы добровольно потеряемъ вліяніе въ Балтикѣ по преувеличенному понятію о своей несостоятельности, *по недовѣрію къ тому что мы дѣйствительно можемъ?* Швеція, Данія, Пруссія увеличиваютъ морскія вооруженія, — положеніе Россіи на Балтійскомъ морѣ таково, что намъ волей-неволей необходимо идти въ уровень съ ними, и даже стараться превзойти ихъ!.. Русскія владѣнія по берегамъ Сибири и Манджуріи почти граничатъ съ англійскими въ Китаѣ; самые южные изъ нашихъ портовъ (портъ Посьетъ, Новгородская гавань, Владивостокъ и другіе) отстоятъ на нѣсколько дней пути отъ Шанхая; близко, очень близко (всего 600 миль) отъ нихъ и до Японіи, гдѣ англійская торговля развивается не по днямъ, а по часамъ; важны они въ настоящемъ, но еще важнѣе въ будущемъ, и что же? Неужели же возможно обойтись безъ эскадры на Восточномъ океанѣ? не пригодится ли такая эскадра Россіи и помимо практической пользы для нашихъ моряковъ, не менѣе ли серьозно ея присутствіе на отдаленномъ востокѣ въ чисто политическомъ смыслѣ?

Digitized by Google

Необходимый для обезпечиванія военнаго положенія страны, не менѣе необходимый для приданія вѣса и самостоятельности нашей политики, флотъ, что касается до русской торговли, конечно не имѣетъ того значенія, какое имѣетъ флотъ Франціи, Англіи и Соединенныхъ-штатовъ относительно торговли этихъ государствъ. Можно ли однакоже утверждать, чтобы нашъ флотъ не пользовался вовсе никакимъ значеніемъ, — это другой вопросъ, и если русская морская торговля не производится въ большихъ размѣрахъ, если купеческія суда наши мы до-сихъ-поръ еще не считаемъ тысячами, то все же они есть: русскій купеческій флагъ довольно часто появляется въ Балтикѣ, въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ, въ Каспіи, Бѣломъ морѣ и даже на берегахъ Китая и Японіи. Въ заграничныхъ плаваніяхъ купеческія суда всегда могутъ встрѣтить нужду въ пособіи, защитѣ и покровительствѣ, въ особенности же находясь въ портахъ народовъ полуобразованныхъ, неуважающихъ международныхъ законовъ мореплаванія, и преклоняющихся только предъ появленіемъ силы. Немного лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ наши купцы начали снаряжаться за море, а уже можно указать на нѣсколько случаевъ дѣйствительной помощи, полученной ими отъ судовъ военныхъ; такъ напримѣръ пароходъ амурской компаніи, Феодосій, едва не былъ конфискованъ мандариномъ-губернаторомъ Шанхая, на основаніи лишь дикаго китайскаго произвола. Присутствіе корвета Калевалы, подоспѣвшаго весьма кстати, спасло Феодосій и не случись корвета — не помогли бы самыя краснорѣчивыя ноты нашего шанхайскаго консула!.. Содержаніе морскихъ силъ, способныхъ внушить уваженіе, полезно для комерческаго флота и потому еще, что удерживая неумѣренные порывы эгоизма, самолюбія и торговой жадности другихъ морскихъ державъ, избавляетъ купеческія суда отъ угрозъ конфискаціи и блокады, такъ часто парализирующихъ комерческую дѣятельность народовъ слабыхъ и невладѣющихъ морскими силами для своей защиты!.. Для такихъ народовъ—Франціи, Англіи (мы выше достаточно выяснили справедливость подобнаго мнѣнія), стоитъ лишь погрозить прислать практическія эскадры; для нихъ, они могутъ привести угрозу въ исполненіе каждую минуту, неиздержавъ лишняго шилинга, а комерція между тѣмъ въ смущеніи: являются сомнѣнія, останавливаются торговыя предпріятія. Зная же, что интересы страны покровительствуются сильнымъ флотомъ, угрозы становятся щекотливыми: чтобы грозить необходимы значительные расходы, а чтобы дѣйствительно разразиться — не обойтись безъ содѣйствія цѣлаго народа, сколько извѣстно далеко невсегда сочувствующаго правитель-

Digitized by Google

ствамъ въ подобныхъ случайностяхъ! Потомъ для русскаго купеческаго мореходства военный флотъ можетъ быть полезнымъ еще въ одномъ совершенно исключительномъ случаѣ: матросы нашихъ военныхъ судовъ, срокъ службы которыхъ уменьшенъ до четырнадцати лѣтъ (въ особенности же если его уменьшатъ еще на пять), выходя въ отставку въ хорошей порѣ и неутративши силъ, могутъ (и это мы сейчасъ подтвердимъ примѣромъ), наниматься на купеческія суда. Такъ по возвращеніи изъ кругосвѣтнаго похода фрегата Аврора, болѣе сорока человѣкъ матросъ поступили съ него на суда россійско-американской компаніи, на пароходы сѣвернаго общества, и нѣкоторыхъ другихъ волжскихъ обществъ. Развивая и поощряя подобное начало можно дойти до видныхъ результатовъ. Русскій человѣкъ, часто рабъ привычки, проведя всю службу на морѣ, зная что по выходѣ въ отставку онъ можетъ быть сытъ, одѣтъ и получать отъ пяти до десяти рублей въ мѣсяцъ жалованья, пользуясь другими недорого стоющими привилегіями, учрежденными отъ правительства, матросъ нашъ способенъ обратиться въ хорошаго купеческаго матроса *и вполнѣ чувствуя, что такой составъ купеческихъ экипажей будетъ не нормаленъ*, мы думаемъ, что пока жители береговъ русскихъ морей достаточно уразумѣютъ свои интересы и привьютъ къ себѣ охоту морской службы, пока слѣдовательно русскія купеческія суда будутъ по примѣру другихъ націй служить источникомъ пополненія нашихъ военныхъ экипажей, отчего же морскимъ офицерамъ и не постараться развить въ своихъ матросахъ желаніе продолжать по выходѣ въ отставку морское поприще, полезное и прибыльное, вмѣсто обращенія къ сохѣ и плугу, десять или пятнадцать лѣтъ забытымъ? Отчего не подѣлиться своими трудами съ купеческимъ флотомъ, будущность котораго во многомъ тожественна съ будущностью флота военнаго? Высказывая такое мнѣніе, намъ нисколько не хотѣлось бы выводить изъ него, чтобъ всѣ надежды русскаго купеческаго мореходства могли бы лишь основываться на военныхъ морскихъ силахъ; напротивъ, мы хорошо понимаемъ, что развитіе послѣднихъ во многомъ зависитъ оттого что́ успѣютъ сдѣлать для развитія морской торговли; — все это такъ, *но вѣдь все это въ будущемъ*, а рѣчь идетъ о томъ что есть теперь и потому повторяемъ, отчего же не постараться извлечь всевозможной пользы изъ настоящаго? Наконецъ не лишне еще упомянуть объ одномъ весьма важномъ для комерческаго флота условіи, обезпечиваемомъ ему въ Россіи содѣйствіемъ флота военнаго; условіе это — морская опись, составленіе хорошихъ и вѣрныхъ картъ, однимъ словомъ гидрографія, и въ отношеніи къ ней трудно сказать чтобы ничего не

Digitized by Google

было сдѣлано. Наши первые кругосвѣтные плаватели обошли свѣтъ не даромъ: труды ихъ пользовались и пользуются уваженіемъ въ морскомъ и ученомъ мірѣ. Опись Балтійскаго моря и Финскаго залива, несмотря на многочисленныя природныя препятствія, произведена и до-сихъ-поръ ежегодно пополняется съ большою добросовѣстностью; тоже самое можно сказать о моряхъ Бѣломъ, Черномъ и въ особенности Каспійскомъ, и хотя безъ сомнѣнія впереди много работы, русскіе берега Восточнаго океана плохо изслѣдованы, но по тому что́ уже выполнено, гидрографическіе труды русскаго военнаго флота заслуживаютъ нѣкотораго сочувствія и не боясь упрековъ въ самообольщеніи, мы на основаніи вышесказаннаго надѣемся, что значеніе флота для Россіи въ комерческомъ отношеніи тоже не лишено основанія!..

Указавъ на возможность и средства, обладаемыя Россіей для содержанія морскихъ силъ, соотвѣтствующихъ достоинству государства, представивъ всѣ причины необходимости ихъ развитія въ военномъ, политическомъ и комерческомъ отношеніяхъ, мы теперь сдѣлаемъ краткій очеркъ настоящаго состоянія русскаго флота и потомъ скажемъ еще нѣсколько словъ о извѣстныхъ намъ надеждахъ и желаніяхъ большинства морского сословія, желаніяхъ, болѣе нежели скромныхъ, въ чемъ не сомнѣваемся согласятся всѣ наши читатели. Общій составъ русскаго флота слѣдующій: 9 линейныхъ кораблей, изъ которыхъ два 130 пушечные (Синопъ и Цесаревичъ) и одинъ 111 пушечный (Императоръ-Николай), 9 винтовыхъ фрегатовъ, 8 пароходо-фрегатовъ (колесныхъ) 21 корветъ, 11 клиперовъ, 75 винтовыхъ канонерскихъ лодокъ, сверхъ того строятся два большихъ фрегата въ 300 футъ длины, и въ 5274 тонъ водоизмѣщенія каждый (Петропавлоскъ и Севастополь); машины на нихъ заказаны въ Россіи, и теперь они оба предназначены къ покрытію броней; одинъ корветъ (Аскольдъ), двѣ броненосныя батареи (одна въ Англіи, и одна въ Петербургѣ), и двѣ большія канонерскія лодки для амурской флотиліи. Наконецъ въ спискѣ судовъ флота состоятъ еще нѣсколько императорскихъ яхтъ, транспортовъ, множество разсыльныхъ пароходовъ морскихъ и рѣчныхъ, всего же на-всего въ настоящее время паровой флотъ заключаетъ въ себѣ 63 колесныхъ и 185 винтовыхъ судовъ, вооруженныхъ 2367 орудіями и имѣющихъ 37,700 силъ, цыфры безъ сомнѣнія бросающіяся въ глаза. Но для того, чтобы неизмѣнить основному

Digitized by Google

правилу нашей статьи т. е. добросовѣстности, мы считаемъ своею обязанностью повторить здѣсь еще разъ, *что цыфры для измѣренія силы флота значатъ еще менѣе чѣмъ для измѣренія силы арміи и что дѣло опять-таки не въ количествѣ, а въ качествѣ.* Что касается до послѣдняго, то всѣмъ намъ, искренно сочувствующимъ успѣху морского дѣла въ Россіи, остается желать многаго! Правда, оставляя всторонѣ линейные корабли (ихъ больше уже нигдѣ не строятъ), число фрегатовъ, корветовъ, клиперовъ и канонерскихъ лодокъ, близко подходитъ къ числу, соотвѣтствующему потребностямъ и средствамъ Россіи, но многіе изъ этихъ судовъ, созданные почти подъ выстрѣлами непріятеля, вслѣдствіе крайнихъ военныхъ надобностей, или же будучи первыми образчиками паровыхъ судовъ русской постройки, не оправдываютъ современныхъ требованій морского искуства; такимъ образомъ 14 корветовъ, 4 старыхъ клипера (два погибли) и всѣ канонерскія лодки (¹), хотя еще служатъ и будутъ служить нѣкоторое время съ пользою, но по матерьяламъ, употребленнымъ на постройку, по качествамъ механизмовъ, въ особенности же по тому шагу впередъ, который сдѣлали за послѣднія шесть лѣтъ корабельная архитектура и артилерія, роль этихъ 93 судовъ въ будущемъ нашего флота становится уже совершенно второстепенною; присоединяя же къ нимъ колесные пароходо-фрегаты, транспорты, императорскія яхты, множество разсыльныхъ пароходовъ морскихъ и рѣчныхъ, *остатокъ никого не поразитъ многочисленностью*, но за то каждое изъ судовъ его составляющихъ представляетъ силу дѣйствительную и такіе фрегаты какъ Генералъ-Адмиралъ, Дмитрій-Донской, или Александръ-Невскій, такіе корветы какъ Богатырь, Варягъ, Витязь, такіе клипера каковы Алмазъ, Жемчугъ, Яхонтъ и Изумрудъ (²), составили бы украшеніе всякаго флота! Построенное изъ превосходнаго дубоваго лѣса, по лучшимъ современнымъ образцамъ, вооруженное грозной артилеріей, съ прекрасной машиной, дающей возможно большой ходъ подъ парами, каждое изъ поименованныхъ судовъ способно по первому требованію идти въ какую бы то ни было часть свѣта, готово нести самую трудную и разнообразную службу!.. Горячо желая преуспѣванія русскому флоту, мы быть-можетъ были слишкомъ строги въ классификаціи наличнаго состава нашихъ морскихъ силъ, но кромѣ общаго

(¹) За исключеніемъ одной броненосной лодки Опытъ.

(²) Боясь утомить вниманіе нашихъ читателей неспеціалистовъ, мы не перечисляемъ всѣхъ судовъ, которыми русскій флотъ можетъ гордиться; читателямъ же морякамъ они хорошо извѣстны.

Digitized by Google

правила, что *лучше и полезнѣе расчитывать вѣрно на меньшее, чтобы потомъ когда понадобится не ошибиться въ большомъ*, намъ еще служитъ утѣшеніемъ то обстоятельство, что придерживаясь системы считать лишь совершенные образчики морского искуства, страшная цыфра 600 вымпеловъ англійскаго флота уменьшается чуть ли не въ 5 или 6 разъ и тоже самое можно сказать о флотахъ французскомъ, и всѣхъ другихъ морскихъ государствъ!.. Затрачивая мильоны на опыты и на новыя суда покрытыя броней, Англія и Франція конечно хорошо видятъ недостатокъ своихъ прежнихъ винтовыхъ кораблей, своихъ первыхъ судовъ, созданныхъ при общей перестройкѣ флотовъ изъ парусныхъ въ паровые; между тѣмъ подобное сознаніе нисколько не мѣшаетъ какъ французамъ, такъ и англичанамъ извлекать всяческую пользу изъ того что у нихъ пока есть подъ руками. Англійскія практическія эскадры въ каналѣ и въ Средиземномъ морѣ и французская эволюціонная эскадра состоятъ изъ линейныхъ кораблей, изъ которыхъ многіе имѣютъ машины лишь вспомогательныя, въ 400 или 500 силъ, и по постройкѣ и всему остальному мало чѣмъ лучше нашихъ старыхъ винтовыхъ кораблей, и уже нисколько не лучше трехъ стопушечныхъ послѣднихъ обращиковъ судовъ этого рода, построенныхъ на русскихъ верфяхъ; повторяемъ—англичане и французы спѣшатъ созданіемъ новаго современнаго флота. Мы отстали отъ нихъ на этомъ поприщѣ (вслѣдстіе крайней ограниченности средствъ, находящихся въ распоряженіи морского министерства), но *потерянное можетъ быть вознаграждено*, а въ ожиданіи, имѣя дѣйствительную силу въ прекрасныхъ фрегатахъ, корветахъ и клиперахъ, можно извлечь и безъ сомнѣнія извлечется не мало пользы изъ всѣхъ остальныхъ судовъ нашего флота, при всемъ несовершенствѣ которыхъ, нигдѣ и ничего не было сказано объ ихъ совершенной негодности! Такъ линейные корабли способны образовать хорошую практическую эскадру, способны вмѣстѣ съ колесными пароходо-фрегатами въ короткое время и безъ большихъ хлопотъ перевести нѣсколько тысячъ десанта; винтовыя канонерскія лодки въ два послѣдніе года плавали въ финляндскихъ шхерахъ большими отрядами, дали средства офицерамъ хорошо ознакомиться съ однимъ изъ важнѣйшихъ базисовъ нашей будущей морской обороны и если нельзя не желать постройки новыхъ судовъ этого рода, покрытыхъ броней, то естественность и основательность подобнаго желанія не должны разочаровать въ томъ что мы имѣемъ и созданіе чего стоило, не говоря уже о матерьяльныхъ пожертвованіяхъ, много усилій, много энергіи!.. Конечно нелегко, отодвигая на второй планъ результаты тру-

Digitized by Google

довъ цѣлыхъ шести лѣтъ, съ тою же настойчивостью приняться за сложную перестройку флота (или покрайней-мѣрѣ значительной его части), изъ деревяннаго въ желѣзный, но какъ подобная перестройка не есть дѣло прихоти или личнаго произвола, а *важная государственная необходимость*, то мы нисколько не сомнѣваемся, что черезъ три-четыре года русскій флотъ будетъ достоинъ русскаго народа, *въ особенности же если дальнѣйшее его развитіе встрѣтитъ сочувствіе общественнаго мнѣнія!..*

Послѣ бѣглаго очерка матерьяльной части наличнаго состава нашихъ морскихъ силъ, мы попросимъ читателей обратить вниманіе на то что составляетъ душу всякаго флота, а именно на составъ экипажей русскихъ судовъ и здѣсь самое лучшее и короткое средство начать прямо съ цыфры. Въ шесть лѣтъ времени, считая съ 1856 года, перебывали въ дальнихъ и заграничныхъ плаваніяхъ 572 офицера и 10,570 нижнихъ чиновъ. О способности русскаго человѣка сдѣлаться хорошимъ матросомъ было уже сказано выше, равно какъ и о томъ, что для развитія подобной способности офицерамъ понадобилось много трудовъ и невозможно было обойтись безъ познаній; теперь, взявъ самую скромную пропорцію и предположивъ, что изъ тѣхъ 572 офицеровъ, которые назначеніемъ на суда плававшіе постоянно въ морѣ, получили всѣ средства *практическаго* образованія, положимъ, что половина не оправдала общихъ надеждъ и ровно ничего не дѣлала (конечно такое предположеніе болѣе чѣмъ проблематическое), то все же остается около 300 человѣкъ способныхъ людей, прошедшихъ большею частью сквозь суровую школу кругосвѣтныхъ походовъ, и составляющіе надежное ядро для будущаго. Справедливость и безпристрастіе такого мнѣнія вполнѣ подтверждаются послѣдними дѣйствительно блестящими плаваніями нашихъ дальноважныхъ судовъ, блестящими не только по скорости перехода, но еще главное — по утѣшительнымъ результатамъ, представляемымъ въ сбереженіи здоровья, благосостояніи и образованіи экипажей; такъ напримѣръ фрегатъ Свѣтлана сдѣлалъ переходъ изъ Тулона въ Вусунгъ въ Китаѣ менѣе чѣмъ въ четыре мѣсяца безъ всякихъ поврежденій и достигнувъ китайскаго моря, обойдя полсвѣта, выдержавъ жесточайшія штормы, испытавъ самые рѣзкія перемѣны климатовъ, имѣлъ число больныхъ на фрегатѣ непревышающее числа больныхъ перваго батальона Преображенскаго полка, стоящаго въ великолѣпныхъ казармахъ въ Петербургѣ и пользующагося всѣми удобствами солдатской жизни (¹). Такъ тѣлесныя на-

(¹) Фрегатъ Свѣтлана кромѣ того протащилъ на буксирѣ болѣе 1000 миль

Digitized by Google

казанія, несмотря на суровую дисциплину, вынуждаемую потребностями морской службы, почти выводятся въ русскомъ флотѣ и выводятся сознательно; такъ распространеніе грамотности, матросскія библіотеки, матросское образованіе вообще идетъ впередъ, не останавливаясь, не завися отъ колебаній моды и другихъ причинъ, охладившихъ повсемѣстный энтузіазмъ къ воскреснымъ школамъ!.. Прочтите «Морской Сборникъ» за послѣдніе годы, посмотрите какъ серьозны и разнообразны вопросы, разработываемые въ немъ, вспомнимъ кто первый поднялъ вопросъ о воспитаніи, о гласномъ судопроизводствѣ и если сообразить все это, то трудно будетъ не признать общаго движенія впередъ цѣлаго сословія, въ особенности же если мы имѣемъ право сказать, что вопросы, выступившіе на сцену въ «Морскомъ Сборникѣ» вслѣдствіе иниціативы морской администраціи, далеко не остались безотвѣтными или только теоретически рѣшонными, какъ многіе изъ тѣхъ безчисленныхъ вопросовъ русской народной жизни, пользовавшихся мимолетнымъ сочувствіемъ публики въ послѣдніе 5, 6 лѣтъ!.. Такъ напримѣръ былъ поднятъ вопросъ о здоровьи нижнихъ чиновъ и вотъ какимъ образомъ онъ рѣшонъ практически.

Въ 1853 году число умершихъ относилось къ общей числительности командъ какъ . . . . . 1 : 28,73.

Въ 1861 году отношеніе это какъ. . . . . 1 : 68,47.

Заговорили о безпомощности отставныхъ офицеровъ, о совершенномъ недостаткѣ пенсіи даже для пропитанія, и вотъ въ морскомъ министерствѣ образовывается эмеритальная касса, капиталъ ея растетъ и составляетъ теперь 3,901,053 рублей серебромъ. Поднялся вопросъ о непомѣрно-обширномъ составѣ чиновъ морского министерства, о томъ, что суммы, затрачиваемыя на управленіе флотомъ непропорціональны суммамъ, издерживаемымъ собственно на флотъ и кому неизвѣстно до какихъ размѣровъ доводится совершенная реорганизація морского управленія (¹); наконецъ важнѣйшій изъ всѣхъ вопросовъ, вопросъ будущности, вопросъ о воспитаніи, такъ долго, съ такимъ трудомъ и постоянствомъ выработываемый, приводится теперь въ исполненіе на самыхъ широкихъ, на самымъ современныхъ началахъ; учреждена морская ака-

---

корветъ и клиперъ, спѣшившіе по тому же назначенію. Фрегатъ находился въ это время подъ командой капитана 2-го ранга Н. М. Чихачева.

(¹) Въ «Морскомъ Сборникѣ» за сентябрь 1862 г. появился краткій очеркъ распоряженій по морскому вѣдомству за послѣдніе 7 лѣтъ, на который мы и обращаемъ вниманіе читателей желающихъ покороче познакомиться съ этими интересными предметами.

Digitized by Google

демія, младшіе курсы морского корпуса и штурманскаго училища отдѣлены въ особенно-устроенныя гимназіи, гардемарины посланы въ Атлантическій океанъ на одномъ изъ лучшихъ судовъ флота, фрегатѣ Дмитрій-Донской, *и если хотя главная часть предположеній о морскомъ воспитаніи будетъ добросовѣстно выполнена*, мы несомнѣваемся, что молодое поколѣніе русскаго флота, поступивъ на службу по охотѣ и вполнѣ сознательно, проводя всю молодость въ морѣ подъ руководствомъ офицеровъ серьозно подготовленныхъ, находясь постоянно въ соприкосновеніи съ флотами лучшихъ морскихъ державъ, мы несомнѣваемся, что молодое поколѣніе наше, имѣя столь много данныхъ, подаритъ флоту и Россіи такихъ офицеровъ, которые поставивъ высоко имя русскаго моряка въ общественномъ мнѣніи, далеко оставятъ за собою насъ, опредѣленныхъ по большей части въ морской корпусъ еще неразумными дѣтьми по волѣ, или по несостоятельности родителей, испытавшихъ на себѣ всю тяжесть ложно направленнаго воспитанія, насъ, начавшихъ морское поприще на кадетскихъ фрегатахъ, плававшихъ въ виду Петергофа и способныхъ внушить отвращеніе, а не приохотить къ службѣ, насъ, переживающихъ теперь трудное переходное состояніе флота, усиленнаго сперва непропорціонально со средствами государства и преобразовываемаго, во флотѣ, который (вслѣдствіе финансоваго положенія страны) уменьшается на время (т. е. опять таки на наше время) до крайнихъ предѣловъ возможности!.. Въ какой мѣрѣ морская молодежъ оправдаетъ столь искреннія и задушевныя вѣрованія, рѣшатъ послѣдствія, но позволяемъ себѣ сказать здѣсь съ глубокимъ убѣжденіемъ, что вѣрованія эти не только искренни, но даже законны, и если въ тѣсной средѣ прошлаго могли выработаться личности вродѣ всѣми почитаемыхъ покойныхъ Михаила Петровича Лазарева и Алексѣя Самуиловича Грейга, ежели флотъ прежнихъ временъ могъ сформировать такихъ офицеровъ какъ Корниловъ, Нахимовъ, Головинъ, Белинсгаузенъ, и еще многихъ другихъ съ именами менѣе извѣстными публикѣ, но уже успѣвшими заслужить справедливое уваженіе сослуживцевъ, то не вполнѣ ли законны надежды на лучшее, высказываемое относительно молодого поколѣнія, выступающаго на наше трудное поприще уже не ощупью какъ прежде, но прямой широкой дорогой, прекрасно обработанной трудами цѣлаго сословія и нѣсколькихъ авторитетовъ въ дѣлѣ воспитанія, такихъ какъ Пироговъ, Бемъ и другіе!..

Окончивая нашъ трудъ, необходимъ краткій выводъ изъ всего представленнаго нами на судъ читателей. Для рѣшенія вопроса нуженъ ли военный флотъ Россіи или нѣтъ, мы прежде всего стара-

Digitized by Google

лись уяснить историческое значеніе морскихъ силъ, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ государствахъ; потомъ, показавъ современное состояніе вопроса морской обороны въ странахъ, наиболѣе интересующихся сю, мы перечислили всѣ данные, имѣемые Россіей для содержанія флота, соотвѣтствующаго ея дѣйствительнымъ потребностямъ. Говоря о русскомъ флотѣ, постояннымъ нашимъ желаніемъ было соблюдать тонъ умѣренности и безпристрастія. Указывая на недостатки прошлаго, на всѣ тяжести настоящей переходной системы, мы въ тоже время твердо помнили современное положеніе Россіи, совершенную необходимость экономіи и общую потребность возможно мирнаго и спокойнаго развитія. На этихъ-то основаніяхъ, не позволяя себѣ никакихъ разсужденій о немедленномъ увеличеніи морского бюджета, мы старались только доказать на сколько могли и умѣли, что суммы, отпускаемыя для содержанія флота не пропадаютъ даромъ и что такъ какъ хорошее состояніе морскихъ силъ необходимо, настоятельно необходимо для политической самостоятельности государства, то и нужно стараться, чтобы онѣ соотвѣтствовали перевороту, производящемуся теперь въ искуствѣ морской обороны. Понятно, что важно, очень важно равновѣсіе бюджета, еще важнѣе уменьшеніе тяжести несомыхъ народомъ повинностей, но если кругомъ все и всѣ усиленно вооружаются, ежели на горизонтѣ европейской политики одинъ трудный вопросъ смѣняется другимъ труднѣйшимъ и впереди ихъ видимо не видимо, ежели надежды сороковыхъ годовъ о вѣроятномъ рѣшеніи политическихъ недоразумѣній путемъ международнаго посредничества разлетаются прахомъ, то трудно идти наперекоръ потоку и хорошо еще, когда стараясь не отстать отъ другихъ, возможно будетъ удержаться въ предѣлахъ умѣренности, а главное *хорошо бы было, еслибы зная объ этой умѣренности, то немногое, что̀ позволятъ затрачивать на флотъ финансы государства, не будетъ оспариваться общественнымъ мнѣніемъ!..* Имѣя въ виду читателей неспеціалистовъ, мы прошли молчаніемъ или упомянули лишь въ кратцѣ нѣкоторыя частности, которыя сильно интересуютъ наше морское сословіе; такимъ образомъ, говоря о природной способности русскаго человѣка къ морю, сказано всего лишь нѣсколько словъ о возможности пополненія экипажей военныхъ судовъ другимъ болѣе нормальнымъ способомъ, основаннымъ на развитіи купеческаго флота; такъ о бронѣ и новыхъ орудіяхъ помѣщены лишь свѣдѣнія самыя необходимыя; о колонизаціи Амура и устройствѣ портовъ Восточнаго океана почти ничего не сказано. Такіе пропуски конечно весьма значительны, но не говоря уже о тѣсныхъ рамкахъ жур-

Digitized by Google

нальной статьи, въ вопросахъ, требующихъ особенныхъ спеціальныхъ свѣдѣній, мы не распространялись и потому что они уже дали тему многимъ серьознымъ статьямъ «Морского Сборника» и служатъ еще и до сихъ поръ предметомъ изученія для людей, посвятившихъ разработкѣ ихъ все свое время. Чтоже касается до желаній на будущее, часть которыхъ предполагалось высказать въ заключеніи нашего труда, то окончательно мы пришли къ тому мнѣнію, что лучше умолчать объ нихъ. Желанія человѣческія такъ разнообразны и многочисленны, въ Россіи для нихъ теперь такое широкое поле, что мы въ правѣ думать, что нашъ голосъ скромный и неизвѣстный утонетъ въ общемъ хорѣ. Есть впрочемъ желаніе и оно такъ законно, такъ горячо раздѣляется всѣмъ сословіемъ, что умолчать объ немъ мы не считаемъ себя въ правѣ; это — *желаніе возможно большаго сочувствія къ флоту и ко всему морскому въ нашей публикѣ, желаніе сдѣлать трудное, суровое ремесло моряка болѣе популярнымъ, болѣе народнымъ.*

Digitized by Google

БѢГЛЫЕ ВОРОТИЛИСЬ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

НОВЫЙ ПОБѢГЪ ИЛЬИ ТАНЦУРА

Илья Танцуръ дѣйствительно убѣжалъ снова. Какъ же это случилось?

— «Все теперь пропало, все! шепталъ онъ, покидая садъ, куда на голосъ Романа кинулись было караульные: — Настя съ отцомъ схвачены по доносу отца; а тутъ того и гляди схватятъ и меня по подозрѣнію въ воровствѣ!»

Будь теперь въ рукахъ его ружье, онъ кажется воротился бы и убилъ бы отца. Илья перескочилъ черезъ канаву изъ сада на Окнину. Въ ушахъ его звенѣло, грудь тяжело дышала, руки дрожали. Онъ отперъ хату, куда полагалъ вскорѣ ввести Настю; вздулъ было огонь, засвѣтилъ плошку, постоялъ безъ цѣли передъ столомъ, сѣлъ и опять погасилъ свѣтъ. Наскоро схватилъ онъ тогда одежу, связалъ въ потемкахъ въ узелъ бѣлье, досталъ изъ-за печки въ тряпицѣ нѣсколько денегъ и вышелъ изъ хаты, не затворивши даже дверей. Онъ постоялъ еще нѣсколько вдали отъ двора, на бугрѣ, прислушиваясь и присматриваясь къ деревнѣ. Кругомъ было тихо и пасмурно. Барскій садъ въ сумеркахъ ночи чернѣлъ безлистыми кущами деревъ. Холмы вблизи бѣлѣли еще нерастаявшими снѣжными наметами. По селу кое-гдѣ мигали огоньки. Собаки звонко перекликались въ Есауловкѣ и въ Кон-

Digitized by Google

скомъ-Сыртѣ за рѣкою. Гдѣ-то раздавался не то смѣхъ парней и дѣвокъ, не то чей-то окликъ по улицѣ.

— «Настя съ отцомъ схвачены, думалъ онъ: — ихъ теперь ведутъ вѣрно сюда по пересылкѣ; пересылочный путь я знаю. Пойду имъ навстрѣчу. Гдѣ завижу ихъ, переговорю тайкомъ отъ конвойныхъ солдатъ, подкуплю караулъ, либо подговорю за могорычъ по дорогѣ народъ, прохожихъ, и отобью ихъ. Что имъ! И взаправду воли не дождешься! когда она еще будетъ! Убѣжимъ въ Молдавію, гдѣ и былъ Талавѣрка; и мнѣ тутъ не житье, да и Настю теперь силой отдадутъ за другого, а имущество свое отецъ ея и заочно продастъ!»

Илья перекинулъ узелъ за плечо и съ палкой пошолъ полемъ за Авдулины-горбы. Рано на зарѣ онъ вошолъ въ крохотный хуторокъ мелкопомѣстной и страшно-обѣднѣвшей барыни, гдѣ въ одной изъ трехъ покачнувшихся на-бокъ избушекъ пропавшаго въ глухой долинкѣ хутора помѣстился семидесятилѣтній сапожникъ Гриценко, который какъ извѣстно также счелъ долгомъ воротиться къ былой своей барынѣ изъ тридцати-трехъ-лѣтнихъ бѣговъ. Онъ жилъ теперь у своего внука, тощаго и блѣднаго батрака, отупѣлаго отъ горя и бѣдности и на ни волосъ не вѣрившаго дѣду Гриценкѣ, пророчившему съ печки чудеса новой ожидаемой воли. Когда Илья вошолъ въ ихъ избушку, бѣлый какъ лунъ дѣдъ, свѣся съ печки ноги и размахивая худыми и точно нѣгими отъ годовъ руками, шепелявя и плямкая выкрикивалъ:

— «Не вѣришь, Тере́шко? Вотъ увидишь: всѣмъ будутъ даромъ и новыя хаты, и полы отъ казны, и земля отъ помѣщиковъ!»

Увидя входившаго Илью, онъ оторопѣлъ отъ изумленія.

— Что? воля? вскрикнулъ Гриценко, задыхаясь и блѣднѣя отъ радости и волненія: — мужикъ дороже сталъ, Илюша? а? Что Богъ тебя сюда занесъ?

Илья бросилъ на лавку одежу, сѣлъ и отвѣтилъ:

— Далеко еще, дѣдушка, до воли! Скажите лучше гдѣ живетъ теперь, знаете, тотъ добрый человѣкъ что у меня коня укралъ?

— А! Одесскій квасникъ? Карпо́ Шуме́нко?

— Да... надо съ нимъ за коня посчитаться, деньги до зарѣзу нужны теперь...

Digitized by Google

— Деньги? Такъ воли еще не сказано?.. Ахъ ты, бѣднякъ, бѣднякъ, а еще сынъ прикащика! Деньги нужны! Ну... Пройдешь Авдуловку, тоже тебѣ верстахъ въ трехъ подъ лѣскомъ будетъ хуторъ. Тамъ помѣщикъ убогонькій живетъ, какъ и наша барыня. Наша все молится; часа по три съ утра торчитъ передъ образами, и опять къ ночи; а тотъ съ бѣдности, братъ, все цымлянское дуетъ, да боится нашей воли: совсѣмъ тогда пропадетъ... Ейбогу! Наша барыня утромъ это встанетъ, сейчасъ подставитъ къ образамъ скамеечку, взберется и чистенькимъ полотенцемъ всѣ иконы оботретъ отъ пыли и перецѣлуетъ. Это она говоритъ: умываться иконамъ даю и здороваюсь съ ними. Оботретъ съ образовъ пыль и молится, все молится, стоя да пошатываясь. Самъ я, братецъ, Илюша видѣлъ въ окошко однажды, когда вокругъ домика ея обметалъ крыльцо да дорожки чистилъ...

Старикъ засмѣялся, зѣвнулъ и почесалъ грудь себѣ. Илья сидѣлъ молча.

— Ѣсть не хочешь ли, Илюша?

— Не хочу ѣсть. Дайте воды напиться... Спасибо, что сказали гдѣ живетъ Шуменко... Прощайте...

— Прощай, Илюша, да смотри, сейчасъ дай знать, какъ о волѣ что будетъ слышно. Придешь? Скажешь, какъ мужикъ вздорожаетъ?

— Хорошо, скажу... только можетъ-быть не скоро...

Илья напился воды и поплелся за Авдуловку. Онъ скоро нашолъ названный ему хуторъ, но Шуменка дома не было; онъ у своего барина на дворѣ плугъ справлялъ. Илья нашолъ его подъ сарайчикомъ. Старикъ вяло и разсѣянно стукалъ топоромъ, сидя на бревнѣ, и сразу не узналъ Ильи, который къ нему подошолъ, пугливо оглядываясь по сторонамъ.

— Что? воля? спросилъ и этотъ, замигавши сѣдыми бровями, когда узналъ наконецъ подошедшаго.

— Нѣтъ еще. Давай деньги за лошадь; нужно.

— Деньги?.. Денегъ нѣту, хлопчикъ. Гдѣ ихъ взять-то мнѣ теперь? Притомъ же будетъ скоро читано... Съ чѣмъ взяться за хозяйство? Все ждемъ еще, понимаешь!..

— Нужно! рѣзко перебилъ Илья, не поднимая глазъ: — опять иду въ бродяги! Не дашь, хату твою сожгу! Ну, вставай! Да ну же, говорю, ну...

Digitized by Google

Старикъ всталъ.

— Зачѣмъ тебѣ деньги, Илья? Не подождешь ли пока волю скажутъ?

— Жди ее теперь... Неволю развѣ скажутъ намъ еще худшую, а воли знать вѣчно не будетъ. Послѣ все скажу... Давай! Опять бѣгу, говорятъ тебѣ...

Старикъ оставилъ топоръ и, также оглядываясь по сторонамъ, пошолъ въ свою хатенку за дворомъ. Дорогой онъ всячески хотѣлъ самъ поддобриться къ Ильѣ, заигрывалъ съ нимъ.

— Значитъ: день одинъ да мой? Такъ ли? Значитъ: опять на волюшку? Эхъ-ма, и я бы... отъ жены-то своей, старухи... Васька Комаръ тоже своею скучаетъ... Что ждать-то! Кажись и взаправду ничего этого не будетъ? А? Не будетъ? Не бросить ли опять и мнѣ домъ? Что толку-то въ голой землѣ на старости лѣтъ?

— Нѣтъ, вы, дѣдушко, оставайтесь. То вы, а это я. Мнѣ очень нужно... Невѣсту мою мучатъ, терзаютъ...

— Невѣсту?.. Что ты! Сколько же тебѣ денегъ-то за коня отдать? Говори теперь...

— Отдавайте всѣ.

— Не могу.

Илья мрачно покосился на старика.

— Не можешь?

— Не могу... какъ же это такъ... всѣ? Всѣхъ нельзя сразу... Ты еще смотри, барину нашему не сунься жаловаться...

— Я жаловаться? Нѣтъ! Давайте, говорю, деньги; а не то, повторяю сожгу весь вашъ хуторъ... а васъ — берегитесь... не нужны были деньги, не требовалъ; а нужны — давайте сразу...

— Убьешь чай за пустякъ-то? У, душегубъ!

Илья ничего не отвѣтилъ. Но по лицу его было видно, что онъ пришолъ не шутить.

— Бери, бери, горячка! Узнали мы тебя еще дорогою! замѣтилъ старикъ, для виду посмѣиваясь, а между тѣмъ безсмысленно хватаясь за полы, за шапку и тычась по хатѣ во всѣ стороны, какъ угорѣлый: бери, всѣ отдамъ! всѣ! Что мнѣ, на старости-то... Я вѣдь пошутилъ... Ты только гляди, Илья, воротись къ намъ: міръ нашъ тебя очень уже полюбилъ! Недавно опять про тебя на сходкѣ тутъ неподалеку всѣ хутора шептались:

Digitized by Google

на тебя только тутъ у всѣхъ насъ темныхъ и слѣпыхъ и надежда. Пойдемъ на чердакъ.

Квасникъ вывелъ Илью въ сѣни, заперъ дверь наружу, влѣзъ съ нимъ на чердакъ избы и тамъ изъ соломы въ крышѣ досталъ и отдалъ ему сполна всѣ деньги, вырученныя за коня, именно тридцать-пять цѣлковыхъ.

— Теперь ѣсть давай, глухо сказалъ Илья, быстро слѣзая съ чердака.

— Ѣсть?.. Откуда же ты?.. Изволь, поищемъ...

— Я съ обѣда вчера ничего въ ротъ не бралъ, а прошолъ за ночь, самъ ты знаешь, безъ малаго тридцать верстъ.

— Куда же ты идешь? Не можетъ быть, чтобъ по поводу невѣсты... Есть другое видно дѣло... Смотри такъ сгоряча по многу не ходи: сразу подобьешься; притомъ видишь, какое тепло настаетъ, половодье; вездѣ рѣки ломать начнетъ, въ оврагахъ вода поднимется. Еще не утонулъ бы гдѣ... не горячись, Илюша!

— Ѣсть давай скорѣе.

— Изволь, да не нужно ли тебѣ еще денегъ? брякнулъ вдругъ Шуменко.

— А дашь, давай еще!

Квасникъ накормилъ гостя, далъ ему на дорогу сухарей, соли и сала, сходилъ куда-то въ другую хату къ сосѣду и принесъ оттуда еще затасканную бумажку въ три цѣлковыхъ.

— Это тебѣ взаймы отъ нашего хутора... Видно не за невѣстою идешь... что намъ бабы! дрянь, плевое дѣло. Не за вольными ли листами?

Илья вздохнулъ.

— Нѣтъ еще!

— Отъ тебя не допытаешься заранѣе. Ну, молчи, молчи! Иди съ Богомъ. Пусть будетъ невѣста, ладно.

— Купите, дѣдушка, и мою одежу въ придачу.

— Дорого?

— За все, за тулупъ, за сапоги другіе и за шапку зимнюю десять цѣлковыхъ. Видите, дубленка какая... новая! Все продаю!

Старикъ, жаловавшійся на бѣдность, досталъ снова денегъ откуда-то и купилъ одежду Ильи, даже не торгуясь съ нимъ. — «Иди, голубчикъ, иди! Богъ съ тобою! Вотъ и не грѣхъ, что

Digitized by Google

я коня твоего тогда стащилъ; деньги тебѣ и пригодились. Правда? Не сердишься теперь на меня?»

— «Я не сержусь! Прощайте, дѣдушка, кланяйтесь всѣмъ нашимъ, а особенно сосѣду вашему, тому Васькѣ-то Комару... Я у вашего міра въ долгу, ворочусь, такъ отблагодарю за все!»

Илья вышелъ, свернулъ опять мимо Авдулиныхъ-горбовъ внизъ по прибрежьямъ Волги, и подъ вечеръ, взойдя на высоты, съ которыхъ влѣво мелькнула было опять Есауловка, злобно отвернулся отъ родного села, плотнѣе перетянулъ старенькую свитку ремнемъ, нащупалъ въ сапогѣ деньги и пошолъ снова къ югу. Въ сумеркахъ съ косогора онъ разглядѣлъ верховаго, ѣхавшаго вскачь ему наперерѣзъ. Ближе — Власикъ. «Куда ты?» «А! это вы, дядя! Васъ спохватились. Я ѣздилъ отъ попа къ Перебоченской: попадьѣ еще хуже. Попъ просилъ лекарства, барыня отказала...» — «А развѣ она теперь здѣсь?» — «Тутъ на хуторѣ... и знаете? батько вашъ сманилъ Фросю, къ Рубашкину самъ ее привезъ, и она у него уже чай распиваетъ разряженная... вотъ тебѣ и Кирюшка! Прощайте, дядя Илья.» — «Прощай.. » Власикъ поскакалъ...

Илья остановился, долго думалъ, глядя на крыши хутора Перебоченской, что-то нащупалъ въ жилеткѣ и залегъ въ оврагѣ. — Ночью усадьба Перебоченской вспыхнула съ двухъ концовъ и долго горѣла... Въ сосѣднихъ селахъ раздавался набатъ... Илья пошолъ далѣе, переночевалъ въ сторонѣ отъ дороги, въ пустомъ еще куренѣ волжскихъ рыбаковъ, въ глухой долинкѣ между двумя лѣсками, верстахъ въ девяти отъ загорѣвшейся усадьбы Перебоченской, проспалъ долго и крѣпко, вскочилъ утромъ и сразу въ тяжоломъ чаду волненія долго не понималъ гдѣ онъ и зачѣмъ тутъ. Перекуся сухарями квасника, онъ напился изъ каменистой ямки снѣговой воды, перекрестился, еще разъ оглянулся назадъ на родныя высоты, и быстро пошолъ далѣе, забирая въ степи вправо, къ сторонѣ Дона, которымъ онъ полагалъ спуститься въ низовыя приазовскія мѣста. Перевалившись черезъ послѣдніе приволжскіе холмы, все рѣже и рѣже начинавшіе пересѣкать гладкія порубежныя съ Дономъ степи, Илья вздохнулъ свободнѣе, пошолъ тише и сталъ ночевать уже на постоялыхъ дворахъ и у мужичковъ по рѣдкимъ встрѣчнымъ хуторамъ.

— «Господи, матерь божія! Несите, мои ноги! шепталъ Илья Танцуръ, идя впередъ: — дайте мнѣ встрѣтить Настю, дайте тутово-

Digitized by Google

рать добрыхъ людей отбить ее изъ неволи и убѣжать мнѣ съ нею!» — Онъ останавливался у этапныхъ зданій, у сельскихъ острожныхъ избъ, гдѣ ночуютъ колодники, съ оглядкой распрашивалъ кого можно, не провели ли такого-то каретника съ Дона? Кое-гдѣ онъ подавалъ партіямъ колодниковъ милостыню, говорилъ съ ними, даридъ и конвойныхъ солдатъ, особенно шедшихъ съ юга. Но еще никто не могъ ему отвѣтить о Талавѣркѣ и о его дочери.

Замелькала снова знакомая даль и широкая, удалая воля, тѣ южныя рѣки и долы, и тѣ тихіе пустынные холмы и степи, которые сѣвернымъ и срединнымъ русскимъ людямъ еще съ сказочныхъ временъ постоянно мерещатся въ горькихъ думахъ о домашнихъ невзгодахъ кисельными берегами и молочными и медвяными рѣками, гдѣ бабы на живыхъ осетрахъ будто бы бѣлье моютъ, а на мѣсяцъ да на звѣзды, вмѣсто гвоздей, его сушить вѣшаютъ.

Эти таинственныя, непочатыя, низовыя мѣста слишкомъ заманчивы русскому человѣку, если еще на нашихъ дняхъ сюда, по пути къ юго-востоку, несуществующими льготами и земскимъ раздольемъ, зашевелились, встали и пошли обитатели почти двадцати русскихъ губерній. Ихъ гнала назадъ полиція, уговаривали мѣстные жители, на нихъ выводили даже войско. Народъ возвращался, но не вѣрилъ, чтобы его обманули его же ходоки и разумные посланцы отъ міра, ходившіе заранѣе сюда впередъ для развѣдки. Тихо пришли обратно домой тысячи грустно обманутыхъ семей и донынѣ по бѣднымъ селамъ еще вспоминаютъ тѣ уютные починки у бьющихъ ключами овраговъ, и тѣ зеленыя заимки у одинокихъ черноземныхъ логовъ и бугровъ, гдѣ переселенцы думали сѣять и гдѣ они тучныя степи звали сожительницами, а многоводныя, голубыя, богатыя рыбами, птицами, травами и камышомъ, пустынныя рѣки сосѣдками.

Съ грустью поглядывалъ Илья Танцуръ на видимое еще, сиявшее ему, излаги прибрежье Волги. Но вотъ онъ пробрался уже въ степь къ Дону. Тутъ изстари переводакивался русскій бѣдный сѣверъ въ родство и въ гости къ украинскому бѣглому югу. Много и теперь попадалось Ильѣ по пути къ Дону разнаго сброда и торговыхъ переходчиковъ. А по степямъ изрѣдка вправо и влѣво шли земляныя насыпи, указывая дорогу старыхъ кочевниковъ и тропинки, протоптанныя вѣками. Прощай Волга!

Digitized by Google

Можетъ быть теперь уже на вѣки. Прощай бурлацкое раздолье, Синее-Морце, владычица-рѣка, съ твоими низовыми лугами, нагорными скалами и буграми. По каменистому правому берегу, вдоль всего твоего теченія, отъ истоковъ до устья, на сотни па тысячи верстъ, тянется темная, перебѣгающая съ холма на холмъ тропинка, горемычная лямочная дорожка, выбитая въ камняхъ, въ глинѣ, въ мѣлу, въ слюдахъ и въ известнякахъ лаптишками и босыми мозолистыми пятами бурлаковъ, сотни лѣтъ тутъ тянувшихъ канатами барки, бѣляны, расшивы и всякія суда. Теперь по этой лямочной тропинкѣ рѣдко-рѣдко увидишь знакомый строй русыхъ головъ, мѣрно взмахивающихъ шапками и навѣвающихъ унылыя, душу гнетущія поволжскія пѣсни. Эта тропинка день ото дня пустѣетъ. А мимо нея, съ недавнихъ поръ, несутся гремящіе, дышущіе дымомъ и пламенемъ пароходы. Эти новые гости Волги давятъ и губятъ промыслы тихихъ расшивъ и барокъ. До пятисотъ пароходовъ снуютъ теперь по исполинской, шумно-оживающей рѣкѣ. Лоцмана ихъ, какъ на морѣ, въ широкихъ раздольяхъ водъ, разливающихся на десятки верстъ направо и налѣво, не слишкомъ и промѣры дѣлаютъ. Есть гдѣ разминуться и пристать. А бѣдовая рѣка въ иное половодье разбурлится и нальется со степей и съ холмовъ такъ, что подмываетъ нагорныя подошвы береговъ, и цѣлыя деревни съ овинами и банями съѣзжаютъ съ холмовъ къ водѣ. Бойко и дерзко выплываютъ на эту водную гладь огромные пароходы: Русь, Воля, Украйна, Бурлакъ, Надежда, Земщина. По цѣлымъ часамъ стоитъ тутъ у прибрежья иной мужичокъ, наткнувшись на невиданное диво, какъ нѣкій пароходъ Пушкинъ, взявши на буксиръ не одну, а разомъ двѣ громадныя барки съ кладью, да не на хвостъ, а прямо съ боковъ, подъ-мышки, летитъ себѣ сверху съ сѣвера, погромыхиваетъ въ желѣзныя красныя трубы, и не думаетъ осторожнѣе своротить въ сторону убавивши ходу при встрѣчѣ съ другимъ пароходомъ. А другой пароходъ Гетманъ, несется снизу съ такими же двумя барками подъ-мышкой, и обѣ эти небывалыя тройки минуютъ другъ друга на полныхъ парахъ, какъ въ морѣ-океанѣ. Есть гдѣ пройти и дать другъ другу дорогу, въ длину, въ ширину и въ глубину. Прощай же Волга, прощай и послѣдній прибрежный окраинный городокъ, возлѣ котораго по народному преданію, бурлацкій кормилецъ, Стенька Разинъ на войлокѣ чудомъ плавалъ по водѣ,

Digitized by Google

гдѣ самозванцы перевѣшали столько всякаго народа и въ окрестностяхъ котораго тучами налетавшіе сюда калмыки выжгли столько починковъ, заимокъ и хуторовъ.

Илья Танцуръ наскоро прошолъ нѣсколько нѣмецкихъ поволжскихъ колоній, съ черными деревянными кровлями и легкими шпицами красивыхъ церквей, съ чистыми домиками, опрятными улицами и гумнами, полными хлѣбныхъ скирдъ и сѣна, въ затишьѣ глубокихъ логовъ и подъ прикрытіемъ холмовъ, поросшихъ еще пезеленѣющими лѣсками. Илья хоть и выдавалъ себя дорогою за плотника, но избѣгалъ застаиваться въ падкихъ ко всякому порядку колоніяхъ свѣтловолосыхъ и длинноногихъ нѣмцевъ, и спѣшилъ далѣе, чтобъ его не задержали, хотя румяные хозяева, покуривая трубки у воротъ, въ виду свергавшихся съ холмовъ весеннихъ водопадовъ, и приглашали его закусить или наняться поработать. Илья кланялся и изо всѣхъ силъ ковылялъ далѣе по лужамъ быстрыми намокшими ногами.

Онъ свернулъ, какъ сказано выше, въ степи къ Дону. Дорогу еще пересѣкали ручьи, впадавшіе въ Волгу. Тутъ еще при его появленіи взлетали съ водныхъ заливовъ и озерковъ черные бакланы и бабы-птицы, тяжоло шлепая крыльями и уносясь не къ западу, на Донъ, а къ востоку, къ недальней Волгѣ. Изъ-подъ ногъ Ильи вспархивали кулики, и поднимаясь исполинскими стадами, помрачали небо разнородныя утки, мартыши и бѣлокрылые, важные, тихіе лебеди. Пройдены небольшіе пески и разметанные по тучнымъ супескамъ знаменитые арбузами хутора. Тутъ Илья наткнулся на кочевавшихъ въ ближніе заливные луга калмыковъ. Они накормили его вдоволь бараниной и дали ему въ путь свѣжихъ сухарей. Они не спросили его откуда онъ и куда, медленно проводили его узкими глазами, и вставая отъ ѣды, за которою Илья ихъ засталъ, начали творить на востокъ свой вѣчный намазъ. Въ одномъ селѣ поздно вечеромъ онъ завидѣлъ лацканъ и фуражку инвалиднаго солдата, сидѣвшаго съ ружьемъ подъ хатою; двое другихъ инвалидовъ стояли у воротъ.

— Что здѣсь? спросилъ Илья у мужика.

— Арестантовъ ведутъ.

— Откуда?

— Съ Дона.

— Есть между ними бабы или старики?

Digitized by Google

— Есть старикъ и съ нимъ молодица.

Сердце у Ильи замерло. Онъ всю ночь бродилъ возлѣ двора той хаты, заходилъ въ сосѣдній дворъ, заглядывалъ съ улицы въ темныя окна хаты, даже зачѣмъ-то на крышу ея взлазилъ. Сосѣдская собака чуть ему не отгрызла ногъ. На зарѣ конвой съ арестантами двинулся далѣе. Илья забѣжалъ впередъ: но старикъ съ молодицею были другіе незнакомые люди. Илья перекрестился и пошолъ далѣе къ Дону.

Поднявшись на небольшой кряжъ, съ котораго ручьи текли уже гладкою, синѣющею отъ снѣговыхъ озеръ степью не въ Волгу, а въ Донъ, Илья завидѣлъ рядъ куреней, въ какихъ временно живутъ артели землекоповъ. Курени шли по чертѣ ровной насыпи, прямою стрѣлкой, пересѣкавшей въ этомъ мѣстѣ степь отъ одного края небосклона до другого. — «А! подумалъ Илья: это ведутъ линію чугунки изъ Калача въ Царицынъ.» Рабочіе копошились по всему протяженію линіи, насыпая полотно, возводя мосты и временныя зданія для станцій. Склады камней, песку и бревенъ, оттаявшіе отъ снѣговъ, виднѣлись вблизи насыпей. Дымились вездѣ костры. Между куренями прохаживались съ палочками артельщики. Кое-гдѣ, вмѣсто насыпей, торчали пока одни колышки значковъ, направляясь то на несрубленную еще рощу дубковъ и тополей, то на несвезенный со степи стогъ сѣна, то на рѣку, синею подковой пересѣкавшую черту обозначенной желѣзной дороги. По протяженію послѣдней, когда на нее наткнулся подъ-вечеръ Илья, въ разныхъ мѣстахъ снова слышалась на далекое пространство, у забиваемыхъ свай и перевозимыхъ бревенъ и камней, завѣтная пѣсня рабочаго поволжскаго и донского люда: «Охъ, дубинушка, охъ-ни! охъ, зеленая, охъ-ни!» — Илья вмѣшался въ кучи рабочихъ. Илья недавно пришли съ юга, были и въ Ростовѣ.

— Что, братцы, не слыхать, въ Ростовѣ не ловили въ послѣднее время бурлаковъ, бродягъ, не посадили въ острогъ тамъ одного каретника?

— Бродягъ ловили, а про каретника мы не слыхали.

Вотъ послѣднія поляны переволочной степи. Дулъ порывистый вѣтеръ. Срывались поминутно особые рѣзкіе вихри, которые постоянно носятся между двумя громадными рѣками, отъ вѣтровъ, дующихъ тутъ, какъ въ настежъ растворенныя двери.

Еще верстъ пять-шесть, еще мелкіе лѣски, песчаные бугры,

Digitized by Google

новыя снѣговыя озера и ручьи. Вотъ и Донъ, старый батюшка Донъ Иванычъ, кормилецъ восточнаго казачества. «Гдѣ же мои-то пташки? думалъ Илья: — закованы ли они въ цѣпи, или еще на волѣ въ Ростовѣ? Когда-бъ еще захватить ихъ... Все бы расказалъ. Надо уйти за тридесять земель».

Въ Калачѣ Илья остановился, чтобъ отдохнуть, высмотрѣть лучше путь, просушить намокшее отъ дороги бѣлье и спѣшить снова далѣе. Терпѣніе его исчезало. Ноги сильно подбились. Чтобъ встрѣтить Талавѣрку съ дочкой, еслибы ихъ вели уже изъ Ростова, ему нужно было идти пѣшкомъ далѣе на югъ по берегу Дона. Но силы оставляли Илью. Ѣхать сухопутьемъ было дорого. Онъ рѣшился спуститься въ Ростовъ на пароходѣ и положилъ пойти узнать въ Калачѣ о цѣнахъ и о томъ, пачалось ли снова пароходство. Тутъ у построекъ главной пристани, съ невиданною по величинѣ насыпью черезъ осушенную лощину, прямо отъ полотна дороги къ обрывистому берегу Дона, толпилось множество всякаго народа. Илья не узналъ мѣста, гдѣ онъ былъ еще годъ назадъ, возвращаясь изъ бѣговъ домой, попросился на постой на краю станицы-городка къ раскольницѣ-казачкѣ, назвался ей плотникомъ съ Волги и пошолъ по улицамъ, будто бы искать у артельщиковъ работы, а по настоящему разузнать, какъ ему спуститься дешевлѣ Дономъ внизъ.

Въ нѣсколько мѣсяцевъ бѣдная, глухая и заброшенная казацкая прибрежная слободка Калачь превратилась въ оживленный и веселый городокъ. Съ дорожной насыпи, пересѣкшей ложбину, въ которой недавно еще торчалъ всего десятокъ другой избушекъ, теперь какъ съ горы виднѣлось черезъ рѣку правое прибрежье Дона. Тѣже голубые холмы и полосатые отъ водомоинъ и лѣсковъ горбы, какъ и на Волгѣ; тѣже воды, пески, луга, барки и затоны. Но все это въ меньшемъ видѣ противъ Волги, точно снимки съ ея величавой дали, съ ея горъ и водъ.

Каменный уголь большими запасами лежалъ по берегу. У пристани смолились и конопатились опрокинутые на-бокъ пароходы, а другіе пароходы были уже спущены на воду. Рельсы, гвозди, бревна, доски и каменный щебень безпрестанно попадались подъ ноги Ильи тамъ, гдѣ годъ назадъ, въ вѣтеръ и въ зной, среди глухихъ улицъ крутился одинъ песокъ, да бѣгали голодныя собаки и голые ребятишки. Швейцарскіе домики правленія дороги, съ крышечками и рѣзными фронто-

Digitized by Google

нами, подымались тамъ и сямъ. Были вездѣ уже разбиты и насажены молодые садики. Десятки потонувшихъ въ дыму и въ чаду кузницъ, стуча молотами и сверкая искрами у наковаленъ, протянулись по берегу. Тутъ же шумѣли народомъ какъ изъ земли выросшія всякія харчевни, распивочныя, погреба и мелочныя лавки. Въ сторонѣ воздвигалось громадное кирпичное зданіе будущаго воксала и колодезь съ паровикомъ для накачиванія воды. Перегачивался сбоку пространный, дикій и тихій затонъ Дона. По новымъ зданіямъ, выкрашеннымъ свѣжею, веселою краской, надъ тонкими переплетами большихъ, ясныхъ оконъ, чернѣли въ воздухѣ новенькія толевыя крыши. На столбахъ у главнаго дома правленія развѣвался флагъ. Гдѣ-то изъ крохотнаго игрушечнаго домика, возникшаго среди неутоптанныхъ еще сорныхъ прошлогоднихъ травъ, неслись звуки рояля и пѣлъ нѣжный, женскій голосъ. Окно, съ цѣлью захватить запаса перваго, весенняго воздуха и тепла, было раскрыто. Малиновая занавѣсочка колыхалась надъ горшками расцвѣтшихъ гіацинтовъ и примуловъ. На подоконникѣ лежала книжка. Голосъ выпѣвалъ трели модной итальянской аріи. А за игрушечнымъ, будто на одинъ мѣсяцъ сколоченнымъ домикомъ, также заслыша въ воздухѣ весну и любовь, надсѣдались отъ криковъ два пѣтуха и стаи воробьевъ, отцы которыхъ еще годъ назадъ видѣли съ этого мѣста одни голубые молчаливые холмы по тотъ бокъ Дона, да слышали свистъ вихрей съ обгорѣлой въ зноѣ степи между Волгою и Дономъ.

Молоденькій офицерикъ изъ мѣстныхъ инженеровъ съ отрядомъ команды разбивалъ по площадкамъ, между уцѣлѣвшихъ избушекъ, планъ улицъ и зданій будущаго городка.

На работу его смотрѣлъ заѣзжій изъ столицы ревизоръ общества строителей дороги. Бабы-казачки, подперши щоки руками, ходили за офицерикомъ и выли, причитывая: «Что намъ и деньги твои, когда хочешь, батюшка, наши хаты ломать, гдѣ наши дѣды и прадѣды жили!» Илья рѣшился стороной подойти и послушать чего бабы воютъ. Онъ вмѣшался въ кучку рабочихъ, ходившихъ также за офицерикомъ.

— Вотъ! говорилъ инженеръ, посмѣиваясь и указывая ревизору на воющихъ бабъ: — вотъ и толкуйте съ ними-съ... Имъ за каждое бревно даютъ вдесятеро; каждаго цыпленка и каждый кувшинъ молока черезъ насъ теперь у нихъ покупаютъ

Digitized by Google

въ двадцать разъ дороже, а они воютъ-съ... Не хотятъ вѣрить ихъ мужья, не скупаютъ тутъ пустыхъ еще мѣстъ по будущимъ улицамъ, а по ночамъ только мои колышки крадутъ и переставляютъ на сосѣдскіе участки, полагая, что колья разбиваютъ безъ плановъ. Дичь, глушь... А промышленный народъ изъ другихъ мѣстъ уже пронюхалъ лакомые углы; вѣрите ли? На той главной улицѣ, гдѣ уже строиться можно, не успѣвалъ я-съ, говоря иносказательно, колышковъ разбивать, какъ за моею спиной уже выростали дома-съ... Смѣетесь? Ей-богу такъ-съ! Вотъ гдѣ страна съ кисельными-то берегами, да съ молочными рѣками, о которыхъ вралъ въ сказкахъ нашъ народъ. Вотъ куда онъ хлынетъ вскорѣ. Вы тамъ надъ бумагами сидите, а тутъ въ очію-съ, заново такъ-сказать строится востокъ Россіи-съ... Слышали вы, въ Ростовѣ на Дону, въ нашемъ-съ южномъ Ливерпулѣ, шестьсотъ капиталовъ купеческихъ, газету свою тамъ думаютъ издавать, театръ строятъ, пристани для пароходовъ создаютъ, о газѣ помышляютъ... А казачки наши! въ кринолинахъ всѣ уже ходятъ, всѣ... вотъ какъ-съ... Сама съ ведрами за водой идетъ, а кринолинъ изъ обруча болтается по ногамъ, такъ-то-съ, прогресъ! Бабы! вы будете тоже въ кринолинахъ ходить? отнесся къ кучѣ хныкавшихъ бабъ веселый офицерикъ.

Сумрачный ревизоръ, питерскій чиновникъ до мозга костей, обдумывалъ рапортъ на сѣверъ о чудесахъ, которые дѣйствительно онъ засталъ здѣсь. Бабы не отвѣчали и попрежнему плакали.

— Одна бѣда! продолжалъ инженеръ, оправляя фуражку, съѣхавшую ему на разгорѣвшійся отъ работы и сильно вспотѣвшій затылокъ: — въ нашемъ Ливерпулѣ, въ Ростовѣ, стали снова тѣснить бѣглыхъ... На дняхъ опять поймали тамъ этого полезнаго народа сотни двѣ. Острогъ отъ нихъ того и гляди развалится, какъ черезъ мѣру набитый мѣшокъ. Былъ бы я правителемъ, не то, что тѣснить, я бы имъ премія давалъ за бѣгство сюда. Рукъ у насъ вовсе нѣтъ, а работы гибель... Поймали тамъ тоже одного разбогатѣвшаго бѣглаго каретника... Онъ перемѣнилъ имя, назвался молдаваниномъ. Шумная вышла исторія...

Илья вздрогнулъ и сталъ пристально слушать; но инженеръ свернулъ вдругъ, болтая и весело посмѣиваясь, роковую черту

Digitized by Google

колышковъ на чей-то огородъ; бабы опять взвыли, какъ оглашонныя, и дальнѣйшихъ словъ офицера Илья не разслышалъ. Боже, чего бы не далъ Илья за то, чтобъ дослушать до конца исторію офицера о каретникѣ. Привела же его судьба на этотъ расказъ! Онъ думалъ было даже прямо къ нему идти, упасть ему въ ноги, умолять его сказать ему что же сталось съ тѣмъ каретникомъ, гдѣ онъ, что онъ? Думаютъ ли его воротить къ его барынѣ, можетъ ли онъ откупиться имуществомъ своимъ? Но какъ пойти ему, безпачпортному, бѣглому?.. А Настя-то, Настя! Что съ нею бѣдною, гдѣ она?

— Давай мою котомку, бабуся! сказалъ Илья, поспѣшно войдя въ избу своей хозяйки.

— Развѣ не нашолъ себѣ работы?

— Не нашолъ. Пойду дальше.

— Куда же?

— Въ степь, на полотно дороги, въ землекопы.

— Да ты оттуда пришолъ? подозрительно замѣтила казачка.

— Ничего, опять туда. Тутъ невыгодно! Сколько тебѣ, тетка, за ѣду, да за постой? торопливо спросилъ Илья, взялъ слегка подсохшее бѣлье и пошолъ къ пристани. Тамъ грузился рабочими первый буксирный пароходикъ, сооружонный для пробы, съ назначеніемъ спуститься немедленно за какими-то припасами внизъ по Дону. Илья назвался обитателемъ одной изъ донскихъ низовыхъ станицъ, заплатилъ за себя деньги и пристроился въ самомъ глухомъ углу на палубѣ парохода, между всякою клажею и рухлядью, у кормы. Сердце его сильно билось. Онъ такъ бы и полетѣлъ, развернувши крылья надъ водою, въ обгонку баклановъ, куликовъ и утокъ, ставшихъ вылетать изъ-подъ носа пароходика, когда тотъ вскорѣ поднялъ якорь и, взявши на буксиръ барку съ мукой, плавно пошолъ внизъ по теченію Дона.

Илья вздохнулъ еще отраднѣе, когда пароходъ миновалъ главные, опасные лѣтомъ и осенью песчанные перекаты, родъ плоскихъ пороговъ на Дону.

— «Если Талавѣрка еще на свободѣ, буду его молить убѣжать; не согласится, упрошу Настю, переодѣнемся нищими и пѣшкомъ уйдемъ въ Молдавію; я ходы знаю. Мнѣ уже не возвращаться домой... А если ихъ уже арестовали? Ну, до Ростова на пароходѣ буксиромъ больше пяти-шести сутокъ теперь въ

Digitized by Google

половодье не проѣдешь. Я ихъ должно быть захвачу еще на мѣстѣ. Дешёвку взбунтую, освобожу ихъ. Что теперь толки о волѣ! Не будетъ ея болѣе, навѣрно. Народъ теперь меня послушается; стану всѣхъ угощать, развѣ денегъ не станетъ... И точно, маловато остается... А отецъ-то мой, отецъ! Я ли не спѣшилъ къ нему, я ли не любилъ его? Съ кѣмъ дружбу водитъ! Людей моритъ, невѣсту сына погубилъ, у бѣдняка Кирюхи Фросю отбилъ... А я-то ее тогда изъ голубятни вызволилъ!»

На пароходѣ былъ разнородный людъ: казаки и ярославскіе плотники, караванъ татаръ, ѣхавшихъ въ Ростовъ, а оттуда черезъ Стамбулъ, на богомолье въ Мекку, и нѣмцы-колонисты, затѣявшіе усладиться побывкой на родинѣ, черезъ тотъ же Ростовъ, Одессу и Дунай. Жидъ-фокусникъ сталъ тутъ же показывать фокусы; итальянецъ-скульпторъ, жившій въ Астрахани, перевалившись сюда съ Волги, разложилъ кучу разныхъ фигурокъ и предлагалъ ихъ желающимъ купить. Какая-то казацкая помѣщица, счастливая маменька взрослаго сынка, жаловалась вслухъ, сидя на чемоданѣ и кушая съ сынкомъ булочку, что еще донынѣ некончены и неоткрыты тутъ ни желѣзная дорога на Волгу, ни обѣщанное вскорѣ пасажирное пароходство на Дону.

— «Ѣдешь съ этимъ сѣрымъ мужичьемъ! толковала вслухъ молодица казацкая помѣщица сосѣдкѣ, попадьѣ изъ Цымлянской станицы: — ѣдешь, а они жрутъ тухлую рыбу. Сынъ у меня рисуетъ... портретики красками и карандашомъ пишетъ! Достань ихъ, Коля, твою работу изъ моего мѣшочка, и скажи, сколько тебѣ въ Новочеркасскѣ за такія картинки другіе гимназисты денегъ предлагали?

Висяоухій, десятилѣтній Коля полѣзъ въ маменькинъ мѣшокъ, пока мамаша продолжала ѣсть булочку, досталъ оттуда картинки и сталъ ихъ показывать попадьѣ и мужикамъ, шепелявя и картавя немилосердно.

— Мнѣ за тѣ калтиноцки пледлагали, мамасицка, по цетвелтину!

— А вы знаете, душечка! продолжала помѣщица попадьѣ: — что у моего сына и хозяйство свое есть. Что я ему ни дамъ на гранки, онъ сейчасъ на хозяйство. Коля, есть у тебя [illegible]?

Digitized by Google

— Есть, мамаса, овецка!

— А лошадка есть живая?

— Есть и зивая лосадоцка, мамаса!

— А отчего старый холостякъ твой дядя, вмѣсто того, чтобы тебѣ все свое наслѣдство оставить, женился на молоденькой на той, знаешь, на Стоценковой дѣвушкѣ?

— Потому, мамасицка, цто у этой дѣвуски свое состояньицо есть; ему и захотѣлось имѣть есце свою халосую кобылку съ зелебятоцками на заводѣ!

Попадья надсѣдалась отъ невинныхъ выходокъ вислоухаго сынка помѣщицы. Смѣялись добродушно и мужики, и оттого, что казачкѣ-барынѣ не нравилось ихъ сосѣдство съ провяленною рыбкою на запасъ, и оттого, въ какихъ видахъ женился старый холостякъ, дядя ея сынка. Всѣ смѣялись: татары, жиды, нѣмцы и итальянецъ. Одинъ Илья не смѣялся. Что онъ думалъ? Куда смотрѣли его усталые, темные и измученные безсонницей глаза?

А пароходъ плылъ и плылъ далѣе, ночуя у одинокихъ войсковыхъ станицъ или у рыбацкихъ пристаней и перевозовъ. Одни изъ странниковъ оставались на сушѣ, другіе снова всходили на пароходъ и плыли далѣе, усердно въ трудные часы помогая шестами и канатами лоцманамъ при переходѣ перекатовъ, древесныхъ корчей и крутыхъ поворотовъ Дона. Едва пароходикъ останавливался, грузясь каменнымъ углемъ, путники выходили на берегъ, собирали сучья, сухія травы и камыши, раскладывали на совершенно-дикомъ и необитаемомъ прибрежьи костры, ловили удочками и черпаками рыбу, стрѣляли изъ ружей дичь, ставили дорожные самоварчики, стряпали себѣ ѣсть, бродили по окрестнымъ песчанымъ кучугурамъ или по безлистымъ еще лѣскамъ, и пѣли отъ зари до зари. Впередъ, впередъ...

Шли опять, обрываемые мутными водами, жолтые песчаные берега. Затопленные по маковки столѣтнихъ вербъ и дубовъ луга смѣняли ихъ. Крутобережья опять прерывались туманными, залитыми долинами. Рыбачьи землянки, курени перевозчиковъ, стада овецъ, выгнанныхъ на тощія первыя травы, взлетающіе тамъ и здѣсь гуси, лебеди, мильоны утокъ и куликовъ, среди водныхъ разливовъ и на песчаныхъ косахъ встрѣчныя барки, лодочки и паромы на веслахъ, все это смѣ-

Digitized by Google

яло одно другое. А тамъ далѣе, по береговой возвышенной полосѣ справа, являлись картины иныя. Верболозы и камыши, окружавшіе плоскія кровли казачьихъ неводскихъ хатъ и куреней, стали смѣняться обширными бревенчатыми станицами, съ высокими церквами, лавками и торговыми площадями. Замелькали синіе чекмени, красные лампасы шараваръ и сабли казаковъ; кое-гдѣ у станицъ, вздымая первую пыль, бродили по мѣловымъ и глиняным холмамъ стада курдючныхъ овецъ. Стали попадаться отвѣсныя каменистыя горы, жарко отражавшія съ весны солнечные лучи, а по нимъ мелькали уже рядами жерди и колья, въ ожиданіи близкой выемки на воздухъ виноградныхъ лозъ. По крутымъ тропкамъ, съ коромыслами на плечахъ, шли за водою въ красныхъ и черныхъ шапочкахъ казачки...

II

ВОЛЯ СКАЗАЛА И ДѢДЪ ЗНИЕЦЪ

У какой-то станицы, съ войсковымъ окружнымъ правленіемъ и школою на берегу, пароходикъ поддало теченіемъ къ камнямъ. Пока народъ на немъ суетился, то выскакивая на берегъ, то бродя въ водѣ по поясъ и отталкиваясь шестами, помѣщица-казачка стала опять бесѣдовать съ попадьею.

— Смотрите, матушка, вотъ это школа противъ насъ, видите; а вотъ это крыльцо, какъ-разъ надъ нашею головой, и открытыя окна. Видите что дѣлаютъ за класомъ ученики? Не видите? Присмотритесь... Ахъ, негодяи! Вонъ, кладутъ въ ротъ бумагу, жуютъ и плевками кидаютъ ею въ потолокъ. Видите? Весь уже потолокъ залѣпленъ жованою бумагой...

— А гдѣ вашъ сынъ? нежданно спохватилась попадья.

Кинулись искать Колю; нѣтъ его. Уже пароходикъ отчалили отъ камней, уже лоцманъ давно сердился и кричалъ, что уѣдетъ. Помѣщица ломала руки, пищала и вопила на разные лады: — «Ахъ, мой Количка! Утонулъ, утонулъ; вы мнѣ потопили моего Колечку, моего сына!» — «Было бы на другихъ не заглядываться; да не пересуживать гимназистовъ!» шептали мужики.

Кто-то молча тронулъ барыню за плечо, когда пароходъ наконецъ уже начиналъ плыть далѣе по теченію. Она оглянулась:

Digitized by Google

Илья Танцуръ рукою указывалъ ей далеко на берегу ея сына, бѣжавшаго что было силъ съ узломъ какихъ-то припасовъ, переулкомъ съ базара. Путники сжалились надъ барыней, упросили лоцмана остановиться, спустили лодку и взяли сорванца-мальчишку опять на пароходъ. Мать такъ сразу и накинулась на сына съ кулаками. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но разревѣлся, забился за барочную кладь и только къ вечеру того дня на новомъ привалѣ рѣшился сойти опять въ общій кругъ на берегъ. Это уже былъ четвертый день странствія парохода.

— Чтожъ ты, мерзавецъ, отнеслась мать къ сыну: — прорвался одинъ на берегъ, накупилъ себѣ крендель, а не скажешь покрайней-мѣрѣ что видѣлъ и что слышалъ тамъ въ этой станицѣ?

Спутники обступили счастливую чету, на коврикѣ у прибрежья, съ попадьей и еще двумя старушками, самоварничавшую на всемъ привольи свѣжаго весенняго вечера. Мальчикъ все еще дулся.

— Какъ бы я, сударь, не указалъ васъ въ переулкѣ на берегу матери вашей, остались бы вы тамъ! добавилъ Илья, старавшійся вообще, чѣмъ далѣе къ югу, сохранять наружное спокойствіе.

— Э! возразилъ мальчикъ: — тамъ чудеса происходили...

— Это еще что? злобно спросила маменька, наливая себѣ и пріятельницамъ по новой чашкѣ.

— А вотъ почему, мамасицка; тамъ въ церквахъ манифестъ про волю читали, какъ я бѣгалъ на базалъ...

— Про волю? пронесся гулъ въ толпѣ, и слушатели тѣснѣе сгустились вокругъ мальчика.

— Кто тебѣ навралъ объ этомъ? Ахъ ты, негодяй, негодяй! Вотъ уши опять нарву! кричала маменька, и въ вольной донской казачинѣ умудрившаяся обзавестись хуторомъ съ крѣпостными людьми.

— Ну, лвите, я замолчу; а все-таки манифестъ про волю читали, и всѣ купцы въ соборъ побѣжали слусать; однѣ торговки остались на базалѣ...

Еще сильнѣе откликнулась эта вѣсть въ сердцахъ слушателей. Илья... надо было взглянуть на него!.. Илья замеръ и едва переводилъ дыханіе. Изнученные каріе глаза его такъ и пожирали исковерканнаго всякимъ баловствомъ барчонка.

Digitized by Google

— «Боже, Боже! думалъ онъ: — гдѣ и черезъ какого вѣстника пришлось услышать мнѣ и остальнымъ тутъ людямъ давно желанную вѣсть! Хоть бы скорѣе въ Цымлу, или въ Аксай пріѣхать. Тутъ опять пойдутъ глухія деревеньки; все-равно въ нихъ не добьешься ни о чемъ толку!.

— «Недаромъ нашъ пароходъ къ камнямъ тамъ прибило! толковали другіе путники изъ озадаченныхъ, поражонныхъ донельзя и радостно-потрясенныхъ помѣщичьихъ крестьянъ:— это Господь насъ причалилъ туда, чтобы мы вѣсть эту услышали дорогой; недаромъ мы провозились у берега, намокли въ водѣ и назябли́сь. Все главный лоцманъ виноватъ; виноватъ Лобко́.»

Напустились на Лобко́. Перебирали десятки мнѣній и предположеній, но ничего изъ этого не выходило. Мальчикъ ковырялъ въ носу и шепелявя и плямкая твердилъ одно и тоже: читался манифестъ о волѣ, и баста, безъ поясненій. — Такъ путники двинулись далѣе, съ замирающимъ сердцемъ высматривая съ барки: скоро ли мелькнетъ еще какая-нибудь большая прибрежная станица... Душа Ильи разрывалась отъ двухъ тревожныхъ мыслей: что сталось съ Талавѣркой и съ его дочкой, и въ чемъ состоятъ огненныя, небесныя слова этого манифеста о волѣ? Илья ушолъ на свое мѣстечко на пароходѣ, упалъ на колѣни и сталъ молиться. Его примѣру послѣдовали другіе. День былъ ясный, тихій. Солнце ярко катилось по небу. Пароходъ, пыхтя, плылъ вдоль пустынныхъ береговъ...

А благовѣстное слово о волѣ наконецъ дѣйствительно прилетѣло и на югъ, и громко раздавалось тутъ въ то время, какъ первый пароходъ изъ Калача плылъ внизъ по Дону съ Ильей Танцуромъ и съ другими его спутниками. Эта вѣсть открыто и урывками, верхомъ на казацкихъ скакунахъ и въ почтовыхъ конвертахъ и сумкахъ, подвигалась впередъ, далѣе, въ города, войсковыя станицы, казачьи и помѣщичьи села и въ одинокіе хутора и деревушки. Вѣсть эту несла людямъ южная весна, на обтаявшія горы, на воскресшія синѣющія долины, черезъ затопленныя еще въ половодьи степи и вдоль шумныхъ, мутныхъ и рокочущихъ рѣкъ, вмѣстѣ съ этою вѣстью ломавшихъ льды, мосты, плотины и всякія гати и затворы.

— Скоро ли Цымла?

— Скоро ли Аксай?

Digitized by Google

— Скоро ли Ростовъ? допрашивали стараго лоцмана, хмураго Лобка, нетерпѣливые путники, томясь на пароходѣ.

— Скоро; не высохнете еще, не убудетъ васъ! отвѣчалъ Лобко: — потерпите....

Выплыла, вся въ знаменитыхъ виноградныхъ садахъ по скалистымъ ребрамъ окрестныхъ горъ, веселая Цымлянская станица. Народъ празднично двигался по берегу и издали махалъ пароходу платками... Подплыли; громкое ура! и незнакомые люди бросились другъ къ другу, поздравляя всѣхъ съ дѣйствительно-прочитанною волею.

— «Неужели жъ теперь все-таки Талавѣрку будутъ тягать? размышлялъ Илья: — нѣтъ! вѣрно онъ отнынѣ вполнѣ на свободѣ! Коли воля, такъ воля всѣмъ. Ну, а если его все-таки возьмутъ?.. Тогда надо освободить его. Послѣднія деньги отдамъ, еще достану, сторожей упрошу, умолю, а ужь ихъ вызволю, да и убѣжимъ. Домъ его нажитой заочно послѣ продадимъ... Что жить-то здѣсь?»

Народъ на пароходѣ шумѣлъ, ликовалъ.

— «И чего они радуются? злобно шептала помѣщица-казачка попадьѣ: — здѣсь вино дешево; еще перепьются и потопятъ насъ дорогою!»

— Оттого ладуются, перебилъ Коля мать: — что и имъ каждому хоцется имѣть свою кобылоцку съ зелебятоцками...»

Народъ однако не перепился, пароходикъ благополучно двинулся далѣе. Узнанныя болѣе подробно вѣсти передавались въ отдѣльныхъ кружкахъ на палубѣ. Илья слушалъ, распрашивалъ, но не радовался.

— «Эхъ, я все свое, что-то съ Талавѣркой, съ Настей? думалъ онъ: — можетъ быть эта воля сказана терпѣвшимъ, покорнымъ; а мы вѣдь бѣглые, бродяги... мы сами раньше срока взять себѣ захотѣли эту волю... Помилуютъ ли насъ, мучениковъ?»

На утренней зарѣ одного изъ слѣдующихъ дней на пароходѣ крикнули: «Ростовъ, Ростовъ...»

Илья всталъ, съ грустью взглянулъ на свою затасканную одежу, наставилъ ладонь къ глазамъ, узналъ Нахичевань, а версты черезъ три далѣе въ туманѣ Ростовъ, вздохнулъ и перекрестился.

— «Воля! подумалъ онъ: — всѣмъ воля! А Талавѣркѣ съ

Digitized by Google

Настей? Гдѣ-то они, радуются ли этой волѣ, ждутъ ли меня у себя въ домѣ, или горькая недоля ихъ разбила?»

Вскорѣ путники сошли на берегъ и простились другъ съ другомъ и съ хмурымъ лоцманомъ Лобкомъ.

— Куда-то теперь идти, кого о нихъ спрашивать? подумалъ Илья, сходя на берегъ.

Мѣстность была хорошо знакома Ильѣ. Многіе его здѣсь знали, и онъ пошолъ глухими переулками въ городъ, кое-какъ оправивши свою затасканную одежу и обувь. Не такимъ блѣднымъ, исхудалымъ, небритымъ, немытымъ и нечесаннымъ онъ покидалъ годъ назадъ этотъ самый берегъ и эти оживленныя площади торговаго донскаго городка.

— «Коли они еще живутъ у себя въ домѣ, думалъ Илья: я не сразу явлюсь, а вызову этакъ подъ вечеръ черезъ кого-нибудь изъ подмастерьевъ Настю. Ну, а если ихъ уже вывели? Кого спросить? Да! Коли не померъ дѣдъ Зинецъ, что огородъ съ ними рядомъ держалъ и намъ первый про волю настоящее всегда сказывалъ, пойду къ нему. Онъ ихъ сосѣдъ и вѣрно все про нихъ знаетъ...»

Илья Танкуръ шолъ быстро и незамѣтно очутился на углу той улицы, гдѣ жилъ годъ назадъ каретникъ Талавѣрка. Съ замирающимъ сердцемъ онъ остановился у перекрестка, откуда былъ уже видѣнъ домъ Талавѣрки. Улица была попрежнему пустынна и тиха. Кое-гдѣ только и прежде бывало пройдетъ по ней горничная съ узломъ, маклеръ торопливо шмыгнетъ съ бумагами обратно изъ магазиновъ, да собачка выскочитъ изъ чьихъ нибудь воротъ, полаетъ, повертится и опять убѣжитъ. Илья затаилъ дыханье, пересилилъ себя, прошолъ мимо знакомаго дома и ужаснулся его тишинѣ и запустѣнію. Онъ все еще надѣялся... Чтобъ взглянуть на этотъ домъ яснѣе, онъ зашолъ издали съ другого конца улицы; потомъ обошолъ сосѣдними кварталами въ улицу, гдѣ дворъ Талавѣрки выходилъ заднею стороною въ подгородные обширные огороды. Илья направился въ огородъ, который снималъ дѣдъ Зинецъ, оброчный обыватель одной глухой азовской деревушки, принадлежащей помѣщику Колыбелкину. О, какъ знали въ кругу бѣглаго люда въ Новороссіи этихъ счастливыхъ оброчниковъ Колыбелкина! Состояніе свое этотъ господинъ нажилъ такъ. Явится бывало прежде въ Ростовъ или въ Маріуполь бродяга, мужичокъ изъ не очень бойкихъ, начнетъ ра-

Digitized by Google

ботать у купцовъ, разумѣется за пустяки, а самъ все боится попасться съ фальшивымъ, грубо-состряпаннымъ пачпортомъ изъ донскихъ гирлъ. Ему и скажутъ знакомые люди: «Видимъ, что ты трусоватъ, а парень хорошій; такъ и такъ; ступай туда-то вотъ къ Колыбелкину: онъ тебя устроитъ». Мужичокъ явится въ назначенную деревню, поработаетъ Колыбелкину нѣсколько мѣсяцевъ даромъ; хозяинъ и работникъ другъ-друга узнаютъ. Тутъ Колыбелкинъ и пуститъ въ ходъ дѣльцо. — Онъ когда-то купилъ въ Россіи полтораста душъ крестьянъ, вывезъ ихъ въ степь, а они, какъ это тутъ не новость, мало-помалу всѣ взяли да и перемерли. Сначала умирающіе у него отмѣчались по церковнымъ спискамъ, а потомъ вдругъ перестали... Явится человѣкъ со стороны, его и помѣстятъ въ пустую избу, подъ именемъ кого-нибудь изъ убылыхъ. Такъ и составилась за-новo вымершая деревенька Колыбелкина. Изъ новыхъ поселенцовъ стали опять люди умирать. Колыбелкинъ и этихъ перестаетъ за малыми исключеніями показывать въ спискахъ умершихъ, принимая на мѣсто ихъ новыхъ поселенцевъ. Такимъ образомъ, въ мѣстной статистикѣ, его имѣніе ознаменовалось неимовѣрнымъ здравіемъ и долголѣтіемъ своихъ жителей. Новыхъ названныхъ крестьянъ своихъ Колыбелкинъ отнюдь не стѣснялъ. Зная, что имъ понюшки табаку стоило снова навѣки проститься съ нимъ, онъ обязывалъ ихъ только самыми ничтожными поборами: приказывалъ имъ вносить за настоящихъ своихъ давно-умершихъ двойниковъ казенныя подати, оплачивать расходы по доставленію имъ изъ казначейства законныхъ пачпортовъ и сверхъ-того лѣтомъ каждый рабочій и работница обязаны были даромъ, съ полученіемъ только порціи водки и хорошихъ харчей, проработать у него въ самую горячую полевую пору при уборкѣ сѣна и хлѣба по мѣсяцу въ году. И Колыбелкину было хорошо, и мнимымъ его крестьянамъ не дурно, сравнительно съ другими. Эти-то крестьяне слыли въ окрестностяхъ подъ именемъ колыбелкинскихъ оброчныхъ. Земскій судъ раза два было стремился подкопаться подъ тайны деревушки Колыбелкина, заброшенной въ глуши окрестныхъ степей, между оврагами и болотами, куда и дороги никакой никогда не было, и ничего не могъ сдѣлать. Мѣстный становой разумѣется получалъ отъ ловкаго владѣльца деревушки казенныя и молчалъ. Къ такому-то оброчнику Колыбелкина зашолъ на

Digitized by Google

огородъ потерянный бѣдняжъ Илья Танцуръ, самъ не помня себя отъ горя и отчаянія и съ ужасомъ замѣчая какъ опустѣлъ недавно еще кипѣвшій жизнію домъ каретника Талавѣрки.

Дѣдъ Зинецъ лѣтъ подъ семьдесятъ, худой, длинный, сгорбленный и съ бѣлыми какъ пухъ волосами и бородой, сидѣлъ въ это время на рогожкѣ передъ куренемъ и дрожащими, пожелтѣлыми руками разбиралъ бобы и другія сѣмена для посѣва. Соломенный курень его стоялъ подъ навѣсомъ акацій и только-что окинувшихся цвѣтами черемухъ. Кругомъ шли свѣжія, недавно вскопанныя гряды огорода. На куренѣ была раскинута рыбачья сѣть, которую Зинецъ отъ скуки взялся кому-то оснастить. На дворѣ было тепло и тихо. Южное солнце грѣло отрадно старыя кости. Худыя руки и впалая изможденная годами грудь дѣда были точно бронзовыя отъ несходившаго съ нихъ загара. Отъ бѣлой чистой рубахи и какой-то важной, точно апостольской, кудрявой головы его, съ сѣдыми нависшими бровями и широкой бородой, эти бронзовыя руки и грудь казались еще болѣе темными и худыми. Илья, живя годъ назадъ у Талавѣрки, не разъ видѣлъ Зинца и говорилъ съ нимъ о своей судьбѣ. Зинецъ всегда былъ мрачнымъ, нахмуренъ, какъ-будто не узнавалъ и не помнилъ людей, съ которыми встрѣчался, не любилъ шутокъ, не любилъ много разговаривать и, несмотря на старость, отлично велъ свое дѣло. Исчезая неизвѣстно куда съ осени, онъ являлся рано весной, снималъ опять это мѣсто, нанималъ поденщиковъ, обработывалъ его, берегъ его цѣлое лѣто отъ большихъ и малыхъ воровъ, продавалъ выгодно сборъ, чуть передвигая ноги, относилъ къ мнимому помѣщику своему Колыбелину оброкъ, получалъ отъ него пачпортъ и на зиму до новой весны скрывался опять. Одни говорили, что онъ зимуетъ тутъ же въ городѣ у своей кумы, горемычной и убогой солдатки; другіе, что зимой онъ постоянно хвораетъ и живетъ у какихъ-то расольниковъ-рыболововъ. Никто не зналъ, откуда Зинецъ родомъ и также для кого собиралъ онъ остатки отъ огорода и вообще отъ своихъ заработковъ. Знали только, что онъ съ невыразимымъ нетерпѣніемъ и болѣе всѣхъ жадно ожидалъ объявленія правительства волѣ, о которой тогда начинали всѣ говорить. — Сидя у куреня, Зинецъ видѣлъ, какъ въ огородъ вошолъ Илья, какъ онъ, шатаясь и дико озираясь, прошолъ между пустыми грядками, склонился черезъ заборъ и сталъ разсматривать опустѣлый дворъ Та-

Digitized by Google

лавѣрки. Дѣдъ наставилъ къ глазамъ ладонь, бросилъ сѣмена и началъ размышлять, кого бы это судьба занесла сюда? — «Ни души! думалъ между-тѣмъ Илья: вонъ кузницы, гдѣ ковали оси и шины, вонъ столярня, вонъ крыльцо и галлерея дома... Туда входила Настя... Вонъ уголъ амбара; тамъ въ осенніе длинные вечера часто сидѣли мы съ нею, окутавшись одною шубой... Вонъ окно ея комнатки... Пусто; ни души... Гдѣ же они? Что сталось съ ними? Неужели?..» — Илья оглянулся, оправился и тихо подошолъ къ Зинцу. Дѣдъ узналъ тутъ его сразу, но продолжалъ перебирать бобы, будто не видя его.

— Здравствуйте, дѣдушка.

— Здравствуй. Что тебѣ?

— Узнали вы меня?

— Что-то не помню. Чего пришолъ, а? Дай на тебя прежде посмотрю...

Илья поклонился.

— Дѣдушка Зинецъ! Будьте милостивы. Скажите, куда дѣвали вашего сосѣда?

Голосъ Ильи дрожалъ.

— Запрятали къ бѣсу. Въ острогѣ сидитъ... вотъ что!

— Въ острогѣ? Быть не можетъ... Господи!

— Сидитъ съ нимъ въ острогѣ и дочка его, прибавилъ дѣдъ, посматривая ласково на парня.

Илья помертвѣлъ и зашатался.

— А тебѣ-то они на что? спросилъ Зинецъ.

— Настя моя невѣста... будто вы меня не узнали? Я Илья Танцуръ... Помните?

— Невѣста? Такъ это ты, Илюша? спросилъ Зинецъ, грустно щурясь на Илью и осматривая его обрюзглое, заросшее волосами лицо, подбитые сапоги и порванную одежду: — такъ это ты опять воротился изъ своихъ мѣстъ?

— Воротился... Ахъ, дѣдушка, дѣдушка! Скажите на милость, когда и какъ схватили каретника?

Зинецъ покачалъ головой. Глаза его стали влажные, руки упали на колѣни.

— Слушай, да помни что я скажу тебѣ... Какъ тебя не помнить? Помню! Каретника выдали, выдалъ свой же братъ землякъ, какой-то христопродавецъ... Онъ зналъ, какъ добить его, и добилъ ловко, очень, Илюша, ловко... нечего ска-

Digitized by Google

зать. Много лѣтъ я тутъ сижу на огородѣ; много годовъ зналъ я Талавѣрку... Спокойно жилъ онъ тутъ, какъ пришолъ съ дочкой изъ Молдавіи. Всѣ считали его молдаваниномъ и я самъ ничего этого не зналъ. Вдругъ получили тутъ въ полиціи бумагу изъ его настоящихъ мѣстъ... Нашлась, видишь ли, братъ, его барыня... Кому-то захотѣлось крови его выпить. Ну, и выпилъ! По той бумагѣ сейчасъ наскочила на него полиція, хвать за его пачпортъ, а онъ поддѣланный. Изъ Букареста отписали, что никакого Масанешти тамъ и въ заводѣ не было... Пошли допросы... Многаго не могли узнать. Въ кандалы его и въ острогъ... Да не долго онъ и просидѣлъ тамъ, тутъ же отъ горя и заболѣлъ въ острогѣ... Горячка чтоли съ нимъ сдѣлалась. Настя за нимъ убивалась, ходила, оберегала его. Въ бреду-то онъ и сталъ кричать, да и выкричалъ всю правду: назвалъ и барыню эту свою, и уѣздъ и село, откуда онъ и почему бѣжалъ... Тутъ, какъ выздоровѣлъ онъ, по оговоркамъ этимъ его и уличили. Недавно, сказываютъ, онъ во всемъ сознался суду, куда его водили; имущество его положили продать, а деньги и его самого съ дочкой переслать по этапу къ его барынѣ...

— Какъ, къ барынѣ переслать? Къ этой Перебоченской, по этапу?..

— Да, къ ней именно! Сказываютъ, что кончаютъ теперь послѣднія бумаги, его домъ торгуетъ тутъ одинъ купецъ, все остальное уже распродано и скоро его поведутъ въ ваши мѣста. Да что! Почитай, что онъ рехнулся, уже не поправится; совсѣмъ какъ дитя сталъ, все плачетъ, качаетъ головой, смотря на дочку, и пищи почти не беретъ. Вѣдь ты тоже изъ его мѣстъ? Ты знаешь его барыню, Илюша?

Зинецъ съ той же грустью посмотрѣлъ на Илью, ноги котораго подкашивались.

— Дѣдушка! Все я вамъ скажу... не мучьте, не рѣжьте меня вашими словами? Скажите еще, можно видѣть его, Талавѣрку-то... въ острогѣ? Я молить его буду... Я столько верстъ прошолъ пѣшкомъ, проѣхалъ, чтобъ только увидѣть ихъ, бросить отца... Можно его видѣть?

— Что ты, что ты! Теперь уже тебя туда не пустятъ. Онъ въ секретной.

Илья упалъ съ ноги Зинцу.

Digitized by Google

— Дѣдушка, дѣдушка! вопилъ онъ рыдая: — развѣ вы не знаете? Я все вамъ скажу, все... Каретника я выдалъ, я, христопродавецъ, душегубъ, Іуда каторжный! Я, женихъ его дочки Насти...

— Ты? спросилъ Зинецъ, будто теперь догадавшись, кто былъ невольной причиной гибели каретника, и заморгалъ кустоватыми бровями.

— Именно я... Только не такъ, какъ вы можете подумать. Не по волѣ душегубъ я и Іуда! Самъ Талавѣрка, самъ онъ послалъ меня домой, чтобъ я землю себѣ выхлопоталъ, дворъ себѣ устроилъ. Я воротился домой къ отцу родному... Ну, воротился. А отецъ у нашего князя прикащикомъ сдѣлался. Съ перваго дня у насъ съ нимъ пошли споры. Онъ тянулъ меня въ контору, въ дворовые, а я къ міру просился, къ обществу нашему. О Талавѣркѣ и о его дочкѣ я проговорился сгоряча матери моей. Я не зналъ того, что чуть разбогатѣла и стала прикащицей, она пить начала, да... извините... въ пьяномъ видѣ должно быть и сказала про все отцу... Тутъ у насъ по сосѣдству вышло дѣло тоже. Выѣхали чиновники къ этой самой барынѣ, къ Перебоченской. Я попалъ случайно въ понятые. Ну, господамъ поблажки я не далъ... Что мнѣ дѣлать теперь, дѣдушка? Куда идти, кого просить, какъ спасти Талавѣрку? спрашивалъ Илья, ломая себѣ руки и въ безнадежномъ отчаяніи смотря на стараго огородника: — я и денегъ достану! Подкупить нельзя ли сторожей въ острогѣ, чтобъ дать имъ бѣжать? Отбить нельзя ли ихъ въ дорогѣ, когда ихъ поведутъ инвалиды по этапу? Я на Дешовку пойду! Подговорю отчаянныхъ людей...

Улица, гдѣ былъ огородъ, выходила за городъ. Кругомъ было тихо, грядки еще пусты. Мышь иной разъ шелестѣла въ сухой травѣ. Ни одинъ звукъ не доносился черезъ ограду къ куреню, у котораго сидѣлъ костлявый и рослый дѣдъ, а передъ нимъ, съ воспаленными, заплаканными глазами, измученный, исхудалый, позеленѣвшій отъ тоски и горя, бился о землю и вопилъ Илья Танцуръ.

— Что тебѣ дѣлать? Нельзя ли ихъ отбить? спрашиваешь ты. Нельзя ли ихъ освободить? говорилъ какъ бы самъ съ собою Зинецъ, смотря въ землю и почесывая широкую бѣлую бороду и изсохшую впалую грудь: — слушай! никому я этого не говорилъ, а тебѣ скажу. Дѣло твое пропало на вѣки! Да, пропало.

Digitized by Google

Слушай. Жалко мнѣ этого сосѣда-каретника... Плакалъ я, видя сквозь заборъ какъ пришла полиція, какъ стали шумѣть въ его домѣ, вывели его связаннаго изъ дому и на веревочкѣ повели въ острогъ съ дочкой... На немъ былъ еще синій хорошій кафтанъ, часы и плисовые шаровары; а Настя въ хорошемъ платьѣ и такая красивая. Не знали они что будетъ вскорѣ; шли еще спокойные, съ знакомыми, съ мастеровыми прощались, поручали досмотрѣть домъ и прочее... А я-то зналъ что изъ этого будетъ! Точно кто меня самого ограбилъ, какъ увидѣлъ я послѣ опись и продажу его вещей, сундуковъ, готовыхъ экипажей, инструментовъ, всего... даже дома... Ты удивляешься! Да, даже домъ его продали... Жалко мнѣ было его; но еще жальче теперь тебя... Пропало нашѣ и твое счастіе... Но ты спрашиваешь что́ тебѣ теперь дѣлать? Вотъ я и отвѣчу... Слушай! Всѣ мы несчастны, да не всѣ одинаково злую долю казнимъ. Никто про меня не знаетъ... Охъ... Мало уже мнѣ жить на свѣтѣ осталось... Забудь что я тебѣ и скажу... Много лѣтъ назадъ и я былъ крѣпакомъ, значитъ, подвластнымъ панскимъ холопомъ... Бѣжалъ и я, какъ ты, не даромъ. Мнѣ было тогда тридцать лѣтъ, и вотъ я почти сорокъ лѣтъ въ бѣгахъ. Ты тутъ жилъ въ Ростовѣ, такъ знаешь, я думаю, кто таніе мы всѣ колыбелкинскіе оброчники и какой онъ нашъ помѣщикъ. Этотъ панъ — тотъ же Фомка, что въ гирляхъ донскихъ пачпорты поддѣлываетъ; только онъ намъ выдаетъ пачпорты законные, за печатями, изъ казначейства. У Фомки пачпортъ купишь за полтину, а мы Колыбелкину вносимъ въ годъ по десять цѣлковыхъ на подати и прочее, да молодые ему еще лѣтомъ и работаютъ по мѣсяцу даромъ... Такъ постой же... О чемъ я сталъ тебѣ раскалывать? Да! мнѣ было тридцать лѣтъ, Илюша, какъ я убѣжалъ изъ своихъ мѣстъ... Отецъ мой кучеромъ нанимался; ну, и меня тоже кучеромъ положили сдѣлать. Отецъ мой у отца нашего барина не долго служилъ. Баринъ у него, долго не думая, отбилъ жену, выходитъ мою мать, да и увезъ ее въ другое имѣніе, значитъ въ наложницы взялъ. Отецъ терпѣлъ-терпѣлъ, да разъ выпилъ, охмѣлѣлъ, пошелъ и закололъ ножомъ при всѣхъ своего хозяина. Упалъ баринъ подъ ножомъ хмѣльного батьки, упалъ и духъ вонъ... Всполохнулся народъ; село все сбѣжалось... Я былъ еще маленькій. Помню, какъ блѣднаго отца моего сперва связали, а потомъ заковали и за большимъ конвоемъ въ городъ повезли.

Digitized by Google

Да онъ и не противился: самъ сдался и во всемъ признался. Я жилъ тогда во дворѣ на кухнѣ, у булочницы... Тутъ погодя и мать мою покойницу изъ другого имѣнія привезли... тоже закованную... Ну, отца наказалъ палачъ... Смутно я помню выѣздъ суда въ наше село: отца наказывали среди улицы! Сослали его потомъ въ Сибирь; съ той поры навѣки и слухъ о немъ пропалъ. Я тѣмъ временемъ выросъ; меня часто брали въ комнаты съ сыномъ покойнаго барина играть. Росъ я и ничего не понималъ; а тамъ и я кучеромъ къ нему нанялся. Молодой барченокъ нашъ затѣялъ жениться. Я его любилъ и на сватьбѣ его былъ главнымъ кучеромъ. Родились у барина молодого двое дѣтей, сперва дочка, потомъ сынокъ... Жена его была писанная красавица... Тутъ и я въ скорости посватался на нашемъ селѣ за одну дѣвушку... Охъ, Илюша... Помнишь? Я сказалъ, что пошолъ въ бродяги-то... на тридцатомъ году. Именно на тридцатомъ я и посватался... Любилъ я свою невѣсту, Илюша. . любилъ ее крѣпко, безъ памяти... вотъ такъ, какъ ты свою... Баринъ сталъ часто ѣздить въ отлучки, въ городѣ по выборамъ опредѣлился, а тамъ началъ и меня посылать въ разныя посылки, да все съ долгими порученіями: на недѣлю, на двѣ... Никакъ не успѣю все сватьбы моей сыграть... Ну... пришла осень... Родные моей невѣсты корятъ меня. Разъ возвращаюсь я изъ барынниной деревни, говорятъ, что невѣсту мою баринъ перевезъ въ другое имѣніе и случайно ли, нарочно ли, только именно въ то самое, куда и его отецъ увозилъ мою мать... Я сталъ людей расспрашивать: тѣ смѣются, шушукаютъ. А поваръ Тришка и говоритъ мнѣ, что баринъ давно съ барыней не ладятъ, что изъ-за того вѣрно и мою невѣсту онъ отличилъ, послалъ въ булочницы учиться въ другую вотчину и самъ туда слѣдомъ поспѣшилъ, какъ-будто по дѣламъ. Я къ барынѣ за объясненіями. Та съ перепугу затряслась — боялась очень тоже своего мужа — говоритъ, что ничего не знаетъ; она въ дѣтской стояла, а няньки укладывали спать барчонка и маленькую барышню... одному было три года, а дочка по четвертому годочку, и такія оба красавчики, херувимчики. Ихъ всегда послѣ обѣда спать клали, барыня тутъ уходила по хозяйству, а нянька обѣдать, оставляя у дверей въ коридоръ одну комнатную дѣвочку. Я поговорилъ съ барыней и ушолъ. Ничего — она впрочемъ со мной ласкова была... Вышелъ я... Тутъ и помутился умъ мой; заныла душа моя...

Digitized by Google

Мыслямъ такъ и представляется все молодой баринъ съ моею невѣстою... Кинулся я въ садъ, два раза за ножъ хватался, хотѣлъ зарѣзаться. Смотрю, барыня подъ вуалькою гуляетъ, примѣтила меня и говоритъ: «Зинецъ, голубчикъ, притвори въ дѣтской ставни, очень свѣтъ бьетъ въ комнаты, дѣти не заснутъ; да присмотри за котломъ, что мнѣ воду грѣютъ на ванну; дѣвушки всѣ ушли обѣдать — чтобъ пожару не надѣлали...» Слушаю! отвѣтилъ я, а у самого душа не на мѣстѣ — въ глазахъ жаръ, руки похолодѣли, зубы стучатъ... И что со мною сталось, я уже не помню... Только послѣ я все сообразилъ... Барыня повернулась и пошла въ темную дорожку; вся тоненькая, нѣжная; бѣлая вуалька развѣвается; спинка, какъ былиночка гнется, слегка сгорбленная, нѣжная такая; шолковое платьице шелеститъ... Я за ней кинулся, ухватилъ ее сзади одной рукой, а другой ротъ ей закрылъ; она и крикнуть не успѣла, только страшно такъ взглянула на меня, думая, что я убить ее хочу... Я не убилъ ее, нѣтъ; коса ея русая развязалась и упала мнѣ на грудь; отъ волосъ духами пахло; я понесъ ее блѣдную, испуганную, легонькую и только все твердилъ помню: «баринъ... баринъ... лиходѣй онъ... мою невѣсту взялъ...» Бросилъ я ее черезъ канаву. Выскочилъ я изъ деревьевъ: солнце свѣтитъ ярко, не по осеннему; въ саду и на дворѣ ни души. Сердце колотится; духъ замеръ. «А, вспомнилъ я: она просила ставни закрыть, котелъ посмотрѣть.» Подошолъ я къ окну въ дѣтскую, — погода была еще теплая; окно раскрылъ, смотрю, дѣтки спятъ, какъ ангельчики, у самаго окна, подъ стѣной въ колыбеляхъ и подъ кисейными пологами... Обернулся я; вижу, за кустами дымится костеръ и котелъ воды на ванну барынѣ кипитъ ключомъ. Воротился я къ котлу, хожу кругомъ него, взялъ огня, влѣзъ на чердакъ, зажогъ солому... И все это я дѣлалъ тихо, покойно Вошолъ я тогда въ конюшню, сѣлъ, братецъ ты мой, на лучшаго барскаго жеребца и ускакалъ изъ того села въ поле .. Долго я скакалъ; въ глазахъ мелькали стога, пахоти, дорога и все мерещились мнѣ мокрые, обкаченные кипяткомъ кисейные положки барченковъ да густой паръ, шибнувшій съ нихъ подъ потолокъ... Скакалъ я, не помня ничего, и поговялъ коня до тѣхъ поръ, пока онъ зашатался, сразмаху гдѣ-то въ долинѣ упалъ со всѣхъ ногъ и тутъ же издохъ... Была ночь. Я пошолъ въ лѣсъ... Ну, пошолъ... Изъ того лѣса въ другой, тамъ на Волгу, тамъ на Донъ, внизъ спустился... Да

Digitized by Google

съ той поры почти сорокъ лѣтъ и состою въ бродягахъ; а лѣтъ двадцать уже барину, этому Колыбелкину...»

Илья молчалъ.

— Къ чему же это вы все мнѣ говорили, дѣдушка? спросилъ онъ Зинца.

— Къ чему? Такъ ты и не догадался? Къ тому, что сдѣлай и ты тоже самое. Годъ назадъ всѣ вы, даже тѣ старики, сапожникъ и квасникъ, затѣяли идти обратно къ господамъ; одинъ я остался. Не вѣрилъ я тогда этой волѣ, не вѣрю и теперь. Да что! На моемъ вѣку это уже въ пятый разъ суетятся. Вотъ-вотъ скажутъ волю; ждешь, кинешься спрашивать: одни выдумки. Воля та, когда самъ ее взялъ. Горько, тяжко было мнѣ сначала въ бродягахъ. Грѣхъ мой спать мнѣ не давалъ. Ходилъ я по монастырямъ, на церкви работалъ, каялся. И точно, все ничего: зачѣмъ только я младенцевъ невинныхъ загубилъ? Ну, да такъ тому и быть. Знать не за одну мою невѣсту, и за ихъ мать кто подтолкнулъ меня. Отдамъ отвѣтъ Богу. Но на свѣтѣ всѣ одни. Многихъ я господъ и хозяевъ перемѣнилъ: всѣ одни; вездѣ тебя прижмутъ, везлѣ обидятъ... Только, братъ, все-таки на душѣ легче, какъ ходишь по волѣ: одинъ обидѣлъ, къ другому перейдешь, а тѣмъ часомъ и настоящей воли всѣмъ ожидаешь. Да не дадутъ ее.

— Какъ не дадутъ, когда дали?

Зинецъ горько покачалъ головой.

— Дали? ты ее видѣлъ?

— Сказываютъ.

— Золотая? На золотой бумагѣ?

— Нѣтъ, говорятъ, на простой.

— Ну, такъ не вѣрьте. Можетъ дали и золотую, да паны съ попами спрятали, а теперь даютъ намъ подложную.

— Что же дѣлать?

— Что? Ты много счастья дома нашолъ? А? Отецъ продалъ господамъ и все село продалъ. Сосѣдъ твой, какъ ты сказалъ, приятеля твоего музыканта можетъ нарочно засадилъ въ тюрьму, а его сужоную совратилъ къ генералу. Талавѣрку съ дочкой барыня разорила и разоритъ еще болѣе. Чтоже ты дома-то нашолъ, говори, спрашиваю тебя? Къ чему ты сунулся туда? Не я ли тебя останавливалъ, не я ли говорилъ и Талавѣркѣ: какъ, братцы, не бывать намъ вольными во вѣки вѣковъ, ни дѣтямъ,

Digitized by Google

на внукамъ нашимъ. Жить въ бродягахъ, звѣрьми жить, вотъ наша доля... увидишь, всѣ опять уйдутъ, что воротились домой.

— «Такъ, такъ! шепталъ Илья: — Господи! зачѣмъ же ты вонесъ меня туда? Зачѣмъ я надѣялся, жить на своей землѣ хотѣлъ, про Окнину думалъ?.. А если и взаправду эта воля, что теперь народъ радуетъ, не настоящая, если намъ земли даромъ не дадутъ, Талавѣрку силой къ барынѣ пошлютъ, что тогда намъ дѣлать, дѣдушка? Что?

Дѣдъ опять покрутилъ головою.

— Что дѣлать? Тогда, сынку, одно: либо покорись и нищимъ заживи дома съ Настею и съ ея отцомъ, забудь ихъ былое состояніе; либо ножъ въ руки также, да ведра два добраго кипятку изъ котла...

Илья съ холоднымъ ужасомъ взглянулъ на Зинца. Дѣдъ сидѣлъ, добродушно поглаживая бороду. Послѣдняя надежда на спасеніе Талавѣрки исчезала въ Ильѣ. Онъ впервые почувствовалъ приливъ неугасимой мести этой злобы къ губителямъ своимъ, Перебоченской и отцу.

— Я уже съ барыней Талавѣрки на пути посчитался коечѣмъ! сказалъ Илья.

— Поджогъ ее?

— Да, поджогъ ея хуторъ... Не знаю что́ было дальше.

— Жги, Илюша, и бей ихъ. Не найдемъ мы спасенія нигдѣ. Послѣдніе годы свѣтъ и земля доживаютъ. Невѣста твоя въ острогѣ, Талавѣрка чуть ли не рехнулся. Толку уже отъ него не жди. А тутъ волю настоящую сирываютъ... А? Ну, чего смотрѣть-то теперь и ждать?

— Нельзя ли, дѣдушка, достать тутъ вольныхъ листовъ этихъ, или книгу, что выдаютъ за царскую?

— Не стоитъ и не хлопочи. Дворяне и въ ней вырвали тѣ листы, что противъ нихъ тамъ записаны. Одинъ тоже нашъ тутъ землячокъ видѣлъ такую книгу: она не прошнурована, безъ царскихъ печатей и даже несшитая; бери каждый листъ прочь, коли не по сердцу...

Илья молчалъ, становился покойнѣе.

— Въ острогъ не пустятъ, а я шолъ столько верстъ, почитай двѣ недѣли шолъ. Что же теперь дѣлать? Гдѣ наняться, чѣмъ денегъ заработать? А Настя-то, Настя...

Илья упалъ опять на землю и зарыдалъ.

Digitized by Google

— Бѣдный, бѣдный ты Илюша! Такъ, такъ! шепталъ Зинецъ. Это такъ и со мною было. Ну, ступай же, Илья, съ горя побродн возлѣ острога, да не попадись тутъ и у меня полиціи. И тебя свяжутъ. Приходи завтра въ эту пору; со мной же не оставайся.

Илья всталъ, утерся, подошолъ еще разъ къ сторонѣ былого двора Талавѣрки.

— Можно, дѣдушка, туда перелѣзть и посмотрѣть дворъ?

— Можно. Домъ пустъ. А ворота заперты. Новый хозяинъ еще не перешолъ туда: какой-то чиновникъ его съ торговъ купилъ, сказываютъ; а деньги всѣ къ барынѣ высылаютъ...

Илья перелѣзъ черезъ заборъ и очутился въ знакомомъ дворѣ. Онъ обошолъ всѣ углы, заглянулъ въ столярню, въ кузницу, въ сараи, въ пустыя комнаты дома. Дѣдъ Зинецъ у куреня между тѣмъ опять принялся перебирать бобы на рогожкѣ, почесываясь и поглядывая на солнце, которое съ каждымъ днемъ весны грѣло болѣе и болѣе и весело катилось по ясному, тихому и кроткому небу.

— «Коли все для меня пропало, подумалъ Илья: — такъ не пропадетъ для другихъ. Талавѣркина барыня поплатилась и еще поплатится... Теперь, если ворочусь, пойду прямо въ судъ и донесу на отца, что онъ съ нею тутъ асигнаціи фальшивыя покупалъ; укажу и свидѣтелей: Фроську скрутимъ, моя Настя кое-что помнитъ, да и Талавѣрка самъ не откажется подтвердить; чуть ли онъ не знаетъ, гдѣ и книга хранится тутъ въ городѣ съ росписками всѣхъ, кто покупалъ у армянъ эти асигнаціи. А насчетъ воли, прогляжу эту книгу и уже ни слова не утаю отъ нашего міра, коли есть какой на насъ обманъ. Всѣхъ подниму; баста батькѣ барствовать...»

Илья Танцуръ въ тотъ день долго бродилъ по городу, подходилъ къ острогу, толкался у его заборовъ, съ тоской глядѣлъ на его рѣшотчатыя окна, заговаривалъ съ часовыми, съ сторожами. Къ ночи сосчиталъ послѣднія свои деньги и пошолъ за Донъ въ кабакъ Дешовку, откуда издали еще слышался гулъ веселья, пѣсенъ и плясокъ, и рѣшился добиться, чего бы то ни стоило, свиданія съ Талавѣркой или съ его дочкой.

Digitized by Google

III

НА ЧТО РѢШИТЬСЯ?

Въ первые дни по приходѣ въ Ростовъ, Илья ничего не добился о каретникѣ. Черезъ острожную прачку онъ только узналъ, что Талавѣрка вынесъ горячку и теперь еще не оправился. Илья сталъ шататься по городу, изрѣдка нанимаясь въ поденщики. Бродя по городу, по харчевнямъ и погребкамъ, прислушиваясь къ общимъ толкамъ, Илья избѣгалъ старыхъ знакомцевъ. Въ винныхъ погребкахъ шла гульня, гремѣли бубны, наигрывали скрипки и съ заморскими матросами и шкиперами плясали дѣвицы легкаго поведенія. Настя не выходила изъ головы Ильи. Онъ придумывалъ сотни средствъ увидѣться съ нею, увезти ее изъ острога. Съ каждымъ изъ пирующихъ онъ хотѣлъ объ этомъ посовѣтоваться. А кругомъ не о томъ толковали. Прежніе разговоры о торговлѣ, о морѣ, о приходѣ и отходѣ судовъ, смѣшались съ толками о новомъ законѣ. Передавались тысячи предположеній. Говорили не стѣсняясь. Радость черни о волѣ быстро смѣнилась мрачными слухами.

— Насъ надули, обманули! Настоящій законъ спрятанъ! Въ настоящемъ законѣ — земля намъ давалась даромъ и помѣщиковъ гнали прочь.

Такъ говорилъ между прочимъ въ одномъ погребкѣ безсрочный солдатъ.

Илья, бывшій давно подъ хмѣлькомъ, всталъ, приперъ дверь погребка покрѣпче и подошолъ къ солдату.

— Ты, дядя, не врешь?

— Нѣтъ.

— Побожись, а не то кишки выпустимъ!

— Коли вретъ, отчего же не выпустить! подхватили другіе.

— Ну, божись!

Выпившій солдатъ струсилъ и побожился.

— Я царскій, стало-быть что̀ мнѣ врать!

— Однако, ребята, штука! сказалъ Илья: — и я тоже слышалъ; надо обороняться! Говори, что еще сказываютъ?

— Говорятъ, чтобъ рукъ не давать ни на что, ни на какія бумаги.

Digitized by Google

— Отчего же?

— Подведутъ. А за дачу рукъ сказано такое наказаніе: какая деревня дастъ руки на согласіе чиновникамъ или своимъ помѣщикамъ, такъ отъ синода будетъ велѣно семь лѣтъ тамъ не крестить, семь лѣтъ не вѣнчать и по семи дней не хоронить каждаго мертваго, чтобъ даже издали всѣмъ пахло, какое душегубное село. А кто одинъ изъ села пойдетъ противъ всѣхъ, того позволено прямо хоть изъ ружья застрѣлить, какъ собаку!

— Ну, такъ штука! сказалъ опять Илья: — слышите, братцы? Обманъ!

— Какъ же это царя-то обманываютъ? Нешто онъ не знаетъ?

— Знаетъ, да терпитъ, смѣло рѣшилъ солдатъ: — и послалъ онъ повсюду дозорцевъ; на нихъ, говорятъ, и царскіе знаки есть, да какіе — про то я не слышалъ...

— Въ чемъ же ходятъ они?

— Мало ли въ чемъ: иной одѣтъ монахомъ, другой разнощикомъ, третій ямщикомъ, а четвертый, какъ и я, солдатомъ...

Толпа гудѣла въ погребкѣ, какъ въ ульѣ рой пчолъ, пригрѣтый весеннимъ солнцемъ.

Илья расплатился и вышелъ, пошатываясь, въ другой погребокъ. Тамъ говорилъ за пустой бутылкой донского какой-то пропоица-чиновникъ.

— Слышите, ребята, сказалъ Илья входя: — насъ обманываютъ; законъ поддѣльный!

— Ничего не принимать, ни на что не соглашаться, ничего не подписывать — это такъ! подхватилъ и чиновникъ: — кто дастъ еще на бутылку, послѣднее слово скажу!

— Что же это за слово? спросилъ Илья.

— Собирайтесь въ кучки, толкуйте, высматривайте; и чуть кто васъ обманулъ, обухомъ въ голову и баста. Книга новая вся изъ клочковъ, страницы перечислены въ ней разнымъ ладомъ, она безъ переплета, съ вырванными листами и безъ царскихъ печатей...

Въ ушахъ Ильи звенѣло. Голова его ходила кругомъ. Далеко за полночь онъ ушолъ за Донъ и легъ спать въ овражкѣ, подъ косогоромъ. Солнце уже стало сильно припекать, когда онъ проснулся и зашолъ опять на Дешовку закусить и выпить спозаранку, чего прежде не дѣлалъ. Наканунѣ сторожа въ

Digitized by Google

острогѣ обѣщали ему доставить свиданіе съ Настей и съ отцомъ ея за десять цѣлковыхъ. Переговоры шли черезъ острожную прачку, жившую въ слободкѣ подъ городомъ. За двадцать цѣлковыхъ ему обѣщали даже отпустить Настю на нѣсколько часовъ ночью изъ острога. Илья сосчиталъ снова деньги: было на лицо всего шесть цѣлковыхъ съ мелочью.

Гдѣ еще достать денегъ?

Илья долго стоялъ у берега подъ хлѣбнымъ магазиномъ города и думалъ: «Время уходитъ; денегъ мало; станешь работать, попадешься; а видѣться съ Настей надо...» Знакомъ ему былъ хорошо этотъ пыльный и оживленный Ростовъ. Онъ взошолъ на крутой берегъ къ источнику, надъ магазинами.

По огромному разливу Дона попрежнему плыли барки и расшивы; сплавлялся плотами лѣсъ. Въ Керчь къ Азовью и обратно шли пароходы; клубился дымъ, раздавались голоса лоцмановъ: «руль къ берегу» — «молись» и рабочіе, скинувши шапки, вслухъ молились и крестились на востокъ. Влѣво по берегу, по горѣ и внизу, шли ветхія лачужки предмѣстья. Двухколесныя бочки медленно тащились отъ источника съ водою въ городъ. По крутымъ тропинкамъ сбѣгали съ ведрами бабы и дѣвушки. Стадо верблюдовъ, выпряженныхъ изъ подъѣхавшаго татарскаго обоза, въ разброску и кучами, лежало по взгорью, лѣниво слѣдя прохожихъ. Тутъ же въ самомъ низу, по донскому берегу, лежалъ наваленный чугунъ изъ Севастополя: огромные якори, ядра, осколки бомбъ, картечи и осадныя пушки. Вороны и воробьи прыгали по этому чугуну... Вправо начинался городъ, улицы и по узенькой набережной бульварчикъ; кирпичные, нещекатуренные, красные дома шли далѣе, запыленные, какъ лица кузнецовъ и трубочистовъ. По улицамъ двигался озабоченный, будто бѣгущій куда-то народъ. Турецкимъ душистымъ табакомъ пахло вездѣ. У источника городъ еще былъ тихъ. А туда далѣе къ площадямъ, прохожій поминутно слышалъ говоръ разныхъ языковъ, слова итальянскія, греческія, французскія, татарскія и украинскія. Вдали за рѣкой, на томъ боку, на низменной сторонѣ сверкалъ громадный заливъ Дона и виднѣлись въ туманѣ отдаленныя слободы и станицы. Тамъ были чисто-степныя картины: безпредѣльность гладкихъ луговъ и полей, которыхъ зелень и ясность переходили мало-помалу въ голубыя краски и сливались на-

конецъ съ туманомъ небосклона. По зелени первыхъ луговыхъ травъ тянулись, пересѣкаясь, обозы чумаковъ съ солью, съ хлѣбомъ и съ лѣсомъ, и подгородныя фуры съ сѣномъ. Внизу правѣе были оптовые магазины съ сибирскимъ желѣзомъ, а тамъ опять хлѣбные греческіе и итальянскіе магазины. Работа съ весной въ послѣднихъ шла самая спѣшная. У крылецъ на шестахъ были растянуты, въ видѣ исполинскихъ навѣсовъ, полотняныя пелены. Подъ ними кишмя кишѣлъ наемный людъ поденщиковъ; хлѣбъ «перелопачивался», разсыпался по другимъ пеленамъ, сушился, очищался на грохота и подситки, насыпался въ мѣшки и тутъ же грузился внизу на барки. Работники носили хлѣбъ, бабы и дѣвки зашивали мѣшки, отгребали пыль и соръ. Вездѣ раздавались веселыя шутки, смѣхъ и пѣсни. Заработная цѣна платилась по количеству работы, а не поденно.

— Да что же я стою? подумалъ Илья: надо работать! надо достать двадцать цѣлковыхъ и поскорѣе. — Онъ пошолъ въ городъ.

По мосту черезъ Донъ валилъ народъ; рыбаки съ моста черпаками ловили рыбу. Изъ города по крутому спуску къ мосту ѣхали верхомъ ногайцы; пастухи гнали стадо овецъ. Въ толпѣ опять шагалъ двугорбый верблюдъ, пріютившій на спинѣ старика татарина; ѣздокъ вяло и сонно поглядывалъ кругомъ, и болтая ногами, въ ожиданіи выѣзда за городъ, набивалъ себѣ трубку. Строились огромные дома, новые ряды лавокъ. Карабкались по пыльнымъ стѣнамъ новыя раззолоченыя вывѣски. Какъ въ жаркой Бессарабіи и въ Крыму, по былому здѣсь на всѣхъ окнахъ покачивались сквозныя, зеленыя, пластинчатыя ставни, пропускающія воздухъ и не пропускающія лучей солнца.

У греческой кофейни толкотня: маклера стоятъ на улицѣ и шепчутся о цѣнахъ, о корабляхъ, объ Италіи. Издали развѣвается флагъ надъ домомъ какого-то консульства. Мальчишки, играя по немощеннымъ еще улицамъ, за неимѣніемъ камней для швырянья, захватываютъ на лопатки пыль, обильно лежащую вездѣ на землѣ, по дворамъ и по тротуарамъ, и кидаютъ ею въ воздухъ, на зло веселымъ зеркальнымъ окнамъ, раскрытымъ въ домахъ, уставленнымъ цвѣтами и обвѣшаннымъ штофными и тюлевыми занавѣсками, и на зло щеголихамъ-барышнямъ,

Digitized by Google

гуляющимъ по тротуарамъ. Напрасно гремятъ изъ оконъ рояли. Напрасно мелькаютъ только-что съ корабля соломенныя шляпы, ленты, цвѣты и платья. Напрасно звучитъ итальянская или французская рѣчь. Отъ пыли нѣтъ силъ дышать, нѣтъ силъ пройти и щегольнуть собою.

Дѣдъ Зинецъ посовѣтовалъ Ильѣ наняться къ греку Андрококи пересыпать пшеницу, а ночи спать для предосторожности за городомъ. Такъ Илья и сдѣлалъ. Прошло болѣе недѣли. Работая изъ всѣхъ силъ, Илья расчиталъ и сообразилъ, что завтра въ его карманѣ будетъ двадцать цѣлковыхъ. Всячески угождая товарищамъ, чтобъ его не выдали, онъ каждый день удѣлялъ часть денегъ на выпивку. Наканунѣ расчета съ хозяйскимъ прикащикомъ, онъ опять пошолъ въ кабакъ за Донъ. Дешовка на этотъ разъ особенно была шумна и полна народомъ. Сотни голосовъ у прилавка кричали: «водки!» Сотни рукъ тянулись къ шинкарю-разнощику съ пустыми штофами. Одни ѣли, другіе пили и плясали. Тутъ были бабы и дѣвки, писаря и дьячки, матросы и лоцмана, чумаки и солдаты. Много честнаго народа, пропивавшаго послѣднюю копѣйку, и не мало воровъ и развратниковъ, способныхъ на все изъ одного желанія покутить и закрутить буйную голову. Полиція сюда близко не заглядывала, благодаря приношеніямъ откупа. Все здѣсь гуляло и веселилось на распашку.

— Танцуръ! Танцуръ! Илюша! меня угости! крикнулъ отставной старичекъ аудиторъ изъ кантонистовъ, слывшій въ числѣ постоянныхъ посѣтителей Дешовки за благороднаго: — гдѣ работаешь? Поди сюда; что, братъ? Каретника твоего доѣхали?.. Къ барынѣ на земельку посылаютъ? Отбей невѣсту и такъ живи съ ней безъ вѣнца! Что твоя и вѣнчанная, какъ по доброму согласію, хоть и въ грѣхѣ!

Аудиторъ, въ качествѣ чиновника, былъ въ зеленомъ шолковомъ на ватѣ архалукѣ, въ военной фуражкѣ и подпоясанный красивымъ клѣтчатымъ платкомъ. Онъ сидѣлъ на крылечкѣ харчевни, между столбовъ, подпиравшихъ навѣсъ, и свѣся ноги съ крыльца, на разостланномъ носовомъ платкѣ ѣлъ вареныхъ раковъ, печонку и соленые огурцы.

— Здравствуйте, ваше благородіе! сказалъ Илья, не безъ удовольствія и самъ принимаясь закусывать.

— Угости, душка; всю правду скажу...

Digitized by Google

— Какую правду?

— Про твоего каретника.

Духъ у Ильи замеръ.

— Не вѣрь ему, парень: все вретъ, мы его давно знаемъ! отозвались другіе: — такъ, совсѣмъ пропащій человѣкъ, брехунъ!

Илья однако угостилъ аудитора.

— Ну, что ты тамъ знаешь?

— Видѣлъ каретника твоего въ острогѣ. Все плачетъ, рветъ на себѣ волосы, кричитъ, что его разорили, убили; дочку жалѣетъ; идти къ барынѣ своей не хочетъ.

— Когда же ихъ погонятъ домой?

— Коли хочешь повидаться, спѣши; поведутъ черезъ два дня.

— А какъ поведутъ?

— На Черкаскъ.

Илья рѣшился утромъ выпросить у грека расчетъ и отнести деньги черезъ прачку сторожамъ.

— Да ты не хочешь ли новый законъ о волѣ прочитать? спросилъ аудиторъ.

— А у тебя есть? Дашь?

— Есть, дамъ за три цѣлковыхъ прочитать. Приходи вечеромъ ко мнѣ. Только читай его тайно, чтобъ никто не видѣлъ.

Илья далъ аудитору изъ прежнихъ денегъ три цѣлковыхъ, получилъ отъ него передъ вечеромъ книгу положеній о волѣ и рѣшился прочесть ее въ ту же ночь, въ ожиданіи расчета съ грекомъ. Для этого онъ положилъ уйти за городъ въ глухую лощинку на Мертвомъ Донцѣ, гдѣ онъ зналъ когда-то мельника, жившаго тамъ отдѣльнымъ хуторомъ. Уже ходилъ слухъ, что чтецовъ новаго закона преслѣдуютъ въ иныхъ случаяхъ, и книгу положеній о волѣ грамотѣи изъ черни читали тайкомъ.

Солнце еще было высоко, когда онъ большимъ мостомъ перешелъ черезъ Донъ и отправился за рѣчку Темерникъ. По взгорью здѣсь было раскинуто село, по народному прозвищу Безсовѣстная-слободка. Домики и хатки ея, точно куча камешковъ, кинутыхъ изъ горсти, какъ попало, торчали тутъ, безъ всякаго порядка, лѣпясь по обрывамъ, сползая къ рѣкѣ или взбираясь на маковку взгорья. Слободка эта селилась сама собою подъ городомъ, когда еще мало обращали вниманія на то, кто сюда приходилъ и селился. Она селилась безъ всякихъ спра-

Digitized by Google

вокъ и разрѣшеній. Духъ смѣлости и доньцѣ тутъ царилъ на всей свободѣ. Всѣ проделки противъ полицейскихъ уставовъ въ городѣ начинались отсюда. Тутъ жилъ аудиторъ, давшій Ильѣ книгу о волѣ. Здѣсь же была избушка и той прачки, черезъ которую Илья надѣялся увидаться съ каретникомъ и съ Настей. Аудиторъ промышлялъ уже нѣсколько недѣль новою книгой, раздавая ее изъ-подъ полы на прочтеніе за деньги. Илья спряталъ книгу подъ свитку и шолъ безъ оглядки, поспѣшая къ ночи въ лѣсокъ знакомаго хутора, гдѣ не разъ прятался отъ ростовскихъ облавъ на бѣглыхъ.

Скоро онъ спустился въ долину Мертваго Донца и завидѣлъ издали кучу вербъ, садикъ и знакомый домъ рыболова. Спустясь по каменистой обрывистой тропинкѣ въ долину, Илья заслышалъ шумъ воды, сбѣгавшей изъ ключевого пруда къ колесамъ утлой водяной мельницы, и пошолъ къ ней, спрятанной за вербами. Хатка рыбака была построена на выдавшемся каменномъ ребрѣ утеса, изъ котораго било множество свѣтлыхъ и студеныхъ ключей. Она, какъ бы висѣла на воздухѣ, отдѣляясь кустами терна и дикихъ вишенъ отъ пруда. Когда лучи солнца въ упоръ освѣщали съ юга это ущелье, прудъ и вербы, между которыми съ тихимъ и рѣчнымъ шушуканьемъ, сбѣгала къ мельницѣ въ провалье лиющая вода, въ прозрачныхъ струяхъ пруда отсвѣчивались напущенные туда пестрые, съ голубыми спинами осетры, серебряныя, востроносыя стерляди, бѣломраморные тупорылые сазаны и вертлявая тарань. Сюда порою наѣзжали изъ города охотиться въ камышахъ долины на лисицъ и поѣсть свѣжей икры и ухи богатые купцы. Тогда хозяинъ сажалки подходилъ къ пруду, закидывалъ веревочную петлю, или прямо на желѣзный крюкъ подхватывалъ изъ воды осетра или стерлядь; кровь била изъ свѣжей раны на крюкѣ, рыба распластывалась, изъ теплыхъ внутренностей ея вынималась икра, проваривалась сквозь рѣшето съ солью и тутъ же, еще теплая, присыпанная перцемъ, съѣдалась за бутылками цымлянскаго. Сюда же въ ближній лѣсокъ на долинѣ собирался и простой людъ изъ города потолковать въ зелени деревьевъ о своихъ дѣлахъ и выпить дешовой водки. Хозяинъ сажалки съ весны рѣдко былъ дома, ловя по окрестнымъ затонамъ рыбу. Илья спустился въ лощину, пробрался въ лозы, забился въ такое укромное мѣсто, откуда никто не могъ видѣть ночью огня, разложилъ въ оврагѣ

Digitized by Google

подъ крутизной костерокъ, сѣлъ у огня и развернулъ книгу. Онъ перекрестился и поцѣловалъ давно избитую и зачитанную книгу.

— Господи-боже, благослови намъ всю правду узнать! сказалъ Илья, и началъ читать.

Губы его слипались, во рту сохло, глаза горѣли, дрожащія руки несмѣло переворачивали листы. Долго онъ читалъ. Языкъ законоположеній и въ особенности его великорусскія выраженія были не подъ силу его пониманію. И потому ли, что самъ Илья вообще туго понималъ смыслъ читаемаго, или такъ уже онъ былъ настроенъ общими толками тѣхъ мѣстъ и лицъ, съ которыми его теперь сталкивала судьба, только въ строкахъ книги безъ всякаго умысла и съ полнымъ чистосердечіемъ онъ находилъ вовсе не то что въ ней дѣйствительно было. Ничто не мѣшало чтенію. Старый холостякъ, хозяинъ сажалки, дома не былъ. Тихо прошла темная весенняя ночь. Чтенію книги вторили сотни соловьевъ. Какія-то другія птицы шныряли кругомъ въ камышахъ и въ лозахъ, поминутно перепархивая и пугливо налетая изъ темноты на огонь. За Донцомъ всю ночь раздавалось порывистое, горячее ржаніе лошади; точно жеребецъ пасся тамъ съ косякомъ кобылъ, грызя ихъ и загоняя то въ камыши, то въ лозы. Гдѣ-то въ темной вышинѣ прозвенѣли золотыми трубами, несясь вереницею, журавли. У пустой хатки рыбака, возлѣ сажалки, пропѣлъ нѣсколько разъ горластый пѣтухъ. Лягушки неугомоннымъ хоромъ стонали вдали въ какомъ-то укромномъ болотѣ. Начинало свѣтать. За Мертвымъ Донцомъ явственно забѣлѣла полоса зари. Всталъ туманъ. Подуло по верхушкамъ лозъ. Вѣтви вербъ заколыхались. Кто-то ѣхалъ вдали въ лодкѣ по Донцу, вѣроятно съ ночного лова рыбы, сперва затянулъ пѣсню, а потомъ крикнулъ: «Стецько́!» — «Че-е-го?» отозвалось ему еще дальше, и эхо разнесло откликъ въ разныя стороны. «Кончай! пора!» — «Чую!» откликнулся голосъ. И все опять стихло.

— Кончилъ и я! сказалъ самъ себѣ Илья, дочитавши послѣднюю страницу книги положеній о волѣ.

Digitized by Google

IV

ВѢСТИ ИЗЪ ОСТРОГА И ИЗЪ ДОМУ

Илья всталъ, хотѣлъ помолиться и не могъ. Странный рой мыслей всталъ въ его головѣ: приказъ отбывать барщину, то-есть, какъ онъ понялъ, отбиваться отъ барщины, свое мірское управленіе и рядомъ съ этимъ соображеніе, что въ книгѣ листы вырваны и что она вообще подложная.

— Поспѣшить развѣ опять домой? подумалъ онъ: — я далъ слово міру все открыть, не утаить ничего! Они ждутъ меня, надѣятся. А Настя?

Что-то затрещало невдалекѣ за лозами. Стали слышны чьи-то шаги. Илья оглянулся, къ нему пробиралась острожная прачка. Онъ пошолъ къ ней.

— Что ты, тетка, какъ попала сюда?

— Охъ, бѣднякъ ты, бѣднякъ. Спозаранку кинулась слѣдомъ за тобой, видѣла, какъ ты вчера съ вечера заковылялъ сюда; ну, да и аудитора про тебя распросила... Охъ, бѣда, бѣда новая стряслась надъ тобою.

— Что? узнали, ищутъ меня?

— Хуже... Охъ, уморилась; знала, что утромъ ты пойдешь къ греку за деньгами, чтобъ уладить, повидаться тебѣ съ суженой-то твоей. Ну... а Талавѣрка-то горемычный не вытерпѣлъ всѣхъ горестей, всего разоренія...

— Ну?

— Въ эту ночь въ острогѣ на вьюшкѣ повѣсился. Сегодня и похоронятъ его. Сама видѣла.

Илья какъ стоялъ передъ прачкой, такъ и упалъ лицомъ въ камышъ.

— Ахъ ты, бѣдный мой, бѣдный, что съ тобою дѣлать! взвыла прачка.

Черезъ два часа Илья и прачка подошли къ подгородной ростовской слободкѣ. Найдя аудитора, Илья отдалъ ему книгу и сказалъ:

Digitized by Google

— Черезъ два дня жди меня въ кабакѣ на черкасской дорогѣ; здорово угощу.

Прачка сказала Ильѣ:

— Иди же къ греку, бери деньги и приходи вечеромъ къ острогу; не увидѣлъ каретника, такъ хоть дочку теперь его увидишь. Ручаюсь тебѣ, паренекъ.

Илья пошолъ изъ слободки къ Дону и оттуда въ Ростовъ. Онъ былъ самъ на себя не похожъ: точно всталъ въ тотъ день изъ гроба. Не доходя къ Дону онъ остановился. Трубы города издали дымились. Изъ-за Дона несся веселый колокольный звонъ. Былъ какой-то праздникъ. «И на похоронахъ-то его не дадутъ быть, нельзя! подумалъ Илья: — зароютъ его какъ колодника, да и мнѣ какъ идти? еще узнаютъ, тоже свяжутъ...» Получа деньги съ грека, Илья цѣлый тотъ день тоскливо толкался по базару, по погребкамъ и по харчевнямъ. Нѣсколько разъ онъ подходилъ къ стѣнамъ острога, заглядывалъ въ желѣзныя рѣшотки оконъ, заговаривалъ какъ бы мимоходомъ съ часовыми, но ничего не могъ онъ узнать про Настю и нигдѣ въ окнѣ не мелькнуло ея бѣлое лицо и русыя косы. Онъ даже невольно прислонялся къ острожному забору, какъ бы пробуя его крѣпость. «Настя, Настя! повторялъ онъ про себя: — гдѣ-то мы увидимся и какъ теперь увидимся! Я погубилъ тебя, я... Боже-господи! а Талавѣрка! повѣсился!» Народъ весело толпился по улицѣ возлѣ острога. Всѣ гуляли, празднуя весну и не зная того что было въ душѣ бѣднаго Ильи. Сторожа-инвалиды у воротъ курили трубочки и тоже весело поглядывали на гуляющихъ.

Стемнѣло. Прачка сдержала слово: взяла у Ильи деньги, отвела его къ обрыву надѣ Дономъ, подъ стѣнами острога, велѣла ему тамъ дожидаться и ушла.

— Я несу съ дочкой бѣлье въ острогъ, и коли все удастся, дочку оставлю на время тамъ, а къ тебѣ сюда приведу Настю.

Илья сѣлъ въ потьмахъ на камни между хлѣбными магазинами. Городъ стихалъ. Въ острогѣ огни погасли. Зарю давно пробили.

— Нѣтъ, не пропустятъ теперь никого изъ острога, рѣшилъ Илья и замеръ.

Въ потьмахъ раздались шаги.

— Настенька!

— Илюша!

Digitized by Google

Только и могли проговорить Танцуръ и дочь карстника. Они отошли къ сторонѣ. Прачка, утираясь передникомъ, тихо всхлипывала, поглядывая на нихъ.

— Скорѣе, скорѣе! шептала она: — не погубите меня, коли пропало ваше счастье.

— Уйди, тетка, не стой! сказалъ Илья.

Прачка ушла за магазины.

— Настя! уйдемъ! что ждать долѣе?

— Нѣтъ, Илюша, не погуби бабы этой; мы уйдемъ — она пропадетъ, засудятъ ее.

— Когда васъ ведутъ подъ конвоемъ? говори, я отобью тебя.

— Послѣ завтра. Охъ, страшно: вѣдь насъ солдаты съ ружьями будутъ провожать; не осилишь, убьютъ тебя — стрѣлять будутъ по тебѣ и по твоимъ товарищамъ.

— Была не была; что мы теперь тутъ стоимъ, ни поговорить, ничего. Хоть два дня, да мои будутъ. Отниму тебя; меня не знаютъ въ глаза конвойные, а начальство здѣшнее не догадается кто отбилъ.

Настя стояла молча, обняла голову Ильи и горячо его поцѣловала.

— Илюша, не затѣвай этого, приходи лучше и ты домой, тамъ повѣнчаемся, станемъ жить хоть въ бѣдности, да вмѣстѣ.

— Нѣтъ; коли ворочусь домой теперь, такъ не для того. Настя! отецъ твой меня считалъ виной всей вашей гибели... Изъ-за меня онъ... душу отдалъ бѣсу...

Настя молча рыдала. Илья расказалъ ей исторію измѣны его отца.

— Неужели простить ее или батька моего за то, что они крови вашей напились, что отецъ твой безъ покаянія повѣсился изъ-за нихъ, а ты отъ богатства нищею и голою пойдешь теперь по пересылкѣ съ колодниками?

Настя ухватила Илью за руку и прижалась къ нему.

— Смерть имъ, а коли не смерть, такъ таже каторга! сказалъ Илья. — Донесу на нихъ; такъ именно... ворочусь... пойду противъ нихъ въ свидѣтели... противъ отца родного. Воротимся вмѣстѣ; не допущу, чтобъ ты шла подъ конвоемъ: вольные воротимся. Всѣмъ дана воля, а ее только отъ насъ прячутъ.

— Илюша, да лучше подожди, воротись, и я скоро буду дома. Приди, попроси меня у барыни, посватай сироту.

Digitized by Google

— Чтобъ я просилъ тебя у этой барыни? ни въ жизнь. Мы вольные теперь.

Прачка кинулась изъ-за магазина со словами:

— Прочь, долой, идутъ!

Илья побѣжалъ въ сторону.

— Прощай, Илюша! шепнула Настя.

— Жди меня за Черкасскомъ.

Прачка увела Настю обратно въ острогъ, а Илья пошолъ къ Зинцу. Дѣдъ спалъ въ куренѣ. Илья его разбудилъ.

— Вставай, дѣдъ, да раскошеливайся, давай денегъ.

Зинецъ глянулъ съ просонковъ. Кругомъ огорода было тихо. Голосъ Ильи звучалъ непривычною грубостью и злостью. Въ рукахъ его была большая палка. Зинецъ струсилъ. Мѣсто было совершенно глухое.

— Что ты, что ты, парень? съ ума сошолъ, какія у меня деньги!

Илья покачалъ палкой.

— Слушай, дѣдъ, разбойникомъ я не былъ, воровать тоже не воровалъ. Ну, а вотъ вамъ Богъ свидѣтель... не дашь денегъ — отниму; станешь кричать — убью!.. что мнѣ! Да что и тебѣ: жить-то не долго осталось.

Дѣдъ, ворча и охая, всталъ и началъ возиться, будто отыскивая что, поровнялся съ Ильей и вдругъ кинулся на него, стараясь сбить его съ ногъ, и закричалъ: «караулъ, бьютъ!» Голосъ его странно отозвался въ глухомъ закоулкѣ.

— Шалишь! отвѣтилъ Илья, сгребъ старика, какъ ребенка, связалъ его его же поясомъ и положилъ у куреня.

Дѣдъ замолчалъ. Илья кинулся шарить въ куренѣ.

— Нѣтъ, это видно недаромъ! подумалъ Зинецъ, лежа ницъ къ землѣ: — онъ иначе не рѣшился бы такъ со мною поступить.

— Илья, сказалъ онъ вслухъ.

— Что?

— Подъ боченкомъ въ углу, подъ соломой, мѣшокъ съ сухарями лежитъ, — нашолъ?

— Нашолъ.

— Развяжи: на днѣ деньги лежатъ.

Илья досталъ деньги, сказалъ Зинцу:

— Не прогнѣвайся, дѣдъ! какъ разбогатѣю, отдамъ! развязалъ его и ушолъ.

Digitized by Google

Черезъ два дня, рано утромъ изъ городского острога подъ конвоемъ пѣшихъ и конныхъ инвалидовъ двинулся по пути къ сѣверу длинный строй колодниковъ, скованныхъ попарно. Гремѣлъ барабанъ. Этапъ вышелъ за городъ и двинулся степью къ Новочеркасску, чтобы сдѣлавши тамъ привалъ въ крѣпкомъ казацкомъ острогѣ, направиться далѣе по донскимъ станицамъ. Тутъ было немало бѣглыхъ, которые было нагрѣли себѣ въ Ростовѣ такое теплое и уютное мѣсто.

— Вотъ она воля-то! сказалъ Илья, провожая съ другими колодниковъ.

— А что? спросили его изъ толпы.

— Да ничего! Я говорю только: вотъ она прочтенная-то намъ воля!

— Обожди, паренекъ, отозвался какой-то купчикъ: — долѣе ждали; все объяснится.

— Жди, сватъ, пока живого съѣдятъ! а мы ждали-ждали, да и жданки поѣли! сказалъ Илья, нырнулъ въ улицы и скрылся.

Передъ грустнымъ отрядомъ колодниковъ замелькали каменистые бугры Дона, курганы, стада курдючныхъ овецъ, каплички у ключей въ оврагахъ и скачущіе вдали табунщики. Вонъ въ сторонѣ извивъ голубого Аксая, а вотъ на голой и лысой горѣ, обдуваемый со всѣхъ сторонъ вѣтромъ Новочеркаскъ, домики съ воздушными крыльцами и съ рѣзными галерейками вокругъ стѣнъ; чистые, пустые и сонные дворики, цвѣты на окнахъ, шапочки на головахъ женщинъ, страшная пыль, безлюдные тротуары, громадный начатый соборъ среди главной площади, чиновный людъ при сабляхъ, въ шпорахъ и въ синихъ сюртукахъ: учителя музыки и словесности при сабляхъ и шпорахъ, мирные секретари правленій также.

Илья зналъ когда поведутъ колодниковъ. Наканунѣ онъ особенно кутилъ въ кабакѣ за Дономъ, угощая кучку самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ и буяновъ. На другой день у нихъ было положено собраться тайно въ полѣ, въ оврагѣ за Нахичеваномъ. Боясь, чтобы дѣдъ Зинецъ не одумался и не рѣшился его отыскивать, онъ прятался и не входилъ въ городъ. Но онъ случайно забрелъ къ одной пристани, гдѣ готовился отойти въ Таганрогъ и далѣе пароходъ. Ожидая рокового отхода колодни-

Digitized by Google

ковъ. Илья въ послѣдній разъ присматривался къ суетѣ шумнаго городка.

У пристани онъ замѣтилъ кучку людей, игравшихъ на берегу въ орлянку, въ ожиданіи отчаливанія парохода. Онъ подошолъ къ этой кучкѣ, сталъ самъ глядѣть на игру и вдругъ остолбенѣлъ. Передъ нимъ стоялъ одѣтый матросомъ недавній знакомецъ его по Есауловкѣ, венеціянецъ Васька Комаръ. Комаръ также узналъ Илью. Они улыбнулись другъ другу, отошли къ сторонѣ и тамъ крѣпко обнялись.

— Какими судьбами? спросилъ Илья.

— Волю прочитали и у насъ...

— Ну?

— Ничего съ той воли не вышло, я и рѣшилъ опять дать тягу.

— Куда же ты?

— Опять въ Италію, братъ!

— А жена твоя, съ которой ты девять лѣтъ не жилъ?

— Отъ нея-то я больше и бѣгу опять. Ей-бову! Дрянь! Мужичка, баба! Въ Венеціи не такія красотки. Я изъ-за нихъ такъ и истаскался въ здоровьи, какъ видишь. Что дѣлать! Люблю! А свою я еще поколотилъ на прощацьи, зачѣмъ безъ меня замужъ за другого не вышла. Мужъ семь лѣтъ пропадалъ безъ вѣсти, могла бы выйти за другого...

— Кой же чортъ носилъ тебя домой?

— А! Это другая статья. Мой дѣдъ когда-то былъ богачомъ, имѣлъ деньги, прикащикомъ состоялъ у своихъ господъ и купилъ возлѣ часъ себѣ землю на имя своего барина. Этою землею и отецъ мой владѣлъ. Вѣдь девяносто десятинъ. Земля нынче вздорожала. Ну, я и воротился, думалъ либо тутъ остаться, либо землю продать, да и уѣхать. Кстати же тутъ въ Ростовѣ у меня братъ по оброку въ сидѣльцахъ у купца живетъ; ну, и къ нему можно было завернуть, деньжатъ перехватить...

— Чтоже?

— Ни земли сразу не даютъ, ни оставаться не хочу. Скука. Въ Венеціи не въ примѣръ лучше. Привыкъ. Туда это опять я и удираю. Жду парохода. Черезъ часъ — прощай, addio значитъ Илюша, такъ-то-съ!

— Какъ же ты это ѣдешь?

— Э, какъ! Были еще деньжата, ну все и спарганилъ. Въ ма-

Digitized by Google

тросы взяли, а въ Одессѣ пересяду въ трюмъ какого-нибудь англичанина, да и дальше, въ Турцію; ну, а тамъ уже и эта Италія. А что твоя невѣста, Настенька, отъ которой я тебѣ отсюда письма преставлялъ? Жива, здорова? Что каретникъ, отецъ ея?

Илья все расказалъ. Комаръ покачалъ головой, сходилъ на пароходъ, который уже пыхтѣлъ и разводилъ пары.

— Ну, Илья Романычъ, пароходъ уйдетъ еще черезъ часъ; мы успѣемъ выпить и побесѣдовать на прощаньи. Пойдемъ въ кабачокъ. Andiamo-съ! Тебѣ горе, мнѣ горе, выпьемъ!

Знакомцы пошли опять за мостъ.

— Что дома у насъ? Что новаго? Говори.

Комаръ ударилъ себя по лбу.

— Ахъ, я дуракъ, простота! И забылъ! Тебѣ много новаго. Съ этого надо было бы начать.

— Ну, говори, говори скорѣе.

— Малый, вина! — Слушай. Вопервыхъ, какъ только прочитали намъ эту волю, народъ сильно запечалился! Ждутъ тебя, вотъ какъ. Прошли слухи, что воля не та. Учителя Саддукѣева помнишь?

— Какъ же не помнить: къ нему я на счетъ жены отца Смарагда ѣздилъ. Ну?

— Выгнали его изъ гимназіи. Я заходилъ въ городъ и слышалъ это. Въ день отставки, съ горя ли или такъ, онъ заснулъ, забывши въ спальнѣ погасить свѣчку. Загорѣлась сперва видно занавѣска на окнѣ, а потомъ весь домъ. Онъ съ дѣтьми и прислугой едва выскочилъ, въ чемъ былъ. Весь дворъ сгорѣлъ. А это только и было его имущество.

— Бѣдный, бѣдный. Экъ у насъ пожаровъ-то! Гдѣже онъ теперь?

Рубашкинъ принялъ его къ себѣ въ управляющіе. Только слышно, прижимаетъ въ жалованьи Саддукѣева, хоть тотъ ему и самый-то Сыртъ предоставилъ. На счетъ пожаровъ тоже, Перебоченской хуторъ сгорѣлъ; да что, она живучая: опять строится. А про жену попа Смарагда слышалъ?

— Что?

— Померла вскорѣ послѣ твоего побѣга.

Илья перекрестился.

— Господи! Ахъ, бѣдняк! Вотъ все какія несчастія! Жаль, жаль его...

Digitized by Google

— Что жалѣть! Онъ теперь счастливѣе тебя со мною.

— Какъ такъ?

— Видно при женѣ только и крѣпился отецъ Смарагдъ. Чуть умерла, онъ куда-то сказываютъ написалъ; за нимъ явилась тройка, онъ забралъ дѣтей, что осталось утвари отъ леченія жены, да и уѣхалъ безъ вѣсти. Иные толкуютъ, что гдѣ-то наверху за Волгой, въ вятскихъ лѣсахъ, онъ въ раскольничьи попы передался, рясу нашу скинулъ, надѣлъ простой зипунъ, да такъ имъ и служитъ по ихнему; а другіе, что его схватили и онъ въ Соловки угодилъ, сосланъ...

Илья вскочилъ.

— Вотъ не ожидалъ я этого! Въ какой-нибудь мѣсяцъ... Что-же его взманило, не понимаю?

— Какъ что? Жениться въ другой разъ бы ему у насъ не позволили, а тамъ у нихъ женись хоть разомъ на пятерыхъ; ну, да и о жалованьи, говорятъ, расчиталъ. У насъ, съ доходами-то отъ мужиковъ, онъ получалъ всего цѣлковыхъ полторасста въ годъ; а тамъ посадили его сразу, говорятъ, на три тысячи цѣлковыхъ.

— Отъ кого это ты знаешь?

— Вашъ дьячокъ сказывалъ. Теперь у васъ на обѣ церкви одинъ попъ отецъ Иванъ старый. Тарханларовъ, коли помнишь, совѣтникъ, вицгубернаторомъ у насъ слѣланъ. Тебя долго подозрѣвали въ поджогѣ Перебоченской, да послѣ одумались: батько твой доказалъ, что тебѣ не съ чего, и своротили на старую печь въ поварской. Батько-то тебя жалѣетъ кажись!

— Ну, а что нашъ міръ? Что наши православные?

— Тебя, Илюша, ждутъ и невѣсть какъ. Иди скорѣе туда, не мучь ихъ. Прочитай имъ все по совѣсти. Тебѣ вѣрятъ.

— Вѣрятъ? по правдѣ?

— Ей-богу.

— Ну, такъ я же имъ теперь все прочту и объясню. Многое я тутъ узналъ изъ того что прежде и не снилось.

Илья допилъ вино и ударилъ стаканомъ по столу. Въ это время раздался звонокъ на пароходѣ. Васька Комаръ выскочилъ изъ кабака.

— Прощай, Илюша! Когда-то опять увидимся!

— Прощай. Должно быть на томъ свѣтѣ. Жалъ что ты спѣшишь, отъ міра, отъ общества вашего уходишь. Жалъ и отца

Digitized by Google

Смарагда: онъ насъ любилъ и мы его любили. Жаль, что и онъ отъ насъ далъ тягу... да и мы попустому, братъ, возвращались изъ бѣговъ...

— А что музыканты? Я и не спросилъ! сказалъ Илья: — въ острогѣ еще сидятъ?

— Выпустили. Всего одинъ изъ нихъ пострадалъ: самъ капельмейстеръ венгерецъ; признался, что въ покражѣ дома онъ былъ съ пьяну зачинщикъ. Онъ все принялъ на себя, а когда ихъ выпустили, его отослали на родину.

Илья шолъ возлѣ Комара.

— Ну, а что мой отецъ, прикащикъ? не слышалъ ты чего и про него? спросилъ Илья.

— Что ему! Живется отлично. Вашъ баринъ-князь изъ чужихъ краевъ воротился тоже. Рубашкинъ твоему отцу счеты сводить теперь помогаетъ. Матушка твоя съ твоего побѣга пить перестала. Я какъ чувствовалъ, что тебя тутъ встрѣчу, и все разузналъ. Дьячокъ вашъ въ наше село ходилъ часто. Да что отъ тебя скрываться-то? Самъ приѣдешь — узнаешь: къ моей женѣ, братъ, вашъ дьячокъ-то повадился ходить съ успѣхомъ. Да! Еще забылъ: передъ твоимъ побѣгомъ, отецъ твой было подалъ о тебѣ явку въ судъ, обвинилъ и тебя въ покражѣ. Да теперь уже это лишнее. Венгерецъ всѣхъ выгородилъ...

Раздался второй звонокъ на пароходѣ.

— Ну, прощай же, Илюша! Дай-богъ тебѣ счастія.

— Возвращайся скорѣе къ намъ. Скоро другія времена станутъ.

— Жди, братъ, ихъ! Какъ бы вы всѣ, что воротились нынче изъ бѣговъ, не разбѣжались снова. А я знаю одно: приѣду къ моей Анжелиночкѣ въ Венецію, тамъ цвѣточница такая есть, скажу ей здравствуй, Анжелиночка! Она крикнетъ: ахъ, рюссъ! Да такъ-то меня обниметъ и поцѣлуетъ какъ здѣшнимъ бабамъ и въ голову не придетъ! Прощай. Узнаешь что-нибудь о томъ какъ дѣдовскую землю мнѣ воротить, отпиши. Вашему дьячку я свою бабу уступилъ, ему же и адресъ свой далъ. Мы разстались по душѣ, друзьями. Моя баба даже плакала, какъ провожала меня ночью и стояла съ дьячкомъ за околицей.

Илья обнялся съ Комаромъ и поцѣловался. Тусклые глаза Васьки были еще тусклѣе, а прыщеватое зелено-блѣдное лицо было полно грусти.

Digitized by Google

— Да, шепнулъ уже съ лѣстницы парохода Комаръ: — еще одно забылъ: тебя велѣно схватить какъ воротишься домой...

Ударилъ третій звонокъ. Комаръ взошолъ на бортъ, колеса зашумѣли и пароходъ пошолъ книзу въ гирла.

Черезъ день Ростовъ взволновался. Прошла вѣсть, что близь Черкаска въ степи, подъ вечеръ, на этапъ съ колодниками было сдѣлано нападеніе шайки бродягъ; солдатъ осилили, освободили всѣхъ арестантовъ, расковали, и тѣ разбѣжались безъ вѣсти. Въ числѣ убѣжавшихъ была и Настя Талавѣрка.

Илья съ Настей, скрываясь въ оврагахъ и лѣсахъ, дошолъ до Калача; тамъ ночью переправился черезъ Донъ на рыбачьей лодкѣ и пошолъ къ Волгѣ, по пути къ родному околотку. Но войти въ Есауловку онъ не посмѣлъ.

— Ну, люди добрые! сказалъ Илья, взойдя на бугры, съ которыхъ была видна Есауловка: — вы ждали меня; теперь я пришолъ. Пришолъ на счастіе свое и ваше, или на погибель вамъ и себѣ. Долго мы ждали воли и дождались! — Въ сумерки онъ вошолъ въ хуторъ Терновку, гдѣ жилъ знакомый ему старикъ—сапожникъ и тамъ рѣшился устроить себѣ временной привалъ.

— «Мужикъ вздорожалъ! Настоящая воля пришла!» сказалъ онъ входя къ старику съ Настей.

V

СЕЛЬСКІЙ АГИТАТОРЪ

— Агитаторъ, агитаторъ! Въ нашей губерніи новый Стенька Разинъ явился, новый Пугачовъ, Заметаевъ. Вѣдь это ихъ гнѣздо было. Тутъ они дѣйствовали и сѣмена бросили послѣ себя!

— Неужели? Гдѣ? Какъ? когда?

— На дняхъ явился на Волгѣ, въ заброшенномъ и глухомъ закоулкѣ; онъ изъ Есауловки, дворовый человѣкъ князя Мангушки, а избралъ себѣ притономъ сосѣдній хуторъ Терновку.

— Чтоже онъ пока дѣлаетъ, чѣмъ себя заявилъ?

— «Его народъ давно уже намѣтилъ; онъ два раза былъ въ бѣгахъ. Малый смышленый, грамотный и воротился теперь опять изъ бродягъ, чтобъ какъ говоритъ добиться чистой воли.

Digitized by Google

Въ Терновку и въ сосѣдніе съ ней овраги съ мая мѣсяца теперь сходятся толпы черни. Этого парня уже молва провозгласила пророкомъ. У него же завелась и своя пророчица, тоже бѣглая дѣвка тамошней помѣщицы, которую онъ добылъ гдѣ-то этою весной. Ихъ не вѣнчаютъ и они живутъ такъ себѣ открыто, какъ мужъ и жена.

— Чтоже народъ?

— Парень этотъ мигомъ овладѣлъ всѣми, отмѣняетъ вездѣ барщину, собираетъ поборы на расходы для мірскихъ дѣлъ, розсылаетъ по окрестностямъ возмутительныя письма. Къ нему верхами и на тройкахъ съѣзжаются совѣщаться изъ другихъ уѣздовъ и даже изъ губерній такіе же вожаки. И долго этого никто не подозрѣвалъ, хоть всѣ чувствовали какое-то сильное вліяніе на умы крестьянъ въ томъ околоткѣ. Даже отецъ этого парня, есауловскій прикащикъ, живя отъ него въ десяти или пятнадцати верстахъ, цѣлый мѣсяцъ ничего не зналъ о новомъ приходѣ сына и о его укрывательствѣ въ Терновкѣ...»

Да сперва и трудно было замѣтить вліяніе отдѣльныхъ лицъ. Всѣ были взволнованы, всѣ потерялись, и крестьяне и дворяне.

Весна кончилась.

Вѣсть о волѣ пронеслась во всѣ концы, сорвало старыя плотины и мосты, и все унеслося на вѣки съ шумными волнами могучаго половодья. Поля окинулись зеленью. На Волгѣ опять замелькали сотни пароходовъ. Народъ задвигался у ея береговъ. Лѣса и байраки зазвучали птичьими голосами. Холмы и бугры подернулись голубыми туманами. Орлы зарѣяли надъ долинами, заклектали на столѣтнихъ дубахъ. Дятловые-липняки стали опять перекликаться съ Кукушкиными-кучугурами, а Соловьиные-ракитники съ Журавлиными и Лебяжьими-озерами. Освобожденный пахарь повелъ первую вольную борозду. Первое дуновеніе воли по селамъ и хуторамъ принесло осязательныя льготы переходной поры: безусловное увольненіе отъ барщинныхъ повинностей стариковъ, дѣвушекъ и мальчиковъ-подростковъ, увольненіе дворовыхъ, которые по ревизіи, иногда случайно, числились въ крестьянахъ; свободный бракъ, отмѣну ночныхъ карауловъ, уничтоженіе добавочныхъ сборовъ съ крестьянъ и первые намеки на жалованіе дворовымъ. Не всѣ добровольно рѣшились сразу дать эти льготы. Освобожденные мальчуганы явили множество лукавыхъ демонстрацій и въ раннюю пору пе-

Digitized by Google

долгой весны не шли на работу за самую выгодную цѣну. За ними явились демонстрацiи горничныхъ и должностныхъ лицъ изъ крестьянъ. Мгновенно опустѣли цѣлые дома и усадьбы. Умѣренные смирились, зная, что ловкiй коричiй на практикѣ можетъ обойти всякiе подводные камни. Радикалы стараго закала подняли крики и вопли.

— Слышали вы? кричали одни: — многiе помѣщики ѣздятъ уже сами кучерами, а помѣщицы стряпаютъ себѣ обѣдъ?

— Нѣтъ, не слышали. Кто же это?

— Михаилъ Павлычъ, Федоръ Ильичъ, жена Ивана Юрьича! А у другихъ иныя дѣла происходятъ. Въ Есауловкѣ у князя Мангушки мужики самовольно, чуть прочли имъ манифестъ, запустили свой скотъ въ барскiе луга по Лихому и выбили ихъ въ нѣсколько ночей такъ, какъ вотъ эта ладонь.

— Ахъ, мерзавцы.

— Въ Конскомъ Сыртѣ у генерала Рубашкина сосѣднiе мужики въ саду срубили ночью пять лучшихъ берестовъ и липу на боковой алеѣ... Слушайте дальше! Вездѣ только и слышно: мужики рубятъ лѣса, выбиваютъ овцами и скотомъ поля и луга, вытравляютъ даже яровые и озимые всходы хлѣбовъ. У губернскаго предводителя на крышѣ дома въ деревнѣ поймали трехъ мальчишекъ. Они вѣрно пробирались въ трубу, чтобы обокрасть домъ, какъ то случилось въ Есауловкѣ прежде; а становой подлецъ рѣшилъ, что они лазили за воробьиными гнѣздами. Но печальнѣе всего исторiя съ тѣмъ же Рубашкинымъ. Онъ въ первый день велѣлъ наемному кучеру запречь лошадей къ церкви, а кучеръ напился пьянъ; генералъ вышелъ въ дворъ — ни души: всѣ батраки до обѣда засѣли въ есауловскомъ кабакѣ. Онъ за ворота — а за воротами бродятъ безъ пастуха его шпанскiя овцы и всѣ перемѣшались, бараны съ матками и съ ягнятами. Чтоже бы вы думали? А? отвѣчайте!

— Самъ запрегъ бѣговые дрожки и поѣхалъ за кучера?

— Угадали, именно! а овецъ поручилъ пасти горничной дѣвушкѣ, живущей у него за экономку; и тутъ бѣда! та сильно разобидѣлась и затѣяла отойти отъ него.

Бывшiй тутъ юноша, изъ либераловъ, разсмѣялся.

— Такъ повашему это вздоръ? вздоръ? закричалъ раскащикъ.

— Разумѣется плевое дѣло! Эка мученики! замѣтилъ либе-

Digitized by Google

ралъ: — разъ въ жизни самому въ деревнѣ запречь лошадь и дать любовницѣ на свѣжемъ воздухѣ порѣзвиться у двора съ ягнятами! Подумаешь: развѣнчанные Наполеоны на островѣ святой Елены! Людовики шестнадцатые въ цѣпяхъ!

— Я продолжаю! яростно продолжалъ раскащикъ: — я продолжаю о Перебоченской.

— А! крикнулъ либералъ и захохоталъ: — о Перебоченской, о сей человѣколюбивой волчицѣ, съ надпиленными нынѣ когтями? продолжайте, намъ пріятно!

Раскащикъ, въ которомъ читатель вѣроятно узналъ смѣненнаго нѣкогда предводителя, защитника Перебоченской, оторопѣлъ отъ злобы и негодованія; но чувствуя, что и у него шальное время пообточило зубы и надрѣзало когти, смолчалъ, набилъ себѣ трубку папой-кріономъ, затянулся до тошноты, улыбнулся, и пуская клубами ртомъ и носомъ ѣдкій дымъ, продолжалъ мрачнымъ и сдержаннымъ басомъ:

— Господа, наше сословіе распадается, гибнетъ! Но что сталось съ этою бѣдной Перебоченской? До чего ее унизили, разорили! Я не узналъ ее, воротившись изъ высылки въ другое мое имѣніе.

— Какъ такъ? спросили слушатели.

— Вы знаете, я всегда къ ней былъ особенно расположонъ, хоть и толкуютъ, что она мнѣ давала денегъ взаймы. Изгнанная изъ Сырта, она продала домъ въ городѣ и переѣхала было къ себѣ на хуторъ, думая извернуться, прикупить еще земельки и повести хозяйство. Размѣстила людей по избамъ; однихъ изъ нихъ поставила въ батраки, другихъ — въ должности къ дому. Тутъ еще воротили ей изъ бѣговъ нѣсколько человѣкъ ея бродягъ, какихъ-то двухъ бабъ изъ Астрахани, парня-кузнеца изъ Москвы. Дѣло наше по доносамъ Тарханларова затихло по случаю манифеста о волѣ. Чтоже бы вы думали? Тутъ явился этотъ нашъ доморощенный агитаторъ, зашолъ изъ Терновки къ ней на хуторъ, и какъ вы, господа, полагаете? объяснилъ всѣмъ людямъ ея разныя статьи положенія посвоему. Тѣ сговорились, да на дняхъ бросили ея дворъ и ушли всѣ до одного въ свои батрацкія избы, требуя земли, воловъ, и вмѣсто дворовой службы трехъ-дневной барщины мущинамъ, а двухъ-дневной — бабамъ, такъ какъ они числятся крестьянами!

Digitized by Google

— Чтоже! Это по закону! сказалъ либералъ: — а вы думаете какъ?

— Но посудите о Пелагеѣ Андреевнѣ, о ней посудите! кричалъ бывшій предводитель, будто не разслыша послѣднихъ словъ: — плотники бросили ея столярню, гдѣ ей кресло дѣлали; кузнецъ-парнишка бросилъ кузницу и также требуетъ поставить его на хлѣбопашество; тоже самое и съ бабами: и тѣ бунтъ затѣяли. А о дѣвкахъ нечего и говорить...

— Чтоже красныя дѣвушки? отозвался либералъ, хихикая: ихъ бы эдакъ розочками посѣчь, рѣпяшками, и дѣло въ шляпѣ, усмирились бы.

— Представьте, продолжалъ раскащикъ еще мрачнѣе: — всѣ дѣвки Перебоченской сговорились и вдругъ... бросили ее въ одну ночь. Однѣ бѣжали къ отцамъ, другія къ женихамъ, въ тѣже ея батрацкія хаты и въ сосѣднія имѣнія; ушли всѣ служанки, швеи, кухарки, прачки и кружевницы. Даже представьте — вѣрная Палажка и та бросила Перебоченскую и ушла въ городъ, повязавшись съ какимъ-то солдатюгой.

— Ай, батюшки! Чтоже она не требуетъ дѣвокъ? спросилъ либералъ: — вѣрно онѣ тоже изъ крестьянъ, и она не имѣла права ихъ держать при себѣ?

— Бѣдная Пелагея Андреевна изъ силъ выбилась. Звала всѣхъ обратно, становому жаловалась, новому предводителю. Ничто не взяло. Не тѣ люди теперь стали... да-съ! И представьте... сама теперь ѣсть себѣ варитъ, кухню перевела въ домъ къ себѣ, сама стряпаетъ и горькими слезами обливается. Два раза даже посуду сама мыла и воду, сказываютъ, черпала изъ колодца въ дворѣ. Просто Содомъ и Гоморра!..

— Странно! отозвался либералъ: — отчего же эта барыня не прибѣгнетъ къ найму постороннихъ людей?

Отставной предводитель остановился среди комнаты и съ грустною улыбкою посмотрѣлъ на всѣхъ слушателей.

— Слышите? Ну, не чудакъ ли! Да это кремень-женщина, съ характеромъ древнихъ героевъ. Она скорѣе погибнетъ отъ всякихъ огорченій и обидъ, какъ Леонидъ-съ при Термопилахъ, чѣмъ уступитъ хоть крупицу своего достоинства! Она честь и украшеніе своего сословія. А считать легко въ чужихъ карманахъ. Отчего не нанимаетъ? А зачѣмъ вся эта перемѣна? Нимъ служили и работали даромъ... Поневолѣ потеряешься... Вотъ

Digitized by Google

патріархъ нашъ, Борисъ Николаичъ! Вѣдь не вынесъ. Шестьдесятъ лѣтъ хозяйничалъ; сидя въ креслѣ приказанія раздавалъ и не вѣрилъ толкамъ о волѣ. А пріѣхалъ становой съ манифестомъ, онъ какъ всталъ съ кресла, зашатался, грохнулся объ полъ и духъ вонъ. И такихъ жертвъ у насъ не мало-съ...

Либералъ подошолъ посвистывая къ окну. Хоть санкюлотъ въ душѣ, но въ тоже время самъ богатый человѣкъ, онъ позволялъ себѣ вообще быть спокойнымъ и не стѣсняться. Его ненавидѣли, но боялись его и даже порою заискивали его расположенія.

— А Палажка, Палажка! возглашалъ раскащикъ: — эта вѣрная, преданная служанка!

— Ну? отозвались нѣкоторые.

— Представьте. Какъ ушла съ солдатомъ въ городъ, да и не возвращалась долго. Объ ея измѣнѣ въ особенности скорбѣла Перебоченская. И чтоже бы вы полагали? На дняхъ къ крыльцу ея на хуторѣ подкатилъ съ бубенчиками тройкой тарантасъ. Кучеръ съ павлинымъ перомъ. На гривахъ лошадей ленты. Изъ тарантаса вышли молодые разодѣтые: дѣвка и солдатъ, прямо изъ-подъ вѣнца. Это и была-съ... была сама Палажка, съ своимъ сужонымъ! А кто вѣнчалъ? Ну, ну? Угадайте... Вѣдь отца Смарагда, какъ вы знаете! Ну-съ? Вѣнчалъ есауловскій старый попъ, отецъ Иванъ! А? И это былой другъ ея! И отомстилъ же онъ... Она ему чего-то не доплатила за требы, уѣзжая изъ Сырта, и когда Палажка затѣяла вѣнчаться, отецъ Иванъ нетолько не отговорилъ ее отъ этого, но перевѣнчалъ и еще далъ этой Палажкѣ своихъ лошадей, кучера и тарантасъ, и настроилъ ее и мужа ея поѣхать съ визитомъ къ былой ея барынѣ. Чуть Палажка съ мужемъ вошла въ домъ къ ней, солдатюга и брякнулъ: сударыня, позвольте у васъ взять сундукъ съ вещами и съ платьемъ моей жены. — Какой сундукъ? спросила Перебоченская: — у нея ничего этого и въ заводѣ не было! «Какъ можно, сударыня! обозвалась Палажка: — я новому предводителю-съ стану жаловаться! Мало вы надъ нами издѣвались! Голодомъ насъ морили, безъ бѣлья цѣлые годы водили! Я у васъ два года на свои деньги обувалась. Я ли вашъ еще не служила?» Перебоченская на это вскрикнула, зашаталась и упала въ обморокъ... Вотъ до чего мы дожили. Скоро чернь заберетъ страшную силу, благодаря своимъ коноводамъ...

Digitized by Google

— Не вѣрю!

— Не вѣрите? Такъ знайте же, что мы зато вѣримъ и всѣ понемногу обзаводимся оружіемъ, револьверами и прочимъ.

— И этому не вѣрю!

— А это что? спросилъ ораторъ, вынимая изъ кармана револьверъ.

Хозяинъ дома, гдѣ шолъ этотъ разговоръ, вынулъ тоже пару какихъ-то, еще дѣдовскихъ пистолей, притомъ заряженныхъ. «Такъ и сплю теперь! нельзя!» прибавилъ онъ, отошолъ къ двери и еще тамъ показалъ въ углу палку, съ потайнымъ стилетомъ въ поларшина.

Въ другихъ мѣстахъ толковали нѣсколько иначе. Въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ исправника, удаленнаго было отъ мѣста вскорѣ послѣ исторіи Тарханларова съ Перебоченской, но потомъ оправданнаго и вновь допущеннаго къ должности, собирались всѣ недовольные изъ уѣздной старой партіи. Тутъ между прочимъ велась большая карточная игра.

— Слышали? спросилъ какъ-то у себя на вечерѣ исправникъ за штосомъ: — слышали про Рубашкина? Вотъ вамъ и современный человѣкъ! Было изъ-за чего рваться сюда и выгонять изъ Сырта Перебоченскую...

— Дама бубенъ. — Плié! — Шестерка! — Атàнде! — Убита! возглашали играющіе: — чтоже онъ тамъ дѣлаетъ?

— Поэзіей вздумалъ тутъ заниматься, пастушкомъ ходить, охотиться въ лаковыхъ сапожкахъ и въ соломенной шляпѣ, идеальничать; а въ душѣ тотъ же плантаторъ. Злится теперь на все въ мірѣ, ко мнѣ постоянно записки пишетъ, чтобъ взыскать съ его вольныхъ рабочихъ, обзываетъ ихъ ворами, подлецами.

— Вѣрно прочелъ въ газетахъ, сказалъ одинъ отъ картъ: — что кто-нибудь изъ сверстниковъ къ пасхѣ въ тайные произведенъ, ну — жолчь и расходилась!

— А сколько надеждъ генеральчикъ подавалъ! Какъ мечталъ о принесеніи себя въ жертву полезному дѣлу въ провинціи!

— Считалъ себя тоже лучшею живою кровью въ Россіи...

— Кой-чортъ лучшая кровь! перебилъ исправникъ, ставя осмерку на весь банкъ противника: — стойте; убью, тогда расскажу штуку! Убила! Пожалуйте денежки! Теперь слушайте. Ѣду я недавно-съ мимо Сырта къ Волгѣ, поравнялся съ дворомъ

Digitized by Google

генерала; былъ вечеръ. Смотрю: за дворомъ кучка людей обжигаетъ убитаго кабана у костра соломы; всѣ хохочутъ, а какая-то баба ревма реветъ. Что это? спрашиваю я изъ тарантаса. Ну, меня сейчасъ узнали. — «Это, отвѣчаютъ мнѣ, генералъ застрѣлилъ кабана вонъ той бабы. Генералъ развелъ на дворѣ цвѣтникъ, а пастуха намъ негдѣ взять, свиньи стали ходить въ дворъ, портить грядки, ѣсть луковицы. Сперва генералъ изъ окна убилъ у насъ пару поросятъ, а теперь каждый день бьетъ свиней...» — Вотъ вамъ, господа, и передовые люди, и либералы! Шуты гороховые, пустозвоны, карбонаришки! Свиней мужицкихъ изъ оконъ бьютъ!

Игра продолжалась.

— А что, господа, слышно про есауловскаго Пугачева? спросилъ кто-то: — говорятъ, скверныя вещи въ уѣздѣ у насъ происходятъ!

Исправникъ оставилъ карты.

— Да, именно скверныя. Я уже десять рапортовъ послалъ губернатору. Но вѣдь вы знаете теперешнее время. Я ему пишу, а онъ мнѣ указываетъ на Пустошнева.

— Чтоже онъ?

— Да на него кто-то доносъ губернатору написалъ. Доносъ грязный; я по немъ дѣлалъ слѣдствіе... Ну, и не все оказалось правдою... Онъ точно человѣкъ кутящій, слегка даже въ безуміе иногда впадаетъ, и время теперь опасное; ну, а все-таки не надо дѣла преувеличивать.

— Раскажите же въ чемъ доносъ былъ?

— Воротился къ нему недавно послѣ пасхи на хуторишко старый-престарый бродяга, изъ кучеровъ еще былого прежняго владѣльца того имѣнія. Старикъ этотъ былъ въ бѣгахъ что-то около сорока лѣтъ и еле-еле приплелся, оборванный, слабый, и дуракъ былъ, что воротился... Гдѣ-то по пути отъ Ростова его ограбили какіе-то солдаты-дезертиры. Притащился онъ въ дворъ къ Пустошневу; едва узналъ то мѣсто, гдѣ была прежняя усадьба его старыхъ господъ и село. Ну, а Пустошнева вы знаете. Докладываютъ ему, а онъ уже былъ сильно выпивши. Кто-то и припомнилъ ему, что этотъ старикъ бѣжалъ когда-то, обидѣвъ барина въ припадкѣ ревности. — «А! закричалъ Пустошневъ: — я самъ съ нимъ расправлюсь! сюда его!» Привели старика. — «Такъ ты разбойничалъ тутъ, да за землей

Digitized by Google

пришолъ теперь! Стой же, голубчикъ. Воды горячей, бритву! Я тебя самъ превращу въ арестанта.» — Своими руками намылилъ ему лицо, выбрилъ полбороды, полголовы и одинъ усъ. Потомъ ошалѣлаго отъ перепуга старика повелъ въ амбаръ; былъ вечеръ. Онъ его вѣрно думалъ спьяну напугать только: привязалъ ему на шею веревку и прикрутилъ ее къ потолочной балкѣ. — «Стой всю ночь! Спать не будешь!» Заперъ его и ушолъ. А на утро кинулись — старикъ не выстоялъ ночи, ноги вѣрно подкосились, и чуть не удавился... Утромъ докладываютъ шальному Пустошневу, что такъ и такъ. Чтоже бы вы думали? Вмѣсто покаянія, взбѣсился еще болѣе; вбѣжалъ съ пистолетомъ въ учебную, гдѣ сынъ съ учителемъ сидѣлъ надъ книжкой, закричалъ: «а! такъ и ты готовишься въ либералы!» прицѣлился и выстрѣлилъ въ сына картечью изъ пистолета.

— Убилъ?

— Промахнулся... Его схватили и насилу урезонили. Надо полагать сочтутъ его сумашедшимъ. Теперь уже его увезли послѣ слѣдствія въ городъ. А губернаторъ все-таки на крестьянскіе безпорядки не обращаетъ вниманія...

— Кто же, кто коноводъ безпорядковъ въ нашемъ уѣздѣ? добились вы толку?

— «Долго я не понималъ въ чемъ дѣло. Тарханларовъ меня преслѣдовалъ прежде; однакоже теперь, какъ его сдѣлали у насъ вице-губернаторомъ, самъ указалъ, что ясныхъ уликъ противъ меня нѣтъ и самъ же опять пособилъ мнѣ стать тутъ исправникомъ. Верхоглядствомъ мало возьмешь; на однѣхъ бѣлоручкахъ не выѣдешь. Ну, я и сталъ присматриваться... Въ окрестностяхъ Есауловки, какъ по чьему-то таинственному мановенію, весь народъ окрысился, какъ одинъ человѣкъ... Положеніе толкуютъ посвоему; отказываются отъ добровольныхъ сдѣлокъ съ владѣльцами. Я бы нашолъ этого коновода; онъ между чернью у насъ есть навѣрное! Здѣсь сегодня обидѣли барыню; смотришь, за сорокъ верстъ въ тотъ же день выругали барина, а за пятьдесятъ исколотили чуть не до смерти прикащика! — Коноводъ есть, господа, да крылья намъ подрѣзаны, завелись мировые посредники; я пишу губернатору, а онъ говоритъ: пусть прежде посредникъ похлопочетъ. Да-съ... Вотъ когда что посерьознѣе случится тогда и всѣ другіе запоютъ...»

Прошли слухи, что вслѣдъ за возвращеніемъ изъ Италіи,

Digitized by Google

владѣлецъ Есауловки князь Мангушко испыталъ какое-то сильное оскорбленіе отъ своихъ былыхъ подчиненныхъ, что тутъ замѣшанъ и его сосѣдъ, генералъ Рубашкинъ, что дѣло это разбиралъ уже мѣстный посредникъ, но что на сходкѣ и того сильно оскорбили крестьяне. Дѣло стало разъясняться. Произнеслось наконецъ имя Ильи Танцура, — сына есауловскаго прикащика. Молва разнеслась, что генералъ Рубашкинъ сошолся съ княземъ Мангушко, ночевалъ какъ-то у него, и на нихъ ночью было сдѣлано что-то вродѣ покушенія на убійство. Именно: будто бы есауловскій прикащикъ, обходя ночью дворъ и садъ, поймалъ надъ балкономъ второго яруса, на водосточной трубѣ, сына своего Илью и одного изъ музыкантовъ, судившихся въ городѣ передъ тѣмъ, Кирилу Безуглаго, которые будтобы пробирались въ окно княжеской спальни, гдѣ на ночь князь и генералъ заперлись съ какими-то красавицами. Молва добавляла, что Илья и Кирило, пользуясь темнотой, при крикахъ прикащика, убѣжали и скрылись въ окрестностяхъ.

Губернскій городъ узналъ о событіяхъ того уѣзда вскорѣ также въ подробностяхъ. Илью Танцура уже прямо называли коноводомъ всѣхъ своеволій крестьянъ.

— «Новый Стенька Разинъ! Стенька Разинъ появился у насъ!» передавали съ ужасомъ другъ другу обитатели губернскаго города, гдѣ какъ водится жизнь своихъ же уѣздовъ понимали менѣе жизни иного города Ботофого на Ріо-де-Жанейро: — «И въ тѣхъ самыхъ поволжскихъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствовали Пугачевъ и Разинъ! добавляли другіе: — Есауловка ихъ гнѣздо! Да тутъ еще, кромѣ воскресающей пугачевщины и разинщины, поднимаются и растутъ два старыхъ нашихъ вопроса, казачество и расколъ... Вѣдь Малаканецъ по сосѣдству. Какъ тутъ не возродиться Стенькѣ Разину!»

— Чтоже слышно о немъ? Каковъ онъ и какъ зовутъ этого агитатора? допытывались дамы.

— «Илья Танцуръ; онъ сынъ прикащика въ Есауловкѣ. Князь едва воротился изъ чужихъ краевъ и тутъ же наткнулся на этого изверга. Говорятъ, что онъ въ косовую сажень ростомъ, съѣдаетъ по цѣлому барану и выпиваетъ чуть не по ведру

Digitized by Google

водки. А наружностью, такъ клянутся, что это сущій Пугачевъ: окладистая черная борода, ястребиный взоръ и ожесточенъ, какъ самъ Емелька. Наконецъ, правдали, нѣтъ ли, а увѣряютъ, что скрываясь въ хуторахъ за Авдулиными буграми, научая всѣхъ и принимая депутаціи, онъ объявилъ себя пророкомъ...»

— Быть не можетъ! Пророкомъ? Какъ Магометъ? спрашивали, замирая отъ страху, дамы.

— Именно, какъ Магометъ! Народъ къ нему идетъ на поклоненіе, онъ сидитъ за столомъ передъ книгой о волѣ, всѣхъ допускаетъ къ рукѣ, красная лента у него черезъ плечо. По ночамъ онъ развратничаетъ, а днемъ рѣшаетъ сомнѣнія всѣхъ, кто къ нему приходитъ. Говорятъ, что отцы ведутъ къ нему дочерей, мужья жонъ, а братья сестеръ...

Дамы съ ужасомъ затыкали уши и поднимали глаза къ небу.

— «Вся подкладка его характера! пугливо ораторствовалъ какой-то пріѣзжій, даже въ кабинетѣ губернатора: — вся личность этого Ильи Танцура — двойникъ Разина. Это тотъ же мечъ божій! Какъ онъ нагло оскорбилъ посредника и какъ хладнокровно закололъ станового! Чужія страданія его забавляютъ; великодушіе ему незнакомо...

— Ну, перебилъ губернаторъ: — становой живъ, это вамъ напрасно сказали...

— Пусть живъ. А посредникъ?

— Отъ посредника я еще ничего не получалъ: видно надѣется такъ успокоить околотокъ; а мѣшаться мнѣ пока не позволяютъ инструкціи...

— Все такъ, все такъ. Но этотъ коноводъ зло опаснѣйшее... Это извергъ въ полномъ смыслѣ слова! Онъ уже устроилъ прямыя и непрерывныя сношенія съ окрестными губерніями; сорокъ-пять уѣздовъ уже въ его рукахъ. Ему несутъ хлѣбъ-соль, сборы денегъ... А князь, этотъ бѣдный князь...

— Чтоже князь? спросилъ губернаторъ.

— Да князь съ Рубашкинымъ въ осадѣ уже цѣлую недѣлю. Спаслись, говорятъ, въ ночь покушенія на нихъ, только крѣпостью ставень, но съ тѣхъ поръ живутъ во второмъ этажѣ и уже припасовъ слышно у нихъ становится мало...

Губернаторъ всталъ. Онъ давно былъ встревоженъ и раздражонъ, давно хотѣлъ принять какія-то мѣры, но чѣмъ-то все стѣснялся, чего-то боялся, ждалъ. Въ послѣднее время онъ

Digitized by Google

сильно присмирѣлъ, часто сидѣлъ надъ бумагами, мягче встрѣчалъ посѣтителей, заботливо совѣтовался о разныхъ намѣреніяхъ съ людьми опытными, съ людьми стараго порядка, съ мѣстными практиками, и преклонялся передъ временемъ, хоть ворчалъ на Петербургъ. — «Э... въ видѣ нищихъ — сюда никто не приходилъ; а объ есауловскихъ дѣлахъ однако надо подумать серьознѣе.» Онъ позвонилъ, позвалъ своего секретаря.

Вошолъ румяный и щегольски одѣтый молодой человѣкъ въ очкахъ, изъ правовѣдовъ. Въ рукахъ его была пачка газетъ.

— Насчетъ Есауловки отъ посредника еще ничего нѣтъ?

— Ничего-съ...

— Странно!

Губернаторъ сталъ медленно ходить по кабинету.

— А вы какъ полагаете? Продѣлки этого, какъ его, Ильи Танпура, пустяки, что о нихъ посредникъ умалчиваетъ и не сдаетъ все еще дѣла мѣстной полиціи? Согласитесь сами: влѣзть на балконъ, на трубу; не можетъ же быть, чтобъ прикащикъ это сочинилъ! Потомъ жить по сосѣдству, въ Есауловку не возвращаться, волновать умы; или его посредникъ испытываетъ? Что?

— Осмѣлюсь доложить вашему превосходительству, началъ молодой человѣкъ, поправляя очки, выпрямляясь и стараясь придать себѣ какъ можно болѣе достоинства, спокойствія и благородной смѣлости и откровенности: — до меня дошли еще другіе, болѣе важные слухи... Извѣстный-съ итальянскій агитаторъ Гарибальди черезъ своихъ эмиссаровъ давно уже старается взволновать Венгрію, Грецію и славянскія земли въ Турціи... Ну-съ, по секрету объявляютъ, что его портреты съ недавняго времени въ громадномъ количествѣ провезены, какъ слышно, черезъ азіятскую Россію, на Кавказъ, а оттуда въ Крымъ, на Донъ и сюда въ низовыя губерніи...

— Такъ вы полагаете, спросилъ губернаторъ, разсѣянно поглядывавшій до того времени на пукъ газетъ въ рукахъ чиновника, гдѣ онъ недавно за какой-то ретроградный поступокъ сильно былъ отдѣланъ: — такъ вы полагаете, что между Гарибальди и нашими мѣстными мятежниками есть солидарность? Это забавно!

— Имѣю ясныя подозрѣнія, продолжалъ совершенно спо-

Digitized by Google

койно секретарь: — въ томъ, что всякія продѣлки въ Есауловкѣ находятся въ связи съ эмиссарами Гарибальди...

— О, это уже кажется слишкомъ! перебилъ губернаторъ.

Секретарь улыбнулся.

— Очень радъ, ваше превосходительство, что на сомнѣніе ваше могу отвѣчать фактомъ. Вездѣ по Дону и здѣсь внизу по Волгѣ, съ весны еще народъ ожидаетъ со дня на день прибытія нѣкоего гетмана Загребайлы... Понимаете-съ? Загребайлы... Это и есть Гарибальди! Этотъ гетманъ Загребайло, по толкамъ народа, теперь за моремъ пока освобождаетъ дескать итальянцевъ, потомъ побьетъ нѣмцевъ и турковъ, освободитъ славянъ... Не вѣрите? Хоть это слухи, но слухи вѣрные...

Губернаторъ остолбенѣлъ.

— Надо принять строгія мѣры съ этимъ Танцуромъ! сказалъ гость-помѣщикъ: — иначе послѣ не расплатитесь...

— Вотъ вамъ и должность наша! рѣшилъ губернаторъ, разставя руки: — тутъ готовится суматоха, а газеты насъ казнятъ за строгости. Что новаго въ газетахъ?

— Вездѣ толкуютъ о крестьянскихъ мятежахъ, о насиліяхъ, упорствѣ!..

Губернаторъ позвонилъ. Вошолъ жандармъ.

— Поѣзжай, попроси г. Тарханларова ко мнѣ. Надо дѣйствовать! сказалъ губернаторъ уходящему гостю: — что дѣлать, не мы виноваты.

Не успѣлъ губернаторъ успокоиться, какъ къ вечеру къ его квартирѣ подъѣхали разомъ два нарочныхъ верховыхъ, съ пакетами отъ станового и отъ посредника. Въ обоихъ пакетахъ доносилось о новыхъ безпорядкахъ въ Есауловкѣ и въ окрестностяхъ и испрашивалась присылка войскъ.

VI

КНЯЗЬ МАНГУШКО ТАКЖЕ НАКОНЕЦЪ ВОРОТИЛСЯ

Чтоже въ это время сталось съ Ильей Танцуромъ?

Въ Есауловку весной, съ первою навигаціей, черезъ Триестъ, Дунай и Одесу воротился наконецъ старый князь Бѣлоконь-Мангушко. Живя зиму въ Италіи, на берегу моря въ Генуѣ,

Digitized by Google

князь занимался живописью, ходилъ въ кофейни читать газеты и болтать о политикѣ, волочился за шляпницами и цвѣточницами, носилъ костюмъ двадцатилѣтняго юноши и нѣсколько лѣтъ сряду копировалъ масляными красками дюжинный ландшафтъ какого-то туземнаго артиста изъ новыхъ римлянъ и ждалъ только новыхъ денегъ изъ Россіи, чтобы переѣхать въ Сіену, гдѣ по слухамъ жилъ другой артистъ, бывшій въ модѣ по случаю рисованія въ новомъ видѣ обнажонныхъ женщинъ. Ни изъ кіевскихъ имѣній, ни изъ Есауловки денегъ не приходило. Князь какъ-то зашолъ въ мастерскую своего учителя-живописца и вдругъ услышалъ отъ него такую новость: «Tiens, mon cher prince! Вы читали ипа телеграму изъ Россіи?..» — «Какую?» — «Ваши serfs, ваши рабы освобождены наконецъ однимъ почеркомъ пера... Вашъ императоръ издалъ третьяго дня въ Петербургѣ великую хартію свободы двадцати-пяти мильоновъ вашихъ крестьянъ.» Князь кинулся въ кабинетъ для чтенія и въ маленькой мѣстной газеткѣ дѣйствительно прочелъ въ телеграмѣ, переданной изъ Петербурга въ Парижъ, извлеченіе изъ манифеста о крестьянской волѣ. Читальный залъ библіотеки былъ полонъ. Болѣе сорока угрюмыхъ лицъ, уткнувшись въ итальянскія и французскія газеты, хранили мрачное и краснорѣчивое молчаніе. «Русскіе!» подумалъ князь и подъ его ложечкой также почувствовалось легкое давленіе. Въ тотъ день онъ не ходилъ гулять въ общій садъ, даже не обѣдалъ и выпилъ множество шипучей воды. На другой день, вмѣсто артистическаго визита въ Сіену, онъ сосчиталъ послѣднія деньги, скромно выѣхалъ въ Тріестъ и черезъ двѣ недѣли въ какомъ-то отставномъ мундирѣ, вмѣсто недавней художнической куртки, сурово стоялъ въ Кіевѣ въ соборѣ, попавши туда случайно на одинъ офиціальный праздникъ и на молебствіе, причемъ впрочемъ ему дали мѣсто въ кругу губернской знати. Кіевскія имѣнія не улыбнулись князю. Доходы оттуда были давно исчерпаны за годъ вперёдъ. Онъ поспѣшилъ въ Есауловку, такъ какъ незадолго передъ тѣмъ въ ней произошла извѣстная кража въ домѣ и ожидалась большая сумма за продажу партіи пшеницы, скопленной прикащикомъ Романомъ въ нѣсколько дешовыхъ лѣтъ.

Князь явился въ Есауловкѣ, какъ снѣгъ на голову. Домъ найденъ въ порядкѣ, хотя былъ нетопленъ. Наскоро протопили и освѣжили сперва двѣ-три комнаты. По совѣту Романа къ со-

Digitized by Google

сѣду въ Конскій-Сыртъ поскакалъ гонецъ, съ записочкой отъ князя, что тотъ проситъ у Адріана Сергѣича Рубашкина позволенія съ нимъ познакомиться, пріѣхать къ нему и на первое время дня четыре или болѣе погостить у него. Рубашкинъ самъ поспѣшилъ къ князю, увидѣлъ передъ собою сморщеннаго, но розоваго, сладенькаго, изнѣженнаго и веселаго, съ бѣлыми волосами старичка и тотчасъ увезъ его къ себѣ. Старики нашли другъ въ другѣ много общаго и тотчасъ сошлись, даже пустились въ откровенности. Оба оказались одинаково либеральны, одинаково бранили правительство и Петербургъ, считали, что лучшіе изъ дворянъ продали свое сословіе и хихикая рѣшили, что теперь остается имъ только перепрыгивать съ одной льдины на другую, спасаясь въ общемъ наводненіи, каждому сидѣть въ своей норкѣ и только, пока есть огонь въ душѣ, развлекаться насчетъ женщинъ.

— «А, такъ и вы охотникъ?» спросилъ Рубашкинъ, вдругъ набившій уже вкусъ на этотъ счетъ въ деревенской скукѣ.

— «А вы думали нѣтъ?» сказалъ князь и тоже лукаво засмѣялся.

Рубашкинъ его разглядывалъ не безъ сожалѣнія. У князя весьма подозрительно дрожали нѣжныя ручки; голубые, небесные глазки были нѣсколько мутны; во время походки одна нога его будто отставала отъ другой, а голова порою сама собой покачивалась, какъ у алебастроваго котенка.

«Эге, братъ! Да у тебя уже вѣрно былъ первый визитикъ Кондрашки! Хорошо, что и я по совѣту Саддукѣева завелся зельтерской водой! подумалъ Рубашкинъ: — здѣсь какъ разъ нашего брата подшибетъ: ѣшь, спишь, думаешь о поживѣ — только и заботы! То ли дѣло Петербургъ: гранитные тротуары, ходишь безъ калошъ, тьма пріятелей, идеи, новости клокочутъ... все дѣльныя головы, споры, умственныя битвы... А Кононовъ? Вѣдь произведенъ въ тайные!»

Князь улыбался, похаживалъ по домику Рубашкина, самъ помогалъ хозяину передвигать мебель, звать слугу, заходилъ въ лакейскую поболтать съ Романомъ.

— Что вы все съ нимъ говорите? спросилъ Рубашкинъ: еще успѣете, еще надоѣстъ хозяйничать. О чемъ толковать?

— Какъ о чемъ? Устроить, покончить! отвѣтилъ князь: —

Digitized by Google

ну, добровольно тамъ... развязаться это съ крестьянами, пустить имѣніе на новый ладъ. Что дѣлать; надо трудиться!

Рубашкинъ однако вышелъ на крыльцо, мигнулъ Роману и спросилъ его, въ чемъ дѣло?

— Насчетъ дѣвочекъ все! не покаялся старый баринъ! отвѣтилъ со вздохомъ Романъ.

«Каковъ! помыслилъ Рубашкинъ: — еще и скрывается!» и самъ разговорился объ этомъ съ княземъ.

— У меня въ ключницахъ премиленькая дѣвочка живетъ, Фрося! сказалъ онъ князю: — вы ее видѣли; сказать ей, она смастеритъ это дѣло лучше вашего Романа, и главное — безъ огласки!

— А, откуда она у васъ?

— Горничная Перебоченской; я ее отбилъ, представьте, у ея жениха, вашего флейтиста, Безуглаго. Увы, деньги все сдѣлаютъ. Она ко мнѣ пошла, когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, а теперь его забыла и любитъ меня, клянусь вамъ, какъ ребенокъ. Что дѣлать, мнѣ самому дико! Но здѣсь въ глуши намъ, чернорабочимъ хозяйства, это одна прихоть.

— «Такъ похлопочите, похлопочите!» сказалъ князь, потирая руки.

Сказано и сдѣлано. Фрося, одурѣвшая отъ шолковыхъ платьевъ, золотыхъ серегъ и бурнуса, вызвалась доставить и князю одну свою пріятельницу. Срокъ назначенъ былъ ею черезъ недѣлю. Она обѣщала привести пріятельницу сперва въ Сыртъ, а потомъ въ сумерки попозднѣе въ Есауловку. Рубашкинъ обѣщался къ тому времени тоже пріѣхать къ князю и въ четверомъ провести время отъ скуки, пока кругомъ въ околоткѣ шла всякая суматица отъ новой воли.

Князь Мангушко переѣхалъ въ есауловскій домъ. Явилась наемная прислуга. У конюшни показались молодцоватые конюхи. У кухни задвигалась бочка съ водой, запищали подъ рукою повара невинныя куры, взревѣли телята и овцы. На поварскихъ столахъ бойкую дробь забили надъ котлетами и пашетами вновь отчищенные ножи. Наемный изъ города лакей развѣсилъ возлѣ крыльца платья барина. Прикащица Ивановна ни жива ни мертва суетилась въ буфетѣ. Романъ Танцуръ выбивался изъ всѣхъ силъ, чтобы угодить князю.

Тутъ-то и произошла исторія. Рубашкинъ вечеромъ сидѣлъ

Digitized by Google

у князя. Они ожидали милыхъ гостей. А тѣмъ временемъ въ саду въ потемкахъ ходили двѣ тихія фигуры: Илья и Кирило. Илья давно добивался случая повидаться съ княземъ, объявить ему обо всемъ что зналъ онъ о своемъ отцѣ; но Романъ его бы не допустилъ. Кирило тоже хотѣлъ проситься на оброкъ, а его заставляли работать съ крестьянами. Пріятели рѣшились попозднѣе, когда прикащикъ уйдетъ, явиться къ князю и лично добиться дѣла. Вдругъ они увидѣли впотьмахъ, у рѣшотки дома двухъ дѣвушекъ, подкрались и подслушали ихъ рѣчь. Кирило узналъ Фросю. Та утѣшала и подговаривала другую быть смѣлѣе. Дѣвушки ушли на крыльцо. Дверь за ними щелкнула. Прикащикъ сошолъ въ контору. Огни въ домѣ стали погасать. Свѣтилось только окно въ спальнѣ князя, близь балкона во второмъ ярусѣ дома.

Кирило зашипѣлъ отъ ярости.

— А! Фроська, подлячка! узналъ ты ее?

Въ умѣ Ильи мелькнулъ первый вечеръ его возврата домой, голубятня, стоны и таже Фрося. Пріятели переждали и рѣшились подсмотрѣть за дѣвушками; Кирило влѣзъ на балконъ по трубѣ къ окну спальни, съ цѣлью заглянуть въ окно. Илья ждалъ внизу. Ихъ засталъ тутъ Романъ и крикнулъ на караульныхъ. Они убѣжали. Романъ будто бы видѣлъ и Илью. Сцена эта сильно напугала и князя и Рубашкина. «Вѣдь они могли насъ убить!» рѣшили они и дали знать наконецъ о дерзости Ильи посреднику.

Черезъ два дня изъ-за Авдулиныхъ бугровъ явился босоногій чужой мальчишка и принесъ въ контору записку, карандашомъ, отъ посредника такого содержанія:

«Прикащику села Есауловки. Прошу созвать къ барскому двору все общество бывшихъ крестьянъ помѣщика князя Мангушко на завтрашній день съ утра. Мировой посредникъ Раловъ».

Мальчишка ткнулъ записку въ руки Романа и исчезъ, пока тотъ успѣлъ прочесть ее и собраться съ мыслями. Романъ былъ пораженъ. Прочтя записку, онъ кинулся наверхъ къ князю. Черезъ пять минутъ въ Сыртъ опять поскакалъ верховой и Рубашкинъ явился снова.

— А, каково? шепталъ князь, давая ему записку посредника: — прошу вмѣсто приказываю, и кому же, мужику? И

Digitized by Google

потомъ какъ ядовито: бывшихъ крестьянъ князя? Какой-то Раловъ! Да это забавно! Записка по такому важному дѣлу на клочкѣ дрянной бумажки и карандашомъ. Да это терроръ!

— И фамилія какая скверная! Раловъ! перебилъ генералъ: — какой-нибудь нищій; купилъ себѣ это мѣсто за наши же деньги!

Рубашкинъ прочелъ записку и плюнулъ.

— Ему жалуются на разбои, негодяи лѣзутъ въ окна, а онъ пишетъ въ контору! Нѣтъ, это безчестно, подло! Я къ министру буду писать. Я съ нимъ знакомъ... да что? Я самъ два года назадъ правилъ департаментомъ и скажу вамъ никогда бы не допустилъ такого безобразія. Это поведетъ къ страшной путаницѣ, къ анархіи!

— Раловъ, Раловъ! шепталъ князь: — это наши преемники, мѣстная власть! Тьфу!

Князь, сидя на штофной софѣ передъ окномъ, изъ котораго былъ видъ на поволжье и на всѣ есауловскія владѣнія, не вытерпѣлъ и также плюнулъ.

— Нѣтъ! сказалъ опять Рубашкинъ: — я не думаю, чтобъ этотъ Раловъ рѣшился сыграть съ вами туже штуку, какую онъ исполнилъ въ другихъ имѣніяхъ. Его вызовутъ по дѣлу объ обидахъ отъ крестьянъ, а онъ вмѣсто барскаго дома подъѣдетъ къ амбару или къ конюшнѣ, не входя въ домъ, созоветъ крестьянъ, да тамъ и разбираетъ дѣло, какбы считая насъ за отъявленныхъ враговъ правды. Вѣроятно этотъ юноша Раловъ — онъ говорятъ изъ студентовъ и ходитъ съ огромной бородой — не захочетъ обидѣть ваше сіятельство. Я полагаю, что завтра, узнавши о томъ, что вы дома, онъ прямо подъѣдетъ къ крыльцу, доложитъ о себѣ вамъ и тогда уже съ позволенія вашего откроетъ для суда надъ буянами волостной сходъ. Я буду къ этому времени у васъ непремѣнно.

— О, пожалуста, ваше превосходительство!

Рубашкинъ съ весны уже не останавливалъ никого, когда его титуловали по генеральски.

Князь велѣлъ прикащику собрать на утро мужиковъ ко двору, какъ желалъ посредникъ.

Рано утромъ Рубашкинъ уже явился къ сосѣду и засталъ его за стаканомъ кофею еще неумытымъ, въ ермолкѣ и въ халатѣ.

Digitized by Google

— Вы еще нѣжитесь?

— Да-съ! День будетъ, надо полагать, тяжолый...

— А что? Развѣ этотъ, какъ бишь его, Раловъ скоро будетъ?

— О, нѣтъ еще! Куда имъ, этимъ молокососамъ. Я думаю еще спитъ. Только для форсу съ утра требовалъ сбора людей. Развѣ къ вечеру будетъ. Не хотите ли чаю или закусить?

Князь потянулся, позвонилъ. Вбѣжалъ Власикъ и не своимъ голосомъ крикнулъ: «посредникъ ѣдетъ!»

— Вотъ те и на!

Пріятели бросились къ окну, изъ котораго видно было, какъ толпа мужиковъ у воротъ задвигалась. Издали, версты за двѣ, по косогору спускалась коляска четверней.

— Однако коляска! сказалъ князь: — такъ они у васъ въ коляскахъ ѣздятъ!

Крестьяне заранѣе одинъ за другимъ сняли шапки. По зеленой луговинѣ отъ двора навстрѣчу посреднику поскакалъ прикащикъ Романъ.

— Это зачѣмъ? спросилъ Рубашкинъ: — а, понимаю! вѣрно пригласить его прямо къ вамъ.

Князь кинулся одѣваться. Рубашкинъ, оставшись одинъ, спустился въ залъ и сталъ передъ зеркаломъ, принимая разныя внушающія положенія. Въ это время за воротами раздался стукъ колесъ, но коляска къ крыльцу не подъѣзжала. Рубашкинъ пошолъ сперва въ переднюю, потомъ въ кабинетъ. Тамъ стоялъ уже князь. Князь глянулъ на Рубашкина: на генералѣ явилась звѣзда и фракъ. Рубашкинъ глянулъ на князя: на князѣ звѣзды не было, но онъ также облекся во фракъ и въ бѣлый галстукъ и нацѣпилъ на себя заграничный орденъ не то какого-то овна, не то дѣвы, полученный имъ за жертвы въ пользу какихъ-то иностранныхъ богадѣленъ. Пріятели были въ сильномъ волненіи и даже попросту трухнули. Въ окно было видно, какъ посредникъ у воротъ вышелъ изъ коляски съ письмоводителемъ, какъ крестьяне скромно отвѣтили на его привѣтствіе, и тотчасъ сталъ опрашивать крестьянъ. На немъ были бѣловатое драповое пальто и старенькая, помятая фуражка. Письмоводитель былъ тоже въ старой шинелькѣ.

— Что же это? спросилъ князь: — они кажется точно идутъ подъ амбаръ?

Digitized by Google

Въ комнаты стремглавъ вбѣжалъ прикащикъ, крича лакею:

— Столъ посреднику, стулъ и чернильницу!

— Ты-то чего мечешься? шепнулъ ему сердито Рубашкинъ: что онъ тебѣ за цаца? Отчего къ князю нейдетъ?

— Не можемъ знать-съ; говорятъ: я не въ гости къ князю пріѣхалъ, а по дѣлу; кланяйся имъ и скажи, что я прошу ихъ прійти и при обществѣ объявить все, чтобъ крестьяне знали, что я посредникъ, а не гость князя.

— И это онъ сказалъ при всѣхъ?

— При всѣхъ.

Князь и генералъ переглянулись.

— Вы пойдете туда? спросилъ Рубашкинъ.

— А вы?

— Нѣтъ, вы скажите.

— Нѣтъ вы...

Словомъ пріятели остались, угрюмо усѣлись во фракахъ у окна и не пошли на слѣдствіе посредника о безпорядкахъ въ Есауловкѣ. Изъ окна видна была у амбара куча народа и столъ, за столомъ передъ бумагами на стулѣ посредникъ. Онъ говорилъ, вставалъ, садился. Слышенъ былъ отвѣтный гулъ голосовъ. Изъ дверей конюшни, изъ оконъ и изъ-за угловъ кухни и другихъ зданій вездѣ торчали взволнованныя лица любопытныхъ слушателей. Тутъ были и выпущенные изъ острога музыканты и нѣсколько призванныхъ нарочно въ свидѣтели жителей сосѣднихъ имѣній. Власикъ, вопреки приказу Романа, взобрался на крышу амбара и оттуда съ другими ребятишками слушалъ также что̀ говорилось на той небывалой сходкѣ. Илья Танцуръ и Кирило стояли въ толпѣ крестьянъ. Романъ стоялъ съ письмоводителемъ за стуломъ посредника. По приказанію князя верховой поѣхалъ въ Сыртъ за Саддукѣевымъ. Посредникъ не въ первый разъ уже являлся убѣждать есауловцевъ покориться новому положенію. Потравы луговъ, рубка лѣса и всякія ослушанія продолжались. Посягательство Ильи и Кирилы на спокойствіе князя въ ночь, когда ихъ застали у балкона, клало мѣру терпѣнія посредника. Долго онъ высчитывалъ вины общества, долго горячился, кричалъ, даже охрипъ и грозилъ все дѣло передать земской полиціи.

— Это ты всему зачинщикъ! сказалъ онъ наконецъ Ильѣ и

Digitized by Google

прибавилъ: — соцкіе! взять его и отправить въ станъ. Пусть съ нимъ съ первымъ вѣдается полиція!..

Илья выступилъ.

— Коли отецъ мой и тутъ гонитъ меня, сказалъ онъ: — такъ я молчать не буду. Онъ погубилъ отца моей невѣсты, доносилъ на меня, что я съ ворами лазилъ въ домъ барина, теперь донесъ, что видѣлъ меня опять ночью у балкона, выставляетъ, что я людей смущаю, не такъ законы имъ читаю. Православные, полно батькѣ моему надъ нами властвовать, кровь нашу пить! сѣчь людей черезъ становыхъ, да на васъ жаловаться. Ваше высокоблагородіе! я ребенкомъ бѣгалъ отъ изверга нѣмца, а нынче весной уходилъ отъ отца родного. Воротился я всю правду про него сказать. Былъ въ судѣ дорогою, просьбы моей не приняли, не такъ написана; былъ у становаго, и тотъ не принялъ. Знайте же вы, я про отца своего теперь при людяхъ говорю: онъ съ помѣщицей Перебоченскою фальшивыя асигнаціи въ Нахичевани покупалъ, да послѣ распродавалъ; тѣмъ они и обогатились. А доказать мои слова могутъ: помѣщикъ Хутченко въ острогѣ, горничная Перебоченской Фрося, что у генерала Рубашкина въ ключницахъ нанимается, и одинъ армянинъ въ Ростовѣ, Халатовъ. Этотъ знаетъ и книгу ту, гдѣ барыня эта съ отцомъ моимъ расписывалась въ получкѣ тѣхъ асигнацій.

— Ваше высокоблагородіе! велите ему замолчать! вскрикнулъ Романъ, чуть помня себя отъ злости и испуга.

— Это ко мнѣ не относится, сказалъ разсѣянно Раловъ: — а впрочемъ, г. письмоводитель, запишите все это.

Письмоводитель кинулся писать.

Толпа молчала.

— Это все ты скажешь передъ судомъ, обратился опять посредникъ къ Ильѣ: — а теперь за то, что черезъ тебя вся деревня волнуется, иди подъ арестъ. Соцкіе, взять его!

Илья осунулся назадъ.

— Не трогайте его, загудѣла толпа. Онъ правду говоритъ; мы всѣ за него.

Посредникъ глянулъ: всѣ лица были блѣдны, глаза опущены къ землѣ.

— «Эге-ге! подумалъ посредникъ. Да какой же я былъ баранъ, что до-сихъ-поръ съ нимъ нѣмничалъ, потерялъ столько

Digitized by Google

времена, когда всѣ прямо его считаютъ коноводомъ...» Онъ началъ-было опять кричать, грозить. Письмоводитель выручилъ его. «Видите, какое здѣсь село; напрасно вы тутъ скромничаете! шепнулъ онъ ему: — эта деревня глухая, была заброшена. Народъ тутъ незабитый, смѣлый; такъ вотъ всѣ и стоятъ щетиной, букой. Посмотрите на ихъ морды: волки, звѣри! Тутъ безъ станового вамъ не обойтись. Совѣтую приказать послать за нимъ нарочно...»

Посредникъ услышалъ кругомъ себя ропотъ толпы, крикнулъ ей: «молчать» — и когда крестьяне черезъ выборныхъ отказались даже подписать протоколъ сходки, повторяя, что пока князь не смѣнитъ прикащика Романа, до тѣхъ поръ они не пойдутъ на работу, онъ прибавилъ:

— Г. письмоводитель! Пишите повѣстку къ становому. Пусть онъ заставитъ ихъ опомниться. Я не выѣду отсюда до тѣхъ поръ, пока васъ силой не заставятъ слушаться меня и выдать Илью.

Въ это время тихо подошолъ къ толпѣ подъѣхавшій на бѣговыхъ дрожкахъ и запыленный Саддукѣевъ. Подойдя къ посреднику, онъ поклонился ему, распросилъ его, сначала не взялъ въ толкъ въ чемъ дѣло, но потомъ отозвалъ его въ сторону.

— Извините меня! сказалъ онъ: — вы не выдержали. Одумайтесь, будьте хладнокровнѣе. Смотрите сами на эти лица: какіе же они звѣри? Васъ сбилъ письмоводитель. Переждите, не дайте вмѣшаться въ это дѣло полиціи. У васъ немалыя силы въ рукахъ. А иначе вы надѣлаете такого, что и сами не будете рады.

Посредникъ обидѣлся и отвѣтилъ:

— Я знаю что я дѣлаю! Терпѣнье мое лопнуло. И то мнѣ совѣстно передъ губернаторомъ и передъ всѣмъ этимъ околоткомъ.

Черезъ четверть часа одинъ изъ сотскихъ поѣхалъ въ станъ съ повѣстной. Посредникъ, забывши роль, сидѣлъ у князя и всѣ ругали на-повалъ крестьянъ.

— Оставайтесь, господа, ночевать у меня! сказалъ князь гостямъ: — мнѣ скучно, да теперь и не совсѣмъ безопасно, а становой будетъ только завтра.

Весь вечеръ хозяинъ и гости то подходили къ окнамъ, то выходили на крыльцо, прислушиваясь и приглядываясь къ тому, что дѣлается въ селѣ. Власику велѣли растопить каменъ въ пор-

Digitized by Google

третной галереѣ и тамъ сѣли ужинать. Есауловка заволновалась. Въ сумерки среди ея показалось много посторонних лицъ изъ другихъ слободъ. Они явились узнать новости о заѣздѣ посредника. Всѣ тихо шушукались, глядѣли на барскій домъ. Кабакъ, сверхъ ожиданія, былъ пустъ. Тревожныя кучки народу ходили по улицѣ, садились подъ хатами, у воротъ, у церквей, и къ ночи всѣ столпились у двора Ильи. Илья свечера воротился въ свою хату на Окнинѣ. Всякого новаго, подходившаго къ его двору, окликали словами: кто идетъ? — Казакъ! отвѣчали подходившіе. Бабы и дѣти заперлись по своимъ хатамъ. Въ избѣ Ильи свѣтился огонь.

— Что тамъ дѣлается у него? спрашивали тѣ, кто стоялъ за тѣснотою на дворѣ.

— Царское положеніе читаетъ со стариками народу про посредниковъ и про становыхъ.

— Да намъ же читалъ посредникъ.

— То подложное. Тамъ главныя страницы вырваны. А на самомъ посредникѣ царскихъ знаковъ нѣтъ; онъ только кричитъ, ничего не поймешь, да бородой ковыляетъ.

На дворѣ зашумѣли.

— Идетъ, идетъ съ книжкою,

— Кто?

— Самъ Илья Романычъ.

Илья вышелъ изъ хаты. Сзади его держали фонарь.

— Православные! сказалъ онъ, кланяясь на всѣ стороны; — старики согласились и положили не сдаваться. Мнѣ что! отстоите меня, спасибо; нѣтъ, голову за васъ положу.

— Нѣтъ, будь спокоенъ, не выдадимъ тебя. Какъ можно! Всѣхъ пусть берутъ! загудѣлъ народъ.

Илья поклонился опять.

— А сѣчь насъ не полагается. Пріѣдетъ становой, просите; не послушается, не сдавайтесь. Силой станетъ брать, гоните понятыхъ его. Что намъ теперь? Мы вольные... А чтобъ лучше столковаться, пойдемъ за слободу въ поле.

— Пойдемъ, пойдемъ! заговорили есауловцы, а съ ними авдулинцы, чередеевцы, саинскіе и прочіе поселяне и пришлецы отъ разныхъ селъ и хуторовъ, между которыми находились и старые знакомцы Ильи, сапожникъ и квасникъ. Они особенно

Digitized by Google

благоговѣйно слушали его, съ трепетомъ въ толпѣ произнося его имя и восторженно выхваляя его народу.

Огромная толпа двинулась впотьмахъ къ Кукушкинымъ-кучугурамъ. Есауловка вдругъ стихла. Кое-гдѣ только отзывались собаки, жалобно въ потемки лая въ ту сторону, куда пошолъ народъ.

— Ну, слава-богу, затихли! сказали про себя князь, гости и прикащикъ, засыпая въ разныхъ мѣстахъ: — завтра будетъ становой; онъ ихъ уйметъ сразу и окончательно. Еще бесѣдовать думаютъ съ мужичьемъ, кротостью брать! Держи карманъ!

Заря застала Есауловку такою же тихою. Всѣ мирно спали. Спалъ въ своей хатѣ и Илья Танцуръ, крѣпко обнявши напуганную Настю, которая одна въ цѣломъ селѣ не спала, прислушиваясь къ дыханію Ильи, приглядываясь къ его усталому, блѣдному и изнуренному лицу, и при занимающемся разсвѣтѣ думала многое-многое, повторяя про себя: «Ахъ ты, бѣдный, бѣдный! Завязалъ ты себѣ глаза, свѣтъ-божій. Пропали наши головушки; пропала и моя доля на-вѣки. Не видѣла я счастья; не видючи и въ гробъ лягу!» Но кромѣ Насти не спалъ еще одинъ человѣкъ въ Есауловкѣ, именно флейтистъ Кирило Безуглый. Какъ друга Ильи, его всѣ теперь уважали, заискивали въ немъ. Онъ лежалъ на нарахъ въ общей квартирѣ музыкантовъ и думалъ: «Ишь ты, какъ Илья-то силы забралъ. Князь тутъ, ждутъ станового, а онъ съ Настей перешолъ-себѣ въ свою хату, да и баста. Сила-человѣкъ. Попрошу его Фроську отнять у Рубашкина; и ужь коли захвачу пропащую дѣвку, забью до смерти. Пусть знаетъ какъ я люблю ее и какъ измѣнять мнѣ!»

VII

БѢЛАЯ АРАПИЯ

На другой день есауловскіе крестьяне на работу не вышли. Десятскій ходилъ по селу нахмуренный и для виду усовѣщевалъ всѣхъ. Онъ зналъ о ночномъ сборищѣ крестьянъ слободой и донесъ обо всемъ Роману, а тотъ князю. Князь и Рубашкинъ еще болѣе перепугались; посредникъ тоже погрузился въ мрачное раздумье. Рубашкинъ утромъ потребовалъ себѣ бриться въ пор-

Digitized by Google

третную, гдѣ всѣ наканунѣ у растопленнаго камина ужинали, глянулъ на рядъ портретовъ и обомлѣлъ. Бритва выпала изъ его рукъ: глаза всѣхъ портретовъ были выжжены. Поднялась въ домѣ кутерьма. Прибѣжалъ посредникъ, слуги, Романъ, его жена, даже повара и прачки. — «Это Власъ! больше некому! рѣшилъ Романъ, глянувши на портреты: — онъ вчера бѣсенокъ послѣ ужина закрывалъ здѣсь трубу и вѣроятно кочергой отъ шалости выжегъ всѣмъ портретамъ глаза.» Доложили князю. Поражонный князь тутъ впервые окончательно растерялся, руки и голова его задвигались съ необычайнымъ усердіемъ, и въ невообразимой тревогѣ, бросивши русскую рѣчь, онъ сталъ съ гостями говорить пофранцузски и ожидать самыхъ мрачныхъ ударовъ судьбы. Власика однако отыскали тутъ же на чердакѣ. Напроказивши, самъ не помня какъ, онъ увидѣлъ суматоху въ домѣ, понялъ, что возьмутся прежде всего за него и рѣшился бѣжать изъ Есауловки, а до вечера скрыться на чердакѣ. Его привели къ князю. Старый Мангушко однако же не имѣлъ духа его допрашивать. Онъ сидѣлъ на софѣ, какъ приговоренный къ казни, укутавшись весь отъ лихорадочнаго озноба пледами и халатомъ, щурилъ затуманенные голубые глазки и мрачно поглядывалъ на маленькаго преступника и на всѣхъ. Послѣ долгихъ криковъ и угрозъ Рубашкина, Власикъ сталъ говорить.

— Да чтоже вы кричите? Ну? Я не виноватъ. Ну! Я кончилъ растапливать каминъ — и сижу себѣ съ кочергой. Топлю, и посмотрѣлъ вверхъ... Смотрю: а они-то, картины эти всѣ со стѣны такъ и уставили на меня глаза. Я влѣво, и они влѣво смотрятъ; я вправо, и они вправо. Я за ширму спрятался, а они и за ширму смотрятъ. Страшно мнѣ стало. Всѣ уже заснули въ домѣ... Каминъ еще горѣлъ — кочерга была въ каминѣ и вся красная... Ну, я и давай ею въ глаза имъ тыкать!

Власика связали и посадили подъ арестъ въ пустую кладовую. Рубашкинъ полетѣлъ къ себѣ въ усадьбу. Саддукѣевъ съ плотниками разбивалъ планъ новаго строенія, возился весь красный и въ поту, растыкивалъ колышки, суетился и радостно встрѣтилъ генерала.

— Что, затихла Есауловка? вонъ и дѣти мнѣ помогаютъ! сказалъ онъ, утирая лобъ и указывая на своихъ оборванныхъ дикаренковъ, также бѣгавшихъ тутъ съ колышками.

Рубашкинъ ни съ того, ни съ сего вдругъ надулся, шолча и

Digitized by Google

строго глянулъ на Саддукѣева, вошолъ въ домъ, съ нахмуренными бровями прошолся по всѣмъ комнатамъ, сѣлъ у письменнаго стола, повертѣлъ въ рукахъ какую-то бумажку, вышелъ снова, увидѣлъ у крыльца Саддукѣева и грозно сказалъ ему:

— Смотрите же однако, чтобъ у васъ все было! Понимаете, какія времена? сѣлъ въ дрожки, крикнулъ кучеру: — пошолъ, да скорѣе! и уѣхалъ.

— «Что за чудеса! подумалъ Саддукѣевъ, садясь за дворомъ на бревнѣ: ошалѣли всѣ! Нѣтъ, чортъ возьми! горе бѣдняку! эка невидаль! Да я плевать хотѣлъ и на тебя-то, и на твое жалованье! Уйду, непремѣнно уйду; дай мѣсто другое найти! Куда сто лѣтъ! Двѣсти, триста лѣтъ надо прожить, чтобъ дождаться лучшихъ временъ. За сто лѣтъ-то не успѣютъ перемереть одни подлецы, народившіеся въ этотъ положимъ одинъ годъ. А я-то болванъ мечталъ, надрывался, ему же помогалъ... Ну, какой ты обновитель! вонючій дикарь съ Сандвичевыхъ острововъ, королева Помаре безобразная! Тьфу... Заботятся о спокойствіи своего благоутробія, вездѣ бунты видятъ, мятежниковъ. Что, Андрей? Есауловцы съ сосѣдями бунтуютъ? Какъ ты думаешь? спросилъ Саддукѣевъ одного изъ наемныхъ плотниковъ: — ты тутъ цѣлую зиму прожилъ, народъ узналъ; скажи, это бунтъ за рѣкой или не бунтъ? и чѣмъ его укротить?

Андрей снялъ шапку и подошолъ къ Саддукѣеву.

— Оно точно-съ, больно народъ не взлюбилъ этого прикащика Романа; его смѣнить бы. Ну, да и торопятся больно съ новымъ закономъ; люди не приобыкли. Сѣчь тоже напрасно затѣваютъ. Вольнаго-то, по наговору прикащика, сѣчь бы не приходилось.

Въ есауловскомъ домѣ всѣ были въ потьмахъ и поминутно съ вышки бельведера наводили во всѣ стороны подзорную трубу.

Становой въ тотъ день не пріѣхалъ, а явился на слѣдующее утро, въ праздникъ. Народъ смутно прохаживался послѣ обѣдни по улицѣ. Не слышно было ни громкихъ разговоровъ, ни пѣсенъ. Даже дѣти не играли подъ хатами. Становой былъ тотъ самый юноша, который когда-то пріѣзжалъ въ Конскій-Сыртъ. Недавно молва рѣшила почему его тогда пощадилъ Тарханларовъ. Говорили, будто этотъ розовый юноша былъ братомъ одной молоденькой фаворитки губернатора изъ чиновничьихъ дочерей. Совѣтникъ звалъ къ нему вниманіе губернскаго правленія,

Digitized by Google

обошолся съ нимъ тогда мягко, а теперь въ качествѣ вице-губернатора даже отзывался о немъ какъ о лучшемъ изъ становыхъ въ губерніи. Трусилъ за него только самъ губернаторъ, но смѣнять не смѣнялъ. Какъ у всякаго другого станового, и у этого противъ новыхъ мировыхъ учрежденій въ душѣ было уже предубѣжденіе. Рубашкинъ его сразу не узналъ. Онъ пополнѣлъ, былъ смѣлѣе, ходилъ переваливаясь. Представившись князю, онъ сказалъ, что всѣ эти волненія чепуха и что въ его ставѣ никогда не было да и не будетъ болѣе такихъ выходокъ со стороны черни. Выразился, что если г. посредникъ уже вспомнилъ его, то онъ сразу уйметъ толпу негодяевъ, опросилъ созванныхъ соцкихъ, узналъ, что понятые изъ окрестностей еще съ вечера готовы, и добродушно покуривая трубочку, велѣлъ нарѣзать добрые пучки розогъ и привести ко двору Илью Танцура, а съ нимъ и Кирилу Безуглаго, по указанію прикащика, главныхъ коноводовъ затѣяннаго движенія. «Кстати же Илью еще подозрѣваютъ въ поджогѣ хутора Перебоченской и въ разбитіи съ товарищами этапа подъ Ростовомъ, откуда онъ вѣроятно самъ увелъ и дочку покойнаго каретника Перебоченской. Я таки его возьму, отправлю въ острогъ, а для внушенія другимъ, еще высѣку при всѣхъ!»

Соцкіе кинулись исполнять приказанія станового. Князь, Рубашкинъ и самъ посредникъ вздохнули свободнѣе.

— Не лучше ли эту грустную экзекуцію произвести вамъ въ другомъ мѣстѣ, а не во дворѣ князя? сказалъ Рубашкинъ становому: — знаете ли, какъ-то неловко; это напомнитъ былое... теперь не такая пора... надо оставлять исподволь старыя привычки... притомъ же праздникъ, народъ раздражонъ...

— Извольте-съ! весело отвѣтилъ на все готовый юноша, и по совѣщанію съ Романомъ, приказалъ собрать виновныхъ на барскомъ хлѣбномъ току. Рубашкинъ еще до пріѣзда станового послалъ къ Саддукѣеву записку такого содержанія: «Пріѣзжайте скорѣе, прошу васъ, къ князю; останетесь можетъ-быть и ночевать у него; да захватите кстати мое ружье и пистолеты.» Романъ въ новомъ сюртукѣ внесъ на подносахъ съ лакеемъ закуску становому. Въ домѣ настала тишина.

— Не отложить ли лучше до завтра? спросилъ князь Рубашкина: — народъ, чернь, эти негры, можетъ-быть перепились, набуянятъ вдвое, сдѣлаютъ насиліе, сюда кинутся...

Digitized by Google

— О! помилуйте! перебилъ становой, услыхавъ слова князя и осушая третью рюмку водки: — вотъ какъ я всыплю главнымъ буянамъ понашему, знаете-съ, по былому розогъ этакъ по триста, да иного при этомъ раза по два водой отолью, такъ вздоръ-то у нихъ изъ головы и выйдетъ...

— По триста! Mon Dieu! шепталъ въ ужасѣ пофранцузски князь, не покидая софы и грѣясь подъ кучею мягкихъ клѣтчатыхъ пледовъ.

— Имъ не впервые. Это не Италія-съ, гдѣ Венеры купидоновъ на картинахъ алыми цвѣточками сѣкутъ. Не бойтесь... прибавилъ становой и громко разсмѣялся.

— Люди готовы-съ! сказалъ Романъ, показываясь въ дверяхъ.

— Идемъ! рѣшилъ становой, и проходя мимо Рубашкина, шепнулъ ему: Князь меня видитъ въ первый разъ; если все къ вечеру будетъ какъ рукой снято, потрудитесь насчетъ благодарности!

— О, будьте спокойны!

Становой ушолъ.

Въ домѣ и въ дворѣ стало еще тише. Князь, не измѣняя положенія, мрачно посматривалъ по залѣ. Въ головѣ его невольно мерещилась кроткая Генуя, длиннобородый его учитель живописи, сборы въ Сіенну и непобѣжденная копія ландшафта. Рубашкинъ подошолъ къ окну, въ которое было видно какъ по улицѣ къ току бѣжали вѣроятно послѣдніе изъ запоздалыхъ любопытныхъ видѣть раздѣлку станового съ ослушниками воли посредника. Даже наемный лакей не шолъ принимать со стола закуски, а стоялъ у крыльца и также напряжонно посматривалъ за ворота.

— Я схожу заглянуть съ бельведера въ трубу! сказалъ Рубашкинъ князю: — не видно ли этой картины оттуда? Только странно, что Саддукѣевъ до сихъ поръ не является. Не проѣдетъ ли онъ прямо на токъ?

Рубашкинъ пошолъ на верхъ. Но какъ онъ ни наводилъ трубу съ бельведера, тока не было видно: онъ былъ скрытъ за церковью. Рубашкинъ спустился во второй ярусъ дома и сталъ ходить по комнатамъ, выбирая окно, изъ котораго бы можно было видѣть токъ. Но отсюда токъ былъ еще менѣе видѣнъ за верхушками деревьевъ. Адріянъ Сергѣичъ снова спустился въ каби-

Digitized by Google

нетъ, собираясь расспечь князя за то, что главное мѣсто сельскихъ работъ у него не было видно изъ дому. На порогѣ кабинета явилась блѣдная и растерянная фигура: то былъ Саддукѣевъ. За нимъ обрисовался на порогѣ Романъ: на прикащикѣ также лица не было...

— Что вы надѣлали? сказалъ Саддукѣевъ, бросая шапку на столъ и забывши даже поклониться князю: ахъ, что вы надѣлали!

— А что? спросилъ Рубашкинъ.

Саддукѣевъ сталъ обтирать лицо.

— Я къ вамъ бѣжалъ цѣлую версту. Вы меня вызвали и не написали зачѣмъ; я увидѣлъ сборище людей на тому и прямо туда подъѣхалъ. Спасибо вамъ; ужь и удружили.

— Чтоже тамъ? Пожалуста безъ обиняковъ! перебилъ его Рубашкинъ.

— Что тамъ? очень просто: бунтъ, да уже теперь, поздравляю васъ, настоящій!

Саддукѣевъ перевелъ духъ и глянулъ на старшинъ: князь и генералъ стали блѣдны, какъ мѣлъ.

— Я подоспѣлъ туда, но верхомъ; становой кончилъ уже угрозы и брань. Народъ стоялъ между сиирдами; понятые по бокамъ. Главные виновники впереди, то-есть Илья, Кирило и Власикъ. «Ну-съ, а теперь розогъ!» крикнулъ становой. Понятые зашевелились. Положили прежде Власика и стали его сѣчь. Мальчишка молчалъ. Народъ тоже молчалъ. Но когда становой приказалъ раздѣвать Илью Танцура, нѣсколько голосовъ отозвалось: «да за чтоже это? коли его сѣчь, такъ сѣките и всѣхъ насъ!» Становой разгорячился, первого попавшагося съѣздилъ въ зубы, крикнулъ понятымъ: «взять Илью, положить и сѣчь!» Тѣ было двинулись, а есауловцы на нихъ. «Нѣтъ, стой, ребята! Тронете его, такъ и свои бока берегите!» Произошла свалка. Сперва народъ напиралъ на понятыхъ, потомъ соцкихъ стали нажимать. Я все порывался было впередъ, думая образумить станового: куда! Тотъ весь красный махалъ руками, ругался, наконецъ схватилъ за грудь Илью, крича: «Ты разбойникъ, поджигатель, бунтовщикъ! въ кандалы его!» Толпа ожесточилась. «Всѣхъ насъ бейте! всѣхъ насъ рѣжьте! всѣ въ Сибирь готовы идти, а Ильи не выдадимъ! Что мы за бунтовщики. Не троньте его, а не то и тебѣ не сдобровать!» Становой остановился. «Что

Digitized by Google

стоишь, мерзавецъ?» спросилъ онъ Илью: «попался? теперь не уйдешь! Понятые не возьмутъ тебя, я возьму; меня не тронешь, я царскій!» — «Не смѣешь ваше благородіе: не за что! вѣдь и я царскій!» отвѣтилъ Илья. «Въ зубы его, сударь, въ зубы!» кричалъ сзади становому Романъ: «своими руками я бы его придушилъ!» Илья оглянулся на отца и громко сказалъ: «Батько, берегись! ты воръ; царя обворовалъ. Православные! али выдадите?» Становой обратился къ понятымъ и соцкимъ: «Если вы его сейчасъ не возьмете, вотъ вамъ Богъ — всѣ въ Сибири будете!» Но тутъ въ толпѣ кто-то крикнулъ не своимъ голосомъ: «Не тронь его! Ребята! бей! на осину его, въ колодезь! огня къ барскимъ хоромамъ!» Что дальше было, я не могу уже себѣ дать отчета...

— Упаси насъ Господи и помилуй! простоналъ у дверей прикащикъ, утирая расшибленный високъ: — конецъ свѣту пришелъ!

— Произошла невѣроятная свалка! продолжалъ Саддукѣевъ: — все перемѣшалось, и виновные, и понятые, и все село. Я отшатнулся съ конемъ на поводу въ сторону. Вдругъ слышу, возлѣ меня баба оретъ: батюшки, становому бьютъ! Я бросилъ и коня, кинулся впередъ, силясь всей грудью протѣсниться... Толпа разступилась... Изъ средины ея выскочилъ въ разорванномъ сюртукѣ и безъ галстука становой. Я не безъ страха подошолъ къ нему. Прошло одно мгновеніе. «Спасите меня!» шепнулъ онъ, ища фуражку: тутъ надобно войско...» Я указалъ ему мою лошадь. Онъ быстро вспрыгнулъ на нее, толпа не успѣла опомниться и онъ ускакалъ, куда? я и самъ не знаю; вѣроятно въ станъ, съ цѣлью извѣстить обо всемъ губернатора...»

Князь вскочилъ съ софы. Пледы разлетѣлись по ковру.

— Это ужасъ, ужасъ! На стонового подняли руки! Мы пропали! Пропали! О Боже, Боже, что намъ дѣлать? Посмотрите, не идутъ ли они сюда? Люди, Романъ, смотрите въ окна, запирайте двери, ворота, ставни...

— Оружіе мое привезли? спросилъ Саддукѣева Рубашкинъ.

— Извините, не взялъ; я не ожидалъ такого исхода дѣла. А впрочемъ, располагайте мною; я готовъ идти уговаривать народъ. Но извините меня господа, болѣе вы сами виноваты. Посредникъ обидѣлся упорствомъ сходки, не выждалъ, по-

Digitized by Google

слалъ за полиціей; вы сами, князь, не пошли на сходку, гдѣ одно присутствіе ваше...

— Ну, ужь извините. Благодарю васъ за совѣтъ. Жизнь мнѣ дороже и я предпочитаю на нашъ либерализмъ смотрѣть издали...

— А я съ г. Саддукѣевымъ совершенно согласенъ! сказалъ со вздохомъ посредникъ: — я сдѣлалъ ошибку и кажется неисправимую. Нечего дѣлать: надо требовать войско. Становой тоже вѣроятно напишетъ объ этомъ. Пожалуйте бумаги.

— Войска? спросилъ Саддукѣевъ: — да пустите меня къ народу; дайте имъ успокоиться сегодня, а завтра я готовъ съ ними говорить.

— Э, милый мой, сказалъ Рубашкинъ: дѣлайте свое дѣло въ Сыртѣ и не мѣшайтесь здѣсь.

Саддукѣевъ вспылилъ, говорилъ еще долго, наконецъ покачавъ головою сказалъ посреднику:

— Вы-то, вы! Новая власть, новая сила, и такъ легко сдаетесь? стыдитесь! и вышелъ.

— Что это за крикунъ такой? брюзгливо спросилъ озадаченный князь, указывая вслѣдъ Саддукѣеву.

— Подлецъ! голякъ! вотъ что! рѣзко отвѣтилъ Рубашкинъ и зашагалъ по комнатѣ: — онъ мнѣ давно уже съ своими бреднями сидитъ вотъ тутъ! Санкюлотишка, оттого и гуманничаетъ, а какъ придетъ плохо, другое запоетъ!

Посредникъ задумался, взялъ перо и долго не рѣшался писать къ губернатору.

— Если вы не напишете, мы напишемъ! сказалъ ему сухо Рубашкинъ, и онъ сталъ писать.

Въ ночь съ пакетомъ посредника въ губернскій городъ поѣхалъ самъ Романъ Танцуръ.

— Мнѣ больше нечего тутъ дѣлать пока! сказалъ посредникъ, и печально раскланявшись, также уѣхалъ.

Рубашкинъ остался снова ночевать у князя, а Роману посовѣтовалъ заѣхать къ Перебоченской и также ее пригласить къ князю, какъ ближайшую сосѣдку, раздѣлить въ дружеской компаніи общую участь.

Губернаторъ, получивъ пакеты отъ станового и посредника, обратился за совѣтами къ Тарханларову. Бывшій совѣтникъ, а теперь вице-губернаторъ, Тарханларовъ, прочолъ рапортъ станового со словами: «мнѣ сдѣлали насиліе, изорвали на мнѣ

Digitized by Google

мундирный сюртукъ, даже нанесли мнѣ побои и я едва ускакалъ верхомъ на лошади управляющаго Сырта», вспомнилъ и свой подбитый когда-то високъ и запорошенные глаза, отдалъ обратно губернатору бумаги и сказалъ:

— Да! этотъ парень Илья Танцуръ былъ когда-то надеженъ... а теперь... теперь точно, ваше превосходительство, надо послать туда военную экзекуцію. Волненіе растетъ!

Въ Есауловку назначенъ былъ къ выступленію эскадронъ драгуновъ, квартировавшій въ сорока верстахъ оттуда.

— А если и это не поможетъ, я самъ туда поѣду! сказалъ губернаторъ: — и впередъ пошлю артилерію.

Прикащикъ Романъ съ словеснымъ отвѣтомъ губернатора поспѣшилъ черезъ двое сутокъ пути домой. Къ разсвѣту третьяго дня онъ заѣхалъ на хуторъ къ Перебоченской передать ей по дорогѣ приглашеніе генерала и князя.

— Что, душечка, что новаго? спросила Пелагея Андреевна, знавшая уже въ подробностяхъ обо всемъ что случилось въ Есауловкѣ, и о томъ, зачѣмъ Романъ ѣздилъ въ городъ.

— Войска будутъ крестьянъ усмирять...

— Такъ имъ подлецамъ и надо! Когда бы и ко мнѣ войска на хуторъ привели! Съ проклятой коровницей Матреной и съ Савкой плотникомъ никакъ не управлюсь; грубятъ, да и только...

Разговорились о томъ, о семъ. Романъ переминался.

— Бѣда, сказала барыня: — всѣ дѣвки отъ меня ушли въ вольную Подаржиновку. Палажка, какъ ты знаешь, вышла за солдата. Другіе тоже у жениховъ пока живутъ. Я ихъ издали и вижу черезъ рѣчку, какъ въ Подаржиновкѣ онѣ по улицамъ лукавыя ходятъ, точно дразнятъ меня. Я давеча было вышла на крылечко постоять и такъ мнѣ это, душечка, скучно сдѣлалось, такъ скучно. Я въ слезы и все смотрю черезъ рѣчку, все смотрю; воробьи въ Подаржиновку, мотыльки изъ моего сада перелетаютъ... Въ Подаржиновкѣ пѣсни, веселье. А ко мнѣ обидчицы и не возвращаются. Охъ, Господи! Чтоже это съ нами будетъ?

Романъ не поднималъ глазъ.

— Сударыня, когда же деньги?

Перебоченская вскочила.

— Такъ ты все для того и ѣздишь? Вонъ, подлецъ, вонъ изъ моего дома!

Digitized by Google

— Поздно, матушка, поздно. Илья при всемъ народѣ сдѣлалъ уже доносъ на меня и на васъ про асигнаціи, а посредникъ все записалъ. Приѣдутъ войска, онъ еще пуще объявитъ. Мы пропали; такъ давайте же подѣлимся, чтобы я хоть увидѣлъ въ рукахъ у себя свои денежки...

Перебоченская упала въ кресла. Потомъ она молилась, перебирала въ сундукахъ съ Романомъ, дала ему часть денегъ, и одѣвшись во все черное, вслѣдъ за нимъ поѣхала къ князю.

Событія между-тѣмъ быстро шли своимъ чередомъ.

Прошло три дня послѣ отъѣзда станового и посредника.

На тройкѣ обывательскихъ прискакалъ въ Есауловку исправникъ, призвалъ стариковъ, выборныхъ и сотскихъ, и сказалъ: «Наконецъ-то я до васъ опять добрался! согласна ли деревня выдать зачинщиковъ?» и получивъ отрицательный отвѣтъ, прибавилъ: «такъ не прогнѣвайтесь же! завтра будетъ войско! я вамъ припомню и понятыхъ у Перебоченской и все старое!» и опять ускакалъ.

Народъ началъ тревожиться, сходиться кучками. Въ окрестныя села и обратно скакали лощинами и окольными проселками за буграми верховые. Въ Авдуловкѣ, въ Карабиновкѣ и въ двухъ особенно-забористыхъ хуторахъ, гдѣ проживали старые бродяги Гриценко и Шуменко, происходили шумныя сходки. Содержатели одинокихъ постоялыхъ дворовъ на большой дорогѣ въ городъ стали задумываться о безопасности своихъ бочекъ. Крупныя побранки и смутный говоръ жалобъ и всякихъ похвалокъ слышались въ шинкахъ, на перекресткахъ и на базарахъ.

Вслѣдъ за Романомъ, который привезъ князю утѣшительныя вѣсти изъ города, въ княжескій домъ явилась въ траурѣ Перебоченская. Князь ее давно не видѣлъ и сразу не узналъ. Рубашкинъ, гордясь дружбою князя, по случаю нездоровья его сіятельства, взялся хозяйничать въ есауловскомъ домѣ и угощать ту самую барыню, которая годъ назадъ чуть его собственноручно не поколотила на первомъ его знакомствѣ съ провинціей. Домъ князя принималъ все болѣе и болѣе торжественный видъ. Перебоченская войдя объявила, что въ ея хуторѣ обокраденъ кабакъ.

Digitized by Google

Есауловцы между-тѣмъ смѣнили выбранныхъ весною своихъ старшинъ и поставили головою Илью, а его помощникомъ Кирилу Безуглаго. Вечерами они и многіе изъ окрестныхъ селъ сходились къ Илье на совѣты.

— Что намъ дѣлать? спрашивали они.

— Будетъ чистая воля, а это все обманъ. Батько мой денегъ надѣлалъ, такъ и скрылъ съ княземъ настоящія бумаги.

— А войска? Слышно, на насъ идетъ и конница и пѣхота?

— Исправникъ только такъ грозитъ. Не за что насъ бить.

— То-то, ты ужь, Илья Романычъ, того, подумай, какъ намъ себя спасти!

Снова прошолъ день. Любопытство съ обѣихъ сторонъ напряглось еще сильнѣе. Князь опять сидѣлъ, укутанный пледами, и молча посматривалъ на голубой штофъ залы, на амуровъ и музъ на потолкахъ, на раззолоченную мебель и на разноцвѣтныя стекла оконъ.

— Въ Италію бы опять, въ Италію, думалъ онъ: — да дѣла надо уладить съ этими скотами; денегъ мало будетъ!

Перебоченская охала и все шепталась съ Рубашкинымъ, поглядывая въ окна, не идутъ ли на нихъ крестьяне.

По условію, передъ вечеромъ слѣдующаго дня, изъ-за Малаго-Малаканца снова прискакали въ Есауловку исправникъ съ разсыльными и письмоводителемъ. Уѣздъ и прежде прославлялъ его за умѣніе подавлять вспышки черни безъ дальнихъ проволочекъ. Вдучи по Есауловкѣ, онъ всталъ въ тарантасѣ, завидѣлъ толпу парней, почтительно скинувшихъ передъ нимъ шапки, вытянулся и грозя кулакомъ, весь въ дорожной пыли, крикнулъ, ѣдучи:

— Всѣхъ васъ подлецовъ въ Сибирь! всѣхъ запорю!..

Есауловцы пуще прежняго бросились совѣтоваться съ Ильей. Дворъ его окружили правильною стражей. Романъ на каурой кобылкѣ метался между барской усадьбой и Сыртомъ.

Хата на Окнинѣ, мечта и счастіе Ильи Танцура, стала шумнѣть притономъ нѣсколькихъ сотъ разгорячонныхъ и отуманенныхъ страхомъ, незнаніемъ дѣла и негодованіемъ головъ. Съ бельведера дома находчивый Рубашкинъ, князь, барыня и гости стали на нее наводить подзорную трубу, восклицая:

— Видите, видите? Опять къ нему идетъ толпа; съ фонарями ходятъ. Вонъ, это кажется онъ вышелъ. Что-то опять говоритъ, всѣ слушаютъ...

Digitized by Google

Стемнѣло. Село затихло. По улицамъ точно кто метлой смелъ обычныхъ гуляющихъ по вечерамъ. Даже собаки не лаяли. Огни въ окнахъ свѣтились только кое-гдѣ. Опустѣла и хата на Окнинѣ. У двора Ильи, боясь его ареста, смѣнялись только сторожа. Илья Танцуръ остался въ хатѣ съ Настей.

— Прощай, Настенька! сказалъ онъ: — Богъ не далъ счастливо съ тобой пожить. Погубила насъ доля, да отецъ мой. Войско слышно идетъ... Куда-то меня дѣнутъ? Напрасно я шолъ такъ далеко за тобою, отбилъ тебя отъ конвоя. Коли узнаютъ оттуда какъ-нубудь, что это я все сдѣлалъ, погорячился, такъ мнѣ еще хуже будетъ; вѣры ни въ чемъ не дадутъ. Вонъ надо на бумагѣ про все написать, какъ отецъ съ Перебоченской асигнаціями фальшивыми разбогатѣли. Поджогъ я Перебоченскую, уцѣлѣла треклятая; ушлютъ меня за народъ, такъ хоть чѣмъ-нибудь доѣду ее и батька.

Настя тихо плакала, сидя на лавкѣ.

— Илюша... оставь эти дѣла... И такъ мы въ грѣхѣ живемъ... бросимъ Есауловку... сейчасъ же уйдемъ на-вѣки, съ глазъ отсюда долой! Илюша! Ты же хотѣлъ въ Молдавію, къ тому трактирщику, помнишь?

— Поздно, Настя. Теперь за міръ надо постоять. Отца-то моего, отца изверга, да и барыню эту подъ отвѣтъ бы подвести. Они изверги, а я неповиненъ ни передъ кѣмъ. Одно только: у того дѣда Зинца я силой взялъ денегъ, какъ отбивать тебя шолъ. Ну, да я ему ворочу вдвое; у меня вонъ такой же старикъ было коня укралъ, а отдалъ. Кончимъ тутъ дѣла съ міромъ, уйдемъ... Богъ съ ними съ этими мѣстами; тогда съ Зинцемъ расплатимся. А теперь давай перо, бумагу; напишу еще самъ про отца и про Перебоченскую; меня возьмутъ, ты отнеси письмо мое къ самому губернатору. Слова мои докажутъ еще тотъ баринъ Хутченко, Фроська и Палажка; грекъ все разыщетъ. Лишь бы не отперлись.

Илья сѣлъ писать. Настя сидѣла сбоку и смотрѣла на него. Голова у ней часто кружилась, въ груди сосало. За день передъ тѣмъ она сказала Ильѣ, что чувствуетъ себя беременной.

— Постой, кончимъ все, добьемся правды; пойдемъ къ отцу Смарагду. Онъ тутъ за сто верстъ опять на приходѣ и вовсе къ раскольникамъ не передавался; мѣсто лучшее нашолъ. Онъ насъ отмолитъ у Бога и перевѣнчаетъ.

Digitized by Google

Илья кончилъ письмо и отдалъ его Настѣ.

— Спрячь за пазуху.

Настя опять кинулась ему на шею.

— Илюша, голубчикъ! Убьютъ тебя, коли въ Сибирь не сошлютъ... На кого ты меня бросаешь? Илюша! Не пожили мы съ тобою! А годъ-то назадъ, въ Ростовѣ? Ночи, Илюша? Нашъ дворъ? Улица? Прогулки наши, какъ я тебѣ стишки читала? Илюша, оставь эти дѣла; убѣжимъ; насъ скроютъ.

Настя билась на груди Ильи и страстно, судорожно его обнимала. Плошка въ хатѣ чуть теплилась. Валетка во время второго побѣга Ильи пропадала безъ вѣсти, а тутъ опять явилась. Сверчокъ гдѣ-то трещалъ подъ лавкою.

— Какъ тебѣ, Настя, сказать. Мнѣ что-то вовсе не страшно, какъ подумаю! Что я сдѣлалъ, чѣмъ повиненъ? Меня становому сѣчь не дали. Да вѣдь такъ теперь и сказано. Не можетъ быть, чтобъ за правду истязали насъ, ссылали. Что въ самомъ дѣлѣ куражится исправникъ? И на него есть управа. Да хоть бы и войска. Врядъ ли еще ихъ и пошлетъ губернаторъ. Насъ только стращаютъ. А меня знаютъ, Настя, и въ губерніи. Тотъ чиновникъ-грекъ, какъ заѣзжалъ сюда, хвалилъ меня при всѣхъ. Я за правду стоялъ тогда на слѣдствіи; меня подкупали и отецъ и барыня отказаться отъ моей подписи на бумагахъ; я не послушался. Чѣмъ же я еще провинился. Народъ смущаю? Да вѣдь меня выбрали; ну, міръ приказываетъ, я и говорю. Не будетъ войска: душа моя чуетъ, что не будетъ.

Съ надворья кто-то съ силой стукнулъ въ окно. Настя вскочила. Вошолъ Кирило съ Фросей.

— Какъ, и ты Фроська?

— Одумалась, бросила генерала; я и не билъ ее.

— Илья, пропали мы! сказалъ, входя вслѣдъ за тѣмъ десятскій.

— Что такое?

— Войска вступаютъ въ Есауловку; сабли за околицей звенятъ, кони въ потемкахъ храпятъ; самъ я у винокуреннаго завода слышалъ и побѣжалъ къ тебѣ сюда. Народъ опять собирается.

— Да это и впрямь по насъ стрѣлять будутъ? спросилъ Кирило.

Digitized by Google

Илья, Настя, Кирило, Фрося и десятскій опять поспѣшно вышли на улицу.

На дворѣ не было зги видно. Мертвая тишина кругомъ. Вдали за Лихимъ со стороны Конскаго-Сырта отдавался переливистый лай собакъ; войска вступали въ потьмахъ черезъ мостъ оттуда.

Послышались шаги на улицѣ. Кто-то быстро бѣжалъ и сразмаху наткнулся на десятскаго.

— Тише, разобьешь!

— Нешто стеклянный сталъ? Довольно побаредствовалъ; служи теперь и намъ.

— Кто идетъ? спросилъ Илья.

— Илья Романычъ, идите за околицу войско встрѣчать; міръ зоветъ васъ и помощника. Все уже готово; столъ и хлѣбъ.

— Кирюша, пойдемъ! сказалъ Илья: — ты вѣдь мой помощникъ.

— А бабъ куда дѣвать?

— Настя, воротись въ хату и возьми къ себѣ Фросю. Эхъ, Фрося, Фрося! продала было ты насъ, да хорошо, что одумалась. Не такая ты была прежде; помнишь голубятню?

— Илья Романычъ, голая я ходила у барыни; опять же Кирюшу въ острогъ сажали. А я вамъ по гробъ жизни благодарна, и теперь уже моего душеньку Кирюшу ни на кого не промѣняю.

— Ну, иди же съ ней, Настя; знакомьтесь!

Фрося и Настя пошли переулкомъ опять на Окнину.

Два эскадрона драгунъ, сдѣлавши на рысяхъ нѣсколько переходовъ форсированнымъ маршемъ, подоспѣли въ Есауловку къ сроку, назначенному губернаторомъ и Тарханларовымъ. Въ княжескомъ домѣ не успѣли узнать о приближеніи команды, какъ переднія шеренги драгунъ уже показались въ околицѣ Есауловки.

Старшій дивизіонеръ, полный и добродушный майоръ Шварцъ, бывавшій прежде не разъ по сосѣдству съ Есауловкой на охотѣ въ самой Есауловкѣ, на охотничьемъ перевалѣ у отца Смарагда, ѣхалъ впереди. На улицѣ въ потьмахъ передъ нимъ нежданно обрисовалась густая толпа народа и что-то бѣлое среди ея.

— Что это? спросилъ озадаченный Шварцъ, останавливая коня.

— Святая икона и хлѣбъ-соль вамъ отцы родные, слуги царскіе! отвѣтило нѣсколько голосовъ впереди крестьянъ, въ

Digitized by Google

томъ числѣ и Илья Танцуръ. Среди улицы стоялъ на-скоро покрытый скатертью столъ, на немъ икона. Старики поднесли дивизіонеру хлѣбъ-соль. Онъ оглянулся: солдаты, сзади сняв-ши кивера, крестились. Перекрестился и онъ.

— Спасибо вамъ, братцы! сказалъ весело Шварцъ: — встрѣча ваша христіанская; только и вы по-христіански поступайте. Идите по домамъ и ждите приказаній начальства. Исправникъ тутъ?

— Тутъ. Слушаемъ батюшка! Слушаемъ, ваше высокоблагородіе! Мы васъ знаемъ; не разъ видали. Не обидьте насъ.

Эскадроны тихимъ шагомъ стали вступать въ Есауловку. — «Что за странность? подумалъ Шварцъ, пріятно предвидя близкій отдыхъ отъ ускореннаго непріятнаго пути: — извѣщаютъ о бунтѣ, а крестьяне встрѣчаютъ насъ такіе покорные». Конь подъ майоромъ отрадно храпѣлъ и фыркалъ, чувствуя скорую дачу овса. Шварцу также рисовался въ умѣ вкусный ужинъ у князя. Съ другого конца села влетѣлъ съ колоколами въ тоже время становой. Онъ вѣрно расчиталъ срокъ прихода войска и ѣхалъ теперь спокойно. Въ окнахъ княжескаго дома замелькали огни. Въ пространныя пышныя горницы вступило еще нѣсколько помощниковъ Шварца, все молоденькихъ офицеровъ. Тутъ же откуда-то вынырнулъ и французикъ Пардонно съ краснымъ носикомъ, сахароваръ князя. Компанія составилась большая. Подали закуску передъ ужиномъ.

Исправникъ и становой узнали между тѣмъ отъ молодыхъ офицеровъ о встрѣчѣ крестьянами войска съ хлѣбомъ и солью и вспылили.

— А вамъ таки наше мужичье и демонстрацію сдѣлало? спросилъ исправникъ флегматическаго дивизіонера.

— Какую?

— Будто не понимаете? Жаль, что меня тамъ не было!

— Соцкихъ! крикнулъ нарочно во все горло исправникъ, выйдя съ становымъ на крыльцо.

Соцкіе, стоявшіе тутъ же, подошли.

— Теперь уже розогъ! Да побольше! возгласилъ съ крыльца еще громче исправникъ: — сейчасъ отправиться въ сосѣдніе байраки и привезти оттуда покрайней-мѣрѣ три воза розогъ, да самыхъ добрыхъ! Слышите?

— Слушаемъ.

Digitized by Google

Въ полночь по Есауловкѣ проѣхали къ барскому двору три воза розогъ. Мужики всю ночь на-пролетъ не спали и видѣли это. Зато мирно заснули усталые солдаты, господа офицеры, полиція и князь съ гостьми. Перебоченская избрала себѣ для ночлега бельведеръ.

Давно разсвѣло. Въ гостиной еще спали въ повалку всѣ гости. Вошолъ прикащикъ Романъ и тихо тронулъ за плечо генерала.

— Что тебѣ? спросилъ изъ-подъ одѣяла Рубашкинъ.

— Вся деревня-съ, всѣ мужики, забрали до зари бабъ, дѣтей и стариковъ, и съ возами, имуществомъ и скотомъ выступили въ поле. Таборъ протянулся большущій. Отецъ Иванъ ихъ уговаривалъ; не послушались. Былъ бы отецъ Смарагдъ, навѣрное уговорилъ бы. А мы съ конюхами съ колокольни на все смотрѣли въ поле.

— Куда же это они выступили?

— Самъ не знаю-съ. Посылалъ я это вскорѣ послѣ верхомъ лазутчика вѣрнаго по кабакамъ тутъ поблизи узнать. Такъ онъ догналъ ихъ уже за Авдулиными буграми. Они стали тамъ, между Емелькиными-ушами и Горбами-Стенькиными, въ долинѣ лагеремъ и говорятъ, что пусть ихъ перебьютъ, а они въ Есауловку болѣе не воротятся, Илюшки не выдадутъ, бумагъ никакихъ не подпишутъ и уйдутъ за Волгу, въ Киргизскую орду, на вольныя степи. Окружились возами, ходятъ съ косами, съ топорами; бабы, дѣти и все добро ихъ внутри табора; а у иныхъ и ружья въ рукахъ. Къ нимъ присталъ уже кое-кто изъ авдулинцевъ, хуторскіе разные. И коноводъ надъ всѣми иродово отродье, мой Илюшка. Ходитъ въ красной рубашкѣ промежъ возовъ и всѣмъ заправляетъ. Къ вечеру ждутъ еще подмоги изъ Карабиновки, хотятъ опять сняться и переправиться за Волгу противъ Емелькиныхъ-ушей. Карабиновскій помѣщикъ уже въ городъ уѣхалъ съ дѣтьми.

— Слышите? вскрикнулъ Рубашкинъ и вскочилъ.

Всѣ спавшіе также проснулись. Нежданныя вѣсти о выступѣ есауловцевъ изумили всѣхъ. Поднялись десятки предположеній. А на бельведерѣ гости нашли Перебоченскую уже у подзорной трубы. Она указывала костлявыми пальцами вдаль и предлагала всѣмъ смотрѣть въ трубу, въ которую дѣйствительно ясно былъ виденъ вдали верстъ за десять, между зеленыхъ холмовъ, въ до-

Digitized by Google

линѣ лагерь крестьянъ, уставленный возами. Среди его дымились костры. Кое-гдѣ въ полѣ мелькали отдѣльные пѣшеходы.

VIII

РАЗВЯЗКА

Исправникъ сказалъ: «Надо, господа, дѣйствовать, а иначе завтра уже будетъ поздно. Другія слободы могутъ соединиться съ есауловцами; можетъ-быть у нихъ заранѣе припасено и оружіе, тогда наши два эскадрона съ ними не справятся. По рапорту станового, губернаторъ мнѣ далъ самыя строгія предписанія. Время смутное. Прикажите, майоръ, сѣдлать лошадей, пока мы еще потолкуемъ.»

Поглаживая черные громадные бакены, Шварцъ поклонился, вышелъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія. Перебоченская покинула бельведеръ, распустила розовый зонтикъ, взяла палочку и пошла на улицу.

— Смотрите же, голубчики, солдатики, эскадрончики, не выдайте насъ! лепетала она, обходя кучки солдатъ: — ужь коли велятъ покорять бунтовщиковъ, такъ покоряйте какъ слѣдуетъ.

Вахмистръ отдалъ приказаніе майора. Солдаты стали выводить и сѣдлать лошадей. Возлѣ церкви, у воротъ священника, у значка ходилъ часовой. Тамъ и здѣсь стояли сложенныя въ козлы ружья. Вышли на улицу изъ княжескихъ воротъ, въ бѣлыхъ чистенькихъ кителяхъ, въ новенькихъ фуражкахъ и съ новыми часовыми цѣпочками на груди молодые офицеры. Заложа руки въ карманы брюкъ и изрѣдка раздавая приказанія отъ себя, они стали тихо прохаживаться вдоль улицы, разсматривая церковь, опустѣлыя хаты и дворы. Отецъ Иванъ, позванный къ князю, сумрачно съ дьячкомъ прошолъ въ домъ. Исправникъ съ сигаркой вышелъ къ офицерамъ, поболталъ съ ними и опять озабоченно ушолъ въ домъ, прибавя шопотомъ: «Однако же, господа, примите мѣры, чтобъ у всѣхъ солдатъ ружья были заряжены, какъ слѣдуетъ. Можетъ-быть придется... вѣдь дѣло нешуточное... пять селъ взбунтовалось... Я не шучу!»

Офицеры взялись подъ козырьки и проводили исправника,

Digitized by Google

съ которымъ всѣ были знакомы и не разъ играли съ нимъ въ карты, словами: «Слушаемъ-съ! Только насчетъ грознаго боя напрасно пугаете. Все кончится пустяками; этого Илью вамъ выдадутъ головой; ему и его пріятелямъ вы пропишите къ вечеру ижицу, есауловцы вернутся домой, князь на радости задастъ имъ пиръ, а вы должны намъ устроить здѣсь завтра же охоту на лисицъ и волковъ: говорятъ въ байракахъ здѣсь тьма.» «Шутите, шутите. Вы еще не знаете русскаго мужика. Это тотъ же звѣрь лѣсной. Не побьешь, онъ тебя побьетъ!»

Офицеры стали опять прогуливаться, мелькая бѣлыми кителями и фуражками на солнцѣ.

— Хочешь, Пасмурнинъ, папироску? спросилъ одинъ.

— Давай. Да кажется тутъ въ деревняхъ запрещено курить. Соловьевъ, можно?

— Вотъ еще; точно это зала кадетскаго корпуса!

Папироски закурены.

— А любопытный случай! сказалъ Пасмурнинъ: — Чѣмъ все это кончится? Вотъ мы давно ли были за кадетской лавкой... и вдругъ: бунтъ! И гдѣ же? На Волгѣ! Вотъ Берга нѣтъ, писателя; онъ подъ пулями Севастополь описывалъ. Его бы сюда!

— Что, Бережновъ, ты не помнишь изъ исторіи: Разинъ тутъ сражался съ войсками... кого бишь? Екатерины второй или Екатерины первой? Какой именно? Да говори же!

— Вона! Разумѣется первой; при второй былъ самозванецъ Пугачевъ... Его тутъ, говорятъ, недалеко и поймали.

— Историческія мѣста! Да! сказалъ со вздохомъ Пасмурнинъ.

— Стариной какой-то вѣетъ. Волга, бугры, провалья, камыши, дикія скалы и лѣса. И гдѣ таборъ крестьянъ сталъ: между буграми Стеньки и Пугачева.

Юноши остановились и стали смотрѣть отъ церкви кругомъ. Солнце ярко блестѣло: картины во всѣ стороны открывались великолѣпныя.

— Вотъ бы оперу написать про этотъ край! замѣтилъ Бережновъ: — какая бы тоже картина чудная вышла! Тутъ торчатъ эти бугры, тутъ разливъ Волги, станъ бунтовщиковъ, ностры, возы, мужики съ косами, Илья въ красной рубашкѣ съ топоромъ, и нашъ отрядъ верхами вскачь на нихъ, съ шашками на-голо... Это прямо на сцену просится. Что въ самомъ дѣлѣ у насъ въ

Digitized by Google

модѣ все итальянцы да французы, эта опера на непонятномъ языкѣ!

— А что, господа, Тамберликъ этою зимой пѣлъ въ Отелло? спросилъ Пасмурнинъ.

— Пѣлъ! Мнѣ онъ впрочемъ не нравится! отвѣтилъ Бережновъ и сильно покраснѣлъ, сообразивши, что разу въ жизни въ оперѣ не былъ.

— Отчего же тебѣ онъ не нравится? Онъ уже признанъ...

— Такъ! Голосъ совсѣмъ истаскался!

— Соловьевъ! Стихійная сила! дѣвочекъ тутъ вчера ты разглядѣлъ? спросилъ Пасмурнинъ.

— Шабашъ! отвѣтилъ Соловьевъ, юнѣйшій изъ всѣхъ офицеровъ, любившій фразу «мы стихійная сила», и въ жизни не прикасавшійся ни къ одной еще женщинѣ: — надоѣли мнѣ всѣ онѣ; я порѣшилъ кончить съ нимъ... Разочаровался.

Всѣ поболтали еще, побродили мимо солдатъ, сурово и важно кончавшихъ сѣдланіе коней, и пошли доложить майору, что все готово.

— Смотрите же, ребята, того—въ самомъ дѣлѣ, чтобъ у васъ все было исправно! сказалъ Соловьевъ старѣйшему изъ унтеръ-офицеровъ, не оборачиваясь къ нему и стараясь придать голосу своему какъ можно болѣе густоты и грубости.

Другіе также не смотрѣли на солдатъ.

Исправникъ, при первой вѣсти о самовольномъ уходѣ есаудовцевъ изъ села, осмотрѣлъ избу Ильи на Окнинѣ и послалъ новый рапортъ губернатору съ своимъ разсыльнымъ казакомъ. Въ рапортѣ онъ говорилъ, что вѣроятно для спокойствія ввѣреннаго ему уѣзда придется прибѣгнуть къ оружію, но что онъ постарается еще разъ лично отнестись къ крестьянамъ и уговорить ихъ воротиться по домамъ и прибавилъ: «Бунтовщики стали таборомъ въ Терновой долинѣ. Ихъ шайка увеличивается изъ окрестныхъ деревень. Я сдѣлалъ обыскъ въ избѣ Ильи Танцура и полагаю, что этотъ бунтъ имѣетъ основою и воспоминанія о Стенькѣ Разинѣ, котораго разбитые отряды когда-то населили эти мѣста. При осмотрѣ избы Ильи мною найдено въ ней изображеніе масляными красками портрета казака, какъ полагаю, либо Стеньки Разина, либо Пугачева. Въ народѣ по Волгѣ давно ходитъ преданіе, что Разинъ живъ и бродитъ тутъ. Притомъ же ходятъ въ народѣ еще слухи о нѣкоемъ гетманѣ Загребайлѣ, въ

Digitized by Google

имени котораго нельзя не угадать происковъ Гарибальди. Для блага уѣзда и края, я полагаю и надѣюсь взять сегодня же изъ толпы этой Илью Танцура силою и препроводить его на судъ къ вашему превосходительству. Духъ солдатовъ самый лучшій. Они рвутся исполнить долгъ чести. Заболѣвшихъ во ввѣренномъ мнѣ отрядѣ не имѣется. Исправникъ Тебеньковъ.»

Князь Мангушко съ утра, отъ новаго волненія, озябъ и, сѣвши на софу, окутался, да такъ и не вставалъ. Кругомъ его говорили, ходили, спорили, курили. Онъ молча то поднималъ, то опускалъ бѣлыя пушистыя бровки, жался болѣе и болѣе въ глубь софы, въ мягкія гарусныя подушки и повторялъ про себя: Толи дѣло Италія, Генуя, Сіенна! Море, живопись, цвѣты!» Рубашкинъ также какъ-то осунулся и обрюзгъ. Перебоченская шушукалась съ отцомъ Иваномъ. Французикъ Пардоннэ не присутствовалъ. Съ утра онъ вдругъ почувствовалъ разслабленіе въ желудкѣ, и забравшись въ контору къ Роману, улегся на его постели, а Ивановна, охая о сынѣ и опять сильно выпивши, ставила ему на животъ припарки.

Молодые офицеры, застегнутые на всѣ пуговки, сидѣли молча и напряжонно по стульямъ. Одинъ дивизіонеръ, флегматическій и толстый майоръ Шварцъ, добродушно смотрѣлъ на все происходящее и отъ нечего дѣлать то расчесывалъ гребешкомъ громадные черные бакены свои, то раскачивался на стулѣ и думалъ: «Экіе шуты гороховые! И изъ-за чего они въ набатъ бьютъ, создаютъ невѣдомые страхи. Отъ нашихъ мужиковъ ждутъ теперь разиновщины! Дурачье! Я убѣжденъ, стоитъ только выдвинуться, построиться, скомандовать «заряжай» и всѣ кинутся въ разсыпную...

— Вы, кажется, майоръ, не раздѣляете моихъ убѣжденій? спросилъ его исправникъ.

— У васъ инструкціи; мы же должны исполнять волю начальства и не разсуждать.

Положили сперва попробовать послѣднюю тихую мѣру: отрядить къ бунтовщикамъ парламентеровъ.

— Какая досада, сказалъ Рубашкинъ: — мой Саддукѣевъ богъ-вѣсть изъ-за чего, съ вечера вчера ускакалъ въ городъ; даже безъ спроса лошадей моихъ и тарантасъ взялъ. Или онъ письмо какое получилъ, или такъ. Вотъ былъ бы парламентеръ: онъ мастеръ говорить съ народомъ и его любятъ.

Digitized by Google

— Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ! перебилъ его исправникъ.

Парламентеры однако поѣхали за Авдулины-бугры. Это были: исправникъ, Рубашкинъ, отецъ Иванъ и два офицера: Соловьевъ и Пасмурнинъ. Священникъ поѣхалъ на бѣговыхъ дрожкахъ; остальные верхами. Генералъ и исправникъ взяли въ карманы по револьверу. Когда ихъ кавалькада скрылась за селомъ, Перебоченская подошла къ Шварцу.

— Извините, майоръ! сказала она: — я вѣрю въ мужество и храбрость вашего отряда. Но помните: въ одной Есауловкѣ сколько бунтовщиковъ, а съ сосѣдними, которые могутъ къ нимъ пристать, наберется ихъ за десять тысячъ. Жаль, что исправникъ не вызвалъ еще хоть бы одной батарейки артилеріи. Даже безъ зарядовъ, одними орудіями она произвела бы хорошее впечатлѣніе. Ахъ, что за жизнь, что за жизнь среди этого мужичья!

— О, безъ сомнѣнія, сударыня! отвѣтилъ Шварцъ: — только про это вы говорите съ самимъ исправникомъ. Тутъ не мое дѣло разсуждать.

Эскадроны стали строиться у церкви. Перебоченская объявила, что теперь не слѣзетъ съ бельведера и будетъ слѣдить за всѣмъ въ трубу. Романъ опять сѣлъ на каурую кобылку, опять заметался по селу, ускакалъ въ поле, взъѣхалъ на бугоръ и сталъ смотрѣть.

Парламентеры ѣхали скоро мимо зеленыхъ луговъ и холмовъ. Дичь и глушь въ эту сторону были особенно суровы и пустынны. Офицеръ Соловьевъ, разсматривая окрестности, думалъ: «Вотъ тотъ забубенный, стойкій и отчаянный край, откуда являлись наши русскіе Тамерланы. Но возможны ли они теперь? Неужели Разины возможны теперь? Но если бы мы не явились сюда, что́ вышло бы безъ насъ? Да, вышло бы плохо! Именно, мы стихійная сила... Илья Танцуръ поднялъ бы цѣлую губернію, все поволжье, соединился бы еще съ двумя-тремя такими же Тамерланами, какъ самъ; катнулъ бы на Европу. Прощай просвѣщеніе! Что имъ дикарямъ! Они сожгли бы Римъ, британскій музей, порвали бы картоны Рафаэля, а нѣмецкихъ философовъ Бюхнера и Штрауса взяли бы въ свои казаки!»

Digitized by Google

Впрочемъ Соловьевъ навѣрное не зналъ, живы ли Бюхнеръ и Штраусъ, или они уже умерли давно.

Перевалились черезъ первый кряжъ холмовъ. Въ десяти верстахъ отъ Есауловки, въ Терновой долинѣ, обставленной со всѣхъ сторонъ новыми, высокими буграми, на площадкѣ обрисовался лагерь есауловцевъ. Парламентеры остановились на окраинѣ послѣдняго отвѣснаго холма, шагахъ въ пяти стахъ отъ бунтовщиковъ, бывшихъ подъ ихъ ногами въ долинѣ.

— Да! сказалъ Рубашкинъ, вынимая карманный бинокль: — подлецы ловко стали! Изъ возовъ устроили правильное каре. Скотъ, имущество и дѣти внутри, а они на часахъ по краямъ... Смотрите, дѣйствительно косы, топоры, дымъ; костры разложили, ѣсть варятъ!..

— Проголодались, бестіи! прибавилъ исправникъ! эхъ, кабы артилерія! Вотъ картечью-то брызнуть бы въ мерзавцевъ. Знали бы какъ бунтовать; какъ овцы кинулись бы въ разсыпную.

— Вонъ должно быть самъ Илья Танцуръ! сказалъ Пасмурнинъ, взявши бинокль у генерала: — я догадываюсь, что это вѣрно онъ; только вовсе не въ красной разбойничьей рубахѣ, а въ зеленой жилеткѣ и въ картузѣ; вонъ посреди лагеря стоитъ, будто распоряжается; рослый такой, окружонъ всѣми...

— Ахъ ты варваръ, шельмецъ! крикнулъ Рубашкинъ: — и въ самомъ дѣлѣ онъ, узнаю его; онъ въ Сыртѣ мнѣ еще помогъ. Какъ люди-то мѣняются!

Въ лагерѣ между тѣмъ тотчасъ замѣтили появленіе господъ на окраинѣ холма. За полчаса передъ тѣмъ только кончилось укрѣпленіе перваго становища табора. Въ числѣ нѣсколькихъ сотъ взрослыхъ тутъ было человѣкъ восемь съ охотничьими и солдатскими ружьями. Старики Гриценко и Шуменко привели къ табору своихъ хуторянъ и стали одними изъ главныхъ помощниковъ Ильи.

— Да, теперь мужикъ не дешевъ сталъ, теперь вздорожаетъ! говоралъ Гриценко, несмотря на свои годы, хлопоча у постановки лагеря. Онъ зналъ какъ здѣсь жители нѣкогда отбивались отъ татаръ, и взялся руководить устройствомъ перваго стана. Съ шутками и со смѣхомъ всѣ принялись уставлять по его указаніямъ кругомъ себя возы. То тамъ, то здѣсь раздавался плачь дѣтей, вой и причитываньe бабъ. Но мужчины храбрились:

Digitized by Google

— Лишь бы намъ за Емелькины Уши пробраться, да на перевозѣ за Волгу уѣхать. А тамъ уже степями уйдемъ. Отчего не уйти? Кто остановитъ? Тутъ сейчасъ пойдутъ царскія земли, а не пустятъ туда, далѣе уйдемъ.

— Куда же вы уйдете, безпутные? причитывала кашляя одна старуха: — ой, переловятъ васъ всѣхъ, перевяжутъ и пересѣкутъ.

— Въ Бѣлую Арапію, тетка, уйдемъ, коли такъ!

— Да вы сдайтесь, безпутные! голосила старуха, сидя на опрокинутомъ боченкѣ: — ну ихъ! жили, жили, а теперь броди по свѣту нищими. Ну, куда вы затѣяли, въ какую таку это Бѣлую Арапію? Гдѣ она?

— На вольныхъ земляхъ за Астраханью, гдѣ рай житье, на рѣчкѣ Бѣлорыбицѣ.

— Да вы меня послушайтесь, ребята! Мужъ покойничекъ-то мой на эту Сыръ-Дарью ходилъ. Ну... Тьма тьмущая народу тогда тоже было поднялась. Ну... не доходя этой Сыръ-Дарьи ихъ и переловили, воротили, да и дали каждому на дорогѣ по сто розогъ, а придя домой опять по сту, да еще въ оба раза и обобрали. Такъ-то и съ этой съ Бѣлой Арапіей вамъ на сидѣньяхъ будетъ. Покоритесь, охъ, воротимся; вонъ скотинка цѣлый день не ѣмши стоитъ, дѣтямъ побѣгать, побаловать негдѣ. Куда вы наши старыя кости волочите? Не дождаться вамъ той воли во вѣки вѣковъ.

Поднялись было крики другихъ бабъ:

— Чѣмъ вамъ отбиваться, безумные? Ихъ сила, а вы? Куда вамъ противъ господъ идти?

— Мы вольные теперь! отозвался Кирило: — идемъ куда хотимъ, коли тутъ тѣснятъ, истязаютъ, вотъ что...

— Бабамъ глотки заткнуть! крикнулъ Гриценко: — а не то Волга не далеко, придемъ-перетопимъ всѣхъ, кто труситъ.

— Идти назадъ! закричали одни.

— Идти впередъ, сниматься! Сниматься опять, въ походъ! закричали другіе: — Илья, приказывай!

— Какъ міръ скажетъ, такъ тому и быть! отозвался Илья: а я вамъ, православные, не сказъ!

— Да нѣтъ... да ты, Илюша, ты, Илья Романычъ, самъ скажи какъ думаешь? Самъ, ничего; вона еще ихъ слушать! заговорили десятки голосовъ: — оно конечно, міръ главное... Кто противъ міра? Однакоже, скажи и ты.

Digitized by Google

— Что, православные! Надо отбиваться и идти впередъ. Тутъ милости теперь не жди; какъ мухъ насъ теперь передушатъ дома.

— А идти, такъ и идти! Поднимайтесь, братцы, запрягай возы, выѣзжай. Гайда впередъ! Эка невидаль!

— Какіе войска! заговорилъ кто-то: — то не войска, ребята, то обманъ опять! Выжига исправникъ савинскихъ понятыхъ переодѣлъ, а городскіе чиновники офицерами переодѣлись. Ей-богу такъ! Эка, пугать...

Толпа загудѣла и раздѣлилась на двѣ стороны. Одни настаивали идти впередъ, другіе воротиться.

— Да вы слушайте. Переберемся черезъ Волгу, къ намъ пристанутъ другіе села. Вонъ асѣевцы, зеленовцы, атамановцы, головиновцы присылали спрашивать, приставать ли къ намъ?

— Нѣтъ, ребята! перебилъ Гриценко: — даромъ мы на старости лѣтъ воротились изъ бѣговъ. Мы воли чаяли. А гдѣ она! Аль опять намъ въ бродяги идти, разбѣжаться по волчьимъ билетамъ съ холоду, да съ голоду?

— Ой, воротитесь безумные, да безпутные! голосила баба на-боченкѣ: — не сносить вамъ головушекъ! Эки прыткіе какіе, въ Бѣлую Арапію! А гдѣ она, вольная-то Арапія? На томъ свѣтѣ только и будетъ намъ волюшка, братцы, въ могилѣ, вотъ что!

— Ой, не голоси, тетка, кишки выпустимъ!

— Впередъ!

— Назадъ!

— Гдѣ капиталы у насъ? Съ чѣмъ идти?

— Богъ поможетъ!

Илья вскочилъ на возъ, замахалъ шапкой и сталъ кланяться. Всѣ затихли.

— Братцы, православные! Назадъ намъ не идти болѣе. Что Богъ дастъ, пойдемте далѣе. Войска тронутъ — отбиваться до послѣдней капли крови.

— Отбиваться, отбиваться! закричали всѣ.

— Всѣ теперь согласны?

— Всѣ, всѣ!

— Выходите же опять далѣе, запрягайте возы, а стрѣлкамъ идти по бокамъ!

Гулъ и шумъ усилились. Всѣ кинулись снова запрягать возы.

Digitized by Google

Небо передъ тѣмъ нахмурилось. Стали сбѣгаться тучки. Вѣтеръ подулъ. Дождь было закапалъ и пересталъ.

Тутъ на обрывѣ косогора появились надъ долиной господа парламентеры. Въ лагерѣ ихъ сразу замѣтили, оседачились, стихли мигомъ и стали переглядываться. Исправникъ что-то сказалъ отцу Ивану. Священникъ замахалъ съ обрыва платкомъ.

— Цытьте, цытьте! загудѣла толпа въ лагерѣ: — попъ о чемъ-то сказать хочетъ.

— Что вамъ, батюшка? спросилъ изъ толпы Илья.

— Васъ надули, ребята, образумьтесь! началъ отецъ Иванъ съ обрыва: — воротитесь, только съ уговоромъ: выдайте зачинщиковъ исправнику, Илью, Кирилу и десятскаго.

— У насъ нѣтъ зачинщиковъ, мы всѣ зачинщики! Коли брать силой насъ, берите всѣхъ!

— Илью Танцура съ товарищами выдайте!

— Не выдадимъ, не выдадимъ! Мы всѣ зачинщики! рявкнула внизу толпа.

— Бога вы не боитесь, образумьтесь! По васъ стрѣлять будутъ!

— Не выдадимъ, не выдадимъ!

Священникъ вынулъ крестъ изъ-подъ рясы и, поднявши его надъ головой, пошолъ по откосу обрыва къ лагерю.

— Не идите, батюшка! крикнулъ вдругъ Илья: — не идите, сами не продавайте Бога!

— Выдайте его, ребята! сказалъ опять священникъ, не переставая идти съ крестомъ надъ головой.

Въ лагерѣ настала мертвая тишина.

— Убью, батюшка! крикнулъ Илья и поднялъ ружье.

Исправникъ кинулся къ священнику и остановилъ его.

— Не идите, отецъ Иванъ, довольно. Тутъ надежды всѣ потеряны.

— Да ихъ бы такъ пустить идти! сказалъ офицеръ Пасмуринъ: — пусть бы себѣ шли, вѣдь далеко не уйдутъ! А пылъ остынетъ.

Исправникъ съ злобной ироніей взглянулъ на Пасмурина.

— Какіе вы, господа, я вижу, еще дѣти. Стыдились бы говорить! Не видите вы какіе это звѣри? Смотрите, ну, смотрите!

Пасмуринъ покраснѣлъ, замолчалъ, взялъ у Соловьева би-

Digitized by Google

норки и стали опять разглядывать лагерь. Исправникъ выступилъ впередъ, покричалъ, погрозилъ, попугалъ и наконецъ объявилъ, что коли бунтовщики сейчасъ же не выдадутъ Ильи Карамы и десятскаго, онъ уѣзжаетъ, явится съ войскомъ и тогда уже имъ пощады не будетъ.

«Эхъ, нѣтъ Саддукѣева! съ досадой подумалъ Рубашкинъ: — и зачѣмъ онъ уѣхалъ въ городъ? Онъ бы кажется тутъ помогъ!»

Въ это время сзади его на холму раздался скачь лошади. Парламентеры оглянулись: ѣхалъ на каурой кобылѣ прикащикъ Романъ. Не доѣзжая шаговъ за десять до исправника и другихъ господъ, онъ остановился. Кафтанъ на немъ былъ растегнутъ, сѣдые волосы развѣвались отъ вѣтра, лицо было въ поту. Разгоряченная скачетъ лошадь не стояла на мѣстѣ подъ нимъ.

— Такъ вы не сдаетесь? закричалъ Романъ бунтовщикамъ, прижавшись на лошади и стараясь подогнать ее къ оградѣ обрыва: — такъ вы все слушаетесь этого подлеца, Илюшки? Илюшка, будь ты проклятъ за всѣ твои дѣла! Слышишь? Покорись, собака! Не обижай господъ, не мути людей. Идите всѣ вы, сорванцы, къ князю и просите прощенія! А ты, собака Илья, будь проклятъ!

— Коли такъ, батько, коли ты гибели моей крови захотѣлъ, такъ знайте меня! Православные! Болѣе не сдаваться! Пусть насъ бьютъ, рѣжутъ, сѣкутъ саблями! Мы свое дѣло отстоимъ! Всѣ лежмя, а не сдадимся. Но съ тобой, батько, у меня другіе счеты...

— Какіе счеты, подлецъ?

— Ты насилен фальшивыми бумагами, царя обокралъ съ той барыней, людей своихъ истязалъ, погубилъ отца моей невѣсты, сгноилъ волю отъ всего села, князю подговорилъ землю намъ не давать и вызвалъ судъ и войско на насъ. Богъ нашъ съ тобою разсудитъ за твою измѣну, а я тебѣ конецъ положу своими руками. Я тебѣ не сынъ, а ты, христопродавецъ, мнѣ не батько!

Съ этими словами Илья схватилъ ружье, прислонился въ лагерѣ въ отца и выстрѣлилъ гранулъ.

Исправникъ, Рубашкинъ, священникъ и офицеры въ ужасѣ отшатнулись. Дымъ разсѣялся. Романъ скакалъ обратно въ Еса-

Digitized by Google

уловку. Илья по немъ промахнулся. Парламентеры вскочили на лошадей и поскакали также обратно. Черезъ часъ бунтовщики двинулись далѣе. А въ Терновую долину изъ-за Авдулиныхъ-бугровъ стали вытыкаться первыя шеренги идущихъ изъ Есауловки драгуновъ. Офицеръ Соловьевъ ѣхалъ впереди взвода и думалъ: «Какое дѣло! Илья Танцуръ — это Іоанна Д'Аркъ на Волгѣ! Что-то скажетъ о немъ и о насъ исторія?»

— Залпъ по нимъ, залпъ безъ разсужденій! шепталъ междугѣмъ Рубашкинъ майору Шварцу, ѣдучи возлѣ него также верхомъ. А Шварцъ, поглаживая громадные чорные бакены, лѣниво и стройно покачивался на молодцоватомъ, бѣшеномъ и раскормленномъ ворономъ конѣ.

Но вернемся еще разъ въ губернскій городъ, куда уѣхалъ нежданно Саддукѣевъ.

Слухи о происшествіяхъ въ Есауловкѣ и вообще о томъ уѣздѣ сильно одолѣвали губернатора. Съ утра онъ велѣлъ никого не принимать, полагая заняться вплоть до обѣда петербургской переписокой. Въ тотъ день отходила почта. Суета затихла. Кого-то лакеи и дежурный чиновникъ съ успѣхомъ выпроводили. Было часовъ восемь утра. Окно кабинета было въ нижнемъ ярусѣ дома. Подъ окномъ послышались шаги и сердитый голосъ: «Тьфу, ты Полинезія проклятая! Да тутъ не сто рублей, не тысячу, а двѣ тысячи надо прожить, чтобъ добиться толку въ любезномъ отечествѣ!» — Губернаторъ кинулся къ окну и изъ-за шторы узналъ взъерошенную и разобиженную фигуру Саддукѣева. Губернаторъ вспомнилъ, что этотъ оригиналъ по выходѣ изъ гимназіи былъ управителемъ у Рубашкина, знакомъ сосѣдомъ князя Мангушки по Есауловкѣ, куда пошли войска, и что-то сказало ему, что не даромъ чудакъ къ нему ломился и спорилъ съ лакеями. Губернаторъ быстро отперъ окно, перевѣсился на улицу, завидѣлъ Саддукѣева уже вдали и подозвалъ его.

— Что вамъ угодно, г. Саддукѣевъ? Вы были у меня? Извините, я занятъ...

— Ахъ, боже мой!.. Но вы принять меня должны, должны, ваше превосходительство, если не желаете сдѣлаться... притчею

Digitized by Google

во языцѣхъ! Извините, ради Бога, за выраженіе. Я внѣ себя... Полиція, исправникъ готовы сдѣлать въ Есауловкѣ ничѣмъ непоправимое преступленіе...

Губернаторъ иронически улыбнулся.

— Ну-съ? Что же тамъ за чудеса готова сдѣлать моя полиція?

— Минуту времени!

— Пожалуйте, войдите ко мнѣ.

Саддукѣевъ опять ввалился въ сѣни и въ пріемную, скинулъ пальто, толстые замшевые перчатки, ткнулъ оторопѣвшему чиновнику въ руки дорожный синій зонтикъ, быстро застегнулся и устремился къ кабинету. Губернаторъ самъ отперъ ему дверь въ кабинетъ. — Говорите, не стѣсняйтесь! сказалъ губернаторъ, какъ можно спокойнѣе.

Саддукѣевъ наскоро передалъ губернатору обо всемъ что произошло въ Есауловкѣ, какъ выѣзжалъ посредникъ, потомъ становой и какъ становой самъ былъ причиной нанесенныхъ ему непріятностей. Онъ клялся и божился, что преступники въ Есауловкѣ не крестьяне, а сперва посредникъ, потомъ исправникъ и становой, что они выдумали и раздули ими самими произведенный мятежъ народа противъ властей. Тутъ же онъ изобразилъ трусость Мангушки и Рубашкина, которые въ порчѣ глазъ портретамъ напуганнаго Власика увидѣли что-то чудовищно-грозное и кровавое, и заключилъ словами: «Мнимый этотъ бунтъ — только продолженіе той же исторіи о торговлѣ фальшивыми ассигнаціями Перебоченской и старика Танцура. Илья для нихъ бельмо въ глазу и они его положили извести во чтобы то ни стало; становой и посредникъ затѣяли тревогу по собственной винѣ, а исправникъ по старой мести Ильѣ Танцуру за дѣло выѣзда Тарханларова къ Перебоченской».

Губернаторъ начиналъ блѣднѣть и кусалъ ногти.

— Что же мнѣ повашему надо дѣлать? спросилъ онъ, не поднимая глазъ.

Саддукѣевъ съ шумомъ всталъ. Красное лицо его было въ поту. Большія толстыя губы дрожали. Скулы и широкія уши двигались. Сѣрые выпяченные глаза сверкали лихорадочнымъ огнемъ.

— Ѣхать! сію же минуту ѣхать туда вамъ самимъ! сказалъ онъ заикаясь и закидывая назадъ голову.

Digitized by Google

Губернаторъ позвонилъ.

— А не поздно?

— Не поздно, не поздно еще. Но ради-бога скорѣе! Я поспѣлъ къ вамъ въ одну ночь. А у васъ въ распоряженіи и курьерскія и помѣщичьи лошади.

Губернаторъ велѣлъ лакею приготовить все къ выѣзду, и отпуская Саддукѣева, сказалъ:

— Мы ѣдемъ вмѣстѣ?

— Согласенъ-съ...

— Вы я думаю замѣтили, что я во многомъ измѣнился? спросилъ губернаторъ.

— Да-съ...

— Вы честный человѣкъ, г. Саддукѣевъ, и я вами совершенно доволенъ...

— Ну, а я вами не совсѣмъ! перебилъ Саддукѣевъ, не переставшій еще пѣтушиться и пыхтѣть.

Губернаторъ поднялъ брови.

— Отчего?

— Вы всѣхъ и все подозрѣваете въ пошлостяхъ и въ подлостяхъ... Не подозрѣваете, извините, одного: что вокругъ васъ, по этимъ темнымъ и грязнымъ домикамъ и по широкимъ улицамъ гораздо болѣе людей, понимающихъ дѣло, любящихъ народъ, чѣмъ въ тѣхъ щоголяхъ-съ, извините, которыхъ вы изволили себѣ набрать и которые пустили тутъ сказку о Загребайлѣ и о мнимомъ бунтѣ Ильи Танцура...

— Вы студентъ? рѣзко спросилъ губернаторъ, опять не смотря въ лицо Саддукѣеву.

— Бурсакъ! съ досадою отвѣтилъ Саддукѣевъ и скривился: — только я къ вамъ не пойду служить, ваше превосходительство, хоть и пригласите когда-нибудь. Фрака не умѣю носить и бѣлыхъ перчатокъ отродясь не надѣвалъ. Вонъ у меня лапища-съ. Теперь землепашцемъ я сталъ!

Губернаторъ принужденно усмѣхнулся. Былъ позванъ Тархаиларовъ и Лазарь Лазарычъ Ангелъ.

— Войска черезъ васъ я такъ поспѣшно послалъ! сказалъ губернаторъ Тархаиларову: — боюсь, не вышло бы чепухи!

Грека онъ взялъ съ собою, пригласилъ его и Саддукѣева закусить. Коляску подали. Губернаторъ, грекъ и Саддукѣевъ сѣли и покатили, провожаемые съ крыльца злыми и завистливыми

Digitized by Google

глазками щеголя-секретаря, пустившаго утку о гетманѣ Загребайлѣ и бывшаго издателемъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей. Лошади были запряжены курьерскія. Впередъ, для заготовки новыхъ смѣнъ обывательскихъ лошадей, поскакалъ на другой тройкѣ жандармъ.

Ямщикъ гикалъ, охалъ, свисталъ. Четверня неслась въ полную скачь. Пыль густыми клубами далеко оставалась позади коляски. Было часовъ десять утра.

— Успѣемъ ли мы однако захватить команду до ея дѣйствій? спросилъ губернаторъ, не имѣя силъ отбиться отъ разныхъ тревожныхъ мыслей.

— Пѣхоту вѣроятно предупредили бы. Ну, а насчетъ драгуновъ, вѣроятія мало захватить ихъ до начала дѣйствій. Еще съ вечера они должны быть въ Есауловкѣ. А сегодня исправникъ и прочіе имѣли уже довольно времени, чтобъ спокойно насочинять себѣ страховъ и рѣшиться на крайнія мѣры!

Два раза уже коляска останавливалась; вмѣсто курьерскихъ лошадей впрягались, при помощи разныхъ веревокъ и ремешковъ, обывательскія, и цѣлыя деревни крестьянъ съ блѣдными лицами хлопотали и возились тутъ, снаряжая далѣе на грустное дѣло губернатора. Ямщики изъ поселянъ несмѣло вспрыгивали на козлы и въ сѣдло, суетливо помахивали кнутами, коляска выбиралась опять на зеленые бугры и неслась далѣе и далѣе.

Грекъ, страдавшій въ послѣднее время печенью и жолтый оттого какъ лимонъ, уставя вдаль красивые, грустные и насмурные глаза, думалъ: «Не послушались меня, выпустили изъ рукъ Перебоченскую, не арестовали прикащика Танцура, допустили опять въ исправники Тебенькова — вотъ и хлопочите: а дѣло объ ассигнаціяхъ я бы раскрылъ. Да и трехъ живодеровъ тѣхъ, Кебабчи, Хутченка и Рахилевича, предлагаетъ выпустить теперь на поруки Тарханларовъ; благо самъ добился хорошаго мѣста!»

Коляска шумно подлетѣла къ дому князя Мангушки. Саддукѣевъ побѣжалъ въ домъ, гдѣ въ залѣ наткнулся на Перебоченскую, приготовлявшую на тарелкѣ горчичники.

— Губернаторъ пріѣхалъ! Гдѣ князь? гдѣ исправникъ, офицеры, войско?

Тарелка выпала изъ рукъ Перебоченской.

— Князь сильно заболѣлъ, за докторомъ поѣхали.

Digitized by Google

— А офицеры, эскадроны?

Перебоченская оправила чепецъ, переложила зонтикъ крестъ-накрестъ платокъ на груди, и поклонясь уходившему губернатору, сказала:

— Бунтовщики бросили Терновую долину и пошли далѣе. Илья Тапуръ, во время увѣщаній исправника, выстрѣлилъ въ своего отца. Теперь исправникъ повелъ въ погоню пять драгуновъ.

— Можно видѣть князя? спросилъ губернаторъ.

— Онъ сильно заболѣлъ.

— Велите скорѣе перепрячь лошадей, поѣдемъ! сказалъ губернаторъ Саддукѣеву.

— Да, ваше превосходительство, заговорила Перебоченская: — теперь только на васъ и надежда. Не оставьте насъ, не дайте погибнуть отъ этихъ звѣрей мужиковъ.

Коляска снова выѣхала за околицу.

Лежа во весь опоръ за Терновую долину, губернаторъ впервые въ жизни почувствовалъ все значеніе мгновеній, которыя онъ теперь переживалъ. Стоя въ коляскѣ и съ восхищеннымъ волненіемъ смотря въ синѣющую даль прибрежныхъ волжскихъ холмовъ и долинъ, онъ невольно покрикивалъ кучеру князя: «Скорѣе, братецъ, скорѣе.»

Мелькали кусты и камни, косогоры, ручьи и овраги. Вотъ Авдулины-бугры, вотъ за ними новая черта туманнаго небосклона. Тучки на небѣ, справа Волга, слѣва сплошной лѣсъ на косогорѣ, прямо склонъ къ ровной карабиновской степи. Слухъ и зрѣніе губернатора напрягались. Ему чудились выстрѣлы; вдали какъ-будто бы мелькалъ дымъ. Коляска летѣла и летѣла. Въ ней стояли, замирая отъ волненія, и Саддукѣевъ и онъ.

— Боже! мы кажется спасены! воскликнулъ по-французски губернаторъ: — вонъ возвращаются драгуны; вонъ станъ ослушниковъ. А вотъ заходѣли насъ и ѣдутъ къ намъ Рубашкинъ и исправникъ. Ну, погоди же ты, негодяй Тебеньковъ! увернулся отъ дома Перебоченской, а тутъ уже я тебѣ не прощу и пожалуюсь на тебя Тарьенларову.»

На душѣ губернатора отлегло. Онъ даже вышелъ лорнировать и осѣдлалъ носъ, готовясь встрѣтить спѣшившихъ къ нему на дрожкахъ Рубашкина и Тебенькова.

Дрожки подъѣхали. Издали тянулись шеренги драгунъ.

Digitized by Google

Офицеры не отдѣлялись отъ своихъ мѣстъ, не сказали на встрѣчу губернатору.

— Ну, что? спросилъ губернаторъ.

— Все кончено-съ! отвѣтилъ Тебеньковъ, вскакивая съ генеральскихъ дрожекъ.

Губернаторъ взглянулъ. Рубашкинъ сурово поклонился; глаза его были красны; самъ онъ былъ не похожъ на себя.

— Какъ кончено? Стрѣляли? спросилъ, задыхаясь, губернаторъ.

— Стрѣляли! отвѣтилъ исправникъ: — иначе нельзя-съ было поступить. Дали всего одинъ залпъ и бунтовщики покорились.

— Есть убитые?

— Восемь человѣкъ убитыхъ и около двадцати раненыхъ.

— Кто же убитъ? спросилъ Саддукѣевъ,

— Бывшіе впереди! Вы ихъ всѣхъ лично знаете! подсказалъ, качая головой, Рубашкинъ: убиты — Илья Танцуръ и его невѣста Настя, флейтистъ Кирило Безуглый, десятскій, два старика изъ сосѣднихъ хуторянъ, бывшіе прежде въ бѣгахъ съ Ильей, горничная Перебоченской Палажка и еще какой-то парень, также изъ бродягъ, вернувшихся въ послѣднее время...

Губернаторъ молчалъ.

— Теперь и дѣло Перебоченской и трехъ ея друзей кончится иначе! шепнулъ грекъ Саддукѣеву: — пропадутъ и мои поиски насчетъ ассигнацій! А я было такъ подогналъ уже это дѣло.

— Чтожъ, господа? сказалъ губернаторъ: я полагаю, что иначе нельзя было и поступить. Вѣдь этотъ бунтъ могъ принять нешуточные размѣры!

— Позволите, ваше превосходительство, осмотрѣть убитыхъ? спросилъ грекъ.

— Я уже осматривалъ и ничего не нашолъ! перебилъ исправникъ.

Коляска и дрожки поѣхали обратно въ Всеулову. Раненымъ мятежникамъ тотчасъ были оказаны всѣ нужныя пособія. Убитыхъ похоронили на другой день. А вечеромъ того дня, какъ пріѣхалъ губернаторъ, въ княжескій дворъ созваны были усмиренные бунтовщики и губернаторъ долго ихъ усовѣщевалъ, стыдилъ, грозилъ имъ судомъ, обѣщалъ за полное раскаяніе непрошенія имъ помилованія и уѣхалъ, самъ растроганный донельзя.

Digitized by Google

Исправникъ за дорогую цѣну продалъ Перебоченской доносъ Ильи, найденный на убитой Настѣ. Перебоченская вздохнула свободнѣе и на радостяхъ щедро расплатилась съ Романомъ Танцуромъ, хоть при этомъ все-таки его прижала.

Стали лелѣять пріятныя надежды о близкой свободѣ и сидѣвшіе въ острогѣ Хутченко, Кебабчи и Рахилевичъ. Романъ Танцуръ выпросилъ себѣ у князя раньше срока вольную, приписался въ губернскомъ городѣ въ мѣщане, перевелъ туда и жену и сейчасъ же занялся огромнымъ подрядомъ хлѣба и дровъ на войска. Рубашкинъ сталъ рѣже ѣздить къ Мангушкѣ, затосковалъ еще сильнѣе по милому сѣверу и съ началомъ осени уѣхалъ снова въ Петербургъ. Саддукѣевъ остался управлять Сыртомъ, дѣтей пристроилъ въ гимназію, сталъ ѣздить къ князю въ Есауловку поиграть въ карты и поболтать отъ скуки. Поговорку о ста годахъ онъ началъ рѣже употреблять, потомучто какъ-то присутствуя на полевыхъ работахъ осенью простудился, схватилъ горячку и чуть не умеръ.

Губернатора къ зимѣ нежданно отставили. На мѣсто же его назначили совершенно новое лицо изъ университетскаго поколѣнія временъ конца тридцатыхъ годовъ. Онъ пріѣхалъ скромно, тихо, объявилъ, что всѣ чиновники могутъ оставаться на своихъ мѣстахъ, лишь бы хорошо и честно служили, заперся въ кабинетъ, сталъ читать всѣ дѣла до послѣдней страницы, и губернія, ждавшая по былымъ временамъ баловъ и всякаго блеска и шума, сильно огорчилась. Новый губернаторъ только сдѣлалъ пока два видныхъ дѣла: устроилъ такъ, что Тархапларова отъ него перевели въ другую губернію, а дѣло Перебоченской и трехъ ея пріятелей получило новый и, говорятъ, грозный для негодяевъ ходъ.

— Наконецъ-то хоть вы распутаете и кончите это вопіющее дѣло! говорили ему горожане изъ прогресистовъ, встрѣчаясь съ нимъ въ клубѣ, куда онъ изрѣдка запросто пріѣзжалъ пообѣдать, поиграть на бильярдѣ и посмотрѣть людей.

Саддукѣеву вдругъ и совершенно нежданно откликнулся изъ какой-то отдаленной губерніи отецъ Смарагдъ. Онъ извѣщалъ пріятеля, что получилъ приходъ въ имѣніи одного старика журналиста, гдѣ устроена отличная школа, съ огромной библіотекой, больница и богадѣльня. Слухъ о переходѣ его въ расколъ оказался ложнымъ.

«Дѣти мои подрастутъ, писалъ отецъ Смарагдъ: — и также

Digitized by Google

будутъ учиться въ этой школѣ, которой я посвящаю всѣ мои силы, любовь и надежды. Какъ жаль, подумаешь, что судьба раньше меня не бросила сюда: Пашенька моя можетъ-быть не умерла бы такъ скоро. Здѣсь отличная больница и деревню два раза въ недѣлю навѣщаетъ докторъ, нанятый компаніей нѣсколькихъ окрестныхъ помѣщиковъ.»

— «А что наши бѣглые, которые при мнѣ было воротились?» спросилъ въ концѣ письма отецъ Смарагдъ.

«Многое съ ними случилось, о чемъ и расказывать не хочется. Большая же часть изъ нихъ, несмотря на новую волю, поживя въ родныхъ деревняхъ, въ одно прекрасное утро снимаются и опять пропадаютъ безъ вѣсти: въ слухахъ мрутъ, какъ говоритъ народъ, идутъ опять въ бѣглые.»

Въ дополненіе къ расказу о бунтѣ въ Есауловкѣ, Саддукѣевъ приложилъ въ письмѣ къ отцу Смарагду вырѣзку изъ публикаціи объ этомъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей. Въ публикаціи говорилось: «Въ губерніи были небольшія вспышки и даже попытки къ настоящему мятежу со стороны крестьянъ, что впрочемъ, усиліемъ властей, вскорѣ прекратилось. Такъ въ имѣніи князя Мангушки, Есауловку, была введена военная команда. Крестьяне оказали сильное сопротивленіе и не выдали зачинщиковъ. Къ сожалѣнію, войска принуждены были даже стрѣлять, послѣ того, какъ бунтующіе крестьяне, догнанные ими, не захотѣли покориться, разойтись, и первые сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ въ войско. Зачинщикъ бунта, дворовый человѣкъ Есауловки, Илья Тандуръ, съ главными сообщниками, убитъ. Спокойствіе въ уѣздѣ и въ губерніи водворилось окончательное.»

А. СКАВРОНСКІЙ

Digitized by Google

ДО СВАДЬБЫ

ИЗЪ ДНЕВНИКА ОДНОЙ ДѢВУШКИ

Апрѣля 20.

Все одно и тоже — какая тоска! Сегодня я цѣлый день одна дома: мать и вотчимъ уѣхали куда-то за городъ на цѣлый день; съ ними пріятель вотчима Оглоблинъ, молодой офицеръ, и еще нѣсколько молодыхъ людей. Мать звала меня и осталась очень недовольна моимъ отказомъ. Это понятно: вслѣдствіе его она должна была одна ѣхать съ молодежью, тогда какъ всѣхъ увѣряетъ, что выѣзжаетъ только для меня. Положеніе неловкое. Кромѣ того ей непонравилось, что я слишкомъ ясно выразила свое желаніе быть одной. Незнаю какъ это высказалась я такъ неосторожно. Со мной это бываетъ и никогда не проходитъ даромъ: слѣдствіемъ всегда являются неудовольствія. Теперь мать особенно расположена обижаться; вчера она говорила со мной о хозяйственныхъ дѣлахъ, жаловалась на расходы; когда я предложила ей сократить ихъ, она нашла это невозможнымъ и сказала, что я ничего не понимаю. По соображеніямъ матери оказывается, что я (всегда я) причиной этой невозможности, мои наряды, выѣзды и проч. Для чего они мнѣ? Для чего вся эта жалкая пародія на свѣтскій тонъ, на который идетъ столько хлопотъ и денегъ и такъ мало удовольствія? Правда, смыслъ этой добровольной тираніи понятенъ, но вѣдь я его не раздѣляю: ясно какъ день, что нужно понравиться во что бы то ни стало. Всѣ эти выѣзды, наряды, вся мука пансіонской дресировки, которой я подвергалась впродолженіи пяти лѣтъ, имѣютъ своей цѣлью этотъ рѣшительный моментъ; но я далека отъ него, и это огорчаетъ мать. Какъ же это, въ то время когда мои сверстницы плѣняютъ своими талантами, влюбляются и выходятъ замужъ, дѣ-

Digitized by Google

лая изъ этого прекраснаго обычая болѣе или менѣе выгодныя спекуляціи, я ни на шагъ не двигаюсь къ цѣли. Но мать не совсѣмъ еще отчаялась: она наряжаетъ меня и ждетъ судьбы. На дняхъ она подарила мнѣ прекрасное платье и браслетъ. Сколько разъ просила я ее не покупать мнѣ дорогихъ вещей, увѣряла, что я могу обойтись безъ нихъ, — она обижается. Въ этомъ желаніи не быть въ тягость семейству, мать видитъ намекъ на ея безразсудное замужство за человѣка, который такъ безпощадно проматываетъ наше состояніе. Увѣрить ее, что ничего подобнаго никогда не было у меня въ мысляхъ, нѣтъ возможности. Но довольно объ этомъ. Скучно.

Апрѣля 29.

Мать не вдухѣ и вотъ уже нѣсколько дней почти не выходитъ изъ своей комнаты; вотчима, по обыкновенію, нѣтъ дома. Вчера вечеромъ были гости: нѣсколько молодыхъ людей, очень мнѣ не симпатичныхъ, и я одна должна была ихъ принимать. Весь вечеръ почти говорили о новой актрисѣ, о ея талантѣ, наружности, характерѣ и даже привычкахъ. Я удивлялась откуда они все это знаютъ, но какъ не знать! — на томъ стоятъ. Было однакожъ всѣмъ скучно, только подъ конецъ вечера гости мои немного оживились: пришолъ Оглоблинъ; онъ разсказывалъ разные анекдоты изъ военнаго быта дотого неостроумные и нелѣпые, что мнѣ было гадко слышать. Всѣ хохотали. Я едва удерживалась отъ рѣзкихъ выраженій. Вотъ какъ я еще безразсудна. Ну кчему бы это повело.

Сегодня была у меня Маргарита Сосновская съ своимъ дядей Вереиновымъ. Эти не такіе. Я имъ очень обрадовалась, но и она. . Вереиновъ молодой человѣкъ тридцати-двухъ лѣтъ, очень образованный и съ такими благородными стремленіями; но иногда онъ дотого мелоченъ, что досадно смотрѣть. Сегодня я спросила Вереинова отчего онъ такъ давно не былъ у насъ; онъ началъ извиняться и увѣрять, что очень желалъ меня видѣть, но служба, дѣла. Для чего все это говорить? Онъ съ большимъ участіемъ распрашивалъ меня что я дѣлаю, гдѣ бываю и весела ли. Я отвѣчала коротко; мнѣ большихъ усилій стоило казаться равнодушной.

Они приѣзжали проститься передъ отъѣздомъ на дачу. Маргарита очень просила приѣхать къ нимъ гостить на все лѣто.

Мая 12.

Весна во всемъ блескѣ. Какое прекрасное время! Странное впечатлѣніе производитъ на меня весна: по временамъ я чувствую

Digitized by Google

припадки какой-то безсознательной радости и столько энергіи, что тайная мысль повернуть жизнь посвоему и начать ее снова, трезвую, рѣзумную жизнь, представляется возможною. Не самообольщеніе ли это?.. Но какъ же ему не быть! Мнѣ только двадцать лѣтъ, я не жила еще, а кругомъ въ жизни, въ природѣ, готовящейся разцвѣсть, столько неотразимаго очарованія Сколько свѣта кругомъ, теплаго, радостнаго свѣта, такъ что больно глазамъ, да и не однимъ глазамъ. Какъ любила я бывало это время! Какимъ восторгомъ наполняло все существо мое сознаніе возрождающейся жизни, когда еще ребенкомъ бѣгала я въ эту пору въ нашемъ деревенскомъ саду. Какъ трудно было моей старушкѣ-нянѣ залучить меня домой; она ворчала и сердилась, а на душѣ у меня былъ такой свѣтлый праздникъ, такъ хотѣлось играть, смѣяться, прыгать. Я бросалась на шею моей старой воркуньи и горячо цѣловала ее. Добрая старушка! какъ бывало мучила я ее въ жаркіе лѣтніе дни во время нашихъ прогулокъ, нарочно прячась въ кусты, чтобы имѣть наслажденіе съ сильнымъ замираніемъ сердца слѣдить, какъ она кряхтя и вздыхая переваливается съ боку на бокъ ходя за мною. Вотъ она прошла мимо не замѣтивъ меня, я вскакиваю и съ радостнымъ крикомъ бросаюсь за нею. Я очень любила мою няню. Большая роль выпала ей на долю въ моемъ развитіи. Сколько разъ я отказывалась ѣхать въ гости, чтобы только остаться съ ней и слушать ея чудныя сказки. Что за дѣло, что папенька хмурился, а маменька бранилась и называла меня мужичкой; это не огорчало меня. Такъ сильна была моя безсознательная привязанность.

Въ отношеніи религіи и нравственности няня одна была моимъ авторитетомъ, и я добровольно постилась и молилась вмѣстѣ съ нею. Но моя религіозность не походила на ея. Я не читала заученныхъ молитвъ и не клала земныхъ поклоновъ; когда ночью мы приходили съ ней на церковную паперть, я становилась на колѣни подлѣ старушки, но глаза мои не искали подъ сводами паперти темной иконы. Я смотрѣла на сіяющій звѣздами небесный сводъ, на сверкающую вдали рѣку, на густыя групы деревьевъ, на все въ чемъ сказывалась жизнь, и оставалась неподвижной. Мои сомкнутыя губы не разжимались для молитвы, — ею было переполнено мое сердце. То не была молитва смиренной грѣшницы, униженно-склонившей голову; я не просила у Бога ни счастія, ни отпущенія грѣховъ; моя молитва была — удивленіе, восторгъ. Дѣтство мое прошло тихо, однообразно, но полно внутренней жизни Вотъ и теперь, вспоминая прош-

Digitized by Google

лое, я останавливаюсь на его подробностяхъ и какъ будто оживаю: все что было и есть въ жизни горькаго исчезаетъ, уступая мѣсто безотчетно-радостному чувству: прежнія дѣтскія симпатіи выступаютъ съ поразительной ясностью. Я чувствую какъ тоска замираетъ на сердцѣ, — въ немъ не остается ни ропота, ни жолчной печали. Съ какой радостью бросилась бы я въ эту минуту на шею моей дорогой нянѣ, и забыла бы все, все, но нѣтъ моей доброй старушки: давно лежатъ въ землѣ ея старыя кости и не слышитъ она свое милое, неразумное дитя.

Мая 20.

Всѣ наши знакомые разъѣхались по дачамъ, а мы это лѣто остаемся въ городѣ. Я думала много читать, но вотъ уже недѣли двѣ я совершенно одна и ничего не дѣлаю; такая апатія, что нехочется даже думать. Да и о чемъ думать? У меня нѣтъ ни опредѣленнаго будущаго, ни прошедшаго; все дѣлается случайно въ моей жизни; я ничего не желаю, ничего не жду. Скука, одна скука и больше ничего. Такъ ли я думала жить! Но кто въ этомъ виноватъ? У меня были всѣ задатки для лучшей жизни; условія моего первоначальнаго развитія были довольно выгодны: я росла помимо всякаго вліянія старшихъ. Папенька, отставной офицеръ, видный мужчина лѣтъ шестидесяти, былъ занятъ хозяйствомъ; лѣтомъ онъ большую часть времени былъ на сѣнокосѣ, или въ полѣ; зимой ѣздилъ по ярманкамъ. Маменька не любила хозяйства: ей негдѣ было ему научиться. Она была дочерью бѣдной гувернантки; отецъ женился на ней за красоту и скромность. Маменька очень любила вышивать по канвѣ, но въ угоду отцу варила варенья, солила и мочила ягоды и грибы и прочія произведенія природы, служащія къ ублаготворенію желудка. Кромѣ этого подъ ея вѣдѣніемъ находились многія другія отрасли хозяйства: птичій и скотный дворъ, огородъ. Несмотря на постоянное упражненіе въ хозяйственныхъ занятіяхъ мать не могла примириться съ ихъ грубостью, не могла побѣдить отвращенія къ глупымъ деревенскимъ бабамъ, съ которыми постоянно имѣла сношенія, и потому, по смерти отца, случившейся внезапно послѣ очень вкуснаго обѣда, рѣшилась ѣхать на житье въ Петербургъ, къ совершенному удовольствію моего опекуна Владиміра Ивановича Зыбова, теперь ея мужа. Петербургская жизнь произвела во мнѣ большой переворотъ. Тогда мнѣ только-что исполнилось одинадцать лѣтъ; голова моя кружилась подъ вліяніемъ новыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. Не знаю что было бы со мной,

Digitized by Google

что вышлобъ изъ меня, еслибъ учитель мой Даровъ не помогъ мнѣ стать на прежнюю естественную дорогу.

Въ то время мать была еще молода и очень любила веселиться; кажется успѣхи въ обществѣ занимали ее несравненно болѣе нежели моя личность; впрочемъ она не давала мнѣ этого замѣтить. По мнѣнію многихъ, мать любила меня страстно. Она неслишкомъ занималась моимъ воспитаніемъ, но баловала меня до крайности. И могло ли быть иначе: я была красивая, рѣзвая дѣвочка, гувернантка прославляла мои рѣдкія способности и мать была въ восторгѣ, не подозрѣвая въ этихъ похвалахъ задней мысли. Сама она рѣдко заглядывала въ мою дѣтскую комнату и никогда не присутствовала при урокахъ. Меня наряжали и выводили на показъ гостямъ, какъ рѣдкаго звѣря, и это нимало не смущало меня. Я не подозрѣвала, что для маменьки я была чѣмъ-то вродѣ ручной обезьяны и своей особой довершала колекцію животныхъ, которыхъ у насъ было множество. Маменька была до нихъ страстная охотница; чего-чего у насъ не было: кошки, собаки, бѣлки и птицы всѣхъ сортовъ и породъ. Танцуя разныя характерные танцы и читая наизусть стихи, я нимало не подозрѣвала, что уподобляюсь маленькой собачкѣ Биби, которая такъ хорошо умѣла служить и подавать лапку. Я росла, росли и потребности маменьки относительно меня, но въ сущности они были тѣ же. Занимаясь музыкой, по желанію маменьки, вопреки собственной наклонности къ рисованью, я была для нея такой же игрушкой, какъ назадъ тому нѣсколько лѣтъ, когда надѣвала разные фантастическіе костюмы въ чаяніи походить на амурчика. Какъ бы ни было, но я была довольна и счастлива. Посреди улыбающихся мнѣ лицъ какъ-то угловато выдавалась фигура Дарова. Это былъ молодой человѣкъ, только-что кончившій курсъ въ университетѣ. Онъ одинъ не хвалилъ и не ласкалъ меня. Я инстинктивно поняла честность и деликатность этой натуры, и привязалась къ нему всѣмъ сердцемъ. Сначала мнѣ казалось, что Даровъ вовсе не расположонъ ко мнѣ, а я очень дорожила его мнѣніемъ и его пріязнью, и при всякомъ удобномъ случаѣ старалась доказать ему, что я не такая глупая дѣвочка какъ онъ думаетъ, что я очень стою того вниманія и довѣрія, которое онъ мнѣ оказывалъ. Онъ, и только одинъ онъ изъ всѣхъ окружающихъ, не читалъ мнѣ морали какъ должна себя вести благовоспитанная дѣвица и не выказывалъ своего превосходства, давая большой просторъ моимъ мыслямъ. Я воспользовалась этимъ довѣріемъ, старалась понять сама какъ нужно дѣй-

Digitized by Google

ствовать. Ученье не тяготило меня. Напротивъ я съ большимъ удовольствіемъ дожидалась класа. Правда, я немного училась, немного знала, но зато выучилась понимать что учила. Много времени проходило въ класѣ между уроками, потомучто Даровъ старался все объяснять, старался каждому предмету придать интересъ и дѣлалъ такъ, что принимаясь за урокъ я знала что онъ мнѣ дастъ и какъ этимъ нужно воспользоваться. Начиная свои разсужденія съ самыхъ простыхъ наглядныхъ истинъ, онъ постепенно переходилъ отъ предмета къ предмету, и такъ заинтересовывалъ меня, что я не давала ему договорить, дѣлая сама общій выводъ. Чего я не могла понять и объяснить, оставалось до времени въ сторонѣ; такимъ образомъ занятія мои шли вмѣстѣ съ развитіемъ. Къ сожалѣнію мнѣ недолго пришлось пользоваться уроками Дарова. Мать моя вслѣдствіе непонятныхъ, одной ей извѣстныхъ соображеній, вздумала выйти замужъ за моего опекуна, Зыбова, очень ловкаго и красиваго молодого человѣка и отдать меня въ пансіонъ. Это случилось внезапно. Неуспѣла я опомниться, какъ очутилась въ длинной пансіонской залѣ, среди множества дѣтей. Непривычный шумъ отуманилъ мнѣ голову; я чувствовала смущеніе и робость. «Новенькая» слышалось вокругъ меня, и меня обступали и осматривали, тутъ же дѣлая просебя замѣчанія насчетъ моей физіономіи, манеръ и проч. Это было рекреаціонное время. Помню какъ теперь эту минуту. Въ класѣ было шумно: кто училъ уроки, кто разговаривалъ, другія вышивали или, прижавшись въ уголъ, читали какую-нибудь книгу. Вдругъ дверь быстро отворилась и одна изъ воспитанницъ вбѣжала въ комнату: «инспекторъ, инспекторъ!» проговорила она, и бросилась поскорѣй на мѣсто. Это извѣстіе произвело страшную суматоху. Всѣ встрепенулись: кто спѣшитъ подобрать бумажки, разбросанныя по полу, кто отодвинуть стулъ, или отойти поскорѣй отъ окна и смиренно сѣсть въ уголъ; другая мѣталась, чтобъ спрятать куда-нибудь завѣтный романъ, который читала потихоньку, однимъ словомъ, предупрежденіе для водворенія порядка произвело страшный безпорядокъ. Напрасно класная дама шопотомъ, но съ угрозой просила успокоиться; даже я, въ эту минуту всѣми забытая, увлеклась общимъ настроеніемъ, искала что бы мнѣ сдѣлать. Я поправила передникъ, взглянула на свои руки, запачканныя чернилами и пожалѣла, что нельзя ихъ тотчасъ вымыть. Наконецъ инспекторъ вмѣстѣ съ директрисою вошолъ Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи, высокій, тонкій, зелено-блѣдный. Всѣ встали съ

Digitized by Google

своихъ мѣстъ при его появленіи. Инспекторъ съ нерѣшительнымъ видомъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился среди комнаты, смотря на всѣхъ огромными, неподвижными глазами. Онъ молчалъ и повидимому не зналъ что дѣлать. Въ классѣ была тишина. Инспекторъ лѣниво вынулъ лорнетъ и началъ разсматривать насъ всѣхъ вмѣстѣ и каждую порознь. Потомъ онъ перенесъ свое вниманіе на потолокъ, потянулъ въ себя воздухъ, слегка поморщился, осмотрѣлъ кругомъ всю комнату и указалъ директрисѣ на отклеившіяся въ одномъ мѣстѣ отъ стѣны обои, предложилъ было ихъ приклеить, но оговорился, не будетъ ли это дорого стоить, — это было единственнымъ результатомъ его обозрѣнія. Онъ неожиданно повернулся и вышелъ. Я не могла понять для чего былъ этотъ человѣкъ. Съ перваго раза я возненавидѣла его, и никогда потомъ никакія выходки классныхъ дамъ не сердили меня столько, какъ одинъ видъ этой апатичной фигуры, смотрящей на насъ съ выраженіемъ простодушнаго любопытства. По отъѣздѣ начальника все пошло прежнимъ порядкомъ; только нѣсколько взрослыхъ воспитанницъ дѣлились между собой впечатлѣніями насчетъ его манеръ и усовъ, и рѣшили, что инспекторъ душка и онѣ будутъ его обожать; одна тутъ же проколола у себя на рукѣ его вензель. Меня снова окружила толпа дѣтей всѣхъ возрастовъ; со всѣхъ сторонъ слышались вопросы: «кто вашъ папа? Есть ли у васъ братья?» Пансіонерки наперерывъ, но съ достоинствомъ, какое приобрѣтается вслѣдствіе знанія дѣла, посвящали меня въ тайны пансіонской жизни: знакомили съ характерами учителей и классныхъ дамъ; разумѣется это дѣлали только *маленькія*, такъ какъ воспитанницы m-me Баркъ раздѣлялись на большихъ и маленькихъ. Первыя пользовались огромными преимуществами и обходились съ маленькими покровительственно, даже съ пренебреженіемъ, которое считалось чѣмъ-то вродѣ хорошаго тона, и рѣдко удостоивали ихъ своей благосклонности. Это не мѣшало маленькимъ стараться заслужить ее постояннымъ обожаніемъ, которое часто подтверждалось переписываньемъ тетрадей и добровольнымъ приношеніемъ воротничковъ и оборочекъ. Обожаніе было развито въ высшей степени, несмотря на различные, болѣе или менѣе остроумные способы его преслѣдованія со стороны властей. Всякое естественное проявленіе воли и чувства было здѣсь преслѣдуемо и порицаемо безпощадно, тѣмъ неменѣе оно имѣло исходъ дикій и уродливый. Наши наставницы нисколько не готовили насъ къ дѣйствительной жизни.

Digitized by Google

Напротивъ все желаніе ихъ сводилось на то, чтобъ затмить всякое представленіе о ней, какъ о чемъ-то грязномъ; главною ихъ задачею было остановить развитіе на степени непониманія самыхъ простыхъ человѣческихъ отношеній и онѣ довольно успѣвали въ этомъ. Въ преподаваніи было полное отсутствіе жизни и смысла; зато сколько фактовъ, собственныхъ именъ и годовъ, и сколько тумана, тумана, такъ что несмотря на всѣ усилія, я никакъ не могла уразумѣть смысла нѣкоторыхъ научныхъ фактовъ и скоро убѣдилась, что гораздо выгоднѣе отказаться отъ этихъ попытокъ и тверже заучивать уроки, но не могла съ собою сладить. Я не переставала искать мысли въ сухихъ фразахъ и доискиваться, чтобъ онѣ мнѣ что-нибудь дали; я думала, что то что ничего не даетъ ненужно мнѣ какъ мертвое живому. Мой прежній учитель Даровъ, съ которымъ мы не переставали видѣться, усердно поддерживалъ во мнѣ это расположеніе. Всѣ праздники я проводила съ Даровымъ и не могла съ нимъ наговориться. Онъ очень любилъ меня и я ему вполнѣ довѣрялась. Пансіонская жизнь, замкнутая и мертвящая, была совершенно противна моему развитію, но какъ бы то ни было, а здѣсь, при столкновеніи съ разными лицами, началъ проявляться и развиваться мой характеръ; мысль моя неусыпно работала надъ всѣмъ что встрѣчалось новаго и независимо отъ посторонняго вліянія строила правила, выводила заключенія. Необходимость доискиваться до всего самой, помимо посторонней помощи, спасла меня отъ страдательной участи личностей, безусловно принимающихъ готовыя правила.

Въ одно время со мной поступила въ нашъ пансіонъ другая дѣвочка, дочь старинной знакомой моей матери, Маргарита Сосновская. Мы были одинаковыхъ лѣтъ и роста; класная дама рѣшила, что мы должны ходить въ парѣ. Одинаковый ростъ — обстоятельство не важное, однако оно имѣло большія послѣдствія, потомучто оно одно почти было причиной моей дружбы съ Маргаритой. Въ характерахъ нашихъ было много общаго; прежде между нами не было симпатіи, но при частыхъ столкновеніяхъ мы короче узнали другъ друга и подружились. По своему характеру Маргарита была довольно интересная личность: эгоизмъ и тщеславіе были ея отличительными чертами. Для исполненія своихъ желаній Маргарита не останавливалась ни передъ какими средствами: все что могло служить ей для нихъ, она находила справедливымъ и законнымъ. Я жестоко возставала противъ многихъ дѣйствій Маргариты; она со-

Digitized by Google

глашалась, но поступала посвоему. Добрые инстинкты пробуждались въ ней безсознательными порывами и тогда она являлась великодушной. Если въ чемъ спрашивали ея мнѣнія, она высказывалась прямо и смѣло, часто въ ущербъ собственнымъ интересамъ; если ее опровергали, она твердо настаивала на своемъ. «Я не знаю почему, говорила она въ подобныхъ случаяхъ: — но чувствую, что это должно быть такъ!» Она любила меня сильно, но эта любовь была проникнута тираніей и эгоизмомъ; всѣ свои мысли и желанія, всѣ радости и горести она дѣлила со мной, зато я замѣняла ей все и всѣхъ; далѣе меня она не шла и того же самого требовала отъ меня. Она готова была на уступки, лишь бы у насъ было все общее, всѣ стремленія и желанія, всѣ симпатіи и антипатіи. Къ счастію моя нравственная жизнь не уложилась въ этой узкой рамкѣ. Маргарита не хотѣла ничего знать: она требовала безусловной привязанности и думала пользоваться ей одна исключительно. Часто по поводу одного моего разговора съ какой-нибудь изъ воспитанницъ, у насъ съ Маргаритою являлись серьозныя распри. Она давала почувствовать свое неудовольствіе тѣмъ, что переставала ходить со мной въ парѣ. Я обыкновенно просила объясненія, но она не хотѣла ничего слышать, не хотѣла говорить и на всѣ мои вопросы отвѣчала упреками. Она была мстительна, и насмѣшки избирала орудіемъ своей мести; когда дѣло доходило до мести, Маргарита являлась необыкновенно изобрѣтательна: она одушевлялась, рѣчь ея лилась ровно и гладко, выраженія были мѣтки и жостки, она не щадила словъ. Я отвѣчала молчаніемъ на всѣ ея оскорбительныя выходки. Но ссоры наши никогда не продолжались долго; удовлетворивъ досадѣ и гнѣву, Маргарита начинала хандрить, посылала мнѣ письма съ предложеніями мира и приносила полное раскаяніе. Я принимала предложенія мира, но не забывала съ кѣмъ имѣю дѣло и глубоко скрывала отъ Маргариты все что было въ душѣ моей дорогого. Зато, когда со мной случалась какая-нибудь непріятность, Маргарита была сама не своя и дѣлала все, чтобъ помочь мнѣ. Разъ какъ-то, когда мы были съ ней въ ссорѣ, класная дама въ наказаніе за что-то не пустила меня на праздникъ домой. Маргарита стала просить за меня и когда просьбу ея не исполнили, наговорила классной дамѣ дерзостей. Та разсердилась и оставила ее безъ обѣда. Узнавъ о ходатайствѣ за меня Маргариты и его несчастномъ послѣдствіи, я сказала ей, что она напрасно дѣлаетъ мнѣ жертвы. Маргарита вспыхнула.

Digitized by Google

— Мнѣ никто не запретитъ поступать по справедливости! сказала она рѣзко.

Случилось еще, что я сдѣлалась больна; эта болѣзнь застала меня врасплохъ: меня не успѣли взять домой изъ пансіона. Я была въ горячкѣ, никому изъ дѣтей не позволено было приходить въ комнату, гдѣ я лежала, чтобъ не пристала болѣзнь. Маргарита приходила ко мнѣ украдкой; она дѣлала самыя мрачныя предположенія объ исходѣ моей болѣзни, все толковала въ дурную сторону и плакала обо мнѣ, какъ объ умершей. Нѣсколько разъ ее заставали у меня, но ни выговоры, ни наказанія, ни страхъ заболѣть самой, ничто ее не удерживало. Цѣлые дни Маргарита была въ волненіи, ничего не дѣлала, не знала уроковъ и не ѣздила на праздники домой. Радость ея при моемъ выздоровленіи не имѣла границъ. Помню какъ теперь, когда я въ первый разъ могла встать съ постели; Маргарита предложила мнѣ пройтись по комнатѣ и опираясь на ея руку я прошлась. Эта прогулка очень скоро утомила меня; Маргарита плакала и смѣялась, — такъ велика была ея радость; съ моей болѣзни до этой минуты она не могла вообразить, что я буду ходить какъ прежде. Во время моего выздоравливанія Маргарита сидѣла со мной по цѣлымъ часамъ, болтала безъ умолку и расказывала всѣ приключенія, какія были безъ меня въ класѣ.

Я быстро оправлялась отъ болѣзни. Никогда еще не испытывала я такого пріятнаго чувства, какъ во время выздоровленія. Это чувство — любовь къ жизни и какое-то ожиданіе. Тогда мнѣ только исполнилось пятнадцать лѣтъ. Я чувствовала въ себѣ перемѣну: во мнѣ происходила внутренняя работа, родились новыя мысли, новыя желанія; я чувствовала, что я не та и не могу, не должна быть той, какъ прежде. Я поняла, что дѣтство кончилось и эта увѣренность меня радовала и смущала. Съ этого времени я еще болѣе чувствовала себя одинокою На все окружающее я смотрѣла издали, какъ будто оно меня не касалось; все что проходило передъ моими глазами занимало меня настолько, насколько оно могло дать пищи моей душѣ. Часто, когда всѣ гуляли въ саду, дѣти учились и болтали, мы съ Маргаритою садились на скамейку подальше отъ другихъ, съ тетрадками въ рукахъ, облитыя горячими лучами заходящаго солнца, которое пробираясь между кустами сирени свѣтлыми пятнами ложилось на страницы. Я безсознательно опускала голову на плечо Маргариты, глаза мои останавливались на одномъ предметѣ, въ груди становилось тѣсно отъ непонятнаго восторга.

Digitized by Google

— Отчего ты покраснѣла, Аля? спрашивала меня Маргарита.

— Какъ покраснѣла? И не думала! отвѣчала я запинаясь.

— Отчегожъ перестала читать?

— Такъ, ничего!

И я снова бралась за тетрадку. Послѣ чтенія мы начинали ходить и разговаривать. Маргарита предавалась своимъ любимымъ мечтамъ: какъ наконецъ она оставитъ этотъ противный пансіонъ и будетъ жить дома съ мамашей, поѣдетъ въ собраніе, на балы, и она особенно одушевлялась, когда говорила о томъ какъ будетъ разыгривать grande-dame, и вскружитъ головы моднымъ львамъ. Разъ какъ-то я спросила Маргариту что значитъ левъ. Мое невѣжество ее поразило. Она начала мнѣ объяснять значеніе льва въ обществѣ помимо смысла естественной исторіи и для большей ясности привела въ примѣръ нашего учителя французской словесности, который по ея мнѣнію корчитъ изъ себя льва, но гдѣжъ ему, какой нибудь учитель гимназіи. И Маргарита расказала мнѣ о настоящихъ львахъ, о которыхъ въ свою очередь слыхала отъ кузины. Я слушала ее и думала о другомъ.

Наступила зима Огромныя пансіонскія залы точно съузились и смотрѣли непріязненно. Рѣже раздавался звонкій смѣхъ въ ихъ стѣнахъ, рѣже посѣщало меня чувство безотчетнаго наслажденія, мысль была глубже, сосредоточеннѣе и на все требовала отвѣта и объясненія. Мы учились съ большимъ прилежаніемъ, особенно Маргарита; она во время пансіонской жизни хлопотала быть первой ученицей и не достигла цѣли, несмотря на всѣ старанія; она училась хорошо, но никакъ не могла отвѣчать не запинаясь: рѣчь ея была отрывиста и говоря Маргарита искала словъ. Кромѣ того ея поведеніе не удовлетворяло требованіямъ пансіонскихъ правилъ: Маргарита то не вовремя вскакивала съ мѣста, то вступала въ разсужденія съ учителями по поводу уроковъ, когда они казались ей непонятны, то уходя изъ одной комнаты въ другую, забывала спросить на это позволенія класной дамы, но что всего хуже — выражала сомнѣніе относительно смысла этихъ порядковъ. За все любо журналѣ о поведеніи ставились класными дамами дурныя отмѣтки.

Съ какимъ вниманіемъ слушала я, когда учитель исторіи рас-

Digitized by Google

казывалъ новый урокъ; я сидѣла какъ вкопанная, не сводя съ него глазъ, а мысль моя уносилась за его расказомъ въ дивный міръ Греціи и Рима, который давалъ такую богатую пищу жадному воображенію. Личности героевъ античнаго міра приводили меня въ восторгъ. Какъ ничтожна и пуста казалась мнѣ передъ ихъ громадными подвигами жизнь окружающихъ. Я смотрѣла на нее съ непобѣдимымъ отвращеніемъ, и сколько разъ наединѣ сама съ собой торжественно отрекалась отъ всякаго участія въ ней. Чего именно мнѣ хотѣлось, я сама не знала; но остаться безучастной къ народнымъ движеніямъ, не имѣть значительной роли въ обществѣ казалось мнѣ нестерпимо обиднымъ. Въ головѣ моей поднялось много вопросовъ по этому поводу и требовало немедленнаго разрѣшенія. Разъ какъ-то я заговорила по поводу этихъ мыслей съ Даровымъ. Не помню, въ какихъ словахъ высказала я ему то, въ чемъ недоумѣвала, но кажется это очень удивило и тронуло его: онъ съ непритворнымъ чувствомъ сжалъ мою руку и долго говорилъ о жизни, обществѣ, о назначеніи человѣка. Онъ говорилъ какъ умной женщинѣ тяжело и скучно жить на свѣтѣ, что я достойна лучшей участи и убѣждалъ меня заниматься серьознымъ чтеніемъ. Я никогда не видала Дарова такимъ оживленнымъ, какъ въ этотъ разъ: глаза его блистали страстнымъ одушевленіемъ, слова лились быстро и стройно, его доводы были такъ полны силы внутренняго убѣжденія. Впрочемъ я многаго не поняла изъ сказаннаго Даровымъ, но видѣла, что въ немъ происходитъ что-то необыкновенное, что это пророческія слова, и сердце мое переполнилось отъ непонятнаго восторга и скорби. Когда Даровъ ушолъ, я отправилась въ спальню подъ предлогомъ головной боли и долго оставалась одна, раздумывая и силясь уяснить себѣ все сказанное имъ, но работа была не по силамъ: отрывочныя фразы изъ его разговора вертѣлись у меня въ головѣ въ страшномъ безпорядкѣ. Подавленная силой необъяснимыхъ впечатлѣній, я бросилась на постель и долго плакала, сама не зная о чемъ. Даровъ говорилъ, что люди большею частію не угадываютъ своего назначенія, и оттого жизнь ихъ не имѣетъ смысла и теряетъ равновѣсіе въ жизни цѣлыхъ обществъ; что нужно стараться такъ или иначе выразить свою личность; что лучше дурная цѣль, чѣмъ никакой. Я горячо привязалась къ этой мысли и съ тѣхъ поръ она не покидала меня. Какъ часто ночью, когда всѣ засыпали, я тихонько вставала, садилась на постели и сложивъ руки на колѣнахъ, думала .. и мало-помалу мысли мои складывались въ

Digitized by Google

опредѣленную форму. Голова моя горѣла, сердце порывисто билось, я заходила далеко... и вдругъ сомнѣнія набѣгали черной тучей и застилали любимые образы мысли; все что я создавала воображеніемъ падало и исчезало передъ строгой критикой здраваго смысла, основанной на дѣйствительности. Я хваталась за голову и падала на подушку. Въ умѣ моемъ все путалось и мѣшалось, я сама пугалась своихъ фантазій и гнала ихъ прочь, желая уснуть и успокоиться, но онѣ кружились въ головѣ, упрекая меня въ слабости и трусости. Сонъ мало успокоивалъ меня: тѣже мысли и сомнѣнія, что волновали встревоженный умъ, являлись въ опредѣленныхъ образахъ; я часто просыпалась и снова засыпала съ тою же напряженною работою мысли. На утро я вставала блѣдная и усталая, брала книгу, чтобъ учить урокъ, но и тутъ мучительные вопросы не покидали меня. Въ головѣ шумѣло, что-то кипѣло въ груди, я пробовала читать, но видѣла только темныя движущіяся полосы на бумагѣ и ничего болѣе; до смысла было далеко добираться. Я опускала голову на руку и оставалась въ какомъ-то забытьи до самаго класа. Я ничего не слыхала что говорилъ учитель, какъ отвѣчали воспитанницы свои уроки. Но вотъ учитель вызываетъ меня, я поспѣшно вставала, но ничего не понимала изъ его вопросовъ; онъ смотрѣлъ на меня съ изумленіемъ и не рѣшался поставить ноль, такъ какъ я была большая. Класная дама хмурила брови, взгляды всѣхъ воспитанницъ обращались на меня: однѣхъ съ состраданіемъ, другихъ съ насмѣшкой; со всѣхъ сторонъ слышалось оханье и шопотъ, — одна я оставалась равнодушной. Когда учитель уходилъ, класная дама подходила ко мнѣ и начинала читать нотацію вслухъ, въ назиданіе всего класа за то, что я своимъ нерадѣніемъ компрометирую все заведеніе и меня принуждены наказать безъ послѣдняго блюда, какъ маленькую. Слушая длинную, торжественную рѣчь на эту тэму, я не могла удержаться отъ улыбки, которая особенно бѣсила класную даму; щоки ея покрывались багровыми пятнами, упреки переходили въ брань, она грозила надѣть на меня дурацкій колпакъ и во время обѣда посадить за черный столъ. Я слушала молча, поднявъ голову и смотря ей прямо въ глаза смѣлымъ, спокойнымъ взглядомъ; я жестоко презирала ее въ эту минуту. Бѣдная, я не понимала, что самое комическое лицо въ этой картинѣ все-таки я.

Такія явленія начали повторяться довольно часто и наконецъ дошли до свѣдѣнія m-me Баркъ; она сдѣлала мнѣ приличное внуше-

Digitized by Google

ніе, но и это неподѣйствовало. Къ довершенію удовольствія мнѣ пришлось остаться на святки въ пансіонѣ: меня не взяли по какимъ-то семейнымъ обстоятельствамъ; это было самое скучное время моей пансіонской жизни. Насъ оставалось дѣвицъ десять или двѣнадцать; мы вставали позднѣе обыкновеннаго и никто ничего не дѣлалъ, вслѣдствіе установившейся привычки считать всякое бездѣйствіе отдыхомъ и пользоваться при всякомъ удобномъ случаѣ, ни мало не подозрѣвая, что это бездѣйствіе часто утомляетъ всего болѣе. Цѣлый день дѣвицы сидѣли и ходили по заламъ, изрѣдка вполголоса перекидывая между собою словами. Лишь только слышался стукъ подъѣзжающаго къ дому экипажа гостей m-me Баркъ, всѣ бросались къ окну, къ величайшему неудовольствію классной дамы, которая въ этотъ день особенно была раздражительна, вѣроятно потомучто ей пришлось дежурить въ такой праздникъ. Изрѣдка монотонная бесѣда въ классѣ прерывалась появленіемъ какой-нибудь изъ воспитанницъ, которая пріѣзжала съ своей матерью съ визитомъ къ m-me Баркъ и заходила къ намъ. Пріѣзжихъ встрѣчали съ восторгомъ, бросались имъ на шею, цѣловали ихъ и закидывали распросами; нѣсколько времени слышались восклицанія: «Ахъ душка Жени, какъ ты мила, что зашла къ намъ! Еслибъ ты знала какая скука! Какой ты ангелъ!» Затѣмъ снова слышались поцѣлуи. «Воображаю какая здѣсь тоска, щебетала пріѣзжая:—я едва могла улучить минуту чтобъ заѣхать къ m-me Баркъ, да ужь и васъ кстати провѣдать. Вы неповѣрите mesdames, совсѣмъ нѣтъ времени, каждый день съ утра до вечера я въ разъѣздахъ. Вчера была на елкѣ у кузины, сегодня ѣзжу съ визитами, а вечеромъ опять нужно переодѣваться и ѣхать въ театръ.»

— Ахъ душка, какая ты счастливая!

Потомъ всѣ осматривали ея нарядъ, нѣкоторыя высказывали свое мнѣніе и подавали совѣты, другія насмѣшливо перешоптывались и перемигивались между собою. Пріѣзжая начинала расказывать въ какомъ нарядѣ она будетъ сегодня, въ какомъ завтра; потомъ она расказывала про свои интимности съ какимъ-нибудь cousin, или товарищемъ брата, по обыкновенію увлекалась собственнымъ расказомъ, и едва незабывала, что ее ждетъ мамаша Пансіонерки провожали гостью до передней, цѣлуя ее и желая какъ можно болѣе побѣдъ.

Я сидѣла обыкновенно поодаль отъ другихъ, около окна, непри-

Digitized by Google

нимая участія въ общемъ разговорѣ, и смотрѣла на улицу, разсѣянно слѣдя за щегольскими экипажами, которые съ живостью сновали взадъ и впередъ и думала. Безполезно было прожито лучшее время, и я сознавала это ясно. Отчего-жъ когда явилась моя мать и послѣ обычнаго привѣтствія повела бесѣду о томъ, что она платила за мое ученье очень много денегъ, и все не видитъ въ томъ прока, что мои манеры, разговоръ неоправдываютъ ея справедливыхъ ожиданій, чтоже касается наукъ то они ненужны, слава-богу не въ гувернантки идти, а и безъ ученья много расхода: дѣвушка на возрастѣ, слѣдовательно нужно выѣзжать, готовить приданое, — отчего мнѣ стало грустно и чего-то жаль? Всѣ эти сцены, въ которыхъ прошло столько лѣтъ, этотъ шумъ, эти ворчливыя класныя дамы, были такъ милы мнѣ въ эту минуту и эта длинная пустая зала, гдѣ по утрамъ мы съ Маргаритою учили уроки, и шептали... Слезы просились мнѣ на глаза, но я сдѣлала большое усиліе, чтобъ удержать ихъ: мнѣ была такъ дорога моя печаль, я боялась чтобъ ее какъ-нибудь не оскорбили. Молча, съ опущенной головой и волненіемъ въ груди, стояла я передъ матерью. «Собирайся» сказала она мнѣ и отправилась къ директрисѣ. Я машинально пошла въ класъ. Маргарита замѣтила, что я разстроена. Я сказала ей причину. Она взглянула на меня, но не сказала ни слова, отвернулась, взяла ноты и вышла. Вѣсть о моемъ удаленіи изъ пансіона быстро разнеслась по всему класу; дѣвицы окружили меня со всѣхъ сторонъ, на всѣхъ лицахъ было одно выраженіе участія и сожалѣнія. Всѣ тѣ, съ которыми у меня не было ничего общаго, съ которыми я ни разу почти не говорила, были друзья мнѣ въ эту минуту,—такова сила привычки. Сцена прощанья вышла очень трогательная, я чувствовала что не вынесу ее равнодушно и легко. Я стала искать Маргариту. Когда я вошла въ музыкальную комнату, Маргарита стояла поодаль отъ фортепіанъ и облокотясь на спинку стула, задумчиво смотрѣла въ окно. Я подошла ближе; она не перемѣнила позы и съ тѣмъ же выраженіемъ задумчивости смотрѣла на улицу; но вдругъ глаза наши встрѣтились, мы обнялись и заплакали... Мы плакали долго и молча Въ этихъ слезахъ было все, грусть настоящаго, благодарность за прошлое, сомнѣніе за будущее. Въ вѣкъ не забуду этой минуты! Мы были такъ молоды, такъ искренни и плакали такими горячими слезами. Куда же все это прошло? Отчего мы стали теперь такими разряженными куклами, такими милыми барышнями; изучившими всѣ приличія свѣта и способными занимать гостей? Гдѣже прежнія

Digitized by Google

силы, прежнія стремленія, гдѣ теперь эта жажда истины и добра, неужели имъ нѣтъ возврата?

Іюля 3.

Вотъ уже почти мѣсяцъ какъ у насъ никто небываетъ: всѣ разъѣхались по дачамъ. Цѣлое утро я одна и почти ничего не дѣлаю; иногда правда читаю газеты или журналы, но чаще хожу изъ угла въ уголъ въ своей комнатѣ и ни о чемъ не думаю. Въ такомъ положеніи застала меня сегодня мать. Она явилась неожиданно. На ней было какое-то свѣтлое легкое платье и черная шолковая мантилья; волосы были пышно взбиты и покрыты кружевной косынкой; этотъ нарядъ дѣлалъ ее моложавою. Удивительная способность одѣваться къ лицу!

— Что дѣлаешь? спросила меня мать, усаживаясь на диванъ и оправляя пышные кисейные рукава, въ которыхъ тонули маленькія ручки, унизанныя кольцами.

— Читала, сказала я, показывая на какую-то книгу.

Мать сдѣлала серьозную мину и посмотрѣла на заглавіе.

— Это хорошая книга, сказала она. — Откуда ты достала ее?

— Даровъ мнѣ принесъ.

Мать поморщилась.

— Даровъ, сказала она небрежно, перебирая листы книги. — Тебѣ нравится этотъ человѣкъ.

— Да.

Мать бросила на меня быстрый взглядъ и положила книгу.

— Чудакъ, сказала она съ притворной разсѣянностью: — не знаю что ты въ немъ находишь. Впрочемъ какъ знаешь.

— Онъ очень уменъ, сказала я, нѣсколько смущенная ея послѣдними словами.

— Какъ знаешь, повторила мать: — я тебя не стѣсняю.

Мнѣ стало досадно. Мать этого не замѣтила и заговорила о другомъ.

— Какая ты блѣдная, сказала она: — блѣдность тебѣ совсѣмъ не къ лицу; ты хоть бы гуляла чаще, чтобъ отъ нея избавиться. Маргарита Сосновская какая свѣжая. Кстати о Маргаритѣ, она что-то давно у насъ не была. Пишетъ она тебѣ?

— Да.

— На дняхъ я ихъ видѣла въ Павловскѣ: они всѣ тамъ были и съ гувернанткой. Какъ ее, эту гувернантку, Варвара Сидоровна чтоли?

Digitized by Google

— Вѣра Семеновна.

— Ну все равно, Вѣра Семеновна. Смѣшная такая. Что за странныя манеры. Корчитъ изъ себя образованную, чуть ли не ученую и какъ это неловко, неграціозно выходитъ; важничаетъ своимъ умомъ и воображаетъ, что она интересна, воображаетъ, что Вереиновъ къ ней неравнодушенъ!

Я молчала.

— Онъ разспрашивалъ меня о тебѣ, сказала мать послѣ короткаго молчанія, и смотря на меня испытующимъ взглядомъ, отъ котораго я невольно покраснѣла. — Какъ ты его находишь? спросила она.

— Онъ мнѣ не нравится, отвѣчала я.

— Капризъ, сказала мать съ своей обыкновенной притворной безпечностью, которую я такъ хорошо изучила: — чѣмъ онъ можетъ не нравиться?

— Слишкомъ мягко стелетъ.

— Ты думаешь... Не знаю. Я очень люблю это семейство, особенно сестру его Софью Николавну. Эта примѣрная женщина, очень умная и милая. Сколько она добра сдѣлала людямъ. И мать начала расказывать давно извѣстную мнѣ исторію, о томъ какъ Софья Николавна Сосновская, прежде очень бѣдная дѣвушка, своимъ замужествомъ составила себѣ такую блестящую партію, что не всякой барышнѣ съ состояніемъ удается; какъ она была губернаторшей, и можно сказать сама управляла губерніей, потомучто мужъ былъ колпакъ, въ дѣлахъ ничего не смыслилъ; какъ была знакома съ разными государственными сановниками, которые разумѣется были отъ нея безъ ума, и какъ чрезъ это знакомство ловкая женщина, вывела въ люди своихъ родственниковъ. Мать увѣряла, что кромѣ этого Софья Николавна отличная хозяйка и прекрасно воспитываетъ своихъ дѣтей, что они безъ сомнѣнія выйдутъ отличными людьми, чему доказательство воспитанный ею братъ, который при растроенномъ состояніи одинъ своимъ трудомъ помогаетъ Софьѣ Николавнѣ содержать такое большое семейство. Въ заключеніе мать сокрушалась, что молодое поколѣніе женщинъ не походитъ на Софью Николавну. По ея мнѣнію современныя женщины никуда не годятся, сами не знаютъ чего хотятъ, изъ чего волнуются. Я неспорила.

Іюня 6.

Нѣтъ, я не могу долѣе оставаться одна: скука одолѣваетъ меня.

Digitized by Google

Сегодня я получила письмо отъ Маргариты. Она проситъ меня пріѣхать къ нимъ, и я завтра же отправляюсь.

Іюня 14.

Вотъ уже цѣлую недѣлю я у Сосновскихъ. Меня встрѣтили очень радушно. Все семейство было на терасѣ за чайнымъ столомъ. Когда я вошла, Маргарита разливала чай; подлѣ нея сидѣлъ Вереиновъ и разговаривалъ съ гувернанткою. Софья Николавна читала строгую мораль младшему сыну, который стоялъ передъ ней на колѣняхъ и разливался горькими слезами. Подъ вліяніемъ этой назидательной сцены другія дѣти сидѣли очень чинно. При моемъ появленіи всѣ оживились. Маргарита бросилась ко мнѣ навстрѣчу, мы горячо обнялись, дѣти тоже чему-то обрадовались. Софья Николавна привѣтствовала меня съ особеннымъ радушіемъ. Послѣдній подошолъ ко мнѣ Вереиновъ; онъ съ радостнымъ лицомъ протянулъ мнѣ руку и заговорилъ такъ дружески, такъ симпатично, что я смутилась, но скоро однакожъ опомнилась: щоки мои вспыхнули и я сдѣлала большое усиліе чтобъ спокойно отвѣчать на его вопросы. Впродолженіе этого времени какъ я у Сосновскихъ, Вереиновъ употребляетъ всѣ усилія чтобъ сдѣлать мнѣ пріятное. Подумаешь какъ дешево у иныхъ людей расположеніе, какъ они любятъ его расточать. Эти непрошенныя ласки возмущаютъ меня; хорошо что я знаю имъ настоящую цѣну; зачѣмъ же являлись они тогда, когда сердце мое было такъ чисто и не знало еще всѣхъ этихъ тонкостей; зачѣмъ очаровывая и привлекая, ставили въ глупое положеніе, — но ктоже зналъ, что я такъ мало подготовлена, да и кому какое до этого дѣло.

Іюня 22.

Еще прошла недѣля какъ я у Сосновскихъ. Время идетъ ни скучно ни весело; по утрамъ мы съ Маргаритою однѣ до самаго обѣда; я рисую, Маргарита играетъ на фортепіанахъ, иногда мы вмѣстѣ читаемъ. Въ это время Вереиновъ въ городѣ, на службѣ, гувернантка занимается съ дѣтьми. Софья Николавна хлопочетъ по хозяйству. Въ свободное время она является къ намъ и разсуждаетъ о своихъ многотрудныхъ обязанностяхъ матери и хозяйки дома. Я не знаю ничего антипатичнѣе этой женщины; ея лицемѣріе, приторная любезность мнѣ ненавистны. Я нахожу оттѣнки этихъ качествъ въ Маргаритѣ Жаль, я очень люблю ее. Можетъ-быть только привычка, воспоминаніе прежнихъ лѣтъ поддерживаетъ во мнѣ эту привязанность? — какъ бы то ни было, а жаль.

Digitized by Google

Іюня 25.

Вчера случилась странная исторія. Маргарита заговорила со мной о своемъ дядѣ, и вдругъ спросила меня какъ онъ мнѣ нравится. Этотъ вопросъ смутилъ меня, я затруднялась отвѣтомъ.

— Я знаю, что прежде онъ тебѣ нравился, сказала Маргарита: — а теперь кажется нѣтъ; это замѣтно: ты очень измѣнилась къ нему.

— Можетъ-быть, сказала я.

Маргарита посмотрѣла на меня пристально.

— Онъ хорошій человѣкъ, сказала она.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь.

— Отчего-жъ ты холодна съ нимъ?

— Я...

— Да ты. Чтожъ ты покраснѣла?

— Ничего, сказала я, избѣгая ея взгляда.

— Ты не будь съ нимъ такой Аля, а то онъ подумаетъ, что ты недовольна, и это будетъ его мучить.

— Ты думаешь?

— Еще бы. Онъ самъ не свой, оттого что ты какъ-будто съ умысломъ не обращаешь вниманія на всѣ его старанія тебѣ угодить. Это странно даже, другой подумалъ бы что это кокетство.

— Кокетство! сказала я вспыхнувъ. — Это кокетство?

Маргарита посмотрѣла на меня съ изумленіемъ.

— Аля, сказала она: — я надѣюсь, что ты не сердишься?

— О нѣтъ! отвѣчала я почти испугавшись, но голосъ мой дрожалъ, въ душѣ поднялось какое-то горькое и обидное чувство.

— Что съ тобой Аля? Я не узнаю тебя, сказала Маргарита. — Неужели мнѣ увѣрять, что я не хотѣла тебя обидѣть!

— Да что ты! Я ничего.

— Полно пожалуста, развѣ я не вижу! сказала Маргарита горячо. — Какъ же это... Между нами. Да что это будетъ.

Она была взволнована и огорчена.

— Маргарита, это не то, сказала я, стараясь ее успокоить и непонимая сама что говорю. — Я ничего не думаю. Мнѣ показалось, что я въ самомъ дѣлѣ неправа.

Маргарита встрепенулась и бросила на меня быстрый, безпокойный взглядъ.

Digitized by Google

— Что за споръ? сказалъ входящій въ это время Вереиновъ.

Мы обѣ молчали.

— О чемъ вы говорили? спросилъ онъ меня.

— Такъ, пустяки.

— Нѣтъ, видно не пустяки. Вы что-то спорили. Отчего вы не хотите мнѣ сказать? спросилъ онъ ласковымъ и вкрадчивымъ голосомъ. — Неужели я не имѣю никакого права на вашу довѣренность.

— Оставь насъ дядя, сказала Маргарита: — тебѣ-то мы не можемъ этого сказать.

— Вотъ какъ! Значитъ это касается меня? Это очень любопытно. Нельзя ли узнать?

— Я сказала, что нельзя.

— Такъ это тайна? сказалъ онъ смѣясь. — Извините, не зналъ. Но я надѣюсь, что Александра Ивановна добрѣе, авось скажетъ. Александра Ивановна, скажете?

— Если это васъ такъ интересуетъ — извольте, сказала я спокойно и холодно.

Вереиновъ покраснѣлъ отъ досады.

— Я этого не скажу, проговорилъ онъ сухо.

— Для чего-жъ вы спрашиваете? сказала я и чувствовала, что щоки мои горѣли и голосъ дрожалъ.

— Я хотѣлъ испытать васъ, сказалъ онъ прежнимъ шутливымъ тономъ.

Я только взглянула на него, но не сказала ни слова. Онъ смѣшался и вскорѣ ушолъ отъ насъ. Черезъ нѣсколько времени мы встрѣтились за чайнымъ столомъ. Онъ заговорилъ съ гувернанткою по поводу какой-то неизвѣстной мнѣ книги. Софьи Николавны не было дома; Маргарита хлопотала около самовара; я оставалась одна. Мнѣ, неизвѣстно отчего, стало грустно; я отошла въ сторону и задумалась. Мысли мои были какъ-то неопредѣленны, но кровь стучала въ вискахъ и сердце билось часто и сильно. Чтожъ это? Неужели? Да это такъ. Такъ вотъ чего я дожидалась, и это все, все какая-то иронія. Какъ мучительно и горько сознаніе этого чувства. Но боже-мой, вѣдь я же не виновата.

Іюля 23.

Я уже съ мѣсяцъ не бралась за эту тетрадку: нечего было писать. Все постарому дѣлать нечего, думать не о чемъ. Вотъ жизнь-

Digitized by Google

то! Никогда еще сознаніе пустоты и безсилія не было у меня такъ сильно. Но чегоже нужно? Сколько есть людей, которые живутъ какъ я и не жалуются, не тоскуютъ. Неужели-жъ мнѣ нужно больше всѣхъ. Нѣтъ, я несправедлива, я слишкомъ эгоистка. Кчему всѣ эти напрасныя, несбыточныя желанія? не лучше ли пользоваться тѣмъ, что даетъ жизнь и больше не требовать, не ждать; ужиться какъ-нибудь въ тѣсномъ кругу, заняться работой, какая только найдется и исполнять ее съ любовью и сознаніемъ долга. Но примириться со всѣми дрязгами, довольствоваться малымъ, когда чувствуешь въ душѣ столько силы совершить великій подвигъ.

Маргарита тоже начинаетъ сильно задумываться и грустить въ послѣднее время; это насъ сближаетъ. Вчера вечеромъ послѣ длиннаго и серьознаго разговора, мы съ Маргаритою сидѣли задумавшись въ саду, когда мимо насъ проходилъ Вереиновъ съ гувернанткою. Они о чемъ-то спорили съ большимъ жаромъ, такъ что не замѣтили насъ. Я никогда не видала Вѣры Семеновны такой оживленной: щоки ея горѣли яркимъ румянцемъ, глаза блестѣли.

— Нѣтъ, что хотите, говорила она, а своего счастья ни въ какомъ случаѣ нельзя уступать.

— Вы стали бы пользоваться счастьемъ насчетъ другихъ? спросилъ ее Вереиновъ.

— Я никому не желаю зла, но кто станетъ на моей дорогѣ, церемониться не стану.

Я не слыхала что отвѣчалъ на это Вереиновъ. Маргарита смотрѣла вслѣдъ уходившимъ съ насмѣшливой миной.

— Вотъ гдѣ жизнь-то! сказала она, кивая на нихъ головой. — Замѣчаешь?

— Да, это жизнь, сказала я съ невольной грустью.

Маргарита продолжала слѣдить за молодыми людьми.

— Смѣшные какіе, сказала она.

— Чтожъ тутъ смѣшного? возразила я.

— Ты защищаешь такой способъ развлеченія?

— Почему ты не допускаешь здѣсь серьознаго чувства?

— Допускаю, но вѣдь изъ этого серьознаго чувства ничего не выйдетъ.

— Какъ ничего не выйдетъ?

— Такъ, онъ не можетъ жениться.

— Почему?

Digitized by Google

— Потомучто наши семейныя дѣла не таковы. Ты знаешь мамашу, она низачто не захочетъ раздѣлить свою власть въ домѣ съ кѣмъ бы то ни было.

— Но вѣдь это его домъ.

— Чтожъ изъ этого? сказала Маргарита вспыхнувъ. — Мы не виноваты, что онъ у насъ одинъ; будь у мамаши хорошее состояніе, тогда-бъ мы его не стѣсняли, но при теперешнихъ обстоятельствахъ, когда самимъ намъ едва достаетъ средствъ жить порядочно, смѣшно было бы ему думать о женитьбѣ.

Меня удивила такая оригинальная логика, но всматриваясь пристальнѣе въ жизнь и взаимныя отношенія этого семейства, я убѣждаюсь, что все и всѣ проникнуты ею.

Іюля 29.

Вчера Вѣра Семеновна совсѣмъ уѣхала отъ Сосновскихъ; она сама отказалась отъ должности, но я подозрѣваю, что это случилось не просто: въ послѣднее время Софья Николавна сильно къ ней придиралась. Съ недѣлю назадъ у Софьи Николавны былъ довольно крупный разговоръ съ братомъ относительно Вѣры Семеновны. Началось съ того, что Софья Николавна непріязненно отозвалась о своей гувернанткѣ, нападая на разные ея недостатки. Вереиновъ не спорилъ; но когда она сказала, что хочетъ отказать Вѣрѣ Семеновнѣ и взять на ея мѣсто одну свою знакомую, какую-то m-lle Б., Константинъ Николаичъ вступился и началъ доказывать, что m-lle Б., жившая до сихъ поръ въ компаніонкахъ у какой-то графини, рѣшительно не годится въ гувернантки, и что Вѣра Семеновна во всякомъ случаѣ ея лучше. Софья Николавна отстаивала свою пріятельницу сколько могла, но не убѣдила брата.

— Эта женщина мой единственный другъ, сказала она наконецъ. — Конечно ты можешь ее не любить, хотя бы она не сдѣлала тебѣ никакого зла, это твое дѣло, но я, я должна быть справедлива. Можетъ-быть я виновата, что осмѣлилась найти ее полезной для моихъ дѣтей; я не думала, что это тебя обидитъ; я думала, что мнѣ можно имѣть свое мнѣніе.

— Что такое говоришь ты, сестра? сказалъ встревоженный Константинъ Николаичъ. За что ты сердишься?

— Ахъ боже-мой! когда-жъ я сержусь? Какое я имѣю право. Я кажется порядочно понимаю свое положеніе и свои обязанности.

Digitized by Google

— Софи, ради-бога не говори такъ! сказалъ Константинъ Николаичъ, почти умоляя: — дѣлай какъ хочешь.

— Мнѣ не нужны жертвы. Если присутствіе m-lle Б. тебѣ въ тягость и ты находишь, что въ твои лѣта полезнѣе общество молодыхъ дѣвицъ, такъ пусть будетъ такъ.

Константинъ Николаичъ сильно покраснѣлъ.

— Здѣсь не обо мнѣ рѣчь, сказалъ онъ.

— Такъ о комъ же? О Вѣрѣ Семеновнѣ?

Несмотря на всѣ уступки Вереинова, споръ пошолъ далеко и кончился истерикой Софьи Александровны, надѣлавшей суматохи во всемъ домѣ; прислуга суетилась, дѣти плакали, Константинъ Николаичъ казался до нельзя сконфуженнымъ. Вѣра Семеновна должно быть догадалась въ чемъ дѣло.

Вчера за нѣсколько часовъ до своего отъѣзда Вѣра Семеновна вошла въ залу, гдѣ я играла на фортепьянахъ, и спросила не видала-ль я Вереинова. Въ это самое время Константинъ Николаичъ вошолъ въ комнату.

— Я ищу васъ, сказала Вѣра Семеновна, идя къ нему навстрѣчу съ ласковой и грустной улыбкой. — Хочу съ вами проститься.

И она протянула ему обѣ руки. Въ это время я опять заиграла; они какъ-будто не замѣчали меня. Отрывочныя фразы изъ ихъ разговора доходили до моего слуха.

— Будете ли вы меня помнить? говорила Вѣра Семеновна.

— Можете ли вы въ этомъ сомнѣваться! сказалъ онъ, цѣлуя ея руки.

Мнѣ казалось неловко долѣе тутъ оставаться, и я вышла. Вскорѣ послѣ этого Вѣра Семеновна уѣхала. Константинъ Николаичъ куда-то исчезъ и не являлся цѣлый день.

Августа 5.

Вотъ ужь недѣля прошла съ отъѣзда Вѣры Семеновны; мѣсто ея еще не занято: въ домѣ все идетъ прежнимъ порядкомъ. Софья Николавна понемногу оправляется, теряетъ печальный и покорный видъ и входитъ въ свою прежнюю колею полноправной хозяйки дома. Константинъ Николаичъ очень занятъ, такъ что даже чай пьетъ въ своемъ кабинетѣ. Сегодня утромъ я встрѣтила его въ саду; мы разговорились. Незнаю какъ это вышло, только мы говорили очень дружески. Вереиновъ никогда не былъ со мной такъ откровененъ. Онъ расказывалъ мнѣ о самомъ себѣ, объ ошибкахъ и увлеченіяхъ первой молодости; я слушала съ большимъ участіемъ. Между-про-

Digitized by Google

чимъ Вереиновъ вспоминалъ Вѣру Семеновну, говорилъ какъ много она для него значила, и вообще отзывался о ней съ большимъ уваженіемъ. Изъ этого разговора уяснилось для меня многое, о чемъ прежде я недоумѣвала. Вереиновъ представился мнѣ нѣсколько въ другомъ свѣтѣ; я многаго не знала и судила ошибочно. Къ концу прогулки намъ встрѣтилась Софья Николавна; она посмотрѣла на насъ какъ-то странно, такъ что я покраснѣла.

Августа 8.

Сегодня опять я долго разговаривала съ Вереиновымъ. Софьи Николавны не было дома, у Маргариты болѣла голова, и она цѣлый день не выходила изъ своей комнаты. Вереиновъ опять заговорилъ о Вѣрѣ Семеновнѣ, хвалилъ ее и жалѣлъ, что я съ ней не познакомилась хорошенько; онъ сказалъ, что ей очень хотѣлось этого, но видя мое нерасположеніе, она не искала моей дружбы.

— Вы знаете, какъ съ вами трудно сойтись, сказалъ онъ, смотря на меня пристально.

Я молчала.

— Скажите, продолжалъ онъ, какъ объяснить эту замкнутость, эту холодность, съ какой вы встрѣчаете всякую попытку къ сближенію съ вами. Тутъ что-нибудь есть. Зачѣмъ вы отвѣчаете сарказмами на участіе, будто у васъ ничего не найдется для тѣхъ, кто вамъ искренно преданъ. Трудно предположить, чтобъ это было просто.

— Я не напрашиваюсь ни на чье участіе, сказала я.

— Вотъ куда вы пошли. Какая безумная гордость! Что за предубѣжденіе! Полноте, Александра Ивановна, будьте проще, вы несправедливы къ самой себѣ. Можетъ-быть, вы нашли бы такое сердце, какое вамъ нужно; вмѣстѣ какъ-то легче жить, говорятъ: съ людьми смерть красна, но вы не даете простора своимъ мыслямъ и чувствамъ, когда они требуютъ выраженія и сочувствія.

— Кого они могутъ интересовать, сказала я съ невольной грустью.

Вереиновъ молча и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Вы слишкомъ самолюбивы, сказалъ онъ.

Нѣсколько времени мы молчали.

— Милая Александра Ивановна, сказалъ онъ послѣ долгаго раздумья: — не мучьте себя напрасно, не ищите зла тамъ гдѣ его нѣтъ. Повѣрьте мнѣ, что не все дурно на свѣтѣ; смотрите довѣрчивѣе, и вы будете счастливы.

Digitized by Google

Онъ много еще говорилъ въ этомъ родѣ и странно подѣйствовали на меня его слова; мнѣ было такъ отрадно, такъ хорошо. Взволнованная и растроганная, я сидѣла не поднимая глазъ и чувствовала его ласкающій, симпатичный взглядъ.

— Скажите мнѣ, началъ онъ, послѣ довольно продолжительнаго молчанія: — можетъ-быть вамъ покажется страннымъ такой вопросъ, но мнѣ кажется я имѣю нѣкоторое право, — скажите, вы ничего не имѣете противъ меня?

Этотъ вопросъ удивилъ и смутилъ меня; я отвѣчала отрицательно.

— Какъ я радъ, сказалъ онъ, взявъ меня за руку: — значитъ можно надѣяться съ вами сблизиться, неправда ли? Да, вы мнѣ не откажете въ вашей дружбѣ? Еслибъ вы знали, продолжалъ онъ съ чувствомъ: — какъ она мнѣ необходима. Въ васъ столько прекраснаго; вѣдь вы себѣ цѣны не знаете. Меня такъ влечетъ къ вамъ, что я даже боялся... Ахъ, Александра Ивановна, вы ничего не знаете.

Онъ былъ взволнованъ и горячо сжалъ мою руку.

— Согласитесь! заговорилъ Вереиновъ послѣ короткаго молчанія: — нѣкоторые ваши поступки относительно меня были странны; трудно предположить, чтобы это было просто. И знаете, мнѣ показалось, но можетъ-быть вы найдете смѣшнымъ, я подумалъ, не я ли виноватъ, что въ послѣднее время вы были такъ грустны.

Онъ такъ просто это сказалъ. Я взглянула на него: его лицо было спокойно. Мнѣ стало грустно.

— Да! сказала я съ какимъ-то отчаяніемъ, опустивъ голову: — Вы.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ же это? скажите ради-бога, я ничего не понимаю.

Онъ въ самомъ дѣлѣ не понималъ.

— Что съ вами? спросилъ Вереиновъ: — я огорчилъ или обидѣлъ васъ? скажите же, не мучьте меня.

Въ это время меня позвали къ Маргаритѣ. Я хотѣла идти, но Вереиновъ удержалъ меня.

— Послушайте, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ: — меня такъ интересуетъ этотъ разговоръ; кончимте его когда-нибудь. Завтра утромъ, продолжалъ онъ поспѣшно: — я буду ждать васъ въ саду. Только ради-бога обѣщайте мнѣ полную откровенность.

Digitized by Google

Я наклонила голову въ знакъ согласія и поспѣшно ушла отъ него. Итакъ завтра; что-то оно мнѣ скажетъ.

Августа 12.

Я дома. Моему внезапному отъѣзду отъ Сосновскихъ предшествовала цѣлая исторія. Буду писать по порядку. Въ часъ, назначенный для свиданія съ Вереиновымъ, я пошла въ садъ. Константина Николаича тамъ не было, но онъ не заставилъ долго ждать себя. Я издали увидала его и пошла къ нему навстрѣчу. Мнѣ показалось, что онъ смущенъ и взволнованъ.

— Какъ вы хорошо сдѣлали, что пришли, заговорилъ онъ: — а я признаться не ожидалъ; я конечно неловко сдѣлалъ, прося васъ придти сюда, но я догадался объ этомъ поздно. Я увѣренъ, что вы извините меня.

Я посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ. Мы сѣли на скамейку и нѣсколько времени молчали; онъ повидимому незналъ что говорить.

— Я только теперь начинаю немного понимать васъ, заговорилъ онъ наконецъ. Сколько великодушія въ одномъ этомъ поступкѣ, что вы пришли сюда. Повѣрьте, я умѣю это цѣнить. Я вамъ завидую; въ васъ столько таится неоцѣненныхъ сокровищъ, столько добра можете вы сдѣлать иному человѣку своимъ участіемъ, дружбой! Онъ много еще говорилъ на эту тему и говорилъ съ увлеченіемъ. Я слушала съ удивленіемъ; мнѣ очень хотѣлось спросить для чего все это онъ говоритъ, но я не прерывала его.

— Чтожъ вы ничего мнѣ не скажите? спросилъ онъ наконецъ.

Въ эту минуту передъ нами вовсе неожиданно явилась Софья Николавна; она смотрѣла на насъ съ выраженіемъ крайняго изумленія и негодованія.

— Извините! сказала она язвительно: — можетъ-быть я помѣшала.

Моя печаль была такъ велика въ эту минуту, что слова Софьи Николавны не прибавили къ ней ни горечи, ни злобы.

Софья Николавна быстро удалилась. Константинъ Николаичъ послѣдовалъ за нею въ сильномъ безпокойствѣ. Я осталась одна. Долго сидѣла я на одномъ мѣстѣ неподвижно какъ очарованная, непонимая и нечувствуя ничего кромѣ безконечной печали. Весь этотъ день Маргарита была въ дурномъ расположеніи духа; она говорила о ложныхъ друзьяхъ, о коварствѣ и двуличности нѣкоторыхъ особъ; ея

Digitized by Google

намеки недопускали подойти прямо къ дѣлу, и язвили довольно мѣтко. Софью Николавну я видѣла только за чаемъ и обѣдомъ; она была печальна, очень часто вздыхала и постоянно кричала на дѣтей. Константинъ Николаичъ былъ смущенъ, дѣти боялись пошевелиться: всѣмъ было неловко. Но это не все. Вечеромъ, сидя одна на терасѣ, я услыхала изъ оконъ залы очень интересный споръ между Софьей Николавной и ея братомъ; Вереиновъ въ чемъ-то оправдывался, Софья Николавна возражала; я услыхала мое имя и стала вслушиваться.

— Увѣряю тебя, что это не то что ты думаешь, горячо сказалъ Вереиновъ.

Софья Николавна безнадежно махнула рукой и не отвѣчала ни слова.

— За чтоже ты сердишься, заговорилъ онъ снова.

— Кто вамъ сказалъ, что я сержусь. Вы хоть бы ужь не клеветали, сказала Софья Николавна обиженнымъ тономъ.

— Да вѣдь это замѣтно... Прости же меня, ну я виноватъ. Онъ поцѣловалъ ея руку. Софья Николавна стояла неподвижно, какъ статуя, лицо ея имѣло какое-то неопредѣленное выраженіе, такъ что трудно было угадать чѣмъ кончится вся эта сцена.

— Ну такъ чтоже, ты прощаешь? сказалъ Константинъ Николаичъ, смотря ей въ глаза: — милая моя, вѣдь ты добрая. И онъ снова поцѣловалъ ея руку.

— Константинъ, сказала Софья Николавна торжественно: — ты знаешь меня, я умѣю терпѣть; покорность — общій удѣлъ женщинъ, но есть же мѣра. Я не ангелъ. Произнеся эту великую истину, она устремила на брата строгій, карающій взглядъ. Тотъ печально опустилъ голову.

— Софи, сказалъ Вереиновъ: — не суди ты этого дѣла слишкомъ строго, не смотри на него такъ серьозно. Положимъ, я сдѣлалъ глупость и огорчилъ всѣхъ васъ; я поступилъ какъ эгоистъ, а она... бѣдная, чѣмъ же она виновата. Ради-бога ты ее не трогай, это я все надѣлалъ, и пусть я одинъ за всѣхъ отвѣчаю.

Софья Николавна нѣсколько времени молчала.

— Константинъ, сказала она наконецъ нѣжнымъ и растроганнымъ голосомъ: — я очень огорчена; мнѣ больно, что ты, моя радость, моя подпора, попадаешься въ сѣти интриганки. Не могу же я запретить страдать моему сердцу. Константинъ, вѣдь я тебя воспитала, я не могу смотрѣть на тебя иначе какъ на сына.

Digitized by Google

— Знаю милая, сказалъ онъ: — но вѣдь я же тебѣ сказалъ, что тутъ ничего нѣтъ. Аля не такая дѣвушка, я больше тебя ее знаю.

— Другъ мой, ты слишкомъ довѣрчивъ; я больше тебя жила на свѣтѣ и изучила людей: мы женщины проницательны.

Константинъ Николаичъ вздохнулъ.

— Да, я виноватъ, сказалъ онъ послѣ короткаго раздумья: — много виноватъ. Прости же меня; забудемъ это. Софья Николавна еще колебалась.

— Забудемъ, сказала она наконецъ: — что прошло, того нельзя воротить; я надѣюсь, что раскаяніе твое искренне и впредь ты будешь остороженъ, но сердце человѣческое — бездна; я не могу вѣрить безусловно.

— Чего же тебѣ нужно? какихъ ты требуешь доказательствъ?

— Константинъ, если ты хочешь меня успокоить, клянись, что ты ее больше не увидишь.

— Я неслыхала что отвѣчалъ Вереиновъ, кровь бросилась мнѣ въ лицо, чувство негодованія и злобы охватило душу. Въ тотъ же вечеръ я сказала Софьѣ Николавнѣ, что скоро отправляюсь домой. Тонкая особа выразила удивленіе, но ни она, ни Маргарита меня не удерживали.

Не хочу вспоминать о томъ какъ я уѣзжала отъ Сосновскихъ, какъ прощалась: мнѣ было гадко, гадко. Только оставшись одна на пароходѣ я нѣсколько успокоилась. Въ послѣдній разъ взглянула я на этотъ домъ, куда прежде входила съ радостнымъ чувствомъ, гдѣ погибло для меня все что было въ жизни дорогого, и сердце мое разрывалось; мнѣ было невыносимо тяжело. Я отвернулась къ борту парохода, чтобъ скрыть свою тоску отъ постороннихъ, и наклонясь надъ водой нѣсколько времени сидѣла уничтоженная, подавленная горемъ... Мало-помалу всѣ мои грустныя мысли успокоились. Я подняла голову. На сердцѣ у меня была тишина; я чувствовала довольно силы, чтобъ забыть всѣ огорченія; предчувствіе чего-то лучшаго охватило мою душу. Я смотрѣла вдаль съ какимъ-то суевѣрнымъ ожиданіемъ, нечувствуя прежней гнетущей печали; въ душѣ у меня былъ вопросъ, котораго разрѣшенія я ждала съ тревожной душой, но ничего мнѣ не отвѣтила мутная волнующаяся даль.

Августа 15.

Нехорошо, все нехорошо. Мать ужасно разстроена, отчимъ едва показывается дома. Даровъ сказалъ мнѣ, что Владиміръ Ива-

Digitized by Google

пычъ очень задолжалъ Оглоблину, съ которымъ они вмѣстѣ кутили, и будто Оглоблинъ грозитъ отчиму долговымъ отдѣленіемъ. У матери видно совсѣмъ опустились руки отъ такого горя. Да неужели-жъ нельзя помочь! Нѣсколько разъ пыталась я заговаривать съ матерью объ этомъ дѣлѣ съ цѣлью ободрить, посовѣтовать предпринять что-нибудь. Она разсердилась, что я вмѣшиваюсь и не хотѣла говорить. Отчего-жъ она не говоритъ со мной? Развѣ я этого не стою? Развѣ я не могу принять участіе въ семейномъ горѣ или я такъ слаба, что не вынесу? Но лучше ли мнѣ теперь? Я просто сама не своя и не знаю что дѣлать.

Сентября 12.

Давно я небралась за эту тетрадку, а между тѣмъ сколько событій; да не до того мнѣ было. Вотъ уже двѣ недѣли какъ я невѣста. Это случилось внезапно и помимо моего желанія; мое участіе здѣсь, какъ во всемъ что около меня происходитъ, было пассивно. Разъ какъ-то вечеромъ Владиміръ Иванычъ пришолъ въ мою комнату и просилъ меня къ чаю. Онъ былъ веселъ и любезно шутилъ со мною, совѣтовалъ поправить туалетъ, говоря, что есть очень интересный гость, котораго имя однако-жъ не сказалъ. Гость этотъ былъ его пріятель Оглоблинъ; онъ сидѣлъ за чайнымъ столомъ подлѣ матери и очень интимно съ ней разговаривалъ. При моемъ приходѣ Оглоблинъ засуетился, отыскивая для меня стулъ и вообще выказалъ такъ много вниманія ко мнѣ, что это меня удивило. Послѣ чая я хотѣла идти въ свою комнату, но отчимъ удержалъ меня; онъ съ упрекомъ замѣтилъ, что я такъ часто удаляюсь ихъ общества, какъ-будто не считаю ихъ хорошими родными, которые желаютъ мнѣ всего лучшаго. Я осталась. Оглоблинъ былъ необыкновенно любезенъ со мною и какъ-то особенно взглядывалъ на меня; на губахъ его, когда онъ ко мнѣ обращался, являлась лукавая и вмѣстѣ снисходительная улыбка. Мать была ласкова съ Оглоблинымъ и очень терпѣливо выслушивала его плоскія шутки. Владиміръ Иванычъ посмѣивался и самодовольно поглядывалъ на всѣхъ. Гость скоро однако-жъ уѣхалъ; Владиміръ Иванычъ отправился его провожать. Я только-что пришла въ свою комнату, какъ ко мнѣ явилась мать и сказала, что желаетъ говорить со мной объ очень серьозномъ дѣлѣ.

— Оглоблинъ поручилъ мнѣ передать тебѣ, что онъ проситъ твоей руки, сказала она, смотря на меня испытующимъ взглядомъ.

Это извѣстіе подѣйствовало на меня непріятно, хотя я почти ожидала его.

Digitized by Google

— Объ этомъ нечего говорить, сказала я едва сдерживая досаду. Вы знаете что это за человѣкъ и какое мое мнѣніе о немъ.

— Знаю, сказала мать: — я этого ожидала, но Оглоблинъ меня просилъ и я должна была передать тебѣ. Кромѣ того, я какъ мать, обязана позаботиться, и потому рѣшилась совѣтовать тебѣ посерьознѣе обдумать это предложеніе. Конечно, ты можешь поступать по своему усмотрѣнію, но размыслить хорошенько не мѣшаетъ; въ такихъ дѣлахъ нужно спокойствіе и разсудительность, нужно отбросить нѣкоторыя идеи и уступить обстоятельствамъ. Это дѣло цѣлой жизни, а она тяжела, Аля. И мать съ непритворнымъ чувствомъ вздохнула.

— Теперь пока мы съ Владиміромъ Иванычемъ живы, продолжала мать: — ты молода, хороша собой, образована, въ обществѣ встрѣчаешь лесть, заботъ никакихъ не знаешь, естественно, что такая жизнь тебѣ приятна, ты не желаешь перемѣны; въ жизни замужней женщины много скучнаго, прозаическаго. Но не всегда ты будешь жить такъ какъ теперь; вдрудъ случится какое-нибудь несчастіе: умру я или Владиміръ Иванычъ, близкихъ родственниковъ у насъ нѣтъ, что съ тобой будетъ? куда ты пойдешь? Подумала ли ты объ этомъ?

— Что бы ни было, но я не могу поступать противъ совѣсти.

— Противъ совѣсти, повторила мать вспыхнувъ: — кчему эти фразы въ серьозныхъ дѣлахъ? Ты судишь какъ ребенокъ. Можно ли быть такъ непрактичной!

— Я не завидую вашей практичности, сказала я съ увлеченіемъ.

Мать долго молчала, она была въ большомъ затрудненіи и не знала что дѣлать, какъ говорить.

— Аля, сказала она наконецъ: — вѣдь тебѣ все равно, ты никого не любишь. Отчего тебѣ не выдти за Оглоблина? Онъ добръ, богатъ и вѣрно будетъ любить тебя; ты будешь независима. Сдѣлай же это для меня; вѣдь я желаю тебѣ добра, какъ никто; я мать тебѣ. Подумай, какихъ ты стоила заботъ, страданій.

По мѣрѣ того какъ она это говорила, глаза ея разгорались, щоки краснѣли, досада и жолчъ сказывались въ каждомъ словѣ, въ звукѣ голоса; горькія слова лились быстро, неожиданно: видно было, что она отдалась потоку накипѣвшихъ мыслей безсознательно. Слова ея больно отзывались въ моемъ сердцѣ, но я не колебалась отказомъ.

Digitized by Google

— Я не могу! сказала я: — и прошу васъ никогда не говорить мнѣ объ этомъ.

— Это твое послѣднее слово, Аля?

— Послѣднее.

— А еслибъ отъ этого зависѣло счастіе всей моей жизни, состояніе, честь, ты и тогда не согласилась бы?

Меня охватило холодомъ отъ этихъ словъ.

— Такъ знай же, что это такъ! сказала мать: — мы лишились послѣднихъ средствъ и если ты не выйдешь за Оглоблина, мы — нищіе.

Меня точно что-то ударило по головѣ; мысли мои помутились.

— Ну что, говори, продолжала мать шопотомъ, съ сверкающими глазами: — ты и теперь не соглашаешься быть женой Оглоблина.

— Нѣтъ! сказала я твердо.

Мать была поражена этимъ отвѣтомъ. Она все еще сидѣла уставивъ на меня неподвижный взглядъ, будто не сознавая слышаннаго; наконецъ ея покраснѣвшія щоки покрылись страшной блѣдностью, жилки въ вискахъ перестали биться такъ сильно.

— Поди отсюда вонъ! сказала она громко и внятно: — ты не дочь моя.

Я стояла какъ вкопанная, не сводя съ нея глазъ.

— Ты слышала, повторила мать гнѣвно: — поди вонъ изъ моего дома.

Ужасъ овладѣлъ мною при этихъ словахъ, но я рѣшилась неподдаваться, и послѣдствія этой страшной рѣшимости во всей своей потрясающей правдѣ представились моему воображенію; я вздрогнула, но не колебалась и твердо вышла изъ комнаты. Я тотчасъ отправилась къ Дарову и расказала ему все. Даровъ былъ поражонъ. Онъ долго ходилъ по комнатѣ, обдумывая что дѣлать; должно быть не веселыя мысли проходили въ его головѣ.

— Аля, сказалъ онъ наконецъ: — вы слишкомъ погорячились и поступили необдуманно.

Я вспыхнула и даже повернулась на мѣстѣ, но не сказала ни слова и продолжала пристально смотрѣть на Дарова.

— Наталья Яковлевна погорячилась. Неужели вы думаете, что она въ состояніи исполнить свою угрозу; вѣдь она мать ваша.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросила я.

Digitized by Google

— То, что она не можетъ желать вамъ худого и вы напрасно ее обвиняете, не разъяснивъ дѣла; тутъ есть какое-нибудь недоразумѣніе. Наталья Яковлевна, я увѣренъ, хлопочетъ для вашего же счастія, но она ошибается, потомучто мало васъ знаетъ, и вы сами въ этомъ виноваты: вы никогда не хотѣли съ ней сблизиться.

— Боже мой, Боже мой, что онъ говоритъ! вырвалось у меня.

— Вы должны во что бы то ни стало помириться съ матерью, продолжалъ Даровъ не слушая меня: — вы обязаны помириться, это единственный исходъ. Кчему вызываться на скандалъ? не лучше ли потерпѣть, подождать, уступить сколько можно, чѣмъ расшинаться.

— И вы... вы это говорите? сказала я не въ силахъ болѣе скрывать негодованія и печали.

— Я увѣренъ, продолжалъ Даровъ: — что мать ваша одумается и раскается; она будетъ рада помириться съ вами; вы не знаете какъ она васъ любитъ. Пожалѣйте ее. Если вы первая не протянете ей руки, она не сдѣлаетъ этого, но разрывъ съ вами убьетъ ее.

Онъ долго еще убѣждалъ меня. Я слушала опустивъ глаза и склонивъ голову; слезы медленно катились у меня изъ глазъ.

— Довольно, сказала я наконецъ. Подите, скажите матери, что я на все согласна.

Даровъ остолбенѣлъ.

— Зачѣмъ же крайности, сказалъ онъ: — неужели нѣтъ другого исхода.

Я ничего не сказала на это.

— А если нѣтъ, сказалъ онъ послѣ короткаго молчанія: — такъ ужь лучше бросить все и уйти куда-нибудь.

— Я прошу васъ идти къ матери и передать ей мое рѣшеніе, сказала я настойчиво.

— Аля, какъ же это. Неужели вы рѣшаетесь? Я не могу этого допустить.

Я невольно улыбнулась.

— Подите, сказала я.

Онъ пошолъ. Я осталась одна. Я долго думала, силясь уяснить себѣ происшедшее: все что случилось со мной въ этотъ день, было такъ неожиданно, такъ невѣроятно; я думала не больна ли я, не помѣшалась ли. Но дѣйствительность была такъ осязательно ясна; я услыхала голоса матери и Дарова около дверей комнаты, въ которой сидѣла, и почувствовала какъ щоки мои вспыхнули и брови

Digitized by Google

судорожно сдвинулись. Я закрыла лицо руками, чтобъ скрыться отъ ужасной мысли, но она стояла въ головѣ; чувство негодованія и стыда душили меня. Миръ между мной и матерью былъ заключонъ, положено было на другой же день сдѣлать парадный сговоръ. Я дурно спала эту ночь, и еще хуже почувствовала себя, когда на другой день сознательно и обдуманно взглянула на случившееся. Я много плакала въ этотъ день и не знала какъ пережить его. Бѣдная, я не думала какъ много горькаго впереди.

А. С . . . . ВА

Digitized by Google

ПОСЛАНІЕ КЪ ОСНОВЬЯНЕНКѢ

(изъ Шевченко)

Бьютъ пороги; мѣсяцъ всходитъ —
Всходитъ, какъ бывало...
Нѣту Сѣчи, нѣтъ гетмановъ —
Все на вѣкъ пропало!
Нѣту Сѣчи! Днѣпръ широкій
Камыши пытаютъ:
«Гдѣ-то, гдѣ-то наши дѣти?
«Гдѣ они гуляютъ?»
Стонетъ чайка, словно дѣтокъ
Ищетъ, призываетъ;
Солнце свѣтитъ; вольной степью
Вѣтеръ пробѣгаетъ.
А въ той степи длиннымъ рядомъ
Высятся могилы,
И пытаютъ буйный вѣтеръ,
Тихи и унылы:
«Гдѣ-то наши, гдѣ гуляютъ?
«Время воротиться!
«Воротитесь! поглядите,
«Жито колосится,
«Гдѣ паслися ваши кони,
«Гдѣ трава шумѣла
«И гдѣ моремъ разливаннымъ
«Вражья кровь алѣла...
«Воротитесь!..»
Врагъ смѣется:
Лишь ему забава...
Смѣйся! пусть погибла воля —
Не погибнетъ слава!

Digitized by Google

Не погибнетъ, а раскажетъ
Что̀ творилось въ свѣтѣ,
Чья тутъ правда, чья неправда,
Скажетъ чьи мы дѣти.
Наша дума, наша пѣсня
Не умретъ случайно...
Вотъ гдѣ, люди, наша слава,
Слава всей Украйны!
Нѣтъ въ ней золота, каменьевъ,
Нѝчего такого,
А громкà, святà, правдива,
Какъ господне слово.
Такъ ли, другъ ты мой желанный?
Правду ль говорю я?
Эхъ, когда бъ!.. да голосъ рвется...
Да и что скажу я?..
Все кругомъ чужіе люди,
Не спѣшатъ съ привѣтомъ...
«Не кручинься!» можетъ скажешь,
Да что проку въ этомъ?
Осмѣютъ псаломъ тотъ люди,
Вылитый слезами,
Осмѣютъ. Орелъ мой сизый,
Тяжко жить съ врагами!
Поборолся бы я съ ними,
Лишь была бы сила,
И запѣлъ бы — былъ и голосъ —
Да судьба сломила.
Вотъ въ чемъ горе, другъ мой милый!..
И бреду я снова
По сугробамъ, да мурлычу:
«Не шуми дуброва».
Вотъ и все тутъ. У тебя же
Голосъ, полонъ силы,
Всѣ тебя и чтутъ и любятъ:
Пой имъ про могилы,
Про казацкія могилы:
Какъ ихъ насыпали,
И давно ли, и кого въ нихъ
Хоронили — клали.
Пой про старь, про то что было —
Было, миновало...

Digitized by Google

Пой, орелъ мой, чтобъ на свѣтѣ
Все живое знало,
Цѣлый свѣтъ, за что Украйна
Много такъ терпѣла;
Отчего казачья слава
Свѣтъ весь облетѣла.
Пой, орелъ мой! пусть заплачу,
Не схоронишь тайну:
Пусть хоть разъ еще увижу
Я свою Украйну,
Пусть хоть разъ еще услышу,
Какъ играетъ море,
Какъ поетъ душа-дѣвица
Про свое про горе;
Пусть хоть разъ еще забьется,
Сердце сердцу скажетъ,
И тогда въ чужую землю
Пусть навѣки ляжетъ.

И. ГЕРБЕЛЬ

4 марта 1863 г.

Digitized by Google

ВЕЩЕСТВО

ПО УЧЕНІЮ МАТЕРІЯЛИСТОВЪ

Das Dunkelste aller Dinge, ja das Dunkel selbst nach Einigen, ist die Materie.

SCHELLING.

I

Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ признаніе какихъ-нибудь мнѣній, какого-нибудь сужденія, даже цѣлаго ученія — нелѣпостью. Обвиненія въ нелѣпости разсыпаются щедро и безъ особенныхъ затрудненій. На первый взглядъ тутъ нѣтъ ничего особеннаго; мы всѣ стремимся къ истинѣ, любимъ одну чистую, голую истину, слѣдовательно всякое отступленіе отъ нея необходимо считаемъ и называемъ нелѣпостію. Но въ чемъ состоитъ истина? Вопросъ, какъ извѣстно, старинный и трудный. Легко замѣтить, что указаніе нелѣпостей, хотя составляетъ одинъ изъ простѣйшихъ и употребительнѣйшихъ пріемовъ ума, почти никогда неудерживается въ надлежащихъ границахъ; чаще же всего представляетъ явленіе ненормальное, уродливое. На самомъ дѣлѣ, какъ бы важенъ ни былъ обсуждаемый предметъ, какъ бы велико ни было имя дѣятеля или мыслителя, какое бы огромное историческое значеніе ни принадлежало явленію, есть умы, которые съ величайшею легкостію готовы объявить все это нелѣпостію. Изобиліе нелѣпостей въ мірѣ, въ которомъ мы живемъ, стало даже ходячею истиною, ежедневною поговоркою. Человѣку свойственно ошибаться; человѣческій умъ сперва надѣлаетъ тысячу ошибокъ и только потомъ попадетъ на вѣрную дорогу, и т. д. Вотъ обыкновенныя рѣчи. На нихъ основанъ тотъ легкомысленный скептицизмъ, то равнодушіе къ явленіямъ умственнаго міра, которое такъ часто встрѣчается между

Digitized by Google

образованными людьми. Попытки ума кажутся имъ рядомъ ошибокъ и заблужденій, и желая обладать только *чистою* истиною, они готовы отказаться отъ всякихъ усилій, отъ всякой умственной дѣятельности.

Тотъ же взглядъ, тоже расположеніе ума нерѣдко господствуетъ и въ горячей борьбѣ, которую иногда ведутъ люди, проникнутые какими-нибудь убѣжденіями; они бьютъ направо и налѣво; всюду видятъ противорѣчіе, непослѣдовательность, самыя грубыя уклоненія отъ очевиднѣйшей логики. Такое настроеніе мыслей доходитъ иногда до чудовищныхъ размѣровъ; при воспріимчивости и подвижности ума случается, что чего бы онъ ни коснулся, все такъ и закишитъ нелѣпостями. Нерѣдко подобное занятіе дѣлается постояннымъ вкусомъ и люди находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы всюду отыскивать нелѣпости и самыя простыя и ясныя вещи подводить подъ форму противорѣчій и несообразностей.

Исторія наукъ также обильна примѣрами неправильныхъ обвиненій въ нелѣпостяхъ. Нерѣдко наука презрительно смотритъ на все свое прошедшее; она судитъ его на основаніи своихъ настоящихъ познаній, своихъ настоящихъ пріемовъ и результатовъ и потому находитъ въ немъ безчисленные поводы къ осужденію и очень рѣдкіе къ похвалѣ. Многіе чрезвычайно простодушно довѣряютъ въ этомъ случаѣ такому пониманію истины; они считаютъ за вѣрную только послѣднюю книгу, послѣдній трактатъ науки; старая книга считается негодною, безполезною, наполненною устарѣлыми и ошибочными понятіями. При этомъ они забываютъ, что чѣмъ тверже они держатся *новѣйшаго*, тѣмъ дальше они отъ прочнаго, дѣйствительнаго познанія, потомучто тѣмъ скорѣе ихъ познанія сами переходятъ въ область устарѣлыхъ, неточныхъ и невѣрныхъ.

Любопытный случай недовѣрія къ человѣческому уму представился у насъ лѣтъ десять тому назадъ. Графъ С. С. Уваровъ написалъ небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ: *Достовѣрнѣе ли становится исторія?* Его мысль была та, что едва ли съ теченіемъ времени исторія не потеряетъ своей достовѣрности. Исходя изъ того убѣжденія, что исторія и въ настоящее время представляетъ множество нерѣшонныхъ вопросовъ, неточныхъ и ложныхъ показаній, авторъ указывалъ, что разнообразіе партій, ихъ горячая борьба въ печати и тому подобныя обстоятельства увеличиваютъ до безконечности разнорѣчіе и фальшивость свидѣтельствъ и спрашивалъ, какимъ образомъ историкъ можетъ выпутаться изъ этого хаоса и достигнуть истины?

Очевидно къ подобному вопросу могла привести только увѣренность, что ошибка и заблужденіе — постоянный удѣлъ историка, и

Digitized by Google

что слѣдовательно, чѣмъ больше и чѣмъ сложнѣе его матерьялъ, тѣмъ больше онъ надѣлаетъ невѣрностей. Но предположите только, что историкъ прежде всего есть существо, способное открывать истину, что онъ имѣетъ силу извлекать ее изъ даннаго ему матерьяла, и умѣетъ цѣнить самый матерьялъ, какъ болѣе или менѣе ясное проявленіе истины. Тогда очевидно на оборотъ, чѣмъ обильнѣе эпоха проявленіями всякаго рода, тѣмъ точнѣе и отчетливѣе можетъ быть взглядъ историка.

Вообще можно замѣтить, что подобный скептицизмъ, увѣренность въ силѣ лжи и нелѣпости грѣшатъ противъ надлежащаго взгляда на міръ, на нашу человѣческую жизнь. На самомъ дѣлѣ, что такое нелѣпость? Это понятіе всего опредѣленнѣе формулируется и поясняется примѣрами въ математикѣ, гдѣ оно дѣйствительно сохраняетъ свое надлежащее значеніе. Нелѣпость — есть явное противорѣчіе; утвержденіе напримѣръ, что одна величина въ тоже время и меньше и больше другой. Нелѣпость — есть безсмыслица, мысль, которую невозможно мыслить. Если же такъ, то давать нелѣпостямъ значеніе въ умственной дѣятельности человѣка значитъ унижать умъ. Предполагать всюду несообразности и противорѣчія значитъ представлять себѣ міръ хаосомъ, гдѣ ни въ чемъ нельзя найти никакого смысла. Подобное воззрѣніе противно самой сущности ума, потомучто онъ ищетъ смысла и значенія въ явленіяхъ, а не безсмыслицы. Если хотите, нелѣпостей множество въ мірѣ, но онѣ не имѣютъ никакой важности, ничего интереснаго, ничего глубокаго для нашего ума. Такъ математика не занимается отыскиваніемъ нелѣпостей, не опредѣляетъ и не изучаетъ ихъ; она есть свѣтлая область, и указывая на границу нелѣпостей, она никогда не переходитъ за нее. Если нашъ міръ, исторія человѣчества, исторія наукъ заслуживаютъ изученія, то и они также должны лежать въ границахъ свѣтлаго пространства. Тѣ, которыхъ умъ, прикасаясь къ предметамъ, распространяетъ на нихъ мракъ, ничего этимъ не выигрываютъ, потомучто во тьмѣ имъ нельзя ничего видѣть. Тьма дѣлаетъ всѣ предметы равно ничтожными, равно безцвѣтными и незначительными. Если же они однакоже различаютъ формы и цвѣта, если судятъ о величинѣ и объ отношеніи предметовъ, то это значитъ, что есть свѣтъ, есть смыслъ въ этихъ явленіяхъ, а зрители напрасно утверждаютъ, что ихъ тусклое зрѣніе находитъ всюду одну тьму.

Чѣмъ уже, чѣмъ одностороннѣе чьи-нибудь убѣжденія, тѣмъ больше нелѣпостей онъ находитъ въ мірѣ; немногія мысли, немногіе мнѣнія, согласныя съ ними, онъ считаетъ единственнымъ свѣтомъ истины и все другое признаетъ вздоромъ, такъ что большею

Digitized by Google

частію, укоряя въ нелѣпости другихъ, онъ самъ совершаетъ нелѣпость.

Припомню здѣсь удивительныя слова Лейбница, которыя такъ характеризуютъ его и вмѣстѣ должны быть правиломъ для каждаго мыслителя. «Я нашолъ,» говоритъ онъ, «что большая часть ученій почти всегда справедливы въ томъ что они утверждаютъ, и ошибаются въ томъ что отрицаютъ,» т.-е. въ томъ что признаютъ нелѣпымъ. Въ этихъ словахъ ясно выражается то всеобъемлющее глубокомысліе, которымъ отличается Лейбницъ. Обыкновенно судятъ на оборотъ; умными признаются люди, которымъ нравится отрицаніе, а не утвержденіе, которые во всемъ сумѣютъ найти нелѣпую сторону, которые очень многое бранятъ и ничего не хвалятъ.

Предыдущія замѣчанія могутъ отчасти уяснять пріемы настоящей статьи. Предметъ ея есть ученіе матерьялистовъ о веществѣ и цѣль — опроверженіе нѣкоторыхъ матеріялистическихъ взглядовъ.

Что нынче много матеріялистовъ, что матеріялизмъ пріобрѣлъ въ настоящее время большую силу, это всѣмъ извѣстно. Слѣдовательно предметъ интересный, и если можно опровергать матеріялизмъ, то-есть если онъ на самомъ дѣлѣ есть взглядъ неверный, если само въ себѣ это ученіе ошибочно, то и *должно* его опровергать. Но подъ *опроверженіемъ* разумѣютъ обыкновенно совсѣмъ не то что имѣетъ въ виду настоящая статья. Опровергать обыкновенно значитъ привести къ нелѣпостямъ, указать несообразности и противорѣчія, выставить противниковъ въ самомъ темномъ цвѣтѣ, какой только возможенъ. Между-тѣмъ такого рода опроверженіе очевидно не можетъ имѣть большой силы и большого значенія. Матеріялизмъ конечно представляетъ множество нелѣпостей, но подбирать ихъ и настаивать на нихъ есть дѣло не стоящее труда, потому что очевидно онъ не на нихъ держится; не имя питается; сила его должна заключаться въ чемъ-нибудь разумномъ, въ какихъ-нибудь правильныхъ требованіяхъ ума и слѣдовательно на эти основанія, на глубочайшіе его корни должно обратить все вниманіе. Итакъ прежде всего нужно признать, что матеріялизмъ не есть нелѣпость; нужно постараться понять въ чемъ заключается его дѣйствительная сила и только потомъ можно будетъ сдѣлать надлежащую его оцѣнку. Наилучшее опроверженіе всегда то, при которомъ противнику отдается наибольшая справедливость.

Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ уклоненіе отъ такихъ правилъ. Въ полемикѣ дѣло чаще всего состоитъ не въ томъ, чтобы понять противника, но въ томъ, чтобы *исказить* его. Понимать вообще стараются очень мало; въ этомъ отношеніи матеріялисты вы-

Digitized by Google

воваты больше, чѣмъ кто-нибудь другой. Философскихъ выводовъ они не только не стараются понять, но даже отвергаютъ ихъ на томъ самомъ основаніи, что ихъ непонимаютъ; просто говорятъ: «это все вздоръ, туманная философія, гегельщина!» и тѣмъ дѣло и кончается.

Матеріялисты должны знать, что обратно философія не признаетъ матеріялизма вздоромъ и что слѣдовательно, если она отвергаетъ его, то ея отверженіе имѣетъ полную силу, непрерѣкаемое значеніе. Философія знаетъ матеріялизмъ, матеріялисты же не знаютъ философіи; слѣдовательно философія можетъ судить о матеріялизмѣ, а матеріялисты не имѣютъ права говорить о предметѣ для нихъ незнакомомъ.

Даже для того, чтобы понять матерьялизмъ во всей его силѣ и глубинѣ, необходима помощь философіи. Матеріялизмъ, какъ легко замѣтить, отличается отъ настоящихъ философскихъ системъ своею *безсознательностію*. Онъ не отдаетъ самъ себѣ отчета въ своихъ основаніяхъ и пріемахъ, онъ зараждается въ умахъ нѣкотораго рода произвольнымъ зарожденіемъ и представляетъ массу мнѣній, которыхъ внутренняя связь не извѣстна самимъ обладателямъ ихъ. Поэтому существуетъ безчисленное множество матеріялистовъ, но великихъ матеріялистовъ нѣтъ; опровергая матеріялизмъ, нельзя ни на кого сослаться, какъ на полнаго представителя системы.

Такимъ образомъ *систему* матеріялизма приходится строить самимъ философамъ; они должны отыскать его исходную точку, должны прослѣдить всѣ выводы изъ главнаго начала и должны опредѣлить что послѣдовательно въ утвержденіяхъ матеріялистовъ и въ какихъ случаяхъ они впадаютъ въ непослѣдовательность.

Для того, чтобы убѣдить заранѣе въ необходимости такихъ пріемовъ, я приведу здѣсь примѣръ Бюхнера, на котораго вообще буду обращать особенное вниманіе, какъ на одну изъ великихъ знаменитостей въ своей школѣ, хотя подобная знаменитость какъ нарочно не служитъ школѣ особенною честью.

Извѣстно, что послѣдовательный матеріялизмъ приводитъ къ атомистической теоріи вещества; мы постараемся показать это дальше, и дѣйствительно большая часть матеріялистовъ — атомисты. Между-тѣмъ Бюхнеръ повидимому не держится атомизма. Онъ говоритъ: (Kraft und Stoff, S. 19) «слово атомъ есть только выраженіе для неизбѣжнаго для насъ представленія, которое мы самы полагаемъ на вещество.» Итакъ атомы суть наше представленіе и слѣдовательно въ дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ не существуютъ. Поэтому можно бы подумать, что мы имѣемъ дѣло съ

Digitized by Google

матеріялистомъ, который сознательно пошолъ дальше атомистической теоріи и понимаетъ вещество не въ видѣ атомовъ, а какъ-нибудь иначе. Между-тѣмъ ни чуть не бывало; эта фраза, повидимому столь важная, очевидно попалась въ книгу случайно и навѣяна была спорами объ атомизмѣ, о которыхъ не могъ же Бюхнеръ не знать совершенно.

На самомъ дѣлѣ тамъ же, на той же страницѣ и даже тотчасъ за приведенною фразою, объ атомахъ говорится, какъ о чемъ-то дѣйствительно существующемъ. «Мы не имѣемъ,» говоритъ Бюхнеръ, «никакого дѣйствительнаго понятія о той вещи, которую называемъ атомомъ; мы ничего не знаемъ о его величинѣ, формѣ, составѣ и проч.»

Чрезвычайно-странно, что Бюхнеръ задумывается надъ *составомъ* (Zusammensetzung) атомовъ. Все состоитъ изъ атомовъ, но атомы по самому ихъ понятію не могутъ быть чѣмъ-то составнымъ. Но если онъ и не знаетъ какую величину и какую форму имѣютъ атомы, то все-таки онъ вмѣстѣ съ этимъ признаетъ, что эти вещи имѣютъ *нѣкоторую* величину и *нѣкоторую* форму и слѣдовательно признаетъ, что атомы существуютъ.

Дѣйствительно вся его книга написана атомистическимъ языкомъ. Такъ, говоря о неуничтожаемости вещества (стр. 11), Бюхнеръ объясняетъ, что въ тѣлѣ человѣка «атомы смѣняются, и только ихъ сложеніе остается тоже. Самые же атомы неизмѣнны, неразрушимы: нынче въ этомъ, завтра въ другомъ соединеніи, они различнымъ своимъ расположеніемъ образуютъ безчисленныя формы.»

Какой смыслъ можетъ имѣть это мѣсто, если атомы признаются несуществующими? Если атомовъ нѣтъ, то нѣтъ никакого *неизмѣннаго* вещества; если атомовъ нѣтъ, то чтоже значитъ ихъ *различное расположеніе?* Между-тѣмъ Бюхнеръ нѣсколько разъ повторяетъ, что матерія безконечно дѣлима и даже впадаетъ по этому случаю въ совершенно неправильныя толкованія о микроскопическихъ организмахъ. Противу самыхъ твердыхъ убѣжденій натуралистовъ, онъ утверждаетъ, что микроскопическія животныя имѣютъ сложную и тонкую организацію, что у нихъ такія же отправленія, какъ и у высшихъ животныхъ, что вообще они *живутъ, какъ и всѣ другія животныя* (стр. 17 и 18).

Непослѣдовательность Бюхнера идетъ въ другомъ случаѣ еще дальше. Матеріялистъ, непризнающій атомовъ, повидимому еще дѣло возможное; но что вы скажете о матеріялистѣ, отвергающемъ существованіе *матеріи* и *силъ?* А это именно дѣлаетъ Бюхнеръ. На первой же страницѣ своего сочиненія онъ приводитъ, какъ не сто-

Digitized by Google

рную истину, какъ священный текстъ, слова великаго физіолога нашего времени, Дюбуа-Реймона. Вотъ эти слова: «Если идти до конца, то легко убѣдиться, что ни вещество, ни силы не существуютъ. И то и другое суть отвлеченія, взятыя съ разныхъ точекъ зрѣнія отъ вещей, какъ они суть на самомъ дѣлѣ.»

Бюхнеръ очевидно признаетъ справедливость этихъ словъ; онъ даже пробуетъ потомъ собственными выраженіями изъяснить тоже положеніе. Но если такъ, если сила и вещество суть отвлеченія, если они на самомъ дѣлѣ не существуютъ, то чтоже дѣйствительно существуетъ? Отвѣта на этотъ правильный вопросъ нельзя найти въ цѣлой книгѣ Бюхнера. На первый разъ нельзя не удивляться странному матеріялизму, который отвергаетъ и атомы и силы и самое вещество. Но при нѣкоторомъ вниманіи дѣло легко объясняется. Бюхнеръ, несмотря на всѣ декламаціи противъ авторитетовъ и слѣпой вѣры, очевидно очень подчиняется авторитетамъ; сослаться на такого ученаго, какъ Дюбоа-Реймонъ, было и очень лестно и почти неизбѣжно, и Бюхнеръ, не понявъ хорошенько его словъ, вообразилъ, что можетъ привести ихъ въ свою пользу. На самомъ же дѣлѣ цѣлая книга наполнена выраженіями, по которымъ ясно, что и силы и вещество признаются Бюхнеромъ дѣйствительно существующими. Такъ въ самой попыткѣ объяснить слова Дюбуа-Реймона, онъ говоритъ, что *тѣло, безъ силъ, безъ притяженія между частицами распалось бы въ безформенное ничто* Ничто! какая странная неточность! Совершенно ясно, что хотя бы частицы составили и нѣчто безформенное, неосязаемое, неуловимое, все-таки это будетъ *нѣчто*, а не *ничто*. Все-таки это будетъ вещество и очевидно Бюхнеръ неумѣетъ отдѣлаться отъ него, не въ силахъ представить его несуществующимъ.

Въ этихъ ошибкахъ Бюхнера, касающихся самыхъ существенныхъ точекъ матеріялизма, нельзя не видѣть крайней непослѣдовательности. Очевидно Бюхнеру не хотѣлось отстать отъ значительныхъ людей, которые въ томъ или другомъ отношеніи уже замѣтили несостоятельность матеріялизма и онъ пустился вслѣдъ за ними, не замѣчая самъ куда это приведетъ его.

Итакъ Бюхнеру невозможно довѣряться при изложеніи ученія матеріялистовъ. Мы потеряли бы напрасно время, еслибы стали занимаиться всѣми несообразностями, которыя попадаются въ его книгѣ, или которыя можно бы было найти въ книгахъ другихъ матеріялистовъ. Они рѣдко отличаются систематическою строгостію, рѣдко выражаютъ свои мнѣнія съ надлежащею точностію, и даже часто укрываются отъ возраженій въ темноту и неопредѣленность собственныхъ мыслей. Иной матеріялистъ въ свое *вещество* вла-

Digitized by Google

гаетъ такія принадлежности и такія явленія, что наконецъ его вещество больше похоже на духъ, чѣмъ на вещество.

Между тѣмъ принимаясь сами строить матеріялизмъ, стараясь найти самый глубокій его корень, самую дальнюю исходную точку, мы очевидно прилаемъ ему всю ту силу, какую онъ можетъ имѣть. Если онъ дѣйствительно имѣетъ глубокое основаніе, то онъ долженъ обнаружиться въ явленіяхъ болѣе обширныхъ и болѣе значительныхъ, чѣмъ напримѣръ книга Бюхнера, или другая подобная. Нашедши это основаніе, мы въ состояніи будемъ слѣдить за его проявленіями тамъ, гдѣ можетъ-быть его не предполагали, и сумѣемъ также отличить то что не принадлежитъ ему у писателей явно матерьялистическихъ.

Разсматривая матерьялизмъ такимъ образомъ, мы убѣдимся напримѣръ, что главные его зачатки едвали не должны быть приписаны родоначальнику новой философіи, Декарту, бывшему вмѣстѣ великимъ натуралистомъ и математикомъ (¹). Потомъ матеріялистическое направленіе можно будетъ указать въ цѣломъ ряду великихъ ученыхъ и геніевъ до послѣднихъ временъ. Такъ напримѣръ Ньютонъ, столь извѣстный своимъ благочестіемъ, по складу своего ума принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ матерьялистическаго мышленія.

II

Для того, чтобы найти исходную точку матерьялизма, можно сослаться на обыкновенное мнѣніе, что матеріялизмъ опирается на результатахъ естественныхъ наукъ, и на тотъ дѣйствительный фактъ, что изученіе этихъ наукъ располагаетъ къ принятію матеріялистическихъ убѣжденій. Самая книжка Бюхнера все свое значеніе получаетъ отъ того, что представляетъ не болѣе, какъ *изложеніе результатовъ естественныхъ наукъ въ матеріялистическомъ смыслѣ.*

Что касается до мнѣнія, будто бы матеріялизмъ есть прямое и необходимое слѣдствіе изслѣдованій натуралистовъ, то безъ всякаго сомнѣнія оно несправедливо. Для этого достаточно указать на многихъ великихъ натуралистовъ, которые не были матеріялистами. Декартъ, Ньютонъ, Кювье могутъ служить примѣромъ. Но, что го-

(¹) На это жаловался уже Вольтеръ. «Я зналъ, говоритъ онъ, многихъ, которые были приведены картезіанизмомъ къ отрицанію всякаго божества, кромѣ безконечной совокупности вещей; напротивъ нѣтъ ньютоніанца, который бы не былъ строгимъ теистомъ». Elem. de Philos. 1 Part. Chap. 1.

Digitized by Google

раздо нашнѣе, въ этомъ мнѣніи очевидно неправильно понимается отношеніе наукъ къ философіи. Никакая частная наука не можетъ дать въ результатѣ общаго взгляда на міръ, общей системы существующаго хотя никакая наука въ глубокихъ своихъ основаніяхъ не можетъ противорѣчить истинному міросозерцанію.

Наука — дѣло святое, одна изъ величайшихъ святынь нашего времени. Не даромъ имя ея такъ часто употребляется всуе. Но если мы дѣйствительно признаемъ ея святость, то должны помнить, что стремленіе и развитіе каждой науки есть нѣчто глубокое и непроницаемое. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить тѣ страшныя усилія ума, которыхъ требуетъ каждая наука въ надлежащемъ своемъ смыслѣ. Мы называемъ геніями, посланниками свыше тѣхъ, кто успѣетъ подвинуть ее впередъ. И въ самомъ дѣлѣ — какъ узнаютъ они эти таинственные пути, эти свободныя пространства, недоступныя обыкновенному взору? Большею частію ученые стоятъ ниже современнаго имъ состоянія своей науки и новый духъ въ ней вѣетъ *тамъ, гдѣ хочетъ*. Науки суть самостоятельные организмы, полные глубокаго внутренняго могущества; дѣятельность человѣческаго ума въ каждой изъ нихъ ничѣмъ не стѣсняется и неограничивается и вмѣстѣ проистекаетъ изъ самой глубины ума.

Но поэтому самому жестоко ошибутся тѣ, которые вообразятъ науку оконченною, которые вздумаютъ искать въ ней готовыхъ, опредѣленныхъ результатовъ, разрѣшающихъ общіе вопросы, какіе имъ вздумается предложить. Пока наука еще не готова во всей ея цѣлости, пока она еще растетъ и развивается, до тѣхъ поръ она не имѣетъ права и отказывается давать отвѣты на такіе вопросы; то что многіе выдаютъ за ея результаты суть только неправильныя обобщенія, въ которыя легко впадаетъ мысль. Что удивительнаго, что многіе натуралисты суть матеріялисты? Вѣдь вещество есть нѣчто дѣйствительное; его процесы и явленія существуютъ на самомъ дѣлѣ; слѣдовательно если науки о природѣ до сихъ поръ еще не вышли изъ сферы вещества и его явленій, не поднялись выше этой сферы, то есть возможность, что люди имъ преданные будутъ вѣрить въ существованіе только этой одной сферы. Сами же эти науки очевидно стремятся обнять не одну только вещественную жизнь природы, но и жизнь органическую, жизнь животную и даже человѣческую; слѣдовательно сами эти науки не заражены матеріялизмомъ и при первомъ значительномъ шагѣ впередъ онъ исчезнетъ и у ихъ почитателей и у разработывателей.

Такъ химикъ разсматриваетъ составныя части человѣческаго тѣла, физикъ физическіе процесы, которые въ немъ совершаются,

Digitized by Google

механикъ его механическое устройство и законы его движенія. Всѣ эти изслѣдованія совершенно правильны и истинны; но не справедливо было бы думать, что по ученію химіи весь человѣкъ вся человѣческая жизнь сводится на взаимнодѣйствіе химическихъ элементовъ, по ученію физики на игру физическихъ процесовъ и что по ученію механики человѣкъ не больше какъ машина. Ни одна изъ этихъ наукъ не имѣетъ притязанія разрѣшать загадку человѣческаго бытія, но вмѣстѣ ни одна и не можетъ противорѣчить этой загадкѣ и рано или поздно должна будетъ привести къ ней свои изслѣдованія. А между тѣмъ легко можетъ случиться, что напримѣръ химикъ вообразитъ, что самая сущность человѣка заключается въ томъ что подлежитъ изученію химія.

Такимъ образомъ вообще естественныя науки располагаютъ, то-есть даютъ поводъ къ принятію матеріялизма, но эта система не есть ихъ слѣдствіе, она является при ихъ изученіи вслѣдствіе того философскаго стремленія къ обобщенію, которое вообще создаетъ системы и которое, дѣйствуя безсознательно и ограничиваясь ближайшими предметами и наиболѣе знакомыми пріемами мышленія, возводитъ ихъ на степень единой и абсолютной истины.

Поэтому въ естественныхъ наукахъ и можно искать той исходной точки, о которой мы говорили; они могутъ намъ указать то настроеніе ума, то его особенное, частное стремленіе, на удовлетворенія котораго держится матерьялизмъ. Чтобы избѣгнуть заранѣе упрековъ въ противорѣчіи, замѣтимъ, что частныя стремленія ума вообще законны и нисколько не противорѣчатъ общимъ стремленіямъ, но что ошибка является въ томъ случаѣ, когда частныя стремленія признаются за общія, верховныя и единственныя.

Въ такомъ смыслѣ можно сказать вообще, что умъ человѣческій обманчивъ по самой своей внутренней природѣ. На самомъ дѣлѣ, существенное свойство ума есть его всеобщность, то-есть его ничѣмъ невозмущаемое тожество съ самимъ собою всегда и вездѣ. Въ чемъ мы несомнѣнно убѣждены, то мы считаемъ истиною для ума вообще, слѣдовательно для всякаго другого ума, гдѣ бы и когда бы онъ ни существовалъ. Поэтому каковъ бы ни былъ частный умъ, онъ всегда *самодоволенъ*, всегда признаетъ за собою возможность и право непрерѣкаемо судить о предметахъ.

Признавая за собою непреложность дѣйствій, умъ стремится вмѣстѣ стать достойнымъ такой вѣры въ самого себя, то есть онъ старается быть вполнѣ самостоятельнымъ, ищетъ совершеннаго самообладанія, полной свободы и самосознательности дѣйствій. Между тѣмъ, какъ всякому извѣстно, несмотря на эти старанія, умъ большею частію зависитъ отъ множества вліяній. Онъ имѣетъ еще

Digitized by Google

воспитаніе, свои наслѣдственныя свойства, свои привычки, свои страсти и свои болѣзни. Въ частныхъ умахъ вообще можно встрѣтить тысячи особенностей. Понятно, что если умъ, сильно подчинившійся этимъ вліяніямъ и особенностямъ, будетъ однакоже признавать себя за общій умъ, то отсюда проистекутъ самыя разнообразныя заблужденія.

Каковъ умъ, таковы его и требованія. То есть смотря по своимъ особенностямъ онъ будетъ однимъ удовлетворяться, одно признавать яснымъ, понятнымъ, истиннымъ, а другое отвергать. Извѣстныя занятія извѣстную умственную дѣятельность, частный умъ будетъ находить пріятною, дѣльною, существенно-важною, а на другія смотрѣть съ презрѣніемъ.

Поэтому то что удовлетворяетъ умъ, не всегда есть истина, даже большею частію не есть истина. Петрушка Чичикова, какъ намъ извѣстно, занимаясь чтеніемъ, находилъ удовольствіе въ томъ, что «изъ буквъ вѣчно выходитъ какое-нибудь слово, которое иной разъ чортъ знаетъ что и значитъ.» И тутъ, какъ видите, было своего рода умственное удовлетвореніе, притомъ законное и правильное, хотя до какой-нибудь истины отсюда еще очень далеко. Конечно и человѣкъ, умѣющій только находить связь между словами, но мирный читатель, равнодушно поглощающій изложеніе разнообразнѣйшихъ мнѣній, тысячи извѣстій и событій, или утѣшающій свою жизнь безконечною вереницею романовъ, также не можетъ быть названъ ни любителемъ и искателемъ истины, ни любителемъ изящнаго.

Между тѣмъ какъ часто самая ничтожная дѣятельность ума считается совершенно достаточною, какъ-будто тотъ, кто ей предается, уже черпаетъ изъ самаго источника правды. На этомъ основанъ даже тотъ преувеличенный авторитетъ, который нерѣдко придаютъ ученымъ вообще. У ученаго обыкновенно подозрѣваютъ особенную мудрость, какую-то глубину и остроту ума, тогда какъ нерѣдко ученый цѣлую свою жизнь только повторяетъ какой-нибудь простѣйшій умственный пріемъ, напримѣръ опредѣляетъ насѣкомыхъ или грамматическія формы словъ въ греческихъ книгахъ. Хорошо, если ученые сами видятъ цѣль и значеніе своихъ умственныхъ занятій, но случается и противное. Такъ иной физикъ или физіологъ цѣлую жизнь дѣлаетъ наблюденія и цѣлую жизнь заботится объ ихъ *точности* и восхищается ихъ точностью, не замѣчая, что у него большая часть наблюденій, какъ слова у Петрушки Чичикова, чортъ знаетъ что значатъ. Вообще спеціалисты находятъ полное удовлетвореніе ума иногда въ вещахъ самыхъ незначительныхъ. Извѣстные научные пріемы и формы дѣлаются для ученаго столь

Digitized by Google

пріятными, что онъ, повторяя ихъ безпрестанно, совершенно доволенъ и забываетъ, а иногда и презираетъ все остальное.

Въ этомъ отношеніи издавна и съ большимъ соблазномъ прославились математики. Извѣстно, что математика собственно говоря ничему не научаетъ; она есть наука формальная, то-есть она не заключаетъ въ себѣ никакихъ познаній о чемъ-нибудь дѣйствительно существующемъ, не даетъ ни малѣйшей точки опоры для сужденія о дѣйствительности. Между тѣмъ математики до того влюбляются въ свои строгія выкладки, въ свои наглядныя построенія, въ точныя, отчетливыя и тонкія соображенія, что начинаютъ высокомѣрно смотрѣть на всѣ другія науки. Все кажется имъ шаткимъ, неточнымъ, неопредѣленнымъ. «Говоря строго — пишетъ Лапласъ, — всѣ наши познанія только *вѣроятны;* съ достовѣрностью намъ извѣстно немногое, именно то что содержатъ науки математическія...» (¹) Если только вспомнимъ, что науки математическія не содержатъ ровно ничего, никакого реальнаго познанія, то намъ будетъ понятно, почему математики должны приходить къ скептицизму, къ невѣрію во всякое познаніе. Дѣйствительно какъ натуралисты часто бываютъ матеріялистами, такъ точно математики дѣлаются скептиками; скептицизмъ замѣтно парализуетъ ихъ умственную дѣятельность во всей остальной области познаній, а иногда уступаетъ мѣсто непростительному суевѣрію, въ которомъ умъ ихъ ищетъ пищи, ненаходимой въ пустынѣ математическихъ соображеній. Паскаль и Ньютонъ не единственные примѣры такого повидимому страннаго поворота. Въ прошломъ вѣкѣ Даламберъ находилъ нужнымъ защищать математиковъ противъ упрековъ въ сухости и безплодіи ихъ ума. (²) Разумѣется ему и въ мысль не приходитъ, чтобы эти упреки были справедливы и онъ полагаетъ даже, что математика есть лучшее приготовленіе къ философіи. Вообще сказать этого никакъ нельзя, потомучто и самый скептицизмъ математиковъ не есть настоящій философскій скептицизмъ, но является *безсознательно*, какъ матеріялизмъ натуралистовъ.

Очевидно, что при частныхъ занятіяхъ умственная дѣятельность совершается однакоже правильно, что она требуетъ даже особеннаго напряженія, имѣетъ важное и ничѣмъ не замѣнимое значеніе, и что только неправильное значеніе, которое придаетъ ей умъ, ведетъ къ заблужденію. Если мы теперь изслѣдуемъ, какая частная дѣятельность ума требуется науками естественными, то въ

(¹) Essai philos. sur les probab. p. 1.
(²) Enciclop. mathem. art. «Geometre».

Digitized by Google

этой дѣятельности и найдемъ источникъ матеріализма. Какъ скоро эта дѣятельность идетъ правильно и сообразуется гармонически съ другими требованіями мышленія, ошибки не будетъ; какъ скоро она считается абсолютною и единою, является матеріализмъ.

III

Естественныя науки занимаются внѣшнимъ міромъ или природою. Природою въ этомъ смыслѣ называется именно все то, что находится *внѣ* духа, слѣдовательно познается какъ внѣшнее или вообще можетъ быть познаваемо какъ внѣшнее.

Что значитъ здѣсь *внѣ*, можно объяснить себѣ такимъ образомъ. Духъ или мышленіе при такихъ выраженіяхъ представляется какъ точка, какъ нѣкоторый центръ, изъ котораго разсматривается существующее. То что полагается несосредоточеннымъ и по своей сущности находящимся только на окружности, называется поэтому внѣшнимъ. Дѣятельность, которую обнаруживаетъ умъ, обращаясь къ внѣшнимъ предметамъ, называется *представленіемъ*. Поэтому всѣ естественныя науки постоянно занимаются *представленіемъ*, все равно будетъ ли это представленіе дѣйствительныхъ предметовъ, или только предполагаемыхъ, напримѣръ эфиръ, атомы и т. п. Матеріализмъ есть именно система, основанная на дѣятельности представленія, ограничивающая всѣ познанія этою дѣятельностью и потому отвергающая всякое другое *пониманіе* вещей.

На самомъ дѣлѣ понятно, что если я что-нибудь ясно *представляю* себѣ, то имѣю нѣкоторое познаніе объ этомъ предметѣ; вообразите систему только такихъ познаній, которыя *представляемы*, — это будетъ матеріализмъ.

Представленіе въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы здѣсь употребляемъ это слово, легко отличается отъ всякаго другого мышленія или пониманія. Именно оно имѣетъ двѣ опредѣленныя формы, *пространство* и *время*; оно обнаруживается только въ этихъ формахъ и притомъ непремѣнно въ той и другой вмѣстѣ. Представлять или воображать себѣ что-нибудь, значитъ мысленно видѣть это въ пространствѣ и времени. Весь внѣшній міръ или природу мы мыслимъ не иначе, какъ въ пространствѣ и времени. Въ этихъ формахъ мы представляемъ все что воспринимаемъ какъ внѣшнее, и также все что только мыслимъ какъ внѣшнее; такъ напримѣръ, хотя мы не замѣчаемъ, какъ земля вращается около своей оси, но мы легко можемъ себѣ это представить, такъ какъ это есть явленіе пространственное и временное.

Digitized by Google

Высочайшее чувство для воспріятія внѣшняго міра есть зрѣніе; поэтому у философовъ представленіе называется особеннымъ терминомъ, именно *воззрѣніемъ* (Anschauung). Натуралисты дѣйствительно больше всего употребляютъ зрѣніе; это ихъ главное чувство, *міровое чувство*, какъ называетъ Фрисъ.

Представленіе въ извѣстномъ смыслѣ есть простѣйшее и первоначальнѣйшее дѣйствіе мышленія; оно столь обыкновенно и столь ясно, что чаще всего его не замѣчаютъ, какъ особенное дѣйствіе, не считаютъ его въ числѣ другихъ проявленій ума. Поэтому одна изъ величайшихъ заслугъ одного изъ величайшихъ философовъ, именно Канта, состоитъ въ анализѣ представленія.

Чтобы убѣдиться въ особенностяхъ представленія, въ его отдѣльности отъ остальной области мышленія, нужно углубиться въ значеніе его формъ, *пространства* и *времени*. Эти два слова обозначаютъ намъ предметы до того ясные, до того опредѣленные и отличные отъ всѣхъ другихъ, что мысль, разъ остановившись на нихъ, не можетъ не подозрѣвать ихъ настоящаго значенія.

Мы можемъ представлять себѣ, что не существуетъ какой угодно предметъ, даже что весь міръ не существуетъ; но мы *не можемъ представить, что не существуетъ пространство* и *время*. Что же это значитъ? Только то, что, не представляя пространства и времени, нельзя ничего представлять, что безъ нихъ самое представленіе невозможно.

Пока намъ не нужно здѣсь изслѣдовать сущность представленія, опредѣлять, въ чемъ состоитъ эта дѣятельность; мы стараемся только найти, чѣмъ оно отличается, съумѣть отличить его отъ другихъ умственныхъ дѣятельностей. Поэтому для насъ довольно знать, что представленіе совершается не иначе, какъ подъ условіемъ пространства и времени; то-есть какъ скоро мы начинаемъ представлять, то необходимо представляемъ пространство и время, и какъ-будто уже потомъ, уже на готовомъ фонѣ рисуемъ какія намъ угодно фигуры.

Мы не будемъ здѣсь рѣшать вопроса о томъ, что такое пространство и время? но очевидно вопросъ этотъ самъ собою является на этомъ мѣстѣ. Такъ какъ мы назвали представленіе умственною дѣятельностью, то рѣшеніе это должно бы имѣть слѣдующій видъ. Мы должны бы были показать, что представленіе есть одна изъ необходимыхъ дѣятельностей мышленія, то-есть, что по самой сущности мышленія одно изъ его проявленій должно быть представленіе. Далѣе нужно было бы вывести, что представленіе необходимо должно имѣть двѣ формы, что этихъ формъ можетъ

Digitized by Google

быть только двѣ и что они должны быть именно такія, какъ вопервыхъ — пространство, и вовторыхъ — время.

Въ настоящемъ случаѣ для насъ важнѣе всего то, что самый вопросъ существуетъ, что онъ требуетъ рѣшенія и что рѣшеніе это возможно. Вопросъ, *что такое пространство и время?* явился у насъ потому, что мы обратили вниманіе на самую дѣятельность представленія, стали *мыслить о представленіи*. Но тотъ, кто не мыслитъ, а только представляетъ, очевидно, что бы и сколько бы ни представлялъ, не можетъ встрѣтить подобнаго вопроса.

Въ самомъ дѣлѣ представимъ себѣ, что чья-нибудь умственная дѣятельность ограничивается только представленіемъ. Очевидно онъ можетъ предложить вопросъ такого рода: что такое китъ? Этотъ вопросъ требуетъ *представленія* кита, то-есть отвѣтъ долженъ состоять изъ описанія формы, устройства, движеній и пр. названнаго животнаго, такъ чтобы спрашивающій могъ его себѣ представить. Пространство и время здѣсь какъ бы уже готовое полотно и нужно только на нихъ рисовать.

Но отвѣтъ становится невозможнымъ, какъ скоро это полотно отнимается и слѣдовательно рисовать не на чемъ. Когда спрашивается, что такое пространство и время, то я уже не могу отвѣчать какими-нибудь пространственными или временными объясненіями: я долженъ отвѣчать чѣмъ-нибудь такимъ, куда бы уже не входило пространство и время; слѣдовательно если у меня есть только одни представленія, то я не могу отвѣчать, потомучто для представленія уже необходимо нужны пространство и время.

Если же такъ, то здѣсь мы можемъ повѣрить, справедливо ли наше опредѣленіе матеріализма. Если матеріализмъ дѣйствительно состоитъ изъ однихъ представленій, то въ немъ не должно быть отвѣта на этотъ вопросъ, и даже самый вопросъ долженъ казаться чѣмъ-то темнымъ, непроницаемымъ для мысли.

Дѣйствительно это такъ. Какъ одну изъ самыхъ глубокихъ отличительныхъ чертъ матеріализма можно привести то, что матеріализмъ не знаетъ, что такое пространство и время, и даже не знаетъ, что объ этомъ можно спрашивать и слѣдовательно мыслить, и слѣдовательно отвѣчать на вопросъ.

Тоже самое должно сказать и о всей области естественныхъ наукъ. О пространствѣ и времени, какъ о чемъ-то особенномъ, они знаютъ только изъ языка. Языкъ, живая человѣческая рѣчь, строится внутреннею силою народнаго смысла; въ немъ дѣйствуютъ глубокія философскія начала. Поэтому въ языкѣ существуютъ такія отвлеченія, какъ *пространство* и *время*. По духу языка возможенъ вопросъ, *что такое пространство и время?* Но матеріалисты и на-

Digitized by Google

туралисты невольно задавая себѣ такой возможный вопросъ, останавливаются передъ нимъ, какъ-будто онъ былъ какимъ-то случайнымъ сочетаніемъ словъ, несодержащимъ никакого смысла.

Математики, астрономы, натуралисты всякаго рода — безпрестанно встрѣчаются съ этими таинственными предметами, *пространствомъ* и *временемъ*, безпрестанно замѣчаютъ это чистое полотно, на которомъ они стараются изобразить себѣ ту или другую часть великаго мірозданія. Нерѣдко они и говорятъ о пространствѣ и времени, но легко убѣдиться, что натуралисты никогда не дѣлали никакого, даже самаго малаго успѣха въ пониманіи или разрѣшеніи этого недоступнаго для нихъ вопроса. Очень нерѣдко у нихъ попадается выраженіе — *всякому извѣстно, что такое пространство и время*. Такъ Ньютонъ въ своей безсмертной книгѣ: «Principia mathematica philosophiae naturalis», говоритъ: *не опредѣляю что такое время и пространство, такъ какъ это всѣмъ совершенно извѣстно*. Но очевидно, вопросъ здѣсь такого рода, что на него совершенно умѣстно было бы дать извѣстный отвѣтъ: пока меня не спрашиваютъ что́ такое пространство и время, мнѣ кажется, что я знаю ихъ; а какъ спросили, оказывается, что незнаю. И дѣйствительно — всѣ знаютъ пространство и время — это значитъ только, что всѣ ихъ представляютъ; вопросъ же требуетъ не того, чтобы мы ихъ представляли (что и легко и неизбѣжно), а чтобы мы объ нихъ мыслили, чтобы составили о нихъ понятіе.

Такимъ образомъ изъ всего предыдущаго ясно, что *возможно мышленіе безъ представленія;* ибо иначе мы должны отказаться отъ всякихъ вопросовъ о пространствѣ и времени. Но мы знаемъ, что мысль не терпитъ принужденія; ей все позволено; для нея не существуетъ дерзости или несговорчивости. Слѣдовательно мы волей-неволей должны признать за нею право дѣйствовать не стѣсняясь представленіями.

Матеріалисты, если хотятъ быть послѣдовательными, не должны вовсе предлагать себѣ вопросовъ о пространствѣ и времени. Такъ они и дѣлаютъ; такъ дѣлаетъ и Бюхнеръ. Только въ одномъ мѣстѣ, но зато совершенно неожиданно, отрывочно и ни съ чѣмъ не сообразно у него является слѣдующая фраза: *къ веществу не приложимы понятія о пространствѣ и времени, извнѣ привнесшіяся нашему конечному духу* (стр. 17).

Къ сожалѣнію эта фраза принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя могутъ невозвратно погубить автора въ глазахъ читателя; еслибы тысячеустая молва не повторяла имени Бюхнера, то конечно не стоило бы и останавливаться на такихъ странностяхъ. Можно сильно ошибаться въ убѣжденіяхъ, можно дурно и неточно выражаться;

Digitized by Google

но непозволительно ридиться въ павлиньи перья, не позволительно усильно давать своимъ выраженіямъ философскій оттѣнокъ и набрать наконецъ столько чужихъ, дурно-понимаемыхъ словъ, что вышла дикая неладица и противорѣчіе съ самимъ собою.

Мысль, которую хочетъ сказать Бюхнеръ, чрезвычайно проста; приведенная фраза служитъ у него выводомъ изъ того, что намъ трудно представить, что вещество не имѣетъ конца въ пространствѣ и времени и что оно также дѣлимо до безконечности. Тутъ безконечность представляетъ трудность для представленія. Но съ чего Бюхнеръ взялъ, что это зависитъ отъ *нашихъ понятій* о пространствѣ и времени, совершенно непонятно. На самомъ дѣлѣ, если что всего легче представить себѣ безконечнымъ и безконечно-дѣлимымъ, такъ именно пространство и время.

Какія это *наши понятія* о пространствѣ? Какія есть другія извѣстныя Бюхнеру? Этого онъ не объясняетъ, нигдѣ и не касается этого вопроса.

Что значитъ *извнѣ привитыя?* Развѣ есть внутреннія, апріорическія? Но Бюхнеръ потомъ всѣми силами доказываетъ, что существуютъ только одни извнѣ привитыя понятія.

Наконецъ что значитъ *нашъ конечный духъ?* Слѣдовательно есть духъ безконечный? И онъ имѣетъ другія понятія? Не извнѣ привитыя?

Куда это наконецъ мы уходимъ отъ чистаго, голаго матеріализма, отъ точныхъ результатовъ естественныхъ наукъ?

Къ сожалѣнію вся книга Бюхнера отличается такого рода мальщенностью, доходящею почти до недобросовѣстности. Чтобы говорить извѣстнымъ языкомъ, нужно понимать этотъ языкъ; чтобы приводить мѣста изъ писателей, нужно понимать этихъ писателей. Бюхнеру хотѣлось сдѣлать свою книгу философскою и вотъ онъ подбираетъ тѣ выраженія и цитаты изъ философовъ, которыя кажутся ему понятными; отъ этого книга получаетъ фальшивый блескъ, но въ глазахъ знающихъ тѣмъ ниже падаетъ.

Итакъ мы можемъ, несмотря на случайную фразу Бюхнера, принять, что матеріалисты не составляютъ понятій о пространствѣ и времени, такъ что самая возможность этихъ понятій уже подрываетъ основанія матеріализма.

Если въ этомъ случаѣ рѣшать вопросъ, что такое пространство и время, кажется труднымъ, слѣдовательно трудно *мыслить безъ представленій*, трудно понимать что-нибудь безъ помощи пространства и времени, то въ другихъ случаяхъ мышленіе безъ представленій бываетъ гораздо легче. Замѣтимъ поэтому, что вообще такое мышленіе есть дѣло очень обыкновенное, ежедневное, свойственное

Digitized by Google

каждому. У насъ есть цѣлый разрядъ явленій, которыя являются намъ только во времени, но не въ пространствѣ, слѣдовательно никакъ не могутъ быть вполнѣ представляемы. Сюда принадлежатъ напримѣръ страсти, чувства, желанія и пр. вообще всѣ душевныя явленія. Говоря о нихъ, мы совершенно ясно знаемъ о чемъ говоримъ; такъ какъ это наши собственныя состоянія, то мы знаемъ ихъ даже лучше, чѣмъ явленія намъ чуждыя, внѣшнія для насъ. Представить ихъ въ пространствѣ мы однакоже никакъ не можемъ.

При всемъ томъ мышленіе представляющее для насъ несравненно легче и съ него первоначально начинается процесъ самого мышленія. Мы легче анализируемъ, легче обнимаемъ не самую страсть, а ея выраженіе въ видѣ явленій представляемыхъ, напримѣръ въ чертахъ лица, въ взглядахъ, въ движеніяхъ и проч. Между тѣмъ центръ и смыслъ всего этого заключается внутри, въ явленіи непредставляемомъ.

Такъ какъ мышленіе начинается представленіями, то отъ этого произошло, что языкъ, который является уже при первыхъ явленіяхъ мышленія, имѣетъ описательный характеръ, то-есть характеръ представленій. Языкъ преисполненъ образовъ и самыя отвлеченныя слова по своему значенію имѣютъ смыслъ представительный. *Совершенство* происходитъ отъ *верхъ*, *понятіе* отъ *понимать*, т.-е. обнимать, схватывать и т. д. Мы говоримъ — теченіе мыслей, волненіе души, и пр. Намъ невозможно избѣжать этихъ выраженій; потому и философскія книги, въ которыхъ идетъ дѣло о мышленіи предметовъ, а не объ ихъ представленій, и они пишутся языкомъ представленій. Въ этомъ заключается одна изъ главныхъ трудностей ихъ пониманія; въ нихъ языкъ представленій долженъ выражать непредставляемые предметы. Совершенно обратную трудность представляютъ книги по математическимъ и физическимъ наукамъ. Здѣсь темнота является какъ слѣдствіе сложности самыхъ представленій, вслѣдствіе того, что кромѣ представленій ничего нѣтъ. Мы легче понимаемъ исторію или романъ, потомучто тутъ смѣшиваются и представленія и понятія непредставляемыя.

Послѣ этого понятно, что ученые, постоянно занятые представленіями, обращенные всѣмъ своимъ вниманіемъ ко внѣшнему міру, должны развивать въ себѣ въ сильной степени представительное мышленіе, тогда какъ способность мыслить безъ образовъ остается неразвитою и темною. Имъ остается неясныиъ, спутаннымъ все, чего нельзя представить и дѣло часто кончается совершеннымъ отверженіемъ всего что непредставляемо. При этомъ никто не вздумаетъ подумать, что онъ не вполнѣ развилъ свою способность мыслить; учиться мышленію никто не хочетъ; какъ извѣстно въ этомъ

Digitized by Google

отношеніи всѣ болѣе силошны учить, чѣмъ учиться. И вотъ является крайній, сильнѣйшій аргументъ матеріялистовъ: помилуйте, говорятъ, я этого *не понимаю* (слѣдовательно это нелѣпость); я этого никакъ *не могу себѣ представить* (слѣдовательно это не существуетъ).

Такъ какъ матеріялизмъ отрицаетъ всю область мышленія кромѣ представленія, то отсюда необходимо является его существенная черта — отрицаніе множества явленій. Убѣжденія матеріялистовъ по преимуществу состоятъ въ томъ, что они отвергаютъ и то, и другое, и третье. Припомните слова Лейбница — *системы большею частію ошибаются, когда отрицаютъ.* И дѣйствительно матеріялизмъ есть одна изъ самыхъ ошибочныхъ системъ.

IV

Подойдемъ теперь ближе и посмотримъ что же признаютъ матеріялисты.

Для нихъ, какъ основа всему сущему, существуетъ пространство и время; и то и другое признаются не имѣющими никакой основы, необходимо существующими, потомучто ихъ невозможно не мыслить, т.-е. невозможно не представлять. Другими словами матеріялизмъ представляетъ себѣ пространство и время и далѣе не идетъ.

Вотъ первозданная стихія матеріялизма. Безконечное пустое пространство, безконечное пустое время — вотъ условіе всѣхъ вещей, вотъ ихъ главный корень, вотъ то что содержитъ въ себѣ все существующее и безъ чего ничто не могло бы быть.

Вѣрный своему началу, матеріялизмъ не сомнѣвается въ бытіи этого безконечнаго пустого пространства и безконечнаго пустого времени; онъ ихъ представляетъ, онъ не можетъ ихъ не представлять, слѣдовательно они существуютъ, они суть нѣчто сущее.

Въ такомъ убѣжденіи матеріялизмъ естественно впадаетъ въ намѣреніе описать то, что онъ знаетъ. Дѣйствительно математики и физики нерѣдко описываютъ пространство и время. Они говорятъ напримѣръ:

Пространство не имѣетъ границъ; части его ничѣмъ не отличаются одна отъ другой; оно неподвижно; оно повсюду проницаемо.

Всматриваясь въ это описаніе, легко замѣтить здѣсь что-то несообразное. Прежде всего ясно, что всѣ признаки приписываемые пространству, чисто отрицательные. Очевидно описаніе пространства составлено по образцу описанія *физическаго тѣла;* всякое тѣло непроницаемо, подвижно, имѣетъ границы, и части его отличаются

Digitized by Google

по своему положенію; пространство не имѣетъ этихъ опредѣленій. Слѣдовательно пространство противополагается тѣлу, такъ что тѣло и пространство здѣсь ставятся на одномъ ряду и ихъ существенныя свойства суть вмѣстѣ ихъ существенныя различія.

Нельзя не почувствовать, что такое сопоставленіе не совсѣмъ правильно; и въ самомъ дѣлѣ гдѣ основанія для того, чтобы сравнивать пространство именно съ тѣломъ, а не съ чѣмъ-нибудь другимъ, напримѣръ хотя бы съ *временемъ*? Признаки пространства у физиковъ выходятъ дѣйствительно странные, какъ и должно быть когда сравниваются два неоднородные предмета. Нельзя напримѣръ рѣшать, какъ замѣтилъ Пигасовъ, дважды-два больше или меньше стеариновой свѣчи, или какъ у Пушкина, что лучше — хорошій завтракъ или дурная погода?

Пространство не имѣетъ границъ. Но развѣ понятіе границы приложимо къ пространству? Граница есть предѣлъ между одною и другою частью пространства; слѣдовательно можно говорить только о границахъ *въ пространствѣ*, а не о границахъ пространства. Сказать — пространство не имѣетъ границъ значитъ тоже, что сказать: *пространство занимаетъ собою все пространство.*

Части пространства ни чѣмъ не отличаются одна отъ другой. Очевидно однакоже, что само по себѣ пространство и не можетъ имѣть никакихъ частей. Мы можемъ различать части только въ томъ что существуетъ въ пространствѣ; найдя опредѣленныя части, мы можемъ и сравнивать ихъ между собою и рѣшать одинаковы ли они или нѣтъ. Сказать же о пространствѣ, что оно подобно себѣ, значитъ сказать только, что *въ каждомъ мѣстѣ пространства существуетъ одинаковое пространство.*

Пространство неподвижно. Опять къ пространству прилагаются понятія, которыя къ нему не могутъ быть прилагаемы. Движеніе возможно только въ пространствѣ; нелѣпо воображать, что пространство само заключено въ какомъ-то другомъ пространствѣ и предлагать себѣ вопросъ — движется ли оно въ немъ, или нѣтъ? Нелѣпо также сказать: каждая часть пространства постоянно остается въ той же части пространства.

Пространство всюду проницаемо. Здѣсь отъ пространства отрицается положительный признакъ сопротивленія какому-нибудь движенію. Но что такое движеніе? Перемѣна мѣста, переходъ изъ одной части пространства въ другую. Слѣдовательно движеніе возможно только при существованіи пространства. И обратно — пространство кромѣ возможности движенія, ничего въ себѣ не заключаетъ, т.-е. оно не только не сопротивляется движенію, но и не ускоряетъ его, и не измѣняетъ его направленія и вообще не упра-

Digitized by Google

власть ни никакимъ образомъ. Сказать, что пространство проницаемо — значитъ сказать очень мало; нужно вообще сказать, что пространство само въ себѣ не заключаетъ никакихъ силъ, производящихъ явленія и никакихъ законовъ, по которымъ эти явленія происходятъ. Словомъ, что въ пространствѣ всюду находится только пространство и ничего болѣе.

Не менѣе странны бываютъ и описанія времени. Напримѣръ великій Ньютонъ выражается такъ, что время *течетъ равномѣрно* (æquabiliter fluit). Но чтоже это значитъ? Не болѣе, какъ то, что въ равныя времена проходитъ равныя времена. Или также Ньютонъ очень замысловато замѣчаетъ, что *порядокъ* частей времени и пространства неизмѣняемъ. Если выразимъ точнѣе туже мысль, то мы должны будемъ сказать напримѣръ, что нельзя взять часть времени изъ одной части времени и перенести ее въ другую.

Вообще при всѣхъ подобныхъ описаніяхъ является немыслимое раздвоеніе пространства и времени, т.-е. само пространство воображается помѣщеннымъ еще въ другомъ пространствѣ, и время проходящимъ еще въ другомъ времени.

Чтоже мы выведемъ изъ этого разбора? Вопервыхъ то, что натуралисты не имѣютъ никакой возможности сказать что бы то ни было о пространствѣ и времени. Если они начинаютъ говорить объ этомъ, то слова ихъ ничего не выражаютъ. Потомъ, изъ предыдущаго разбора видно, почему натуралисты ошибаются, воображая, что могутъ описывать пространство и время. Они полагаютъ, что это какъ бы дѣйствительные предметы, какъ бы дѣйствительная основа и нѣдро міроздания; а между-тѣмъ, когда вздумаютъ поставить эту основу въ существенное отношеніе, въ настоящую связь съ предметами существующими, то оказывается, что пространство и время ничего не опредѣляютъ, какъ ничему и не мѣшаютъ, что въ нихъ въ полномъ смыслѣ слова нѣтъ ничего. У нихъ нѣтъ никакихъ свойствъ и потому ничто не можетъ зависѣть отъ ихъ свойствъ; ихъ ни съ чѣмъ нельзя сравнивать и ни отъ чего отличать. Съ другой стороны пространство и время вовсе не являются намъ чѣмъ-то таинственнымъ, въ чемъ бы можно было искать болѣе глубокой сущности. Нельзя сказать — пусть эти свойства негодятся; поищемъ другихъ, болѣе дѣйствительныхъ. Напротивъ мы совершенно хорошо знаемъ пространство и время, мы такъ-сказать видимъ ихъ насквозь и разсуждаемъ о нихъ, какъ бы опираясь на пониманіе самой ихъ сущности.

Итакъ мы знаемъ пространство и время, и однакоже въ этомъ знаніи не содержится никакого дѣйствительнаго познанія. Это зна-

Digitized by Google

ніе похоже на формулу A = A, которая конечно совершенно ясна, но зато и совершенно ничего не содержитъ.

Отсюда очевидно, что мы имѣемъ дѣло не съ дѣйствительными предметами, а съ отвлеченіями, съ созданіями нашего собственнаго мышленія, которыя потому-то и ясны, что цѣликомъ созданы нами же самими, потому и недаютъ намъ никакого понятія о дѣйствительности, что совершенно отъ нея оторваны.

На самомъ дѣлѣ легко показать, что убѣжденіе натуралистовъ въ дѣйствительномъ существованіи пустого или чистаго пространства и пустого или чистаго времени есть слѣдствіе нѣкотораго рода оптическаго обмана, который заставляетъ ихъ невольно раздвоять все воспринимаемое изъ внѣшняго міра, такъ-что они всюду видятъ или представляютъ вопервыхъ пустоту, а вовторыхъ то что наполняетъ эту пустоту.

Дѣйствительно, обратимся къ опыту, къ непосредственному наблюденію. Кто, гдѣ и когда видѣлъ пустое, всюду себѣ подобное пространство, или время? По самой сущности дѣла пустого пространства или времени и воспринимать нельзя. Для воспріятія необходимо, чтобы что-нибудь было въ пространствѣ и времени, т. е. необходимо, чтобы пространство не было вездѣ одинаково и время непредставляло какого-то однороднаго теченія. Сущность міра заключается именно въ томъ, что время и пространство наполнены, а не пусты. Само собою понятно, что до-тѣхъ-поръ, какъ мы умышленно будемъ представлять ихъ себѣ совершенно пустыми, до-тѣхъ-поръ мы не будемъ имѣть возможности поставить ихъ въ связь съ дѣйствительнымъ бытіемъ, до-тѣхъ-поръ пространство и время будутъ для насъ самымъ мертвымъ, самымъ ничтожнымъ, самымъ непонятнымъ и ни кчему не ведущимъ предметомъ.

Математики и астрономы часто говорятъ, что части пространства ничѣмъ не отличаются одна отъ другой. Но если мы возьмемъ дѣйствительное, настоящее пространство, то найдемъ между его частями огромныя различія. Міръ заключается въ пространствѣ и слѣдовательно части пространства отличаются между собою точно также какъ части міра. Въ одной вы находите твердую землю; въ другой подвижное море, втретьей тонкій воздухъ, или наконецъ лучи небесныхъ свѣтилъ, такъ что самое прямое и простое наблюденіе, первая черта въ описаніи дѣйствительнаго міра, будетъ состоять въ томъ, что части мірового пространства не одинаковы, не похожи одна на другую.

Мы выражаемъ это при помощи того раздвоенія, о которомъ сказано выше; мы говоримъ: однородныя части пространства за-

Digitized by Google

ляны или наполнены разнородными предметами. Разсмотрите внимательнѣе такое выраженіе и вы убѣдитесь, какъ оно обманчиво.

Тѣла занимаютъ пространство. Можно подумать, что тѣло и пространство совершенно независимы между собою, что пространство есть ящикъ, въ который можно положить что угодно и которому все равно что́ въ немъ лежитъ. Между-тѣмъ тѣла *необходимо* занимаютъ пространство, потомучто протяжонность есть ихъ существенное свойство. Пространство не только *содержитъ* въ себѣ тѣла, оно *содержится* въ самихъ тѣлахъ; не оно даетъ мѣсто тѣламъ, но сами тѣла по своей сущности обладаютъ своимъ протяженіемъ.

Для насъ не ясно обратное предложеніе, именно, что *пространство необходимо должно представлять въ себѣ тѣла.* Но понятно, что это и есть то самое предложеніе, которое мы должны стремиться доказать, если хотимъ постигнуть міръ. Разнообразіе пространства и времени есть, какъ мы сказали, первый фактъ, первое простѣйшее и самое общее явленіе. Найти его причины — значитъ не что иное, какъ показать необходимость происхожденія этого факта, его неизбѣжное явленіе изъ самой сущности вещей.

То, что сказано о пространствѣ, можно вполнѣ примѣнить и ко времени; не только міровыя явленія совершаются *во* времени, но они по самой сущности своей *временныя;* не только время ихъ содержитъ въ себѣ, но они сами неизбѣжно содержатъ въ себѣ время. Обратное предложеніе, что время необходимо должно представлять явленія, что части его неизбѣжно должны различаться по содержанію, — это предложеніе есть цѣль, къ которой мы неизбѣжно стремимся, есть теорема, которая заранѣе признается человѣческимъ умомъ и которой доказательство онъ всячески старается найти.

Что міровое пространство и время не суть тѣ пустыя формы, которыя такъ легко представляются и которыя не имѣютъ никакой связи съ тѣмъ что въ нихъ содержится, въ этомъ можно убѣдиться множествомъ соображеній. Говорятъ напримѣръ, что пространство проницаемо, что оно безразлично къ движенію и мѣсту тѣлъ. Между-тѣмъ математики потомъ приходятъ въ сильное затрудненіе, когда оказывается, что тѣла обнаруживаютъ *сопротивленіе*, когда что-нибудь измѣняетъ ихъ положеніе или движеніе въ пространствѣ. Это сопротивленіе они называютъ силою *инерціи*, и это одно изъ самыхъ темныхъ понятій механики.

Но если тѣла какимъ-то образомъ связаны со своими мѣстами, то очевидно и наоборотъ мѣста тѣлъ, пространства, ими занимаемыя или проходимыя, также связаны съ тѣлами. Одного безъ другого полагать нельзя. Слѣдовательно тѣла *зависятъ* отъ простран-

Digitized by Google

ства. Понятно даже, что такая зависимость совершенно необходима. Еслибы пространство ничего не значило для тѣлъ, еслибы оно повсюду было совершенно доступно для каждаго тѣла и каждаго движенія, то міръ непредставлялъ бы никакого порядка и правильности. Этотъ порядокъ, это отсутствіе хаоса возможно только потому, что каждое тѣло занимаетъ свое мѣсто и каждое движеніе совершается по своему пути и слѣдовательно міровое пространство, содержащее эти мѣста и эти пути, вмѣстѣ съ тѣмъ такъ-сказать держитъ на себѣ міровой порядокъ.

Вообще пространство и время, если ихъ принимать за пустыя формы, суть вещи ничтожныя, несущественныя, *неосязаемыя*, какъ иногда выражаются натуралисты. Между-тѣмъ мы ежедневно убѣждаемся, что тысячи вещей зависятъ отъ пространства и времени. Иногда говорятъ: *разница пустая: она состоитъ только въ пространствѣ и времени!* Но не трудно убѣдиться, что часто это отдѣльная разница!

Предыдущихъ соображеній кажется совершенно достаточно для нашей цѣли. Именно мы хотѣли доказать, что натуралисты не просто наблюдаютъ природу или списываютъ ее, но что они вмѣшиваютъ въ нее построенія своего ума. Мы хотѣли подсмотрѣть тотъ умственный процесъ, которымъ они раздвоили міръ на его форму — пространство и время, и на его содержаніе — вещество и его измѣненія. Раздвоеніе это совершенно правильно, но дастъ нашъ истинное познаніе только тогда, когда мы будемъ понимать, что форма не существуетъ безъ содержанія и содержаніе существенно опредѣляется формою.

Натуралисты же *не мыслятъ* объ этой зависимости, объ этомъ единствѣ, но *представляютъ* себѣ отдѣльно форму и отдѣльно содержаніе; и то и другое для нихъ одинаково существуетъ.

Мы старались показать, что ихъ форма — чистое пространство и время, по самой сущности своей — пуста и прозрачна, что она есть чистое отвлеченіе. Такъ это слѣдуетъ изъ словъ самихъ натуралистовъ. Хотя они и представляютъ себѣ пространство и время, но за представленіями скрывается движеніе болѣе глубокаго мышленія; поэтому они безсознательно начинаютъ смотрѣть на свое пространство и время, какъ на совершенное *ничто*; сущность же и *бытія* начинаютъ искать въ томъ что содержится въ пространствѣ и времени.

Мы послѣдуемъ за ними въ этихъ исканіяхъ. Натуралисты не замѣчаютъ, что если пространство и время стали для нихъ *отвлеченіемъ*, то и то что осталось, то что содержится въ пространствѣ и времени, будетъ также отвлеченіемъ. Міръ есть прекрасный гар-

Digitized by Google

мическая сфера; изучая его, натуралисты нашли, что онъ, какъ будто въ оболочкѣ, заключенъ въ пространствѣ и времени; они сняли эту оболочку и отбросили ее, какъ пустую шелуху. Точно также они потомъ снимаютъ и отбрасываютъ слой за слоемъ, воображая, что такимъ образомъ могутъ добраться до глубокаго таинственнаго зерна. По окончаніи работы чтоже оказывается? Зерна нигдѣ нѣтъ и весь міръ разрушенъ въ безобразные обломки.

V

Тѣ явленія, которыя мы можемъ представлять, слѣдовательно явленія, происходящія вмѣстѣ и въ пространствѣ и во времени, мы называемъ *вещественными* явленіями. Вся жизнь природы, все ея безконечное разнообразіе и безчисленныя превращенія подходятъ подъ это опредѣленіе.

Но глубокому и существенному движенію ума мы не останавливаемся на простомъ созерцаніи этихъ явленій, но начинаемъ искать ихъ *сущности*, то-есть мы разлагаемъ явленія на самыя явленія, которыя разсматриваемъ уже какъ *видимость*, и на то что въ нихъ является, что служитъ основою имъ, на *сущность*. Сущность вещественныхъ явленій есть *вещество*.

Мы вовсе не имѣемъ здѣсь въ виду объяснять, въ чемъ состоитъ это движеніе ума, различающее сущность отъ явленій; мы просто указываемъ на такое различеніе, какъ на фактъ. Между явленіемъ и его сущностію существуетъ противоположеніе, которое каждому болѣе или менѣе знакомо. Напримѣръ сущность есть причина явленій, а явленія вполнѣ зависятъ отъ сущности. Всякая перемѣна, которая произошла бы въ сущности, была бы уже явленіемъ; поэтому сущность полагается неизмѣнною, всегда одинаковою, тогда какъ явленія могутъ всячески измѣняться. Точно также всякое разнообразіе сущностей есть уже нѣкоторое явленіе; поэтому сущность полагается однообразною, *вездѣ* одинаковою.

Вотъ та норма, по которой натуралисты строятъ свое понятіе о веществѣ, то-есть о сущности вещественныхъ явленій. Но у нихъ, какъ мы знаемъ, есть особый пріемъ мышленія, который входитъ во всѣ ихъ построенія, именно представленіе. Они нетолько просто мыслятъ вещество какъ сущность, имъ нужно представить эту сущность, нужно видѣть ее въ образахъ; такимъ образомъ получается *вещество натуралистовъ*.

Въ природѣ, во внѣшнемъ мірѣ, собственно говоря, мы находимъ только одно пространство, различное въ своихъ частяхъ и

Digitized by Google

потому различнымъ образомъ дѣйствующее на насъ, какъ-будто посылающее изъ разныхъ мѣстъ разные лучи къ нашей центральной точкѣ зрѣнія, къ тому началу координатъ, отъ котораго мы мѣряемъ весь міръ.

Но какъ скоро представленіе уже отличило пустое пространство отъ того что въ немъ содержится, то оно полагаетъ, что это содержимое, эта сущность *не занимаетъ всего пространства*, слѣдовательно ограничено, раздѣлено пустыми промежутками, разбито на отдѣльныя части.

Въ самомъ дѣлѣ очень легко представлять себѣ, что вещество занимаетъ все пространство, но также легко представить, что оно занимаетъ только часть его; наконецъ можно представить, что его и вовсе не существуетъ. Слѣдовательно въ представленіи нѣтъ причины отвергать ограниченность вещества. Между-тѣмъ утверждать, что все пространство наполнено веществомъ, невозможно, потомучто тогда пришлось бы доказывать, что пространство *необходимо* заключаетъ въ себѣ вещество, что гдѣ пространство, тамъ и вещество и что слѣдовательно нѣтъ *пустаго пространства*.

Вотъ причина, по которой никакъ не могло удержаться въ силѣ ученіе о совершенной полнотѣ пространства. Это ученіе какъ извѣстно принадлежало Декарту. Нѣкогда оно было предметомъ многихъ споровъ между картезіанцами и послѣдователями Ньютона. Этотъ взглядъ Декарта на пространство и вещество принадлежитъ къ числу геніальнѣйшихъ его мыслей. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь полагается необходимое отношеніе между пространствомъ и веществомъ, и кромѣ того сохраняется цѣлость міра, хотя цѣлость чисто механическая. Если пространство полно, то всѣ части міра взаимно связаны, могутъ имѣть взаимное вліяніе.

При обыкновенномъ же взглядѣ натуралистовъ этого нѣтъ. У нихъ вещество является отдѣльными массами, ничѣмъ не связанными, потомучто пустое пространство не можетъ служить никакою связью. Далѣе мы увидимъ какъ натуралисты избѣгаютъ этой трудности.

Теперь же замѣтимъ, что вообразивши себѣ вещество отдѣльнымъ, отличнымъ отъ пространства и занимающимъ только нѣкоторыя его части, они стараются потомъ придать ему внѣшнѣ свойства сущности. Сущность должна быть неизмѣнна. Какимъ образомъ можно *представить* себѣ неизмѣнную сущность? Нужно представить себѣ нѣчто протяжонное, что бы было неизмѣнно въ самомъ своемъ протяженіи, нужно создать абсолютно *твердыя* частицы. Поэтому вещество необходимо полагается абсолютно-твердымъ. Эта твердость несправедливо иногда называется *непроник-*

Digitized by Google

цаемостью; потому что она состоитъ нетолько въ томъ, что частица не можетъ занять меньшаго пространства, не можетъ уступить своего протяженія другой частицѣ, но также въ томъ, что никакая частица вещества не можетъ занять бо́льшаго пространства, не можетъ расшириться, хотя бы пространство въ кругъ нея было и совершенно пусто.

Абсолютно-твердое вещество дѣйствительно есть настоящее вещество натуралистовъ. Таково вещество у самого Декарта, таково оно у Ньютона и у всѣхъ физиковъ. Напрасно иногда говорятъ, что такое понятіе о веществѣ сообщается намъ осязаніемъ; осязаніе никогда не можетъ ручаться за абсолютную твердость, для него существуетъ множество вещей мягкихъ и жидкихъ, существуютъ всевозможныя *степени* сопротивленія, обнаруживаемаго веществомъ. Для него, какъ и для другихъ чувствъ, вещество измѣнчиво и разнообразно; только передъ теоріею, передъ умственнымъ взглядомъ вещество каменѣетъ въ неподвижныя и повсюду одинаковыя формы.

Отсюда одинъ шагъ до атомовъ, до частицъ недѣлимыхъ и ни въ какомъ смыслѣ не измѣняемыхъ, до частицъ, всюду одинаковыхъ, вездѣ между собою равныхъ (¹). Атомизмъ есть единственная, совершенно правильная, неизбѣжная форма, въ которой можно *представлять* себѣ вещество. Господство атомизма въ нынѣшнихъ естественныхъ наукахъ не есть прихоть или увлеченіе: онъ строго вытекаетъ изъ началъ, на которыхъ развиваются эти науки.

Часто конечно случается, что натуралисты и даже матеріялисты полагаютъ вещество до безконечности дѣлимымъ. Но въ такомъ случаѣ *неизмѣнную сущность* ума нельзя просто представлять: ее нужно какъ-нибудь иначе *мыслить*, а если только допустить разъѣдающее начало мышленія въ эту область, то едва ли что-нибудь сохранитъ въ ней свой прежній видъ.

Итакъ частицы неизмѣнно-твердыя, непроницаемыя и неразширяемыя — вотъ вещество натуралистовъ, вотъ сущность, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ вещественныхъ явленій. Многіе натуралисты очень ясно видѣли, что таково именно вещество, которое они разумѣютъ подъ этимъ словомъ. Такъ Пулье говоритъ: «Несправедливо говорятъ, что вещество имѣетъ два существенныхъ свойства: *протяженіе* и *непроницаемость;* это не свойства, а опре-

(¹) О мнимой непроницаемости веществъ и о смыслѣ атомовъ можно найти рассужденія въ статьѣ «Объ атомист. теоріи вещества», «Русск. Вѣстн.» 1860. Мая.

Digitized by Google

дѣленіе. Представляютъ себѣ (on conçoit) нѣчто непроницаемое и называютъ это веществомъ, вотъ и все.» (¹).

Точно такъ Эйлеръ въ своихъ «письмахъ къ нѣмецкой принцессѣ (²)» утверждаетъ, что сущность тѣлъ намъ совершенно извѣстна и что она состоитъ въ *протяженности*, *непроницаемости* и *инерціи*. Замѣтимъ, что инерцію натуралисты обыкновенно не считаютъ принадлежностію сущности. Эйлеръ доказываетъ, что она принадлежитъ необходимо всѣмъ тѣламъ, но этого доказательства обыкновенно не принимаютъ; да и ясно, что инерція есть нѣчто мыслимое, а не представляемое.

Какъ бы то ни было, Эйлеръ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Самые осторожные умы не могутъ не признать, что эти три качества необходимы для того, чтобы составить тѣло. Но они сомнѣваются въ томъ, достаточны ли эти три признака. Быть можетъ, говорятъ они, есть еще многія другія свойства, которыя также необходимы для сущности тѣла.»

«Но я спрошу ихъ: еслибы Богъ создалъ существо, лишонное этихъ неизвѣстныхъ свойствъ и обладающее только указанными тремя свойствами, ужели они усомнились бы назвать это существо тѣломъ? Безъ сомнѣнія нѣтъ.»

То-есть, хотя бы вещество было совсѣмъ не таково, какъ мы его представляемъ, но наше представленіе о немъ ясно и отчетливо, и Богъ, какъ существо всемогущее, могъ бы создать вещество по этому образцу.

На такомъ опредѣленномъ пониманіи вещества остановиться однакоже очень трудно; на самомъ дѣлѣ — чтоже есть въ этомъ веществѣ? Какимъ образомъ оно можетъ быть корнемъ всѣхъ явленій природы? Очевидно представленіе, доведя вещество до окончательной формы, въ тоже время совершенно убило въ немъ всякую возможность проявленія, сдѣлало его пустымъ, ничего не содержащимъ, ничтожнымъ. Неизмѣнныя, непроницаемыя частицы, эта вторая стихія матеріялизма, точно также не объясняютъ намъ міра, какъ и матеріялистическое пространство и время.

Вотъ почему матеріялисты обыкновенно уклоняются отъ опредѣленія вещества; они любятъ говорить о томъ, что вещество есть корень вещей, основа всего существующаго, а между-тѣмъ не хотятъ указать на точное понятіе вещества, хотя это точное понятіе совершенно одинаковымъ образомъ обнаруживается въ каждомъ курсѣ механики, физики или химіи. Матеріялисты любятъ пред-

(¹) Elements de Physique. T. I, p. 4.

(²) Lettres à une Princesse d'Allemagne. Deuxième partie, lettres LIII et LIV.

Digitized by Google

ставлять вещество какъ что-то глубокое, неизслѣдимое; они часто говорятъ, что *сущность его неизвѣстна*.

Подъ этими рѣчами скрывается просто отвращеніе мысли отъ того пустого фантома, который создаетъ представленіе; но матеріялисты будутъ непослѣдовательны, если они вложатъ въ вещество или даже только будутъ подозрѣвать въ немъ какія-нибудь новыя начала, напримѣръ жизненную силу или что-нибудь подобное: Всякое подобное предположеніе будетъ произвольнымъ мечтаніемъ и не удержится передъ правильнымъ развитіемъ матеріялистическаго взгляда.

Бюхнеръ, какъ и другіе, не опредѣляетъ вещества и вообще ничего не опредѣляетъ. Легко понять, какъ мало твердости въ убѣжденіяхъ, у которыхъ всегда остается задняя лазейка и которыя въ случаѣ опасности тотчасъ превращаются въ скептицизмъ. Трудно опровергать матеріялиста, если на вопросъ что такое вещество, онъ отвѣчаетъ: не знаю.

Впрочемъ у матеріялистовъ есть одно доказательство, которое повидимому совершенно оправдываетъ ихъ понятіе о веществѣ, какъ о сущности. Съ большимъ увлеченіемъ они ссылаются на результаты естественныхъ наукъ, по которымъ *вещество не исчезаетъ и не появляется вновь*, слѣдовательно вполнѣ представляетъ неизмѣнность сущности. Молешотъ, а за нимъ и Бюхнеръ напыщенно называютъ это *безсмертіемъ* вещества, забывая, что смерть и безсмертіе могутъ относиться только къ живому.

Предметъ этотъ весьма важенъ и гораздо сложнѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Натуралисты тысячу и тысячу разъ повторяютъ: при всевозможныхъ перемѣнахъ, при всѣхъ химическихъ разложеніяхъ и соединеніяхъ *количество вещества остается одно и тоже*. Но спросите ихъ что они называютъ *количествомъ* вещества, какимъ образомъ они *мѣряютъ* эту сущность, и вы убѣдитесь, что они вовсе не добрались до этой сущности, какъ можно бы подумать сначала.

Очень часто простодушные физики и химики отвѣчали на этотъ вопросъ такъ, что количество вещества есть *число атомовъ* и что это количество не измѣняется, потому что ни одинъ атомъ не происходитъ и не исчезаетъ.

Отвѣтъ конечно былъ бы вполнѣ удовлетворителенъ, еслибы можно было убѣдиться въ его справедливости, то-есть еслибы дѣйствительно можно было пересчитывать атомы. Но такъ какъ атомовъ никто не видалъ и считать ихъ нельзя, то очевидно они только мысленно подставляются туда, гдѣ слѣдуетъ быть неизмѣнной сущности. Другими словами — прямые фактъ, прямыя наблю-

Digitized by Google

денія представляютъ *измѣнчивое* вещество; если мы будемъ *прямо* мѣрять его количество, то окажется, что это количество измѣняется. Чтобы избѣжать этого, мы разсматриваемъ наблюдаемыя перемѣнныя величины только какъ явленіе, какъ функцію постоянныхъ величинъ, то-есть атомовъ, и атомы принимаемъ за мѣру.

Можно было бы напримѣръ измѣрять вещество объемами, но объемы тѣлъ измѣняются: таже масса воздуха можетъ занять объемъ въ десять, двадцать разъ большій и во столько же разъ меньшій. Поэтому и говорятъ, что хотя объемъ измѣняется отъ разныхъ причинъ, но число атомовъ при этомъ остается одно и тоже.

Между-тѣмъ очевидно, что объемы самая приличная мѣра для вещества; протяжонность есть существенное его свойство; неизмѣнное вещество есть вмѣстѣ вещество неизмѣнно-протяжонное, абсолютно-твердое; слѣдовательно его неизмѣнный объемъ долженъ служить ему настоящею мѣрою. Извѣстно однакоже, что физики давно уже отказались отъ надежды измѣрять этотъ дѣйствительный объемъ вещества; наблюдаемыя ими тѣла всѣ измѣняютъ свой объемъ, и границы этому измѣненію никакой нѣтъ.

Итакъ чѣмъ же измѣряется количество вещества? *Вѣсомъ*. Вѣсъ — вотъ то неизмѣнное, то незыблемо-постоянное, что натуралисты нашли въ природѣ, среди ея безчисленныхъ перемѣнъ и превращеній.

Возьмите кусокъ льда и взвѣстье его; потомъ растопите его, хоть тутъ же на вѣсахъ. Ледъ превратится въ воду, но вода будетъ вѣсить столько же, сколько вѣсилъ ледъ. Вотъ фактъ. Можно ли однакоже изъ него прямо заключать, что количество вещества при такомъ превращеніи осталось тоже самое?

Никакимъ образомъ. Для доказательства приведу, что великій Лавуазье, тотъ самый, который научилъ химиковъ употреблять вѣсы, полагалъ, что при этомъ количество вещества измѣняется. Самое превращеніе онъ объяснялъ тѣмъ, что со льдомъ соединяется особенное невѣсомое вещество, теплородъ, что это вещество входитъ въ промежутки атомовъ льда и что такимъ образомъ изъ него происходитъ вода.

Предположеніе Лавуазье конечно есть чистая гипотеза; но точно такую же гипотезу представляетъ и то предположеніе, что количество вещества въ приведенномъ опытѣ нисколько не измѣнилось.

Съ другой стороны мы знаемъ случаи, когда вѣсъ тѣлъ измѣняется. Извѣстно, что на экваторѣ то же тѣло вѣситъ менѣе, чѣмъ въ на-

Digitized by Google

шихъ широтахъ. Вообще вѣсъ тѣлъ измѣняется смотря по разстоянію ихъ отъ центра земли. При этомъ мы однакоже никакъ не полагаемъ, что число атомовъ въ нихъ уменьшается или увеличивается, или вообще, что количество вещества въ нихъ претерпѣваетъ какую-нибудь перемѣну. Слѣдовательно вѣсъ не есть что-либо неизмѣнно-связанное съ этимъ количествомъ, не есть его абсолютная мѣра. Такъ что и здѣсь, какъ при атомахъ, мы только предполагаемъ нѣчто неизмѣнное, но не находимъ его въ прямомъ опытѣ.

Въ природѣ ничто не исчезаетъ и ничто не можетъ произойти изъ ничего; это безъ сомнѣнія справедливо и было извѣстно не только нынѣшнимъ натуралистамъ, но и древнимъ греческимъ и восточнымъ мудрецамъ. Но о *чемъ* здѣсь рѣчь, *что* именно не исчезаетъ, въ этомъ весь вопросъ. Не исчезаетъ *сущность*, потому что невозможность исчезанія лежитъ въ самомъ понятіи сущности. Но все дѣло въ томъ, какъ мы понимаемъ эту сущность. Если я скажу — міръ есть проявленіе Вѣчнаго Разума, то этимъ самымъ я признаю Вѣчный Разумъ столь же неизмѣнною сущностью, какъ матеріялисты признаютъ свое вещество. Ошибка матеріялистовъ состоитъ не въ исканіи сущности, а въ томъ, что они торопятся облечь ее въ образы, что они понимаютъ ее въ видѣ того абсолютно-твердаго вещества, котораго нѣтъ въ природѣ, до котораго нельзя добраться никакимъ образомъ. Посмотрите, какъ Бюхнеръ описываетъ то что неизмѣнно въ природѣ:

«Атомъ кислорода, азота или желѣза вездѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ есть одна и таже вещь, имѣетъ тѣже *имманентныя* ему свойства (¹), и никогда, втеченіе цѣлой вѣчности не можетъ стать чѣмъ-нибудь инымъ. Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ вездѣ будетъ тѣмъ же самымъ существомъ; изъ самаго разнороднаго соединенія при распаденіи онъ выйдетъ снова тѣмъ же самымъ атомомъ, какимъ вступилъ въ него. Но никакъ и никогда атомъ не можетъ произойти вновь, или исчезнуть изъ бытія: онъ можетъ только перемѣнить свои соединенія. Вотъ тѣ основанія, по которымъ вещество *безсмертно*...»

Какъ нельзя лучше видно изъ этого мѣста, что Бюхнеръ есть совершенный атомистъ. Если же такъ понимать сущность вещества, то справедливо можно сказать матеріялистамъ: вашей сущности, вашего вещества нѣтъ въ природѣ; вы сами его выдумали, сами создали и потомъ подставляете его вездѣ, постоянно предполагая, что измѣненія до него не касаются.

(¹) Бюхнеръ, какъ я уже говорилъ, любитъ употреблять *трансцендентныя* слова.

Digitized by Google

VI

Возвратимся теперь снова на точку зрѣнія матеріализма. Мы имѣемъ пустое пространство и время; въ этой пустотѣ заключаются частицы вещества, протяженныя, абсолютно-твердыя и вѣчно-неизмѣнныя. Достаточно ли этого для того, чтобы построить міръ?

Извѣстно, что были ученія, которыя старались довольствоваться этими двумя стихіями — пустотою и веществомъ. Таково было ученіе древнихъ греческихъ атомистовъ. Всѣ вещи, всѣ существа природы у нихъ происходили отъ случайнаго столкновенія атомовъ.

Подобнымъ образомъ старался построить природу и Декартъ. Дайте мнѣ — говорилъ онъ — вещество и движеніе и я создамъ вамъ міръ. Движеніе по его ученію дано веществу искони, и, никогда не уменьшаясь, только передается и видоизмѣняется.

Эйлеръ, который во многихъ отношеніяхъ приближается къ Декарту, также думалъ, что для объясненія физическаго міра достаточно того вещества, котораго сущность состоитъ въ протяженности, непроницаемости и инерціи. «Непроницаемость — говоритъ онъ — заключаетъ въ себѣ источникъ тѣхъ силъ, которыя непрерывно измѣняютъ состояніе тѣлъ въ мірѣ; вотъ истинное рѣшеніе великой загадки, которая столько мучила философовъ» (¹).

Такимъ образомъ были попытки объяснить міръ посредствомъ *чистаго* механизма, то-есть такого, при которомъ сущность явленій полагалась вполнѣ заключенною въ пространствѣ, времени и веществѣ. Очевидно однакоже, что здѣсь является уже новый элементъ, новая стихія — *движеніе*. На первый взглядъ можно подумать, что это не есть что-либо существенное, что перемѣна, называемая движеніемъ, нисколько не касается сущности движущагося; такъ и старались понимать это чистые механики. Но легко убѣдиться въ противномъ.

Въ самомъ дѣлѣ вещество безъ движенія не образуетъ міра. Міръ, какъ я уже сказалъ, представляетъ разнообразіе въ пространствѣ и времени. Это-то разнообразіе и требуется объяснить, и если мы вообразимъ только всюду одинаковое и неизмѣнное вещество, то получимъ прямо противное, то-есть разрушимъ, а не создадимъ міръ. Натуралисты, создавая свое вещество и олицетворяя въ немъ сущность міра, забыли, что этой сущности нужно придать дѣй-

(¹) Lettres à une Princesse d'Allem. 2-me partie. L. IX.

Digitized by Google

ствующее, *изливающее* начало, то начало, изъ котораго могло бы проистечь все разнообразіе явленій.

Такое начало составляетъ для нихъ *движеніе*. Движеніе они принимаютъ за единственное возможное измѣненіе въ мірѣ. Это послѣдовательно вытекаетъ изъ ихъ точки зрѣнія, потомучто дѣйствительно движеніе есть единственная *представляемая перемѣна*. Всякую другую перемѣну нельзя представлять, нужно мыслить; одно движеніе, какъ явленіе пространственное и временное доступно представленію. Притомъ всякая другая перемѣна повидимому касается самой сущности измѣняющагося предмета; движеніе же не измѣняетъ сущности, потомучто время и пространство, которыя при этомъ измѣняются, полагаются ничтожными, неимѣющими существеннаго отношенія къ предмету.

Вотъ почему матеріялисты все объясняютъ однимъ движеніемъ. Но откуда же является движеніе, отъ чего оно зависитъ? Самый простой отвѣтъ на этотъ вопросъ конечно былъ бы тотъ, что движеніе необходимо принадлежитъ веществу, что оно вытекаетъ изъ самой его сущности. Дѣйствительно такое мнѣніе было излагаемо и защищаемо въ знаменитой матеріялистической книгѣ прошлаго столѣтія — «Système de la Nature». Но по началамъ матеріялизма оно никакъ не можетъ быть оправдано. Мы *можемъ* представить себѣ тѣло въ покоѣ; представленіе тѣла ни мало не требуетъ представленія движенія; слѣдовательно никакъ нельзя доказать, что движеніе есть необходимая принадлежность тѣла.

Вотъ почему Декартъ и Эйлеръ, которые въ этомъ отношеніи мыслили матеріялистически, должны были для того чтобы объяснить міровое движеніе, прибѣгать къ прямому дѣйствію высочайшаго существа. Такое особливое, отдѣльное происхожденіе движенія ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ представленіи никакъ нельзя необходимо связать его съ веществомъ.

Разсмотрите пристальнѣе движеніе и вы убѣдитесь, что оно есть предметъ очень сложный и что именно въ немъ содержится главная сущность міровыхъ явленій. Движеніе есть нѣчто измѣнчивое и неопредѣленное. Пространство только одно, и можетъ быть только одного рода; вещество также только одно, и по самой сущности своей не можетъ быть разнаго рода. Движеніе же можетъ быть *до безконечности разнообразно*. Если вы скажете: частицы вещества имѣютъ *какое-то* движеніе, *нѣкоторое* движеніе, то изъ этого еще невозможно построить міръ, потомучто воображая себѣ, что *всякія* движенія возможны, мы будемъ представлять себѣ только хаосъ.

Вообще нельзя сказать, что вещество имѣетъ возможность вся-

Digitized by Google

чески двигаться, потомучто всѣ наши усилія направлены къ тому, чтобы объяснить дѣйствительныя движенія вещества, слѣдовательно къ тому, чтобы показать, что эти движенія необходимы, и потому никакія другія движенія невозможны.

Для этого очевидно необходимо допустить, что вещество, по самой сущности міра, имѣетъ *опредѣленныя*, правильныя движенія, то-есть что оно *необходимо* имѣетъ такія движенія, въ силу которыхъ образуетъ явленія, находимыя нами въ мірѣ. Но движенія опредѣленныя значитъ движенія, происходящія по опредѣленному математическому *закону;* такъ что движеніе приводитъ насъ къ существованію *законовъ*, или правилъ. Эти законы, какъ ясно изъ предыдущаго, нисколько не связаны съ сущностью вещества, потомучто не входятъ въ представленіе этой сущности. Чтоже они такое? То-есть мы опять ищемъ ихъ сущности, опять желаемъ *представить* себѣ ихъ существованіе. Но здѣсь кончается всякая возможность представлять. Самое образное, самое живое, что могли здѣсь придумать натуралисты, есть понятіе *силы;* они говорятъ, что законы движенія зависятъ отъ существованія силъ, извѣстнымъ образомъ производящихъ эти движенія. «Довольно странно, пишетъ Дюбуа-Реймонъ, что для нашего стремленія къ отысканію причинъ есть какое-то удовлетвореніе въ невольно-рисующемся передъ нами образѣ руки, подвигающей самонедѣятельное вещество, или незримыхъ щупальцевъ, которыми частицы вещества обхватываютъ другъ друга, тащутъ къ себѣ другъ друга, чтобы наконецъ слиться въ одинъ комокъ».

Такимъ образомъ представленіе, желая оживить міръ, невольно прибѣгаетъ къ знакомымъ явленіямъ животной жизни, то-есть къ области высокой и явной дѣятельности. Но все-таки *сила*, какъ я уже сказалъ, не есть что-либо представляемое и потому остается для натуралистовъ чѣмъ-то непроницаемо-темнымъ.

Какъ бы то ни было, но признавая силы, они очевидно въ нихъ признаютъ истинно-созидающее начало міра; уже не пространство и время, не вещество, но силы суть дѣйствительный источникъ всего порядка, всѣхъ явленій. Теперь міръ готовъ, потомучто дѣйствующее начало найдено и слѣдовательно можно наполнить пространство и время всевозможнымъ разнообразіемъ. Міръ матеріялистовъ есть міръ *представляемый*, то-есть существующій въ пространствѣ и времени; какъ скоро дана сущность — вещество, и ея перемѣна — движеніе, то уже ничего больше не требуется для полнаго созерцанія.

Мы видѣли какъ этотъ міръ слагается изъ его отдѣльныхъ стихій. Пространство и время воображается пустотою; въ нее влагает-

Digitized by Google

ся вещество. Вещество представляется неизмѣннымъ и неимѣющимъ въ себѣ никакого закона перемѣнъ; ему придаются силы.

Очевидно представленіе дѣйствуетъ разъединяющимъ, раздробляющимъ образомъ; оно разбиваетъ міръ на отдѣльныя несвязныя стихіи.

Я старался показать, что пространство и время необходимо связаны съ веществомъ, что вещество не есть что-либо неизмѣнное; теперь нужно показать, что силы не суть что-то особое отъ вещества, только данное ему, но что они вытекаютъ изъ его сущности.

Отношеніе между силою и веществомъ уясняется очень хорошо, если мы возьмемъ самое общее понятіе вещества. Подъ веществомъ или матеріею мы прежде всего разумѣемъ такъ-сказать *матеріялъ*, изъ котораго состоитъ вещь. Такъ мы спрашиваемъ; изъ какого вещества сдѣлана эта ложка? Изъ *чего* состоитъ гора? Въ такомъ смыслѣ вещество необходимо противополагается *формѣ* и всѣмъ другимъ пространственнымъ отношеніямъ. Самому веществу мы не приписываемъ никакой существенной формы, считаемъ его безформеннымъ; форму же полагаемъ приданною веществу, слѣдовательно зависящею отъ чего-то другого, внѣшняго. Точно такъ вещество не имѣетъ и движенія; движеніе дается ему извнѣ. Еще общѣе — вещество противополагается каждому дѣйствію или явленію. Такъ мы спрашиваемъ — какое вещество даетъ такой вкусъ? какое даетъ такой цвѣтъ? Вкусъ и цвѣтъ мы противополагаемъ *тому, что* производитъ этотъ вкусъ и этотъ цвѣтъ. *Силою* въ самомъ общемъ смыслѣ этого слова мы называемъ способность дѣйствовать такъ или иначе; такъ что для каждаго явленія необходимо нетолько, чтобы было нѣчто, производящее явленіе, но кромѣ того, чтобы это нѣчто имѣло силу производить это самое явленіе. Вслѣдствіе такого умственнаго процеса вещество необходимо считается чѣмъ-то бездѣйственнымъ; оно не есть вещь или явленіе, а только то, изъ чего состоитъ вещь и что производитъ явленіе; сила же есть то что изъ вещества составляетъ вещь и что въ немъ производитъ явленіе.

Совершенно ясно, что въ дѣйствительности мы находимъ только вещи и явленія, и что слѣдовательно какъ вещество, такъ и сила суть созданія нашего собственнаго ума. Притомъ эти понятія являются непремѣнно разомъ; они тѣсно связаны между собою; полагая, что вещество не дѣятельно, мы тѣмъ самымъ приписываемъ дѣятельность чему-то другому, именно силѣ. Такимъ образомъ, если мы только будемъ помнить смыслъ нашихъ словъ, то для насъ не можетъ быть сомнѣнія, что *вещество не можетъ быть безъ силы, и сила безъ вещества*. Это аксіома, истина, очевидная безъ

Digitized by Google

всякихъ опытовъ и наблюденій. Такъ понялъ это и Дюбуа-Реймонъ, но не такъ понимаетъ это Бюхнеръ, хотя этимъ самымъ положеніемъ онъ начинаетъ свою книгу. Для него это есть выводъ изъ опытовъ и наблюденій; «мы незнаемъ, говоритъ онъ, примѣра, чтобы хоть одна частица вещества не была одарена силами.» Правда онъ пытается, говоря его слогомъ, доказать *идеально*, что вещество не можетъ быть безъ силы; но такъ какъ онъ имѣетъ *методу* не давать никахъ опредѣленій, то совершенно неизвѣстно что онъ называетъ веществомъ и что силою и потому разумѣется никакъ невозможно идеально убѣдиться, почему его вещество не можетъ быть безъ его силы, и наоборотъ.

Еслибы Бюхнеръ понялъ дѣйствительное отношеніе силы и вещества, то безъ сомнѣнія онъ, какъ Дюбуа-Реймонъ понялъ бы и то, что слѣдовательно *въ сущности нѣтъ ни вещества, ни силъ*. Для матеріялизма, по самой сущности дѣла, такое признаніе невозможно; нетолько признаніе существованія вещества, но и признаніе *особенной* сущности силъ есть существенная черта матеріялизма.

Для большей убѣдительности замѣчу, что Дюбуа-Реймонъ не смотря на свое отрицаніе вещества, остался однакоже матеріялистомъ; но это не прошло ему даромъ: внутреннее противорѣчіе привело его въ отчаяніе. Вотъ что онъ пишетъ.

«Еслиже спросятъ, чтоже наконецъ остается, если ни силы, ни вещество не имѣютъ дѣйствительнаго существованія, — то тѣ, которые въ этомъ согласны со мною, будутъ отвѣчать слѣдующимъ образомъ. Въ этихъ вещахъ человѣческому духу не суждено выпутаться изъ окончательнаго противорѣчія. Поэтому, вмѣсто того, чтобы кружиться въ безплодныхъ умозрѣніяхъ или разсѣкать узелъ мечемъ самообольщенія, мы предпочитаемъ держаться созерцанія вещей, какъ онѣ есть, довольствоваться, по словамъ поэта, «*чудесами существующаго*» (Wunder dessen, was da ist). Потомучто мы никакъ не можемъ рѣшиться, не находя правильнаго объясненія на одной дорогѣ, закрыть глаза для недостатковъ другой только потому, что нѣтъ третьей; и мы имѣемъ достаточно самоотрѣченія, чтобы освоиться съ представленіемъ, что можетъ-быть всякая наука имѣетъ своею послѣднею цѣлью не пониманіе сущности вещей, а только пониманіе того, что эта сущность непонятна. Такъ напримѣръ задачею математики стала наконецъ не квадратура круга, но доказательство, что эта квадратура невозможна; задачею механики стало не изысканіе вѣчнаго движенія (perpetuum mobile), но доказательство, что оно невозможно» (1).

(1) Untersuchungen über thierische Electricität. 1 Bd. Vorrede.

Digitized by Google

Отчаяніе — есть дѣло очень обыкновенное въ естественныхъ наукахъ, но рѣдко оно выражается столь систематически и рѣзко. Источникъ его въ настоящемъ случаѣ совершенно ясенъ. Дюбуа-Реймонъ переступилъ заповѣдную грань; вмѣсто того, чтобы представлять и представлять, онъ началъ мыслить, онъ сдѣлалъ дерзкій шагъ въ новую, незнакомую ему область. Тогда прежній его міръ, яркій міръ представленій вдругъ изчезъ передъ его глазами, и такъ какъ онъ не умѣетъ видѣть, не умѣетъ идти впередъ въ новомъ мірѣ, въ мірѣ мысли, то ему показалось, что его обхватилъ непроницаемый мракъ.

Ссылки на математику и механику очень неудачны; математика не потеряла ничего, когда дошла до невозможности найти квадратуру круга; невозможность вѣчнаго движенія опирается только на лучшемъ пониманіи дѣйствительно возможныхъ движеній; но сказать, что наука о природѣ ведетъ прямо къ *непониманію* природы, что окончательный результатъ ея есть чистое противорѣчіе, значитъ ни больше ни меньше какъ признать невозможность всей науки.

Бюхнеръ, не понимая отношенія силы и вещества, разумѣется не могъ понять и отчаянія Дюбуа-Реймона. Говоря языкомъ Дюбуа-Реймона, Бюхнеръ *разсѣкъ этотъ узелъ мечомъ самообольщенія*, то-есть въ сущности онъ принялъ особенное существованіе силъ и вещества. Силу, говоритъ онъ, нельзя представлять безъ вещества и обратно вещество безъ силы; но для него это служитъ только доказательствомъ, что и сила существуетъ, и вещество существуетъ, и что притомъ они существуютъ нераздѣльно. Ничего темнаго онъ здѣсь не находитъ; это для него *простѣйшая истина*.

Если мы откажемся отъ олицетвореній матеріализма, если будемъ держаться самого общаго смысла вещества и силы, то, собственно говоря, неразрывность ихъ сводится на то положеніе, что *вещество есть нѣчто дѣйствующее*, т.-е. что съ нимъ происходятъ перемѣны, совершаются явленія и что причина и основаніе этихъ явленій и перемѣнъ есть *само* вещество. Признать неразрывность силы и вещества, значитъ просто признать *самодѣятельность вещества*.

Чтобы видѣть важность такого признанія замѣтимъ, что нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ принятіе вещества за простой матеріялъ, за неизмѣнную и недѣятельную массу, которая необходима для явленій, но сама произвести ихъ не можетъ. Такъ понимаетъ его и матеріялизмъ. *Бытіе* и *дѣятельность* суть общія понятія, подъ которыя мы подводимъ все существующее; но умъ человѣческій съ особеннымъ упорствомъ останавливается на понятіи *бытія*

Digitized by Google

и на всемъ что подходитъ подъ это понятіе. Явленіями этого постояннаго упорства наполнены всѣ лѣтописи наукъ, вся исторія мышленія. Такое направленіе ума вытекаетъ изъ самой его природы; онъ стремится подъ явленіями найти сущность, среди перемѣнъ открыть неизмѣнное, среди безконечнаго міра отыскать тотъ центръ, который самъ остается нераздѣльнымъ и неподвижнымъ, и изъ котораго выходитъ всякая раздѣльность и всякое движеніе. Такъ какъ въ этомъ состоитъ самое существенное стремленіе ума, то въ ошибкахъ, идущихъ по этому направленію, состоятъ и существенныя заблужденія ума. Такъ неизмѣнность сущности обыкновенно полагается въ ея *самонедѣятельномъ бытіи*.

Между-тѣмъ такого бытія нѣтъ; все что существуетъ, существуетъ настолько, насколько дѣйствуетъ, — самая сущность вещей состоитъ въ дѣятельности. Такъ точно и сущность вещества состоитъ въ его дѣятельности.

Дѣятельность есть понятіе болѣе трудное, чѣмъ *бытіе*. Бытіе такъ или иначе мы можемъ представлять; дѣятельности же вообще нельзя представлять. Мы видѣли, что натуралисты принуждены были прибѣгнуть къ сравненію, чтобы обозначить дѣятельность вещества. *Сила* всегда будетъ не что иное, какъ отвлеченіе отъ *силы животнаго*.

Поэтому, ограничиваясь однимъ представленіемъ, матеріялисты и натуралисты никакъ не могутъ понять самодѣятельности вещества. Въ самомъ дѣлѣ, имъ нужно представить себѣ такую сущность вещества, чтобы изъ нея необходимо вытекала его дѣятельность; обратно имъ нужно представить такую дѣятельность, чтобы она заключала въ себѣ и сущность вещества, чтобы отъ нея зависѣла и самая протяжонность вещества и все разнообразіе пространства и времени.

Извѣстно, что динамическая теорія вещества считаетъ сущностію не вещество, а силы; вещество по этой теоріи само происходитъ отъ взаимнодѣйствія двухъ силъ, притягательной и отталкивательной. Но этого мало. Нужно найти силу въ полномъ смыслѣ *живую*, т.-е. внутреннюю, немеханическую; нужно открыть ея законъ, не математическій, но служащій основою всѣмъ математическимъ законамъ. Чтобы понять жизнь вещества, нужно проникнуть въ эти внутреннія біенія его пульса, нужно мысленно постигнуть глубокія движенія его сущности. Только тогда можно будетъ разсматривать міръ какъ одно цѣлое, какъ гармоническую сферу.

Digitized by Google

VII

Предметъ, о которомъ мы говорили выше, т.-е. отношеніе между пространствомъ, временемъ и веществомъ, и между веществомъ и движеніемъ, или силою, можетъ быть обработанъ съ большею полнотою и съ большею отчетливостію; предыдущія разсужденія способны принять характеръ опредѣленности и строгости, ни чѣмъ не уступающей строгости математическихъ выводовъ. Настоящая статья необходимо ограничивается только бѣглымъ очеркомъ всего вопроса.

Въ заключеніе я приведу, какъ одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ, отношеніе матеріялистическаго мышленія къ понятію о Богѣ. Понятіе о Богѣ есть *понятіе по преимуществу*, т. е. менѣе чѣмъ что-либо другое доступно представленію. По самому обыкновенному пониманію отъ Бога все зависитъ, все отъ него происходитъ, онъ есть начало и смыслъ всего существующаго. Слѣдовательно для мышленія онъ представляетъ глубочайшую глубину, крайнюю точку, до которой оно можетъ достигнуть.

Матеріялистическое мышленіе, слѣдуя своему обыкновенному ходу, стремится *представить* себѣ Бога, и потому впадаетъ въ неисчислимыя затрудненія. Представлять что-нибудь значитъ по самой сущности этого дѣйствія ума отдѣлять этотъ предметъ отъ другихъ, ставить его особо, независимо. Поэтому даже отвергая человѣкоподобное пониманіе Бога, признавая его духомъ, вездѣ-сущимъ и проч., матеріялистическое мышленіе все-таки никакъ не можетъ постигнуть его существенной черты. Оно все-таки воображаетъ Бога какимъ-то тонкимъ воздушнымъ существомъ на ряду со всѣми другими существами, слѣдовательно безъ существеннаго отношенія къ нимъ. Неудивительно поэтому, что такое воображеніе не представляетъ ничего понятнаго и ни мало не служитъ къ пониманію міра.

Между явленіями матеріялистическаго мышленія въ этомъ отношеніи встрѣчаются очень поразительныя. Мы видѣли, что развиваясь строго-послѣдовательно, оно находитъ въ основѣ всего существующаго — *пространство, время, вещество и силы*. Только эти сущности оно можетъ себѣ *представлять* и потому только они и признаются существующими. Все остальное нельзя представлять, слѣдовательно вообще нельзя познавать, слѣдовательно и нельзя полагать существующимъ.

Поэтому, встрѣчаясь съ понятіемъ о Богѣ и ненаходя его въ

Digitized by Google

своемъ собственномъ развитіи, матеріялистическое мышленіе, нерѣдко старается поставить это понятіе въ связь со своими сущностями. Такимъ образомъ оно то находитъ какое-то сродство Бога съ пространствомъ, то готово признать Богомъ самое вещество, то наконецъ сравниваетъ Бога съ силою.

Исторія мышленія полна примѣровъ этого рода. Вольтеръ, постоянно боровшійся противъ матеріялизма, а между-тѣмъ самъ доходившій до послѣднихъ крайностей матеріялистическаго мышленія, пишетъ слѣдующее:

«*Ньютонъ* разсматриваетъ пространство и время какъ два существа, которыхъ существованіе необходимо слѣдуетъ изъ самого Бога; ибо безконечное существо существуетъ въ каждомъ мѣстѣ, слѣдовательно каждое мѣсто существуетъ; безконечное существо существуетъ безконечное время, слѣдовательно безконечное время есть нѣчто существующее.»

Замѣтимъ, что все это разсужденіе цѣликомъ принадлежитъ Вольтеру. Ньютонъ никогда не доходитъ до такой смѣлости и опредѣленности; напримѣръ онъ нигдѣ не называетъ пространство и время *существами*. Въ этомъ случаѣ Вольтеръ обращается съ Ньютономъ, какъ нерѣдко обращаются съ великими авторитетами, т.-е. взводитъ на него собственныя мысли, чтобы придать имъ больше твердости. Вольтеръ и самъ почти признается въ этомъ, потомучто вслѣдъ за приведенными словами говоритъ:

«У Ньютона, въ концѣ его вопросовъ оптики, вырвались слѣдующія слова: *эти явленія природы не показываютъ ли, что есть существо безтѣлесное, живое, разумное, вездѣ присущее, существо, которое въ безконечномъ пространствѣ, какъ въ своемъ чувствилищѣ* (Sensorium) *все видитъ, различаетъ и понимаетъ самымъ близкимъ и совершеннымъ образомъ?*» (1).

Дѣйствительно таковъ смыслъ словъ Ньютона, подавшихъ поводъ къ разсужденіямъ Вольтера, но эти слова передѣланы Вольтеромъ. Мы приведемъ подлинныя выраженія Ньютона, такъ какъ въ нихъ содержится больше, чѣмъ въ этой передѣлкѣ.

«Первоначальное устройство такихъ чрезвычайно искусныхъ частей животныхъ, какъ глаза, уши, мозгъ, мускулы, сердце и пр., также инстинктъ звѣрей и насѣкомыхъ, все это не можетъ быть произведеніемъ чего-нибудь другого, кромѣ мудрости и искуства могущественнаго, вѣчно живого Дѣятеля, который, будучи во всѣхъ мѣстахъ, можетъ двигать тѣлами, заключенными въ его безграничномъ и однообразномъ чувствилищѣ, и такимъ образомъ

(1) Elements de Philos. de Newton. Ch. II.

Digitized by Google

образовывать и преобразовывать части міра гораздо легче, чѣмъ мы можемъ двигать по нашей волѣ частями нашего тѣла. Мы не смотримъ однакоже на міръ, какъ на тѣло Бога и на части міра, какъ на части Бога. Богъ есть однообразное существо, лишонное органовъ, членовъ или частей, и они суть его созданія, подчиненныя ему и служащія его волѣ».

«Органы чувствъ не служатъ для того, чтобы ощущать образы вещей, а только для того, чтобы доводить эти образы до чувствилища; Богъ же не имѣетъ нужды въ такихъ органахъ, такъ какъ онъ повсюду присущъ самымъ вещамъ».

Вотъ замѣчательныя слова, выражающія одну изъ величайшихъ крайностей матеріялистическаго мышленія. Вольтеръ очевидно менѣе поглощенъ представленіями, нежели Ньютонъ; у Вольтера есть три особыя существа — Богъ, пространство и время, и Богъ только наполняетъ собою пространство и время. У Ньютона же между Богомъ и пространствомъ являются самыя тѣсныя отношенія: пространство есть чувствилище божіе; если міръ не можетъ быть тѣломъ Бога, потомучто Богъ есть *существо однообразное, однородное*, то пространство, будучи само однообразнымъ, очевидно можетъ быть тѣломъ и чувствилищемъ Бога; самая дѣятельность божія, образованіе и преобразованіе міра у Ньютона тѣсно связаны съ этимъ воплощеніемъ Бога въ пространство.

Изъ другихъ мѣстъ ньютоновыхъ сочиненій можно заключить, что онъ дѣйствительно такъ *представлялъ* себѣ Бога; такъ напримѣръ самыя явленія тяготѣнія, которыя онъ открылъ, онъ готовъ былъ приписать непосредственному дѣйствію божію.

Понятно, почему Лейбницъ вооружился противъ такихъ мнѣній, почему онъ говорилъ, что въ Англіи кажется *падаетъ и естественная религія*. Англичане очень обидѣлись такимъ упрекомъ и изъ этого возникла полемика, давшая поводъ Лейбницу высказать многія замѣчательныя соображенія. Впослѣдствіи Вольтеръ объявилъ себя на сторонѣ англичанъ.

Такъ какъ явленія мышленія совершаются по строгимъ законамъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ наше время встрѣчаются повторенія мнѣній и разногласій, подобныхъ тѣмъ, которыя мы привели. Вообще новый нѣмецкій матеріялизмъ, надѣлавшій столько шуму, въ сущности не представляетъ ничего новаго, такъ что любители *новой истины*, проявляющейся въ мірѣ, напрасно думаютъ, что нашли ее въ матеріялизмѣ.

Бюхнеръ въ первыхъ же главахъ говоритъ о Богѣ. Онъ думаетъ, что нераздѣльность силы и вещества и безсмертіе вещества прямо опровергаютъ существованіе Бога. Такъ какъ онъ по

Digitized by Google

обычаю даже и не пробуетъ объяснить что́ онъ разумѣетъ подъ понятіемъ Бога, то разумѣется его заключенія не имѣютъ ни малѣйшей силы. Отрицать существованіе чего бы то ни было, можно только выходя изъ точнаго понятія отрицаемаго предмета; не зная самъ что́ отвергаешь, нельзя ничего отвергнуть.

Поэтому намъ любопытно здѣсь не рѣшеніе самого вопроса о бытіи божіемъ, а только то, какъ Бюхнеръ понимаетъ бытіе Бога. Какъ онъ его понимаетъ, такъ и отвергаетъ.

Чтоже оказывается? Бюхнеръ представляетъ Бога въ видѣ *силы*; правда онъ называетъ его *творческою силою*, онъ приписываетъ этой силѣ *произволъ и намѣренія;* но все-таки считаетъ эту силу такою же, какъ вещественныя силы, о которыхъ говорилъ выше. Понятіе о Богѣ, по его мнѣнію, есть понятіе о силѣ, *отдѣльной* отъ вещества, и вотъ онъ отвергаетъ существованіе Бога, основываясь на томъ, что *нѣтъ силы безъ вещества и нѣтъ вещества безъ силы.*

«Движеніе вещества — говоритъ Бюхнеръ — слѣдуетъ только законамъ, которые дѣйствуютъ въ немъ самомъ; различныя явленія вещей суть не что иное, какъ продукты различныхъ и многообразныхъ, случайныхъ или необходимыхъ комбинацій вещественныхъ движеній. Нигдѣ и никогда, ни въ какую эпоху, ни въ какихъ отдаленнѣйшихъ пространствахъ, куда только проникаютъ наши телескопы, не было найдено факта, который бы служилъ исключеніемъ изъ этого правила и который бы привелъ къ необходимости признать самостоятельную силу, дѣйствующую непосредственно и внѣ вещей.»

Понятно, что разсуждая подобнымъ образомъ, нельзя ничего доказать; откуда Бюхнеръ взялъ, что Богъ есть сила, подобная вещественнымъ силамъ? Не все ли это равно, какъ доказывать, что телескопы находятъ въ небесахъ только различныя небесныя тѣла, и что до сихъ поръ въ телескопъ нельзя было усмотрѣть ни Бога въ его *молніецвѣтной ризѣ*, ни ангеловъ съ пламенными мечами?

Далѣе у Бюхнера есть выраженіе, поразительное своею несообразностью.

«Представлять себѣ — говоритъ онъ — эту силу погруженною въ вѣчный, самодовольный покой или внутреннее самосозерцаніе — будетъ также пустое и произвольное отвлеченіе, неимѣющее эмпирическихъ основаній.»

Очевидно представлять себѣ вещественную силу *въ покоѣ*, *самодовольною*, *самосозерцающею* — есть невообразимая нелѣпость, нестерпимая чепуха; а Бюхнеръ думаетъ, что это только *произволь-*

Digitized by Google

ное отвлеченіе, что оно не можетъ быть принято только за недостаткомъ *эмпирическихъ* основаній.

Отсюда видно между-прочимъ какъ дурно понимаетъ Бюхнеръ самое значеніе силы; еслибы онъ точнѣе понималъ его, онъ не сталъ бы сравнивать Бога съ вещественною силою, не сталъ бы говорить о *произволѣ силы*, *о намѣреніяхъ силы*, и т. п. Совершенно ясно, что Бюхнеръ склоненъ къ *олицетворенію силы*, то-есть готовъ понимать ее какъ силу животнаго, какъ что-то живое, связанное съ мертвымъ веществомъ.

Его разсужденія о Богѣ, взятыя во всей ихъ совокупности, не имѣютъ ни малѣйшей твердости. Что бы онъ ни говорилъ о веществѣ и силѣ, какъ бы онъ ни понималъ то и другое, все-таки по коренному смыслу самаго понятія о Богѣ, и вещество и силы и всѣ ихъ свойства и дѣйствія полагаются вполнѣ зависящими отъ Бога. Доказать что бы то ни было относительно Бога матеріализмъ не можетъ, потомучто онъ не можетъ схватить самое это понятіе, не можетъ мыслить, а только представляетъ. Поэтому правильный матеріалистическій атеизмъ долженъ опираться на самой этой невозможности. Онъ долженъ разсуждать такъ: когда я *представляю* себѣ вещество и силы, то представляю ихъ самостоятельными, ни отъ чего независимыми, слѣдовательно я не могу считать ихъ зависящими отъ чего бы то ни было; самой зависимости я не могу *представить*, слѣдовательно ея нѣтъ, нѣтъ ничего, отъ чего бы зависѣла сущность вещества и силъ.

Такимъ образомъ и матеріализмъ съ своей стороны держится знаменитаго начала *тожества бытія и мышленія;* что для него не мыслимо, то онъ считаетъ несуществующимъ; существующимъ же и дѣйствительнымъ онъ признаетъ только то, что онъ мыслитъ, и только такъ, какъ онъ его мыслитъ.

Мы видѣли, что коренное начало матеріалистическаго мышленія есть *представленіе;* въ представленіи вся его сила и матеріализмъ рушится, какъ скоро мысль освобождается отъ такой односторонности и начинаетъ дѣйствовать съ бо́льшимъ самообладаніемъ.

Такое освобожденіе есть важный шагъ въ умственной жизни, потомучто сила представленій чрезвычайно велика. Чистая мысль *эѳирна*, по выраженію Гегеля, то-есть она легка, прозрачна и подвижна; она знаетъ сама себя, свободно управляетъ сама собою; въ ней нѣтъ никакого принужденія, потомучто дѣятельность разума основана на полномъ самоопредѣленіи.

Мы не жалуемся на то, что принуждены мыслить извѣстнымъ образомъ, какъ скоро сознаемъ полную разумность этого мышленія;

Digitized by Google

точно также мы не жалуемся на то, что насъ мучитъ потребность мыслить, какъ скоро наше мышленіе удовлетворяетъ этой потребности.

Другое дѣло представленія; въ области ума они составляютъ нѣчто темное, тяжолое, и неподвижное. Они не сами себя опредѣляютъ, но какъ-будто принуждены извнѣ принять извѣстныя формы. Мы чувствуемъ, что они не покорны власти ума, непроницаемы для его взгляда. Они не удовлетворяютъ насъ, являясь какими-то загадками и преслѣдуютъ насъ, какъ призраки или видѣнія, отъ которыхъ невозможно отдѣлаться. Какъ тотъ, кто долго игралъ въ карты, видитъ ихъ потомъ цѣлую ночь и вспоминаетъ ихъ утромъ, такъ и тотъ, кто долго игралъ *атомами*, или силами и пустымъ пространствомъ, не можетъ забыть ихъ, не можетъ перейти отъ нихъ къ другимъ понятіямъ. Приведу по этому случаю наивное признаніе Берцеліуса. «Вслѣдствіе своихъ занятій философіею, говоритъ онъ, многіе натуралисты заранѣе предубѣждены въ безконечной дѣлимости вещества и потому даже безъ изслѣдованія отвергаютъ атомы какъ нелѣпость; но это затрудненіе только временное, потомучто возраженія, основанныя на привычкѣ къ извѣстнымъ философскимъ убѣжденіямъ, теряютъ свою силу по мѣрѣ того, какъ съ ними борется опытъ» (¹). Зная настоящій смыслъ атомовъ, мы должны это понять такъ, что философскія убѣжденія постепенно теряютъ свою силу, по мѣрѣ того какъ съ нимъ борятся представленія.

Если же такъ, если дѣло идетъ о борьбѣ *привычекъ*, о перевѣсѣ той или другой стороны дѣятельности ума, то ясно, что мышленіе дѣйствуетъ не всецѣло, не со всею своею общностію и свободою. Между-тѣмъ мы хотимъ мыслить такъ, какъ вообще должно мыслить; мы не хотимъ подчиняться какимъ-нибудь особенностямъ, причудамъ или увлеченіямъ мышленія. Чтобы достичь истины, мы желаемъ приобрѣсти мышленіе чистое, нормальное, всюду и для всѣхъ одинаковое, неизмѣнное и единственное.

Слѣдовательно нужно учиться мыслить.

Н. СТРАХОВЪ

(¹) Théorie des proport. chim. p. 22.

Digitized by Google

БУТУЗКА

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Было уже часовъ девять утра, когда Алексѣй Наумычъ почувствовалъ, что его кто-то осторожно будитъ. Онъ открылъ глаза и каково же было его удивленіе, когда онъ увидалъ передъ собою Аксинью Максимовну, одѣтую по праздничному, въ шолковой мантильѣ и чепцѣ. Минуты двѣ смотрѣлъ онъ покрайней мѣрѣ на тетку и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Онъ даже думалъ сначала не во снѣ ли видитъ Аксинью Максимовну; но потомъ убѣдившись, что это былъ не сонъ, привсталъ съ подушки.

— Тетенька, вы ли это? проговорилъ онъ.

— Какъ видишь, мой другъ, отвѣчала она, нѣжно и съ любовью улыбаясь. — А что, развѣ я перемѣнилась? Ужь не помолодѣла ли?

— Нѣтъ-съ не то... Но я никакъ не ожидалъ.

— Отчего же? Будто я въ первый разъ прихожу къ тебѣ въ комнату?.. Ну, здравствуй, здравствуй!.. Ну что, хорошо ли почивалъ? Впрочемъ я думаю ты и выспаться-то не успѣлъ.

— Отчего же тетенька?

— Какъ отчего? Чай помнишь что ночью-то было... Ахъ, какъ я перепугалась, ахъ, какъ перепугалась, ты себѣ представить не можешь... Такъ перепугалась, что насилу опомнилась. Охъ, люди, люди! Вѣдь родятся же этакіе люди!.. Ничуть-то

Digitized by Google

не боятся они Бога, — удивленіе да и только!.. Точно какъ имъ и умирать никогда не придется, точно какъ ихъ не ожидаетъ страшный судъ. Я просто понять этого не могу. Ну какъ даже и страха божьяго не имѣть! Охъ, господи, господи!.. Ну, да господь съ ними... не наше дѣло судить... А я, знаешь, пришла тебя провѣдать, да кромѣ того пришла и разбудить тебя. Сейчасъ ударятъ къ обѣднѣ, такъ не хочешь ли сходить въ церковь?

— Да развѣ сегодня праздникъ какой?

— Воскресенье, мой дружочекъ.

— Неужели?

Аксинья Максимовна даже улыбнулась.

— Милый мой! проговорила она, нѣжно обнимая племянника и присѣвъ на стулъ, стоявшій возлѣ его постели. — Вотъ милый-то!.. Онъ и позабылъ, что сегодня воскресенье! Вотъ какъ усталъ ты послѣ своей охоты. Ну, что? раскажи же мнѣ, вѣдь ты ничего еще не расказывалъ мнѣ про свою охоту. Хорошо ли ты поохотился?

— Ахъ, тетенька, такъ хорошо, что вы себѣ и представить не можете! проговорилъ Алексѣй Наумычъ съ такимъ увлеченіемъ, что Аксинья Максимовна даже улыбнулась. — Такъ хорошо и такъ было мнѣ весело!

— Я такъ и думала, перебила его Аксинья Максимовна. Смотрю, даже и обѣдать нейдетъ, стало-быть весело.

— Да, тетушка, ужь извините меня.

— Въ чемъ это?

— А что я къ обѣду не пришолъ.

— Что ты, что ты, Алеша, не грѣшно ли тебѣ!.. Напротивъ, я очень рада. Вѣдь мнѣ и остается только одно утѣшеніе: это видѣть тебя веселымъ и здоровымъ.

— Тетушка, добрая тетушка! вскрикнулъ Алексѣй Наумычъ, и забывъ все вчерашнее, принялся цѣловать руки Аксиньи Максимовны.

— Охъ, ты, мое сокровище! Охъ, ты, мое дитятко!.. шептала между-тѣмъ Аксинья Максимовна, прижимая къ своей груди Алексѣя Наумыча. Не забывай ты только меня старуху, а ужь я никогда не забуду тебя. Чтожъ, Алеша, ты самъ знаешь, вѣдь у меня никого нѣтъ кромѣ тебя... А вѣдь мнѣ ужь не богъ-знаетъ сколько остается жить!..

Digitized by Google

— Ахъ, что это вы, что это вы, тетенька!

— Да чтожъ мой другъ, развѣ неправда? Дай-богъ только умереть какъ подобаетъ умереть христіанкѣ.

— Нѣтъ, тетенька, я не переживу этого. Неужели же мнѣ опять придется быть одинокому? Нѣтъ, тетенька, Богъ этого не сдѣлаетъ... и вы лучше не говорите мнѣ объ этомъ...

— Такъ ты любишь меня, Алеша?

— И вы спрашиваете меня объ этомъ! Да кого же мнѣ любить-то, кромѣ васъ? Вѣдь у меня рѣшительно никого нѣтъ. Я вѣдь и жить-то началъ только съ того времени, какъ живу у васъ... не потому началъ жить, что имѣю кусокъ хлѣба, а потомучто нашолъ наконецъ человѣка, котораго люблю, и который тоже меня любитъ. Ахъ, тетенька! вы себѣ представить не можете что́ за ужасная вещь одиночество!.. Какъ ужасно жить и видѣть, что нѣтъ ни одного существа дорогого сердцу!.. Знаете ли, тетенька, такъ мнѣ было горько жить, что мнѣ неразъ приходило бывало въ голову: Господи, боже-мой! Къ чему ты длишь мою жизнь и чѣмъ отнимать ее у тѣхъ, которымъ она дорога, отчего ты не отнимешь ее у меня?.. Мнѣ хотѣлось умереть, тетенька. Только съ одной смертью я надѣялся, что одиночество мое прекратится. Я бы соединился тогда съ моею бѣдною матерью, которая тоже вѣроятно терпитъ тамъ сиротство. Нѣтъ, тетушка, надо испытать это одиночество, чтобы знать насколько оно тяжело...

— Охъ, мой другъ Алеша! Говори кому-нибудь другому, а я сама знаю что такое сиротство. Чтоже была моя за жизнь до твоего приѣзда!.. Вѣдь только и была у меня одна Бутузка... Вѣдь вотъ отчего я и люблю-то ее... А они хотѣли у меня ее убить!.. Ну, да что! не будемъ говорить объ этомъ...

— Да, тетенька, не легко говорить объ этомъ! И лучше поблагодарить Бога, что все это кончилось... вотъ какъ, тетенька!.. Если вы не забудете меня, такъ я и подавно не забуду васъ... Повѣрьте, тетенька, тѣ слезы, которыя видѣлъ я на вашихъ глазахъ во время моего приѣзда, и тѣ объятія, которыми вы встрѣтили меня, конечно никогда не изгладятся изъ моей памяти, и конечно мать моя благословляетъ васъ и за эти слезы, и за эти объятія. Я не сто́ю ихъ, тетенька, это правда; но зато я сумѣю оцѣнить ихъ...

— Другъ мой, другъ мой! шептала между-тѣмъ Аксинья

Digitized by Google

Максимовна, рыдая какъ ребенокъ. Люби меня, люби меня... Охъ, горько, горько прожила свою жизнь... Такъ дай мнѣ хоть на старости лѣтъ узнать что такое спокойствіе...

И проговоривъ это, она еще разъ крѣпко обняла Алексѣя Наумыча и отерѣвъ слезы, нѣжно взглянула ему въ лицо.

— Милый ты мой! проговорила она.

— Добрая тетушка!

— А знаешь ли что, проговорила она немного погодя и все еще не спуская глазъ съ своего племянника.

— Что такое-съ?

— Ты что-то сегодня блѣденъ... Ужь не болѣнъ ли ты?

— Кто? Я то-съ?

— Да.

— Что вы, тетенька... Да могу ли я захворать теперь...

— Такъ отчего же ты блѣденъ?

— Я не знаю.

— Головка у тебя не болитъ?

— Нисколько, тетенька.

— А покажи-ка мнѣ языкъ.

Алексѣй Наумычъ показалъ.

— Нѣтъ, языкъ [illegible]чего, хорошій. Ты вѣрно усталъ или не выспался?

— Вотъ это можетъ-быть.

— Такъ ужь ты лучше Алеша не ходи сегодня къ обѣднѣ... лучше поспи, отдохни. А приду я изъ церкви, чайкомъ напою тебя. Я, знаешь ли, во всю свою жизнь никогда съ докторами не зналась. Что они? Живодеры, больше ничего. Я всегда бывало лечилась сномъ да чаемъ, и вотъ слава-богу сколько лѣтъ живу!.. Такъ-то вотъ и ты сдѣлай!..

— Да я совсѣмъ здоровъ, тетенька, такъ кчему же я буду лежать? Да и кромѣ того мнѣ хочется сходить къ обѣднѣ. Знаете ли и воскресенье точно не воскресенье, когда не побываешь у обѣдни.

— Ну, какъ хочешь... Такъ до свиданья.

— До свиданья, тетенька.

И Аксинья Максимовна еще разъ поцѣловала Алексѣя Наумыча.

— А знаешь ли что со мною сегодня было? вдругъ проговорила она, торопливо вспомнивъ что-то.

Digitized by Google

— Что такое?

— Вообрази, только что я проснулась, подхожу къ окну, — а я спала съ растворенным окномъ, — вдругъ вижу сидитъ на окнѣ маленькій воробушекъ, да какой хорошенькій и такъ скупожился, что просто чудо. И можешь себѣ представить, когда я подошла къ нему, онъ хоть бы пошевельнулся, а когда я взяла его въ руки, онъ такъ ласково взглянулъ на меня, что я просто пришла въ восхищеніе.

— Ну что же вы съ нимъ сдѣлали?

— Опять выпустила. Сначала хотѣла было посадить его въ клѣтку, да потомъ подумала, кчему же лишать его свободы? Да и какое имѣю я на это право? Свобода дорога всякому, и клѣтка, какъ ни будь она хороша — все-таки клѣтка... За то когда я снова принесла воробушка къ окну и раскрыла руку, ты посмотрѣлъ бы какъ весело выпорхнулъ онъ изъ окна и какъ весело потомъ, прыгая съ вѣтки на вѣтку, защебеталъ, отряхивая перушки.

— И прекрасно сдѣлали, тетушка, что выпустили птичку.

— Да, твоя правда. Говорятъ: грѣхъ заключать птичекъ въ клѣтку. Мнѣ говорилъ это отецъ Герасимъ, іеромонахъ, человѣкъ святой жизни и большого ума. Вотъ онъ скоро долженъ быть ко мнѣ. Онъ поѣхалъ по сборамъ, но срокъ ужь кончился и онъ вѣроятно на возвратномъ пути въ монастырь завернетъ ко мнѣ. Ужь онъ никогда мимо меня не проѣзжаетъ. Такъ вотъ это онъ говорилъ мнѣ. А вѣдь у насъ богъ-знаетъ что дѣлаютъ съ этими птицами! Въ особенности мальчишки и гнѣзда-то разворяютъ, и крылья-то имъ обрѣзываютъ... Намедни вижу вдругъ за кухней цѣлую кучу перьевъ и пуху; спрашиваю что такое это значитъ! и чтоже ты думаешь? Ларивошка, сынъ кучера, поймалъ галку, живую ощипалъ ее, да потомъ и пустилъ... Какъ тебѣ это нравится?..

— Чтожъ вы сдѣлали съ Ларивошкой?

— Разумѣется, велѣла высѣчь.

— И прекрасно сдѣлали, потомучто...

— Чтоже послѣ этого надо дѣлать съ тѣми, перебила его Аксинья Максимовна: — которые такъ-то вотъ ощипываютъ людей!.. Да вотъ, хоть бы мой сосѣдъ Хмуровъ... Ну ужь человѣкъ, нечего-сказать!.. Мальчики хоть птичьи гнѣзда раззоряютъ, а тотъ такъ человѣчьи... то-есть повѣришь ли, Алеша,

Digitized by Google

на его крестьянъ безъ жалости смотрѣть нельзя... Всѣ нищіе, всѣ по-міру ходятъ. Да вотъ вчерашняя мерзавка-старушонка... ужь я увѣрена, что она хмуровская... Да вотъ хоть спроси самъ изъ любопытства... А сколько у него этихъ бѣглыхъ, такъ ты себѣ и представить не можешь!.. Да оно и неудивительно, потомучто жить нѣтъ никакой возможности... А ужь какой онъ безбожникъ!.. Много, много раза три или четыре бываетъ въ церкви впродолженіи цѣлаго года... Да чего! говорятъ идолу золотому поклоняется! Мнѣ какъ порасказалъ о немъ отецъ Герасимъ, такъ я даже въ ужасъ пришла... Можешь себѣ представить, хотѣлъ отбить у меня Фролово...

— Какъ такъ?

— Да ужь я и не знаю какъ. Мнѣ это расказалъ все отецъ Герасимъ. Онъ какъ-то разъ, по невѣдѣнію, заѣхалъ къ нему; думалъ — не пожертвуетъ ли что на монастырь; такъ насилу, говоритъ, я ноги отъ него утащилъ... Какъ пошолъ, говоритъ, ругать всѣхъ сплеча — и сосѣдей, и начальство, и нашу, говоритъ, братью монашествующихъ, такъ я, говоритъ, даже въ ужасъ пришолъ. Вотъ каковъ человѣчекъ! Ужь это хуже еще Ларивошки, который галку живую ощипалъ... И дивлюсь я, Алеша, какъ это земля носитъ еще подобныхъ людей, не поглотитъ подобно Содому и Гоморрѣ.

Въ это самое время раздался благовѣстъ. Аксинья Максимовна закрестилась, засуетилась и вышла вонъ изъ комнаты, бормоча:

— Батюшки, ударили!.. Не опоздать бы... заговорилась совсѣмъ... Такъ ты придешь Алеша!

Но когда Алексѣй Наумычъ проговорилъ въ отвѣтъ:

— Какже, непремѣнно приду, тетенька. — Аксинья Максимовна была давно уже за дверью.

II

Никогда еще Алексѣй Наумычъ не пробуждался такъ весело и такъ отрадно, какъ пробудился онъ въ описанное утро. Едва только вышла Аксинья Максимовна изъ комнаты, онъ въ ту же минуту сбросилъ съ себя одѣяло и ставъ на полъ, такъ припрыгнулъ весело, какъ могъ только припрыгнуть развѣ школьникъ,

Digitized by Google

вспомнившій при пробужденіи о счастливомъ окончаніи тяжолыхъ экзаменовъ. Онъ такъ былъ радъ видѣть Аксинью Максимовну и веселой и доброй, что даже позабылъ о своихъ недавнихъ размышленіяхъ. Онъ такъ былъ счастливъ, что вчерашнія тяжолыя впечатлѣнія прекратились, что вѣроятно бы запѣлъ даже, еслибы не собирался только къ обѣднѣ. А когда подошолъ къ окну, то и вовсе повеселѣлъ: такъ все было кругомъ и тихо и покойно. Поваръ рубилъ дрова и о чемъ-то смѣялся съ кучеромъ. Агафья Филатьевна, разряжонная впухъ, гордо шла къ обѣднѣ и съ какой-то особенно довольной улыбкой кивала головой всѣмъ кланявшимся ей. Фома Зотычъ стоялъ на крылечкѣ подбоченясь и кричалъ какой-то проходившей бабѣ:

— Что, тетка, къ обѣднѣ?

— Ништо, къ обѣднѣ, батюшка, Фома Зотычъ.

— Ну, ступай, ступай — я тебѣ не мѣшаю. А что телку-то продала?

— Нѣтъ еще, Фома Зотычъ.

— Что такъ?

— Да больно дешево даютъ, батюшка, Фома Зотычъ.

— То-то и есть... говорю, продай мнѣ.

— Да я бы съ моимъ великимъ удовольствіемъ, да только оченно дешево жалуете.

— О, дура-баба!

И засмѣявшись, Фома Зотычъ ушолъ къ себѣ.

Дьячокъ между-тѣмъ такъ весело трезвонилъ и такъ весело перебиралъ маленькими колоколами, что даже трезвонъ его становился непозволителенъ. Разряжонные дѣвки и парни весело перекидывались словами и шли, чуть не обнявшись; ребятишки кричали, бѣгая по двору; птицы оглашали садъ веселымъ пѣніемъ; даже буфетчикъ Акимъ и тотъ принялъ какой-то воскресный видъ, словомъ все было вокругъ такъ весело, какъ-будто во Фроловѣ и не произошло ничего особеннаго. И глядя на все это, Алексѣй Наумычъ еще больше повеселѣлъ духомъ. Даже въ его поспѣшномъ, торопливомъ одѣваньи было что-то веселое; когда же онъ сталъ повязывать галстукъ, то подумалъ: «Какой же я однако дуракъ. Богъ-знаетъ что вообразилъ себѣ вчера! Такую ахинею придумалъ, что теперь смѣшно вспомнить. А дѣло между-тѣмъ кончилось очень просто. Вѣроятно и Ивана, и Арину, и нищую давно уже выпустили и вѣроятно давно уже

Digitized by Google

они летаютъ по волѣ какъ тотъ воробей, котораго сегодня выпустила тетенька. А я-то сдуру началъ разсуждать и о счастіи и о назначеніи жизни... и богъ-знаетъ чего не придумалъ. Само собой разумѣется, что мы никогда и въ глаза не увидимъ счастія, если будемъ омрачать его своими глупыми и ни къ чему не ведущими разсужденіями. Нѣтъ, глупъ еще я, вотъ и все... неблагодарное животное — вотъ я кто... А вотъ лучше схожу-ка къ обѣднѣ, а потомъ залью́сь тутъ же опять на охоту...»

И при этой мысли Алексѣй Наумычъ снова припрыгнулъ.

— Какъ ты думаешь, вдругъ раздался со двора голосъ повара: — можетъ покорить насъ французъ?

— Никоимъ образомъ не можетъ, раздался голосъ кучера.

— По какой причинѣ?

— Потому мы шапками забросаемъ.

— Ну вотъ дуракъ и вышелъ!

— А потвоему какъ же?

— Помоему оттого, что у насъ есть царь-пушка. Коли изъ нея грохнуть, такъ не токма что французъ тонконогій, и даже и самъ турокъ не устоитъ.

— Да развѣ французъ тонконогій? раздался голосъ буфетчика.

— Извѣстно, тонконогій.

— Нѣтъ, ты лучше раскажи мнѣ, раздался снова голосъ буфетчика Акима: — какихъ камней больше въ пруду?

— Какихъ?

— Ну, скажи, коли ты умный человѣкъ.

— Да я почемъ знаю.

— Мокрыхъ.

— Эхъ ты, сволочь, раздался опять голосъ повара и всѣ трое залились такимъ веселымъ смѣхомъ, что даже самъ Алексѣй Наумычъ, успѣвшій уже надѣть сюртукъ и фуражку, и тотъ расхохотался на весь домъ, такъ-что Бутузка залаяла внизу.

— И я еще сомнѣвался въ существованіи счастія, снова подумалъ Алексѣй Наумычъ, и весело отправился къ обѣднѣ.

III

Какъ ни одѣвался поспѣшно Алексѣй Наумычъ, а къ обѣднѣ пришолъ онъ уже во время евангелія. Не желая нарушить ти-

Digitized by Google

шину, царствовавшую въ церкви, Алексѣй Наумычъ простоялъ у двери вплоть до окончанія евангелія и тогда только рѣшился идти на клиросъ къ своимъ пѣвчимъ. Народу въ церкви было много. Фома Зотычъ стоялъ на лѣвомъ клиросѣ, Агафья Филатьевна неподалеку отъ свѣчного ящика. Она была въ особенности величественна въ то воскресенье. *Шалевый* платокъ, накинутый на плечи и застегнутый на груди какою-то особенно яркой булавкой и шолковый синій платокъ на головѣ, съ кончиками, торчавшими въ видѣ заячьихъ ушей, придавали ей какой-то особенно торжественный характеръ, такъ что весь народъ, помѣщавшійся возлѣ нея, невольно сторонился, боясь вѣроятно толкнуть экономку. За то Аксинья Максимовна, стоявшая на колѣняхъ, такъ скромно и такъ набожно молилась, что нельзя было смотрѣть на нее безъ особеннаго умиленія. Можно было смѣло поручиться, что она не видала никого и ничего, и что она вся была погружена въ одну молитву. Глаза ея, полные слезъ, невольно какъ-то обращались кверху, между тѣмъ какъ сухія костлявыя руки слагались крестомъ на впалой груди. И надо сознаться, что въ эту минуту она казалась совершенно святой женщиной. Мать у гроба сына не могла бы молиться съ большимъ усердіемъ, съ большею вѣрою, съ какою молилась Аксинья Максимовна; на лицѣ ея было столько упованія, столько спокойствія, столько сознанія собственной немощи и всемогущества Бога, что право, стоило бы молиться на самую Аксинью Максимовну. Видно было по всему, что всѣ свои печали, всѣ свои скорби она повергала къ животворящему кресту и твердо уповала въ распятаго на немъ. А между тѣмъ церковь, эта темная, старинная церковь, оглашалась пѣніемъ, и было что-то высокоторжественное въ этомъ. Иконостасъ съ темными старинными образами и потускнѣвшимъ уже отъ времени золотомъ, какъ-будто тонулъ въ дымѣ ладона. За то облаченія священника и діакона, богатыя парчевыя облаченія, пожертвованныя Аксиньей Максимовной, такъ и горѣли, такъ и сіяли. Новыя и тяжолыя, онѣ казалось были выкованы изъ цѣлаго золота. Вся эта обстановка до того вдохновила Алексѣя Наумыча, что онъ какъ-то особенно хорошо управлялъ хоромъ. Но несмотря однако на это, часто во время пѣнія онъ оборачивался и смотрѣлъ на Аксинью Максимовну, и всякій разъ при взглядѣ на нее, лицо его прояснялось и принимало какой-то особенный видъ.

Digitized by Google

— И я предполагалъ, думалъ онъ въ ту минуту, что эта набожная и добродѣтельная женщина способна сдѣлать что-нибудь дурное, способна сдѣлать несчастнымъ кого бы то ни было!.. Разумѣется въ ней есть странности, но эти странности не отъ злого сердца, а просто отъ вспыльчиваго характера. Я даже увѣренъ, что сегодня поутру она просила прощенія и у повара, и у Агафьи Филатьевны и у всѣхъ остальныхъ.

И взглянувъ на Агафью Филатьевну, которая стояла съ тѣмъ же важнымъ спокойствіемъ и довольнымъ лицомъ, онъ окончательно убѣдился въ своихъ предположеніяхъ.

Часу въ двѣнадцатомъ обѣдня кончилась.

— Алеша, ты со мной вмѣстѣ пойдешь? проговорила Аксинья Максимовна, приложившись къ кресту и обращаясь къ Алексѣю Наумычу.

— Съ вами, тетушка, разумѣется.

— Ну, благодарю... а я тебя за это покормлю пирогомъ. У насъ пирогъ сегодня.

— Благодарю васъ, тетушка, но только вы позвольте мнѣ лучше взять пирогъ съ собой. Я, тетенька, хочу сейчасъ идти на охоту.

— Не грѣхъ ли только сегодня, Алеша... Вѣдь сегодня воскресенье!..

— Нѣтъ, какой же тутъ грѣхъ.

— Ну, какъ знаешь, мой другъ. Ступай, ступай, позабавься! Ну, такъ пойдемъ же... Только постой, вотъ я разломаю просвиру и раздамъ кусочки.

Проговоривъ это, Аксинья Максимовна принялась ломать просвиру. Какъ только начала она дѣлать это, Агафья Филатьевна и Фома Зотычъ тронулись съ своихъ мѣстъ и подошли къ барынѣ.

— Ну, поздравляю васъ съ праздникомъ, сказала она, обращаясь къ нимъ и надѣляя ихъ просвирой.

— И васъ также, матушка, въ одинъ голосъ проговорили и Фома Зотычъ и Агафья Филатьевна и поцѣловали у Аксиньи Максимовны руки. Покорнѣйше благодаримъ, матушка.

— На здоровье, на здоровье.

Потомъ, раздавъ остальные кусочки мальчикамъ, Аксинья Максимовна, въ сопровожденіи Алексѣя Наумыча, Фомы Зотыча и Агафьи Филатьевны, вышла на паперть.

Digitized by Google

— Матушка! пожалуйте что-нибудь бѣдному, безногому старику, помогите, христа-ради!.. раздался чей-то дряблый голосъ, и Аксинья Максимовна увидала передъ собою лежавшаго на землѣ старика.

— Боже мой, какой несчастный! проговорила она. Откуда ты, голубчикъ.

— Изъ Голубина, матушка.

— Давно у тебя отнялись ноги?

— Что? не слышу, промычалъ старикъ.

— Давно отнялись у тебя ноги?

— Давно... отморозилъ.

— Какъ же это?

— Чево?

— Какъ же это ты отморозилъ?

— Съ обозомъ ѣздилъ.

— Какой несчастный! снова проговорила Аксинья Максимовна и подала старику гривенникъ.

Старикъ началъ креститься и кланяться, а Аксинья Максимовна въ сопровожденіи той же свиты пошла домой.

— Я всегда подаю нищимъ, говорила Аксинья Максимовна, и тебѣ совѣтую, Алеша, подавать имъ. Охъ, великая это вещь, мой другъ, право великая, и господь не оставитъ тебя за это. А ужь убогимъ и калѣкамъ и подавно. Убогому и калѣкому взять негдѣ. Вотъ еще у насъ смѣются все надъ юродивыми... Великій это грѣхъ, и не смѣяться надо надъ ними, а благоговѣть. Божьи люди они, Алешинька, и никогда ты не смѣйся надъ ними. Посмотри-ка какъ другіе босикомъ зимой ходятъ въ однѣхъ рубашкахъ, такъ стало-быть тѣлеса ихъ святы, коли не зябнутъ. А у насъ смѣются надъ ними!.. вотъ до чего мы скверны-то. Охъ, да мало ли какихъ людей нѣтъ на свѣтѣ! Другой надъ всѣмъ смѣется... и надъ старостью, и надъ благочестіемъ, и надъ постами, и надъ святыней... И всѣмъ имъ нипочемъ, тогда какъ люди набожные во всемъ видятъ волю божью...

Такъ говорила Аксинья Максимовна, между тѣмъ какъ народъ расходился изъ церкви. На паперти показалась цѣлая толпа разряженныхъ крестьянъ. Мальчишки принялись прыгать съ паперти, а глядя на нихъ и дѣвчонки. Полѣзли и старушки бочкомъ по приступочкамъ, крестясь и потряхивая головами. И вся эта толпа побрела по домамъ, почтительно кланяясь Аксиньѣ

Digitized by Google

Максимовнѣ, когда приходилось имъ обгонять ее. Парни въ зеленыхъ и синихъ халатахъ шли широко шагая и переваливаясь съ боку на бокъ и лукаво поглядывали на молодыхъ бабъ и дѣвокъ. Дьячокъ все еще трезвонилъ и такъ весело съ колокольни кивалъ головою своему пріятелю повару, что тотъ невольно кричалъ: «Молодецъ, молодецъ! вотъ такъ ловко!..» А яркое солнце, сыпавшее лучи свои, еще болѣе придавало картинѣ веселый видъ. Наконецъ дьячокъ какъ-то особенно приударилъ въ колокола и скрылся съ колокольни. Въ это время и Аксинья Максимовна вошла въ свой домъ, въ которомъ встрѣтила ее Бутузка, съ визгомъ бросаясь на свою покровительницу.

IV

Прошло дня три, а Алексѣй Наумычъ все еще не возвращался. Въ другое время Аксинья Максимовна, мнѣ кажется, захворала бы отъ безпокойства, но теперь она даже какъ-будто забыла про своего Алешу. И въ самомъ дѣлѣ во Фроловѣ происходило что-то странное.

Какъ только Алексѣй Наумычъ, перебросивъ за спину ружье, скрылся за березовой рощей, такъ въ тоже время буфетчикъ Акимъ торопливо вышелъ изъ дома и побѣжалъ по направленію къ конторѣ, изъ которой минуты черезъ три снова возвращался въ домъ, но только уже не одинъ, а въ сопровожденіи прикащика Фомы Зотыча. Лица обоихъ были страшно озабочены и Фома Зотычъ не разъ наклонялся къ Акиму и на ухо о чемъ-то спрашивалъ его. Въ то время, когда подходили они къ дому, въ одномъ изъ оконъ показалась Аксинья Максимовна. Она махала рукой и видимо гнѣвалась, что Фома Зотычъ, вслѣдствіе тучности своего тѣла, двигался какъ черепаха. Съ полчаса пробылъ Фома Зотычъ въ комнатахъ своей барыни, наконецъ вышелъ. На крыльцѣ встрѣтилъ его Акимъ, возвращавшійся изъ кухни съ кипою тарелокъ. Онъ хотѣлъ было о чемъ-то спросить прикащика, но взглянувъ на вытянутое его лицо, только и могъ проговорить.

— Ну что, въ Сибирь?

— Въ Сибирь, проговорилъ прикащикъ и оба разошлись.

Не прошло и часу, какъ во дворнѣ произошло какое-то сма-

Digitized by Google

теніе. Слово Сибирь повторялось почти всѣми, оно шепталось и за амбаромъ, и за сараемъ, и за конюшней, но произносилось съ такимъ страхомъ и съ такой осторожностью, какъ-будто повсюду парили невидимо чьи-то грозныя уши и какъ-будто смотрѣли повсюду чьи-то еще болѣе грозные глаза. Шопотъ слышался повсюду. Поваръ, помѣшивая варившійся въ кострюлѣ горошекъ, о чемъ-то шепталъ дьячку, который тоже въ свою очередь шепталъ повару.

— Дѣло плохо.

— Дрянь дѣло, отвѣчалъ поваръ.

— Ужъ не сходить ли мнѣ полно къ Хмурову.

— Да что толку-то?

— Какъ что, можетъ и выйдетъ толкъ какой-нибудь. Хмуровъ баринъ добрый; опять же онъ и знаетъ Ивана. Вѣдь Иванъ-то покамѣстъ въ бѣгахъ-то былъ, вишь все время жилъ у Хмурова. Онъ мнѣ самъ вчера признавался. Хмуровъ ему и жалованье платилъ и какъ вишь полюбилъ его. Можетъ онъ и выкупитъ Ивана, когда я пораскажу ему исторію-то.

— Такъ вотъ тебѣ сейчасъ и согласится наша-то...

— А почемъ знать. Чего, братъ, не знаешь, такъ отгадать трудно.

— Ну чтожъ, смахай.

— Ейбогу смахаю. Выпью для храбрости полштифеля да и смахаю.

— Такъ ужь мы значитъ выпьемъ вмѣстѣ; я тебя и провожу до околицы, а то деревней собаки загрызутъ.

— Ну чтожъ, проводи. Только надо напередъ обо всемъ этомъ съ Иваномъ переговорить. Что онъ то-есть скажетъ.

— Извѣстно, переговорить надо.

— Надо, надо.

И они снова начали шептаться, причемъ дьячокъ запустилъ въ кострюльку руку, и вытащивъ щепотку сладкаго горошка, началъ жевать его.

Агафья Филатьевна тоже была какъ-будто не своя. Встрѣтясь возлѣ вышекъ съ прикащицей, она, покамѣстъ отпирала замокъ, успѣла спросить ее:

— Слышали?

— И не говорите, отвѣчала прикащица, махнувъ рукой. — Все слышала.

Digitized by Google

— Вашему супругу въ городъ приказано ѣхать!

— Да, въ городъ.

— Вотъ мы до какихъ временъ дожили.

— Да, дожили, проговорила прикащица и отошла отъ вышки, въ которую скрылась Агафья Филатьевна.

Изъ конюшни кучеръ выводилъ толстую бурую лошадь.

— Ну ты, иди чтоль, ворчалъ онъ, немилосердно дергая лошадь: — ну, иди, каторжная.

— Кому это ты лошадь-то закладываешь? спросилъ кучера ткачъ, проходившій мимо съ ведрами.

— Вашему сіятельству, грубо отвѣтилъ разсерженный кучеръ.

— Покорно благодаримъ, ваше превосходительство, проговорилъ ткачъ и пошолъ было дальше, но увидавъ показавшагося на крыльцѣ конторы Фому Зотыча, снова остановился. Его какъ видно удивило озабоченное лицо прикащика и дорожный костюмъ его.

— Скоро чтоль? кричалъ Фома Зотычъ кучеру, который впячивалъ уже лошадь въ растопыренныя оглобли небольшой телѣжки.

— Въ одну минуту. Стриженная дѣвка не успѣетъ косы заплесть, какъ лошадь будетъ уже запряжена, отвѣчалъ кучеръ.

Шутка эта какъ видно разсердила Фому Зотыча, которому совсѣмъ было не до смѣху.

— А вотъ какъ я выдеру тебя хорошенько, такъ ты у меня и перестанешь зубы-то скалить, прокричалъ прикащикъ, и плюнувъ, скрылся въ контору.

— Вотъ что дѣло, то дѣло, Фома Зотычъ; замѣчаніе дураку завсегда слѣдуетъ сдѣлать, проговорилъ обиженный кучеромъ ткачъ и пошолъ къ колодцу, возлѣ котораго барахтались въ грязи двѣ дѣвчонки и пестрый селезень.

V

А народъ тѣмъ временемъ все больше и больше начиналъ двигаться. Здѣсь и тамъ показывались кружки, но собирались эти кружки всегда такъ, чтобы ихъ не могла увидать Аксинья Максимовна. Либо сойдутся за амбаромъ, либо за кухней, либо

Digitized by Google

за садомъ. Сойдутся и начнутъ шептаться и махать руками. Но зато все это дѣлалось такъ осторожно, такъ боязно, что стоило только каркнуть воронѣ, какъ всѣ кружки разбѣжались бы кажется въ одну минуту и попрятались бы по разнымъ угламъ.

Минутъ черезъ двадцать запряжонная телѣжка стояла уже у крылечка конторы. Усаживавшійся въ нее правитель Фролова казалось былъ не въ духѣ, потомучто никакъ не могъ покойно усѣсться. То ворчалъ онъ на подушку, то на коверъ, то на кучера, который не сидѣлъ, а спалъ на козлахъ, и конечно бы не скоро еще усѣлся Фома Зотычъ, еслибы въ одномъ изъ оконъ дома не показалась тощая фигурка Аксиньи Максимовны.

— Ты все еще не уѣхалъ, кричала она.

— Отправляюсь сію минуту-съ, отозвался Фома Зотычъ и поспѣшно снялъ фуражку.

— Да что это ты такъ копался-то. Ужь давно бы поспѣлъ до города доѣхать.

— Больно прытко скачешь, проворчалъ про себя кучеръ и самъ испугался своей смѣлости.

— Трогай! крикнулъ Фома Зотычъ.

И телѣжка покатилась, между тѣмъ какъ Аксинья Максимовна кричала вслѣдъ уѣзжающимъ:

— Смотри же привези непремѣнно писаря, да хорошаго, чтобы всѣ законы зналъ. Слышишь?

— Слушаю-съ, крикнулъ прикащикъ, и поднявъ облако пыли, скрылся за густыми акаціями сада.

Но чтоже такое произошло въ самомъ дѣлѣ во Фроловѣ? Отчего эти сходки, эта суета, эти озабоченныя лица, этотъ шопотъ? Кчему эта таинственность?.. Ужели все это происходитъ во Фроловѣ, такъ скромно прижавшемся подъ тѣнь кудрявой березовой рощи? Ужели это та самая Аксинья Максимовна, которую мы привыкли видѣть всегда спокойно сидящею возлѣ растворенпаго окна въ сообществѣ своей Бутузки — своего единственнаго утѣшенія. Отчего же она теперь не сидитъ, а ходитъ такъ торопливо изъ одной комнаты въ другую, что-то нашоптывая и какъ-будто сердясь на все и всѣхъ? Чтоже такое происходитъ во Фроловѣ?

Однако солнце успѣло уже опуститься за горизонтъ. День прошолъ. Палящій зной до сихъ поръ какъ-будто цѣпенѣвшій въ воздухѣ, началъ мало-помалу смѣняться прохладой, и при-

Digitized by Google

рода, эта живописная фроловская природа, оживилась и встрѣпенулась. Запахъ цвѣтовъ и рощи разлился по воздуху и какъ-то особенно легко дышалось имъ. Легкія облачка, облитыя розовымъ свѣтомъ зари, уходили все выше и выше и незамѣтно разплывались потомъ въ воздушномъ пространствѣ. То-то, я думаю, блаженствуетъ теперь Алексѣй Наумычъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ, я думаю, ждалъ онъ благодатнаго вечера, скрываясь отъ палящаго зноя подъ тѣнью какого-нибудь дерева. То-то теперь охотится онъ, и лазя по болотамъ, отдыхаетъ отъ испытанныхъ имъ тревогъ. Да и врядъ ли онъ думаетъ теперь объ этихъ тревогахъ. Въ веселую и отрадную минуту невольно какъ-то забываются минуты грусти и тяжолой тоски. И слава-богу!

Но вотъ показалось и стадо. Съ ревомъ и топотомъ разсыпалось оно по Фролову и какъ-то нехотя, понуря голову, идетъ въ душные дворы. Овцы, поднявъ цѣлую тучу пыли, оглашаютъ окрестность дрожащимъ блѣяніемъ. Босые мальчишки и дѣвчонки съ длинными хворостинами бѣгаютъ за ними, и только еще больше кажется распугиваютъ стадо. У колодцевъ цѣлыя толпы бабъ, оцѣпы скрыпятъ, крику и говору конца нѣтъ.

— Что старику-то вашему не полегче, Агафья? спрашиваетъ старуха молодую бабенку.

— Нѣтъ, баушка, все въ одномъ положеніи.

— Помретъ должно быть?

— Должно быть, что помретъ.

— Вы бы его подъ образа положили, все бы ему отходить-то полегче было.

— Да ужь мы и такъ положили его.

Возвращается и пахарь, бочкомъ сидя на лошади.

— Здорово, сватъ, кричитъ онъ мужичку, сидящему на заваленкѣ. — Что, али дѣлать-то нечего, что сидишь почесываясь. Э! да ты братъ никакъ выпимши?

— Выпимши, отвѣчалъ мужичокъ.

— Съ какой радости?

— Да такая вышла линія. Пришолъ къ обѣдни — все отвѣли, пришолъ къ обѣду — все отъѣли, пришолъ въ кабакъ — только-что такъ.

— Ну, вотъ и ладно. Ай да сватъ.

И веселый хохотъ мужичка зазвенѣлъ въ воздухѣ.

Digitized by Google

Черезъ полчаса все уже было тихо, слышался только глухой говоръ ужинавшихъ мужиковъ, да и то слышался онъ тогда только, когда очень близко подходишь ко дворамъ. Все утихало. Кончился день съ своими заботами, кончилось и движеніе. Усталые члены просятъ отдыха, усталые глаза закрываются и какою-то роскошью кажется тогда это мягкое душистое сѣно и этотъ таинственный полумракъ сѣноваловъ, въ которыхъ такъ и дышетъ все нѣгою и отдыхомъ.

VI

Но между-тѣмъ какъ на селѣ все засыпало, на барскомъ дворѣ никто еще и не думалъ спать. Ночная тѣнь, таинственный свѣтъ луны, тихій плескъ воды кажется еще болѣе оживляли дворню Аксиньи Максимовны, но на этотъ разъ весь народъ собрался кажется только позади кухни, и окружалъ повара и дьячка. Оба они были сильно выпивши, а такъ какъ всему міру извѣстно, что вино заставляетъ говорить даже самого молчаливаго, то и нечего удивляться, что во всей этой толпѣ только и раздавались голоса повара и дьячка. Но что они говорили, разобрать было весьма трудно, потомучто они оба говорили въ одно и то же время. Однако дорожный костюмъ дьячка, хотя только ему и предстояло пройти семь верстъ, прямо говорилъ, что намѣреніе его идти къ помѣщику Хмурову было одобрено Иваномъ. Я уже сказалъ, что трудно было бы разобрать что именно говорилъ дьячокъ, разобрать же повара было еще труднѣе, потомучто тотъ ужь окончательно былъ пьянъ. Для храбрости, въ которой впрочемъ поваръ ни сколько не нуждался, такъ какъ весь походъ его состоялъ только въ проводахъ дьячка до околицы, онъ хватилъ такую красоулю, отъ которой бы конечно сошолъ съ ума всякій нѣмецъ. Поваръ и дьячокъ поминутно обнимались, и обнявшись все тростили о томъ, что надо непремѣнно спасти Ивана, потомучто изъ-за чего же долженъ погибнуть человѣкъ. Дьячокъ же въ это время снималъ свою шляпу и крестясь на церковь, ярко освѣщонную луной, давалъ торжественную клятву, что онъ спасетъ Ивана, потомучто онъ очень любитъ его и потомучто тотъ разъ сдѣлалъ для него сундукъ. При чемъ онъ прибавилъ, что еслибы и поваръ попался, то онъ

Digitized by Google

спасъ бы и повара, потомучто онъ съ поваромъ пріятель и готовъ за него положить свою душу. Тогда поваръ снималъ картузъ и начиналъ кланяться дьячку въ ноги и цѣловать его руки, говоря, что онъ вѣкъ не забудетъ его благодѣяній и денно и нощно будетъ молиться за него Богу. И все это онъ говорилъ рыдая, а черезъ пять минутъ чуть-чуть было не избилъ дьячка за то, что тотъ не хотѣлъ дать ему трубки. Драка бы непремѣнно возникла, но боясь шуму, народъ рознялъ и помирилъ ихъ. Я не знаю долго ли бы продолжалась эта сцена, еслибы наконецъ зрители, которымъ уже начинали надоѣдать поваръ и дьячокъ, не напомнили послѣднему, что уже на дворѣ очень поздно и что ему пора идти. Тутъ дьячокъ, а съ нимъ кстати и поваръ перецѣловались со всей дворней и положивъ земной поклонъ на церьковь, отправились въ путь.

— Вотъ такъ нализались! проговорилъ кто-то въ толпѣ.

— А все дьячокъ, возразилъ другой голосъ. Я такъ полагаю, братцы, что изъ этого никакого пути не будетъ, потому дьячокъ пьянъ и навѣрное проваляется всю ночь гдѣ-нибудь въ оврагѣ.

— А то пожалуй въ шинокъ зайдутъ! возразилъ третій голосъ.

— Нѣтъ, теперь въ шинокъ не пустятъ, поздно.

— Ихъ-то не пустятъ? Во-на! Ихъ завсегда пустятъ.

— Ну, что будетъ, то и будетъ, а покамѣстъ пора на боковую.

VII

Предположенія толпы отчасти сбылись, и хотя поваръ и дьячокъ въ шинокъ не заходили, однако слѣдующее обстоятельство немного позадержало ихъ. Дѣло въ томъ, что они едва успѣли дойти до села, какъ вдругъ что-то черное, выскочившее изъ-подъ плотины остановило ихъ. Они сначала было перепугались, но впослѣдствіи разглядѣвъ, что это черное имѣло подобіе человѣка въ сарафанѣ, они ободрились и пустились за бабой вдогонку. Такъ какъ та нисколько не хотѣла отъ нихъ уйти, а напротивъ еще остановилась, то достигнуть ее и было нетрудно. Оказалось, что баба была солдатка Афимья.

Digitized by Google

— Ба! почти вскричалъ дьячокъ: — Афимьюшка, свѣтикъ ясный!

— Ба! протянулъ въ свою очередь поваръ: — какими судьбами, и оба принялись тормошить Афимью.

— Тише, тише, вы! Вотъ окоянные-то, прости господи, бормотала она, нисколько впрочемъ не желая вырваться изъ рукъ, тискавшихъ ее. Полно вамъ орать-то, народъ перебудите, нешто хорошо. Полно вамъ, грѣховодники.

— Человѣкъ рожденъ во грѣхахъ и со грѣхомъ въ землю отыдетъ.

А между-тѣмъ поваръ тростилъ.

— Послушай, Афимья, послушай, послушай, мы того, къ тебѣ...

— Да, да, мы къ тебѣ, подхватилъ дьячокъ.

— Ты сходи за водкой-то.

— Да, да, сходи, потому мнѣ для храбрости нужно.

— И мнѣ тоже: я иду провожать его до околицы. Такъ стало-быть можно къ тебѣ, Афимьюшка.

— Я не знаю, шептала та. Какъ бы не увидали.

— Ну вотъ, кто увидитъ. Всѣ спятъ.

— Да, спятъ, а можетъ не спятъ еще.

— Э! да что толковать-то съ тобой. Ну иди впередъ.

Афимья пошла, а за ней дьячокъ и поваръ. Когда подходили они къ небольшой перекосившейся избушкѣ, въ которой жила въ своемъ одиночествѣ солдатка, поваръ украдкой подбѣжалъ къ Афимьѣ и шепнулъ ей на ухо:

— Войдешь въ сѣни, стань въ уголъ, пусть колуханъ-то пройдетъ въ избу. Мнѣ нужно поговорить съ тобой.

— Хорошо, проговорила Афимья и легонько, оглядываясь, принялась отворять ворота.

Черезъ минуту дьячокъ былъ уже въ небольшой избѣ, въ которой было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Афимьи и повара въ избѣ не было.

— Эй, вы! да куда-жъ вы дѣвались, кричалъ дьячокъ. Гдѣ вы? но не получа отвѣта, онъ предположилъ, что вѣрно Афимья пошла за водкой, успокоился и ощупью отыскавъ лавку, заоралъ во все горло: «Спаси Го-осподи лю-ди твоя и благослови достояніе твое...»

— Экъ! онъ какъ оретъ, прошептала въ сѣняхъ Афимья.

Digitized by Google

— Пускай его! раздался шопотъ повара.

— Вѣдь эдакъ онъ всѣхъ перебудитъ.

— Нѣтъ. Да что это у тебя тутъ, кадушка чтоли?

— Кадушка съ квасомъ...

И все затихло въ сѣняхъ, между-тѣмъ какъ дьячокъ все еще распѣвалъ въ избѣ охрипшимъ голосомъ.

Итакъ пропировали друзья всю ночь и только ужь на разсвѣтѣ видѣли какъ дойдя до околицы, они принялись прощаться. Прощались они, говорятъ, такъ нѣжно и такъ горько плакали, что можно было бы подумать, что они разставались на вѣкъ.

— Прощай, говорилъ дьячокъ. Жаль мнѣ разставаться съ тобой, но дѣлать нечего: я долженъ спасти человѣка.

— Спаси, спаси, тростилъ поваръ, придерживаясь за плетень, потомучто безъ этого онъ не въ силахъ былъ бы устоять на ногахъ.

— Сказано спасу — значитъ и толковать нечего.

И еще разъ поцѣловавшись друзья разстались. Дьячокъ вышелъ въ поле, волновавшееся рожью, а поваръ, опустившись на землю, сначала зарыдалъ, а потомъ заснулъ и проспалъ ровно до одинадцати часовъ дня, послѣ чего, какъ ни въ чемъ не бывало, принялся въ своей кухнѣ стучать ножами и мѣшать въ кострюляхъ.

VIII

На третій день послѣ описаннаго, часу во второмъ по полудни, верстъ за восемь отъ Фролова тащился какой-то мужичокъ, возлѣ телѣжки котораго шолъ, едва передвигая ноги, Алексѣй Наумычъ. Онъ наконецъ рѣшился возвратиться домой. Усталый и даже изнуренный отъ двухдневной охоты, онъ не чаялъ какъ добраться до дому и до своей комнаты съ тѣмъ, чтобы тотчасъ броситься на кровать. Какъ однако ни былъ онъ утомленъ, но все же нельзя было не замѣтить на ясномъ лицѣ его того отраднаго довольства, которымъ дышатъ развѣ лица очень еще юныхъ людей. Можно было по всему замѣтить, что Алексѣй Наумычъ былъ очень доволенъ своей судьбой. Идя возлѣ телѣжки и весело оглядывая ярко освѣщонныя солнцемъ поля, онъ невольно заглядывалъ во внутрь себя и только благо-

Digitized by Google

словлялъ судьбу свою. Какъ все легко, какъ все весело и какъ тепло и благотворно было ему среди этого блаженства. Точно онъ попалъ въ оранжерею или теплицу среди зимней стужи, среди общей мертвенности. Куда бы ни падалъ взглядъ его, повсюду смотрѣло привольно. Тамъ среди бархатныхъ луговъ синѣла рѣка, свѣтлая и гладкая какъ сталь, тамъ изъ-за густой ржи виднѣлась деревушка, между избами которой задорились ветлы и липы; узенькая дорожка бѣжала къ этой деревушкѣ, то спускаясь въ лощину съ шумящимъ ручьемъ, то взбѣгала на пригорокъ и тонула въ зелени хлѣбовъ. Изрѣдка попадались покачнувшіеся гнилые кресты и тогда Алексѣй Наумычъ обращался къ мужичку и начиналъ распрашивать его что это за крестъ и зачѣмъ онъ стоитъ тамъ. И узнавъ, что подъ крестомъ этимъ лежитъ или мужичокъ, разшибленный громомъ, или бѣдная старушонка, убитая какими-то нищими, лѣтъ двадцать тому назадъ, Алексѣй Наумычъ невольно призадумывался. Ему какъ-то не хотѣлось вѣрить, что среди этого яснаго, свѣтлаго божьяго міра, среди этой ласкающей и любящей природы можетъ зарождаться какое-нибудь черное чувство и можетъ совершиться преступленіе. Ему казалось, что здѣсь можетъ быть одна только любовь, одно только согласіе, одна только вѣчная и постоянная дружба. Ему какъ-то не хотѣлось вѣрить, что здѣсь могла гнѣздиться вражда. Все такъ смотрѣло мирно, кротко. Переносился ли онъ мысленно въ избушку мужика и ему представлялась семья, дружно живущая, любящая другъ друга; смотрѣлъ ли онъ на пахаря, взрывающаго подъ жгучими лучами солнца свой гористый загонъ и онъ невольно думалъ: какъ должно-быть спокоенъ этотъ пахарь, какъ благословляетъ онъ судьбу свою, — у него есть землица, есть лошадь, есть изба, тонувшая въ зелени ветелъ, и Алексѣю Наумычу даже и въ голову не приходило, что въ семьѣ мужика есть деспотъ-старикъ, угнетающій всю семью свою, что пахарь изнуренъ трудомъ и болѣзнію, и что загонъ его неразъ можетъ-быть орошался слезами и кровью. Алексѣй Наумычъ на все смотрѣлъ счастливыми глазами, ко всѣмъ примѣнялъ собственное свое положеніе и ему было весело и все блестѣло въ его глазахъ также какъ блестѣло солнце, какъ блестѣла рѣка, какъ блестѣла эта синяя даль, которой и конца не было.

Разговоръ шолъ непрерывно. Алексѣй Наумычъ говорилъ

Digitized by Google

про все, про луга, про поля, распрашивая мужичка про его жизнь, про его лошаденку, про его семью, расказывалъ ему про свою охоту и разговорился до того, что даже и не замѣтилъ, какъ очутилась передъ ними въ нѣсколькихъ шагахъ густая и темная липовая роща, кругомъ обнесенная широкой канавой, обсаженной кратегусомъ. Алексѣй Наумычъ никогда не видалъ этой рощи.

— Что это за роща? спросилъ онъ, обращаясь къ мужику.

— Это не роща, а паркъ.

— Какой паркъ?

— А господина Хмурова, Гаврила Васильевича.

— Ахъ, такъ это хмуровское имѣніе! почти вскрикнулъ Алексѣй Наумычъ.

— Оно самое.

— Ахъ, какъ я радъ! мнѣ давно хотѣлось посмотрѣть на него. Я такъ много слышалъ объ этомъ Хмуровѣ. А что, порядочное имѣніе?

— Какого еще имѣнія, держава, первый сортъ.

— Неужто. За то ужь самъ-то Хмуровъ никуда не годится! даже съ какой-то ненавистью проговорилъ Алексѣй Наумычъ.

— Какъ никуда не годится? спросилъ изумленный мужичокъ.

— Безбожникъ, негодяй, мерзавецъ и мало того еще съ чертями знакомство водитъ. Вѣдь у него и богатство-то все отъ чорта. Золотому идолу поклоняется, который даетъ ему каждый разъ по мѣшку золота, и все-таки несмотря даже на это, всѣхъ своихъ людей такъ тиранитъ, что никто ужиться не можетъ и всѣ бѣгутъ отъ него, какъ отъ чумы.

Мужикъ покачалъ головой и проговорилъ довольно скоро:

— Нѣтъ, это напрасно, баринъ, напрасно!

— Какъ напрасно? перебилъ его Алексѣй Наумычъ, все болѣе и болѣе разгорячаясь: — шила въ мѣшкѣ не утаишь. Всѣ нищіе, всѣ бѣглые — все хмуровскіе. Ни въ церковь не ходитъ, ни въ Бога не вѣруетъ, ни постовъ не соблюдаетъ, надъ монашествующими надругается, съ сосѣдями въ ссорѣ...

— Да, это точно, съ сосѣдями онъ мало знается.

— Такъ это развѣ хорошо. Надо жить со всѣми въ дружбѣ, въ согласіи и помнить, что всѣ мы между собою братья. . . .

Digitized by Google

— Да чтожъ станешь съ ними дѣлать, съ сосѣдями, коли они всѣ и вниманья-то не стоятъ.

— Такъ ужь будто и нѣтъ ни одного порядочнаго.

— Врядъ найдешь. Тотъ пьяница, другой наровитъ какъ бы надуть сосѣда, какъ бы у него клочокъ земли оттянуть, третій съ позволенія сказать безъ сквернаго слова куска хлѣба въ ротъ не возьметъ. Ну какже Хмурову-то знакомство водить съ ними. А сверхъ того и зависть много дѣйствуетъ. Извѣстно, всѣмъ завидно, что Хмуровъ богатъ, а гдѣ зависть, тамъ, братецъ, какъ разъ обнесутъ.

— Нѣтъ, это не то! проговорилъ Алексѣй Наумычъ: — а всему виной наша гордость глупая, наша алчность. Я ужь слыхалъ кое-что про этого Хмурова и вижу, что это такой человѣкъ, какихъ не приведи Богъ встрѣчать. Ужь стало-быть хорошъ гусь, коли всѣ бѣгаютъ отъ него, даже крѣпостные его.

— Да ты что, баринъ, знаешь чтоль Хмурова-то? спросилъ мужичокъ, какъ видно разсержонный словами Алексѣя Наумыча.

— Нѣтъ, не знаю.

— Такъ почему-жъ ты говоришь-то такъ?

— Потомучто слышалъ.

— Вотъ то-то братъ и есть, что ты еще молодъ. Материнское молоко на губахъ не обсохло, а ужь про стариковъ судишь.

Алексѣй Наумычъ вспыхнулъ, но мужичокъ не замѣчая этого продолжалъ.

— Наговорилъ ты мнѣ много, цѣлый коробъ, а правды нѣтъ ни на копѣйку. Ну да извѣстное твое дѣло молодое, глупое, только нехорошо тому, кто постарше тебя, да такія глупыя рѣчи говоритъ. Ужь сколько лѣтъ я живу здѣсь, а такихъ разговоровъ про Гаврила Васильича никогда не слыхивалъ, да и сами мы его коротко знаемъ, для того, что завсегда у него найдемся то хлѣбъ убирать, то на фабрикѣ работать; и окромѣ того знакомы съ нимъ. Гаврило Васильичъ такой баринъ, какихъ въ околодкѣ не найти больше, разсудительный, добрый, ласковый и кто къ нему не придетъ, всѣмъ помощь окажетъ. Вотъ хоть бы и насъ сколько разъ выручалъ. Въ третьемъ году сгорѣла у меня вся усадьба, весь скотъ, весь хлѣбъ... остался съ семьей въ одныхъ рубашкахъ, да съ одними крестами на шеѣ;

Digitized by Google

что дѣлать? По-міру идти стыдно, потому завсегда жили, благодареніе Господу, хорошо; подумалъ, подумалъ, да и пошолъ къ Гаврилу Васильичу... Пришолъ, упалъ въ ноги, такъ и такъ говорю, батюшка, Гаврило Васильичъ, выручи. Воръ воруетъ — стѣны оставляетъ, а огонь все чисто дѣлаетъ. Погорѣлъ, говорю, выручи... Такъ чтожъ ты, баринъ, думаешь, вѣдь выручилъ, далъ лѣску, далъ деньжонокъ... На, говоритъ, разживайся, только, говоритъ, смотри Иванъ, чтобы мое не пропало; у меня, говоритъ, у самого семья больше твоей, да и нужно-то мнѣ больше твоего. Смотри, говоритъ, отдай... И только взялъ съ меня росписку. Нѣтъ, Гаврило Васильичъ баринъ жалостливый, дай Богъ ему здоровья, баринъ добрѣющій!

— Можетъ-быть онъ добръ былъ для тебя одного, но это еще ничего не значитъ, если онъ къ другимъ дуренъ.

— Ни къ кому не дуренъ онъ, ни къ кому! возразилъ мужичокъ: — и ни одна душа, сколько ихъ здѣсь ни на есть въ околодкѣ, ни одна душа не скажетъ про него дурного, окромя хорошаго. А тотъ кто тебѣ, баринъ, говорилъ про него дурно, то самъ дурной человѣкъ и ты скажи ему, что поносить такъ хорошаго человѣка грѣхъ великій. Вотъ что ты скажи этому человѣку.

И потомъ, немного помолчавъ, онъ спросилъ скороговоркой:

— Да тебѣ кто говорилъ-то это?

— Слышалъ отъ людей! пробормоталъ Алексѣй Наумычъ.

— Нѣтъ, именно?

— Да не помню отъ кого? снова пробормоталъ Алексѣй Наумычъ, не желая почему-то помянуть имени своей тетки.

— То-то! протянулъ мужичокъ: — а ужь я думалъ не фроловская ли барыня тебѣ такъ росписала его.

— А почему-жъ ты думаешь, что это она?

— Да такъ, потомучто дуреха она, изъ ума выжила.

Алексѣй Наумычъ даже вздрогнулъ, такъ оскорбили его слова мужика. Онъ даже хотѣлъ было изругать его за дерзость, но остановился, увидавъ его невозмутимое хладнокровіе. Что же это такое? подумалъ онъ, кто же изъ нихъ правъ и кто виноватъ. Быть не можетъ, чтобы тетушка могла оклеветать кого бы то ни было, а она прямо говорила мнѣ, что Хмуровъ безбожникъ, что онъ тиранъ и что все его богатство отъ чертей,

Digitized by Google

Обстоятельство это даже какъ-будто перевернуло Алексѣя Наумыча и онъ боялся уже вступать съ мужикомъ въ споры, чтобы не услыхать чего-нибудь еще худшаго. Онъ шолъ молча и не знаю почему-то вспомнилъ оплеухи, которыя далъ онъ повару и Агафьѣ Филатьевнѣ по настоянію Аксиньи Максимовны. Онъ вспомнилъ даже лицо Аксиньи Максимовны, ту блѣдность, которою оно было покрыто въ ту минуту, тѣ бѣгающіе глазки, и какая-то дрожь пробѣжала по его тѣлу. Но онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы все это было слѣдствіемъ какой-нибудь основательной причины; онъ не хотѣлъ возмущать собственнаго своего спокойствія. «Нѣтъ, это такъ, думалъ онъ, пустяки; тетушка вспылила, вотъ и все, мало ли вспыльчивыхъ людей...» Но потомъ вдругъ онъ вспомнилъ, что все это произошло отъ Бутузки и невольно осудилъ Аксинью Максимовну, что она такъ нелѣпо привязалась къ дрянной собачонкѣ.

IX

Между тѣмъ паркъ сначала синѣвшій вдали, былъ уже близко и до Алексѣя Наумыча долеталъ уже гулъ вѣтра, качавшаго его старинныя деревья. И что это былъ за превосходный паркъ. Темный, столѣтній съ сплетающимися вѣтьвями онъ такъ и парилъ въ окрестности. Подобные парки встрѣчаются въ настоящее расчетливое время довольно рѣдко, потомучто весьма часто обращаются въ деньги и вырубаются до корня. Множество старинныхъ липъ, множество огромныхъ сосенъ нерѣдко соблазняютъ ихъ владѣльцевъ, и они переводятъ эти памятники старинныхъ временъ безъ малѣйшей жалости. Хмуровъ не принадлежалъ къ числу подобныхъ и нетолько берегъ его, но даже холилъ его со всевозможной любовью и стараніемъ. Какъ человѣкъ понимающій комфортъ и придающій ему вполнѣ должную цѣну, онъ смотрѣлъ на паркъ какъ на необходимость и дорожилъ имъ вполнѣ. И Алексѣй Наумычъ не разъ подходилъ къ самой кашкѣ, чтобы поближе полюбоваться всей этой благолѣпіемъ. Больше же всего понравился ему прудъ, большой и свѣтлый, какъ зеркало, посреди котораго на небольшомъ островку возвышался павильонъ, весь потонувшій въ кустахъ сирени. Вблизи берега у небольшой пристани стояла красивая лодка. Все

Digitized by Google

говорило о порядкѣ, который царствовалъ здѣсь, въ этой вѣчной тѣни и вѣчной прохладѣ. Попадавшіяся скамейки были чисты, слишкомъ высокая трава подкошена. Алексѣй Наумычъ, никогда невидавшій такого парка, рѣшительно восхищался имъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и начиналъ чувствовать какую-то робость. Его смущало какъ пройдетъ онъ мимо балкона, на которомъ будетъ быть-можетъ все семейство такого богатаго помѣщика, и кромѣ того ему какъ-то неловко было проходить мимо дома въ томъ растрепаномъ и выпачканомъ костюмѣ, въ какомъ онъ былъ.

— А дорога-то близко къ дому? спросилъ онъ мужичка.

— Да тутъ же, сейчасъ.

Алексѣй Наумычъ взглянулъ впередъ и вдругъ увидалъ красную крышу дома, выдвигавшуюся изъ-за густой листвы. Смущеніе его возрастало съ каждой минутой; онъ началъ оправлять свой сюртукъ, но какой-то шумъ, раздававшійся въ паркѣ, заставилъ его оборотиться. Онъ оглянулся и увидалъ фонтанъ. Фонтанъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома и билъ въ небольшомъ прудочкѣ, окружонномъ гладкой зеленью. Домъ былъ почти новый и весь тонулъ въ сирени. Широкая покойная лѣстница, уставленная цвѣтами, спускалась въ паркъ. На балконѣ въ живописномъ безпорядкѣ виднѣлись стульчики, скамейки и столики и тутъ же Алексѣй Наумычъ увидалъ какую-то пожилую даму съ работой въ рукахъ.

— Это кто такой? спросилъ онъ мужичка.

— Сама барыня, шепнулъ мужичокъ и снялъ шапку.

Заслышавъ скрыпъ телѣги, Хмурова подняла голову.

— Ахъ, Иванъ, это ты, проговорила она дребезжащимъ голосомъ. — Куда это тебя Богъ несетъ?

— Да вотъ, въ Шатиловку, матушка.

— Ну что, ты здоровъ?

— Ничего, благодаримъ покорно-съ.

— Ну, дай-богъ тебѣ.

— Покорно благодаримъ, матушка.

Между тѣмъ смущонный Алексѣй Наумычъ, поспѣшившій отойти отъ мужика, какъ только съ послѣднимъ заговорила Хмурова, и не замѣтилъ какъ онъ достигъ уже бокового фасада дома, вдоль котораго шла тераса, тоже уставленная цвѣтами и убранная плющемъ, сплошной зеленью покрывавшимъ стѣну

Digitized by Google

дома. Первое что кинулось въ глаза Алексѣю Наумычу, это небольшой круглый столикъ, возлѣ котораго расположилось довольно большое общество. Одинъ изъ молодыхъ людей читалъ вслухъ какую-то книгу, между тѣмъ какъ слушавшіе смѣялись слушали веселымъ и звонкимъ смѣхомъ. Но смѣхъ этотъ мгновенно затихъ, какъ только Алексѣй Наумычъ поровнялся съ терасой. Общество немножко какъ-будто сконфузилось, между тѣмъ какъ Алексѣй Наумычъ дотого растерялся, что рѣшительно не зналъ что ему дѣлать. Къ довершенію же его несчастія съ балкона спрыгнула ливретка и съ лаемъ бросилась на него. Онъ перепугался, вертѣлся, цѣплялся за мужичка, успѣвшаго уже догнать его, какъ вдругъ раздался чей-то звонкій голосъ съ терасы и Алексѣй Наумычъ увидалъ у самыхъ перилъ стройную дѣвушку, которая говорила ему:

— Не бойтесь, не бойтесь, она не укуситъ, она такъ только лаетъ. Джипси, Джипси, перестань.

И собака въ одну минуту перестала лаять и начала уже ласкаться къ Алексѣю Наумычу.

— Ну вотъ видите, продолжала между тѣмъ дѣвушка: — она уже и ласкается. Вы погладьте ее.

Алексѣй Наумычъ погладилъ.

X

Минуты черезъ двѣ они миновали уже и домъ и надворныя строенія и шли уже плотиной вдоль пруда. Алексѣй Наумычъ вздохнулъ свободнѣе и позабывъ уже грустныя мысли, навѣянныя на него мужикомъ, забывъ и Аксинью Максимовну и Бутузку, шолъ уже довольно весело и оглядывалъ все съ такимъ изумленіемъ, какъ-будто не вѣрилъ глазамъ своимъ. Повсюду видѣлъ онъ порядокъ, акуратность и восхищался всѣмъ этимъ. Плотина была обсажена ветлами, и казалось никакая вода не могла бы промыть ее: такъ была она крѣпко устроена. Мосты, спускъ и мельничный каузъ отличались тоже прочностью. Мужичокъ, замѣтившій изумленіе Алексѣя Наумыча, еще болѣе увеличивалъ это изумленіе своими объясненіями и расказами.

— Вотъ это мельница, говорилъ онъ, показывая на красивое бревенчатое зданіе, крытое тесомъ: — а это суконная фабрика,

Digitized by Google

значитъ тутъ сукна ткутъ солдатскія. Фабрика богатѣющая и доходъ большой приноситъ. Вотъ оно что значитъ хозяйство-то, да порядокъ. У нашего барина отъ суконной фабрики ничего окромя убытка, а вотъ здѣсь такъ напротивъ. Здѣсь вонъ она какая, словно игрушечка, а на нашу срамъ взглянуть: гнилая, развалющая, крыта соломой... А вонъ энто, продолжалъ мужичокъ, показывая на дорогое зданіе съ высокой трубой, изъ которой клубами валилъ черный дымъ: — это суконовальня, куда валяютъ, и машина парами дѣйствуетъ. Куда какъ мудрено устроена. Машина эта привезена лѣтось откуда-то изъ-за моря, и большіе, говорятъ, тысячи заплочено за нее. Вотъ онъ какой Хмуровъ-то. А вотъ къ осени сахарный заводъ еще посѣютъ. Вонъ видите вы энти срубы-то, это заводъ и есть. Какой-то нѣмецъ строитъ, говорятъ. А ужь какое количество свеклишки насажено, такъ это страсть. Вотъ когда мы выѣдемъ изъ улицы я вамъ покажу. А вонъ посмотрите-ка какое у мужичковъ строеніе-то. По всей губерніи нѣтъ такого строенія. А ужь какъ мужички живутъ, такъ это просто благодать господня. Всѣ мужички, которые работаютъ на фабрикѣ, всѣ на жалованьи, всѣмъ одѣляетъ, да и нетокмо своимъ, даже и стороннимъ насущный хлѣбъ даетъ. Народу здѣсь изъ окрестныхъ деревень видимо-невидимо.

Такъ говорилъ мужичокъ, но врядъ ли Алексѣй Наумычъ слышалъ весь этотъ разговоръ. Онъ дотого былъ поражонъ всѣмъ видѣннымъ, что рѣшительно терялся и вмѣстѣ съ тѣмъ приходилъ въ изумленіе, припоминая отзывы о Хмуровѣ, слышанные имъ отъ Аксиньи Максимовны. Онъ окончательно убѣждался, что они несправедливы и не могъ надивиться тому, какъ могла Аксинья Максимовна такъ очернить Хмурова. Вдругъ вспомнилъ онъ сцену съ собачкой и спросилъ мужичка:

— Что, ты не знаешь кто была эта барышня, которая собачку манила.

— А это большая барышня, старшая значитъ дочка Хмурова. Барышня добрая, разумная. Ужь ей лѣтъ семнадцать будетъ.

— Такъ стало-быть ужь она невѣста?

— Ништо, невѣста, только врядъ ли онъ отдастъ ее за кого-нибудь изъ здѣшнихъ.

— Отчего же?

Digitized by Google

— Да оттого, что по ней здѣсь жениховъ нѣтъ. Лѣтось нашъ молодой баринъ подъѣзжалъ было, да нѣтъ.

— Что, не отдали?

— Извѣстно нѣтъ. А ужь куда было крѣпко подъѣзжалъ. Бывало только и жилъ что здѣсь. И обѣдалъ, и завтракалъ, и вечера-то проводилъ здѣсь. И книги возилъ значитъ, и верхомъ катались, и на фортепьянахъ-то играли, а нѣтъ, ничего не вышло.

— А какъ фамилія твоего барина?

— Шатиловъ, Василій Иванычъ.

— Стало-быть онъ ей не понравился.

— Да, должно-быть что такъ.

— Странное это дѣло, думалъ между тѣмъ Алексѣй Наумычъ, какъ это знакомятся съ такими дѣвушками и какъ это они, эти господа, умѣютъ съ ними говорить. Мнѣ кажется я бы и слова не выговорилъ. Да вотъ хоть бы сегодня. Другой бы, ловкій, будь на моемъ мѣстѣ сейчасъ бы познакомился, сталъ бы ѣздить и любо бы проводилъ время, а я что, покраснѣлъ, сконфузился и даже не поклонился. То-то я думаю за какого невѣжу приняла она меня. Впрочемъ нѣтъ, она такая добрая, она проститъ меня, она я думаю сейчасъ догадалась отчего я не поклонился ей. Да, хорошо родиться тѣмъ, которыхъ ждутъ учителя, и гувернантки, и довольство, и плохо тому, который прямо изъ колыбели пойдетъ шататься по чужимъ людямъ, да обивать чужіе пороги. Тамъ ударятъ, въ другомъ мѣстѣ ударятъ, одинъ день недоѣшь, другой недоѣшь, глядишь и сдѣлаешься робкимъ, забитымъ. Не умѣешь ни сѣсть, ни стать, ни слова выговорить. Другіе все знаютъ, а ты ничего...

И раздумывая такимъ образомъ Алексѣй Наумычъ дотого разгрустился, что даже слезы навернулись на глазахъ его, но это продолжалось недолго: онъ вспомнилъ про настоящее житье свое и вдругъ ободрился.

— Нѣтъ, я грѣшу, проговорилъ онъ про себя. — Я грѣшу. Чего надо мнѣ еще. Развѣ я мыкаюсь теперь по чужимъ угламъ, развѣ я обиваю чужіе пороги. Развѣ я не сытъ, не одѣтъ, не обутъ, не счастливъ, развѣ у меня не достаетъ чего. Развѣ наконецъ у меня нѣтъ тетки, которая любитъ меня и которая не разъ говорила мнѣ, что она все отдастъ мнѣ и что это Фролово будетъ мое. А Фролово развѣ плохое имѣніе. Самъ

Digitized by Google

Хмуровъ и тотъ завидуетъ Фролову. Оно только въ безпорядкѣ, но когда будетъ мое, я его устрою. Я заведу только такую мельницу, фабрику...

XI

А солнце между-тѣмъ золотило окрестность. Во ржахъ трещали кузнечики, изъ сосѣдней рощи слышалось пѣніе птичекъ, повсюду жизнь, бодрость; пробудилась бодрость и въ Алексѣѣ Наумычѣ. Онъ шолъ твердо, весело и весь предаваясь своимъ мечтамъ, даже и не слушалъ мужика, который, показывая ему свекловицу, объяснялъ какъ нужно ее сажать и какъ нужно за ней ухаживать. Казалось Алексѣй Неумычъ былъ въ какомъ-то другомъ и новомъ для него мірѣ. Онъ какъ-будто крѣпъ съ каждой минутой. Онъ былъ казалось такъ счастливъ, что даже какъ-будто началъ отвергать свою безталанность, о которой такъ недавно еще сокрушался. Куда дѣвалась также и робость его. Онъ весь какъ-будто былъ полонъ мощи и чувствовалъ, что и онъ человѣкъ, какъ другіе, что и онъ, если только захочетъ, не отстанетъ отъ другихъ. И дѣйствительно въ тѣ минуты Алексѣй Наумычъ не отсталъ бы отъ другихъ, еслибы только чья-нибудь рука толкнула его, еслибы Алексѣй Наумычъ былъ вполнѣ свободенъ. Одной только свободы онъ не могъ заручить себѣ. Но свобода его была недалеко, ее ужь видѣлъ Алексѣй Наумычъ, онъ чуялъ ея приближеніе, ея благотворное дыханіе, и онъ крѣпъ подъ этимъ дыханіемъ и нравственно и физически. И началъ онъ сознавать тогда, хотя и смутно, но все же сознавать и назначеніе человѣка и назначеніе жизни и тѣ силы, которыя движутъ всѣмъ, и Алексѣю Наумычу было такъ легко.

Такъ прошло часа полтора. Изъ-за бугорка выглянула фроловская роща и мужичокъ почти вскрикнулъ:

— А вотъ и Фролово.

— Какъ, ужь дошли?

— Да, дошли, вонъ роща.

— Какъ скоро.

— Какое же скоро. У меня даже ноги устали, да и вы-ка тоже усталъ поди, баринъ.

— Нѣтъ, я ничего.

Digitized by Google

— А я такъ устелъ и прикину на телѣжку. Теперь можно, дорога пойдетъ подъ горку. Да не хочешь ли ты присѣсть.

— Нѣтъ, спасибо, я дойду пѣшкомъ.

— Ну, какъ знаешь.

Фролово открывалось все больше и больше. Показались развалленныя избушки, показался прудъ, показалась церковь, а потомъ и околица, та самая, около которой происходило разставаніе дьячка съ поваромъ.

Но какое же было удивленіе Алексѣя Наумыча, когда онъ, подойдя къ околицѣ, вдругъ увидалъ, что отъ крыльца Аксиньи Максимовны отъѣзжалъ какой-то тарантасъ, запряженный тройкою отличныхъ сѣрыхъ лошадей, разукрашенной мѣдными бляхами и разноцвѣтными ленточками. Въ тарантасѣ сидѣлъ какой-то господинъ въ пальто и соломенномъ картузѣ. Обстоятельство это сильно удивило Алексѣя Наумыча, потомучто вотъ сколько уже времени живетъ онъ у своей тетки, а до сихъ поръ не видалъ у нея никого кромѣ мужиковъ. На улицѣ тарантасъ этотъ встрѣтился Алексѣю Наумычу. Мужичекъ доселѣ спокойно лежавшій на телѣгѣ, вдругъ оживился, и своротилъ лошадь въ сторону, снялъ шапку.

— Кто это такой? спросилъ его Алексѣй Наумычъ, когда тарантасъ промчался мимо.

— А вотъ и есть тотъ самый господинъ Хмуровъ, мимо дома котораго мы прошли.

Алексѣй Наумычъ чуть не остолбенѣлъ отъ удивленія.

— Да ты не ошибся ли. Точно ли это Хмуровъ? спросилъ онъ.

— Вѣстимо онъ, вешто я не знаю.

— Странно, очень странно!

У мельницы онъ увидалъ мельника и спросилъ его:

— Кто это проѣхалъ?

— Господинъ Хмуровъ, отвѣчалъ мельникъ, снимая шапку.

— Онъ къ тетенькѣ пріѣзжалъ?

— Нашто, къ тетенькѣ.

Между тѣмъ мужику надо было своротить направо.

— Ну, прощай, баранъ, проговорилъ онъ. — Мнѣ надо направо ѣхать.

— Прощай, братъ, спасибо тебѣ.

— Незачто. Счастливо оставаться.

Digitized by Google

И мужичокъ свороти́лъ направо, а Алексѣй Наумычъ пошолъ по направленію къ домику, и глядя на его ветхость невольно вспомнилъ домъ Хмурова, его паркъ, его фонтанъ, и вздохъ незамѣтно, невольно вырвался изъ груди его.

XII

Но только-что успѣлъ Алексѣй Наумычъ взойти на крыльцо, какъ въ сѣнякъ встрѣтилъ его Акимъ. Лицо его было мрачно, брови нахмурены.

— Гдѣ тетушка? спросилъ его Алексѣй Наумычъ.

— У себя въ спальной, отвѣтилъ Акимъ.

Алексѣй Наумычъ ухватился за ручку двери, но Акимъ остановилъ его.

— Вы туда не входите, проговорилъ онъ.

Алексѣй Наумычъ взглянулъ на Акима.

— Отчего же? спросилъ онъ.

— Такъ, не приказано. Тамъ чиновники сидятъ, пишутъ бумагу.

— Да неужели мне и тамъ нельзя войти туда...

— Не приказали и васъ пускать.

Алексѣй Наумычъ изумился еще болѣе.

— Да чтоже это значитъ?

Акимъ только махнулъ рукой.

— Былъ здѣсь Хмуровъ?

— Только сейчасъ уѣхали, проговорилъ Акимъ и пошолъ въ кухню, а Алексѣй Наумычъ отправился въ свою комнату, и смущонный неожиданной странной вѣстью, усѣлся на кресло. Въ домѣ было все тихо, какъ-будто въ немъ никого и не было, и чѣмъ-то зловѣщимъ отзывалась тишина эта. Что-жо дѣлаетъ тетушка съ этимъ чиновникомъ, думалъ Алексѣй Наумычъ, какую пишутъ они бумагу и зачѣмъ пріѣзжалъ сюда Хмуровъ. Послѣднее обстоятельство сбивало окончательно Алексѣя Наумыча съ толку и онъ рѣшительно не могъ догадаться въ чемъ бы могла состоять вся эта исторія. Онъ хорошо зналъ, что Аксинья Максимовна нетолько въ ссорѣ съ Хмуровымъ, но даже не можетъ хладнокровно слышать о немъ, и вдругъ этотъ самый Хмуровъ былъ во Фроловѣ. Я не знаю чего бы только не

Digitized by Google

сидѣлъ Алексѣй Неумытъ, чтобы быть свидѣтелемъ ихъ свиданія.

Между тѣмъ въ спальнѣ Аксиньи Максимовны дѣйствительно шла усердная работа. Посреди комнаты стоялъ столъ, за которымъ сидѣлъ чиновникъ и писалъ бумагу, а возлѣ него сидѣла и Аксинья Максимовна, слѣдившая за малѣйшимъ движеніемъ пера писавшаго. Она была видимо не въ духѣ. Сухое, сморщенное личико ея было блѣдно, также какъ и тонкія, впавшія губки; глаза бѣгали, голова тряслась какъ-то необычайно необыкновенно. Она безпрестанно кашляла, безпрестанно рвала свой платокъ и безпрестанно кричала на Агафью Филатьевну, не безъ робости входившую въ комнату. За стуломъ чиновника стояла босоногая дѣвчонка и березовой вѣткой отмахивала мухъ. Дѣвчонка эта тоже казалось немало сердила добрую Аксинью Максимовну, потомучто она безпрестанно кричала ей: «вонъ, вонъ, хорошенько!» и кричала такъ сердито и иногда давала дѣвчонкѣ такіе тычки кулакомъ, что та всякій разъ даже вскрикивала. Глаза дѣвчонки были полны слезъ, но она всячески удерживала ихъ, боясь еще болѣе разгнѣвать барыню. Иногда Аксинья Максимовна вставала съ своего мѣста и принималась ходить по комнатѣ, что-то нашоптывая и разводя руками. Она ходила и безпрестанно останавливалась близь чиновника, заглядывая на бумагу.

XIII

Чиновнику было уже лѣтъ пятьдесятъ; это былъ высокій или скорѣе длинный мужчина съ лицомъ синевато-краснымъ, съ носомъ длиннымъ и съ бровями, торчавшими надъ его глазами въ видѣ двухъ пучковъ. Чиновникъ этотъ былъ коллежскій асессоръ Павелъ Ивановъ Андерсонъ. Почему носилъ онъ нѣмецкую фамилію, ужь это богъ-знаетъ, но только онъ настолько же былъ нѣмецъ, насколько Аксинья Максимовна была альбиноска. Павелъ Ивановъ началъ свою службу съ учителя приходскаго училища въ одномъ уѣздномъ городѣ, потомъ сдѣлался учителемъ исторіи въ уѣздномъ училищѣ. Какъ попалъ онъ въ учителя исторіи, опять-таки богъ-вѣсть, но думаютъ, что это произошло оттого, что онъ самъ безпрестанно попадался въ

Digitized by Google

исторіяхъ. Вѣрнѣе же всего потому, что былъ женатъ на дочери директора училищъ. Училъ онъ исторіи по книгѣ и когда спрашивалъ ученика заданный имъ урокъ, то не спускалъ глазъ съ книги и если ученикъ говорилъ урокъ не слово въ слово, Павелъ Ивановъ приходилъ въ тупикъ и никакъ не могъ разобрать то ли говоритъ ученикъ что слѣдуетъ или же нѣтъ.

Такъ училъ онъ исторіи, какъ вдругъ директора училищъ ревизовать училища пріѣхалъ уже новый. Онъ начальственно ревизовалъ учителей. Задавъ какой-то вопросъ изъ исторіи Андерсону и убѣдившись, что тотъ ничего не смыслитъ, директоръ вспылилъ и покраснѣвъ до ушей проговорилъ, обратясь къ нему: «Какъ же ты, оселъ, лѣзешь въ учителя, когда самъ столько же понимаешь въ исторіи, сколько свинья въ апельсинахъ». Павелъ Ивановъ обидѣлся и вышелъ. Надо замѣтить, что Павелъ Ивановъ имѣлъ кучу дѣтей, деревянный домъ въ уѣздномъ городѣ и восемнадцать душъ крестьянъ, числившихся имѣніемъ жены его. Какъ ни гордился Андерсонъ званіемъ помѣщика, однако чувствовалъ, что съ этими душами далеко не уйдешь и что не мѣшаетъ поискать мѣстечко, для такого, которое было бы поклѣбнѣе исторіи. Онъ началъ хлопотать и вскорѣ былъ уже попечителемъ окружного начальника въ томъ же самомъ городѣ, гдѣ имѣлъ деревянный домъ и гдѣ разливалъ историческія познанія. Мужики помнятъ еще до сихъ поръ каковъ былъ гусь Павелъ Ивановъ и потому нечего удивляться, что онъ вскорѣ позналъ, что казенные мужики гораздо дѣльнѣе всѣхъ Ромуловъ и Ремовъ, и что съ ними пироги печь очень можно, тѣмъ болѣе, что въ тѣ благодатныя времена можно было дѣлать все окончательно. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ; вдругъ вдругъ жена Андерсона умираетъ и Павелъ Ивановъ остается интереснымъ вдовцомъ; окруженнымъ цѣлой ватагой дѣтей. Потеря жены однако не очень огорчила Павла Иванова: онъ отеръ слезы и въ день похоронъ жены отправился по казеннымъ деревнямъ подѣлиться своимъ горемъ съ мужичками. Какъ дѣялся онъ — именно неизвѣстно, но извѣстно только то, что у Павла Иванова явилась новая енотовая шуба и бриллиантовый перстень. Все шло какъ по маслу, какъ вдругъ старые порядки измѣнились и Павелъ Ивановъ не успѣлъ оглянуться какъ губернію нагрянулъ изъ Петербурга ревизоръ и онъ былъ уличенъ подъ судъ вмѣстѣ съ управляющимъ, совѣтниками, окруж-

Digitized by Google

ными и сошелъ изъ помощниковъ. Словомъ, почти вся губернія пошла подъ судъ, а съ нею вмѣстѣ и ея представитель. Дѣло было плохо, между тѣмъ дѣти подросли, надо ихъ учить. Павелъ Ивановъ думалъ, думалъ и придумалъ жениться. Какъ на смѣхъ въ то же самое время овдовѣла въ уѣздѣ одна помѣщица. У помѣщицы былъ малолѣтній сынъ, а у сына сто-пятьдесятъ душъ. Чего же лучше. Можно сейчасъ сдѣлаться опекуномъ и дѣла пойдутъ какъ слѣдуетъ. Задумавши это, Павелъ Ивановъ въ туже минуту побрился, надѣлъ пестрые панталоны, выпустилъ изъ-за галстука воротнички, и накинувъ какое-то сѣрое пальто, полетѣлъ въ уѣздъ. Вдова была очень рада и на четвертой недѣлѣ послѣ смерти мужа обвѣнчалась съ Андерсономъ. Дѣла поправились дѣйствительно, потому что Андерсонъ началъ щеголять, а малолѣтній, воспитывавшійся въ дворянскомъ институтѣ, началъ носить безъ рубашекъ и завелся рубашками тогда только, когда ему прислалъ ихъ двоюродный его дядя, сжалившійся надъ участью сироты. Андерсонъ вздохнулъ свободнѣе, размѣстилъ своихъ дѣтей по разнымъ учебнымъ заведеніямъ и принялся хозяйничать въ имѣніи малолѣтняго. Вдругъ у малолѣтняго умираетъ въ Петербургѣ двоюродный дѣдъ и онъ получаетъ наслѣдство, состоящее изъ ста-пятидесяти душъ крестьянъ и тридцати тысячъ денегъ. Едва заслышалъ объ этомъ наслѣдствѣ Андерсонъ, какъ воспрянулъ еще пуще. Черезъ полгода малолѣтній былъ учрежденъ въ правахъ наслѣдства и опекунщею надъ имѣніемъ назначена мать. Она начала съ того, что забрала деньги малолѣтняго и поскакала показывать своему Пашинькѣ Петербургъ. Время проведено было какъ нельзя лучше, послушали оперу, побывали въ маскарадахъ, а весной опять отправились въ губернію. Между тѣмъ родственники малолѣтняго, видя, что сиротское имѣніе расточается матерью и ея супругомъ, обратились къ губернскому предводителю дворянства съ просьбою отдалить мать отъ опекунства и отдать имѣніе въ болѣе надежныя руки. Предводитель исполнилъ просьбу. Узнавши объ этомъ, мать скачетъ въ городъ, беретъ за шиворотъ сына и заставляетъ его просить гражданскую палату объ отмѣнѣ этого постановленія дворянской опеки и о назначеніи ея опекуншей, а мужа ея попечителемъ. Ребенокъ, не смѣя спорить съ матерью, исполняетъ ея просьбу, а гражданская палата, въ особенности оплинающаяся умомъ и

Digitized by Google

дальновидностію своего предсѣдателя, во время хитраго обѣда, давшаго ей Андерсоновъ, гладитъ малолѣтняго по головкѣ и проговоритъ: «вотъ умница, противъ маменьки дерзостей не дѣлаетъ!» измѣняетъ рѣшеніе опеки и передавъ опеку матери, дѣлаетъ попечителемъ Павла Иванова, еще не успѣвшаго вырваться изъ-подъ суда по губернской ревизіи.

Послѣ этой передряги Андерсонъ вздохнулъ свободнѣе; и пославъ мысленно къ чорту родственниковъ малолѣтняго, издумавшихъ было вступиться за беззащитнаго, возблагодарилъ создателя за ниспосланную милость къ нему. Какъ ни благопріятно кончилась исторія для Андерсоновъ, однако они сдѣлались осторожнѣе.

— Знаешь что, Паша! сказала однажды жена своему мужу.

— Что? спросилъ тотъ и откинулъ какъ-то всторону ногу, что всегда дѣлалъ, когда приходилось ему о чемъ-нибудь думать.

— Надо быть поосторожнѣе, а то, чего добраго, опять какую-нибудь бумагу подадутъ.

— Да ужь это мы знаемъ! Насъ учить нечего. Я это сообразилъ и для уничтоженія подозрѣній кое-что придумалъ.

— Неужто? Что же?

— Съ этого дня буду заниматься частными дѣлами и если, боже оборони, прижмутъ, буду ссылаться на доходы, которые я буду получать за адвокатство.

— Пашинька! почти вскрикнула Андерсонша отъ радости: — ты у меня просто геній... Поди, поцѣлуй меня.

— А что такое значитъ геній? спросилъ Павелъ Ивановъ.

Андерсонша немножко подумала и проговорила:

— Умный человѣкъ.

— То-то! А ужь я думалъ, что это какое-нибудь ругательное слово! проговорилъ Андерсонъ улыбаясь, и мигнувъ еще разъ ногой, причемъ опрокинулъ и разбилъ столовые часы, принадлежащіе малолѣтнему, чмокнулъ жену свою прямо въ губы.

XIV

Этотъ-то самый Павелъ Ивановъ сидитъ теперь въ комнатѣ Аксиньи Максимовны и согнувшись въ три погибели, сочиняетъ

Digitized by Google

бумагу. Судя по движенію губъ и въ особенности носа, которымъ водитъ онъ за малѣйшимъ движеніемъ руки, можно судить, что онъ углубился сильно въ свое занятіе. Изрѣдка однако онъ хватаетъ сводъ законовъ, и помусливъ пальцы, ворочаетъ листы. Ворочанье это какъ видно очень нравится Аксиньѣ Максимовнѣ, потомучто она всякій разъ, какъ только заслышитъ шумъ листовъ, поспѣшно подбѣгаетъ къ столу.

— Что, новый закономъ подыскиваете? спрашиваетъ она.

— Да, ищу одну статейку.

— Вы бы вотъ такую статейку нашли, продолжаетъ Аксинья Максимовна; — по которой можно было бы сослать въ Сибирь этого сосѣда-то. Негодяй!

— Какова это?

— Какъ какова, Хмурова.

— Нѣтъ, Аксинья Максимовна, такой статьи не найдешь.

— А вы поищите, можетъ-быть и найдете. Вѣдь законовъ-то, слава Богу, не одна книга. Въ одной нѣтъ, такъ въ другой можно найти. А ужь подлинно оказали бы услугу, не говоря ужь мнѣ, а всему околодку. Вѣдь вы не знаете что это за человѣкъ — ахъ!

— Какъ не знать. Все знаю...

— Ну, а коли знаете, такъ слѣдовательно и должны постараться. Ужь я не говорю, что онъ безбожникъ, что онъ золотому идолу поклоняется, ужь это бы такъ и быть, а то вѣдь какой грубіянъ.

— И не говорите! подхватилъ Павелъ Ивановъ, снова принимаясь писать; — такихъ грубіяновъ врядъ ли еще по всей губерніи найдешь.

— Ужь именно что не найдешь. Вы знаете ли что онъ со мной разъ сдѣлалъ?

— Что такое?

— Да ужь то сдѣлалъ, что ни одинъ порядочный человѣкъ не сдѣлалъ бы. Какже! Разъ понадобились мнѣ деньги, я и имѣла глупость обратиться къ нему съ просьбою ссудить мнѣ сто рублей; еще мы тогда знакомы были. Деньги эти мнѣ спонадобились потому, что пріѣхалъ ко мнѣ отецъ Герасимъ, которому нужно было дать. Такъ вы бы посмотрѣли что за письмо написалъ мнѣ Хмуровъ.

— А это съ?

Digitized by Google

— Впрочемъ отъ этакого человѣка ничего больше и ожидать! Вдругъ пишетъ мнѣ, что онъ непремѣнно далъ бы мнѣ требуемую сумму, еслибы сумма эта была нужна лично для меня, но такъ какъ онъ знаетъ, что у меня гоститъ отецъ Герасимъ и что это вѣроятно для него назначаю я эти деньги, то онъ, изволите ли видѣть, въ видахъ собственнаго моего же интереса денегъ мнѣ не даетъ. Вотъ это что за человѣкъ.

— Тсъ! прошипѣлъ Павелъ Ивановъ.

— Да что и говорить! это такой ядъ, какого и свѣтъ не производилъ. Впрочемъ стоитъ только посмотрѣть на его рожу, чтобы понять что это за тварь. Вѣдь мать его была холопка, судомойка. Вы взгляните на его лицо и сейчасъ увидите, что это хамъ. Такая противная рожа... такъ бы и наплевала въ его хамскіе глаза. И такого человѣка терпитъ еще общество... А посмотрѣли бы вы что у него за дочки, въ особенности старшая.

— А что-съ?

— Кокетка, да еще мало того — развратница.

— Да, я что-то слышалъ.

— Я знаю про нее такія дѣлишки, что срамъ сказать.

— Неужели?

— Да, да! Вѣдь ужь отецъ Герасимъ лгать не станетъ, а онъ собственными своими глазами видѣлъ какъ она вечеромъ перебивала съ Шатиловымъ.

— Такъ, такъ! подхватилъ вдругъ Павелъ Ивановъ: — Шатиловъ точно, точно, это ихъ сосѣдъ.

— Ну да еще у него тоже суконная фабрика есть.

— Ну вотъ, вотъ. То-то онъ къ нимъ часто и ѣздилъ. Мнѣ и самому нераз случалось встрѣчать, еще все въ кабріолетѣ ѣздилъ... Такъ, такъ... Но только тогда, я помню, говорили, что онъ сватался и что ему отказали.

— Полноте, какъ вамъ не стыдно, Павелъ Иваныч! Умный вы человѣкъ, а говорите такія вещи. Ну, похоже ли это на дѣло, чтобы Кмуровъ отказалъ Шатилову, такому богатому человѣку.

— Отчего же онъ пересталъ ѣздить-то?

— Да оттого и пересталъ, что достигъ своей цѣли.

— Ну, можетъ-быть, можетъ-быть, не знаю-съ.

И Павелъ Ивановъ снова принялся писать бумагу, а Аксинья

Digitized by Google

Максимовна снова принялась ходить по комнатѣ. Однако на этотъ разъ ходила она недолго и немного погодя опять подошла къ Павлу Иванову.

— Ну что, подвигается бумага-то?

— Подвигается, подвигается...

— А скоро кончите?

— Скоро.

— Ну, вотъ и прекрасно; только ужь ради самого создателя утѣшьте меня старуху, напишите поядовитѣе.

— Да ужь насчетъ этого не безпокойтесь. Такъ напишу, что прямо къ чорту на кулички...

— Неужто?

— Ужь будьте увѣрены.

— Ну, награди васъ за это царица-небесная!.. Да впрочемъ отъ такого умнаго человѣка какже и не ожидать такой бумаги! проговорила Аксинья Максимовна съ сіяющимъ отъ радости лицомъ: — ужь не даромъ же васъ подъ судъ отдали. Вѣдь у насъ всегда умные люди страдаютъ... А что, небось и до сихъ поръ подъ судомъ?

— Что дѣлать! проговорилъ Павелъ Ивановъ, вздохнувши: — за правду страдаю.

— Да ужь это такъ, такъ.

И потомъ, немного помолчавъ, Аксинья Максимовна прибавила.

— Такъ нельзя Хмурова-то въ Сибирь?

— Нельзя, Аксинья Максимовна.

— Жалко, а слѣдовало бы... Вотъ бы еще узнать мнѣ кто именно ходилъ къ нему. Ужь задала бы я звону этому франту. Ужь такого бы задала звону, что онъ у меня долго бы помнить сталъ какъ переносить вѣсти. А вѣдь ужь непремѣнно кто-нибудь ходилъ.

— Да ужь это конечно, подхватилъ Павелъ Ивановъ. — Иначе какъ бы могъ узнать Хмуровъ, что Иванъ пойманъ.

— Конечно, конечно... Но какъ бы узнать... А ужь я бы ему доказала какъ расказывать то что я дѣлаю... Да я бы его прямо въ Сибирь... прямо...

Но Аксинья Максимовна не договорила, потомучто глухой и продолжительный кашель душилъ ее. Она начала звать Акима, но Акимъ не являлся.

Digitized by Google

— Чего же ты стоишь, прокричала наконецъ Аксинья Максимовна, обращаясь къ дѣвчонкѣ, отмахивавшей мухъ: — развѣ не слышишь, что барыня зоветъ человѣка.

Дѣвчонка выбѣжала и позвала Акима.

— Гдѣ ты пропадаешь, старый дьяволъ? крикнула на него Аксинья Максимовна.

— Чего изволите-съ?

— Гдѣ ты пропадаешь? спрашиваю я тебя.

— Не слышу, матушка.

— Тьфу, дьяволъ, снова крикнула Аксинья Максимовна.

— Гдѣ ты былъ? спрашиваетъ тебя твоя госпожа, прокричалъ Павелъ Ивановъ почти надъ ухомъ Акима.

— Въ буфетѣ, матушка, былъ я, проговорилъ Акимъ.

— У! мерзавецъ, продолжала между тѣмъ Аксинья Максимовна. — Ну, чего стоишь, пошолъ вонъ.

— Чего извольте-съ?

— Пошолъ вонъ, да пошли Агафью.

Акимъ вышелъ.

— Вотъ прошу покорно ужиться съ такимъ безтолковымъ народомъ. Ну, чего стоишь, не отмахиваешь мухъ... заглядѣлась дура.

Между тѣмъ блѣдная и перепуганная Агафья Филатьевна стояла уже у дверей.

— Гдѣ Бутузка? спросила ее Аксинья Максимовна.

— Въ дѣвичей, матушка.

— Что она спитъ чтоли?

— А право не умѣю вамъ доложить, матушка, кажись започивали.

— А Алексѣй Наумычъ?

— Они у себя въ комнатѣ.

— Ты скажи ему, чтобы онъ обѣдалъ въ залѣ, а намъ съ Павломъ Иванычемъ чтобъ сюда принесли кушать. Ну, ступай.

Агафья Филатьевна вышла.

— А кто такой этотъ Алексѣй Наумычъ? спросилъ Павелъ Ивановъ, обращаясь къ Аксиньѣ Максимовнѣ.

— Мой племянникъ, молодой человѣкъ.

— Такъ онъ у васъ подъ опекой?

— Нѣтъ, гдѣ же, у него ничего нѣтъ, бѣдный человѣкъ... Но зато что за душа, что за сердце... кроткій, тихій...

Digitized by Google

— Да, ужь такихъ нынче мало-съ.

— Ужь именно, что мало... Ужь такъ я люблю его, такъ люблю... И какъ я рада, что онъ живетъ у меня. Все не такъ скучно... Ну, да я его хорошо награжу за его любовь и почтеніе.

— Ужь не хотите ли сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ.

— А почему же и нѣтъ... Вѣдь у меня нѣтъ никого... Вѣдь я вся тутъ... Имѣніе у меня благоприобрѣтенное, значитъ кому хочу, тому и отдамъ... А отдать я хочу ему... Я ужь такъ и рѣшила. Пускай его будетъ счастливъ и молится за меня... Онъ достоинъ быть счастливымъ, потомучто чудный мальчикъ.

И Аксинья Максимовна подъ скрипъ андерсоновскаго пера начала расхвалять Алексѣя Наумыча.

Черезъ полчаса бумага была готова. Павелъ Ивановъ прочелъ ее Аксиньѣ Максимовнѣ, и старушка пришла въ такое восхищеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ была тронута участіемъ къ ней Павла Иванова, что тутъ же прослезилась, и осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, проговорила, смотря на образа:

— Пошли вамъ создатель всего лучшаго, и да наградитъ васъ царица небесная за вашу добрую душу и зато, что заступились за меня беззащитную старуху.

Послѣ обѣда Павелъ Ивановъ уѣхалъ, а сочиненная имъ бумага поступила для переписки къ Фомѣ Зотычу, который и переписалъ ее на гербовой бумагѣ въ той же комнатѣ, въ которой она сочинялась и подъ диктовку самой Аксиньи Максимовны.

XV

Немного погодя послѣ того, какъ бумага была переписана, въ комнату Алексѣя Наумыча вошолъ Акимъ.

— Что ты, Акимъ? спросилъ его Алексѣй Наумычъ.

Акимъ молчалъ и только отеръ слезу, катившуюся изъ потухавшихъ глазъ его. Бѣдный старикъ плакалъ.

— Что съ тобой, Акимъ? скажи ради-бога, о чемъ ты плачешь?

И Алексѣй Наумычъ почти подбѣжалъ къ Акиму, но тотъ успѣлъ уже оправиться.

Digitized by Google

— Къ вамъ я, батюшка, проговорилъ онъ.

— Что такое?

Акимъ принялся оглядываться.

— Я къ вамъ отъ Ивана и отъ Арины, прошепталъ Акимъ едва слышно. — Они просили меня переговорить съ вами.

— Отъ какого Ивана и отъ какой Арины? спросилъ Алексѣй Наумычъ, совершенно даже и позабывшій о нихъ.

— Да отъ тѣхъ, что въ конторѣ-то сидятъ.

Алексѣй Наумычъ вздрогнулъ.

— Да развѣ они сидятъ еще?

— Сидятъ-съ.

— О чемъ же они просили переговорить со мной?

— Имъ желательно видѣться съ вами.

— Со мной?

— Да, съ вами. Все хотятъ попросить васъ, какъ бы нибудь заступиться за нихъ и попросить тетеньку, чтобы она продала ихъ господину Хмурову. Онъ за этимъ сюда и пріѣзжалъ сегодня, да тутъ такая пошла исторія ..

И Акимъ только рукой махнулъ.

Между тѣмъ Алексѣй Наумычъ стоялъ какъ поражонный громомъ. Теперь ужь для него было все ясно, и онъ только еще болѣе сталъ уважать Хмурова.

— Чтоже, чѣмъ же кончились переговоры Хмурова съ тетушкой? спросилъ Алексѣй Наумычъ.

— Да ужь извѣстно чѣмъ, батюшка. Вы я думаю сами изволите видѣть какой у тетушки у вашей характеръ. Извѣстно чѣмъ кончилось, тѣмъ, что Аксинья Максимовна разругала въ пухъ господина Хмурова и теперь все вывѣдываетъ, отъ кого могъ узнать Хмуровъ объ Иванѣ, все распрашиваетъ кто ходилъ къ нему.

— А къ нему ходилъ кто-нибудь?

— Дьячокъ ходилъ, его Иванъ просилъ, потомучто Иванъ когда былъ въ бѣгахъ, такъ жилъ у господина Хмурова и Хмуровъ очень полюбилъ его. Да вѣдь и парень-то онъ хорошій, работящій, тихій...

— И зачѣмъ только воротился онъ изъ этихъ бѣговъ. Жилъ бы, да жилъ себѣ у Хмурова, невольно проговорилъ Алексѣй Наумычъ.

— Лукавый попуталъ, батюшка; а житье у Хмурова было

Digitized by Google

хорошее: жалованье платили ему большое, господа его любили... Разъ какъ-то захворалъ вишь, такъ сейчасъ въ больницу, да мало еще того, старшая барышня навѣщать его ходила. То чаю принесетъ, то варенья... Не то, что у насъ батюшка, у насъ и здоровые-то чуть съ голоду не умираютъ, а ужь больные-то...

И на глазахъ Акима снова навернулись слезы.

— Ужь вы заступитесь, батюшка! снова началъ онъ, между тѣмъ какъ Алексѣй Наумычъ, опустившись на кресло, сидѣлъ съ поникшей головой. — Чтоже! Нешто грѣхъ заступиться. Они за васъ вѣкъ Бога молить будутъ, а мы сударь, конечно хоть и холопы, хоть хамы, а все же Богъ не гнушается нашими молитвами.

— Но чтоже я сдѣлаю, Акимъ? Будто ты не знаешь, что я ничего не значу въ домѣ.

Акимъ молчалъ.

— Неужто же ихъ сошлютъ въ самомъ дѣлѣ! проговорилъ въ раздумьѣ Акимъ.

Алексѣй Наумычъ даже поблѣднѣлъ.

— Какъ сошлютъ! я тебя не понимаю.

— Да какъ же сударь, вѣдь ихъ ссылаютъ. Вѣдь почти сейчасъ былъ тутъ чиновникъ, такъ такую вишь настрочилъ бумагу...

— Послушай, Акимъ. Тутъ что-нибудь да не такъ. Этого быть не можетъ...

— Нѣтъ-съ, это такъ батюшка, ужь я на старости лѣтъ лгать не буду. Я самъ и бумагу видѣлъ.

— Что же тамъ написано?

— Да ужь то написано, чего и не было совсѣмъ, батюшка. Что Иванъ-то, вишь, усадьбу поджечь хотѣлъ, что онъ и ограбить-то хотѣлъ, что и буянъ-то онъ; прописали также, что онъ и въ бѣгахъ былъ... Ну, а съ нимъ вмѣстѣ и Арину съ пищенкой. Да, не даромъ же цѣлый день пробылъ здѣсь чиновникъ...

— Чтожъ теперь они дѣлаютъ?

— Да что дѣлаютъ? Извѣстно что плачутъ.

— Плачутъ?

— Да-съ.

И Алексѣй Наумычъ снова опустилъ голову. Что было у него на умѣ —богъ-знаетъ, но только лицо его было блѣдно, глаза

Digitized by Google

блуждали и сидѣлъ онъ точно какъ приговоренный къ смерти. Такъ прошло минутъ пять; наконецъ онъ всталъ и пройдя раза два по комнатѣ, остановился возлѣ Акима.

— Ну, а если я ничего не успѣю сдѣлать? проговорилъ онъ. — Тогда что?

Акимъ молчалъ.

— Тогда чтоже будетъ съ ними?

Акимъ развелъ руками и проговорилъ медленно:

— Ну, тогда ужь извѣстно, что не минуютъ ссылки, и у старика градомъ полились слезы. Добрый старикъ, онъ впервые еще плакалъ и плакалъ о горѣ другихъ, тогда какъ о себѣ, какъ ни приходилось подчасъ трудно, онъ никогда ни прронялъ и слезинки. Но Алексѣю Наумычу становилась тяжела эта сцена и онъ поспѣшилъ окончить ее.

— Послушай, Акимъ, проговорилъ онъ. — Я не пойду въ контору, мнѣ слишкомъ будетъ тяжело видѣть ихъ всѣхъ, да и что я стану тамъ дѣлать! А ты скажи Ивану, что я буду просить за него, но чтобы онъ не сердился на меня, если я не выпрошу прощенія.

XVI

Въ конторѣ происходила чрезвычайно грустная сцена. Тамъ казалось все было проникнуто печалью. Такъ все смотрѣло мрачно. Небольшая комната, освѣщонная сальнымъ огаркомъ, воткнутымъ въ бутылку, была почти полна народа. Всѣ хныкали, всѣ охали. Иванъ и Арина со связанными руками сидѣли неподалеку отъ печки. Но кто бы могъ узнать ихъ? Иванъ былъ блѣденъ, убитъ; голова его была опущена и тяжолые вздохи вырывались порою изъ широкой и могучей груди. Онъ сидѣлъ молча и какъ ни старались заговорить съ нимъ, онъ на всѣ распросы только поднималъ голову, оглядывалъ говорившаго и снова опускалъ ее. Онъ пересталъ говорить съ самаго того времени, какъ уѣхалъ изъ Фролова Хмуровъ. Онъ тотчасъ же узналъ, что Хмуровъ ничего не сдѣлалъ въ пользу его и потому онъ подошолъ къ образу, и попросивъ чтобы ему на минуту развязали руки, перекрестился, и трижды поклонившись образу, проговорилъ: «Ну, видно своей судьбы не миновать, и возна-

Digitized by Google

гради Господь Хмурова за его добрую душу и за его попеченія обо мнѣ. Пошли ему Господи всякаго благополучія». И перекрестившись еще разъ онъ сказалъ, чтобы ему опять связали руки. Съ тѣхъ поръ онъ какъ-будто пересталъ заботиться о своей участи. Но бывали минуты, и въ особенности тогда, когда въ конторѣ никого не было, что Иванъ вдругъ поднималъ голову, и взглянувъ на блѣдную и изнуренную Арину, принимался плакать какъ ребенокъ.

Старуха-нищенка лежала на печи, и прикрывшись огромнымъ овчиннымъ тулупомъ, какъ-будто дѣло было въ глубокую осень, стонала и охала. Она вся скрывалась подъ тулупомъ, даже и головы не было видно. Стоны ея иногда затихали и тогда всѣ обращались къ ней съ распросами.

— Бабушка, а бабушка, говорили ей.

— Чего, родимые? отзывалась старуха.

— Жива еще?

— Охъ, плохо родимые, больно плохо.

— А что ноги-то твои?

— Болятъ, больно болятъ.

— Да и какъ не болѣть, вмѣшался кучеръ. — Вѣдь Бутузка-то почитай что въ клочья икры изорвала. Вѣдь у нея клыки-то не шуточные. Ты бы, бабушка, помочила еще примочкой-то.

— Ну чтожъ, пожалуй.

— Тебѣ помочь, чтоль?

— Помоги, родимый.

И кучеръ, исполнявшій подчасъ должность подлекаря, лѣзъ тогда на печку и начиналъ примачивать ноги нищенки. Но на эти ноги страшно было взглянуть. Онѣ были всѣ искусаны и распухли до такой степени, что при малѣйшемъ движеніи нищенка стонала самымъ неистовымъ образомъ.

Но врядъ ли не была достойна еще большей жалости старушка, сидѣвшая въ углу конторы и хныкавшая въ синюю тряпицу, которую держала у рта. Тощая и сгорбленная, она была кажется лишена всякихъ силъ. Старушка эта была мать Арины. Бѣдную такъ поразило горе дочери, что вотъ уже третьи сутки, какъ она не выходила изъ конторы и ничего не ѣвши впродолженіи всего этого времени, все сидѣла въ своемъ углу и хныкала. Много перенесла старушка эта горя. Она схоро-

Digitized by Google

нила мужа, схоронила трехъ сыновей своихъ, но никогда не убивалась такъ, какъ въ настоящую минуту. Тамъ дорогихъ ея сердцу похищала смерть, призывалъ къ себѣ Господь, какъ выражалась она, и ей хоть оставались могилы, надъ которыми ей можно было проливать слезы, но здѣсь, теперь, ей не оставалось даже и этого утѣшенія. Она лишалась послѣдней своей радости, послѣдняго дѣтища, которое бы могло лелѣять ее при жизни, а въ часъ смерти закрыть ей глаза. Лишаясь Арины, она лишалась всего и оставалась совершенно одинокой. Стоило только взглянуть на эту бѣдную старуху, чтобы понять все состояніе истерзанной души ея. Иногда она какъ-будто переставала плакать и задумывалась, но задумывалась такъ продолжительно и такъ тяжело, что всѣ смотрѣвшіе на нее невольно пугались.

— Что съ тобой Агафья?

Но она только поднимала глаза, устремляла ихъ на дочь и снова слезы обильными ручьями катились изъ глазъ ея.

Иногда же старуха, медленно привставъ, подходила къ дочери, обнимала ее и казалось замирала въ этихъ объятіяхъ.

— Аринушка, Аринушка, шептала она... На кого ты покидаешь меня старуху, кого теперь буду я любить и голубить... Аринушка, дитятко мое...

И тогда Агафья какъ-будто принималась молить Бога, чтобы онъ прекратилъ ея жизнь, чтобы онъ соединилъ ее съ мужемъ и сыновьями, чтобы не оставлялъ ее одну мыкаться по бѣлому свѣту.

Сцены эти были всего тяжелѣе для Ивана. Онъ почиталъ себя виновникомъ всего случившагося и тогда грудь его какъ-будто сжималась, дыханіе прекращалось и только однѣ слезы, казалось, облегчали его. И тогда, обращаясь къ старухѣ, онъ говорилъ.

— Не проклинай меня Агафья. Богъ видитъ, что я не хотѣлъ твоей погибели, что не хотѣлъ также погубить и дочь твою. Но такая ужь видно судьба моя... Ты думаешь легко мнѣ видѣть слезы Арины и твои. Эхъ, одинъ Богъ только вѣдаетъ каково горе мое.

Но старуха не въ силахъ была ничего произнести и только плакала.

И дѣйствительно одинъ только Богъ видѣлъ каково было настоящее горе Ивана, хотя и всѣ сожалѣли его, хотя и всѣ собо-

Digitized by Google

лѣзновали о немъ. Но сострадание не есть еще горе. Горе Ивана было такъ велико, что онъ не разъ, ночью, когда всѣ вокругъ него засыпали, обводилъ глазами вокругъ себя, и такъ былъ страшенъ этотъ взоръ, что не трудно было догадаться чего искалъ онъ и въ чемъ хотѣлъ найти исходъ своего горя.

Но зато какой всегда страхъ и какой ужасъ находилъ на него послѣ этихъ минутъ. Страшный ознобъ пробѣгалъ по всему тѣлу, онъ весь трясся и молитва напрашивалась тогда на его уста. Онъ начиналъ молиться и молиться съ такою теплотою и съ такимъ усердіемъ, съ какимъ врядъ ли молилась сама набожная Аксинья Максимовна. Правда, не складывалъ онъ на груди крестомъ рукъ своихъ, правда, не поднималъ онъ къ небу взоровъ, но тѣмъ не менѣе вѣра его была крѣпка въ заступничество Бога и онъ молясь отдыхалъ и тѣломъ и душою, и безъ ропота уже переносилъ удары судьбы своей. Такъ Богу угодно, шепталъ онъ, и буде его святая воля.

Все это было скрыто отъ людей и они видѣли только одно наружное.

XVII

Однако несмотря на то, контора, какъ я сказалъ уже и выше, была почти всегда полна народомъ; и догадкамъ, и разговорамъ конца не было. Одни увѣряли, что Аксинья Максимовна проститъ ихъ; другіе, сомнительно покачивая головами, говорили, что врядъ ли способна она на подобное дѣло; третьи ждали правосудія отъ суда, хотя и плохо вѣрили въ правосудіе. Но такъ или иначе, а все-таки во всѣхъ толкахъ было видно присутствіе надежды; лучь ея, хотя и блѣдный, но все-таки озарялъ свѣтомъ темную и мрачную обстановку дѣйствительности. Такъ было и въ описываемую минуту, то-есть въ тотъ вечеръ, когда Акимъ просилъ Алексѣя Наумыча заступиться за Ивана.

— Авось упроситъ, думали и говорили многіе. Авось согласится продать васъ Хмурову.

Казалось всѣ были проникнуты участіемъ, но такъ какъ у насъ на Руси даже и въ самыхъ грустныхъ и тяжолыхъ сценахъ, проявляются вдругъ какія-то смѣшныя сцены, то дѣло и на этотъ разъ не обошлось безъ нихъ. Во время самыхъ печаль-

Digitized by Google

ныхъ обсужденій печальнаго положенія Ивана и Арины, когда у всѣхъ почти на глазахъ дрожали слезы, вдругъ кучеръ, у котораго тоже были заплаканные глаза, проговорилъ, обратясь къ толпѣ.

— А знаете что ребята?

— Что? спросила толпа, и видя энергичное и воспламенившееся лицо кучера, невольно всѣ подумали, что онъ вѣроятно нашолъ какое-нибудь средство спасти Ивана.

— Слѣдуетъ дьячка поколотить.

Всѣ пришли въ тупикъ, но тѣмъ не менѣе все-таки спросили за что находитъ онъ нужнымъ поколотить его.

— А зато, продолжалъ кучеръ, чтобы онъ впередъ не совался не въ свое дѣло.

— Да чтоже онъ сдѣлалъ?

— А то, что это по милости его сидитъ теперь здѣсь Иванъ.

— Какъ такъ?

— Да какъ же! Нешто вы не помните. Вѣдь кабы не онъ, такъ нищенка-то ушла бы, и вѣдь уцѣпилъ ее за шиворотъ не кто другой, какъ дьячокъ. А зачѣмъ онъ не далъ ей уйти... Что у него по шести пальцевъ на рукѣ, такъ и надо ему всѣхъ цапать... Нѣтъ, это не резонъ.

Доводы эти показались толпѣ очень уважительными и она даже съ нѣкоторымъ озлобленіемъ рѣшила, что дѣйствительно во всемъ виноватъ не кто другой какъ дьячокъ, и что такъ какъ онъ составилъ несчастіе столькихъ людей, то его дѣйствительно поколотить слѣдуетъ, а также караульщика, который стоялъ у амбаровъ.

— А меня-то за чтоже? почти простоналъ караульщикъ, бывшій на тотъ грѣхъ въ конторѣ.

— Какъ за что! какъ за что! заголосили всѣ, махая руками и злобно посматривая на дрожавшаго всѣмъ тѣломъ караульщика. — Кто просилъ тебя расказывать, что ты видѣлъ какихъ-то двухъ людей, которые пробирались къ саду... Что, тебя тянули чтоли за языкъ-то?

— Да нешто я зналъ, братцы!

— Ребята! крикнулъ кучеръ. — Что съ нимъ говорить-то. Вяжи ему руки!

— Да за чтоже, братцы?

Digitized by Google

— А зато, чтобы впередъ языкъ держалъ за зубами, когда тебя не спрашиваютъ.

— Да вѣдь вы же сами спрашивали, братцы. Сами же спрашивали, кричалъ караульщикъ, отбиваясь отъ приставшей къ нему толпы. Сами спрашивали.

И богъ-знаетъ чѣмъ бы кончилась эта нелѣпая сцена, если-бы въ контору не вошолъ Фома Зотычъ.

— Ну, ну, закричалъ онъ:—что́ расшумѣлись, бараны. Чего расшумѣлись?

Шумъ мгновенно затихъ.

— Ничего, Фома Зотычъ, проговорили нѣкоторые, но уже тихимъ голосомъ. Мы вотъ только его пообуздать хотѣли.

— Пообуздать! продолжалъ между тѣмъ Фома Зотычъ. А вотъ какъ услышитъ барыня шумъ въ конторѣ, да какъ придетъ сюда, вотъ вамъ тогда и задастъ она звону.

— А дьячка не прикажете поколотить, Фома Зотычъ?

— Сказано, смирно. Экій народъ безтолковый... Да что вы, мордва чтоли... Вотъ дураки-то.

Въ это время вошолъ въ контору Акимъ. Стукъ дверью, который онъ произвелъ, заставилъ Ивана поднять глаза. Увидавъ Акима, онъ какъ-будто хотѣлъ что-то спросить его, но потомъ опять опустилъ голову.

— А я къ тебѣ, братецъ, проговорилъ Акимъ, мелкой рысцой подбѣгая къ Ивану и радостно посматривая на него.

Иванъ поднялъ голову.

— Видѣлъ, братецъ, Алексѣя Наумыча... Онъ даже и не зналъ, что ты все еще въ конторѣ... Даже удивился... Ну, я все ему расказалъ и онъ даже плакалъ...

Иванъ вздохнулъ, между тѣмъ какъ старушка, мать Арины, успѣла уже подсѣсть поближе...

— Такъ-то плакалъ, продолжалъ Акимъ, что даже я удивился... Я говорилъ ему, что хочешь съ нимъ повидаться...

— Ну чтоже? придетъ онъ? спросила Агафья.

Акимъ обернулся.

— Ба, Агафья Степановна? Вотъ и не чаялъ-то, что ты возлѣ меня.

— Да гдѣже мнѣ быть-то... проговорила старушка, всхлипывая... Вѣдь не чужая поди... родная... кровная... Сама выростила, сама питала.

Digitized by Google

— Такъ, такъ Агафья Степановна, совершенно справедливо... То-то вотъ и дѣло: говорилъ, не выходи замужъ... Помнишь... не послушалась... Вотъ кабы не выходила, не было бы у тебя Арины, а не было-бъ Арины, не было-бъ и горя... Ну да Богъ милостивъ, прибавилъ Акимъ. Алексѣй Наумычъ обѣщалъ похлопотать... А сюда, Иванушко, онъ не придетъ...

— Отчего же? спросила Агафья.

— Да зачѣмъ ему сюда?

— Какъ зачѣмъ. Все бы посмотрѣлъ, сжалился бы...

— Да ужь онъ и такъ, говорю, плакалъ...

— Такъ онъ обѣщался просить?

— Обѣщался, Агафья Степановна, обѣщался... Можетъ-быть и упроситъ. Вѣдь барыня-то любитъ его.

— Дай-то Господи, дай-то Господи! прошептала старуха и начала креститься. Вѣкъ бы стала за него молиться Богу... Но потомъ, не много погодя, она прибавила: Ну, а если онъ ничего не выпроситъ, тогда что?

Акимъ молчалъ. Раздалось всхлипываніе Арины.

— Что ты? Арина? едва слышно проговорилъ Иванъ.

— Да нешто не жаль мнѣ тебя! проговорила она и зарыдала еще громче. Захныкала и остальная публика. И картина только было оживившаяся приходомъ Акима снова приняла мрачный видъ. Снова послышались стоны нищей, затрещалъ въ углу кузнечикъ и снова Иванъ замолчалъ и свѣсилъ свою голову. Одинъ только Фома Зотычъ ходилъ попрежнему въ конторѣ и покуривая трубку думалъ: — хоть бы ихъ сослали чтоли поскорѣе, а то право не глядѣлъ бы на свѣтъ божій. И меня-то всего изморили, даже отъ хлѣба отбился. Ужь сослали бы поскорѣе, все будетъ легче, какъ съ глазъ долой уѣдутъ. Вдругъ вошла Агафья Филатьевна.

— Фома Зотычъ, проговорила она торопливо. Пожалуйте къ барынѣ — зоветъ.

— Что тамъ еще такое?

— А почемъ я знаю — зоветъ васъ.

Толпа переглянулась, даже Иванъ и тотъ поднялъ голову.

— А что Алексѣй Наумычъ? у барыни? Спросила вдругъ старушка, мать Арины.

— У барыни.

— Ничего не слыхали вы что́ они тамъ говорили?

Digitized by Google

— Нѣтъ, матушка, не слыхала.

— Да ужь устроитъ, все устроитъ, почти вскрикнулъ Акимъ, радостно улыбаясь. Ужь у меня сердце чуетъ, что простятъ васъ всѣхъ... И потомъ вдругъ ударивъ Ивана по плечу, онъ прибавилъ: Ну ужь тогда, какъ ты братъ ни вертись, а могарычъ мы съ тебя сдеремъ...

— Это совершенно справедливо! раздался вдругъ голосъ дьячка... Что резонъ, то резонъ...

— Ба! пріятель, ты ужь здѣсь?

— И могарычъ долженъ быть добрый.

Между тѣмъ Фома Зотычъ успѣлъ уже поставить свою трубку, и взявъ фуражку, приказывалъ уже народу расходиться по домамъ.

— Ужь поздно, говорилъ онъ. Поди ужь за полночь.

— Намъ бы узнать хотѣлось... раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Завтра, завтра узнаете... и настоявъ, чтобы толпа разбрелась, Фома Зотычъ хотѣлъ было переступить черезъ порогъ, какъ Иванъ кликнулъ его.

— Фома Зотычъ! проговорилъ онъ. Ужь вы замолвьте за насъ словечко и ужь если Алексѣй Наумычъ ничего не выпроситъ, такъ ужь вы попросите у барыни хоть подводку-то до города. Я о себѣ не говорю, я и пѣшкомъ дойду, но вѣдь Арина и бабушка не дойдутъ. Вы сами видѣли какія ноги у бабушки. Гдѣже дойти ей сердечной. Попросите подводку.

И Иванъ рухнулся въ ноги прикащику, который не зная что ему дѣлать и обѣщая исполнить его просьбу, поднялъ его съ полу и поспѣшно вышелъ вонъ изъ конторы...

Между тѣмъ поваръ дергалъ дьячка и приговаривалъ.

— Пойдемъ, братъ, пора.

— Пойдемъ.

И оба они вышли.

— Хорошо жить тѣмъ, у кого ноги не связаны, проговорилъ Иванъ и такъ тяжело вздохнулъ, что даже Акимъ, сидѣвшій на лавкѣ съ поникнувшей головой, невольно вздрогнулъ, и проговорилъ поспѣшно: «ахъ я и забылъ, что мнѣ нужно въ комнаты», схватилъ фуражку и почти бѣгомъ выбѣжалъ вонъ изъ конторы.

Въ это время догорѣвшій огарокъ погасъ, по комнатѣ раз-

Digitized by Google

лился мракъ и только слышались въ этомъ мракѣ стоны несчастныхъ, да однообразная пѣснь сверчка.

А ночь была на ту пору темная, хоть глазъ выколи. Собиравшіяся еще вечеромъ по окраинамъ неба тучи успѣли уже сплыться надъ Фроловымъ. Закапалъ дождь, а минутъ черезъ десять обратился въ такой ливень, что въ одну минуту повсюду зашумѣли ручьи. Поднялся вѣтеръ и загудѣлъ какъ-то особенно неистово въ саду, какъ-будто и вѣтеръ тоже терзался надъ участью арестантовъ.

XVIII

Въ слабо-освѣщонной комнатѣ сидѣла Аксинья Максимовна на большомъ сафьянномъ креслѣ, и поглаживая лежавшую у нея на колѣняхъ Бутузку, разговаривала о чемъ-то съ Алексѣемъ Наумычемъ. Она повидимому успѣла уже успокоиться. Гнѣвъ ея прошолъ, и она даже съ какой-то ласковой улыбкой обращалась къ своему племяннику, который кажется и не слушалъ тетку, а думалъ совершенно о чемъ-то другомъ. По всему можно было замѣтить, что Алексѣй Наумычъ былъ сильно чѣмъ-то взволнованъ. Хотя и дѣлалъ онъ видъ, что слушаетъ Аксинью Максимовну, хотя и вставлялъ изрѣдка въ ея разговоръ нѣсколько несвязныхъ словъ, но видно было, что все это было безсознательно. Онъ сидѣлъ въ углу, возлѣ окна и смотрѣлъ въ это темное окно, по стекламъ котораго билъ крупный дождикъ. Изрѣдка набѣгавшіе порывы вѣтра заставляли его вздрагивать, но несмотря и на это, онъ не покидалъ казалось своей думы и только положивъ одну ногу на другую, еще глубже опускался въ кресло. Иногда взоръ его встрѣчался со взоромъ Аксиньи Максимовны и тогда глаза старушки принимали еще болѣе нѣжный видъ и голосъ ея еще мягче начиналъ раздаваться по комнатѣ. Она была такъ покойна, такъ счастлива, что всякій взглянувшій на нее въ этотъ вечеръ позавидовалъ бы и этому счастію и даже той тишинѣ, которая царствовала въ небольшой комнаткѣ. И въ самомъ дѣлѣ въ комнаткѣ было такъ тихо, такъ уютно, что не трудно было бы и позавидовать. Стѣны, увѣшанныя картинами изъ священнаго писанія, хоть и старая, но мягкая мебель, горшки гераніума, блѣдный свѣтъ свѣчи, такъ все

Digitized by Google

и манило къ себѣ, такъ все и располагало къ себѣ. Одинъ только Алексѣй Наумычъ съ озабоченнымъ лицомъ и взъерошенными волосами не гармонировалъ этой покойной картинѣ. Только одни его рѣзкія движенія и блуждающіе взоры отравляли эту счастливую тишину. Но и это даже блѣднѣло при видѣ Аксиньи Максимовны: такъ кротко и нѣжно было ея лицо, такъ мягки были всѣ ея движенія, такъ тихъ голосъ.

— Да, мой другъ Алеша, говорила она: — украшать божьи храмы вещь великая, и не оставитъ Господь любящихъ благолѣпіе дома его. Конечно у меня нѣтъ такого состоянія, которымъ бы я могла достойно украсить какую-нибудь церковь, но все-таки по милости божіей мнѣ удается приносить маленькія лепты. Вотъ и теперь шьютъ мои подлыя (такъ Аксинья Максимовна называетъ своихъ дѣвокъ) воздухи для монастыря, славные воздухи, по глазету синелью, и завтра, я думаю, они будутъ готовы, но что же это за лепта! Впрочемъ всякое даяніе благо. Вотъ еще, мой другъ, спасительная вещь дѣлать большіе колокола для монастырей... Ухъ, какъ это спасительно!.. Конечно многіе не считаютъ это важнымъ, говорятъ, что дѣло не въ лептѣ, а въ усердіи, но только это они вздоръ говорятъ и ты пожалуста, Алеша, затыкай уши, когда услышишь подобныя слова нечестивыхъ. Нѣтъ, мой другъ, колокола вещь великая, и чѣмъ больше пожертвуешь колоколъ, тѣмъ для тебя спасительнѣе. Да оно и понятно. Представь ты себѣ, что звонятъ въ колоколъ и представь ты себѣ, что звукъ его разносится верстъ на десять. Сколько же народу перекрестится, заслыша звонъ. Слѣдовательно чѣмъ больше колоколъ, тѣмъ больше будетъ крестныхъ знаменій. Все это растолковала мнѣ одна странница. Она же расказала мнѣ и вотъ какой случай. Былъ въ одномъ городѣ купецъ, — купецъ богатый, имѣвшій двѣ, три фабрики, нѣсколько лавокъ и множество магазиновъ съ хлѣбомъ. Жилъ этотъ купецъ роскошно, дѣлалъ асамблеи, пиры, банкеты, угощалъ въ своемъ домѣ вельможей и домъ имѣлъ на подобіе царскаго дворца. Но какъ роскошно ни жилъ онъ и какъ ни былъ возвеличенъ, но было и у него горе, которое не давало ему спокойствія и грызло его сердце на подобіе змѣи лютой. Горе это состояло въ томъ именно, что единственный сынъ его, единственный наслѣдникъ всего его богатства, постоянно хворалъ и хворалъ до такой степени, что даже не могъ ходить. Нечего говорить разумѣется, что

Digitized by Google

купецъ не жалѣлъ ничего для его исцѣленія. Доктора лечили его самые лучшіе, сколько денегъ потратилъ онъ на это, но сынъ чахъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Видитъ это отецъ и наконецъ рѣшается везти сына по святымъ мѣстамъ. Задумавъ это, идетъ онъ къ епископу просить благословенія. Епископъ разумѣется благословилъ его, и вотъ купецъ беретъ своего болящаго сына съ одра и ѣдетъ по святымъ мѣстамъ. Ѣздилъ онъ не годъ и не два, а цѣлыхъ пять лѣтъ; побывалъ въ Іерусалимѣ, но возвратясь домой все-таки положилъ своего сына на тотъ же одръ, съ котораго и взялъ его. Сыну не было легче. Вообрази себѣ отчаяніе отца. Плачетъ онъ цѣлый день, плачетъ цѣлую ночь, началъ даже роптать на Бога, какъ вдругъ во время сна видитъ купецъ видѣніе. Видитъ онъ какого-то маститаго старца, въ свѣтломъ сіяніи, который говоритъ ему: «почто плачешь, ты мужъ именитый, надъ одромъ сына своего, когда исцѣленіе его въ твоихъ рукахъ. Слушай! Коль хочешь ты, чтобы сынъ твой былъ здоровъ, то купи ты для такой-то обители колоколъ въ восемьсотъ пудъ и тогда увидишь ты сына своего здравымъ!» И сказавъ это, видѣніе исчезло. Купецъ проснулся, и возблагодаривъ Бога, въ ту же минуту заказалъ колоколъ. Что же ты думаешь, мой другъ Алеша, съ самаго того времени сталъ сынъ купца поправляться, а когда колоколъ былъ повѣшенъ, онъ былъ уже совсѣмъ здоровъ. Такъ вотъ, мой другъ, какая спасительная вещь колокола.

Въ это самое время вошла Агафья Филатьевна.

— Что ты? спросила ее Аксинья Максимовна.

— Пришла доложить вамъ, отвѣчала она: — что Фома Зотычъ сейчасъ придетъ-съ.

— Хорошо, а покуда прикажи ужинать подавать.

— Слушаю-съ.

И Агафья Филатьевна вышла.

— Еслибы можно было, непремѣнно бы пожертвовала колоколъ въ ту обитель, гдѣ отецъ Герасимъ, но я не могу, потому-что... Здѣсь Аксинья Максимовна немного приостановилась и подумавъ проговорила: — а что, Алеша, когда я умру будешь ты обо мнѣ молиться?

— Полноте, тетушка, пробормоталъ Алексѣй Наумычъ.— Зачѣмъ же вамъ умирать?

— Да вѣдь мы всѣ смертны.

Digitized by Google

— Это такъ, но зачѣмъ же заранѣе...

— А страшно должно-быть умирать, Алеша, охъ страшно!.. заколотятъ гробъ гвоздями, зароютъ въ землю, приползутъ червяки, начнутъ выѣдать глаза, языкъ.

И лицо Аксиньи Максимовны перекосилось. Алексѣй Наумычъ не зналъ что говорить, но къ счастію его пришолъ прикащикъ и разговоръ о смерти прекратился.

— Ну, что скажешь? спросила его Аксинья Максимовна.

— Да къ вашей милости, звать изволили, проговорилъ Фома Зотычъ и сталъ у притолки.

— Зачѣмъ-бишь я позвала тебя! совсѣмъ забыла. Зачѣмъ-бишь, дай-богъ память... Да за тѣмъ, чтобы ты непремѣнно отправилъ завтра въ городъ этихъ мерзавцевъ. Слышишь?

— Слушаю-съ.

Алексѣй Наумычъ какъ-то особенно повернулся.

— А то они, чего добраго, пожалуй еще все село взбунтуютъ, продолжала Аксинья Максимовна. — Ты ихъ отправь утромъ, а вечеромъ поѣдешь самъ, потомучто что же тебѣ тащиться за ними. Я тебѣ дамъ письмо къ исправнику. Ты передашь ему письмо и вотъ эту посылочку и попросишь его на словахъ, что я буду ему очень благодарна и кромѣ этого, если онъ въ точности исполнитъ то что я пишу ему въ письмѣ.

— А вы что пишете ему тетенька? спросилъ Алексѣй Наумычъ, не безъ робости.

— Больше ничего, какъ прошу его, чтобы онъ избавилъ меня отъ этихъ негодяевъ и чтобы успокоилъ мою старость. Неужели же мнѣ и на старости лѣтъ не знать спокойствія.

Водворилось молчаніе.

— Ну, я только за этимъ, проговорила немного погодя Аксинья Максимовна, обращаясь къ прикащику. — Теперь можешь идти. Пожалуста только, чтобы ихъ ужь не было, когда я проснусь.

— Слушаю-съ.

— Ну ступай, чего же стоишь?

— Осмелюсь вамъ доложить, сударыня, проговорилъ было Фома Зотычъ, но вдругъ запнулся.

— Что такое?

— Не дойдетъ она пѣшкомъ-то, воля ваша-съ.

Digitized by Google

— Кто не дойдетъ?

— Да она-то-съ.

— Да кто она, Аришка что ли?

— Нѣтъ не Аришка, а нищенка-съ.

— Это отчего? Вотъ еще вздоръ какой. Цѣлый свой вѣкъ прошаталась, а тутъ вдругъ тридцати верстъ не пройдетъ.

— Это точно-съ. Но только...

— Ну что еще?

— Несовсѣмъ здорова она, сударыня.

— Чѣмъ это, позволь тебя спросить?

— Да ногами-съ.

— А что такое съ ея ногами?

— Да признаться больно ихъ Бутузка изгрызла. Даже что называется живого мѣста нѣтъ. Всѣ икры искусаны.

Аксинья Максимовна задумалась.

— Ну, дай чтоли! проговорила она наконецъ нехотя, и приказала было выйти прикащику, но потомъ воротила его.

— А не знаешь ты, спросила она: — кто ходилъ къ Хмурову?

— Никто не ходилъ-съ, отвѣчалъ Фома Зотычъ, и соврал, потомучто онъ зналъ какъ ходилъ дьячокъ.

— Стало-быть Хмуровъ святымъ духомъ узналъ, что Иванъ пойманъ.

— Не могу знать-съ.

— Такъ ли?

— Не могу знать-съ.

— Ну, да это мы еще успѣемъ разобрать, заключила Аксинья Максимовна, и еще разъ повторивъ приказаніе отправить пораньше мошенниковъ, отпустила Фому Зотыча.

Когда прикащикъ вышелъ изъ комнаты, Алексѣй Наумычъ обратился къ теткѣ.

— А я думалъ, тетенька, проговорилъ онъ: — что вы простили ихъ, что освободили ихъ...

— Что ты, что ты, какъ это можно прощать мошенниковъ!

— Воля ваша, тетенька, но я рѣшительно не понимаю за что вы такъ разсердились.

— А за то, что онъ разбойникъ и грубіанъ.

— Да чѣмъ же онъ разбойникъ, тетенька?

Digitized by Google

— Какъ чѣмъ?.. Что же, развѣ поступокъ его ничего не значитъ?

— Да какой же поступокъ?

— Какъ какой? — дерзость. Развѣ это ничего не значитъ, что онъ вопервыхъ хотѣлъ убить мою Бутузку, вовторыхъ — бѣгалъ, пропадалъ цѣлыхъ три года и наконецъ ночью забрался подъ самыя окна моей спальни. Ну хорошо что Бутузка залаяла и перебудила всѣхъ, а что бы было, еслибы онъ пробрался въ мою спальню. Что бы ты сказалъ, я тебя спрашиваю, еслибы у тебя была охотничья собака, къ которой бы ты имѣлъ привязанность и вдругъ въ одно прекрасное утро ты увидалъ бы, что кто-нибудь бьетъ твою собаку дубиной по головѣ. Что бы ты сказалъ на это?

— Я бы, тетенька, самъ убилъ эту собаку, еслибы я замѣтилъ, что она никому не даетъ покоя.

— Да развѣ Бутузка моя безпокоитъ кого-нибудь?

— Да какъ же, тетенька. Мало ли изъ-за нея было исторій, даже на моихъ глазахъ.

— Какія же это?

— Какъ какія? Тогда на повара разсердились, заставили меня прибить его, а все за что? за то, что онъ сказалъ, что Бутузка съѣла жаркое. Чтожъ тутъ мудренаго, что собака съѣла; это очень можетъ-быть, и скажи онъ, что жаркое съѣла какая-нибудь другая собака, вы бы не разсердились... Нѣтъ, тетенька, вина ваша, а вамъ слѣдуетъ просить и Ивана и Арину и всѣхъ.

— Да что ты-то заступаешься за него?

— А за то, тетенька, что онъ невинно страдаетъ.

— Невинно?

— Конечно, тетенька. Разумѣется это не мое дѣло, помѣщица Фролова вы и люди эти ваши, а не мои, но только я хочу предупредить отъ грѣха. Разберите, за что хотите вы сослать Ивана? за то что онъ по просьбѣ всѣхъ хотѣлъ извести Бутузку. Повѣрьте мнѣ никто бы не тронулъ ее, еслибы она не была дрянной собачонкой.

— Послушай, Алеша! перебила его вдругъ Аксинья Макоимовна, лицо которой вспыхнуло. — Не выводи ты меня изъ терпѣнья. Я знаю что я дѣлаю и учить меня нечего.

— Но вспомните, что вы изъ-за этой собачонки трехъ людей дѣлаете несчастными! Вы, богомольная, набожная старушка,

Digitized by Google

вы, которая только и говорите о Богѣ, о религіи, объ обязанностяхъ каждаго христіанина, вы, которая не пропускаете ни одного нищаго безъ милостыни, которая такъ еще недавно не хотѣли отнять свободы у воробья, и вы между тѣмъ отнимаете свободу и губите троихъ людей.

— Да чѣмъ же я гублю ихъ?

— Вы даже не хотите обратить вниманія на любовь, которая связываетъ Ивана съ Ариной, и желаніе Ивана повидаться съ Ариной вы оборотили въ желаніе поджечь васъ, отрабить васъ, убить васъ.

— Развѣ это неправда? Я опять-таки повторю, что еслибы не Бутузка, то конечно бы онъ поджогъ меня. Если онъ не хотѣлъ поджигать, то зачѣмъ же были у него спички? Опять отъ человѣка каковъ онъ нельзя развѣ ожидать всего дурного?

— Э, тетенька! что вы говорите!

— Какъ что, все резонныя вещи.

— Я самъ всегда хожу со спичками, такъ значитъ и я тоже поджигатель. Нѣтъ, не маскируйте дѣла тетенька. Не за то вы сердиты на Ивана, а за Бутузку и потому, тетенька, услышьте мою просьбу и простите ихъ, а ужь если вы не хотите простить ихъ, то не мѣшайте имъ хоть откупиться. Сегодня былъ у васъ Хмуровъ и потому вы знаете, что онъ готовъ внести деньги. Но лучше всего простите ихъ. Вспомните, вѣдь вы стары, вѣдь вы хилы, а люди двухъ вѣковъ не живутъ. Вѣдь умираютъ же они. За чтоже ваша могила останется посрошонной благодарными слезами, за чтоже за васъ не будетъ ни одного молящаго. Простите ихъ, тетенька, велите развязать веревки, отдайте имъ ихъ свободу и повѣрьте мнѣ, что поступокъ этотъ принесетъ вамъ вдвое больше пользы, чѣмъ колоколъ въ двѣ тысячи пудовъ. Тетенька, посмотрите: я у ногъ вашихъ!

И Алексѣй Наумычъ, рыдая какъ ребенокъ, упалъ на колѣни, но Аксинья Максимовна вмѣсто отвѣта встала съ креселъ и сильно хлопнувъ дверью, вышла вонъ изъ комнаты.

— Ужинать готово-съ! проговорилъ Акимъ, показавшійся изъ двери, но увидѣвъ Алексѣя Наумыча, все еще рыдавшаго, остановился какъ вкопанный.

Digitized by Google

XIX.

На другой день еще путемъ не разсвѣтало, а ужь возлѣ конторы, но только не съ той стороны, которая обращалась къ барскому дому, а съ той, которая давала въ поле, стояло уже десятка два народу. Гроза, продолжавшаяся всю ночь, утихла и громъ гудѣлъ только вдали, верстъ за десять отъ Фролова. Надъ тѣмъ мѣстомъ висѣла еще огромная черная туча, и заслоняя совершенно восходившее солнце, набрасывала на все Фролово какую-то самую непріятную тѣнь; густой же туманъ, непозволявшій различать предметовъ, отстоящихъ въ нѣсколькихъ только саженяхъ, придавалъ Фролову еще болѣе грустный видъ. Все какъ будто кмурилось. Мутные ручьи бѣжали по всѣмъ направленіямъ; съ соломенныхъ крышъ, мѣстами разметанныхъ вѣтромъ, продолжала еще капать вода. Выкрашенная контора была какъ-то совершенно темнаго цвѣта и была окружена грязью. Сырой воздухъ, точно осенью, такъ и пронизывалъ насквозь, помимуемо заставляя вздрагивать.

Однако какъ ни было рано, а Фома Зотычъ давно уже проснулся и давно уже стоялъ на крылечкѣ, съ безпокойствомъ посматривая по направленію къ церкви. Онъ стоялъ безъ фуражки, кутаясь въ мерлущатый халатъ, который безпрестанно развѣваемый вѣтромъ, рѣшительно не давалъ ему покоя. Онъ былъ видимо озабоченъ, потомучто то садился на скамейку, то опять вставалъ и продолжая все смотрѣть по направленію къ церкви, безпрестанно вскрикивалъ:

— Вѣдь экій туманъ! за десять шаговъ ничего не видно.

— Туманъ дюжой, проговорили мужики: — и откуда берется, богъ-вѣсть.

— Что, ребята, посмотрите-ка не видать ли его! проговорилъ Фома Зотычъ, обращаясь къ мужикамъ.

— Кажись, никого не видно.

— Да и церкви-то не видно.

— Ништо не видать. Нѣтъ вонъ кончикъ колокольни чуть-чуть проглядываетъ...

— Да что это Гришко-то застрялъ, началъ Фома Зотычъ: —

Digitized by Google

хоть бы онъ чтоли пришолъ, покрайности все бы сказалъ, скоро ли дьячокъ-то пріѣдетъ.

— Извѣстно, тогда бы узнали.

— Ужь не пьянъ ли.

— Кто?

— Да дьячокъ-то.

— Да мотри, что такъ, проговорило нѣсколько мужиковъ. По той причинѣ, что Степка Анохинъ нечесь ѣхалъ на почтную, такъ встрѣтилъ его вмѣстѣ съ поваромъ; шли куда-то по улицѣ.

— Ну такъ и есть! И небось къ Афимьѣ солдаткѣ отправлялись.

— Мотри, что такъ, потому къ ея воротамъ подходили.

— Ожь, ужь эта Фимка! прости-господи, проговорилъ Фома Зотычъ... Ну, а если они у нея были, то значитъ теперь дьячка не скоро добудишься. И вѣдь эдакій безобразный человѣкъ! знаетъ, что завтра чуть-свѣтъ ѣхать надо, а онъ пьянствуетъ всю ночь. Вѣдь эдакая жалкая натура. И во что только льетъ. Добро бы толстый былъ, а то сущая сухарина. Вотъ спидилка-то...

Въ это самое время подошолъ къ контерѣ поваръ.

— Эй, ты, Семенъ! крикнулъ ему Фома Зотычъ и замахалъ рукой.

Поваръ нетвердо подошолъ къ крылцу, однако значительно старался держать балансъ. Онъ былъ сильно пьянъ; верхняя губа въ крови, волосы растрепаны.

— Ты это гдѣ ноньче ночью-то шатался?

Поваръ вытаращилъ глаза.

— Ты гдѣ шатался-то? спрашиваю я тебя!..

Онъ еще больше вытаращилъ.

— Пошолъ вонъ отсюда! крикнулъ Фома Зотычъ, замѣтивъ, что съ нимъ нечего говорить.

Поваръ повернулъ и ушолъ.

— Ну вотъ поди ты! Теперь и дожидайся дьячка; барыня то гляди что проснется и тогда я и отвѣчай, отчего такъ долго арестанты не отправлены. Эй, ты, Агашка, крикнулъ Фома Зотычъ, обращаясь къ какой-то дѣвчонкѣ: — сбѣгай-ка въ домъ, да узнай потихоньку не проснулась ли барыня.

Digitized by Google

Дѣвчонка бросилась по направленію къ дому, а Фома Ботичъ, еще разъ изругавъ дѣячка, пошолъ въ контору.

XX

Между тѣмъ народъ все прибывалъ и прибывалъ. То подходилъ мужикъ съ косой, то баба съ зыбкой, словомъ подходили всѣ идущіе въ поле на работу. Всѣмъ было любопытно посмотрѣть на отправленіе Ивана. Дворня давнымъ-давно уже была на ногахъ. Она еще съ вечера узнала, что Алексѣй Наумычъ ничего не успѣлъ сдѣлать въ пользу Ивана и что напрасно только говорилъ съ теткой. Имъ все это передалъ Акимъ, который кромѣ того, что застолъ развязку разговора, узналъ многое и отъ самого Алексѣя Наумыча въ то время какъ тотъ раздѣвался. Слова Акима окончательно разсѣяли всякую надежду и потому всѣмъ было только одного, какъ бы не проспать и не пропустить отправленія Ивана. Тяжолое чувство овладѣвало всѣми и рѣдкій изъ дворовыхъ уснулъ хоть часъ въ ту ночь; покрайней мѣрѣ движеніе началось даже еще до зари. О дьячкѣ и поварѣ говорить нечего. Они всю ночь напролетъ пили, а когда дьячокъ услыхалъ, что нищенку и Арину повезутъ на подводѣ, онъ обѣщалъ, что никому не дастъ везти ихъ и что повезетъ самъ, такъ какъ онъ былъ съ Иваномъ пріятелъ и потому желаетъ проводить его. Выходка эта очень понравилась дворнѣ. Всѣ принялись благодарить дьячка, и поваръ, такъ тотъ даже бросился обнимать его; причемъ похвастался своимъ умѣньемъ выбирать друзей и кстати ужь поклялся, что никогда не измѣнитъ этой дружбѣ. Точно также спала и домашняя прислуга Аксиньи Максимовны. Горничныя лежали въ своихъ постеляхъ тогда только, когда еще Аксинья Максимовна не спала; когда же она заснула, всѣ встали потихоньку съ своихъ мѣстъ и вмѣстѣ съ Агафьей Филатьевной усѣлись за столъ и тамъ за этимъ столомъ не мало потужили объ Аринѣ. Арину любили всѣ. И дѣйствительно она была добрая, честная дѣвушка. Всѣ подруги хорошо знали, что она любитъ Ивана, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ знали также, что любовь эта была самая чистая и самая святая. Кромѣ того Арину любили также и за то, что она была со всѣми ласкова и со всѣми дружна и даже съ дѣвчонками обходилась

Digitized by Google

всегда кротко. Вслѣдствіе всего этого Арина пользовалась всеобщимъ довѣріемъ. Не было горя, котораго бы не знала Арина. Она знала горести всѣхъ своихъ подругъ, точно также какъ и ихъ радости. Какъ только наступалъ бывало вечеръ и какъ только кончалась работа, такъ всѣ бывало собирались вокругъ Арины. Ее любила даже и сама Агафья Филатьевна, которая гордясь званіемъ экономки, постоянно смотрѣла на дѣвокъ высока и теперь чуть ли не въ первый разъ рѣшилась сидѣть за однимъ столомъ съ горничными. Горе было равняетъ всѣхъ. Къ дѣвушкамъ присоединился также и Акимъ. Старикъ этотъ все время плакалъ и не могъ нахвалиться Алексѣемъ Наумычемъ. Впрочемъ и всѣ были довольны Алексѣемъ Наумычемъ, да и можно ли быть имъ недовольнымъ. Всегда тихій, всегда робкій, онъ только и думалъ объ одномъ — какъ бы угодить всѣмъ. Такъ просидѣли онѣ всю ночь, а какъ только начала занимаиться заря, всѣ отправились въ контору.

Фома Зотычъ пробылъ однако въ конторѣ не долго и тутъ же почти воротился снова на крыльцо. Завидѣвъ возвращающуюся изъ дома дѣвчонку, онъ обратился къ ней.

— Ну, что?

— Почиваетъ еще! прошепчала та, едва переводя отъ усталости духъ.

— Ну, слава-богу. А дьячка все еще нѣтъ. И зѣвъ добре бы его принуждали ѣхать, а то вѣдь самъ вызывался. Не дамъ, говоритъ, никому везти пріятеля, самъ говоритъ, хочу.

Но не успѣлъ Фома Зотычъ докончить фразу, какъ показалась телѣжка.

— Вотъ ѣдетъ! крикнули всѣ.

— Да, да.

— Вонъ и Гришка съ нимъ сидитъ.

— Ну, слава-богу.

— Эко, братъ, какъ ты копался, проговорилъ Фома Зотычъ, когда дьячокъ стоялъ уже у крылечка конторы. — Ну, какъ не совѣстно! битыхъ два часа ждемъ тебя и не можемъ дождаться. Право безсовѣстный: знаетъ, что надо ѣхать, а онъ всю ночь пьетъ...

— Кто пьетъ? съ какимъ-то изумленіемъ проговорилъ дьячокъ.

— Да извѣстно кто, — ты.

Digitized by Google

— Я?

— Ну, да, съ поваромъ.

— Да я повара-то не видалъ въ глаза.

— Пуще всего не видали, какъ вы къ солдатке шли... Э! дальше говорить съ тобой, и Фома Зотычъ поспѣшно скрылся въ контору.

Туманъ начиналъ проясняться и черная туча все уходила дальше и дальше. Громъ раздавался рѣже и глуше и по всему можно было предполагать, что день прояснится, но не прояснялись лица, окружавшія телѣжку дьячка. Всѣ были пасмурны и всѣ говорили только объ Иванѣ, Аринѣ и нищенкѣ.

— Да, жаль, говорили всѣ. Парень былъ ловкій, работящій.

— Какóва еще парня! Будь онъ у другого помѣщика, такъ ему бы цѣны не было.

— Какъ можно! какъ можно! возражали другіе. Другой бы господинъ берегъ его какъ око. Да вотъ вамъ Хмуровъ. Вѣдь Иванъ-то вишь все время у него жилъ... Такъ такое, говорятъ, житье было, что и умирать не надо... А у насъ извѣстно...

— Что у насъ! Про насъ и говорить нечего!

— Отчего же нечего? возразилъ вдругъ дьячокъ.

— Да оттого, что никуда не годится наше дѣло.

— Чѣмъ же не годится? продолжалъ дьячокъ. Напротивъ, житье отличное. Чѣмъ хуже хмуровскаго?.. Что тѣ кашу-то, да говядину ѣдятъ, да въ сапогахъ ходятъ, да въ хорошихъ избахъ живутъ, такъ вѣдь и вы въ избахъ живете. Оно конечно плохія, да зато въ лаптяхъ ходите... вишь лапти-то какіе... Всего мѣсяца два поди какъ носишь. А что нѣтъ говядины тоже, не бѣда; хлѣбъ да вода — мужицкая ѣда, говоритъ пословица.

И дьячокъ засмѣялся, но немного погодя прибавилъ:

— А точно, правду сказать надо, Хмуровъ баринъ добрый.

— Какóва еще барина.

— И какой ласковый, прибавилъ дьячокъ. Только-что успѣлъ я слова два сказать ему, такъ онъ тутъ же догадался, что я съ похмѣлья и сейчасъ же приказалъ мнѣ водки поднести.

Раздался хохотъ.

— Чего смѣетесь? ейбогу! А ужь какъ жалѣлъ объ Иванѣ, такъ страсть. Просто такъ жалѣлъ, что ужасъ. Ахъ, говоритъ,

Digitized by Google

жаль, ахъ жаль... И тутъ же приказалъ закладывать лошадей. Поѣду, говоритъ, выручать, но только придъ, говоритъ, сваришь кашу съ этой стервой!.. Такъ и назвалъ, сбегу. Такой-то, право, ласковый. Да, чего братцы, какъ сѣлъ въ тарантасъ, то и говоритъ мнѣ: «Ой ты, дьячокъ! Ты вѣдь пѣшкомъ пришолъ, садись-ка, говоритъ, я тебя подвезу,» я и сѣлъ. Такъ вплоть до столицы и довезъ.

Вдругъ раздался голосъ десятскаго:

— Пропустите, пропустите, братцы! кричалъ онъ, выходя изъ конторы. Дайте Арининъ сундучишко поставить.

— Пропустите, пропустите! заговорили всѣ, и раздвинувшись, дали дорогу двумъ мужикамъ, тащившимъ сундукъ Арины. За сундукомъ шла мать Арины и выла во весь голосъ.

— Ставь сюда, на передокъ! крикнулъ дьячокъ, когда сундукъ былъ взваленъ на телѣгу. Ставь сюда.

— Нелучше ли взадъ поставить, Павелъ Егорычъ, проговорили мужики.

— Ставь, говорятъ, на передокъ. Ну куда взадъ-то, гдѣжъ они сядутъ-то? Эхъ, вы, мужики!..

— Ну, ладно, ставь впередъ.

— Подвигай еще, подвигай, кричалъ дьячекъ. Вотъ такъ, ладно. А еще-то есть тамъ что?

— Есть, есть.

— Ну, тащите скорѣй.

Мужики ушли.

— Батюшки! отцы родные! вопила между тѣмъ старуха, увидѣвъ на телѣгу. — Чтоже это такое! Вѣдь она дочь мнѣ. И за какую же вину отнимаютъ ее у меня. Чтожъ она сдѣлала такое? Чтожъ она, убила чтоли кого... Вѣдь ничего она не сдѣлала!

— Полно, бабушка, полно, стѣшили всѣ утѣшать старуху. Божья воля, больше Бога не будешь...

Но какъ ни утѣшали старуху, все было напрасно. Она вопила на весь дворъ, и вопль ея обращался иногда въ какое-то бѣшенство. И тогда она рвала на себѣ волосы и падала на землю, какъ будто стараясь провалиться сквозь эту землю, на которой пришлось ей испытать такое страшное горе. Зато изо всей толпы, собравшейся возлѣ телѣги, не было ни одного человѣка, у котораго на глазахъ не блестѣли бы слезы; даже мальчишки

Digitized by Google

и въ хныкали, утирая кулачками глазенки; даже дьячокъ и тотъ, сидя на своей телѣжкѣ, расплакался какъ баба. Всякій чувствовалъ, всякій понималъ всю важность происходившаго. Но между тѣмъ какъ шолъ этотъ вопль и между тѣмъ какъ всѣ окружали бѣдную мать, бившуюся на землѣ, никто и не замѣчалъ Алексѣя Наумыча, неподалеку сидѣвшаго на какомъ-то бревнѣ. Впрочемъ и трудно было бы замѣтить его. Онъ сидѣлъ закрывъ лицо руками и такъ тихо плакалъ, что плачъ его не могъ быть слышенъ. Какъ пришолъ онъ, когда пришолъ? Богъ-вѣсть. Онъ сидѣлъ, опустивъ голову, но видно было, что ни одна подробность происходившей возлѣ конторы сцены не ускользала отъ него, и чуть ли не болѣе всѣхъ онъ убивался всѣмъ этимъ.

XXI

Въ это самое время, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ конторы, показалась телѣжка, запряженная въ одну лошадь. Въ телѣжкѣ сидѣлъ мужикъ и какъ видно торопился подъѣхать къ конторѣ, потому-что безпрестанно хлесталъ свою лошадь. Появленіе этого мужика отвлекло на минуту вниманіе толпы отъ старухи. Всѣ обратились въ ту сторону, въ которой показалась телѣжка, и какъ кажется не мало удивлялись ея появленію.

— Кто бы это могъ быть? говорили всѣ.

— А ѣдетъ прямо сюда.

— Должно-быть какой-нибудь купецъ, замѣтилъ дьячокъ.

— Должно-быть, видишь чепанъ-то какой.

— Да и збруя-то тоже добрая, ременная.

Между тѣмъ телѣжка все подвигалась и по мѣрѣ ея приближенія увеличивалось и любопытство. Старуха была окончательно забыта, да впрочемъ она и не нуждалась въ участіи. Горе ея превышало всѣ утѣшенія, и ее одно только могло успокоить — это прощеніе ея дочери, возвратъ послѣдняго ея утѣшенія.

Вскорѣ телѣжка подъѣхала уже къ толпѣ.

— Здѣсь чтоли у васъ контора-то, ребята? спросилъ подъѣхавшій мужичокъ и остановилъ лошадь.

— Здѣсь, здѣсь, раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Такъ стало я потрафилъ, проговорилъ мужичокъ и сдѣлъ

Digitized by Google

съ телѣги. А что, братцы, столяра Ивана еще не отправляли въ городъ? прибавилъ онъ, подходя къ толпѣ.

— Нѣтъ еще, сейчасъ повезутъ. А что, развѣ тебѣ дѣло есть какое до него?

— Нешто́, дѣло.

— Ты откелева будешь?

— Отъ господина Хмурова, привезъ вонъ сундукъ какой-нибудь.

— Такъ давай его сюда, крикнулъ дьячокъ.

И двое мужичковъ пошли доставать сундукъ.

— Мы совсѣмъ и забыли объ сундукѣ, продолжалъ мужичокъ: — да благо сегодня наткнулись на него, ну, баринъ и приказалъ поскорѣе отвезти. Я все боялся, что опоздаю, такъ гналъ лошадь, что страсть.

Старуха между тѣмъ все еще выла.

— Кто это тамъ воетъ? спросилъ пріѣхавшій мужичокъ.

— Да вотъ старушка, мать той дѣвки, которую ссылаютъ съ Иваномъ-то, проговорили изъ толпы.

Мужичокъ только головой покачалъ.

— Видно больно трудно родимой, проговорилъ онъ немного погодя.

— Нешто, дѣтище родимое, своя кровь...

— Ништо, ништо... А что Ивана-то можно мнѣ повидать?..

— Вѣстимо можно... А тебѣ нешто нужно что поговорить съ нимъ...

— Да, нужно кое о чемъ... баринъ приказалъ...

И мужичокъ, попросивъ поглядѣть за лошадью, ушолъ въ контору. Таинственныя недосказанныя слова не замедлили возбудить въ толпѣ любопытство. Какъ только скрылся мужичокъ, такъ вся толпа сдвинулась въ кучу и начала соображать о чемъ бы могъ говорить мужичокъ съ Иваномъ, да еще по приказанію Хмурова. Даже дьячокъ — и тотъ слѣзъ съ своей телѣги и подошолъ къ кучкѣ. Предположеніямъ и догадкамъ не было конца. Одни говорили, что вѣроятно Хмуровъ прислалъ Ивану денегъ на дорогу, другіе предполагали, что не хочетъ ли ужь Хмуровъ какъ-нибудь въ городѣ хлопотать объ Иванѣ, но все это были однѣ догадки и потому рѣшили, чтобы дьячокъ шолъ въ контору и послушалъ бы что будетъ говорить мужичокъ. Дьячокъ отправился въ туже минуту. Не малаго труда стоило

Digitized by Google

ему протолкаться въ контору, такъ какъ она была биткомъ набита народомъ, но возвратясь изъ конторы, онъ все-таки ничего не могъ сообщить толпѣ, ожидавшей его съ нетерпѣніемъ, потомучто мужичокъ, все что ни говорилъ Ивану, говорилъ на ухо, по лицу же столяра ничего нельзя было узнать, потомучто въ лицѣ Ивана не было никакой перемѣны.

— Должо-быть такъ что-нибудь, проговорила толпа.

XXII

Вскорѣ вышелъ и мужикъ. Еще разъ потуживъ о старукѣ, онъ сѣлъ въ телѣжку и, поклонившись толпѣ, поѣхалъ шажкомъ домой. Несмотря однако на то, что толпа рѣшила, что вѣрно мужичокъ пріѣзжалъ тамъ съ чѣмъ-нибудь, любопытство ея нисколько не уменьшилось и шушуканьямъ вѣроятно бы не было конца, еслибы въ дверяхъ конторы не показался Фома Зотычъ.

— Ну, готово чтоли? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Готово, готово! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Ивановъ-то сундукъ поставили?

— Здѣсь, здѣсь, отозвался дьячокъ.

Фома Зотычъ сирылся. Старуха начала стонать; она лежала ниць лицомъ.

— Братцы! раздался вдругъ чей-то голосъ. Не положить ли старуху-то навзничь, а то эдакъ-то ей поди трудно лежать. Вишь какъ она охаетъ сердечная.

— Ну, чтожъ, обернемъ ее, проговорило нѣсколько голосовъ. Да не лучше ли ее къ сторонкѣ отнести. Можетъ ей лучше будетъ какъ вѣтромъ-то пообдуетъ.

Не только было принялись оттаскивать старуху, какъ на крыльцѣ показалась Иванъ и Арина.

Иванъ былъ блѣденъ и не говорилъ ни слова, Арина рыдала. Заслышавъ ея рыданія, мать въ одну минуту вскочала съ земли и повисла на шеѣ дочери.

— Арина! Арина! вопила она.

— Матушка, матушка!.. Прощай родная ты моя, прощай моя кормилица, прощай моя золотая... и почти безъ чувствъ упала она на руки своихъ подругъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ! вопила мать. Не отпущу я тебя, не отпущу, не отдамъ въ руки злодѣевъ... Не отнимутъ они у меня мое дѣтище... Не отнимутъ... Не отдамъ я имъ тебя... И старуха, казалось, замерла въ объятіяхъ дочери.

— Отдѣпите руки-то, кричалъ Фома Зотычъ. — Отнесите домой старуху.

— Какъ же домой, Фома Зотычъ, заговорило нѣсколько голосовъ. — Чтожъ, пущай простится съ дочерью... Человѣкъ она старый, ужь больше не увидитъ; все одно, что въ землю хоронить...

— Да ей же легче будетъ, когда она ничего не увидитъ, проговорилъ снова Фома Зотычъ.

— Это ваша правда, замѣтилъ дьячокъ.

— Извѣстно легче, подхватилъ Фома Зотычъ и приказалъ отцѣпить старуху, которая точно также какъ и Арина была безъ чувствъ.

Старуху отцѣпили и тихонько отнесли домой. Она, казалось, потеряла всякое сознаніе и только одно трясеніе обличало въ ней жизнь. Арину положили въ телѣгу. Когда она была уже въ телѣгѣ, всѣ ея подруги разразились страшнымъ воплемъ и еще разъ пошли прощаться съ той, которая разлѣляла всѣ ихъ горести и радости. Арина лежала точно въ гробу; блѣдная и со сложенными руками она въ самомъ дѣлѣ походила на мертвую.

За то Иванъ кажется ни на минуту не терялъ разсудка. Какъ только вышелъ онъ на крыльцо, такъ въ ту же минуту снялъ шапку и принялся молиться на церковь. Молился онъ долго и только одна блѣдность покрывала лицо его. Потомъ онъ началъ креститься на всѣ четыре стороны и перекрестившись три раза поклонился въ землю всѣмъ православнымъ.

— Ну, простите меня братцы, говорилъ онъ: — коли я кого обидѣлъ чѣмъ, простите христа-ради... Обижать я не хотѣлъ никого, но можетъ какъ-нибудь незначай и досадилъ кому-нибудь... Простите христа-ради... Не поминайте лихомъ...

И проговоривъ это, онъ снова три раза поклонился въ землю, перецѣловался со всѣми и еще разъ помолясь на церковь сѣлъ въ телѣгу.

Вслѣдъ за нимъ вынесли и нищенку. Она стонала, охала и крестилась, а когда положили ее въ телѣгу, я попросила только, чтобы ее съ головой прикрыли тулупомъ.

Digitized by Google

— Ну, совсѣмъ чтоли? спросилъ снова Фома Зотычъ.

— Кажись совсѣмъ, проговорилъ дьячокъ.

— Ну, трогай, съ Богомъ. Эй вы, караульщики, маршъ за телѣгой.

Но только было тронулась телѣга, какъ вдругъ показался поваръ. Онъ бѣжалъ что есть мочи и кричалъ: — стой! стой!

Телѣга остановилась.

— Ну, братъ, Иванъ... проговорилъ поваръ, подбѣжавъ къ телѣгѣ. Ну, братъ, прощай!

Онъ обнялъ Ивана и крѣпко, крѣпко прижалъ его къ своей груди.

— Прощай... Ну, братъ... Эхъ!.. Ваня!..

И кромѣ рыданія заглушили голосъ повара, и махнувъ рукой, онъ поспѣшилъ отойти отъ телѣги, которая въ сопровожденіи всей толпы двинулась къ околицѣ...

XXIII

Немного погодя, возлѣ конторы не было уже никого и все вступило въ прежнюю свою колею. Успѣвшее уже войти солнце яркими лучами разогнало вмѣстѣ съ туманомъ и толпу, горевавшую объ Иванѣ. Всѣ разошлись по работамъ и принялись за свои обычныя занятія. Принялись возить на гумна хлѣбъ, принялись класть одони и скирды, и объ Иванѣ не было даже и помина... День былъ чудный, какого никто не ожидалъ. Всю ночь лившій дождикъ освѣжилъ природу и все смотрѣло кругомъ такъ свѣтло, такъ весело! Небо было совершенно голубое, ни одной тучки, ни одного облачка; воздухъ чистый, прозрачный. Повсюду блестѣли свѣтлыя лужицы и какъ-то особенно красивы были они среди этой яркой зелени, какъ бархатъ, разстилавшійся повсюду. Словомъ все было такъ хорошо, такъ свѣтло, что даже Фома Зотычъ, подлавшій окно въ своей конторѣ и усѣвшійся возлѣ него со стаканомъ чая, не могъ не похвалить утра. Онъ былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа и нараспѣвъ прогнавсталъ самодовольно:

— Ну, слава-богу, слава-богу... Шалыу-то обнаи съ рукъ этихъ парней; теперь и отдохнуть можно...

Digitized by Google

— Мало ли хлопотъ было, подхватила его супруга, которая напротивъ была въ самомъ сердитомъ настроеніи. Я чуть съ ногъ сбилась... Да ужь нечего сказать — народецъ... Ты посмотри сколько грязи-то натаскали, полъ-то словно въ хлеву какомъ...

Но Фома Зотычъ былъ такъ доволенъ тѣмъ, что всѣ хлопоты его окончились, что даже и вниманья не обращалъ на гнѣвъ своей благовѣрной и продолжалъ себѣ попрежнему пить чай и любоваться утромъ. Снявъ свой галстукъ и даже растегнувъ воротъ рубашки, онъ не безъ удовольствія подставлялъ свою жирную шею подъ утренній прохладный вѣтерокъ и съ какою-то особенно довольною улыбкой смотрѣлъ на свой палисадникъ, засаженный подсолнечниками, въ которомъ копошились крошечные циплята. Циплята въ особенности занимали Фому Зотыча и онъ, совершенно позабывши уже Ивана, съ какимъ-то дѣтскимъ удовольствіемъ принялся бросать имъ хлѣбъ и любоваться какъ кусочки исчезали въ ихъ маленькихъ желудкахъ.

— Ципъ, ципъ, ципинька, говорилъ онъ: — ципулинька, ципулинька, и до того занялся ими, что даже забылъ про свой чай.

Между тѣмъ супруга его успѣла уже сбѣгать въ сѣни и призвавъ двухъ бабъ заставляла ихъ мыть полы. Она такъ сердилась на эту грязь, что даже удивлялась чего только лѣзъ глупый народъ и чего только глазѣлъ на Ивана, хотя сама первая не спускала глазъ во все время съ арестантовъ. Точно тоже происходило и съ Агафьей Филатьевной. Она какъ только возвратилась съ проводовъ, такъ тутъ же накинулась на дѣвокъ и разругавъ ихъ за то, что онѣ до сихъ поръ не за пальцами, отправилась себѣ пить чай.

Словомъ все пришло въ порядокъ. Удивляться этому нечего. Пламя русскаго простолюдина обыкновенно проходитъ скоро; вчерашнее этого могутъ служить похороны. Какъ только гробъ уносится изъ избы, такъ вмѣстѣ съ гробомъ уносится изъ избы и вонь. Оставшаяся въ избѣ утираетъ слезы и тутъ же начинаетъ выметать изъ избы соръ, хотя до нея и долетаютъ еще звуки идущихъ за покойникомъ. Пока идетъ отпѣваніе, слезы не прекращаются, но когда гробъ опущенъ уже въ могилу и когда онъ засыпанъ землей, все перестаетъ и у рѣдкаго изъ возвращающихся съ погоста вы увидите на глазахъ слезы. Развѣ хнычетъ какая-нибудь старушка. Божья воля, говоритъ всѣ,

Digitized by Google

и смиряясь передъ этой волей утираютъ слезы и садятся за блины.

Разъ увидалъ я мужика строгавшаго доску. Я подошолъ къ нему.

— Что ты дѣлаешь, Степанъ? спросилъ я его.

— Да вотъ доску строгаю.

— Знаю, да зачѣмъ?

— На домовище.

— Какъ, развѣ кто умеръ у тебя?

— Нешто, старикъ-отецъ померъ.

— Когда?

— Да ужь часа два какъ померъ.

Вечеромъ этотъ же самый Степанъ везъ уже гробъ отца на погостъ, и когда я ему замѣтилъ, что не рано ли затѣялъ онъ похороны, Степанъ отвѣчалъ мнѣ:

— Что за рано, батюшка. Больше Бога не будешь, а дни жаркіе, — пожалуй въ избѣ-то портиться начнетъ, духъ пустить.

— Такъ ты бы его положилъ въ часовню.

— Нѣтъ ужь, Христосъ съ нимъ, ему въ землѣ-то покойнѣй.

Итакъ да не удивляется читатель, что и во Фроловѣ вслѣдъ за отъѣздомъ Ивана все приняло на себя обычный видъ, что даже и въ кружкѣ, въ этомъ центрѣ либеральныхъ идей, все пошло попрежнему и что самый поваръ, этотъ высшій либералъ между всей фроловской дворней, надѣвъ куртку и подвязавъ фартукъ, принялся попрежнему стучать ножами и мѣшать въ кострюлькахъ. Недоставало только шестипалаго дьячка, отсутствіе котораго даже больше смущало повара, нежели разлука съ Иваномъ. Онъ больше тужилъ о дьячкѣ нежели объ Иванѣ. Будь возлѣ него дьячокъ, онъ былъ бы совершенно доволенъ, но безъ друга онъ былъ замѣтно скученъ. Чтобы какъ-нибудь разогнать эту скуку, поваръ иногда выходилъ на крыльцо, садился на приступку и закуривъ коротенькую трубку, которую онъ называлъ носогрѣйкой, принимался смотрѣть вдаль, изрѣдка поплевывая сквозь зубы. Иногда вступалъ онъ въ разговоръ съ проходившими, но разговоры эти были такъ однообразны, что врядъ ли могли хоть сколько-нибудь развлечь повара. Всѣ они вертѣлись около этого. Проходилъ напримѣръ мужикъ, и поваръ кричалъ ему:

Digitized by Google

— Эй, тыц, гужоѣдъ!

— А, чумичка! вскрикивалъ кучеръ.

— Куда?

— На село.

— Ну такъ до свиданья.

— Съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать.

Или кто-нибудь изъ проходившихъ обращался къ извозу съ такой фразой:

— Что, братъ, покуриваешь?

Но на подобныя фразы извозъ даже и не отвѣчалъ, а только бывало плюнетъ сквозь зубы, да оботретъ усы рукавомъ рубашки.

XXIV

Зато что происходило съ Алексѣемъ Наумычемъ трудно было бы и опредѣлить. Насколько кругомъ все принялъ обычный видъ, настолько Алексѣй Наумычъ сдѣлался другимъ. На него было жалко смотрѣть: такъ упалъ онъ духомъ, такъ ослабѣлъ. Онъ какъ-будто вдругъ распался на части и не имѣлъ силы собрать эти части, снова сдѣлался цѣльнымъ человѣкомъ, точно такимъ, какимъ былъ прежде, какимъ выскочилъ изъ рогожанной кибитки. Какъ только тронулась отъ конторы телѣга, такъ онъ въ туже минуту всталъ съ своего мѣста и опустился возлѣ калитки сада. Безсознательно отворивъ ее, онъ вошелъ въ садъ, прошелся по заглохшимъ алеямъ, и дойдя до пруда, опустился изнеможенный на скамейку. Онъ точно похоронилъ самого себя и похоронивши не зналъ что теперь ему дѣлать. Онъ все потерялъ въ одну минуту и снова почувствовалъ себя тѣмъ же забитымъ, какимъ былъ прежде, тѣмъ же одинокимъ, безъ радостей, безъ увлеченій, безъ спокойствія, чужимъ среди людей, лишнимъ на всей землѣ. Всѣ дорогія мечты его, всѣ его надежды найти во Фроловѣ спокойствіе и отдыхъ, которое онъ какъ-будто даже обрелъ во Фроловѣ; всѣ его надежды встрѣтить въ теткѣ нѣжныя материнскія чувства, наконецъ надежда сдѣлаться хоть когда-нибудь человѣкомъ самостоятельнымъ; словомъ всѣ дорогія мечты его, всѣ какъ-будто разрушились, распались и какъ-будто сосланный изъ Фролова былъ не Ивановъ,

Digitized by Google

а онъ самъ, Алексѣй Наумычъ. Онъ сидѣлъ опустя голову, и между тѣмъ этотъ садъ, которымъ онъ прежде такъ восхищался, тихо покачивалъ деревьями и уже утратилъ для него всю свою прелесть. Ему было тяжело смотрѣть на этотъ садъ, говорившій ему такъ много о недавнемъ спокойствіи, и глядя на него, онъ только еще больше грустилъ. Онъ чувствовалъ, что все кончилось, что внутри его какъ-будто что-то оборвалось и что онъ навсегда потерялъ все то что вдыхало въ него, разслабленнаго, нецѣльнаго человѣка и жизнь и бодрость. Онъ изнемогалъ и изнеможенный не зналъ за что ему приняться. Онъ оплакивалъ Ивана, оплакивалъ утраченное свое спокойствіе, но тѣмъ неменѣе Аксинья Максимовна не переставала рисоваться передъ нимъ съ своей доброй улыбкой, съ своимъ ласкающимъ взоромъ, съ своей рѣчью, полной участья и любви къ нему, горемычному сиротѣ. Она какъ-будто обнимала его и обнимая говорила: «не плачь, Алеша, успокойся, о чемъ ты плачешь, вѣдь не тебя сослала я, Ивана, о чемъ же тебѣ сокрушаться? Возьми-ка лучше ружье, да ступай-ка на озеро: въ ту сторону столько пролетѣло утокъ, что ужасъ, я сама видѣла; право сходи-ка поразсѣйся, а потомъ придешь съ Бутузкой поиграть... Вотъ день-то и пройдетъ незамѣтно!» Онъ слышалъ какъ-будто слова эти, но объятья Аксиньи Максимовны словно давили его, озера уже не привлекали его ни зеленью разросшихся вдоль берега камышей, ни зеркаломъ водъ, ни стаями перелѣтавшихъ утокъ, а стали для него такъ противны, что онъ не хотѣлъ и вспоминать о нихъ. Онъ забылъ все утѣшавшее его и только помнилъ ту возмутительную сцену у конторы, которой былъ свидѣтелемъ; онъ видѣлъ передъ собой Аксинью Максимовну, но въ добрыхъ, потухающихъ глазахъ ея читалъ какую-то злобу, и въ любящей улыбкѣ какой-то судорожный, онѣмѣвшій гнѣвъ. Она сдѣлалась для него ненавистной, злой старушонкой, и быть съ ней вмѣстѣ тяготило его. Онъ чувствовалъ, что внутри его кипитъ что-то; но тѣмъ неменѣе все-таки со слезами на глазахъ вспоминалъ прошлое. Для него было горько разочаровываться. Выросшій одиноко, среди чужихъ людей, онъ былъ счастливъ, видя Аксинью Максимовну, такъ нѣжно встрѣтившую его; ему было тепло въ ея объятіяхъ; онъ готовъ былъ слить съ нею все свое существованіе; онъ даже былъ счастливъ тѣмъ, что на-

Digitized by Google

шолъ старушку, которую могъ называть тетей, и вдругъ онъ узналъ, что тетя эта не та, которую такъ жадно искало сердце. Онъ увидалъ передъ собою Аксинью Максимовну, но уже не ту, на груди которой онъ, изувѣченный, такъ часто отдыхалъ и плакалъ отъ счастія, но передъ нимъ была Аксинья Максимовна, въ объятіяхъ которой ему было и холодно и жутко. Онъ потерялъ въ ней человѣка, съ которымъ бы могъ говорить о своемъ горѣ, отъ котораго ждалъ утѣшенія и видѣлъ въ ней старушку злую, ханжу и чуждую посторонняго горя. Даже самое Фролово и то тяготило его; даже тотъ домикъ, въ которомъ ему было такъ покойно и изъ окна котораго раскрывалась передъ нимъ такая чудная панорама, ему казался какой-то тюрьмой, въ которой ему было и тѣсно и душно. Словомъ, все какъ-будто вмигъ разрушилось, и онъ, стоя среди этого всеобщаго разрушенія, изумленно смотрѣлъ вокругъ, восклицая: «гдѣ же все то что такъ меня живило!» не понималъ гдѣ онъ и что съ нимъ. Ему хотѣлось бѣжать изъ этого Фролова, бѣжать опять къ живописцу, гдѣ онъ все-таки былъ хоть свободенъ, а главное одинъ, но онъ старался подавить этотъ порывъ. Онъ все еще не забылъ обѣщанія Аксиньи Максимовны и одно только это какъ-будто мирило его съ его положеніемъ.

«Поживу, потерплю! говорилъ онъ: — покрайней-мѣрѣ есть цѣль жить. Будетъ Фролово мое и я тогда отдохну.

Такъ сидѣлъ Алексѣй Наумычъ и даже не замѣчалъ какъ солнце поднималось все выше и выше, какъ все пробуждалось вокругъ него, какъ даже въ саду неподалеку отъ него копошился уже садовникъ, что-то поливая на грядахъ. Такъ сидѣлъ онъ и даже не замѣчалъ, что въ домѣ поднялись уже всѣ сторы и растворились почти всѣ окна, слѣдовательно и Аксинья Максимовна окончила уже свою продолжительную утреннюю молитву и принялась кушать чай. День начался. Къ пруду подъѣхалъ водовозъ съ бочкой; изъ кухни вышелъ поваръ съ чашкой и ножомъ и отправился вмѣстѣ съ Агафьей Филатьевной въ кладовую, а Алексѣй Наумычъ смотрѣлъ на все это безсознательно и какъ-будто не понималъ что дѣлается вокругъ него. Вдругъ подошолъ къ нему Акимъ.

— Съ добрымъ утромъ! проговорилъ онъ какъ-то особенно мрачно: — чай кушать пожалуйте!

— Развѣ Аксинья Максимовна встала?

Digitized by Google

— Встали-съ.

— Что она дѣлаетъ?

Акимъ махнулъ рукой, и не сказавъ ни слова, пошолъ назадъ. Сердце Алексѣя Наумыча облилось кровію и онъ какъ-будто чувствовалъ, что въ домѣ опять его ждетъ какая-нибудь непріятность. Но только-что вошолъ онъ въ домъ, какъ даже остановился отъ изумленія. Тамъ все шло вверхъ дномъ, тамъ былъ хаосъ и такой хаосъ, какого еще никогда и не видывалъ Алексѣй Наумычъ. Аксинья Максимовна была чисто въ какомъ-то бѣшенствѣ. Полурастрепанная, полуодѣтая она бѣгала изъ одной комнаты въ другую, топала ногами, колотила дѣвокъ, колотила Агафью Филатьевну, колотила даже Фому Зотыча и кричала на весь домъ, чтобы тотчасъ же привели къ ней мерзавца повара. И опять все это происходило за Бутузку. Весь домъ ревѣлъ и среди всего этого рева сильнѣе всѣхъ раздавался голосъ Аксиньи Максимовны. Можно было подумать, что она сошла съ ума, что съ ней сдѣлался припадокъ, но никто изъ живущихъ въ домѣ не думалъ этого. Подобныя сцены были имъ не въ диковину, къ нимъ уже всѣ привыкли, но зато Алексѣю Наумычу становилось еще тяжелѣе, еще невыносимѣе было въ немъ сердце. Ему было тяжело видѣть Аксинью Максимовну, она сдѣлалась какимъ-то злѣйшимъ его врагомъ; онъ стоялъ какъ убитый громомъ, а до ушей его долетали поминутно то пощечины, то брань самая возмутительная, самая грязная. И какъ только ни бранилась она, какихъ только ни произносила словъ! Какихъ только ни выдумывала названій! Ни капли здраваго смысла, ни капли логики, ни малѣйшей послѣдовательности нельзя было отыскать въ ея обвиненіяхъ и они становились тѣмъ болѣе отвратительными. Она все рвала и метала, пришедшему повару и Акиму надавала такихъ пощечинъ, что у тѣхъ пошла даже кровь изъ зубовъ и вслѣдъ за тѣмъ такъ налетѣла на Фому Зотыча, что тотъ принужденъ былъ бѣжать вонъ изъ залы. Всѣ были точно убитые и только съ трепетомъ ожидали конца. Но до конца было еще далеко. Гнѣвъ Аксиньи Максимовны не только не утихалъ, но напротивъ съ каждой минутой разгорался все болѣе и болѣе. Она начала придираться ко всему, придиралась къ дѣвкамъ, называла ихъ безпутными и наконецъ принялась доискиваться кто увѣдомилъ Хмурова о поимкѣ Ивана, и такъ какъ никто не хотѣлъ

Digitized by Google

изобличать дьячка, Аксинья Максимовна бѣсилась еще пуще. Всѣмъ гнѣвомъ своимъ она разразилась на бѣднаго Акима и старику досталось больнѣе всѣхъ... Но этихъ сценъ Алексѣй Наумычъ не вынесъ и почти опрометью бросился снова въ садъ.

XXV

Онъ былъ такъ взволнованъ, что даже и не замѣтилъ какъ очутился возлѣ пруда и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ такъ недавно еще съ такой ребяческой наивностью сидѣлъ съ своими малыми удочками. Тамъ все было тихо, все берегло эту дорогую тишину: прудъ разстилался какъ зеркало, развѣсистыя деревья не колыхались ни однимъ листкомъ. На противуположномъ берегу какъ нарочно опять мужичокъ ловилъ свою лошадь, въ водѣ попрежнему плавала рыба, но не такъ уже смотрѣлъ на все это Алексѣй Наумычъ. Онъ опустился на траву и, закрывъ лицо руками, принялся плакать. Голова его горѣла какъ въ огнѣ, сердце билось неровно; грудь какъ-будто кто-то давилъ и сжимъ на кашель, тотъ сухой, тотъ болѣзненный, которымъ прежде страдалъ Алексѣй Наумычъ, раздался среди всеобщей тишины. Но Алексѣй Наумычъ не замѣчалъ этого кашля и богъ-знаетъ почему-то вспомнилъ вдругъ мужичка, съ которымъ возвращался вчера съ охоты, вспомнилъ Хмурова и еще болѣе задумался. «Боже-мой, боже-мой, думалъ онъ: — какъ все тамъ хорошо, какъ все тамъ тихо, порядочно! видно, что ведется жизнь разумно, что живутъ умные люди, умѣющіе дорожить жизнью и управляться съ ней. Все дышетъ тамъ довольствомъ, спокойствіемъ, разсудкомъ, тогда какъ здѣсь все глупо, все безтолково, все безчеловѣчно. Сколько горя, сколько слезъ и все это нипочемъ, какъ-будто все такъ и должно быть, какъ-будто все это въ порядкѣ вещей, какъ-будто иначе и не можетъ быть. Каково же жить среди всего этого, жить и только знать что терпѣть, да плакать, да мучиться. И кчему все это? Неужели нельзя обойтись безъ этого, неужели нельзя жить, не возмущая тишины... Что, еслибы была жива у меня мать, еслибы вдругъ она встала изъ гроба и посмотрѣла бы теперь на меня? что бы было съ Аксиньей Максимовной, еслибы предстала предъ ней тѣнь моей матери, какими бы глазами взглянула она на нея... Мать

Digitized by Google

сумѣла бы облегчить мои страданія, сумѣла бы защитить меня... Но у меня нѣтъ матери и я одинокъ, одинъ на всемъ свѣтѣ, беззащитный и безпріютный, одинъ съ своимъ горемъ и съ своими слезами...

Такъ сидѣлъ Алексѣй Наумычъ и даже не замѣчалъ, какъ неподалеку отъ него сидѣлъ еще кто-то въ нанковомъ сюртукѣ и тоже закрывъ лицо руками, тихо плакалъ. Зеленыя вѣтви склонялись надъ сѣдой головой сидѣвшаго, и склонясь, тихо покачивались, какъ-будто грустя вмѣстѣ съ старикомъ. Такъ сидѣлъ Алексѣй Наумычъ и даже не замѣчалъ, что плакавшій былъ Акимъ, сѣчь котораго уже надоѣло Аксиньѣ Максимовнѣ..

Вдругъ позади Алексѣя Наумыча затрещали кусты, послышалось какое-то неровное дыханіе, и Алексѣй Наумычъ не успѣлъ обернуться, какъ увидалъ предъ собой Бутузку. Наткнувшись на Алексѣя Наумыча, она бросилась на него съ дикимъ лаемъ и принялась съ такимъ озлобленіемъ кидаться на него, что Алексѣй Наумычъ даже изумился. Онъ пытался ее отогнать, но вдругъ вспомнилъ Ивана, вспомнилъ Арину, вспомнилъ сегодняшнюю исторію и лицо его мгновенно покрылось блѣдностью. Онъ бросился къ Бутузкѣ, схватилъ ее въ охапку, взялъ камень, и сопровождаемый страшнымъ визгомъ подбѣжалъ къ водѣ. Вынуть изъ кармана платокъ, привязать одинъ конецъ къ камню, а другой къ шеѣ Бутузки, было дѣломъ одной минуты; все было уже готово, какъ вдругъ онъ очутился лицомъ къ лицу съ Аксиньей Максимовной. Руки его опустились, Бутузка вырвалась на волю, и Алексѣй Наумычъ, пойманный на мѣстѣ преступленія, остановился какъ вкопанный, опустилъ голову, опустилъ руки и трясясь всѣмъ тѣломъ, ждалъ своего приговора.

И все это произошло на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ такъ недавно еще тотъ же самый Алексѣй Наумычъ переживалъ столько сладкихъ, столько ребячески безпечныхъ минутъ и на которомъ онъ такъ твердо вѣрилъ и въ счастье и въ спокойствіе, во все то что живетъ, что держитъ, что пробуждаетъ человѣка. На берегу виднѣлся еще слѣдъ его сапога, виднѣлись еще слѣды недавно втыкаемыхъ удилищъ, валялась неуспѣвшая еще засохнуть вѣтка липы, сорванная Алексѣемъ Наумычемъ во время послѣдняго ужинья, а отъ прежняго спокойствія

Digitized by Google

не осталось даже и слѣда. Оно кончилось безслѣдно и покрылось навсегда. Такъ умираютъ звуки, такъ падаютъ звѣзды и одно только воспоминаніе слабо возраждаетъ ихъ, навѣки погибшихъ.

Въ тотъ же вечеръ Алексѣй Наумычъ былъ изгнанъ изъ Фролова.

Такъ кончилось его пребываніе у тетки, и Алексѣй Наумычъ не успѣлъ путемъ придти въ себя, какъ снова очутился среди неба и земли, безъ пристанища, безъ одежды, безъ пищи, безъ средствъ... Все подаренное Аксиньей Максимовной было взято назадъ и ему даже не было дано подводы. Онъ шелъ пѣшкомъ, шолъ взваливъ на плечи свою бѣдную котомку, шолъ безъ цѣли, безъ мысли, куда вела дорога, а дорога вилась нескончаемо отъ одной деревни къ другой, отъ одного города къ другому, вилась то по тучнымъ полямъ, покрытымъ хлѣбомъ, то по зеленымъ лугамъ, усыпаннымъ цвѣтами, то по темнымъ лѣсамъ, то поднималась на горы, то спускалась въ лощины съ шумно бѣгущими ручьями и повсюду попадался народъ, повсюду встрѣчалась жизнь, всѣ жили, хлопотали, и среди всеобщей этой жизни Алексѣй Наумычъ, изнуренный долгой ходьбой, а пуще недугами, смотрѣлъ какой-то тѣнью, какимъ-то мертвецомъ безъ гроба, приближающимся къ вырытой ему могилѣ.

Такъ совершилось изгнаніе этого горемычнаго юноши изъ Фролова, гдѣ встрѣтили его такъ радушно, такъ тепло. И недолго сохранилась о немъ память нетолько въ Аксиньѣ Максимовнѣ, но даже и въ дворнѣ. Дня черезъ два пріѣхалъ отецъ Герасимъ и сталъ бесѣдовать съ Аксиньей Максимовной, а дворня, пользуясь этимъ, сошлась почти вся возлѣ кухни и веселилась во всю руку. Поваръ сидѣлъ на приступкѣ и брянча на балалайкѣ, пѣлъ весело:

Отдана я понмарю
Обучаться букварю.
Барыня ты моя,
Сударыня ты моя.

Какъ въ началѣ въ первый разъ
Начала я съ буквы *азъ*.
Барыня ты моя,
Сударыня ты моя.

Digitized by Google

А дьяконъ, успѣвшій уже воротиться изъ города, пилсалъ, махалъ руками и подпѣвалъ тоненькимъ голоскомъ:

Барыня перевернись,
Сударыня перевернись.

И потомъ басомъ, словно какъ игралъ на бубнѣ, разражался:

Дулась, дулась, перевернулась...

И веселье шло такое, что чудо! Тутъ былъ и Фома Зотычъ, и Агафья Филатьевна, снова занявшая свою комнату, всѣ дѣвки и даже старикъ Акимъ. Впрочемъ послѣдній стоялъ немного поодаль и поймавъ кучера отца Герасима о чемъ-то съ нимъ разговаривалъ, но за пѣснями разговоръ слышался отрывисто, и можно было разслышать только слѣдующее:

— Ты откуда? спрашивалъ Акимъ.

— Я монастырскій служитель.

— Чтожъ ты по билету?

— Ништо, билетъ есть.

— Танъ. Да ты поужинать не хочешь ли?

— Нѣтъ, спасибо, нехочется.

— Ну вотъ еще! Нѣтъ, ты поужинай, лучше; носъ не затрясется...

XXVI

Прошло съ полгода, и грустную картину представляла собой природа. Все было покрыто сугробами снѣга и куда ни пеналъ взоръ, повсюду была передъ нимъ одна мертвенность, одинъ снѣжный океанъ, одинъ бѣлый саванъ. Скучна и тягостна жизнь среди такой скучной и тягостной обстановки. Нестерпимо долгими кажутся короткіе дни и нестерпимо долгими кажутся длинныя ночи. Вдетъ ли путникъ по снѣжной равнинѣ на тройкѣ изнуданыхъ почтовыхъ лошадей, тащится ли обозникъ полузамерзшій отъ холода, сидитъ ли семья вокругъ самовара, всѣмъ равно скучно, равно тяжело. Путникъ торопится къ ночлегу: поднимается вѣтеръ и заноситъ дорогу; обозникъ устанъ вытаскивать свой возъ изъ громадныхъ ухабовъ; у многочисленной семьи не клеится разговоръ и въ комнатѣ такая тоска, хоть

Digitized by Google

вонъ бѣгъ. Вѣтеръ жалобно гудитъ въ трубахъ, хлопаетъ ставнями, какъ безпріютный изгнанникъ, бродитъ вокругъ дома и съ досады закидываетъ его чуть не до крыши сугробами. Свѣчи горятъ тускло и какъ-будто гармонируя этой картинѣ шипитъ самоваръ, нагоняя еще большую тоску на усѣвшихся вокругъ него. Не легче и тѣмъ, у кого нѣтъ самоваровъ, не легче и мужику. Волки цѣлыми стадами бродятъ вокругъ села; далеко по окрестности разноситъ вѣтеръ ихъ жалобный вой и прислушиваясь къ этому вою, мужикъ трясется за своихъ овецъ, за свою лошаденку. А тамъ вдругъ нагрянетъ исправникъ, становой и глядишь нашли мертвое тѣло: замерзъ мужичокъ, занесенный снѣгомъ и сбившійся съ дороги и замерзъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ деревни. Бѣдный, глядишь, ѣздилъ въ лѣсъ за дровами, нарубилъ дровъ, а самъ Богу душу отдалъ. Запертая въ душныхъ хлѣвахъ скотина тоже кажется тоскуетъ не менѣе человѣка. Ей хотѣлось бы въ луга на жниву, гдѣ было ей такъ привольно, такъ просторно, гдѣ кормъ находила она сочный, душистый, гдѣ пила она рѣчную воду, гдѣ обдувалъ ее свѣжій вѣтерокъ... И куда дѣвалась вдругъ вся прелесть природы! Деревушки, прежде веселыя и тонувшія въ зелени ветелъ, хмѣля и вишенъ, занесены снѣгомъ и ходятъ въ эти избушки, точно въ норы; отъ хмѣля остались однѣ только тычинки; на обнажонныхъ вѣтвяхъ чернѣютъ покинутыя гнѣзда; ни скворецъ не пропоетъ, ни ласточка не пролетитъ и только однѣ лишь вороны теребятъ мерзлое тряпье. Грустна природа наша въ зимнюю пору и куда ни обращай утомленнаго взора, повсюду одна мертвенность, одинъ снѣжный океанъ, одинъ бѣлый саванъ!...

Не менѣе тяжолую картину представляло собой и веселое Фролово. Зеленая и кудрявая роща была обнажена, рѣка покрыта сугробами, избы занесены снѣгомъ и только однѣ застрѣхи высовывались изъ подъ этого снѣга и какъ-будто напоминали о существованіи здѣсь жилищъ. Но тяжелѣе всего было въ домѣ Аксиньи Максимовны и тяжелѣе потому, что подъ этой покоившейся кровлей, занесенной снѣгомъ, въ этомъ уютномъ прибѣжищѣ, скрывшемся отъ безпокойной мірской толпы, погасала жизнь этой старушки. Между тѣмъ какъ въ другихъ помѣщичьихъ усадьбахъ всѣ прятались отъ стужи въ своихъ покояхъ, въ усадьбѣ Аксиньи Максимовны всѣ напрасно суетились, бѣгали, торопились, хлопотали и все отъ того, что въ ней

Digitized by Google

ней изъ комнатъ домика погасала жизнь Аксиньи Максимовны и погасала тихо, покойно, даже покойнѣе погасающей свѣчи. И кто бы могъ узнать Аксинью Максимовну. Казалось это былъ живой мертвецъ, казалось это былъ одинъ остовъ, обтянутый желтой кожей. Заостренный и раздвоившійся на концѣ носъ выдавался какъ-то особенно несоразмѣрно; синія тонкія губы впали внутрь; полуоткрытые глаза не двигались, не блестѣли, а какъ-то тупо, безсознательно устремлялись на одинъ предметъ. Она лежала вытянувшись, со сложенными на груди руками и прижимала ими черное распятіе, всегда висѣвшее прежде въ ея образницѣ. Покрытая бѣлымъ одѣяломъ обрисовывавшимъ всѣ исхудалые члены ея, она казалось лежала уже не въ постелѣ, а въ гробу. Какъ-то особенно тяжело было смотрѣть на нее. Но какъ ни ясно было, что потухавшее солнце уже въ послѣдній разъ свѣтило для Аксиньи Максимовны, а все надежда не оставляла ее. Аксинья Максимовна все еще принимала лекарство и только какъ-то усерднѣе, какъ-то теплѣе крестилась, когда Агафья Филатьевна подносила ей ложку къ почти уже окоченѣвшему ея рту. И всѣмъ казалось не легка была картина погасающей жизни!.. Всѣ присутствовавшіе, всѣ до единаго были грустны, всѣ молчали и молча не сводили глазъ съ умирающей, а умиравшая лежала неподвижно и только однѣ слезы, изрѣдка выкатывавшіяся изъ глазъ ея — обличали жизнь. Слезы эти, самыя ужасныя слезы оплакивавшія конецъ жизни. И глядя на эти напрасныя слезы, у всѣхъ невольно сжималось сердце и всякій невольно рисовалъ себѣ кончину собственной своей жизни, преддверіе своей могилы. Страшная и обидная вещь смерть, невольно думалъ каждый, и еще съ болѣе тяжолымъ чувствомъ обращалъ свой взоръ на Аксинью Максимовну, дожившую до этой обидной минуты и находившуюся уже въ рукахъ смерти. Всякій точно старался прочесть на лицѣ ея состояніе ея духа и съ ужасомъ отворачивался отъ этого лица, завидѣвъ эти безсильныя, напрасныя слезы. Всякій почти силился узнать, неужели въ эту страшную минуту, когда жизнь покидаетъ человѣка, покидаетъ его и надежда и заставляетъ умирающаго сознательно, медленно, шагъ за шагомъ подвигаться къ могилѣ, въ эту вѣчную тьму, въ которую не долетитъ ни вопль ближнихъ, ни слезы самыхъ дорогихъ для сердца людей.

Въ такомъ или почти такомъ настроеніи были всѣ присутствующіе, которыхъ впрочемъ было очень не много, но между

Digitized by Google

которыми нельзя было не замѣтить и Хмурова, успѣвшаго уже сдѣлаться самымъ короткимъ человѣкомъ въ домѣ Аксиньи Максимовны. Дѣло въ томъ, что старушка рѣшилась наконецъ примириться съ нимъ. Причиной этого примиренія былъ отчасти Алексѣй Наумычъ. Какъ ни коротко было пребываніе его во Фроловѣ, однако Аксинья Максимовна успѣла уже отвыкнуть отъ того страшнаго одиночества, въ которомъ она жила до появленія своего племянника. Ей дико казалось оставаться одной, ей было какъ-то неловко одной обѣдать, ее какъ-то страшила уже эта тишина, царствующая вокругъ нея, и она томилась не на шутку. Ей долго еще какъ-будто слышались шаги Алексѣя Наумыча, тѣ шаги надъ ея спальной, къ которымъ она, лежа въ постелѣ, такъ часто бывало прислушивалась и отъ которыхъ она такъ сладко бывало плакала; ей какъ-будто слышался его голосъ: она по привычкѣ все еще смотрѣла на дорогу, по которой возвращался обыкновенно Алексѣй Наумычъ съ охоты, но дорога оставалась пустою и не показывался уже на ней довольный и счастливый юноша, съ перекинутымъ за спину ружьемъ и съ лицомъ радостнымъ и сіяющимъ. И тяжело становилось Аксиньѣ Максимовнѣ и не разъ бывало принималась она плакать, сидя у растворенпаго окошка. Такъ скучала Аксинья Максимовна, какъ вдругъ къ крыльцу ея домика подкатилъ тарантасъ и въ комнату вошолъ Хмуровъ. Онъ пріѣхалъ къ Аксиньѣ Максимовнѣ съ цѣлью купить у нея лѣсъ и каково же было его изумленіе, когда онъ, вмѣсто ожидаемой холодности и даже пожалуй грубости, вдругъ увидалъ самый радушный, самый дружескій пріемъ со стороны сварливой своей сосѣдки. И въ самомъ дѣлѣ Аксинья Максимовна была такъ довольна пріѣздомъ живого существа, что чуть не бросилась въ объятья къ Хмурову и тутъ же протянула ему руку примиренія. Хмуровъ просидѣлъ цѣлый день у Аксиньи Максимовны, обѣдалъ у нея, а садясь въ тарантасъ кричалъ Аксиньѣ Максимовнѣ:

— Смотрите же, не обманите, я васъ жду завтра къ себѣ.

— Непремѣнно, непремѣнно, кричала Аксинья Максимовна и радостно махала платкомъ.

На другой день утромъ изъ сарая снова вывозилась извѣстная жолтая коляска, та самая, въ которой Аксинья Максимовна ѣздила въ городъ за ружьемъ, а часовъ въ двѣнадцать Аксинья Максимовна катила уже въ этой коляскѣ по дорогѣ къ Хмурову

Digitized by Google

и оглашая молчаливую окрестность трескомъ и громомъ, какъ-то особенно радостно смотрѣла вдаль.

Недѣли черезъ двѣ Аксинья Максимовна зачѣмъ-то ѣздила вмѣстѣ съ Хмуровымъ въ городъ, прожила тамъ дней пять, и возвратившись была уже такъ спокойна и довольна, что даже и забыла про своего бѣднаго Алешиньку. Снова оживилось Фролово и жизнь пошла какъ по маслу. Хмуровъ и его семейство пріѣзжали къ Аксиньѣ Максимовнѣ почти каждый день и старушка до того полюбила дѣтей Хмурова, что безпрестанно приглашала ихъ къ себѣ обѣдать и на убой кормила ихъ произведеніями своего сада.

— Я молодѣю при видѣ дѣтей вашихъ, не разъ говорила Аксинья Максимовна, смотря на бѣгавшихъ по саду дѣтей Хмурова и слезы навертывались на глазахъ ея.

Не менѣе Аксиньи Максимовны полюбила дѣтей и Бутузка.

— Посмотрите, посмотрите, говорила Аксинья Максимовна радостно: — какъ Бутузка-то играетъ съ дѣтьми, совсѣмъ забыла меня старуху!

Смотря на все это, дворня только руками разводила. Она какъ-будто не вѣрила глазамъ своимъ и долго думала не во снѣ ли видитъ она и эти экипажи, пріѣзжающіе во Фролово, и эти обѣды приборовъ на десять, и эти поѣздки Аксиньи Максимовны.

— Ужь не передъ добромъ, говорили многіе.

И дѣйствительно не передъ добромъ, потомучто вскорѣ Аксинья Максимовна захворала и слегла въ постель. Какъ только услыхалъ Хмуровъ о болѣзни Аксиньи Максимовны, такъ тутъ же прискакалъ во Фролово съ своимъ докторомъ, нѣмцемъ, но нѣмецъ, взглянувъ на Аксинью Максимовну, покачалъ головою и только уже въ залѣ сказалъ Хмурову, что наврядъ Аксинья Максимовна встанетъ съ постели. Услыхавъ это, Хмуровъ тотчасъ же послалъ въ монастырь за отцомъ Герасимомъ и только тогда, когда тотъ пріѣхалъ въ сопровожденіи еще какихъ-то двухъ монаховъ, рѣшился оставить Аксинью Максимовну и ѣхать къ себѣ домой. Но дома онъ пробылъ не долго и снова пріѣхалъ во Фролово.

Однако жизнь Аксиньи Максимовны все угасала и угасала, хотя съ закатомъ солнца ей и сдѣлалось какъ-будто покойнѣе и даже слезы перестали показываться на ея глазахъ. Она лежала

Digitized by Google

молча и только изрѣдка по движенію губъ можно было замѣтить, что она читала какую-то молитву. Часовъ въ десять вечера она заснула; всѣ удалились въ залу и только одна Агафья Филатьевна осталась возлѣ своей барыни. Она не отходила отъ нея со времени ея болѣзни и даже ночи проводила у постели ея, поправляла подушки, одѣяло и только бывало къ утру вздремнетъ немного и то самымъ чуткимъ сномъ. Съ наступленіемъ ночи комната, въ которой умирала Аксинья Максимовна, сдѣлалась еще печальнѣе. Освѣщонная одной свѣчкой, заслоненной зеленымъ абажуромъ и заставленная столиками, на которыхъ громоздились пузырьки, миски и графины, и пропитанная запахомъ лекарствъ, она глядѣла какой-то тѣсной больницей. Въ одномъ углу стояла кровать съ пологомъ, а въ другомъ образница съ постоянно теплящейся лампадкой. Зеленый свѣтъ, падавшій отъ свѣчки на исхудалое лицо Аксиньи Максимовны, тонувшее въ мягкихъ подушкахъ, придавалъ ему еще болѣе мертвенности. Даже сама Агафья Филатьевна, сидѣвшая у ногъ больной, въ томъ самомъ креслѣ, въ которомъ такъ любила сидѣть Аксинья Максимовна, имѣла какой-то мертвенный видъ. Аксинья Максимовна заснула, но сонъ ея былъ самый тревожный: она постоянно металась, постоянно бредила и безпрерывно просыпалась. Много разъ приходилось вставать Агафьѣ Филатьевнѣ, но все это дѣлала она не только безъ ропота, напротивъ съ явнымъ усердіемъ. Аксинья Максимовна никогда не говорила про Алексѣя Наумыча, даже сердилась, когда упоминалъ кто-нибудь о немъ, но зато въ бреду она часто поднималась въ постели и смотря на дверь принималась говорить:

— Выведи, выведи его, Агафья.... видишь идетъ...

— Кто идетъ матушка? спрашивала крестясь Агафья Филатьевна.

— Какъ кто, развѣ не видишь Алексѣя Наумыча. Выведи его поскорѣе... Не могу я видѣть его...

— Никого нѣтъ, матушка, шептала Агафья Филатьевна и начинала крестить Аксинью Максимовну.

— А гдѣ Бутузка? спрашивала шепотомъ Аксинья Максимовна: — подай мнѣ ее сюда.

И погладивъ Бутузку, которую Агафья Филатьевна подносила къ барынѣ, Аксинья Максимовна какъ-будто успокоивалась и снова засыпала.

Digitized by Google

Часовъ въ двѣнадцать Аксиньѣ Максимовнѣ сдѣлалось лучше и Агафья Филатьевна побѣжала за докторомъ, который вмѣстѣ съ Хлуповымъ и тремя монахами сидѣлъ въ залѣ. Всѣ поспѣшили въ спальню.

— Что съ вами? спросилъ ее докторъ.

Но Аксинья Максимовна вмѣсто отвѣта заплакала такъ горько, что не могла произнести слова и только уже черезъ нѣкоторое время прошептала.

— Умру я — не правда ли?

Докторъ молчалъ.

— Чтожъ вы молчите?

— Богъ милостивъ, шепталъ докторъ.

— А гдѣ отецъ Герасимъ?

— Я здѣсь, отозвался онъ.

— Страшно, страшно отецъ Герасимъ... Страшно умирать... Что будетъ — богъ-вѣсть... Молитесь, молитесь за меня ради Бога, молитесь каждый день, молитесь и ночью, когда проснетесь...

И Аксинья Максимовна зарыдала, но немного погодя вдругъ оглянулась, приподнялась съ подушекъ и указывая на дверь, произнесла какъ-то особенно дико.

— Вонъ, вонъ отсюда... Уйди съ глазъ моихъ, дерзкій человѣкъ... Агафья, Агафья! Выведи Алексѣя Наумыча, выведи поскорѣе... Онъ утопитъ меня, какъ хотѣлъ утопить Бутузку.

И почти изнеможонная упала на подушку.

— Бредъ! проговорилъ нѣмецъ и всѣ тихонько вышли изъ комнаты. Аксинья Максимовна заснула.

Часа въ два ночи докторъ опять вошолъ въ комнату больной. Было все тихо, Агафья Филатьевна дремала на креслѣ. Докторъ тихонько разбудилъ ее.

— Ну что? спросилъ онъ.

— Ничего-съ, почиваютъ.

— Не бредила?

— Нѣтъ-съ, почивали покойно.

Докторъ подошолъ къ Аксиньѣ Максимовнѣ, пощупалъ пульсъ, пощупалъ голову, пощупалъ сердце и проговорилъ твердо:

— Она умерла!

Только что успѣлъ онъ произнести эти слова... какъ въ одно мгновеніе все Фролово было уже на ногахъ. Вѣсть о кончинѣ

Digitized by Google

Аксиньи Максимовны пронеслась съ быстротою молніи. На колокольнѣ ударили три раза въ колоколъ, и печальный звукъ его слился и замеръ въ крикахъ: «Скончалась, скончалась! Царство небесное!» Не прошло и десяти минутъ, какъ вся дворня была уже въ комнатѣ. Давка пошла страшная, всѣ бѣгали, всѣ стонали, Агафья Филатьевна чуть не выла, старикъ Акимъ принялся зажигать передъ образами свѣчи, дѣвки ревѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ вся эта толпа, въ которой былъ и Фома Зоричъ, и поваръ, и дьячокъ, спѣшила къ постели, лѣзла другъ на дружку, тѣснилась, толкалась, опрокидывала все попадавшееся, желая проститься съ покойницей, которая одна, среди всего этого страшнаго хаоса лежала неподвижно, величаво, съ лицемъ глубоко-серьознымъ, вся утонувшая въ мягкихъ подушкахъ, въ мягкомъ пуховикѣ, лежала прямо, вытянувшись, съ распятьемъ на груди и съ устами, замкнувшимися навѣки. И тяжело было видѣть Аксинью Максимовну, такъ недавно еще жившую, холодною, мертвою, безъ признака жизни!..

На утро собравшійся народъ узналъ, что Фролово мѣсяца два уже какъ куплено Хмуровымъ, а деньги, заплоченныя имъ за имѣніе, пожертвованы покойницей въ обитель отца Герасима. Изъ бумагъ же, оставленныхъ Аксиньею Максимовною оказалось, что фамилія ея была Крутцова.

Тутъ кончается моя повѣсть, но остается Алексѣй Наумычъ, забытый и свѣтомъ и нами и Фроловымъ. Послѣ того, какъ Аксинья Максимовна выгнала его изъ Фролова, онъ къ счастію мучился не долго и умеръ чахоткой въ больницѣ какого-то помѣщика, который призрѣлъ его въ качествѣ проживальщика. Онъ погребенъ далеко отъ церкви, у самаго вала кладбища; креста на могилѣ нѣтъ, а торчитъ только на могильномъ холмѣ какой-то камень, занесенный вѣроятно дождевымъ ручьемъ. И лежитъ Алексѣй Наумычъ въ своей могилѣ одиноко, какъ былъ и на землѣ. Ему не повезло и на кладбищѣ! Однако умирая онъ какъ-будто былъ радъ смерти, потомучто все лепеталъ:

— Наконецъ-то я умираю, но я желалъ бы знать, неужели я родился и жилъ для того только, чтобы нѣсколько дней пожить въ Фроловѣ?..

Digitized by Google

Но тѣмъ неменѣе въ минуту смерти онъ все-таки со слезами вспомнилъ про Фролово; слезы эти были жгучи, и хорошо, что онѣ засохли уже на похолодѣвшихъ щекахъ Алексѣя Наумыча.

Иванъ переселенъ куда-то далеко, но онъ живетъ хорошо, женился на Аринѣ и выписалъ къ себѣ женину мать, которую Хмуровъ отпустилъ, щедро наградивъ. Нищенка освобождена. Бутузка существуетъ и до сихъ поръ, но она живетъ уже не въ домѣ, а въ кануркѣ возлѣ воротъ. Неподалеку отъ ея кануры стоитъ корытце, изъ котораго она и питается помоями. Нравъ ея сталъ несравненно мягче и она гораздо чаще ласково виляетъ хвостомъ, нежели лаетъ. Въ память Аксиньи Максимовны ее никто не бьетъ, да и незачто бить ее въ настоящее время.

И. САЛОВЪ

Digitized by Google

ГРЕЗЫ И ПѢСНИ

Не отнимутъ мои, не отнимутъ —
Грезы, пѣсня будутъ вѣчно съ нами;
И за чтобъ ни стали люди биться,
Грезы, пѣсня будутъ вѣчно съ нами
Въ сердце нашемъ глубоко таиться.
Тѣ что насмѣялись, тѣ что гнали,
И у нихъ вѣдь сердце грезой бьется —
Иль они ни разу въ жизнь не знали
Какъ отъ счастья всей душой поется?

Вотъ вѣка проходятъ за вѣками,
Все быть-можетъ позабудутъ люди,
Чѣмъ гордились, что творили сами —
Грезы жъ съ пѣсней будутъ вѣчно съ нами
Глубоко таиться въ каждой груди.
Да и есть ли что у васъ отраднѣй,
Есть ли что свѣтлѣе и чудеснѣй?
Все пройдетъ своею чередою,
Только вѣчно будетъ надъ землею
Царство грезъ и пѣсней!

Ѳ. БЕРГЪ

Digitized by Google

ЗИМНІЯ ЗАМѢТКИ О ЛѢТНИХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЯХЪ

ФЕЛЬЕТОНЪ ЗА ВСЕ ЛѢТО

ГЛАВА V

БАЛЪ

Итакъ я въ Парижѣ... Но не думайте однако, что я вамъ много расскажу собственно о городѣ Парижѣ. Я думаю вы столько уже перечитали о немъ порусски, что наконецъ ужь и надоѣло читать. Притому же вы сами въ немъ были и навѣрное все лучше меня замѣтили. Да и чертѣть я не могъ, за границей, осматривать по гиду, по заказу, по обязанности путешественника, а потому и просмотрѣлъ въ иныхъ мѣстахъ такія вещи, что даже стыдно сказать. И въ Парижѣ просмотрѣлъ. Такъ и не скажу что именно просмотрѣлъ, но зато вотъ что скажу: я сдѣлалъ опредѣленіе Парижу, прибралъ къ нему эпитетъ и стою за этотъ эпитетъ. Именно: это самый нравственный и самый добродѣтельный городъ на всемъ земномъ шарѣ. Что за порядокъ! Какое благоразуміе, какія опредѣленныя и прочно установившіяся отношенія; какъ все обезпечено и разлиновано; какъ всѣ довольны; какъ всѣ стараются увѣрить себя что довольны и совершенно счастливы, и какъ всѣ наконецъ дотого достарались, что и дѣйствительно увѣрили себя, что довольны и совершенно счастливы, и... и... и остановились на этомъ. Далѣе и дороги нѣтъ. Вы не повѣрите тому, что остановились на этомъ; вы запрещаете что я преувеличиваю, что это все жалкая патріотическая клевета, что не могло же все это остановиться совсѣмъ заглохнуть дѣлъ. Но друзья мои: вѣдь предувѣдомилъ же я васъ

Digitized by Google

еще въ первой главѣ этихъ замѣтокъ, что можетъ-быть ужасно навру. Ну и не мѣшайте мнѣ. Вы знаете тоже навѣрно, что если я и навру, то навру будучи убѣжденъ, что не вру. А помоему этого ужь слишкомъ довольно. Ну, такъ и дайте мнѣ свободу.

Да, Парижъ удивительный городъ. И что за комфортъ, что за всевозможныя удобства для тѣхъ, которые имѣютъ право на удобства, и опять-таки, какой порядокъ, какое такъ сказать *затишье порядка*. Я все возвращаюсь къ порядку. Право, еще не много, и полутора-мильонный Парижъ обратится въ какой-нибудь окаменѣлый въ затишьѣ и порядкѣ професорскій нѣмецкій городокъ, вродѣ напримѣръ какого-нибудь Гейдельберга. Какъ-то знаете тянетъ къ тому. И будто не можетъ быть Гейдельберга въ колосальномъ размѣрѣ? И какая регламентація! Поймите меня: не столько внѣшняя регламентація, которая ничтожна (сравнительно разумѣется), а колосальная внутренняя, духовная, изъ души происшедшая. Парижъ суживается, какъ-то охотно съ любовью умаляется съ умиленіемъ ежится. Куды въ этомъ отношеніи напримѣръ Лондонъ! Я былъ въ Лондонѣ всего восемь дней, и покрайней-мѣрѣ наружно, — какими широкими картинами, какими яркими планами, своеобразными, нерегулированными подъ одну мѣрку планами отгушевался онъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Все такъ громадно и рѣзко въ своей своеобразности. Даже обмануться можно этой своеобразностью. Каждая рѣзкость, каждое противорѣчіе уживаются рядомъ съ своимъ антитезомъ и упрямо идутъ рука объ руку, противорѣча другъ другу и повидимому никакъ не исключая другъ друга. Все это кажется упорно стоитъ за себя и живетъ поневоле и повидимому не мѣшаетъ другъ другу. А между тѣмъ и тутъ таже упорная, глухая и уже застарѣлая борьба, борьба на смерть всеобще-западнаго личнаго начала съ необходимостью хоть какъ-нибудь ужиться вмѣстѣ, хоть какъ-нибудь составить общину и устроиться въ одномъ муравейникѣ, хоть въ муравейникъ обратиться, да только устроиться не поѣдая другъ друга — не то обращеніе въ антропофаги! Въ этомъ отношеніи, съ другой стороны, замѣчается тоже что и въ Парижѣ: такое же отчаянное стремленіе съ отчаянія остановиться in statu quo, вырвать съ мясомъ изъ себя всѣ желанія и надежды, прошлаго свое будущее, въ которое не хватаетъ вѣры можетъ-быть у самихъ предводителей прогресса и поклониться Ваалу. (Помилуйте, какъ

Digitized by Google

кожъ не увлекайтесь высокимъ слогомъ: все это замѣчается сознательно, только въ душѣ передовыхъ сознающихъ, да безсознательно инстинктивно въ жизненныхъ отправленіяхъ всей массы. Но буржуа напримѣръ въ Парижѣ сознательно почти очень доволенъ и увѣренъ, что все такъ и слѣдуетъ, и прибьетъ даже васъ, если вы усомнитесь въ томъ, что такъ и слѣдуетъ быть, прибьетъ, потомучто до сихъ поръ все чего-то побаивается, несмотря на всю самоувѣренность. Въ Лондонѣ хоть и такъ же, но зато какія широкія, подавляющія картины! Даже наружно какая разница съ Парижемъ. Этотъ день и ночь суетящійся и необъятный какъ море городъ, визгъ и вой машинъ, эти чугунки, проложенныя поверхъ домовъ (а вскорѣ и подъ домами), эта смѣлость предпріимчивости, этотъ кажущійся безпорядокъ, который въ сущности есть буржуазный порядокъ въ высочайшей степени, эта отравленная Темза, этотъ воздухъ, пропитанный каменнымъ углемъ, эти великолѣпные скверы и парки, эти страшные углы города, какъ Вайтчапель, съ его полуголымъ, дикимъ и голоднымъ населеніемъ. Сити съ своими мильонами и всемірной торговлей, кристальный дворецъ, всемірная выставка... Да, выставка поразительна. Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тутъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ людей, пришедшихъ со всего міра въ едино стадо; вы сознаете исполинскую мысль; вы чувствуете, что тутъ что-то уже достигнуто, что тутъ побѣда, торжество. Вы даже какъ-будто начинаете бояться чего-то. Какъ бы вы ни были независимы, но вамъ отчего-то дѣйствительно становится страшно. Ужь не это ли въ самомъ дѣлѣ достигнутый идеалъ? думаете вы; не конецъ ли тутъ? не это ли ужь и въ самомъ дѣлѣ «едино стадо». Не придется ли принять это и въ самомъ дѣлѣ за полную правду и занѣмѣть окончательно? Все это такъ торжественно, побѣдно и гордо, что вамъ начинаетъ духъ тѣснить. Вы смотрите на эти сотни тысячъ, на эти мильоны людей, покорно текущихъ сюда со всего земного шара — людей, пришедшихъ съ одною мыслью, тихо, упорно и молча толпящихся въ этомъ колосальномъ дворцѣ, и вы чувствуете, что тутъ что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось. Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилонѣ, какое-то пророчество изъ апокалипсиса, въ очію совершающееся. Вы чувствуете, что много надо вѣковѣчнаго, духовнаго отпора и отрицанія, чтобъ не поддаться,

Digitized by Google

не подчиниться впечатлѣнію, не поклониться факту и не обеготворить Ваала, то-есть не принять существующаго за свой идеалъ...

Ну, это вздоръ, скажете вы, болѣзненный вздоръ, нервы, преувеличеніе. Не остановятся на этомъ никто, и никто не приметъ этого за свой идеалъ. Ктому же голодъ и рабство не свой братъ, и лучше всего подскажутъ отрицаніе и зародятъ скептицизмъ. А сытые дилетанты, прогуливающіеся для своего удовольствія, конечно могутъ создавать картины изъ апокалипсиса и тѣшить свои нервы, преувеличивая и вымогая изъ всякаго явленія, для возбужденія себя, сильныя ощущенія...

— Такъ, отвѣчаю я: — положимъ что я былъ увлеченъ декораціей, это все такъ. Но еслибъ вы видѣли какъ горитъ тотъ могучій духъ, который создалъ эту колоссальную декорацію, и какъ гордо убѣжденъ этотъ духъ въ своей побѣдѣ и въ своемъ торжествѣ, то вы бы содрогнулись за его гордыню, упорство и слѣпоту, содрогнулись бы и за тѣхъ, надъ кѣмъ носится и царитъ этотъ гордый духъ. При такой колоссальности, при такой исполинской гордости владычествующаго духа, при такой торжественной окончености созданій этого духа, замираетъ нерѣдко и голодная душа, смиряется, подчиняется, ищетъ спасенія въ джинѣ и въ развратѣ и начинаетъ вѣровать, что такъ всему тому и слѣдуетъ быть. Фактъ давитъ, масса деревенѣетъ и прихватываетъ китайщины, или если и рождается скептицизмъ, то мрачно и съ проклятіемъ ищетъ спасенія въ чемъ-нибудь вродѣ мормоновщины. А въ Лондонѣ можно увидѣть массу въ такомъ размѣрѣ и при такой обстановкѣ, въ какой вы нигдѣ въ свѣтѣ ее на яву не увидите. Говорили мнѣ напримѣръ, что ночью по суботамъ полмильона работниковъ и работницъ, съ ихъ дѣтьми, разливаются какъ море по всему городу, наиболѣе группируясь въ иныхъ кварталахъ, и всю ночь до пяти часовъ празднуютъ шабашъ, т. е. наѣдаются и напиваются какъ скоты, за всю недѣлю. Все это несетъ свои еженедѣльныя экономіи, все наработанное тяжкимъ трудомъ и проклятіемъ. Въ мясныхъ и съѣстныхъ лавкахъ толстѣйшими пучками горитъ газъ, ярко освѣщая улицы. Точно балъ устроивается для этихъ бѣлыхъ негровъ. Народъ толпится въ отворенныхъ тавернахъ и въ улицахъ. Тутъ же ѣдятъ и пьютъ. Пивныя лавки разубраны какъ дворцы. Все пьяно, но безъ веселья, а мрачно, тяжело и все какъ-то

Digitized by Google

страшное молчаніе. Только иногда рукоплесканія и кровавыя потасовки нарушаютъ эту подозрительную и грустно-дѣйствующую на васъ молчаливость. Все это поскорѣй торопится напиться до потери сознанія... Жены не отстаютъ отъ мужей и напиваются вмѣстѣ съ мужьями; дѣти бѣгаютъ и ползаютъ между ними. Въ такую ночь, во второмъ часу, я заблудился однажды и долго таскался по улицамъ среди неисчислимой толпы этого мрачнаго народа, распрашивая почти знаками дорогу, потому-что по-англійски я не знаю ни слова. Я добился дороги, но впечатлѣніе того что я видѣлъ, мучило меня дня три послѣ этого. Народъ всюдѣ народъ, но тутъ все было такъ колосально, такъ ярко, что вы какъ бы ощупали то, что до сихъ поръ только воображали. Тутъ уже вы видите даже и не народъ, а потерю сознанія, систематическую, покорную, поощряемую. И вы чувствуете, глядя на всѣхъ этихъ паріевъ общества, что еще долго не сбудется для нихъ пророчество, что еще долго не дадутъ имъ миленькихъ вѣтвей и бѣлыхъ одеждъ, и что долго еще будутъ они взывать ко престолу Всевышняго: «доколѣ Господи». И они сами знаютъ это и покамѣсть отмщаютъ за себя обществу какими-то подземными мормонами, трясучками, странниками... Мы удивляемся глупости идти въ какіе-то трясучки и странники и не догадываемся, что тутъ — отдѣленіе отъ нашей общественной формулы, отдѣленіе упорное, безсознательное, инстинктивное отдѣленіе во что бы то ни стало для ради спасенія, отдѣленіе съ отвращеніемъ отъ насъ и ужасомъ. Эти мильоны людей, оставленные и прогнанные съ пиру людского, толпясь и давя другъ друга въ подземной тмѣ, въ которую они брошены своими старшими братьями, ощупью стучатся хоть въ какія-нибудь ворота и ищутъ выхода, чтобъ не задохнуться въ тепломъ подвалѣ. Тутъ послѣдняя, отчаянная попытка сбиться въ свою кучу, въ свою массу и отдѣлиться отъ всего, хотя бы даже отъ образа человѣческаго, только бы быть посвоему, только бы не быть вмѣстѣ съ нами...

Я видѣлъ въ Лондонѣ еще одну подобную же этой массу, которую тоже нигдѣ не увидите въ такомъ размѣрѣ, какъ въ Лондонѣ. Тоже декорація въ своемъ родѣ. Кто бывалъ въ Лондонѣ, тотъ навѣрно хоть разъ сходилъ ночью въ Гай-Маркетъ. Это кварталъ, въ которомъ по ночамъ, въ нѣкоторыхъ улицахъ, тысячами толпится публичныя женщины. Улицы освѣщены пуч-

Digitized by Google

ками разъ, о которыхъ у насъ не имѣютъ понятія. Великолѣпныя кофейни, разубранныя зеркалами и золотомъ, на каждомъ шагу. Тутъ и сборища, тутъ и пріюты. Даже трудно входить въ эту толпу. И такъ странно она составлена: Тутъ и старухи, тутъ и красавицы, передъ которыми останавливаешься въ изумленіи. Во всемъ мірѣ нѣтъ такого красиваго типа женщинъ, какъ англичанки. Все это съ трудомъ толпится въ улицахъ, тѣсно, густо. Толпа не умѣщается на тротуарахъ и заливаетъ всю улицу. Все это жаждетъ добычи и бросается съ безстыднымъ цинизмомъ на перваго встрѣчнаго. Тутъ и блестящія дорогія одежды и почти лохмотья, и рѣзкое различіе лѣтъ, все вмѣстѣ. Въ этой ужасной толпѣ толкается и пьяный бродяга, сюда же заходитъ и титулованный богачь. Слышны ругательства, ссоры, заглушаемыя тихій, призывный шопотъ еще робкой красавицы. И какая иногда красота! Лица точно изъ кипсековъ. Помню разъ я зашелъ въ одно «Casino». Тамъ гремѣла музыка, шли танцы, толпилась бездна народу. Убранство было великолѣпное. Но мрачный характеръ не оставляетъ англичанъ и среди веселья: они и танцуютъ серьозно, даже угрюмо, чуть не выдѣлывая па и какъ-будто по обязанности. Наверху, въ галереѣ, я увидалъ одну дѣвушку и остановился просто изумленный: ничего подобнаго такой идеальной красотѣ я еще не встрѣчалъ никогда. Она сидѣла за столикомъ вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ, кажется богатымъ джентльменомъ, и по всему видно неправильнымъ посѣтителемъ казино. Онъ можетъ-быть отыскивалъ ее и наконецъ они свидѣлись или условились видѣться здѣсь. Онъ мало говорилъ съ нею и все какъ-то отрывисто, какъ-будто не о томъ, о чемъ они хотѣли бы говорить. Разговоръ часто прерывался долгимъ молчаніемъ. Она тоже была очень грустна. Черты лица ея были нѣжны, тонки, что-то затаенное и грустное было въ ея прекрасномъ и немного гордомъ взглядѣ, что-то мыслящее и тоскующее. Мнѣ кажется у ней была чахотка. Она была, она не могла не быть выше всей этой толпы несчастныхъ женщинъ своимъ развитіемъ: иначе чтоже значитъ лицо человѣческое? А между тѣмъ она тутъ же пила джинъ, за который заплатилъ молодой человѣкъ. Наконецъ онъ всталъ, пожалъ ей руку и они разстались. Онъ ушолъ изъ казино, а она, съ румянцемъ разгорѣвшимся отъ водки густыми пятнами на ея блѣдныхъ щекахъ, пошла и затерялась въ толпѣ промышляющихъ женщинъ. Въ Гай-

Digitized by Google

Маршотѣ я замѣтилъ матерей, которыя приводятъ на промиссегъ своихъ малолѣтнихъ дочерей. Маленькія дѣвочки лѣтъ по двѣнадцати хватаютъ васъ за руку и просятъ чтобъ вы шли съ ними. Помню разъ, въ толпѣ народа, на улицѣ, я увидалъ одну дѣвочку, лѣтъ шести не болѣе, всю въ лохмотьяхъ, грязную, босую, нечистую и кажется избитую: просвѣчивавшее сквозь лохмотья тѣло ея было въ синякахъ. Она шла какъ бы не помня себя, не торопясь никуда, богъ-знаетъ зачѣмъ шатаясь въ толпѣ; можетъ-быть она была голодна. На нее никто не обращалъ вниманія. Но что болѣе всего меня поразило, — она шла съ видомъ такого горя, такого безвыходнаго отчаянія на лицѣ, что видѣть это маленькое созданіе, уже несущее на себѣ столько проклятія и отчаянія, было даже какъ-то неестественно и ужасно больно. Она все начала своей всклоченной головой изъ стороны въ сторону, точно разсуждая о чемъ-то, раздвигала врозь свои маленькія руки, жестикулируя ими, и потомъ вдругъ сплескивала ихъ вмѣстѣ и прижимала къ своей голенькой груди. Я воротился и далъ ей полшиллинга. Она взяла серебряную монетку, потомъ дико, съ безмолвнымъ изумленіемъ посмотрѣла мнѣ въ глаза и вдругъ бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ назадъ, точно боясь, что я отниму у нея деньги. — Вообще предметы игривые...

И вотъ, разъ ночью, въ толпѣ этихъ потерянныхъ женщинъ и развратниковъ остановила меня женщина, торопливо пробиравшаяся сквозь толпу. Она была одѣта вся въ черномъ, въ платкѣ почти закрывавшей ея лицо; я почти и не успѣлъ разглядѣть его; помню только пристальный ея взглядъ. Она сказала что-то что я не могъ разобрать ломанымъ французскимъ языкомъ, сунула мнѣ въ руку какую-то маленькую бумажку и быстро прошла далѣе. У освѣщеннаго окна кофейной я разсмотрѣлъ бумажку: это былъ маленькій квадратный лоскутокъ; на одной сторонѣ его было напечатано: «Crois tu cela?» На другой сторонѣ, по французски же: «Азъ есмь воскресеніе и животъ...» и т. д. нѣсколько извѣстныхъ строкъ. Согласитесь, что это тоже довольно оригинально. Мнѣ растолковали потомъ, что это католическая пропаганда, шныряющая всюду, упорная, неутомимая. То раздаются эти бумажки на улицахъ, то книжки, состоящія изъ разныхъ отдѣльныхъ выдержекъ изъ евангелія и библіи. Раздаютъ ихъ даромъ, навязываютъ, суютъ въ руки. Пропагаторовъ бѣдна и мужчинъ и женщинъ. Это пропаганда

Digitized by Google

тонкая и расчетливая. Католическій священникъ самъ выслѣдитъ и вотрется въ бѣдное семейство какого-нибудь работника. Найдетъ онъ напримѣръ больного, лежащаго въ отребьи на сыромъ полу, окружоннаго одичавшими съ голоду и съ холоду дѣтьми, съ голодной, а зачастую и пьяной женой. Онъ всѣхъ накормитъ, одѣнетъ, обогрѣетъ, начнетъ лечить больного, покупаетъ лекарство, дѣлается другомъ дома и подъ конецъ обращаетъ всѣхъ въ католичество. Иногда, впрочемъ уже послѣ излеченія, его прогоняютъ съ ругательствами и побоями. Онъ не устаетъ и идетъ къ другимъ. Его оттуда выталкаютъ; онъ все снесетъ, но ужъ него нибудь да уловитъ. Англиканскій же священникъ не пойдетъ къ бѣдному. Бѣдныхъ и въ церковь не пускаютъ, потомучто имъ нечѣмъ заплатить за мѣсто на скамьѣ. Браки между работниками и вообще между бѣдными почти зачастую незаконные, потомучто дорого стоитъ вѣнчаться. Кстати, многіе изъ этихъ мужей ужасно бьютъ своихъ женъ, уродуютъ ихъ на смерть и больше все кочергами, которыми разворачиваются въ каминѣ угольи. Это у нихъ какой-то уже опредѣленный къ битью инструментъ. Покрайней-мѣрѣ въ газетахъ, при описаніи семейныхъ ссоръ, увѣчій и убійствъ, всегда упоминается кочерга. Дѣти у нихъ, чуть-чуть подросши, зачастую идутъ на улицу, сливаются съ толпой и подконецъ не возвращаются къ родителямъ. — Англиканскіе священники и епископы горды и богаты, живутъ въ богатыхъ приходахъ и жирѣютъ въ совершенномъ спокойствіи совѣсти. Они большіе педанты, очень образованы и сами важно и серьозно вѣрятъ въ свое тупо-правственное достоинство, въ свое право читать спокойную и самоувѣренную мораль, жирѣть и жить для богатыхъ. Это религія богатыхъ и ужъ тутъ безъ маски. Покрайней-мѣрѣ — раціонально и безъ обмана. У этихъ убѣжденныхъ до окупѣнія профессоровъ религіи есть одна своего рода забава: это миссіонерство. Исходятъ всю землю, зайдутъ въ глубь Африки, чтобъ обратить одного дикаго и забываютъ мильонъ дикихъ въ Лондонѣ, за то что у тѣхъ нечѣмъ платить имъ. Но богатые англичане и вообще всѣ тамошніе золотые тельцы чрезвычайно религіозны, нравно, угрюмо и своеобразно. Англійскіе поэты испоконъ вѣку любятъ воспѣвать красоту пасторскихъ жилищъ въ провинціи, осѣненныхъ столѣтними дубами и вязами, ихъ добродѣтельныхъ женъ и идеально прекрасныхъ, бѣлокурыхъ дочерей съ голубыми глазами.

Digitized by Google

Но когда проходитъ ночь и начинается день, тотъ же горькій и мрачный духъ снова царственно проносится надъ исполинскимъ городомъ. Онъ не тревожится тѣмъ что было ночью, не тревожится и тѣмъ что видитъ кругомъ себя днемъ. Ваалъ царитъ и даже не требуетъ покорности, потому что въ ней убѣжденъ. Вѣра его въ себя безгранична; онъ презрительно и спокойно, чтобъ только отвязаться, подаетъ организованную милостыню и затѣмъ поколебать его самоувѣренность невозможно. Ваалъ не прячетъ отъ себя, какъ дѣлаютъ напримѣръ въ Парижѣ, иныхъ дикихъ, подозрительныхъ и тревожныхъ явленій жизни. Бѣдность, страданіе, ропотъ и отупѣніе массы его не тревожатъ нисколько. Онъ презрительно позволяетъ всѣмъ этимъ подозрительнымъ и зловѣщимъ явленіямъ жить рядомъ съ его жизнью, подлѣ, на яву. Онъ не старается, трусливо, какъ парижанинъ, усиленно разувѣрить себя, ободрять и доносить самому себѣ, что все спокойно и благополучно. Онъ не прячетъ, какъ въ Парижѣ, куда-то бѣдныхъ, чтобъ тѣ не тревожили и не пугали напрасно его сна. Парижанинъ какъ птица страусъ любитъ затыкать свою голову въ песокъ, чтобъ такъ ужь и невидать настигающихъ его охотниковъ. Въ Парижѣ... Но однако чтожъ это я! Я опять не въ Парижѣ... Да когда жъ это, Господи, я пріучусь къ порядку...

ГЛАВА VI

ОПЫТЪ О БУРЖУА

Отчего же здѣсь все это ежится, отчего все это хочетъ размѣняться на мелкую монету, стѣсниться, стушеваться; «нѣтъ меня, нѣтъ совсѣмъ на свѣтѣ; я спрятался, проходите пожалуста мимо и не замѣчайте меня, сдѣлайте видъ какъ-будто вы меня не видите, проходите, проходите!»

— Да о комъ вы говорите? Кто ежится?

— Да буржуа.

— Помилуйте, онъ король, онъ все, le tiers état c'est tout, а вы — ежится!

— Да-съ, а отчего онъ такъ спрятался подъ императора Наполеона? Отчего онъ забылъ высокій слогъ въ палатѣ депутатовъ, который онъ такъ любилъ прежде? Отчего онъ не хочетъ

Digitized by Google

ничего вспоминать и руками машетъ, когда ему напомнятъ о чемъ-нибудь, что́ было въ старину? Отчего у него тотчасъ же, на умѣ и въ глазахъ, и на языкѣ тревога, когда другіе чего-нибудь осмѣлятся пожелать въ его присутствіи? Отчего, когда онъ самъ сдуру разблажится и чего-нибудь вдругъ пожелаетъ, то тотчасъ же вздрогнетъ и начинаетъ открещиваться: «Господи! да что это я наконецъ!» и долго еще послѣ того совѣстливо старается загладить свое поведеніе стараніемъ и послушаніемъ? Отчего онъ смотритъ и чуть не говоритъ: «Вотъ, поторгую сегодня маленько въ лавочкѣ, да Богъ дастъ завтра опять поторгую, можетъ и послѣ завтра, если будетъ великая милость Господня... Ну а тамъ, а тамъ, только бы вотъ поскорѣе накопить хоть крошечку, и — après moi le déluge?» Отчего онъ куда-то прибралъ всѣхъ бѣдныхъ и увѣряетъ, что ихъ совсѣмъ нѣтъ? Отчего онъ довольствуется казенной литературой? Отчего ему ужасно хочется увѣрить себя, что его журналы неподкупны? Отчего онъ соглашается давать столько денегъ на шпіоновъ? Отчего онъ не смѣетъ пикнуть слова о мексиканской экспедиціи? Отчего въ театрѣ мужья выставляются въ такомъ благороднѣйшемъ и денежномъ видѣ, а любовники все такіе оборванные, безъ мѣста и безъ протекціи, приказчики какіе-то или художники, дрянцо въ высочайшей степени? Отчего ему мерещится, что эпузы всѣ до единой вѣрны до послѣдней крайности, что фойе благоденствуетъ, pot-au-feu варится на добродѣтельнѣйшемъ огнѣ, а головная прическа въ самомъ лучшемъ видѣ, въ какомъ только можно себѣ представить? Насчетъ прически ужъ это такъ непремѣнно рѣшено, такъ ужъ условлено, безо всякихъ разговоровъ, такъ, само собою условилось, и хотя поминутно проѣзжаютъ по бульварамъ фіакры съ опущенными сторами, хотя вездѣ есть пріюты для всѣхъ интересныхъ надобностей, хотя туалеты эпузъ даже и весьма часто дороже, чѣмъ можно бы было предположить, судя по карману супруга, но такъ рѣшено, такъ подписано и чего же вамъ болѣе? А почему такъ рѣшено и подписано? Какже-съ: если не такъ, такъ вѣдь пожалуй подумаютъ, что идеалъ не достигнутъ, что въ Парижѣ еще не совершенный рай земной, что можно пожалуй чего-нибудь еще пожелать, что стало-быть буржуа и самъ не совершенно доволенъ тѣмъ порядкомъ, за который стоитъ и который всѣмъ навязываетъ; что въ обществѣ есть прорѣхи, которыя на-

Digitized by Google

до чинить. Вотъ почему буржуа и замазываетъ дырочки на сапогахъ чернилами, только бы боже-сохрани чего не замѣтили! А эпузы кушаютъ конфетки, гонтируются, такъ что русскія барыни въ отдаленномъ Петербургѣ имъ завидуютъ до истерики, показываютъ свои ножки и преграціозно приподымаютъ свои платья на бульварахъ. Чего же болѣе для совершеннаго счастья? Вотъ почему заглавія романовъ, какъ напримѣръ «Жена, мужъ и любовникъ» уже невозможны при теперешнихъ обстоятельствахъ, потомучто любовниковъ нѣтъ и не можетъ быть. И будь ихъ въ Парижѣ также много, какъ песку морскаго (а ихъ тамъ можетъ и больше), все-таки ихъ тамъ нѣтъ и не можетъ быть, потомучто такъ рѣшено и подписано, потомучто все блеститъ добродѣтелями. Такъ надо, чтобъ все блестѣло добродѣтелями. Если посмотрѣть на большой дворъ въ Палерояле вечеромъ, до одинадцати часовъ ночи, то придется непремѣнно пролить слезу умиленія. Безчисленные мужья прогуливаются съ своими безчисленными эпузами подъ руку, кругомъ рѣзвятся ихъ милыя и благонравныя дѣтки, фонтанчикъ шумитъ и однообразнымъ плескомъ струй напоминаетъ вамъ о чемъ-то покойномъ, тихомъ, всегдашнемъ, постоянномъ, гейдельбергскомъ. И вѣдь не одинъ фонтанчикъ въ Парижѣ шумитъ такимъ образомъ: фонтанчиковъ много, и вездѣ тоже, тоже самое, такъ что сердце радуется.

Потребность добродѣтели въ Парижѣ неугасима. Теперь французъ серьозенъ, солиденъ и даже часто умиляется сердцемъ, такъ что я не понимаю, почему даже до сихъ поръ онъ такъ ужасно чего-то труситъ, труситъ, несмотря даже на всю gloire militaire, процвѣтающую во Франціи и за которую Jaques Bonhomme такъ дорого платитъ. Парижанинъ ужасно любитъ торговать, но кажется и торгуя и облупливая васъ какъ липку въ своемъ магазинѣ, онъ облупливаетъ не просто для барышей, какъ бывало прежде, а изъ добродѣтели, изъ какой-то священнѣйшей необходимости. Накопить фортуну и имѣть какъ можно больше вещей, это обратилось въ самый главный кодексъ нравственности, въ катихизмъ парижанина. Это и прежде было, но теперь, теперь это имѣетъ какой-то такъ-сказать священнѣйшій видъ. Прежде хоть что-нибудь признавалось кромѣ денегъ, такъ что человѣкъ и безъ денегъ, но съ другими качествами, могъ рассчитывать хоть на какое-нибудь уваженіе; ну, а теперь ни-что,

Digitized by Google

Теперь надо накопить денежки и завести какъ можно больше вещей, тогда и можно расчитывать хоть на какое-нибудь уваженіе. И нетолько на уваженіе другихъ, но даже на самоуваженіе нельзя иначе расчитывать. Парижанинъ себя въ грошъ не ставитъ если чувствуетъ, что у него карманы пусты, и это совершенно, совѣстливо, съ великимъ убѣжденіемъ. Вамъ повелевается удивительныя вещи, если у васъ только есть деньги. Бѣдный Сократъ есть только глупый и вредный фразеръ, и уважается только развѣ на театрѣ, потомучто буржуа все еще любитъ уважать добродѣтель на театрѣ. Странный человѣкъ этотъ буржуа: провозглашаетъ прямо, что деньги есть высочайшая добродѣтель и обязанность человѣческая, а между тѣмъ ужасно любитъ поиграть и въ высшее благородство. Всѣ французы имѣютъ удивительно благородный видъ. У самаго подлаго француза, который за четвертакъ продастъ вамъ родного отца, да еще самъ, безъ спросу, прибавитъ вамъ что-нибудь въ придачу, въ тоже время, даже въ ту самую минуту, какъ онъ вамъ продастъ своего отца, такая внушительная осанка, что на васъ даже нападаетъ недоумѣніе. Войдите въ магазинъ купить что-нибудь, и послѣдній прикащикъ разлавитъ, просто раздавитъ васъ своимъ неизъяснимымъ благородствомъ. Это тѣ самые прикащики, которые служатъ моделью самаго субтельнаго суперфлю для нашего михайловскаго театра. Вы подавлены, вы просто чувствуете себя въ чемъ-то виноватымъ передъ этимъ прикащикомъ. Вы пришли, напримѣръ, чтобъ издержать десять франковъ, а между тѣмъ васъ встрѣчаютъ какъ лорда Девонширя. Вамъ тотчасъ же дѣлается отчего-то ужасно совѣстно, вамъ хочется поскорѣй увѣрить, что вы вовсе не лордъ Девонширъ, а только какъ себѣ скромный путешественникъ и пошли, чтобъ купить только на десять франковъ. Но молодой человѣкъ самой счастливой наружности и съ неизъяснимѣйшимъ благородствомъ въ душѣ, при видѣ котораго вы готовы себя признать даже подлецомъ (потомучто ужь до такой степени онъ благороденъ!), начинаетъ вамъ развертывать товару на десятки тысячъ франковъ. Онъ въ одну минуту забросалъ для васъ весь прилавокъ, и какъ полумаешь тутъ же, сколько ему бѣдненькому придется послѣ васъ опять завертывать, ему, Грандисону, Алкивіаду, Монторанси, да еще послѣ кого? послѣ васъ, имѣющаго дерзость съ вашей незавидной наружностью, съ вашими пороками и недостатками,

Digitized by Google

съ вашими отвратительными десятью франками придти безпокоить такого маркиза, — какъ подумаешь все это, то поневолѣ мутишь, тутъ же за прилавкомъ, начинаешь въ высочайшей степени презирать себя. Вы раскаяваетесь и проклинаете судьбу зачѣмъ у васъ въ карманѣ теперь только сто франковъ; вы бросаете ихъ, прося взглядомъ прощенія. Но вамъ великодушно завертываютъ товаръ на ваши мизерные сто франковъ, прощаютъ вамъ всю тревогу, все безпокойство, которое вы произвели въ магазинѣ и вы спѣшите какъ-нибудь поскорѣе стушеваться. Придя домой, вы ужасно удивляетесь, что хотѣли истратить только десять франковъ, а истратили сто. Сколько разъ, проходя бульвары или Rue Vivienne, гдѣ столько громадныхъ магазиновъ съ галантерейностями, я мечталъ про себя: вотъ бы напустить сюда русскихъ барынь и... но о томъ что слѣдуетъ дальше, лучше всего знаютъ прикащики и старосты въ орловскихъ, тамбовскихъ и разныхъ прочихъ губерніяхъ. Русскимъ вообще ужасно хочется показать въ магазинахъ, что у нихъ необъятно много денегъ. Зато находится же на свѣтѣ такое безстыдство, какъ напримѣръ въ англичанкахъ, которыя нетолько не стыдятся, что какой-нибудь Адонисъ, Вильгельмъ Тель забросилъ для нихъ весь прилавокъ товарами и перевороти́лъ весь магазинъ, но даже начинаютъ, о ужасъ! торговаться изъ-за такихъ-нибудь десяти франковъ. Но и Вильгельмъ Тель не промахъ: ужь онъ отмститъ за себя, и за какую-нибудь шаль въ тысячу пятьсотъ франковъ слупитъ съ миледи двѣнадцать тысячъ, да еще такъ, что та остается совершенно довольна. Но несмотря на то буржуа до страсти любитъ неизъяснимое благородство. На театрѣ подавай ему непремѣнно безсребрениковъ. Гюставъ долженъ сіять только однимъ благородствомъ и буржуа плачетъ отъ умиленія. Безъ неизъяснимаго благородства онъ и спать не можетъ спокойно. А что онъ взялъ двѣнадцать тысячъ вмѣсто тысячи пятисотъ франковъ, то это даже обязанность: онъ шашъ изъ добродѣтели. Воровать гадко, подло, — за это на галеры; буржуа многое готовъ простить, но не проститъ воровства, хоть бы вы или дѣти ваши умирали съ голоду. Но если вы украдете изъ добродѣтели, о, вамъ тогда совершенно все прощается. Вы стало-быть хотите faire fortune и накопить много вещей, т. е. исполнить долгъ природы и человѣчества. Вотъ почему въ кодексѣ совершенно ясно обозначены пункты воров-

Digitized by Google

ства изъ низкой цѣли, т. е. изъ-за какого-нибудь кромешнаго и воровство изъ высокой добродѣтели. Послѣднее въ высочайшей степени обезпечено, поощряется и необъяснимо прочно организовано.

Почему же наконецъ — опять-таки я все на прежнее — почему же наконецъ буржуа до сихъ поръ какъ-будто немного трусить, какъ-будто не въ своей тарелкѣ сидитъ? Чего ему безпокоиться? Парлеровъ, фразеровъ? Да вѣдь онъ ихъ одинъ толчкомъ ноги пошлетъ теперь къ чорту. Доводовъ чистаго разума? Да вѣдь разумъ оказался несостоятельнымъ передъ дѣйствительностью, да сверхъ того сами-то разумные, сами-то ученые начинаютъ учить теперь, что нѣтъ доводовъ чистаго разума, что чистаго разума и не существуетъ на свѣтѣ, что отвлеченная логика неприложима къ человѣчеству, что есть разумъ Ивановъ, Петровъ, Гюставовъ, а чистаго разума совсѣмъ не бывало; что это только неосновательная выдумка восемнадцатаго столѣтія. Кого же бояться? работниковъ? Да вѣдь работники тоже всѣ въ душѣ собственники: весь идеалъ ихъ въ томъ, чтобъ быть собственниками и накопить какъ можно больше вещей; такая уж натура. Натура даромъ не дается. Все это вѣками взращено и вѣками воспитано. Національность не легко передѣлывается, не легко отстать отъ вѣковыхъ привычекъ, вошедшихъ въ плоть и кровь. Земледѣльцевъ? Да вѣдь французскіе земледѣльцы архисобственники, самые тупые собственники, т. е. самый лучшій и самый полный идеалъ собственника, какой только можно себѣ представить. Комунистовъ? Соціалистовъ наконецъ? Но вѣдь этотъ народъ сильно въ свое время профершпилился, и буржуа въ душѣ глубоко его презираетъ; презираетъ, а между тѣмъ все-таки боится. Да; вотъ этого-то народа онъ до сихъ поръ и боится. А чего бы кажется боятьсл? Вѣдь предрекъ же аббатъ Сіейсъ въ своемъ знаменитомъ памолетѣ, что буржуа — это все. «*Что такое tiers-état? Ничего. Чѣмъ должно оно быть? Всѣмъ.*» Ну, такъ и случилось какъ онъ сказалъ. Одни только эти слова и осуществились изъ всѣхъ словъ, сказанныхъ въ то время; они одни и остались. А буржуа все еще какъ-то не вѣритъ, несмотря на то, что все что было сказано послѣ словъ Сіейса сбрендило и лопнуло какъ мыльный пузырь. Въ самомъ дѣлѣ: провозгласили вскорѣ послѣ него: liberté, égalité, fraternité. Очень хорошо-съ. Что такое liberté? Свобода. Какая

Digitized by Google

свобода? — Французская свобода значитъ дѣлать все что угодно въ предѣлахъ закона. Когда можно дѣлать все что угодно? Когда имѣешь миллионъ. Даетъ ли свобода каждому милліону? Нѣтъ. Что такое человѣкъ безъ милліона? Человѣкъ безъ милліона есть тотъ, который дѣлаетъ все что угодно, а тотъ съ милліономъ дѣлаетъ все что угодно. Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, что кромѣ свободы есть еще равенство, и именно равенство передъ закономъ. Про это равенство передъ закономъ можно только одно сказать, что въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь провозглашается, каждый французъ можетъ и долженъ требовать его на линію для себя обеду. Чтожъ остается изъ формулы? Братство. Ну, эта статья самая курьёзная и надо признаться дѣйствительно составляетъ главный камень преткновенія на Западѣ. Западный человѣкъ толкуетъ о братствѣ какъ о большой двигательной человѣческой и недогадывается, что могъ бы братства, полнаго найти въ дѣйствительности. Что дѣлать? Надо сдѣлать братство во что бы ни стало. Но оказывается, что сдѣлать братства нельзя, потому что оно само дѣлается, дается, въ природѣ находится. А въ природѣ французской да и вообще западной его въ полности не оказалось, а оказалось начало личности, начало особняка, усиленнаго самосохраненія, самопромышленія, самопредѣленія въ своемъ собственномъ *Я*, сопоставленія этого *Я* своей природѣ и всѣмъ остальнымъ людямъ какъ самоправнаго отдѣльнаго начала, совершенно равнаго и равноцѣннаго всему тому что есть кромѣ него. Ну, а изъ такого сопоставленія не могло произойти братства. Почему? Потому что въ братствѣ, въ настоящемъ братствѣ, не отдѣльная личность, не *Я* должна заботить о правѣ своей равноцѣнности и равноправности со всѣмъ *остальнымъ*, а все-то это *остальное* должно бы было само придти къ этой требующей права личности, къ этому отдѣльному *Я*, и само, безъ его просьбы, должно бы было признать его равноцѣннымъ и равноправнымъ себѣ, т. е. всему остальному что есть на свѣтѣ. Мало того, сама-то эта бунтующая и требующая личность прежде всего должна бы была все это *Я* всего себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но напротивъ отдать его обществу безъ всякихъ условій. Но западная личность не привыкла къ такому холоду дѣлать, она требуетъ съ бою, она требуетъ права, она кичится — ну, а не выходитъ братства. Конечно можно

перерождаться? Но перерождение это совершается тѣми, у кого подобныя идеи должны сначала лишь прийти въ голову, чтобъ имѣть дѣйствительность. Чтобъ сдѣлаться мнѣ, надо быть безличностью, чтобъ быть счастливымъ? Выйти въ безличность спасенія? Напротивъ, напротивъ, отнюдь не только не надо быть безличностью, но именно надо имѣть личность, даже гораздо въ высочайшей степени, тѣмъ гораздо теперь опредѣляющуюся на Западѣ. Любить людей сознательно, совершенно сознательно и свободно, совершенно сознательное самопожертвованіе всего себя въ пользу всѣхъ есть высшій примѣръ высочайшаго развитія личности, высочайшаго ея могущества, высочайшаго самообладанія, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой животъ за всѣхъ, пойти за всѣхъ на крестъ, на костеръ, можно только сдѣлать при самомъ сильномъ развитіи личности. Сильно развитая личность, вполнѣ увѣренная въ своемъ правѣ быть личностью, чуждая имѣющая за себя никакого страха, ничего не можетъ имѣть другого лишь своей личности, то-есть высшаго блаженства; какъ отдать ее всю всѣмъ, чтобъ и другіе всѣ были такими же совершенными и счастливыми личностями. Это законъ природы; къ этому тянетъ нормально человѣка. Не пусть одинъ волосокъ, одинъ самый тоненькій волосокъ, не цѣпкій если попадется подъ машину, то все разомъ трещитъ и ломается. Именно: бѣда видѣть при этомъ случаѣ хотя какой-нибудь самый малѣйшій расчетъ въ пользу собственной выгоды. Напримѣръ: я приношу и жертвую всего себя для всѣхъ; но хотя подобно чтобъ и жертвовалъ себя сообщая, отличительно безъ всякой выгоды, отнюдь не думая, что вотъ я пожертвую обществу всего себя и за это самое общество отдастъ мнѣ всего себя. Мало жертвовать именно такъ, чтобъ отдавать все и даже мнѣть, чтобъ тебѣ ничего не было выдано за это обратно, чтобъ за тебя никто не въ чемъ не вознаградилъ. Мнѣть не стоитъ? Вѣдь это все-равно что не вспоминать о бѣломъ медвѣдѣ. Попробуйте задать себѣ задачу: не вспоминать о бѣломъ медвѣдѣ и увидите, что онъ проклятый будетъ помимо воли вертѣться. Какъ сдѣлать? Сдѣлать нашъ мелкій умъ такъ, чтобъ оно *само собой сдѣлалось*, чтобъ оно было въ натурѣ, высокочелыя въ природѣ нашего племени заключалось, сдѣлать племя такъ, чтобъ было братское, любящее начало, — наши любви.

Digitized by Google

Надо чтобы какого бестолкитрадо тянуло на братство, общину, на сельскій, и тянуло, несмотря на всѣ вѣковыя страданія нашіи, несмотря на варварскую грубость и невѣжество, укоренившіяся во нашіи, несмотря на вѣковое работство, на нашествіи иноплеменниковъ, одним словомъ чтобъ потребность братской общины была въ натурѣ человѣка, чтобъ онъ съ тѣмъ и родился, или усвоилъ себѣ такую привычку искони вѣковъ. Въ чемъ состоялъ бы это братство, еслибъ попробовать его на разумный, обязательный принципъ? Въ томъ, чтобъ каждая отдѣльная личность сама, безъ всякаго принужденія, безъ всякой выгоды для себя спасала бы общинку: «мы правда только всѣ вмѣстѣ, выполняя мои всего, если вамъ во мнѣ надобность, но дуйте обо мнѣ издавая свои законы, не заботьтесь нисколько о всѣ свои права вамъ отдаю и пожалуста распоряжайте мною, моимъ счастіемъ же — вамъ всѣмъ пожертвовать и чтобы вамъ за это не было никакого ущерба. Уничтожусь, сольюсь съ любимымъ безразличіемъ, только бы наше-то братство процвѣтало и спасалось». А братство напротивъ должно сказать: «ты отнимаешь у насъ многое даешь намъ. То что ты даешь нашъ, мы не вправѣ не принять отъ тебя, ибо ты самъ говоришь, что это твое все счастье; но чтоже дѣлать, когда у насъ безпрестанно болитъ сердце и за твое счастіе. Возьми же все и отъ насъ. Мы всѣми силами будемъ стараться помирить, чтобъ у тебя было еще можно больше личной свободы, какъ можно больше самопроявленія. Никакихъ враговъ, ни людей, ни природы теперь не бойся. Мы всѣ за тебя, мы всѣ гарантируемъ тебѣ безопасность, мы неусыпно о тебѣ стараемся, потомучто мы братья, мы всѣ твои братья, а насъ много и мы сильны; будь же вполнѣ спокоенъ и бодръ, ничего не бойся и надѣйся на насъ».

Послѣ этого разумѣется ужь нечего дѣлиться, тутъ ужь все свое собою раздѣлитъ. Любите другъ друга и все сіе вамъ прилежитъ.

Какъ въ самомъ дѣлѣ утопія, господа? Все основано на чувствѣ, на натурѣ, а не на разумѣ. Вѣдь это даже какъ будто уклоненіе для разума. Какъ вы думаете? Утопія это или нѣтъ?

Но можно ли что нибудь дѣлать соціалисту, если въ человѣкѣ нѣтъ братскаго начала, а напротивъ начало единичное, личное, безпрерывно обособляющееся, требующее отъ насъ всѣхъ своихъ правъ. Соціалистъ видя, что нѣтъ брат-

Digitized by Google

ства, начинает уговаривать на братство. За [illegible] брат-ства он хочет сделать, поставить братство. Чтобы сделать ему из зайца, надо прежде всего зайца. Но зайца [illegible] т. е. не имеется натуры, способной к братству, натуры, [illegible] рующей к братству, которую сама себе [illegible] к братству. В [illegible] начинает делать, [illegible] будущее братство, рассчитывает на весь [illegible] мир, собирает [illegible] дей, толкует, учит, рассказывает [illegible] братства выгоды придется, кто сколько [illegible] прибыли, [illegible] не [illegible] смотрить, [illegible] определяет заранее расчеты [illegible] насколько кто [illegible] заслужить, и сколько каждый за них должен добровольно внести в ущерб своей личности в общину. А [illegible] братство, когда заранее делается и определяется [illegible] служить и что каждому надо делать? Впрочем [illegible] была формула: «каждый для всех и все для каждого». [illegible] лучше этого разумеется: ничего нельзя было [illegible] [illegible] что эта формула [illegible] взять из одной [illegible] книжки. Но вот начали прикладывать эту формулу [illegible] через шесть месяцев братья потянули основатели братства [illegible] бета к суду. Фурьеристы говорят [illegible] сотен тысяч франков из своего капитала, а все [illegible] как бы устроить братство. Ничего не выходит. Конечно [illegible] великая приманка жить хотя не на братском, но [illegible] основании, т. е. хорошо, когда тебя [illegible] требуют от тебя только работы и согласия. Но тут [illegible] ходит загадка: кажется уже совершенно [illegible] бака, обещаются кормить, поить его, работу ему [illegible] это требуют с него только самую капельку [illegible] боды для общего блага, самую, самую [illegible] хочет жить человек и на этих [illegible] жела. Ему все кажется с дуру, что это острог и что [illegible] не себе лучше, потому — полная воля. [illegible] работы ему не дают, умирать он [illegible] нет никакой, так нет же, все [illegible] что своя воля лучше. Разумеется [illegible] Плюнуть и сказать ему, что он дурак, не дорос, не [illegible] понимает своей собственной выгоды [illegible] будь безсловесный, [illegible] дурак [illegible]

Digitized by Google

[illegible] все такъ хорошо, все такъ разлиновано, всѣ [illegible] счастливы, каждый знаетъ свое дѣло, одинъ словомъ! [illegible] человѣку до муравейника!

Другими словами: хоть и возможенъ соціализмъ, да только гдѣ-нибудь не во Франціи.

И [illegible] послѣднемъ отчаяніи соціалистъ провозглашаетъ: liberté, égalité, fraternité *ou la mort*. Ну уж тутъ нечего говорить, и буржуа окончательно торжествуетъ.

А если буржуа торжествуетъ, такъ стало-быть и сбылись пророчества. Сбылись буквально и въ послѣдней точности. И какъ буржуа все отчего-жъ онъ конфузится, отчего сжится, чего боится? Всѣ обрыдли, всѣ передъ нимъ оказались несостоятельными. Прежде, при Луи-Филиппѣ напримѣръ, буржуа вовсе не такъ конфузился и боялся, а вѣдь онъ и тогда дерзкимъ былъ, но онъ тогда еще боролся, предчувствовалъ, что сбудется оно и послѣдній разъ раздѣлился съ нами на полѣ сраженія баррикадахъ фуньемъ и штыкомъ. Но бой кончился, и вдругъ буржуа увидалъ, что онъ одинъ на землѣ, что лучше спасуда и тѣмъ кончилъ, что онъ искалъ, и что ему осталось теперь: не то чтобъ какъ прежде увѣрять весь свѣтъ, что онъ [illegible], но просто спокойно и величаво позировать всему свѣту [illegible] послѣдней красоты и всевозможныхъ совершенствъ человѣчества. Положеніе какъ хотите комфортное. Выручилъ Наполеонъ III. Онъ какъ съ неба къ намъ упалъ, какъ единственный [illegible] затрудненія, какъ единственная тогдашняя [illegible]? Съ тѣмъ самымъ теперь буржуа благоденствуетъ, за [illegible] свое платитъ ужасно, и всего боится, именно потому что всего достигъ. Когда всего достигаешь, тяжело становится [illegible]. Изъ этого прямо выходитъ, друзья мои, что кто наиболѣе боится, значитъ тотъ наиболѣе благоденствуетъ. Не [illegible] пожалуста. Вѣдь что же такое теперь буржуа?

ГЛАВА VII

Продолженіе предыдущаго

И [illegible] буржуа [illegible], да еще при такой благородной [illegible]? Пожалуста не [illegible] меня при-

[illegible] что я преувеличиваю, клевещу, что во мнѣ [illegible] вость. Къ кому? къ кому? зачѣмъ [illegible]? Просто [illegible] кеевъ и это такъ. Лакейство [illegible] бо[illegible] и болѣе, и все болѣе и болѣе [illegible]. Такъ и должно быть при теперешнемъ [illegible] Естественное слѣдствіе. А главное, главное — [illegible]. Я ужъ не говорю напримѣръ, что въ буржуа [illegible] наго [illegible]. Мое мнѣніе [illegible] бычайное развитіе [illegible] во Франціи, [illegible] стерегого [illegible], [illegible] искусства, [illegible] отъ [illegible] лакейства. Какой [illegible] Бисмаркъ, если только [illegible] сейчасъ же за [illegible] дабленной и не выдаст своей любовницы [illegible]? [illegible] преувеличиваю это, не [illegible] быть [illegible] какихъ-нибудь фактахъ. Французъ любитъ [illegible] впередъ, какъ-нибудь на [illegible] и [illegible] ней что-нибудь даже совершенно безнравственно, даже и [illegible] дая сейчасъ же [illegible], въ долгъ, [illegible] всѣхъ этихъ искателей [illegible] при [illegible] правительствѣ, бывшихъ во Франціи. [illegible] и [illegible] они выдѣлывали [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Въ [illegible] гостьлъ тогда императоръ [illegible] и дворъ [illegible] были [illegible]. Корреспондентъ все [illegible] Онъ начинаетъ:

«У насъ много [illegible] наѣздниковъ. [illegible] тотчасъ же угадали самаго блестящаго [illegible]. Его [illegible] [illegible] прогуливается каждый день [illegible] свиты и т. д.»

Оно понятно, пусть увлекается блестящими качествами своего императора. Можно благоговѣть передъ его умомъ, расчетливостью, совершенствами и т. д. Такому увлекающемуся господину и нельзя [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] чтобы запасать вамъ рѣчь. Свобода совѣсти и убѣжденій есть первая и самая главная свобода въ мірѣ. На чемъ онъ основывалъ случай, что можетъ онъ вамъ отвѣтить? Тутъ вѣдь надо самъ не смотрѣть на законы дѣйствительности, понятіемъ всякое приложеніе и дѣлать это наизусть. А для чего бы человѣку это дѣлать наизусть? Вѣдь ему никто не повѣритъ. Какъ выдержать наизусть этотъ прочтетъ, а если прочтетъ, то неужели французъ, имѣющій «Сегодняшнюю» газету, помѣщенную у себя и редакція газеты, неужелижъ найдется кто такой глупый, чтобъ не разобрать, что вмѣстѣ все не нужна слава перваго наѣздника въ Франціи, что онъ вовсѣ спрятанное [illegible] расчитываетъ на эту славу, и поэтому не [illegible] будетъ убѣжать, что онъ самый домой наѣдетъ на свой Франціи; поверятъ онъ человѣкъ чрезвычайно умный. Нѣтъ-съ, тутъ другой расчетъ: путь неправдоподобно, [illegible] вамъ владыки посмотрѣть на это съ отвращеніемъ, презрѣнно [illegible], пусть, пусть, но все-таки увидятъ слѣдующіе [illegible] увидятъ безграничное [illegible] рабовъ, [illegible] неправдоподобное, но за то *одинъ* [illegible], а это главное. Теперь разсудите: еслибъ это было не въ духѣ нашемъ, еслибъ такія [illegible] лесть не [illegible] совершенно возможной, обаятельной, совершенно въ порядкѣ вещей и даже [illegible] ней [illegible] не было бы помѣстить въ порядочной газетѣ такую [illegible]? Гдѣ бы [illegible] въ печати подобную лесть [illegible] Франціи? Я именно потому и говорю о духѣ нашемъ, что [illegible] газеты такъ толкуютъ, а почти всѣ такія же [illegible] одной двухъ-трехъ несовѣтъ [illegible].

Сидѣлъ я разъ за однимъ табльдотомъ; это уже было не во Франціи, а въ Италіи, но за табльдотомъ было много французовъ. Толковали о Гарибальди. Тогда вездѣ толковали о Гарибальди. Это было недѣли за двѣ до Аспромонте. Разумѣется говорили загадочно; иные молчали и не хотѣли совѣтъ высказываться; другіе начали голосовать. Общій смыслъ разговора былъ тотъ, что Гарибальди затѣялъ дѣло рискованное, даже нелѣпое, разумное; но конечно высказывали это мнѣніе съ подготовками, потому что Гарибальди — человѣкъ до того всѣмъ нравится, что у него нежелай и выйдетъ благоразумно даже и со своего обыкновенныхъ соображеній выходить [illegible] [illegible] у [illegible] собственно [illegible] Ва-

рибальди. Стали перечислять его качества, — прямодушь было довольно благопріятный для итальянцевъ героя.

— Нѣтъ, я одному только въ немъ удивился, — прямо проговорилъ одинъ французъ, пріятной и пышнословный парнишка, лѣтъ тридцати и съ отличнымъ лицемъ, — одному только вовсе благородству, которое по нашимъ бранямъ видно на глазахъ во всѣхъ французахъ. — Одно только обстоятельство въ немъ наиболѣе удивляетъ!

Разумѣется всѣ съ любопытствомъ обратились къ рассказчику.

Новое качество, открытое въ Гарибальди, должно было для всѣхъ интересовать.

— Въ 60-мъ году, — продолжалъ тотъ, — когда онъ высадился на Сицилію, у него была сумма въ двадцать тысячъ франковъ! Въ этой суммѣ онъ никому не давалъ отчета! Вы можете и угадать сколько употребилъ онъ изъ суммы этой на свои нужды? Онъ не утаилъ ни одного франка, — сдалъ всю сумму сполна, до послѣдняго су. Это почти невѣроятно!

Даже глаза его разгорѣлись, когда онъ говорилъ о такомъ милостивомъ французѣ.

Про Гарибальди конечно можно сказать все что угодно. Не существовать имя Гарибальди въ исторіи, — это невозможно! Но разумѣется могъ сдѣлать только одинъ французъ.

И какъ можно, какъ чистосердечно онъ это проговорилъ! Это чистосердечіе разумѣется всѣ принимали, — даже французы, — собственно понимая и чувствуя настоящей частью, — заинтересованы лишь, такъ и выигравшее приключеніе двадцати тысячъ франковъ, — совершенно почтенно подумалъ.

— А что, братъ, — вмѣшалъ ты мнѣ Гарибальди, — тогда при казенномъ мѣшкѣ!

Вы скажете мнѣ, что это опять неправда, что это было частное случай, что и у насъ тоже такое происходитъ, и вторе могу же я ручаться за всѣхъ французовъ. Конечно, — я это говорю про всѣхъ. Вездѣ есть такъ называемое благородство, — у насъ можетъ быть даже и гораздо хуже бывало. Но развѣ добродѣтельно, въ добродѣтель то зачѣмъ возводить? Зачѣмъ? — можно быть даже и подлецомъ, — хотя и часто не хочется, — но тутъ вѣдь очень много честныхъ людей, — вотъ, — чтобы всѣ совершенно потеряли и потомъ получаютъ спасибо! — такъ

Digitized by Google

добродѣтели. О Пороке рассуждается вскользь, не послѣдовательно, потому что проповѣдуется. Такой катихизисъ и добродѣтелямъ сообщаетъ душой слишкомъ въ нашей націи. Ну, а насчетъ нѣкоторыхъ случаевъ я не хочу въ нашемъ говорить. Даже всѣ нація-то состоитъ обыкновенно одинъ большой отчетливо сидѣлъ, не правда ли? [illegible] [illegible] [illegible]

увеличивать. О малый Мусье Мото! Французы! О [illegible]
(потому что одни въ существѣ всѣ французы парижане) [illegible]
не разумѣнія за тѣмъ, что они [illegible] [illegible]
[illegible] шаръ. Вареньемъ [illegible] шаръ, кроѣ Парижа,
онъ вѣсма мало знаетъ. Да и знаетъ очень [illegible].
Это [illegible] національное свойство и даже самое: парижанинъ [illegible]
[illegible] свойство французовъ [illegible] красорѣчіе [illegible]
въ красорѣчіи въ [illegible] и въ [illegible] [illegible]
[illegible] больше и больше. Мнѣ бы [illegible] [illegible]
[illegible] во Франціи [illegible] любовь къ красорѣчію. [illegible]
[illegible] Людовика XIV. [illegible]
[illegible] Франціи [illegible] Людовика XIV, [illegible]
[illegible] XIV. [illegible]
[illegible] королей, [illegible] [illegible]
[illegible] королей. [illegible]
[illegible] l'Etat c'est moi. Это [illegible]
[illegible] Европу тогда обратѣ. [illegible]
[illegible] и проклинали. [illegible] [illegible]
[illegible] Національный государь [illegible] [illegible]
[illegible] XIV, [illegible] по французскимъ [illegible] [illegible]
[illegible] как это въ Франціи могли [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] к прежнему [illegible] [illegible]
[illegible] красорѣчіе, [illegible] [illegible]
[illegible]. Они все готовы забыть въ прошлыхъ [illegible]
[illegible] благородные разговоры [illegible]
[illegible] и прежнимъ мальчишкамъ [illegible] [illegible]
[illegible] красорѣчія [illegible] [illegible] [illegible] забыли. [illegible]
[illegible] красорѣчіи [illegible] Тѣмъ [illegible]
Одилонъ Барро. [illegible] красорѣчіи [illegible] [illegible]
[illegible] про себя [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] Jacques Bonhomme [illegible]
[illegible] и [illegible] красорѣчія [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] Вотъ прекрасная штука, на первый взглядъ. Дѣло то одинъ [illegible] французъ проще на дѣйствіи [illegible] и обыкновенно [illegible] [illegible]. Разумѣется, нельзя [illegible] не [illegible] [illegible] [illegible]

ряду. Бунаперръ благосклонно [illegible] «Вѣсталь [illegible]» удаляется горелой [illegible] [illegible] [illegible]

благочестивѣйшая тишина; не решили на цыпочкахъ дѣло шло объ одномъ наслѣдствѣ; въ дѣло замѣшаны были отцы-иезуиты. Отцы-иезуиты помимо замѣшиваются теперь въ процессы, преимущественно по наслѣдствамъ. Самыя скандальныя, самыя гадкія происшествія выходятся наружу; но публика молчитъ и очень мало интересуется, потому что отцы-иезуиты имѣютъ теперь значительную власть, а буржуа чрезвычайно благоразумны. Отцы все болѣе и болѣе отличаются на томъ поприщѣ, что называютъ лучшимъ, всѣмъ этимъ занятіямъ и прямо-что нахлопотали дѣвушкою, такъ и свадьбою пахнетъ, а точно красорѣчіе! Красорѣчіемъ однимъ теперь не возьмешь. Но что въ послѣднемъ случаѣ на мой взглядъ нельзя сомнѣваться. Конечно капитальнѣйшее благое дѣло, но красорѣчіемъ много можно сдѣлать съ французомъ. Эмузы по преимуществу поддаются отцамъ-иезуитамъ, даже теперь гораздо болѣе чѣмъ прежде. Есть надежда, что и буржуа на [illegible] перетянутъ. Въ процессѣ [illegible] какъ иезуитъ-[illegible] [illegible], даже ученымъ (у нихъ есть для этого ученые [illegible]) [illegible] надъ душой одной прекрасной и весьма денежной дамы, какъ они соблазняли ее идти жить къ себѣ въ монастырь, какъ имъ пугали ее до болѣзни, до истерики разными страхами и все съ расчетомъ, съ ученою постепенностью. Какъ [illegible] довели ее до болѣзни, до идіотства, представляя [illegible], что видѣться съ родственниками великій грѣхъ передъ Господомъ-Богомъ и мало-помалу удалили совершенно родственниковъ. Даже ея племянница, эта дѣвственная, младенческая душа, пятнадцатилѣтній ангелъ чистоты и невинности, даже и она не смѣла войти въ келью своей обожаемой тетки, которая ее любила болѣе всего на свѣтѣ, и которая уже не могла, вслѣдствіе коварныхъ ухищреній, обнять ее и облобызать ея [illegible], гдѣ повѣдалъ бѣлый ангелъ невинности. Одним словомъ все въ этомъ родѣ; было удивительно хорошо говорившій адвокатъ самъ видимо таялъ отъ радости, что онъ умѣетъ такъ хорошо говорить, таялъ президентъ, таяла публика. Отцы-иезуиты проиграли сраженіе единственно вслѣдствіе красорѣчія. Они конечно не умѣютъ. Проиграли одно, выиграютъ [illegible] —

Кстати вспомнить о спросѣ и одномъ молодомъ студентѣ, бывшемъ въ числѣ благоговѣйнѣйшихъ слушателей. Студентъ [illegible]

Digitized by Google

было [illegible] и все такое благородное. Они [illegible] на меня съ [illegible].

— Jules Favre! отвѣтилъ онъ [illegible] съ такимъ [illegible] сознаніемъ, что я [illegible]. Большое обрѣлъ я [illegible] случай [illegible] съ [illegible] [illegible] спасть [illegible], тонъ [illegible] въ [illegible] [illegible].

Не [illegible] этихъ [illegible]. Бурка [illegible] [illegible] [illegible]. Одинокая [illegible] [illegible] [illegible] на [illegible] людей. Время было [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Затѣмъ [illegible] [illegible] [illegible]

— Si-gu! Бонне, шепталъ Ланнъ, зрѣлъ онъ еще разъ одинъ изъ величайшихъ героевъ, которыми обладала Франція, столь обильно надѣленная героями. Это былъ столько великій маршалъ, искуснѣйшій преводитель войскъ, исключая великаго императора, но онъ пользовался еще высшимъ благополучіемъ. Онъ былъ другомъ...

— Ну да, это былъ другъ Наполеона, сказалъ я, желая сократить рѣчь.

— Мсье! позвольте говорить мнѣ, прервалъ инвалидъ какъ будто нѣсколько обиженнымъ голосомъ.

— Говорите, говорите, я слушаю.

— Но онъ пользовался еще высшимъ благополучіемъ. Онъ былъ другомъ великаго императора. Никто другой изъ всѣхъ его маршаловъ не имѣлъ счастья сдѣлаться другомъ великаго человѣка. Одинъ маршалъ Ланнъ удостоился сей великой чести. Когда онъ умиралъ на полѣ сраженія за свое отечество...

— Ну да, ему оторвало ядромъ обѣ ноги.

— Мсье, мсье! позвольте же мнѣ самому говорить, вскричалъ инвалидъ, почти жалобнымъ голосомъ. — Вы можетъ-быть и знаете это все... Но позвольте и мнѣ расказать!

Чудаку ужасно хотѣлось самому расказать, хотя-бы мы все это и прежде знали.

— Когда онъ умиралъ, подхватилъ онъ снова: — на полѣ сраженія за свое отечество, тогда императоръ, поражонный въ самое сердце и оплакивая великую потерю...

— Пришолъ къ нему проститься, дернуло меня прервать его снова, и я тотчасъ почувствовалъ, что я дурно сдѣлалъ; мнѣ даже сдѣлалось стыдно.

— Мсье, мсье! сказалъ старикъ съ жалобнымъ укоромъ смотря мнѣ въ глаза и качая сѣдой головой: — мсье! я знаю, я увѣренъ, что вы все это знаете можетъ-быть лучше меня. Но вѣдь вы сами звали меня вамъ показывать: позвольте-жъ мнѣ говорить самому. Теперь ужь немного осталось...

— Тогда императоръ, поражонный въ самое сердце оплакивая (увы! безполезно) великую потерю, которую понесли онъ, армія и вся Франція, приблизился къ его смертной постели и последнимъ прощаніемъ своимъ смягчалъ жестокія страданія умирающаго почти на глазахъ его полководца. — С'est bien, mamiéry

прибавилъ онъ, съ упрекомъ посмотрѣвъ на меня, и пошолъ далѣе.

— А вотъ здѣсь тоже гробница: ну это... quelques [illegible], прибавилъ онъ равнодушно и небрежно кивнувъ головою еще на нѣсколько гробницъ, стоявшихъ по подлеску. Все его краснорѣчіе истратилось на Вольтера, Жанъ-Жака и маршала Саши. Это уже былъ непосредственный, такъ-сказать народный примѣръ любви къ краснорѣчію. Неужели-жъ всѣ эти рѣчи ораторовъ національнаго собранія конвента и клубовъ въ которыхъ народъ принималъ почти непосредственное участіе и на которыхъ онъ перевоспитался, оставили въ немъ только одинъ слѣдъ, — любовь къ краснорѣчію для краснорѣчія?

ГЛАВА VII

БРИБРИ И МАБИШЬ

А чтожъ эпузы? Эпузы благоденствуютъ, уже сказано. Кстати: почему, спросите вы, пишу я эпузы вмѣсто жоны? Высокій слогъ, господа, вотъ почему. Буржуа если заговоритъ высокимъ слогомъ, говоритъ всегда: mon épouse. И хоть въ другихъ слояхъ общества и говорятъ просто, какъ и вездѣ: ma femme — моя жена, но ужь лучше послѣдовать національному духу большинства и высокаго изложенія. Оно характернѣе. Кромѣ того есть и другія наименованія. Когда буржуа разчувствуется или захочетъ обмануть жену, онъ всегда называетъ ее: ma biche! И обратно, любящая жена, въ припадкѣ граціозной игривости, называетъ своего милаго буржуа: bribri, чѣмъ буржуа съ своей стороны очень доволенъ. Бribри и мабишь постоянно проживаютъ, а теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь. Кромѣ того, что такъ уже условлено (и почти безъ всякаго разговору), что мабишь и бribри должны въ наше хлопотливое время служить моделью добродѣтели, согласія и райскаго состоянія общества въ упрекъ гнусным бреднямъ нелѣпыхъ бродягъ-комунистовъ, кромѣ того, бribри съ каждымъ годомъ становится все сговорчивѣе и сговорчивѣе въ супружескомъ отношеніи. Онъ понимаетъ, что какъ ни почтенъ, какъ ни устроенъ, а мабишь нельзя уловить, что [illegible] создана для любовника, что мужу почти невозможно

Digitized by Google

обойтись безъ прически, онъ и молчитъ разумѣется, покамѣстъ у него еще мало прикоплено денегъ и не заведено еще много вещей. Когда же то и другое выполнится, брибри становится вообще требовательнѣе, потомучто начинаетъ ужасно уважать себя. Ну, тутъ ужь и на Гюстава онъ начинаетъ смотрѣть иначе, особенно если тотъ вдобавокъ и оборванецъ и не имѣетъ много вещей. Вообще парижанинъ, чуть-чуть съ деньжонками, желая жениться и выбираетъ невѣсту съ деньжонками. Мало того: предварительно сосчитываются и если окажется, что франки и вещи съ той и другой стороны одинаковы, то и совокупляются. Это и вездѣ такъ происходитъ, но тутъ ужь въ особенный обычай вошолъ законъ равенства кармановъ. Если напримѣръ у невѣсты хоть копейкой больше денегъ, то ее ужь и не отдадутъ такому искателю, у котораго меньше, а ищутъ брибри получше. Кромѣ того браки по любви становятся все болѣе и болѣе невозможными и считаются почти неприличными. Благоразумный этотъ обычай непремѣннаго равенства кармановъ и бракосочетанія капиталовъ нарушается весьма рѣдко, и я думаю гораздо рѣже, чѣмъ вездѣ въ другомъ мѣстѣ. Обладаніе жониными денежками буржуа очень хорошо устроилъ въ свою пользу. Вотъ почему онъ и готовъ во многихъ случаяхъ смотрѣть сквозь пальцы на похожденія своей мабишь и не замѣчать иныхъ досадныхъ вещей, потомучто тогда, т. е. при размолвкѣ, можетъ непріятно подняться вопросъ о приданомъ. Ктому же если мабишь и защеголяетъ иногда не по состоянію, то брибри, хоть и все замѣтившій, про себя примиряется: меньше съ него спроситъ жена на наряды. Мабишь тогда гораздо сговорчивѣе. Наконецъ, такъ-какъ бракъ большею частью есть бракосочетаніе капиталовъ и о взаимной склонности заботятся очень немного, то и брибри не прочь заглянуть куда-нибудь отъ своей мабишь на сторону. А потому всего лучше не мѣшать другъ другу. Да и согласія въ домѣ больше и милый лепетъ милыхъ именъ: брибри и мабишь, раздается между супругами все чаще и чаще. А наконецъ, если все сказать, такъ вѣдь брибри и на этотъ случай удивительно хорошо успѣлъ себя обезпечить. Полицейскій комисаръ во всякую минуту къ его услугамъ. Ужь такъ по законамъ, которые устроилъ онъ себѣ самъ. Въ крайнемъ случаѣ, заставъ любовниковъ en flagrant délit, онъ вѣдь убить ихъ можетъ обоихъ и за это ничѣмъ не отвѣчаетъ. Мабишь это знаетъ и сама это похва-

Digitized by Google

ливаетъ. Долгой опекой довели до того мабишь, что она и не ропщетъ и не мечтаетъ, какъ въ иныхъ варварскихъ и смѣшныхъ земляхъ, учиться напримѣръ въ университетахъ и засѣдать въ клубахъ и депутатахъ. Она лучше хочетъ оставаться въ теперешнемъ воздушномъ и такъ-сказать канареечномъ состояніи. Ее рядятъ, ее гантируютъ, ее возятъ на гулянья, она танцуетъ, она кушаетъ конфетки, наружно принимаютъ ее какъ царицу и мужчина передъ ней наружно во прахѣ. Эта форма отношеній удивительно удачно и прилично выработана. Однимъ словомъ рыцарскія отношенія соблюдены и чего же болѣе? Вѣдь Гюстава у ней не отымутъ. Какихъ-нибудь тамъ добродѣтельныхъ, высокихъ цѣлей въ жизни и т. д. и т. д. ей тоже не надо: она въ сущности такая же капиталистка и копѣечница какъ и супругъ. Когда проходятъ канареечные годы, т. е. дойдетъ до того, что ужь никакимъ образомъ нельзя болѣе себя обманывать и считать канарейкой; когда возможность новаго Гюстава становится уже рѣшительною нелѣпостью, даже при самомъ пылкомъ и самолюбивомъ воображеніи, тогда Мабишь вдругъ, быстро и скверно перерождается. Куды дѣвается кокетство, наряды, игривость. Она дѣлается большею частью такой злой, такой хозяйкой. Ходитъ по церквамъ, копитъ съ мужемъ деньги и какой-то цинизмъ проглянетъ вдругъ со всѣхъ сторонъ: являются вдругъ какая-то усталость, досада, грубые инстинкты, безцѣльность существованія, циническій разговоръ. Даже неряхами какими-то становятся иныя изъ нихъ. Разумѣется не все такъ, разумѣется бываютъ и другія болѣе свѣтлыя явленія, разумѣется и вездѣ есть такія же соціальныя отношенія, но... тутъ все это болѣе на своей почвѣ, оригинальнѣе, самобытнѣе, полнѣе, тутъ все это національнѣе. Тутъ родникъ и зародышъ той буржуазной общественной формы, которая царитъ теперь по всему свѣту въ видѣ вѣчнаго подражанія великой націи.

Да, наружно мабишь — царица. Трудно и вообразить, какая утонченная вѣжливость, какое навязчивое вниманіе окружаетъ ее всюду въ обществѣ и на улицѣ. Субдительность удивительная; доходитъ подчасъ до такой маниловщины, что иная честная душа и не стерпѣла бы. Явная плутня поддѣлки оскорбила бы ее до глубины сердца. Но мабишь сама большая плутовка и... ей только того и надобно. Свое-то она всегда возьметъ и всегда предпочтетъ сплутовать, чѣмъ идти честно на пря-

Digitized by Google

мики: и вѣрнѣе по ея мнѣнію, да и игры больше. А вѣдь игра, интрига — въ этомъ все для мабиши; въ этомъ самое главное дѣло. Зато какъ онѣ одѣваются, какъ ходятъ по улицѣ. Мабишь манерна, выломана, вся неестественна, но это-то и плѣняетъ, особенно блазированныхъ и отчасти развращенныхъ людей, потерявшихъ вкусъ къ свѣжей, непосредственной красотѣ. Мабишь развита весьма плохо; умишки и сердчишки у нихъ птичьи, но зато она граціозна, зато она обладаетъ безчисленными секретами такихъ штучекъ и вывертовъ, что вы покоряетесь и идете за нею какъ за пикантной новинкой. Она даже рѣдко и хороша собой. Что-то даже злое въ лицѣ. Но это ничего: это лицо подвижно, игриво и обладаетъ тайною поддѣлки подъ чувство, подъ натуру въ высочайшей степени. Вамъ можетъ быть и нравится-то въ ней не то именно, что она этой поддѣлкой достигаетъ натуры, но самый этотъ процесъ достиженія поддѣлкой васъ очаровываетъ, искуство очаровываетъ. Для парижанина большею частью все-равно что настоящая любовь, что хорошая поддѣлка подъ любовь. Даже поддѣлка можетъ-быть больше нравится. Какой-то восточный взглядъ на женщину проявляется въ Парижѣ все болѣе и болѣе. Камелія все болѣе и болѣе въ модѣ. «Возьми деньги, да обмани хорошенько, т. е. поддѣлай любовь» — вотъ что требуютъ отъ камеліи. Почти не болѣе требуютъ и отъ эпузы, покрайней-мѣрѣ довольны и этимъ, а потому Гюставъ молча и снисходительно позволяется. Ктому же буржуа знаетъ, что мабишь къ старости войдетъ вся въ его интересы и будетъ усерднѣйшая ему помощница копить деньги. Даже и въ молодости помогаетъ чрезвычайно. Она иногда ведетъ всю торговлю, заманиваетъ покупателей, однимъ словомъ правая рука, старшій прикащикъ. Какъ не простить тутъ какого-нибудь Гюстава. На улицѣ женщина неприкосновенна. Никто не оскорбитъ ее, всѣ передъ ней разступаются, не такъ какъ у насъ, гдѣ женщина, мало-мальски не старая, двухъ шаговъ пройти не можетъ по улицѣ, безъ того чтобъ какая-нибудь воинственная или потаскливая физіономія не заглянула ей подъ шляпку и не предложила познакомиться.

Впрочемъ несмотря на возможность Гюстава, обыденная, обрядная форма отношеній между брибри и мабишью довольно мила и даже часто наивна. Вообще заграничные люди — это мнѣ въ глаза бросилось, — почти всѣ несравненно наивнѣе

Digitized by Google

русскихъ. Трудно объяснить это подробнѣе; нужно самому замѣтить. Le Russe est sceptique et moqueur, говорятъ про насъ французы и это такъ. Мы больше циники, меньше дорожимъ своимъ, даже не любимъ свое, покрайней-мѣрѣ не уважаемъ его въ высшей степени, непонимая въ чемъ дѣло; лѣземъ въ европейскіе, общечеловѣческіе интересы, непринадлежа ни къ какой націи, а потому естественно относимся ко всему холоднѣе, какъ бы по обязанности, и во всякомъ случаѣ отвлеченнѣе. Впрочемъ и я отвлекся отъ предмета. Бribри подчасъ чрезвычайно наивенъ. Гуляя напримѣръ вокругъ фонтанчиковъ, онъ пустится объяснять своей мабишь отчего бьютъ фонтаны кверху, объясняетъ ей законы природы, національно гордится передъ ней красотою булонскаго лѣса, илюминаціей, игрою версальскихъ les grandes eaux, успѣхами императора Наполеона и gloire militaire, наслаждается ея любопытствомъ и удовольствіемъ и много доволенъ этимъ. Самая плутоватая мабишь тоже довольно нѣжно относится къ супругу, т. е. не то, что поддѣлкой какой-нибудь, а безкорыстно нѣжно, несмотря даже на прическу супруга. Разумѣется я не претендую, какъ лесажевъ бѣсъ, снимать крыши съ домовъ. Я расказываю только что мнѣ въ глаза бросилось, что мнѣ показалось. «Mon mari n'a pas encore vu la mer, говоритъ вамъ иная мабишь и голосъ ея изображаетъ искреннее наивное соболѣзнованіе. Это означаетъ, что мужъ еще не ѣздилъ куда-нибудь въ Брестъ или въ Булонь посмотрѣть на море. Нужно знать что у буржуа есть нѣкоторыя пренаивныя и пресерьозныя потребности, почти обратившіяся въ общую буржуазную привычку. Буржуа напримѣръ, кромѣ потребности накопить и потребности краснорѣчія, имѣетъ еще двѣ потребности, двѣ закоснѣйшія потребности, освященныя всеобщей привычкой и къ которымъ онъ относится чрезвычайно серьозно, чуть не патетически. Первая потребность это voir la mer, видѣть море. Парижанинъ проживаетъ и торгуетъ иногда въ Парижѣ всю жизнь и не видитъ моря. Для чего ему видѣть море? онъ и самъ не знаетъ, но онъ желаетъ усиленно, чувствительно, откладываетъ поѣздку съ году на годъ, потомучто обыкновенно задерживаютъ дѣла, тоскуетъ и жена искренно раздѣляетъ тоску его. Вообще тутъ даже много чувствительнаго и я уважаю это. Наконецъ ему удается улучить время и средства; онъ собирается и на нѣсколько дней ѣдетъ «видѣть море». Возвратясь онъ расказываетъ на-

Digitized by Google

пышенно и съ восторгомъ о своихъ впечатлѣніяхъ женѣ, роднѣ, пріятелямъ и сладко вспоминаетъ всю жизнь о томъ, что онъ видѣлъ море. Другая законная и не менѣе сильная потребность буржуа и особенно парижскаго буржуа, это — se rouler dans l'herbe, Дѣло въ томъ, что парижанинъ, выѣхавъ за городъ, чрезвычайно любитъ и даже за долгъ почитаетъ поваляться въ травѣ, исполняетъ это даже съ достоинствомъ, чувствуя, что соединяется при этомъ avec la nature и особенно любитъ, если на него кто-нибудь въ это время смотритъ. Вообще парижанинъ за городомъ считаетъ немедленною своею обязанностью стать тотчасъ же развязнѣе, игривѣе, даже молодцоватѣе, однимъ словомъ смотрѣть болѣе естественнымъ, болѣе близкимъ къ la nature человѣкомъ. L'homme de la nature et de la vérité! Ужь не съ Жанъ-Жака ли и проявилось въ буржуа это усиленное почтеніе къ la nature? Впрочемъ обѣ эти потребности: voir la mer и se rouler dans l'herbe, — парижанинъ позволяетъ себѣ бо́льшею частью только тогда, когда уже накопитъ себѣ состояніе, однимъ словомъ когда самъ начинаетъ уважать себя, гордиться собою и смотрѣть на себя какъ на человѣка. Se rouler dans l'herbe бываетъ даже вдвое, вдесятеро слаще, когда происходитъ на собственной, купленной на трудовыя деньги зе́млѣ. Вообще буржуа, удаляясь отъ дѣлъ, любитъ купить гдѣ-нибудь землю, завести свой домъ, садъ, свой заборъ, своихъ куръ, свою корову. И будь все это даже въ самомъ микроскопическомъ размѣрѣ, всеравно — буржуа въ самомъ дѣтскомъ, въ самомъ трогательномъ восторгѣ: «mon arbre, mon mur», твердитъ онъ себѣ и всѣмъ кого зазоветъ къ себѣ поминутно и затѣмъ не перестаетъ уже повторять себѣ это всю свою жизнь. Вотъ тутъ и слаще всего se rouler dans l'herbe. Чтобъ исполнить эту обязанность, онъ заводитъ себѣ непремѣнно лужокъ передъ домомъ. Кто-то расказывалъ, что у одного буржуа никакъ не выростала трава на мѣстѣ, опредѣленномъ для лужайки. Онъ растилъ, поливалъ, накладывалъ срѣзанный въ другомъ мѣстѣ газонъ, — ничего на пескѣ не выходило и не принималось. Такое ужь мѣсто случилось передъ домомъ. Тогда онъ будто бы купилъ себѣ дѣланный газонъ; нарочно ѣздилъ за этимъ въ Парижъ, заказалъ себѣ тамъ кружокъ травки величиною въ сажень въ діаметрѣ, и разстилалъ этотъ коверчикъ съ длинной травой каждые послѣ-обѣда, чтобъ хоть обмануть себя да утолить свою законную потребность и по-

Digitized by Google

валяться въ травѣ. Отъ буржуа въ первыя минуты упоенія своей благоприобрѣтенной собственности пожалуй это и станется, такъ что нравственно тутъ ничего нѣтъ невѣроятнаго.

Но два слова и о Гюставѣ. Гюставъ конечно тоже самое, что и буржуа, т.-е. прикащикъ, купецъ, чиновникъ, homme de lettres, офицеръ. Гюставъ — это неженатый, но тотъ же самый брибри. Но не въ томъ дѣло, а въ томъ, во что рядится и драпируется теперь Гюставъ, чѣмъ онъ теперь смотритъ, какіе на немъ теперь перья. Идеалъ Гюстава измѣняется сообразно эпохамъ и всегда отражается на театрѣ въ томъ видѣ, въ которомъ носится въ обществѣ. Буржуа особенно любитъ водевиль, но еще болѣе любитъ мелодраму. Скоромный и веселый водевиль, — единственное произведеніе искуства, которое почти не пересадимо ни на какую другую почву, а можетъ жить только въ мѣстѣ своего зарожденія, въ Парижѣ, — водевиль, хоть и прельщаетъ буржуа, но не удовлетворяетъ его вполнѣ. Буржуа все-таки считаетъ его за пустяки. Ему надо высокаго, надо неизъяснимаго благородства, надо чувствительности, а мелодрама все это въ себѣ заключаетъ. Безъ мелодрамы парижанинъ прожить не можетъ. Мелодрама не умретъ покамѣстъ живъ буржуа. Любопытно, что даже самый водевиль теперь перерождается. Онъ хоть и все еще веселъ и уморительно смѣшонъ попрежнему, но теперь уже сильно начинаетъ примѣшиваться къ нему другой элементъ — нравоученіе. Буржуа чрезвычайно любитъ и считаетъ теперь священнѣйшимъ и необходимѣйшимъ дѣломъ читать при всякомъ удобномъ случаѣ себѣ и своей мабишь наставленія. Ктому же буржуа теперь властвуетъ неограниченно; онъ сила; а сочинителишки водевилей и мелодрамъ всегда лакеи и всегда льстятъ силѣ. Вотъ почему буржуа теперь торжествуетъ даже выставленный въ смѣшномъ видѣ и подъ конецъ ему всегда докладываютъ, что все обстоитъ благополучно. Надо думать, что подобные доклады серьозно успокоиваютъ буржуа. У всякаго малодушнаго человѣка, не совсѣмъ увѣреннаго въ успѣхѣ своего дѣла, является мучительная потребность разувѣрять себя, ободрять себя, успокоивать. Онъ даже начинаетъ вѣрить въ благопріятныя примѣты. Такъ точно и тутъ. Въ мелодрамѣ же предлагаются высокія черты и высокіе уроки. Тутъ ужь не юморъ; тутъ уже патетическое торжество всего того что такъ любитъ брибри и что ему нравится. Нравится ему болѣе всего

Digitized by Google

политическое спокойствіе и право копить себѣ деньги съ цѣлью устроить поспокойнѣе нѣдра. Въ этомъ характерѣ пишутся теперь и мелодрамы. Въ этомъ же характерѣ является теперь и Гюставъ. По Гюставу всегда можно провѣрить все то, что въ данную минуту брибри считаетъ идеаломъ неизъяснимаго благородства. Прежде, давно уже, Гюставъ являлся какимъ-то поэтомъ, художникомъ, непризнаннымъ геніемъ, загнаннымъ, замученнымъ гоненіями и несправедливостями. Онъ боролся похвально, и кончалось всегда такъ, что виконтеса, втайнѣ по немъ страдающая, но къ которой онъ презрительно равнодушенъ, соединяла его съ своей воспитанницей Сесиль, неимѣвшей ни копѣйки, но у которой вдругъ оказывались безчисленныя деньги. Гюставъ обыкновенно бунтовался и отказывался отъ денегъ. Но вотъ на выставкѣ произведеніе его увѣнчалось успѣхомъ. Въ квартиру его тотчасъ же врываются три смѣшные милорда и предлагаютъ ему по сту тысячъ франковъ за будущую картину. Гюставъ презрительно смѣется надъ ними и въ горькомъ отчаяніи объявляетъ, что всѣ люди подлецы, недостойные его кисти, что онъ не понесетъ искуства, святого искуства на профанацію пигмеямъ, до сихъ поръ незамѣтившимъ какъ онъ великъ. Но врывается виконтеса и объявляетъ, что Сесиль умираетъ отъ любви къ нему и что поэтому слѣдуетъ писать картины. Тутъ-то Гюставъ догадывается, что виконтеса, прежній врагъ его, черезъ которую ни одно изъ произведеній его до сихъ поръ не попадало на выставку, втайнѣ его любитъ; что она мстила ему изъ ревности. Разумѣется Гюставъ немедленно беретъ отъ трехъ милордовъ деньги, обругавъ ихъ въ другой разъ, чѣмъ они остаются очень довольны, потомъ бѣжитъ къ Сесиль, соглашается взять ея мильонъ, прощаетъ виконтесу, которая уѣзжаетъ въ свое помѣстье и совокупившись законнымъ бракомъ начинаетъ заводить дѣтей, фланелевую фуфайку, bonnet de coton и прогуливаться съ мабишью по вечерамъ возлѣ благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, которые тихимъ плескомъ своихъ струй разумѣется напоминаютъ ему о постоянствѣ, прочности и тишинѣ его земного счастья.

Иногда случается, что Гюставъ не прикащикъ, а какой-нибудь загнанный, забитый сирота, но въ душѣ полный самаго неизъяснимаго благородства. Вдругъ оказывается, что онъ вовсе не сирота, а законный сынъ Ротшильда. Получаются мильоны.

Digitized by Google

Но Гюставъ гордо и презрительно отвергаетъ мильоны. Зачѣмъ? Ужъ такъ нужно для краснорѣчія. Но вотъ врывается мадамъ Бопре, банкирша, влюбленная въ него, и у мужа которой онъ находится въ услуженіи. Она объявляетъ, что Сесиль сейчасъ умретъ отъ любви къ нему и чтобъ онъ шолъ ее спасать. Гюставъ догадывается, что мадамъ Бопре въ него влюблена, подбираетъ мильоны и обругавъ всѣхъ самыми скверными словами, за то что во всемъ родѣ человѣческомъ нѣтъ такого же неизъяснимаго благородства какъ въ немъ, идетъ къ Сесиль и совокупляется съ нею. Банкирша ѣдетъ въ свое помѣстье, Бопре торжествуетъ, ибо жена, бывшая на краю гибели, все еще остается чистою и непорочною, а Гюставъ заводитъ дѣтей и по вечерамъ ходитъ гулять около благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, которые плесками струй напоминаютъ ему и т. д., и т. д.

Теперь неизъяснимое благородство чаще всего изображается или въ военномъ офицерѣ, или въ военномъ инженерѣ, или что-нибудь въ этомъ родѣ, только чаще всего въ военномъ и непремѣнно съ ленточкой почетнаго легіона, «купленной своею кровью». Кстати эта ленточка ужасна. Носитель до того ею чванится, что съ нимъ нельзя почти встрѣтиться, нельзя съ нимъ ни ѣхать въ вагонѣ, ни сидѣть въ театрѣ, ни встрѣчаться въ ресторанѣ. Онъ только-что не плюетъ на васъ, онъ куражится надъ вами безстыдно, онъ пыхтитъ, задыхается отъ куражу, такъ что васъ наконецъ начинаетъ тошнить, у васъ разливается жолчь и вы принуждены посылать за докторомъ. Но французы это очень любятъ. Замѣчательно еще, что въ театрѣ слишкомъ особенное вниманіе обращается теперь и на мосье Бопре, по-крайней мѣрѣ болѣе гораздо, чѣмъ прежде. Бопре разумѣется накопилъ много денегъ и завелъ очень много вещей. Онъ прямъ, простъ, не много смѣшонъ своими буржуазными привычками и тѣмъ, что онъ мужъ; но онъ добръ, честенъ, великодушенъ и неизъяснимо благороденъ въ томъ актѣ, въ которомъ онъ долженъ страдать отъ подозрѣнія, что мабишь ему невѣрна. Но все-таки онъ великодушно рѣшается простить ее. Оказывается разумѣется, что она чиста какъ голубь, что она только пошалила, увлеклась Гюставомъ, и что брибри, раздавливающій ее своимъ великодушіемъ, ей дороже всего. Сесиль разумѣется попрежнему безъ гроша, но только въ первомъ актѣ; впослѣдствіи же оказывается мильонъ. Гюставъ гордъ и презрительно благо-

Digitized by Google

роденъ какъ и всегда, только куражу больше; потомучто военная косточка. У него всего дороже на свѣтѣ его крестъ, купленный кровью и «l'épée de mon père». Объ этой шпагѣ своего отца онъ говоритъ поминутно, некстати, всюду; вы даже не понимаете въ чемъ дѣло; онъ ругается, плюется, но всѣ ему кланяются, а зрители плачутъ и аплодируютъ (плачутъ, буквально). Разумѣется у него ни гроша, это sine qua non. Мадамъ Бопре разумѣется влюблена въ него, Сесиль тоже, но онъ не подозрѣваетъ любви Сесили. Сесиль кряхтитъ отъ любви впродолженіи пяти актовъ. Идетъ наконецъ снѣгъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Сесиль хочетъ броситься въ окно. Но подъ окошкомъ раздаются два выстрѣла, всѣ сбѣгаются: Гюставъ блѣдный, съ подвязанной рукой, медленно входитъ на сцену. Ленточка, купленная кровью, сверкаетъ на его сюртукѣ. Клеветникъ и обольститель Сесили наказанъ. Гюставъ забываетъ наконецъ, что Сесиль его любитъ и что все это штуки мадамъ Бопре. Но мадамъ Бопре блѣдная, испуганная и Гюставъ догадывается, что она его любитъ. Но раздается опять выстрѣлъ. Это Бопре, убивающій себя отъ отчаянія. Мадамъ Бопре вскрикиваетъ, бросается къ дверямъ, но является самъ Бопре и несетъ убитую лисицу, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Урокъ данъ; мабишь его никогда не забудетъ. Она льнетъ къ брибри, который все прощаетъ. Но вдругъ является у Сесиль мильонъ и Гюставъ опять бунтуется. Онъ не хочетъ жениться, Гюставъ ломается, Гюставъ ругается скверными словами. Надо непремѣнно, чтобъ Гюставъ ругался скверными словами и плевалъ на мильонъ, иначе буржуа не проститъ ему; неизъяснимаго благородства будетъ мало, пожалуста не думайте, чтобъ буржуа противорѣчилъ себѣ. Не безпокойтесь: мильонъ не минуетъ счастливую чету, онъ неизбѣженъ и подъ конецъ всегда является въ видѣ награды за добродѣтель. Буржуа себѣ не измѣнитъ. Гюставъ беретъ подъ конецъ мильонъ, Сесиль и затѣмъ начинаются неизбѣжные фонтанчики, котоновые колпаки, плескъ струй и проч., и проч. Такимъ образомъ и чувствительности выходитъ много и неизъяснимаго благородства съ три короба, и Бопре, торжествующій и раздавившій всѣхъ своими семейными добродѣтелями и главное, главное мильонъ, въ видѣ фатума, въ видѣ закона природы, которому вся честь, слава и поклоненіе и т. д., и т. д. Брибри и мабишь выходятъ

Digitized by Google

изъ театра совершенно довольные, успокоенные и утѣшенные. Гюставъ ихъ сопровождаетъ и подсаживаетъ чужую жёнку въ фіакръ, потихоньку цѣлуетъ у нея ручку... Все идетъ какъ слѣдуетъ.

ѳедоръ достоевскій

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ТЕРИТОРІАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ СИСТЕМА

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

I

Въ № 7 «Военнаго Сборника» за прошлый годъ помѣщена статья г. Лаврентьева, имѣющая полуофиціальный характеръ, подъ заглавіемъ: «Мѣстная или територіальная система военнаго управленія», и оканчивающаяся приглашеніемъ, обращеннымъ къ читателямъ Военнаго Сборника, высказать свои замѣчанія по изложенному въ ней вопросу. Въ отвѣтъ на этотъ вызовъ явился рядъ статей, — между прочимъ г. Аничкова (¹). Въ нихъ подтверждается, что вопросъ о военныхъ округахъ ставится на очередь вопросовъ, подлежащихъ всестороннему обсужденію печати.

Основываясь на заявленномъ приглашеніи, мы рѣшаемся сказать объ этомъ предметѣ нѣсколько словъ; но прежде чѣмъ приступить къ самому дѣлу, считаемъ необходимымъ сдѣлать оговорку. Г. Аничковъ не щадитъ самолюбія и добросовѣстности всѣхъ настоящихъ и будущихъ своихъ противниковъ. Объявляя себя жаркимъ сторонникомъ военно-окружной системы, онъ говоритъ: «выгоды територіальной системы ясно высказаны и въ запискѣ министерства, и въ статьѣ г. Лаврентьева: *непонимаютъ ихъ толь-*

(¹) № 35 Современ. Лѣтописи, г. Н. П. и г. Станевича. № 263 Сѣв. Пчелы, г. Вастена. № 44 и 45 Современ. Лѣтописи. 1862 г., г. Аничкова и № 3 Военнаго Сборника. 1863 г.

Digitized by Google

ко нежелающіе понять.» Что это такое? Вызовъ на честное мнѣніе или безапелляціонный приговоръ заранѣе всякому опроверженію? Если дѣло покончено, выгоды проектируемаго преобразованія такъ очевидны, что говорить противъ нихъ могутъ только пессимисты, не желающіе ихъ видѣть, то не для чего подвергать ихъ всеобщему обсужденію; критическая обработка системы путемъ литературы безполезна и поведетъ только къ пустому словопренію. Мы вполнѣ увѣрены, что подобное, заранѣе категорически высказанное осужденіе у многихъ людей, слова и мнѣнія которыхъ могли бы быть полезны, отобьетъ охоту высказать ихъ, чтобы не попасть заранѣе подъ обвиненіе въ нежеланіи видѣть полезности предполагаемаго преобразованія. Мы попросили бы г. Аничкова потрудиться самому отвѣтить на предложенный вопросъ: почему не желаютъ? Пріисканіе отвѣта поставило бы его въ затруднительное положеніе. Мы считаемъ это дѣло поконченнымъ и просимъ извиненія за оговорку, вызванную необходимостью объяснить и завѣрить, что мы приступаемъ къ дѣлу *вполнѣ свободно и самостоятельно, безъ заготовленнаго предрасположенія къ преобразованію или предубѣжденія противъ него.*

Вотъ въ чемъ заключается въ нѣсколькихъ словахъ сущность предполагаемой реформы; къ подробностямъ мы обратимся впослѣдствіи, при ея разборѣ.

При существующей нынѣ строевой системѣ управленія, подвижныя войска соединяются въ дивизіи, а изъ опредѣленнаго числа дивизій составляются корпуса, подчиненные корпуснымъ управленіямъ. Послѣдніе служили только для связи войскъ различныхъ родовъ (пѣхоты, кавалеріи, артилеріи) и нисколько не соединяли войска съ хозяйственными и административными учрежденіями, которыми завѣдуетъ само министерство чрезъ посредство своихъ департаментовъ. Вслѣдствіе этого министерство завалено множествомъ второстепенныхъ вопросовъ, должно содержать огромное число служащихъ и ограничивать свой надзоръ за войсками и учрежденіями, разбросанными по имперіи, письменною повѣркою изъ Петербурга. Фактическаго и взаимнаго контроля при этой системѣ не существуетъ; хозяйственныя учрежденія не заботятся о томъ, согласны ли требованія строевыхъ частей съ дѣйствительнымъ числомъ людей и лошадей, въ нихъ находящихся. Всякое недоразумѣніе, упущеніе и злоупотребленіе требуютъ для своего обнаруженія, чтобы само министерство занялось этимъ дѣломъ энергически, не жалѣя издержекъ на командировку довѣренныхъ лицъ. Наконецъ настоящая администрація страдаетъ еще обиліемъ высшихъ управленій, часть которыхъ по-

Digitized by Google

жно было бы безъ особыхъ неудобствъ упразднить для сокращенія издержекъ казначейства.

Несовершенства старой системы: 1) отсутствіе связи между войсками и хозяйственными и административными учрежденіями, влекущее за собою излишнюю централизацію и недостатокъ фактическаго контроля, и 2) весьма большое число ненужныхъ управленій при огромномъ личномъ составѣ министерства. Все это предполагается устранить введеніемъ мѣстной или територіальной системы управленія. Распорядительную и контрольную власть признано необходимымъ распредѣлить по особаго рода управленіямъ, которыя должны находиться къ опредѣленнымъ частямъ войскъ и военнымъ учрежденіямъ въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ которыхъ находится военное министерство ко всѣмъ военнымъ силамъ государства. Слѣдовательно по своему составу и характеру новыя управленія должны соотвѣтствовать военному министерству; имъ должны быть подчинены подвижныя войска, дѣйствующія и резервныя, мѣстные батальоны и команды, наконецъ военно-административныя и хозяйственныя учрежденія данной мѣстности; сами же они должны находиться подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ военнаго министерства.

По примѣрному соображенію всю имперію предполагается раздѣлить на пятнадцать военныхъ округовъ. Каждый военный округъ будетъ имѣть своего главнаго окружного начальника, при которомъ будетъ состоять главное окружное управленіе. Главное окружное управленіе будетъ состоять изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: командного и хозяйственнаго. Командное управленіе всѣми войсками въ округѣ предположено возложить на окружной штабъ, къ составу котораго будутъ принадлежать: начальникъ штаба, его помощники, чины для дѣлопроизводства и для разнаго рода порученій. Подвижныя войска сохранятъ организацію дивизій; начальникамъ дивизій предполагается придать болѣе самостоятельности, расширивъ кругъ ихъ власти; на нихъ же будетъ лежать отвѣтственность по благоустройству и хозяйству.

По командному управленію главному окружному начальнику предоставляется высшій надзоръ (?) за подвижными войсками и общія распоряженія по расквартированію, сборамъ, нарядамъ и комплектованію. Что касается до мѣстныхъ войскъ, то они ему подчиняются; съ этою цѣлью при немъ будетъ состоять генералъ съ правами начальника дивизіи. Мѣстныя войска губерніи или области, входящей въ составъ округа, будутъ подчинены губернскому военному начальнику. По благоустройству и хозяйству главный окруж-

Digitized by Google

вой начальникъ дѣйствуетъ какъ инспекторъ войскъ, открывая безпорядки, извѣщая о нихъ министерство.

Завѣдываніе находящимися въ округѣ хозяйственными учрежденіями, а также распоряженіе по заготовленію, храненію, перевозкѣ предметовъ снабженія и довольствіе ими войска, будутъ лежать на административныхъ частяхъ главнаго окружного управленія. Во главѣ хозяйственныхъ отраслей будетъ стоять военно-окружной совѣтъ для облегченія главнаго окружного начальника въ управленіи дѣлами съ важною отвѣтственностью по охраненію казеннаго интереса. Совѣтъ будетъ состоять изъ административныхъ начальниковъ управленій округа и изъ членовъ государственнаго контроля и военнаго министерства.

Вотъ эскизъ всей системы. Къ подробностямъ ея мы обратимся при ея разборѣ, къ которому и приступаемъ.

Итакъ главная цѣль предполагаемаго военнаго преобразованія; «удалить существенные недостатки нашей настоящей системы военнаго управленія, которые заключаются, вопервыхъ, *въ централизаціи* или сосредоточеніи управленія въ высшемъ военномъ учрежденіи — военномъ министерствѣ, и вовторыхъ, *въ недостаткѣ ближайшаго мѣстнаго и постояннаго административнаго надзора.*» Недостатки эти обусловлены одинъ другимъ и влекутъ за собою невыгодныя послѣдствія, какъ въ административномъ, такъ въ особенности въ экономическомъ отношеніи. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія мы и разсмотримъ територіальную военную систему.

Такъ какъ мы будемъ говорить о децентрализаціи, то должны опредѣлить смыслъ этого слова, въ военномъ управленіи оказавшагося имѣющимъ значеніе совершенно иное, чѣмъ какое придается ему на обыкновенномъ языкѣ и въ литературѣ. Опредѣлить значеніе этого слова мы считаемъ существенно необходимымъ, потомучто недоразумѣніе и различное его толкованіе не поведутъ къ разъясненію дѣла, а еще болѣе запутаютъ его. Замѣна его русскимъ словомъ «разсредоточеніе» мало поможетъ, хотя русскому слову и не придаютъ того смысла и значенія, какой придается децентрализаціи. По общепринятому смыслу децентрализація вовсе не означаетъ распредѣленія дѣятельности одного большаго центра между нѣсколькими меньшими. Она имѣетъ двѣ задачи: 1) отказаться отъ власти, отъ опеки или отъ извѣстной доли ихъ, предоставляя ихъ въ другія руки; 2) раздѣлить власти несовмѣстимыя, сосредоточеніе которыхъ ведетъ къ вреднымъ послѣдствіямъ. Въ противоположность централизаціи существуетъ съ одной стороны *самоуправленіе*, съ другой *раздѣленіе, разграниченность властей*. Правительство желаетъ децентрализаціи военнаго управленія; это означаетъ, что оно же-

Digitized by Google

лаетъ или предоставить отдѣльнымъ частямъ извѣстную долю самоуправленія, или раздѣлять, разграничить власти, сосредоточеніе которыхъ въ однихъ рукахъ оно находитъ вреднымъ или затруднительнымъ. Оно этого и желаетъ, какъ мы увидимъ ниже. Мы не придираемся къ слову, къ буквѣ, и добиваемся внутренняго смысла преобразованія.

Итакъ въ видахъ децентрализаціи преобразованіе необходимо можетъ имѣть въ виду: 1) предоставленіе отдѣльнымъ частямъ самоуправленія, 2) разъединеніе, разграниченіе несовмѣстимыхъ властей. Скажемъ нѣсколько словъ о томъ и о другомъ. Самоуправленіе въ противоположность централизаціи отличается отъ послѣдней выборнымъ характеромъ. Выборное начало въ приложеніи къ высшему военному управленію въ настоящее время немыслимо нетолько у насъ, но и у западныхъ сосѣдей нашихъ, далеко опередившихъ насъ въ политическомъ развитіи. По этому вопросу мы должны согласиться, что современное войско, по самому характеру своего устройства, совершенно исключаетъ возможность децентрализаціи по вышеизложенному опредѣленію этого понятія. Мы съ своей стороны сдѣлаемъ только оговорку и укажемъ на духъ, характеръ и устройство ополченій, которыя такъ часты въ послѣднее время и предлагаемъ только вопросъ, какую роль въ будущемъ могутъ играть эти ополченія, столь различныя отъ регулярныхъ армій? Несовмѣстность ихъ существованія паралельно съ арміей доказана опытомъ, но мысль о самихъ ополченіяхъ далеко еще не подорвана, и вѣроятно въ будущемъ имъ предстоитъ весьма важная роль, можетъ-быть въ ущербъ современнымъ понятіямъ объ арміи. Мы отстраняемъ этотъ вопросъ и упомянули о немъ только для разъясненія принципа самоуправленія, которымъ между-прочимъ отличаются народныя ополченія, принципа, въ настоящую эпоху, какъ уже упомянуто, неприложимаго къ арміи и къ военному управленію въ обширнóмъ смыслѣ. Самоуправленіе отчасти существуетъ у насъ въ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ въ видѣ народной русской артели, изъ самой жизни проникшей въ армію, но этотъ вопросъ къ нашему дѣлу не относится. Дѣйствительно, современное войско, представляя собою одну сплошную, цѣльную массу, какъ бы живой организмъ, существующій для одной опредѣленной цѣли, непремѣнно должно управляться одною мыслью, одной волей. Идея войска и идея единства расторгнуты быть не могутъ, а подобное единство можетъ быть достигнуто только единствомъ управленія. Если смотрѣть на предметъ съ этой точки зрѣнія, то должно согласиться, что понятіе о децентрализаціи не можетъ имѣть другого значенія, какъ только освобожденіе военнаго министерства отъ тяжолой обязанности за-

Digitized by Google

сокращеніе переписки, какъ не въ устраненіи поводовъ къ ней? Противорѣчія этого мы никакъ не можемъ постигнуть! Далѣе: Одна изъ главнѣйшихъ цѣлей (еслибы г. Аничковъ указалъ другія, которыя дѣйствительно существуютъ и отчасти высказаны, то выводъ его былъ бы справедливъ) предполагаемой реформы заключается именно въ томъ, чтобы расширеніемъ правъ и соотвѣтствующимъ усиленіемъ отвѣтственности низшихъ инстанцій устранить тотъ бюрократическій характеръ, которымъ такъ страдаетъ наша администрація, тотъ порядокъ управленія, при которомъ всѣ только пишутъ и отписываются, а никто такъ-сказать не управляетъ, гдѣ бумага, отчетъ, шнуровая книга важнѣе дѣла. Такъ какъ же это разсредоточеніе власти, эту децентрализацію, *стремящуюся къ устраненію бюрократіи*, называть бюрократическей?

Да какъ же ее назвать иначе? Развѣ принципы управленія измѣнены, развѣ централизаціонный характеръ военнаго управленія можетъ быть измѣненъ? Да, децентрализацію, сдающую часть своей дѣятельности изъ одного центра министерства по пятнадцати другимъ центрамъ, устроеннымъ по образцу перваго (это говоритъ самъ проектъ), безъ измѣненія сущности своихъ принциповъ, нельзя иначе назвать какъ *децентрализаціей бюрократической*. Вотъ почему и разсужденіе г. Станевича о кругѣ, неперестающемъ быть кругомъ, о неизмѣняемости свойствъ его, какъ бы ни измѣнялись радіусы, весьма остроумно, рельефно и наглядно объясняетъ дѣло.

Самъ г. Аничковъ признаетъ впрочемъ внутренно, какъ бы противъ воли, что главная задача преобразованія — упрощеніе дѣлопроизводства и сокращеніе переписки, хотя и называетъ это дѣло *простымъ*, ибо немедленно послѣ приведеннаго мѣста, говоритъ: «Пробовали мы упрощать дѣлопроизводство, сокращать переписку тѣмъ путемъ, какъ предлагаетъ г. Станевичъ (пишущій эти строки, года три тому назадъ, самъ засѣдалъ въ комитетѣ, трудившемся надъ подобной задачей); ну, и отмѣнили представленіе такихъ-то отчетовъ, предоставили право такимъ-то колегіальнымъ учрежденіямъ утверждать подряды на 10 тысячъ рублей вмѣсто 3 тысячъ; посократилась нѣсколько переписка, а все-таки характеръ администраціи остается попрежнему чиновничьимъ, бюрократическимъ.» Ну вотъ видите ли, сами же вы говорите. Примѣните свои слова къ окружнымъ управленіямъ: расширили права, усилили вслѣдствіе этого отвѣтственность низшихъ инстанцій; что прежде шло на утвержденіе высшаго центра, будетъ рѣшаться въ меньшихъ центрахъ, — посократится нѣсколько переписка, но измѣнится ли характеръ администраціи, перестанетъ ли онъ быть чиновничьимъ, бюрократическимъ? Стало-быть сама практика показала, что нака-

Digitized by Google

кія паліативныя мѣры не помогутъ для достиженія цѣлей, предположенныхъ проектомъ; что для коренного преобразованія слѣдуетъ и дѣло вести отъ корня. Територіальный элементъ для сокращенія переписки вовсе не необходимое условіе. Наоборотъ при територіальной системѣ, какъ мы ее понимаемъ, можно создать десять различныхъ системъ управленія, вовсе непохожихъ другъ на друга.

Но если начать дѣло отъ корня, то рѣчь пойдетъ не объ отмѣнѣ тѣхъ или другихъ отчетовъ, тѣхъ или другихъ формъ, а обо многомъ другомъ, между прочимъ, какъ говоритъ г. Станевичъ, о *возстановленіи естественнаго авторитета закона*. Злоупотребленія бюрократіи слѣдуетъ искоренять у ихъ источника; для этого необходимо освободиться отъ рутиннаго, хотя и освященнаго временемъ и обычаемъ взгляда на требованія администраціи.

II

Такимъ образомъ мы полагаемъ, что на предложенный на всеобщее обсужденіе вопросъ о преобразованіяхъ военнаго управленія и о введеніи мѣстной или територіальной системы, въ видахъ отстраненія существенныхъ недостатковъ настоящей системы военнаго управленія, *централизаціи* или сосредоточенія управленія въ высшемъ военномъ учрежденіи — военномъ министерствѣ, и *недостатка ближайшаго мѣстнаго и постояннаго административнаго надзора*, нельзя смотрѣть какъ на систему, имѣющую въ виду вопервыхъ децентрализацію и допущеніе самоуправленія, вовторыхъ раздѣленіе, разграниченіе властей, признанныхъ самимъ министерствомъ несовмѣстными. На проектированное преобразованіе по его сущности слѣдуетъ смотрѣть какъ на улучшеніе настоящей системы военнаго управленія, съ сохраненіемъ тѣхъ же основныхъ принциповъ и положеній, которыми руководствовались доселѣ съ цѣлью *вопервыхъ упростить дѣлопроизводство и сократить переписку, вовторыхъ устранить или ослабить вредныя послѣдствія нераздѣльности и сосредоточенія властей* особенными измѣненіями въ настоящемъ порядкѣ посредствомъ окружныхъ военныхъ управленій.

Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія мы и приступимъ къ разбору проекта въ увѣренности, что сдѣланнымъ вступленіемъ мы достаточно охарактеризовали его и поставили на настоящее мѣсто въ ряду государственныхъ вопросовъ, поднятыхъ въ послѣднее время нашимъ правительствомъ.

Обращаемся къ первому, къ упрощенію дѣлопроизводства и къ

Digitized by Google

сокращенію переписки. Выгоды, ожидаемыя въ этомъ смыслѣ отъ проектируемаго преобразованія, могутъ состоять въ отстраненіи недостатковъ существующей донынѣ системы, парализующихъ дѣйствія военнаго министерства и спеціальныхъ учрежденій и небыгопріятно отражающихся на ходѣ общаго государственнаго управленія — огромнымъ обремененіемъ бюджета. Чрезмѣрное обремененіе военнаго министерства дѣлами, говоритъ проектъ, часто не имѣющими никакой важности, поглощаетъ всю его дѣятельность и лишаетъ его возможности сосредоточить свои силы на исполненіи своего главнаго призванія: давать общее направленіе и слѣдить за правильностью хода управленія вооруженныхъ силъ государства; съ другой стороны, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, военное министерство получило такого рода организацію и личный составъ, которые требуютъ весьма значительныхъ расходовъ, не вознаграждая въ достаточномъ размѣрѣ за трудъ служащихъ и не доставляя имъ достаточнаго матерьяльнаго обезпеченія.

Мы уже сказали о томъ, что главныя причины этихъ несовершенствъ военнаго управленія заключаются не въ сосредоточеніи его въ министерствѣ, не въ недостаткѣ административнаго надзора въ томъ смыслѣ, какъ принимаетъ эти слова проектъ, хотя обѣ причины невошнѣнно оказываютъ извѣстную долю вліянія на эти недостатки, ставящіе военную администрацію въ такое затруднительное положеніе. Разумѣется, что проектъ такого сложнаго механизма, какъ военное управленіе, не можетъ подлежать серьозной оцѣнкѣ, прежде чѣмъ будетъ разработанъ вполнѣ, то-есть прежде опредѣленія всѣхъ его деталей, которые играютъ здѣсь чрезвычайно важную роль. Только по нимъ можно будетъ заключить о строгой послѣдовательности всей системы. Наши заключенія могутъ встрѣтить опроверженія въ томъ смыслѣ, что они выведены a priori; тѣмъ неменѣе мы ихъ сдѣлаемъ, основываясь на данныхъ, вѣрнѣ существующихъ, отстраненія которыхъ самимъ преобразованіемъ мы не видимъ и на всемъ строю окружающей насъ жизни. Почерпаемъ ихъ по возможности изъ статьи г. Лаврентьева.

На стр. 120 № 7 «Воен. Сборн.» мы читаемъ: «Территоріальная система военнаго управленія не есть нововведеніе для нашего отечества. Она существовала у насъ, хотя имѣла весьма односторонній характеръ, и существуетъ въ настоящее время относительно нѣкоторыхъ частей имперіи. Такъ естественнымъ порядкомъ мѣстная или территоріальная система управленія привилась къ управленію войсками въ отдаленныхъ окраинахъ нашего отечества, въ кавказскомъ и оренбургскомъ краяхъ, въ западной и восточной Сибири и прочі, хотя, слѣдуетъ упомянуть, примѣненіе этой системы въ упо-

Digitized by Google

минутымъ частямъ имперіи отличается значительными недостатками. Такъ напримѣръ эти подобія военно-окружныхъ управленій далеко не ставятъ военное министерство внѣ мелочной опеки по нѣкоторымъ отраслямъ управленія, по другимъ же наоборотъ вовсе выдѣляются изъ вѣдѣнія министерства; однимъ словомъ въ нихъ не существуетъ необходимой систематичности и равномѣрности надзора мѣстныхъ окружныхъ управленій надъ всѣми отраслями администрація и недостаточно опредѣлены отношенія къ военному министерству. Правительство наше, сколько намъ извѣстно, по возможности исправивъ всѣ эти недостатки и выяснивъ основанія этой системы, распространитъ военно-окружную систему управленія по всей имперіи въ отношеніи всѣхъ военно-сухопутныхъ силъ имперіи.»

Къ сожалѣнію статья г. Лаврентьева не указываетъ ни на причины такихъ отклоненій отъ общепринятой системы, ни на гарантіи, по которымъ эти отклоненія были бы невозможны въ будущей системѣ. По нашему разумѣнію онѣ могутъ заключаться либо въ мѣстныхъ, характеристическихъ условіяхъ (географическихъ, политическихъ и проч.); — въ такомъ случаѣ отстраненіе ихъ фактически невозможно и не приведетъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ; либо въ исключительномъ положеніи личностей, которымъ по ихъ свойствамъ и заслугамъ довѣряется управленіе, что вовсе не можетъ быть отстранено, ни даже ослаблено какимъ бы то ни было преобразованіемъ, какою бы то ни было системою; наконецъ въ степени и кругѣ власти, имъ предоставляемой: послѣднія два обстоятельства вовсе не могутъ имѣть характеръ исключительности, ибо они всегда возможны, что, какъ я надѣюсь, не требуетъ особенныхъ доказательствъ.

Мы ничего не можемъ сказать противъ такихъ фактовъ, вызываемыхъ дѣйствительною необходимостью, то отдаленностью управляемаго изъ Петербурга края, то особенными обстоятельствами самой жизни, уваженивающими всякую мѣру для достиженія предположенныхъ результатовъ. Изъ пятнадцати предполагаемыхъ окружныхъ управленій смѣло можно расчитывать, что большая половина будетъ внѣ системы проектированнаго преобразованія, т. е. невыгоды, которыя приведены въ статьѣ г. Лаврентьева, всегда останутся; отстранить ихъ невозможно никакою систематичностью управленія.

Взглянемъ теперь на организацію и личный составъ военно-окружного управленія. Оно необходимо будетъ колосально въ своихъ размѣрахъ, хотя въ проектѣ, изложенномъ г. Лаврентьевымъ, исчисляется всего четыре отрасли его или отдѣла: по части по-

Digitized by Google

пашной, артилерійской, инженерной и интендантской или хозяйственной. Въ окружномъ управленіи должны быть сосредоточены управленія по всѣхъ существующимъ въ настоящее время округамъ. Въ строевую часть должны войти, кромѣ настоящихъ дежуретъ и части генеральнаго штаба, управленія: корпусъ внутренней стражи, резервной пѣхоты и кавалеріи (гдѣ она расположена), комендантскія; въ артилерійскую, кромѣ управленія дѣйствующей артилеріи, входящей въ составъ арміи: крѣпостная артилерія, гарнизонная, артилерійскіе арсеналы, техническія заведенія и проч.; тоже самое и въ инженерной части. Интендантскую часть должны составить два отдѣльныхъ управленія: провіантское и комиссаріатское. Кромѣ того сюда же примкнутъ или должны примкнуть военно-медицинское или врачебно-госпитальное управленіе и аудиторское со всѣми военно-судными комиссіями, арестантскими ротами, военными тюрьмами, военно-учебная часть и наконецъ счетная и контрольная части по всѣмъ изложеннымъ отдѣламъ. Поистинѣ это цѣлое министерство, какъ говоритъ самъ проектъ, и министерство не въ миньятюрѣ, а въ обыкновенныхъ размѣрахъ. Какія гарантіи, скажите на милость, что въ этихъ громадныхъ учрежденіяхъ, играющихъ итакъ роль второстепенныхъ, посредствующихъ центровъ, пойдутъ дѣла успѣшнѣе, чѣмъ въ петербургскомъ военномъ министерствѣ; въ чемъ секретъ, что неудобства, открытыя просвѣщеннымъ правительствомъ въ главномъ центральномъ управленіи подъ непосредственнымъ, наблюдательнымъ окомъ лицъ, стоящихъ во главѣ высшаго управленія, не пройдутъ во всей полнотѣ, если не въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, въ центры посредствующіе, въ размѣрахъ прямо пропорціональныхъ удаленію отъ столицы? Въ чемъ тайна, что упростится въ нихъ дѣлопроизводство, сократится переписка, оживится администрація? Мы не упоминаемъ объ удобствахъ министерства: объ этомъ мы будемъ говорить ниже. Итакъ съ этой стороны увеличеніе вообще размѣровъ организаціи и личнаго состава военнаго управленія вслѣдствіе введенія военно-окружныхъ управленій не подлежитъ сомнѣнію, и намъ приходится только сожалѣть, что въ статьѣ г. Лаврентьева мы не нашли никакихъ цьфръ для подтвержденія нашего предположенія, которое могутъ оптимисты обвинить въ бездоказательности, въ выводѣ, основанномъ на гадательныхъ данныхъ. Впередъ дѣлаемъ оговорку, что также, если не болѣе были бы гадательны выводы, противоположные нашимъ, которые имѣютъ за собою то преимущество, что построены на несовершенствахъ нашей настоящей военной организаціи, заявленныхъ самимъ проектомъ, но не отстраняемыхъ имъ и на причинахъ, вытекающихъ изъ самой ин-

Digitized by Google

ніи, отстранить которыя проектированное преобразованіе коснуться не можетъ.

Зато, какъ бы въ замѣнъ этого значительнаго расширенія организаціи и личнаго состава военнаго управленія по округамъ, подлежатъ упраздненію слѣдующія мѣста и учрежденія: 1) Штабъ первой арміи, какъ постоянное учрежденіе. 2) Всѣ корпусные штабы и управленія. 3) Штабы артилерійскихъ дѣйствующихъ и резервныхъ дивизій. 4) Артилерійскія окружныя управленія. 5) Инженерныя окружныя управленія. 6) Комисаріатскія управленія. 7) Провіантскія управленія. 8) Окружныя управленія корпуса внутренней стражи. 9) Комендантскія управленія. Что касается до штаба первой арміи, то упраздненіе его гадательно; въ такомъ или другомъ видѣ, въ цѣльномъ или раздробленномъ составѣ онъ можетъ существовать такое неопредѣленное время, что въ настоящую пору лучше, я полагаю, отложить всякія заключенія по этому предмету. Что касается до корпусныхъ штабовъ и комендантскихъ управленій, то многолѣтній опытъ давно уже указывалъ на безполезность этихъ учрежденій и расходовъ, которые отпускались на ихъ содержаніе казною. Упраздненіе корпусныхъ штабовъ могло давно осуществиться безъ особенныхъ затрудненій и при теперешней системѣ. Они и существовали-то у насъ по ошибкѣ или недоразумѣнію. Соединеніе дивизій въ корпуса было мѣрою временной, вызванной наполеоновскими походами и по окончаніи ихъ утратило всякое существенное значеніе, что́ ясно было доказано особенно послѣднею войною. Упраздненіе ихъ вполнѣ раціонально и причины, изложенныя проектомъ, очевидны. Что касается до упраздненія прочихъ управленій, то, сколько намъ кажется, слово упраздненіе здѣсь совершенно неумѣстно, ибо они въ полномъ составѣ должны войти въ военно-окружныя управленія. Мы не видимъ причинъ, чтобы они вошли не въ полномъ составѣ, но съ бо́льшею основательностью можемъ предположить, что организація и личный составъ всѣхъ этихъ управленій по имперіи должны увеличиться по слѣдующимъ двумъ обстоятельствамъ: вопервыхъ число управленій будетъ уменьшено, ибо къ каждому военно-окружному управленію будетъ присоединено по одному соотвѣтствующему имъ управленію, а число проектируемыхъ военно-окружныхъ управленій болѣе числа этихъ отдѣльныхъ теперь управленій; вовторыхъ кругъ власти и дѣятельности ихъ будетъ расширенъ, а это не можетъ повлечь за собою ограниченія организаціи и личнаго состава этихъ отраслей управленія. Соединить однородныя части въ одну (по артилерійскому, инженерному и интендантскому управленіямъ), не расширяя ея штатовъ, тоже будетъ затруднительно, ибо это значило бы обременить

Digitized by Google

малочисленныя учрежденія такимъ количествомъ дѣлъ, исполненіе которое добросовѣстно будетъ невозможно. Объясимся примѣромъ. Артиллерійское окружное управленіе имѣетъ въ настоящее время организацію и личный составъ въ такомъ размѣрѣ, какой необходимъ для успѣшнаго и безостановочнаго веденія дѣлъ; еслибы онъ былъ недостаточенъ, то дѣла не могли бы идти и остановились бы; онъ не можетъ быть и слишкомъ великъ, ибо существовалъ бы въ ущербъ казенному интересу и министерство этого не допустило бы. Тоже самое можно сказать и о штабахъ артиллерійскихъ дѣйствующихъ и резервныхъ дивизій. Соедините оба управленія въ одно, неизмѣняя системы дѣлопроизводства, — найдутся ли причины для ограниченія организаціи и личнаго состава обоихъ управленій, теперь соединенныхъ. Разумѣется, что при дальнѣйшей разработкѣ проекта, при составленіи новыхъ организацій и штатовъ можно будетъ сдѣлать кое-какія небольшія сокращенія, но при существованіи того же механизма и основаній дѣлопроизводства, есть много шансовъ предположить, что эти сокращенія будутъ временныя. По введеніи новыхъ штатовъ, слишкомъ ограниченныхъ, войдутъ съ представленіемъ объ ихъ расширеніи, на что нельзя будетъ несогласиться безъ ущерба для самаго дѣла, ибо доводы будутъ и законны и убѣдительны.

Такъ что главныя сокращенія, необходимо вытекающія изъ сущности проектированнаго преобразованія, должны касаться военнаго министерства и столичныхъ учрежденій. Къ сожалѣнію объ этомъ только вскользь упомянуто въ статьѣ г. Лаврентьева. Прежде всего необходимо должны быть значительно ограничены въ организаціи и въ личномъ составѣ департаменты военнаго министерства; сокращеніе здѣсь и по числу ихъ и по личному составу можетъ быть весьма серьозно, судя по тѣмъ результатамъ, которыхъ ожидаетъ преобразованіе военнаго управленія и учрежденія военно-окружныхъ управленій, съ широко-раздвинутою властью этихъ второстепенныхъ центровъ для облегченія дѣйствій военнаго министерства. Но кромѣ департаментовъ военнаго министерства у насъ существовало или существуетъ въ настоящее время еще нѣсколько другихъ центральныхъ учрежденій въ столицѣ. Такъ по управленію артиллерійскому, кромѣ артиллерійскаго департамента, существовалъ штабъ генералъ-фельдцейхмейстера; по инженерному управленію, кромѣ инженернаго департамента, штабъ генералъ-инспектора по инженерной части; штабъ военно-учебныхъ заведеній существуетъ еще штабъ начальника резервовъ армейской пѣхоты (хотя въ проектѣ говорится о возможности его упраздненія, но онъ не показанъ въ числѣ учрежденій подлежащихъ сокращенію); штабъ

Digitized by Google

начальника стрѣлковыхъ батальоновъ, и проч. Нѣкоторыя изъ этихъ учрежденій уже отмѣнены или присоединены къ министерству, но насколько ожидается вслѣдствіе этого сокращеній въ бюджетѣ еще неизвѣстно, и если мы не ошибаемся, сама практика должна въ скоромъ времени показать, что произведенныя сокращенія или имѣющіяся въ виду не могутъ соотвѣтствовать увеличенію размѣровъ организаціи и личнаго состава вообще всего военнаго управленія во имперіи вслѣдствіе учрежденія военно-окружныхъ управленій и мы рѣшительно не можемъ не задуматься, будутъ ли результаты преобразованія соотвѣтствовать тѣмъ благороднымъ и великодушнымъ ожиданіямъ, которыя они возбуждаютъ. Насъ могутъ обвинить въ пессимизмѣ,—мы не вступимъ въ объясненіе по этому поводу; смѣемъ только увѣрить, что нашъ пессимизмъ нисколько не преднамѣренный и ничего мы болѣе не желаемъ, какъ чтобы намъ цыфрами доказали противное. Мы твердо убѣждены въ трудности той задачи, которую приняло на себя военное министерство, и желаемъ ему полнаго успѣха въ достиженіи цѣлей, благородныхъ и честныхъ, но въ достижимость ихъ разбираемымъ путемъ, должно сознаться, à priori мы мало вѣримъ. Намъ кажется, что по поводу различныхъ сокращеній, которыя столь необходимы, для приведенія въ исполненіе преобразованія, оно можетъ натолкнуться на препятствія непреодолимыя.

Не забудемъ также, что военно-окружныя управленія не рѣшаютъ, да и не могутъ рѣшать по существу своему значительное число вопросовъ спеціальныхъ, техническихъ, которые будутъ возбуждаться по отдѣльнымъ отраслямъ, тѣмъ не менѣе входящимъ въ составъ окружныхъ управленій; по вопросамъ такого рода переписка отдѣльныхъ отраслей будетъ производиться прямо съ военнымъ министерствомъ и съ центральными столичными учрежденіями, а это, по предположенію весьма вѣроятному, поведетъ къ большему и большему выдѣленію ихъ изъ военно-окружныхъ управленій. Въ самой запискѣ г. Лаврентьева говорится, что ихъ останется немного и что они составятъ особыя спеціальныя управленія, общія для всей имперіи, но въ связи съ окружными управленіями. Положимъ ихъ дѣйствительно будетъ немного, особенно на первое время, но мы вполнѣ увѣрены, что за самостоятельность ихъ и за значеніе, и за объемъ постоятъ главныя спеціальныя, центральныя управленія. Они будутъ въ связи съ военно-окружными управленіями, стало-быть поводовъ къ перепискѣ ихъ съ министерствомъ и упомянутыми центральными управленіями будетъ еще болѣе. Существующія нынѣ, но не соединенныя въ одномъ центрѣ паралельныя инстанціи, органы, учрежденія по всѣмъ отраслямъ воен-

Digitized by Google

наго управленія неотстраненны и, какъ мы сказали, отстраненны быть не могутъ. Нарушить права ихъ, существенныя или основанныя на угодливости тому или другому авторитету, по всему строю нашей администраціи и жизни, невозможно. Вотъ и начнется опять, какъ говоритъ г. Станевичъ, испрашиваніе разрѣшенія поступить по закону, увѣдомленіе о томъ, что поступлено по закону, опасеніе принять что-либо на свою отвѣтственность, когда явится вѣроятность навлечь на себя немилость лица или власти, отъ расположенія которыхъ зависятъ выгоды, представляемыя службой и т. д., однимъ словомъ все что при существующей организаціи и системѣ служитъ неизсякаемымъ источникомъ безконечной переписки и страшнымъ бременемъ для министерства, которое въ свою очередь само ощущаетъ неудобства, такъ какъ въ нерѣдкихъ случаяхъ примѣненіе самаго яснаго, положительнаго закона требуетъ съ его стороны столько же обрядности, какъ и самое установленіе новаго закона.

Въ слѣдующей статьѣ мы перейдемъ ко второй половинѣ этого вопроса — къ сокращенію расходовъ и къ облегченію бюджета.

Н. ВИЩКОВЪ

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПРЕСТУПЛЕНІЯ И НАКАЗАНІЯ

(ЭСКИЗЫ ИЗЪ ИСТОРІИ УГОЛОВНАГО ПРАВА)

Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes, étude historique par M. Jules Loiseleur. Paris 1863.
English convicts. The Westminster Review 1863. January.
Causes célèbres.
Système Pénitentiaire par Gustave de Beaumont et A. de Tocqueville.
Dei delitti et delle pene, per Beccaria.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

I

Вопросы о преобразованіи уголовнаго законодательства и тюремной системы выступили на первое мѣсто со второй половины XVIII вѣка. Съ тѣхъ поръ они съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе обращаютъ на себя вниманіе публицистовъ и государственныхъ людей. Отъ удачнаго рѣшенія ихъ зависитъ улучшеніе народной нравственности, расширеніе образованія и возможность новаго общественнаго устройства на болѣе прочныхъ основаніяхъ.

Вотъ нѣсколько книгъ, изъ которыхъ однѣ новыя, другія вновь изданы: всѣ онѣ трактуютъ объ этомъ вопросѣ или близки къ нему. Попытаемся познакомить съ ними читателя.

Разсматривая теорію уголовнаго права исторически, мы встрѣчаемъ на первомъ мѣстѣ право возмездія: оскорбленный, слѣдова-

Digitized by Google

тель, судья и исполнитель сливаются въ одномъ лицѣ; мѣра наказанія зависитъ отъ его произвола. Это эпоха торжества личной необузданной силы и грубыхъ страстей. Тѣсныя отношенія между членами семейства въ бытѣ патріархальномъ заставляютъ ихъ мстить другъ за друга; въ то же время выдѣляется личность старшаго въ родѣ какъ судьи между своими; уголовное право совершенствуется; видны стремленія опредѣлить пропорціональность между преступленіемъ и наказаніемъ; допускается мировая сдѣлка, пеня... Далѣе, по мѣрѣ перехода общества въ государство, являются законы-обычаи и законы писанные; идея личнаго удовлетворенія соединяется съ идеей искупленія, умилостивленія боговъ; преслѣдованіе личное и родовое смѣняется государственнымъ; судопроизводство становится достояніемъ касты; система предупрежденія преступленій посредствомъ устрашенія распространяется; только немногіе и то не болѣе ста лѣтъ назадъ начинаютъ подымать голосъ за систему перевоспитанія.

Первые законы естественно вытекли изъ обычаевъ; первые обычаи возникли подъ непосредственнымъ вліяніемъ явленій природы; грозныя силы ея давили неразвитый умъ перваго человѣка, рождали въ немъ чувства покорности и страха; въ свою очередь и онъ думалъ произвесть тѣже слѣдствія, устрашая менѣе сильныхъ. Вообще чѣмъ необразованнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ болѣе способенъ преклоняться передъ силой во всѣхъ ея проявленіяхъ. Но рядомъ съ закономъ сильнѣйшаго возникаетъ законъ хитрѣйшаго, законъ жреца. Онъ представитель божества, а первобытное божество грозно и неумолимо; оно требуетъ жертвъ и крови. Оба закона сходны въ главныхъ чертахъ своихъ: они основаны на жестокости; общество еще не научилось цѣнить жизнь своихъ членовъ; оно не достигло даже идеи равенства передъ закономъ — касты мѣшали этому (1).

Всѣ первобытные писанные законы основаны на возмездіи, на преобладаніи теократіи и кастоваго быта, на поддержаніи общества въ неподвижномъ состояніи и сохраненіи семейственнаго деспотизма: вездѣ законъ преимущественно тяготѣетъ на рабахъ (2).

Оставляя въ сторонѣ восточныя законодательства, коснемся только еврейскаго, потомучто на основаніи его изложены многіе вопросы европейскаго уголовнаго права.

Надо замѣтить, что въ еврейскихъ законахъ видны два элемен-

---

(1) Bucle; Dupuis; Monnhardt. Die Götterwelt der deutschen und nordischen Völker.

(2) Bucle. Wallon, hist. de l'escl.

Digitized by Google

та: бытовой — народный и египетскій — жреческій. Законы Моисея стараются охранить слабаго и защитить раба (¹). Его законы не допускали никакого различія между богатымъ и бѣднымъ; виновный отвѣчалъ самъ за себя, не подвергая отвѣтственности родныхъ; пытка не употреблялась; смертная казнь состояла въ удавливаніи, побиваніи камнями, сожженіи и отсѣченіи головы; прочія казни, какъ-то: раздавливаніе преступниковъ подъ колесницами, распиливаніе и т. п. — происхожденія сирійскаго и персидскаго. Для уменьшенія кровомщенія Моисей назначилъ шесть городовъ, которые пользовались правомъ убѣжища. Если убійство было совершено неумышленно — левиты защищали виновнаго; въ противномъ же случаѣ выдавали его родственникамъ жертвы.

Судъ у евреевъ былъ трехъ инстанцій: первая — обыкновенный судъ изъ трехъ членовъ завѣдывалъ частными дѣлами, воровствомъ и мелкими проступками; вторая — совѣтъ старѣйшинъ отъ городовъ судилъ преступленія уголовныя; третья — верховный народный совѣтъ, находившійся въ Іерусалимѣ, представлялъ высшее судебное и законодательное мѣсто. Судьи обыкновенно засѣдали у городскихъ воротъ; вокругъ стояли ученики и *сотерилы*, вооруженные бичами и палками. Между преніями и произнесеніемъ приговора проходили сутки, въ которыя судьи должны были поститься, а главное не употреблять вина. По произнесеніи приговора, преступника вели на мѣсто казни, которое обыкновенно было за городомъ; впереди его шли двое изъ судей и глашатай, который возвѣщалъ народу нетолько имя обвиненнаго и его преступленіе, но также имена обвинителя и свидѣтелей. По прибытіи на мѣсто казни преступника поили смѣсью изъ вина и мирры, для уменьшенія чувствительности, и затѣмъ предавали его роднымъ убитаго. Въ случаѣ же идолопоклонства, богохуленія и т. п. преступленій виновный побивался камнями. Свидѣтели бросали первые.

Въ греческомъ мірѣ также преобладаетъ идея возмездія. Самая религія требовала мщенія; оно тѣсно соединено съ культомъ мертвымъ и уваженіемъ къ живымъ. Аполлонъ приказываетъ Оресту для успокоенія тѣни Агамемнона умертвить Клитемнестру; тѣни Патрокла и Ахилла требуютъ умилостивительныхъ жертвъ. Боги и люди проповѣдуютъ месть; убійцѣ одно средство спасенія — бѣг-

(¹) Господинъ, убившій раба, наказывался смертью. Рабъ, изувѣченный господиномъ, получалъ свободу. Еврей, продавшій себя въ рабство, получалъ свободу на седьмой годъ, а также и въ юбилярный, хотя бы онъ пришолся ранѣе (Исх. XX и XXI. Второзак. XV. Лев. XXV.). Кастрированіе и продажа свободныхъ людей запрещались подъ страхомъ строгихъ наказаній (Паралипом. XXVIII; Второзак. XX.).

Digitized by Google

ство. Впослѣдствіи времени нѣкоторые очистительные обряды позволяли преступнику возвратиться на родину: онъ входилъ въ соглашеніе съ родными убитаго, платилъ имъ извѣстную пеню и съ этихъ поръ становился совершенно безопаснымъ.

Изъ дошедшихъ до насъ литературныхъ памятниковъ о героической эпохѣ видно, что законъ око за око, зубъ за зубъ господствовалъ. Тезей казнитъ разбойниковъ той же смертью, какой они губили прохожихъ. Гомеръ упоминаетъ объ обычаѣ побивать камнями за нарушеніе супружеской вѣрности; Еврипидъ говоритъ о той же казни за убійство. Что касается до жестокостей, совершонныхъ Улиссомъ надъ своими рабынями и Мелантіемъ, то очевидно это вспышка необузданнаго гнѣва; это доказательство, что жизнь раба вполнѣ зависѣла отъ произвола господина (¹).

Во время Солона было въ Аттикѣ пять судилищъ; высшимъ считался ареопагъ; онъ судилъ преднамѣренное убійство, отравленіе, пожары, покушенія противъ государства и оскорбленіе религіи; другіе суды завѣдывали преступленіями исключительными: такъ эпипританеумъ разсматривалъ несчастія, происшедшія отъ животныхъ и предметовъ неодушевленныхъ.

Обвинительная система служила основаніемъ судопроизводства. Только родственники убитаго до четвертой степени могли быть обвинителями: имъ было позволено помириться съ виновнымъ, когда вздумается. Процесъ открывался жертвоприношеніемъ богамъ; истецъ и отвѣтчикъ клялись, стоя у трепещущей въ предсмертныхъ содроганіяхъ жертвы, сказать сущую правду, призывая въ свидѣтели Евменидъ. Затѣмъ начинался допросъ. Двѣ рѣчи были позволены обвиняемому и его адвокату; первый могъ не дожидаясь послѣдней рѣчи скрыться, т.-е. добровольно осудить себя на изгнаніе. Свидѣтельство только гражданъ имѣло силу; свидѣтельство чужеземцевъ принималось къ свѣдѣнію; показанія же рабовъ ничего не значили безъ пытки. Нетолько палачи, но и сами тяжущіеся могли пытать ихъ. Ни полъ, ни возрастъ не избавляли отъ муки, и это было тѣмъ безнравственнѣе, что сами адвокаты не вѣрили въ истину показаній, добытыхъ терзаніями. «Пытка, говоритъ Аристотель въ своей риторикѣ, есть одинъ изъ видовъ доказательства: она внушаетъ довѣренность, потомучто кажется вынужденной... Если она благопріятна намъ, надо доказывать, что это единственный достовѣрный родъ свидѣтельствъ; если же она неблагопріятна, слѣдуетъ доказывать, что она порождаетъ столько

(¹) Біогр. Тезея, Плутарха; Гомеръ. Ил. III; Евр. Орестъ; Одис. XXII.

Digitized by Google

же лжи, сколько истины... Въ томъ и другомъ случаѣ можно сослаться на примѣры, извѣстные судьямъ.»

Но хотя свободные граждане и не подвергались пыткѣ, но были случаи, когда народъ въ безумной ярости нарушалъ этотъ законъ (¹).

Трибуналъ одинадцати завѣдывалъ тюрьмами; на немъ же лежали всѣ распоряженія для приведенія смертныхъ приговоровъ въ исполненіе. Обыкновенно употребляли для этого ядъ, мечъ и веревку. Метековъ и рабовъ бросали въ пропасть, стѣны которой были покрыты ножами и остріями. Нечестивцевъ осуждали на голодную смерть за столомъ, уставленнымъ кушаньями. Въ Спартѣ гражданъ удавливали, лаконцевъ и илотовъ бросали въ пропасть.

До изданія законовъ двѣнадцати таблицъ Римъ представляетъ нѣсколько примѣровъ ужасныхъ казней, но казни эти являются скорѣе слѣдствіемъ произвола, чѣмъ установившагося обычая; такъ Мецій Суффецій былъ разорванъ двумя колесницами. «Это былъ первый и послѣдній примѣръ казни, гдѣ Римъ забылъ законы человѣколюбія,» восклицаетъ Титъ Ливій. Слова далеко неоправдываемыя послѣдствіями.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ эти отдаленныя времена наказанія были различны для патриціевъ и для плебеевъ. Глава семейства, патронъ, квиритъ — непогрѣшимъ въ отношеніи своей жены, дѣтей, кліентовъ. Патрицій могъ быть виновнымъ только передъ патриціемъ; если же онъ оскорблялъ низшихъ — дѣло оканчивалось замѣчаніемъ сенаторовъ, что онъ поступаетъ дурно. Обыкновенно патриція, виновнаго въ злоумышленіи противъ республики, сѣкли и потомъ обезглавливали. Висѣлица была назначена для плебеевъ.

Правило око за око, зубъ за зубъ, имѣетъ широкое примѣненіе въ законахъ двѣнадцати таблицъ; возможность мировой сдѣлки сохранена; но зато всѣ наказанія отличаются неимовѣрной жестокостью; за поджогъ назначены бичеваніе и сожженіе; за убійство — бичеваніе и повѣшеніе; за ложное свидѣтельство — бичеваніе и сверженіе съ тарпейской скалы; за пасквиль — сѣченіе до смерти. Эта строгость отражается и въ законодательствѣ о должникахъ. Должникъ и его семейство принадлежатъ заимодавцу. Онъ можетъ ихъ содержать въ тюрьмѣ (всякій патрицій имѣлъ въ домѣ тюрьму), по произнесеніи приговора, въ теченіи шестидесяти дней, въ цѣпяхъ впрочемъ не свыше пятнадцати фунтовъ. По истеченіи срока заимодавецъ имѣлъ право умертвить неисправнаго должника или продать его.

(¹) Плутархъ. Жизнь Фокіона.

Digitized by Google

Въ семейномъ отношеніи эти законы поддерживаютъ отеческій деспотизмъ. Отецъ можетъ умертвить ребенка при самомъ рожденіи; онъ пользуется этимъ правомъ всегда, хотя бы сынъ его занималъ важную должность въ республикѣ. Но если онъ три раза продалъ его въ рабство — сынъ дѣлается свободенъ. Жена составляетъ собственность мужа: онъ можетъ продать, а въ случаѣ нарушенія супружеской вѣрности убить ее, если поймаетъ на мѣстѣ преступленія. Въ противномъ случаѣ она судится въ присутствіи своихъ родныхъ. Тѣже правила наблюдались, если женщина напивалась до-пьяна. Самое страшное наказаніе было сохранено для отцеубійцъ: ихъ зашивали въ мѣшокъ вмѣстѣ съ собакой, обезьяной, пѣтухомъ и змѣей и бросали въ Тибръ.

Впослѣдствіи времени казни умножились. Эластичность обвиненія въ оскорбленіи величества давала поводъ къ неслыханнымъ злоупотребленіямъ. Удавливаніе, убіеніе мечемъ, отравленіе, вскрытіе жилъ, осужденіе на бой съ звѣрями и гладіаторами — встрѣчаются поминутно со временъ Тиверія. Осужденія на работы въ рудникахъ не менѣе часты. Военые законы отличаются непомѣрной строгостью. Въ арміи начальники пользовались неограниченнымъ произволомъ. Въ случаѣ нарушенія дисциплины или бѣгства легіона они могли десятаго предать смерти. Виновныхъ выводили изъ лагеря, привязывали къ висѣлицѣ, били прутьями и отрубали голову сѣкирой. Другой родъ назазанія состоялъ въ томъ, что солдаты засѣкали ихъ палками (¹).

Но всѣ эти жестокости ничего не значили въ сравненіи съ тѣми мученіями, которымъ подвергались христіане и рабы. Послѣдніе во все время республики и имперіи до Антониновъ не были обезпечены никакимъ закономъ отъ капризовъ своихъ господъ.

«Всякій проступокъ былъ поводомъ къ наказанію. Не было нужды даже въ поводѣ. Этотъ бьетъ своихъ рабовъ, когда вздумается, изъ опасенія, что будетъ ему недосугъ, когда они дѣйствительно того заслужатъ; тотъ велитъ ихъ сѣчь всякій день, чтобъ они не забыли, что они рабы. Катонъ послѣ обѣда собственноручно наказывалъ тѣхъ изъ слугъ, которые провинились во время стола. Ювеналъ, рисуя портретъ надменной женщины, говоритъ, что она приказала распять раба по капризу, безъ всякой вины, и на робкія замѣчанія мужа отвѣчала съ ироніей и удивленіемъ: «О сумашедшій, развѣ рабъ человѣкъ?» Нѣкоторыя патриціанки нанимали палачей на цѣлый годъ и развлекались во время длиннаго туалета зрѣлищемъ сѣченія невольницъ. Ферулы разлетались въ куски, плети и бичи обагрялись кровью, въ то

(¹) Polybe. Wallon.

Digitized by Google

время какъ лѣнивая матрона приказывала раскрашивать себѣ лицо, болтала съ подругами, разсматривала узоры новаго платья или пробѣгала длинные столбцы ежедневной газеты. Золотой иголкой колола она въ руку или грудь тѣхъ изъ рабынь, которыхъ неловкость ее раздражала, которыя не могли закрасить на ея изнеженной физіономіи слѣдовъ, произведенныхъ оргіями и временемъ.

«Рабу было запрещено подъ страхомъ самыхъ жестокихъ побоевъ говорить передъ своимъ господиномъ, шумѣть, громко дышать, почти думать... «Мы презираемъ, говоритъ Леонидъ Плавта въ Авинаріи, хлысты, раскаленныя полосы, крестъ, цѣпи, оковы, ошейники (compedes, nervos, numellae, pedicas, boias) (¹) и этихъ сильныхъ палачей, такъ хорошо знакомыхъ съ нашей спиной, мастеровъ покрывать наши плечи рубцами.»

Но и эти показанія не полны. Леонидъ не говоритъ ничего ни о вилахъ, ни о клейменіи.

«Вилы (la fourche) восходятъ къ самой далекой древности... Въ сущности это былъ крестъ, назначенный замедлять походку виновнаго. Онъ тащилъ его за собой или носилъ впереди себя діагонально, смотря по тому, проходила ли верхняя перекладина подъ подбородкомъ или поддерживала голову сзади. Въ обоихъ случаяхъ руки его были привязаны къ ея оконечностямъ; ярлыкъ, прилѣпленный на груди, показывалъ вину преступника, который сверхъ того былъ иногда принужденъ каяться въ ней всенародно. Въ такомъ положеніи, голый по поясъ, онъ проходилъ по городу въ сопровожденіи восьми рабовъ, которые стегали его розгами, подъ надзоромъ *лораріа* (главнаго экзекутора).

«Клейменіе было занесено изъ Греціи. Его производили раскаленнымъ желѣзомъ на лбу виновнаго... Бѣглые рабы, въ случаѣ поимки, подвергались этому наказанію, но господа ихъ этимъ не довольствовались: они изувѣчивали ихъ или принуждали сражаться со звѣрями... Константинъ считалъ себя милосерднымъ, когда бѣгство раба къ варварамъ положилъ наказывать отрубленіемъ ноги.

«Бичъ, розги, цѣпи и машины всѣхъ сортовъ до такой степени вошли въ обычай, что даже наказанные говорили о нихъ съ равнодушнымъ цинизмомъ. Но что сказать о тѣхъ утонченныхъ жестокостяхъ, о тѣхъ мукахъ, которыя изобрѣло личное варварство гос-

---

(¹) Compedes — цѣпи, охватывавшія поясъ и прикрѣпленныя къ каждой ногѣ. Многіе рабы носили ихъ даже при работѣ. Nervi — машины для сковыванія. Онѣ имѣли въ серединѣ отверстія, въ которыя входили ноги виновнаго и привязывались ремнями. Numellæ — машины для приданія рабу неподвижности въ то время, когда его наказываютъ. Для этого раба поднимаютъ къ перекладинѣ посредствомъ веревокъ, проходящихъ подъ мышками; на ногахъ у него была привязана тяжесть до $2^1/_2$ пудовъ; плеть состояла изъ нѣсколькихъ ремней съ узлами или заплетенными свинцовыми шариками.

Digitized by Google

подъ? Воображеніе отступаетъ, устрашонное этими оргіями римской свирѣпости... Немногое что мы знаемъ, сохранилось въ законахъ, воспрещающихъ эти ужасныя злоупотребленія силы.

«Указы Нервы и Траяна запрещаютъ кастрированіе рабовъ; указъ Адріана запрещаетъ дѣлать ихъ thlibiès... (1)

«Обыкновенный способъ казни рабовъ — распинаніе на полѣ Сестерціумъ. Оно было за городомъ и представляло родъ лѣса: такъ кресты на немъ были многочисленны. Ужасный запахъ отдѣлялся отъ этой бойни, поверхъ которой безпрестанно проносились черныя тучи хищныхъ птицъ. Тамъ и здѣсь, съ этихъ крестовъ, покрытыхъ окровавленными членами, раздавались крики, которые не имѣли въ себѣ ничего человѣческаго, въ которыхъ слышались звуки ненависти и проклятія, которые призывали небо въ свидѣтели людской несправедливости, хотѣвшей нетолько смерти раба, но и его мученій; хотѣвшей, чтобъ онъ страдалъ, умирая отъ голода, чтобъ живой служилъ пищей воронамъ горы еквилинской. .

«Самые незначительные проступки служили предлогомъ къ ужаснѣйшимъ казнямъ. Одинъ приказалъ убить раба зато, что онъ прокололъ кабана копьемъ — оружіемъ запрещоннымъ для невольниковъ. Другой бросалъ ихъ живыхъ на съѣденіе муренамъ за разбитую посуду.. Самый Августъ распялъ раба на мачтѣ корабля зато, что онъ съѣлъ у него перепелку... Всѣ рабы, которые находились въ домѣ умерщвленнаго гражданина, подвергались пыткѣ и смертной казни безъ различія правыхъ отъ виновныхъ. . При Неронѣ, Пердоній Секундусъ, римскій префектъ, былъ убитъ изъ ревности однимъ изъ своихъ рабовъ; четыреста товарищей виновнаго заплатили за это преступленіе жизнію (2).

Пытка была естественнымъ слѣдствіемъ такого понятія о правѣ господина. Плебей всегда могъ избѣгнуть ее, если только не было обвиненій въ оскорбленіи величества, черезъ ходатайство какого-нибудь богатаго или знатнаго патрона; но для раба не было спасенія: его пытали какъ подозрѣваемаго, какъ свидѣтеля, какъ подставного за своего господина. Обыкновеннымъ орудіемъ пытки былъ станокъ особеннаго устройства (chevalet). Виновнаго привязывали за руки и за ноги и потомъ посредствомъ винтовъ раздвигали станокъ: члены вытягивались и вывихивались, связки разрывались; для увеличенія боли царапали тѣло желѣзными когтями или прикладывали раскаленныя полосы...

Со введеніемъ христіанства участь рабовъ нѣсколько улучшилась: главныя преслѣдованія были направлены противъ идолопоклонниковъ и еретиковъ. Борьба каноническаго права съ римскимъ

---

(1) Особый родъ кастрированія.

(2) Loiseleur.

Digitized by Google

видна на каждомъ шагу. Осквернители брака подвергаются смертной казни (Константинъ). Рабъ, имѣвшій преступныя сношенія съ госпожой, сжигается живой, сообщницѣ его отрубаютъ голову, дѣти исключаются отъ наслѣдства (Ѳеодосій). Преступленія противъ природы наказываются костромъ, также какъ и кровосмѣшеніе (Валентиніанъ). Похититель дѣвицы или вдовы, хотя-бы съ ея согласія, подлежитъ сожженію или растерзанію дикими звѣрями; кормилицамъ и рабынямъ, содѣйствовавшимъ преступленію, заливали горло растопленнымъ свинцомъ (Константинъ). Фальшивыхъ монетчиковъ сжигали; лжесвидѣтелямъ отрѣзывали языкъ (Ѳеодосій). Манихеизмъ (¹) считался государственнымъ преступленіемъ: кто зналъ о манихеѣ и не доносилъ, подвергался смертной казни (Ѳеодосій и Валентиніанъ). Съ другой стороны эта эпоха изобилуетъ законами для покровительства дѣтей, для отвращенія дѣтоубійства. Константинъ предписываетъ выставить въ церквахъ ясли для подкидышей; онъ приказываетъ выдавать одежду и пищу для родителей слишкомъ бѣдныхъ, чтобъ прокормить дѣтей; онъ позволяетъ тѣмъ, кто приметъ подкидышей, обращать ихъ въ свою собственность, дѣлать ихъ рабами. Валентиніанъ смотритъ на умышленный выкидышъ какъ на смертоубійство...

Нашествіе варваровъ внесло новые элементы въ римское законодательство. Ихъ обычаи, ихъ законы, столкнувшись съ каноническимъ и римскимъ правомъ, послужили основаніемъ тому запутанному судопроизводству, которое возникло въ средніе вѣка.

Преступленія у варваровъ судились собраніемъ всѣхъ свободныхъ людей округа.

Никто не могъ быть осужденъ безъ ясной улики. Измѣнниковъ и перебѣжчиковъ вѣшали на деревьяхъ, трусовъ бросали въ болото. Оскорбленія частныхъ лицъ общество не преслѣдовало: они сами должны были заботиться объ удовлетвореніи себя. За каждый проступокъ была положена пеня; судъ опредѣлялъ только сумму. Доказательствами служили: показанія свидѣтелей, ордаліи или божіи суды. Самыя обыкновенныя испытанія были огнемъ и водою. Обвиняемый долженъ былъ опустить руку въ сосудъ съ кипяткомъ и вынуть со дна какой либо положенный туда предметъ, или взять въ руку раскаленное желѣзо или пройти опредѣленное число разъ по раскаленнымъ полосамъ. Затѣмъ раны обвязывались полотномъ, къ которому прикладывалась печать; если черезъ три дня не оста-

(¹) Манихеи еретики III вѣка. Они признавали двойственность принциповъ и вслѣдствіе того двѣ души въ человѣкѣ, отвергали свободную волю, крещеніе и считали всѣ религіи равными. (См. о нихъ. Церк. ист. Инокентія).

Digitized by Google

валось слѣдовъ отъ обжога — это было признакомъ невинности. Сверхъ того существовалъ обычай доказывать свою правоту поединкомъ.

Вообще всѣ узаконенія варваровъ основаны на принципѣ частнаго мщенія и на выкупѣ. Наказанія не строги; смертная казнь назначается въ рѣдкихъ случаяхъ. Исключеніе представляютъ законы бургундовъ и визиготовъ. Въ первомъ видно галло-римское вліяніе; во второмъ — вліяніе духовенства. «Кто убьетъ человѣка свободнаго или раба короля, долженъ отвѣчать своей кровью, говоритъ бургундскій законодатель. Если рабъ съ вѣдома господина убьетъ свободно-рожденнаго, то какъ онъ, такъ и господинъ подвергаются смертной казни. Если кто украдетъ охотничьяго ястреба, долженъ заплатить 6 су или дать ястребу выклевать у себя 6 унцій мяса.

Законы визиготовъ допускаютъ возмездіе только въ маловажныхъ случаяхъ: убійство наказывается мечемъ или висѣлицей, за менѣе важныя преступленія рубили руки, носы, уши, выкалывали глаза; отъ тѣлеснаго наказанія не освобождались даже люди свободные; оно часто сопровождалось сдираніемъ кожи съ головы. За преступленія противъ нравовъ назначены строгія наказанія; цѣлая XII книга наполнена предписаніями противъ евреевъ и еретиковъ.

Произволъ королей еще болѣе увеличивалъ строгость наказаній. Когда Григорій Турскій оправдался отъ обвиненій графа Левдаста, клеркъ Рикульфъ, оклеветавшій епископа, былъ осужденъ на смерть. Съ большими усиліями успѣлъ Григорій выпросить ему жизнь, но не могъ избавить его отъ мученій.

«Я никакъ не думалъ, говоритъ онъ, чтобъ какая-нибудь бездушная вещь, какой нибудь камень могли противостоять столькимъ ударамъ, сколько перенесъ этотъ жалкій бѣднякъ. Въ третьемъ часу его повѣсили на дерево за руки, связанныя сзади спины; въ девятомъ часу его сняли, растянули на колесо и стали бить палками, розгами, ремнями скрученными вдвое, и не одинъ, не два человѣка били его, но всякій, кто могъ приблизиться къ его несчастнымъ членамъ, становился палачомъ (¹)...

Другіе примѣры представляютъ: 1) процесъ Муммола. Этотъ знаменитый полководецъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ, подвергся такой же пыткѣ какъ и Рикульфъ по одному подозрѣнію въ колдовствѣ. 2) Геленъ, сообщникъ Меровея, былъ взятъ въ плѣнъ: ему отрубили руки, ноги, уши, оконечность носа, и послѣ многихъ другихъ мученій безчеловѣчно убили. 3) Во время усмиренія возмущенія

(¹) Григ. Турск. кн. V, 50. Авг. Тьерри. Разсказы о временѣ Меровинговъ.

Digitized by Google

при Хильперикѣ по случаю увеличенія податей въ числѣ казненныхъ находились нѣкоторые аббаты. (1)

Законодательство Карла великаго отличается слѣпой вѣрой въ ордаліи. Клятвопреступнику отрубаютъ руку; за первое воровство выкалываютъ глазъ, за второе рубятъ носъ, за третье казнятъ смертью. Неравенство передъ закономъ поддерживается: высшее сословіе подлежитъ королевскому суду; большей частью дворяне приговариваются къ тюрьмѣ или изгнанію; за тѣже преступленія простолюдиновъ ожидаетъ висѣлица.

Эпоха феодальной неурядицы отличается совершеннымъ неповиновеніемъ законамъ. Всякій баронъ судитъ въ своемъ имѣніи какъ вздумается. Хотя только сеньеріи, пользовавшіяся правомъ регалій, могли приговаривать къ смерти безъ апеляцій, однако въ сущности этимъ ограниченіемъ никто изъ сильныхъ сеньоровъ не стѣснялся...

Въ своемъ стремленіи къ единству и порядку, короли довели правосудіе до крайнихъ предѣловъ жестокости. Юриспруденція сдѣлалась въ ихъ рукахъ средствомъ къ освобожденію отъ опасныхъ непріятелей, къ обогащенію казны, къ удовлетворенію личной ненависти.

Въ прошедшей статьѣ (Колдунья) мы видѣли причины учрежденія инквизиціи. Преобладаніе каноническаго права въ университетѣ сообщило и свѣтскому правосудію характеръ схоластики и поклоненія мертвой буквѣ закона.

Постановленія Людовика IX, несмотря на одинаковость наказаній для всѣхъ, отличаются варварствомъ. Идея соразмѣрности между преступленіемъ и наказаніемъ еще не проникла въ умы законодателей. Измѣна, насилованіе, похищеніе, зажигательсто, убійство посредствомъ засады и съ умысломъ, или нечаянно и въ горячахъ, причиненіе выкидыша беременной, разбойничество и домашнее воровство наказываются висѣлицей. Жоны разбойниковъ, пособлявшія имъ совершать преступленія, сожигались. Укрывательницы воровъ и краденыхъ вещей зарывались въ землю живыя. Преступленіе противъ природы (bougrerie), ересь, колдовство — наказывались костромъ.

Со временъ Людовика IX строгость законовъ нетолько не уменьшается, но даже увеличивается, съ тою только разницей, что аристократія мало-помалу создаетъ себѣ особыя привилегіи и освобождается отъ общихъ законовъ.

Чтобъ не надоѣдать читателямъ повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же

(1) Григ. турск. кн. VI и V.

Digitized by Google

подробностей постараемся представить въ ряду процесовъ картину уголовнаго законодательства Франціи.

II

Дѣйствіе происходитъ при Филиппѣ красивомъ.

«Постоянная нужда, постоянная праздность — вотъ все его царствованіе. Вся его исторія сводится къ конфискаціи. Негоціанты свои и чужеземные, итальянцы и евреи, дѣлаются предметами его преслѣдованія: онъ выгоняетъ ихъ, конфискуя ихъ имущество; за тѣмъ онъ обираетъ у буржуазіи и мелкихъ дворянъ серебряную посуду и начинаетъ чеканить фальшивую монету.» (¹)

Безпрестанныя возстанія и ропотъ народа наложили мрачный оттѣнокъ на расположеніе короля. Онъ часто страдалъ безсонницей, не зная какъ вывернуться изъ своего отчаяннаго положенія. Однажды рано утромъ разсѣвшись передъ окномъ, онъ внимательнѣе обыкновеннаго взглянулъ на берегъ. На берегу лежалъ трупъ; около него стояли капитанъ королевской гвардіи Готье д'Онэ (Aunoi) и братъ его Филипъ; они старались что-то вырвать изъ окоченѣлыхъ рукъ мертвеца. Странная мысль мелькнула въ головѣ короля. Уже давно ходили слухи, что Сена всякое утро выбрасывала трупы молодыхъ красивыхъ людей, поражонныхъ въ сердце кинжаломъ. Голосъ народа обвинялъ въ этомъ невѣстокъ короля: Маргариту, Бланку и Жанну. Всѣ старанія полиціи открыть виновныхъ оставались напрасны. Филипу показалось, что онъ напалъ на слѣдъ убійцъ и онъ немедленно приказалъ братьямъ д'Онэ явиться къ нему. Они съ трепетомъ повиновались.

— Кажется вы сегодня сдѣлали довольно несчастную встрѣчу? спросилъ ихъ король.

— Вы не ошиблись, государь, отвѣчалъ Готье: — жалко видѣть такого молодого человѣка, убитаго столь подлымъ образомъ.

— Да, мы хотимъ разъяснить это дѣло и потому позвали васъ; я знаю — вы хорошіе совѣтники... не нашли ли вы какихъ-либо признаковъ, которые могли бы навести на слѣды преступленія?

Рыцари поблѣднѣли подъ испытующимъ взглядомъ короля и Готье послѣ нѣкотораго колебанія подалъ ему таблетки, вырванныя изъ рукъ трупа; на нихъ остріемъ булавки было написано: «я убитъ Жанной бургонской, послѣ ночи съ нею въ башнѣ Нель.» Король

(¹) Michelet, hist. de France.

Digitized by Google

содрогнулся, лицо исказилось, въ глазахъ сверкнула страшная молнія.

— Клянитесь! закричалъ онъ громовымъ голосомъ: — еслибъ я не зналъ, что вы честные люди, я подумалъ бы, что вы вступили въ заговоръ съ цѣлью опозорить честное имя моей невѣстки.

Братья д'Онэ присягнули. Филипъ приказалъ позвать Жанну. Она пробовала оправдаться, но обвинители предложили доказать справедливость своихъ словъ судебнымъ поединкомъ.

— Государь! вскричала Жанна, приведенная въ отчаяніе: — не потерпите, чтобъ въ вашемъ присутствіи оскорбляли невѣстку французскаго короля.

— Я не потерплю, отвѣчалъ король: — чтобъ это дѣло осталось неразъясненнымъ... я сейчасъ же пошлю за парижскимъ превотомъ.

Жанна и рыцари по знаку короля удалились.

Возвратившись домой, братья д'Онэ потребовали свиданія у Маргариты и Бланки, которыхъ они нисколько не подозрѣвали въ такихъ преступленіяхъ. А между тѣмъ въ сущности Маргарита была всему дѣлу зачинщицей. Ея неудержимое сладострастіе искало новыхъ наслажденій въ безпрестанной перемѣнѣ любовниковъ. Но жертвы ея страсти платили жизнью за одну счастливую ночь. Она своимъ примѣромъ увлекла Бланку и Жанну — и башня Нель сдѣлалась сценой неслыханныхъ оргій: то пировали тамъ обманутые братья д'Онэ и пажъ Оливье, то университетскіе школьники.

Между тѣмъ Жанна не дремала: она велѣла слѣдить за любовниками своихъ сестеръ. Едва они прибыли на мѣсто свиданія, какъ она побѣжала къ королю донести о такомъ соблазнѣ, обвиняя во всемъ Бланку и Маргариту. Филипъ пришолъ въ ярость: окруживъ башню, онъ съ пятьюдесятью гвардейцами ворвался во внутренность ея и засталъ своихъ невѣстокъ въ самомъ разгарѣ оргіи. Братья д'Онэ были схвачены и подверглись сперва пыткѣ, а потомъ страшной казни: съ нихъ содрали кожу и протащивъ привязанныхъ къ хвосту лошади къ эшафоту, отрубили голову и повѣсили подъ мышки (¹).

Маргарита была заключена въ подземелье замка Гальяръ вмѣстѣ съ Бланкой. Раскаяніе и кротость послѣдней тронули короля и онъ перевелъ ее въ монастырь, откуда по истеченіи года она возврати-

(¹) Et adecertes Philippe d'Aunnoy et gaultiér d'Aunnoy du commandement du roy furent escorchez et les genitalia couppés, et après ce incontinent à ung gibet de Ponthoise furent trainès par chevaux neufs sur prés nouvellement fauchés, jusqu'au gibet ou furent pendus... (Chr. de S. Denis).

Digitized by Google

лась къ мужу. Жанна по слѣдствію была признана невинной. Но гордый духъ Маргариты не смирился въ заточеніи: она осыпала проклятіями короля и его приближонныхъ. По смерти Филипа Людовикъ сварливый приказалъ удавить ее, желая вступить въ бракъ съ Клеменціей венгерской.

Это же время (половина XIV) отличается увеличеніемъ жестокости и въ другихъ странахъ. То была эпоха тирановъ и народныхъ возмущеній. Тогдашняя политика вся основывалась на устрашеніи: варварскими казнями думали достигнуть повиновенія, и вотъ Бернабо Висконти изобрѣтаетъ знаменитую сороналневную казнь (careme). Преступника мучили черезъ день: первые четыре дня его поднимали на виску, потомъ два дня поили водою съ известью и уксусомъ; за тѣмъ содравъ кожу съ подошвъ, водили по гороху, вырывали сперва одинъ глазъ, на другой день другой, рѣзали носъ, рубили руки и ноги, рвали клещами и наконецъ въ сорокъ-первый день заставляли умирать на колесѣ. Въ Испаніи свирѣпствуетъ Петръ жестокій; въ феодальной Германіи господствуютъ костры, четвертованіе, колесованіе, желѣзные когти и раскаленныя щипцы... символизмъ и уваженіе къ римскому праву играютъ важную роль въ законодательствѣ. По мѣрѣ распространенія знаній, или лучше сказать схоластики, распространялось и гоненіе: всякая самостоятельность мысли преслѣдовалась какъ уголовное преступленіе. Университетъ усиливается оставить за собой привилегію науки. Безпрестанно встрѣчаются новые указы, стѣсняющіе книгопечатаніе и осуждающіе новыя книги на сожженіе рукой палача. Законы существуютъ, но не исполняются. Со времени появленія кальвинизма жестокостямъ королей нѣтъ границъ; парламенты изъ кожи лѣзутъ угодить имъ. Францискъ I присутствуетъ при медленномъ сожженіи еретиковъ съ помощью эстрапады — машины, которая посредствомъ перекладины на шарнирѣ окунала ихъ въ пламя и потомъ извлекала. Равальякъ погибаетъ въ страшныхъ мукахъ. Людовикъ XIV въ самую блестящую эпоху своего царствованія отличается варварствомъ и неправосудіемъ, достойными временъ высшаго развращенія Рима. Разсмотримъ нѣкоторые изъ тогдашнихъ процесовъ и покажемъ что такое были тогда галеры.

III

Въ послѣдней четверти XVII столѣтія жилъ въ Голландіи одинъ извѣстный публицистъ по имени Дюбургъ, редакторъ «Франкфуртской газеты». Онъ разгадалъ истинный характеръ французскаго

Digitized by Google

короля и съ безпощадной смѣлостью обличалъ его безумную гордость и безмѣрное честолюбіе и расточительность. Людовикъ XIV страдалъ отъ этихъ ранъ, наносимыхъ его мелочному самолюбію, и не могши захватить его, рѣшился подкупить. Эмисары, посланные имъ, напрасно дѣлали самыя блестящія предложенія: — честный журналистъ, несмотря на то, что былъ обремененъ многочисленнымъ семействомъ, отказался. Мало того: онъ опубликовалъ всю интригу. Людовикъ былъ взбѣшенъ до крайности и приказалъ во что бы то ни стало схватить оскорбителя. Полицейскіе агенты были посланы въ Голландію. Они познакомились съ нѣкоторыми литераторами, выдали себя за любителей археологіи и наконецъ успѣли представиться Дюбургу. Онъ принялъ ихъ ласково въ кругу своего семейства, посреди немногихъ, но искреннихъ друзей. Разговоръ послѣ обычныхъ привѣтствій обратился на остатки кельтическихъ древностей, разбросанныхъ за городомъ. Французы просили Дюбурга помочь имъ своими знаніями при осмотрѣ. Тотъ съ радостью согласился.

На другой день журналистъ и его новые друзья отправились за городъ. Прогулка ихъ продолжалась довольно долго. Дѣло было осенью, вечеръ наступилъ рано. Наши путешественники предложили зайти въ ближайшій трактиръ поужинать...

За десертомъ Дюбургъ почувствовалъ тяжесть въ головѣ; онъ приписалъ это усталости и сырой погодѣ, но сонливость скоро увеличилась и онъ задремалъ...

Проснувшись, онъ прежде всего почувствовалъ быстрое движеніе кареты; попробовалъ приподняться — невозможно: руки и ноги были связаны, во рту лежала желѣзная груша (bâillon).

На пятый день вечеромъ онъ прибылъ въ Парижъ и былъ брошенъ въ Бастилію; оттуда его перевели въ тюрьму монастыря св. Михаила, расположоннаго на дикой гранитной скалѣ, омываемой волнами океана.

Дюбургъ былъ заключонъ въ желѣзную клѣтку въ глубинѣ подземелья. Король собственноручно написалъ инструкцію какъ съ нимъ обращаться. Въ первое время страданія его увеличивались неизвѣстностью объ участи жены и дѣтей. Одинъ молодой бенедиктинскій пріоръ почувствовалъ къ нему состраданіе и увѣдомилъ ихъ о судьбѣ плѣнника. Радости Дюбурга не было предѣловъ, когда онъ прочиталъ письмо жены... Но радость эта скоро смѣнилась печальной дѣйствительностью. Съ каждымъ днемъ несчастный журналистъ ослабѣвалъ; платья его износились и висѣли въ лохмотьяхъ, нисколько не защищая отъ холода; жестокій ревматизмъ заставлялъ кричать отъ боли, которую еще болѣе увеличивали тяжесть цѣпей

Digitized by Google

и острыя ребра брусковъ, составлявшихъ клѣтку. Оконечности тѣла покрылись язвами; въ нихъ скоро завелись черви, потомучто ему не давали воды обмывать ихъ; крысы кусали ему ноги и онъ ничего не могъ противъ нихъ сдѣлать, — цѣпи не позволяли ему протягивать рукъ. Въ такомъ положеніи провелъ онъ болѣе трехъ лѣтъ и наконецъ не выдержалъ: силы его истощились и онъ послѣ восемнадцатидневной мучительной агоніи скончался, успѣвъ передъ смертью еще разъ увидѣть благодѣтельнаго пріора и передать черезъ него послѣднія прощанія женѣ и дѣтямъ.

Мы могли бы наполнить цѣлую книгу примѣрами подобнаго безчеловѣчія — такъ ими богато царствованіе Людовика XIV, но мы думаемъ разсмотрѣть этотъ предметъ въ слѣдующей главѣ въ правленіе его внука, когда «Lettres de cachet» разсылались тысячами; теперь же взглянемъ что́ такое были тогда галеры.

Это наказаніе обыкновенно назначалось за бродяжничество и нищенство...

Очи великаго короля были поражены зрѣлищемъ безчисленныхъ шаекъ оборванныхъ бѣдняковъ, слѣдовавшихъ за дворомъ въ его переѣздахъ; онъ непремѣнно ихъ встрѣчалъ на дорогахъ въ с. Жермень, Фонтенебло, Версаль, подобно голоднымъ волкамъ, которые слѣдуютъ за арміей. Канцлеръ Поншартрэнъ въ своей кореспонденціи часто упоминаетъ о необходимости разсѣять этихъ *мерзавцевъ*, живое обвиненіе правительства, заражавшихъ окрестности Парижа на двѣнадцать лье вокругъ. Онъ совѣтуетъ посадить ихъ какъ можно больше въ главный госпиталь (l'hopital général). Что такое было это учрежденіе общественной благотворительности видно изъ слѣдующихъ строкъ краснорѣчиваго историка (Мишле): «Во время голодовъ, которые при Мазарини и Кольбертѣ случались акуратно черезъ каждые три года, ничто не могло заставить голодныхъ искать пропитанія въ главномъ госпиталѣ. За бѣдными охотились, ихъ травили, ихъ ловили всѣми полицейскими средствами, угрожая даже безчестящими наказаніями. Они упорно бѣжали отъ госпиталя какъ отъ дома смерти. Она была тамъ постоянно. Здоровые и больные лежали какъ попало человѣкъ по пяти по шести на кровати. Эта страшная смѣсь людей здоровыхъ или покрытыхъ язвами, съ чесоточными и венерическими заставляетъ содрогаться...» Госпиталь вообще былъ скорѣе смирительнымъ домомъ, приготовительной школой для галеръ, чѣмъ богоугоднымъ заведеніемъ...

Исторія галеръ безъ сомнѣнія представляетъ одну изъ самыхъ мрачныхъ картинъ этого царствованія, которое подъ наружнымъ блескомъ скрываетъ столько несправедливостей и тайныхъ жестокостей. Когда Кольбертъ понялъ какую пользу можно извлечь изъ галеръ, чтобъ доставить французскому флоту преобладаніе на Средиземномъ морѣ, онъ не отступалъ ни передъ какой мѣрой для увеличенія ихъ числа и силы. Лангедокскіе архіепископы получили приказъ арестовывать и отправ-

Digitized by Google

лять въ порты всѣхъ бродягъ, которые заражали ихъ эпархіи. Бѣглые приковывались къ цѣпи. Генералъ-контролеръ возобновилъ старые указы, которыми предписывалось уголовнымъ судамъ замѣнять въ извѣстныхъ случаяхъ смертную казнь ссылкой на галеры. Желанія министра сдѣлались приказаніями для большой части интендантовъ, президентовъ и генеральныхъ прокуроровъ, и какъ происходитъ почти всегда въ такихъ случаяхъ, усердіе ихъ перешло за предѣлы. Родъ рабскаго соперничества овладѣлъ этими чиновниками: они наперерывъ старались доставить возможно-большее число здоровыхъ каторжниковъ на галеры. Къ цыганамъ, бродягамъ, бѣглымъ, обвиненнымъ въ важныхъ преступленіяхъ присоединяли бунтовщиковъ и контрабандистовъ. Въ 1662 году бунтъ вспыхнулъ въ нѣсколькихъ деревняхъ въ окрестностяхъ Булони, — четыреста крестьянъ, большей частью контрабандистовъ солью, было послано на галеры... Они въ очень плохомъ состояніи, писалъ къ Кольберту подрядчикъ, взявшійся перевезти ихъ, — потомучто многіе изъ нихъ не имѣютъ одежды и больны; всякій день умираетъ по нѣскольку человѣкъ.» Рвеніе чиновниковъ, назначенныхъ поставлять каторжниковъ, дошло до того, что для сокращенія переписки они отправляли обвиняемыхъ къ мѣсту назначенія прежде окончанія процеса. 1 мая 1668 интендантъ галеръ Арнуль писалъ къ Кольберту: «я получилъ 900 каторжниковъ довольно здоровыхъ... Между ними есть не подвергнутые судебному приговору. Благоволите обязать господъ соляныхъ приставовъ доставить опредѣленія суда.»

Это были большей частью бѣдные крестьяне, пойманные въ противозаконной торговлѣ солью, люди крѣпкіе, привыкшіе къ суровой жизни моряка и контрабандиста... Несмотря на то они умирали къ великому прискорбію интенданта, который полагалъ, что это происходило отъ скуки и огорченія. Другіе бросались въ море, надѣясь въ смерти найти конецъ своимъ бѣдствіямъ...

Главной причиной такой смертности была недобросовѣстность правительства: оно удерживало осужденныхъ гораздо дольше срока, назначеннаго сентенціей суда. Интендантъ предлагаетъ освободить нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которымъ срокъ наказанія давно кончился; этимъ онъ надѣется поднять духъ въ остальныхъ...

«Произволъ и непослѣдовательность идутъ рука объ руку. Тѣ самые люди, которые такъ беззаконно увеличивали строгость правосудія, позволяли иногда осужденнымъ освобождаться ранѣе срока. Тѣмъ, которые имѣли деньги, позволялось замѣнить себя купленнымъ туркомъ... Иногда само правительство покупало рабовъ въ Турціи, Далмаціи, Сициліи, Мальтѣ и потомъ съ барышомъ перепродавало ихъ каторжникамъ, хотя многіе изъ этихъ рабовъ были христіане, взятые въ плѣнъ на границахъ Польши и Россіи. Теперь слѣдуетъ сказать что̀ такое была жизнь галерника, какова была участь столькихъ невинныхъ жертвъ, принужденныхъ существовать въ кругу воровъ и убійцъ. Но прежде посмотримъ что̀ такое была сама галера.

Это было длинное, плоское, узкое судно съ низкими бортами, снаб-

Digitized by Google

жонное двумя мачтами; длина его простиралась до 50 метровъ (около 70 арш.), ширина до 10; оно могло ходить на парусахъ и на веслахъ [1]. Гребцы, около 300, сидѣли прикованные на 25 или 30 скамейкахъ. Человѣкъ пять-шесть были назначены для каждаго весла, укрѣпленнаго въ уключинѣ, выдающейся надъ палубой. Скамьи правой стороны раздѣлялись отъ лѣвой узкой доской, возвышенной надъ ними и служившей сообщеніемъ между носомъ и кормой галеры (coursier). Здѣсь прохаживался комитъ съ бичемъ въ рукахъ, господствуя надъ каторжниками.

На нижней палубѣ былъ прикованъ галерный невольникъ, голый по поясъ; во всякую погоду онъ подвергался постоянно ударамъ волнъ. Спали и ѣли смѣнами, такъ что галера ни на минуту не прерывала своего плаванія. Не было покоя даже въ праздники; никогда нельзя ни лечь, ни перемѣнить мѣста, ни бросить эту обледенѣвшую скамейку. Только когда галера входила въ портъ чиниться или запастись провизіей, нѣкоторымъ изъ невольниковъ было позволено сходить на берегъ для работъ на сушѣ...

Врагъ каторжника, проклинаемый имъ надзиратель, былъ комитъ. Его винилъ онъ во всѣхъ своихъ страданіяхъ, надъ головой его сосредоточивалъ онъ всю сумму своей ненависти. Между ними была постоянно затаенная борьба, которая иногда прорывалась страшными взрывами. Комиты чаще всего назначались изъ провансаловъ, раздражительныхъ по своей натурѣ: гнѣвъ ихъ возбуждался отъ пустяковъ и быстро переходилъ въ ярость. Обязанные подстрекать постоянно дремлющее рвеніе каторжниковъ, одушевлять эту бездушную массу, придавать жизнь галерѣ, они не скупились на удары бичемъ; они даже злоупотребляли этимъ правомъ. Было ли судно менѣе ходко чѣмъ другія или на немъ было меньше гребцовъ, комиту до этого не было дѣла. Надо во чтобы то ни стало удовлетворить самолюбію капитана, который и слышать не хотѣлъ, чтобъ его галера осталась назади во время сраженія или плаванія съ другими» [2].

Разумѣется, эти жестокости возбуждали каторжниковъ къ отмщенію, и комиты по временамъ платились жизнью за злоупотребленія своей власти.

Но чтобъ имѣть понятіе объ участи галерниковъ надо прочитать брошюру Жана Біона, священника на одной изъ галеръ.

«Гребцы были большей частью буржуа, дворяне, литераторы, привыкшіе къ удобствамъ жизни; они скоро изнемогали подъ бременемъ голода, холода и усталости. Какъ скоро умирающій стѣснялъ движеніе,

---

(1) Самыя большія галеры были въ Венеціи: 132 фута длины по палубѣ, 35 въ ширину, на носу батарея въ три яруса: въ нижнемъ двѣ 36-фунт. пушки, въ среднемъ двѣ 24-фунт., въ верхнемъ три 18-фунт., число людей отъ 1000 до 1200.

(2) Loiseleur.

Digitized by Google

его спускали въ трюмъ. Тамъ начиналось страшное послѣднее мученіе: въ трюмъ не проходило ни воздуха, ни свѣта; онъ былъ такъ грязенъ и низокъ, что нельзя было стоять — умирающій скоро становился мертвымъ. Когда я входилъ туда, говорилъ Біонъ, я едва не задыхался; разная гадина облепляла меня со всѣхъ сторонъ... Чтобъ исповѣдовать мнѣ приходилось ложиться рядомъ съ умирающимъ, опираясь иногда на другого, который уже умеръ» (¹).

Прибавьте еще къ этому грустную мысль, что галерникъ зналъ, что его семейство умираетъ съ голоду, потомучто ссылка на галеры влекла за собой конфискацію.

IV

Перенесемся во вторую половину XVIII столѣтія. Дворъ веселится, пиры смѣняются пирами; расточительные вельможи бросаютъ золото горстями: любовницы управляютъ всѣмъ; произволу министровъ нѣтъ предѣла; они раздаютъ Lettres de cachet всякому кто только ихъ попроситъ; генеральные фермеры наживаютъ мильоны, спекулируя на голодъ народа, который живетъ изо дня въ день, проклиная Людовика, котораго нѣкогда прозвалъ возлюбленнымъ. Гоненіе янсенистовъ и споры съ парламентомъ еще болѣе ожесточили умы. Полиція всякій день доносила королю объ опасностяхъ, угрожавшихъ его жизни, но онъ не обращалъ на то вниманія, довольный предосторожностями, принятыми другими для его безопасности. Лѣность и эгоизмъ составляли основу его характера... Ударъ разразился. Вечеромъ 5 января 1757 года, сходя съ лѣстницы чтобъ сѣсть въ карету, онъ былъ поражонъ небольшимъ ножомъ въ бокъ. Въ первое мгновеніе онъ не почувствовалъ боли, но увидѣвъ кровь закричалъ: я раненъ, схватите его, но не дѣлайте ему зла, прибавилъ онъ, указывая на одного пожилого человѣка лѣтъ сорока, который одинъ изъ всѣхъ присутствующихъ стоялъ въ шляпѣ. Это былъ Робертъ Франсуа Даміенъ, урожденецъ Арраса. Прежде онъ былъ служителемъ въ колегіи іезутовъ, а потомъ у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Онъ немедленно былъ схваченъ и посаженъ въ караульню. Раздражонные солдаты и офицеры били его, кололи помаленьку шпагами и нѣкоторые дошли до того, что рвали его тѣло раскаленными щипцами. На всѣ вопросы онъ отвѣчалъ, что религія заставила его совершить преступленіе, что онъ надѣялся заслужить рай.

(¹) Loiseleur.

Digitized by Google

Преданный въ руки правосудія, онъ съ твердостью вынесъ всѣ пытки: водой, бродекенами (¹), дыбой. Въ процесѣ его были нарушены всѣ законныя формы, многіе свидѣтели не были допрошены, на показанія другихъ не обратили вниманія — слѣдственная комиссія очевидно хотѣла прикрыть настоящихъ виновниковъ заговора и принимала показанія Даміена, что у него не было сообщниковъ, за наличную монету.

Казнь его была ужасна: сперва ему на медленномъ огнѣ сожгли руку, потомъ стали вырывать раскаленными клещами мясо на груди, рукахъ, ногахъ, брызгая на раны смѣсью изъ растопленнаго свинца, масла, смолы и сѣры; потомъ приступили къ четвертованію его. Лошади тянули медленно и увеличивали его страданія. Пришлось отправиться въ ратушу (hôtel-de-ville) просить позволенія надрубить суставы... Только тогда несчастный былъ разорванъ, прострадавъ около полутора часа. Тѣло его было сожжено. Отцу его, женѣ и дочери приказано выѣхать изъ Франціи втеченіи пятнадцати дней съ запрещеніемъ возвращаться подъ страхомъ смертной казни; братьямъ и сестрамъ его велѣно перемѣнить фамиліи; домъ, въ которомъ онъ родился, назначенъ былъ къ сломкѣ... Парламентскій совѣтникъ Паскье, производитель дѣла, получилъ 10,000 ливровъ пенсіи.

И эта варварская казнь совершилась въ половинѣ XVIII вѣка, когда философія царствовала во Франціи, когда Вольтеръ былъ идоломъ Европы, когда появилось знаменитое твореніе Монтескье: l'ésprit des lois. Какіе успѣхи сдѣлало французское правосудіе втеченіи нѣсколькихъ столѣтій? оно возвратилось къ самымъ мрачнымъ временамъ среднихъ вѣковъ. Лучшее доказательство невозможности прогреса тамъ, гдѣ правосудіе находится въ рукахъ касты...

Еще возмутительнѣе казнь кавалера Лабарра. Этотъ молодой человѣкъ погибъ жертвой религіознаго фанатизма іезуитовъ, обвиненный въ неуваженіи къ святынѣ. Но еще болѣе рѣзкій примѣръ наглаго произвола и презрѣнія законности представляютъ процесы Латюда и Жанны де Кердалекъ.

V

Анри-Мазеръ де Латюдъ былъ сынъ драгунскаго подполковника и кавалера св. Людовика; онъ самъ служилъ въ инженерахъ, но ви-

(¹) Колодки для сдавливанія ногъ; при вколачиваніи клиньевъ онѣ раздробляли кости. См. «Соборъ парижской богоматери».

Digitized by Google

дя, что компанія кончилась и отчаявшись составить себѣ карьеру службой въ эту эпоху фаворитизма и продажности, рѣшился послѣдовать примѣру другихъ. Пылкій, молодой, предпріимчивый, нашъ гасконецъ думалъ ни больше ни меньше какъ приобрѣсти покровительство маркизы де Помпадуръ...

Въ одно утро онъ явился въ ея пріемной и просилъ немедленно доложить о немъ, увѣряя, что дѣло идетъ о жизни и смерти. Испуганная маркиза приняла его тотчасъ же.

— Благодарю Бога, сказалъ Латюдъ послѣ обычныхъ привѣтствій: — что онъ избралъ меня для спасенія васъ...

— Развѣ мнѣ угрожаетъ какая-нибудь опасность? прервала его фаворитка.

— Ужасная! Сегодня утромъ, прогуливаясь въ тюльерійскомъ саду, я слышалъ разговоръ какихъ-то двухъ человѣкъ: одинъ изъ нихъ осыпалъ васъ бранью и хотѣлъ послать по почтѣ пакетъ съ ядомъ. Ради Бога не открывайте его.

Маркиза казалась тронутой, посадила молодого человѣка рядомъ съ собой и предложила ему кошелекъ съ золотомъ. Латюдъ отказался.

— Я дворянинъ и сынъ кавалера св. Людовика! прибавилъ онъ: — но если маркизѣ угодно сдѣлаться покровительницей моей молодости, она не найдетъ слуги преданнѣе меня.

— Я рада быть вамъ полезной, потрудитесь оставить свой адресъ.

Молодой человѣкъ съ восторгомъ повиновался.

Вечеромъ принесли пакетъ: въ немъ оказался совершенно безвредный порошокъ. Взглянувъ на адресъ, маркиза сразу узнала, что онъ сдѣланъ рукой Латюда.

Въ эту же ночь онъ очутился въ Бастиліи.

Это было высокое, мрачное зданіе, окружонное глубокимъ рвомъ, увѣнчанное восемью башнями; каждая изъ нихъ раздѣлялась на пять этажей; верхній этажъ былъ безъ оконъ вродѣ каменнаго колпака (calotte), гдѣ лѣтомъ было невыносимо жарко, а зимой холодно. Прочіе же этажи хотя имѣли окна, но окна были такъ малы, а рѣшотки и стѣны такъ толсты, что лучи свѣта чуть-чуть проникали въ комнату. Каждый арестантъ былъ отдѣленъ отъ своихъ сосѣдей непреодолимыми преградами: двойными дверями, окованными желѣзомъ, прочными стѣнами и рѣшотками. Весьма немногіе пользовались милостью жить въ сообществѣ товарищей.

Но всѣ эти неудобства и лишенія ничего не значили въ сравненіи съ темницами (cachots), которыя простирались подъ Бастиліей во всѣ стороны, на глубинѣ двадцати футовъ. Постоянная сырость,

Digitized by Google

заражонный воздухъ, пучокъ полусгнившей соломы, кусокъ черстваго хлѣба, кружка вонючей воды — вотъ что ожидало арестанта въ темницѣ: товарищи его были крысы, черви и другіе гады, свойственные сырымъ и мрачнымъ подземельямъ.

Въ одной изъ башенъ, названной какъ-будто въ насмѣшку «башней свободы», находилась *комната послѣдняго слова* и *убліэты*. Первая была обтянута чернымъ сукномъ и освѣщалась только одной тускло горѣвшей лампой. Она со всѣхъ сторонъ представляла орудія смерти и пытки. Если виновный не сознавался и въ этой комнатѣ, послѣ всѣхъ предварительныхъ истязаній, его переводили въ другую, гдѣ были *убліэты*. Ярко освѣщонная, благоухающая рѣдкими ароматами, украшенная дорогими цвѣтами, она пріятно поражала измученнаго узника. Являлся комендантъ, ласково разговаривалъ съ нимъ, обнадеживалъ скорымъ освобожденіемъ, предлагалъ стулъ, но едва несчастный садился, доска проваливалась подъ нимъ и онъ летѣлъ въ глубокую пропасть, стѣны которой были усѣяны ножами и стальными крючьями.

Чего не доставало Бастиліи, то было въ другихъ тюрьмахъ. Темницы на островѣ св. Маргариты были сдѣланы въ формѣ гроба въ стѣнѣ или воронки. Въ первомъ случаѣ заключенный могъ только переворачиваться съ боку на бокъ, во второмъ вся тяжесть тѣла висѣла на ногахъ, которыя не доходили до дна воронки, что заставляло испытывать невыразимыя страданія.

Прибавьте къ этому дерзость и притѣсненія тюремщиковъ, грустное сознаніе арестанта въ томъ, что лучшіе годы его жизни гибнутъ по капризу безсовѣстнаго министра или корыстолюбивой фаворитки, что ему нѣтъ надежды на правосудіе; прибавьте къ этому разлуку съ родными и друзьями, и вы получите понятіе что такое были тюрьмы того времени...

Поутру Латюда повели къ допросу: онъ откровенно во всемъ сознался. Берье, бывшій тогда начальникомъ полиціи, сдѣлавъ ему выговоръ, обѣщалъ ходатайствовать объ его освобожденіи, но всѣ старанія его смягчить маркизу остались безуспѣшны. Между тѣмъ, желая нѣсколько облегчить участь Латюда, онъ позволилъ перевести къ нему тайнаго агента Англіи, еврея Абузагло, который успѣлъ пріобрѣсти расположеніе принца Конти. Узники скоро познакомились между собой и обѣщались хлопотать взаимно объ освобожденіи другъ друга, какъ только кого-нибудь изъ нихъ выпустятъ изъ тюрьмы. Тюремщики подслушали ихъ разговоръ и донесли коменданту. Латюда перевели въ Венсенъ, увѣривъ, что выпускаютъ на свободу для того, чтобы Абузагло не могъ хлопотать о немъ.

Digitized by Google

Въ Венсенѣ Латюдъ просидѣлъ десять мѣсяцевъ. Берье старался всѣми силами смягчить его участь: приказалъ дать ему лучшую комнату, позволилъ прогуливаться, но все это не могло утѣшить его въ потерѣ свободы и онъ дни и ночи обдумывалъ планы бѣгства... Въ числѣ арестантовъ находился одинъ янсенистскій абатъ, который пользовался значительной свободой сравнительно съ другими, потомучто давалъ уроки сыновьямъ тюремщиковъ и дворецкаго коменданта; онъ могъ почти во всякое время прогуливаться вездѣ. Латюдъ сообразилъ все это и рѣшился на этихъ соображеніяхъ основать свой планъ бѣгства. Однажды онъ быстрѣе обыкновеннаго сбѣжалъ съ лѣстницы, захлопнулъ за собой дверь и задвинулъ ее засовомъ; потомъ, подойдя къ выходу, спросилъ у часового, не видалъ ли онъ янсенистскаго абата, что его очень желаетъ видѣть тюремный духовникъ. На отрицательный отвѣтъ часового онъ побѣжалъ дальше къ другому съ тѣмъ же вопросомъ и такимъ образомъ онъ достигаетъ подъемнаго моста и скрывается въ лѣсу. Къ вечеру онъ былъ уже въ Парижѣ.

Свобода его была непродолжительна. На шестой день по освобожденіи онъ написалъ къ королю письмо, изъявляя въ немъ чистосердечное раскаяніе и полагая, что четырнадцатимѣсячное заключеніе достаточно искупило его проступокъ. Въ туже ночь онъ попалъ въ одну изъ бастильскихъ темницъ. Добрый Берье опять явился его утѣшителемъ: велѣлъ хорошо кормить и разрѣшилъ давать бумагу и книги.

Прошло шесть мѣсяцевъ и Латюдъ не видѣлъ исхода изъ своего положенія. Въ одну изъ такихъ минутъ отчаянія онъ имѣлъ неосторожность написать эпиграму на мадамъ де Помпадуръ. Съ этихъ поръ она запретила Берье говорить о немъ.

Между тѣмъ здоровье арестанта стало портиться; тогда его перевели изъ темницы въ комнату и дали товарища. Это былъ соотечественникъ Латюда, по имени д'Алегръ (d'Allègre); вина его состояла въ томъ, что онъ написалъ къ маркизѣ де Помпадуръ письмо, въ которомъ совѣтовалъ ей искать славы другими средствами. Уже три года сидѣлъ онъ подъ запоромъ и не видѣлъ конца своему заключенію. Всѣ просьбы его оставались безъ вниманія; маркиза запретила ходатайствовать о немъ, какъ и о Латюдѣ.

Извѣстіе объ этомъ привело Аллегра въ страшное отчаяніе, но товарищъ его не унывалъ. Онъ задумалъ бѣжать несмотря на страшныя трудности, которыя приходилось преодолѣть.

Замѣтьте, говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ, что въ Бастиліи не даютъ арестантамъ ни ножика, ни ножницъ, никакого остраго инструмента и за сто луидоровъ ни одинъ тюремщикъ не дастъ вамъ четверть

Digitized by Google

фунта нитокъ, а между тѣмъ по точному расчету намъ нужно было до 1400 футовъ веревокъ. Намъ необходимы были двѣ лѣстницы: одна деревянная отъ двадцати до двадцати пяти футовъ, другая веревочная до ста-осьмидесяти; намъ предстояло вырвать четыре желѣзныхъ рѣшотки въ каминѣ, просверлить въ одну ночь стѣну въ четыре съ половиною фута толщины, по горло въ водѣ, саженяхъ въ трехъ отъ часового. Этого мало: надо было спрятать обѣ лѣстницы съ 250 ступеньками въ футъ длины и въ дюймъ толщины вмѣстѣ съ инструментами и другими вещами, запрещенными арестантамъ.»

«Г. Берье былъ такъ добръ, что позволилъ мнѣ и моему товарищу присутствовать при богослуженіи по середамъ и воскресеньямъ; такое же позволеніе было дано арестанту, жившему подъ нами. Я перебывалъ уже во многихъ другихъ комнатахъ и всегда замѣчалъ, что звукъ доходитъ до меня сверху и снизу. Въ новомъ же помѣщеніи я не слышалъ звука внизу, хотя зналъ, что въ комнатѣ жили. Во что бы то ни стало я хотѣлъ взглянуть на эту комнату и убѣдилъ моего товарища пособить въ этомъ; я просилъ его завернуть футляръ въ платокъ и выронить его во второмъ этажѣ на лѣстницѣ, когда будемъ возвращаться отъ обѣдни. Все было сдѣлано какъ сказано: футляръ покатился по ступенькамъ. Д'Аллегръ попросилъ тюремщика поднять его; пока тотъ сошолъ за нимъ, я успѣлъ взбѣжать въ третій этажъ, отодвинулъ засовъ и бросилъ быстрый взглядъ на завѣтную комнату: она была не выше десяти съ половиною футовъ. Я заперъ дверь и до нашей комнаты насчиталъ тридцать двѣ ступени; я вымѣрялъ высоту одной изъ нихъ, сосчиталъ и нашолъ разницу въ пяти съ половиною футахъ. Изъ этого я заключилъ, что между нашими комнатами должна была находиться пустота около четырехъ футовъ.»

«Тогда я съ веселымъ видомъ сказалъ моему товарищу: «мой другъ, не будемъ отчаяваться; немного мужества и терпѣнія и мы убѣжимъ отсюда»... Затѣмъ, расказавъ ему мои вычисленія, я прибавилъ, что мы можемъ спрятать веревки и инструменты въ промежуткѣ (tambour) между двумя комнатами.

— Но чтобъ спрятать, надо ихъ имѣть! прервалъ онъ: — а вамъ извѣстно, что мы не достанемъ и десяти футовъ веревокъ.

— Не безпокойтесь, возразилъ я: — въ моемъ чемоданѣ ихъ въ сто разъ больше... Раздергавъ по ниткамъ мои рубашки, чулки, платки и т. п. мы получимъ до 1,000 футовъ..

— Это такъ, сказалъ онъ: — но какъ мы вырвемъ рѣшотки изъ камина? у насъ кромѣ рукъ нѣтъ никакихъ инструментовъ.

— Но руки создаютъ инструменты; люди, которые умѣютъ работать головой, найдутъ въ ней всѣ средства. Видите ли эти двѣ петли, которыя поддерживаютъ нашъ складной столъ; я наточу ихъ и къ каждой придѣлаю ручку, ими мы вырвемъ всѣ желѣзныя рѣшотки...

Какъ только кончился нашъ ужинъ, мы принялись за работу, сорвали петли, подняли половицу и меньше чѣмъ въ шесть часовъ дорылись до пустоты, которую подозрѣвали. Съ этого времени мы не сомнѣвались въ

Digitized by Google

нашемъ освобожденіи. Мы положили половицу на прежнее мѣсто такъ, чтобъ нельзя было примѣтить, что ее снимали. На другой день я сломалъ огниво и сдѣлалъ изъ него ножикъ, которымъ обтесалъ рукоятки для петель... Потомъ мы раздергали рубашки и сплели веревку изъ нитокъ до 50 футовъ длины; изъ ней мы сдѣлали лѣстницу... Затѣмъ приступили къ каминнымъ рѣшоткамъ. Меньше чѣмъ въ полгода мы ихъ раскачали такъ, что могли вырвать. Эта работа стоила намъ неповѣрныхъ усилій: руки наши были всегда окровавлены; мы не могли работать часу не перемѣняясь: всякую минуту надо было брызгать водой изо рта, чтобъ размягчить цементъ. Мы считали себя счастливыми, если въ теченіи цѣлой ночи отламывали его на линію Окончивъ этотъ трудъ, мы сдѣлали веревочную лѣстницу, чтобъ влѣзть на брустверъ, а оттуда спуститься въ садъ коменданта. Ступени же выстругали изъ дровъ, которыя намъ давали для отапливанія комнаты... Съ помощью другого куска огнива и желѣзнаго подсвѣчника мы сработали пилу; тогда намъ легко было сдѣлать циркуль, наугольникъ, линейку, мотовило, блоки и проч.

«Такъ какъ офицеры и тюремщики посѣщали насъ совершенно неожиданно, то мы должны были прятать нетолько наши инструменты, но даже мельчайшія стружки и опилки, которыя могли насъ выдать... Чтобъ избѣжать всякой нечаянности мы придали каждой вещи особое имя: такъ пилу мы называли фавномъ, веревку голубемъ и т. п

«Тогда мы начали устраивать большую веревочную лѣстницу въ 180 футовъ, но такъ какъ около Бастиліи былъ край, выдававшійся фута на три, то мы, для избѣжанія головокруженія сдѣлали другую веревку въ 360 футовъ, которую и продѣли сквозь блокъ... Сверхъ того мы свили множество другихъ веревокъ меньшей длины; для того же, чтобъ избѣжать стука, который могли произвесть ступеньки деревянной лѣстницы, ударившись объ стѣну, мы обернули ихъ подкладками нашихъ халатовъ, сюртуковъ и жилетовъ.

«Такъ мы работали восемнадцать мѣсяцевъ день и ночь, чтобъ приготовить всѣ эти матерьялы... Намъ предстояло взобраться на башню черезъ каминъ; оттуда спуститься въ ровъ, изо рва влѣзть на брустверъ, съ бруствера въ садъ коменданта, изъ сада спуститься въ большой ровъ воротъ св. Антонія. Мы должны были выбрать темную бурную, дождливую ночь; малѣйшая случайность могла разстроить наши планы: стоило только дождю перестать, и тогда всѣ часовые стали бы прогуливаться отъ одного поста къ другому и мы непремѣнно были бы захвачены... Чтобъ избѣжать этого несчастія, я рѣшился на нѣкоторыя измѣненія въ нашемъ первомъ планѣ... Я замѣтилъ, что Сена при каждомъ разливѣ должна была распускать часть цемента наружной стѣны; сдѣлавъ буравъ изъ желѣзной скобки нашей кровати, мы могли высверлить въ замазкѣ довольно мѣста, чтобъ вставить двѣ полосы отъ каминной рѣшотки, которыми, дѣйствуя какъ рычагами, намъ легко было сдѣлать отверстіе въ этой стѣнѣ, отдѣляющей ровъ бастиліи отъ рва воротъ св. Антонія...

Digitized by Google

«Когда всѣ приготовленія были окончены, мы рѣшились бѣжать на другой день въ середу на масляницѣ, 25 февраля 1756 года. Рѣка тогда выступила изъ береговъ и во рву было до четырехъ футовъ воды.. Едва принесли мы ужинъ, какъ я, несмотря на ревматизмъ въ лѣвой рукѣ, полѣзъ въ каминъ... Добраться до верхушки его мнѣ стоило неимовѣрныхъ усилій: сажа душила меня, кожа на локтяхъ и колѣняхъ была содрана, кровь струилась ручьями... Достигнувъ крыши, я сѣлъ верхомъ на трубу и спустилъ въ нее веревку; товарищъ мой привязалъ къ ней кожаный мѣшокъ съ платьемъ, потомъ поочередно внизу привязывалъ и другія принадлежности нашего бѣгства, которыя я, по мѣрѣ того, какъ втаскивалъ на верхъ, бросалъ на платформу; наконецъ онъ взобрался и самъ, и мы спустились къ нашимъ вещамъ.

«Двѣ лошади не могли бы увезти ихъ. Мы начали съ того, что сдѣлали изъ веревочной лѣстницы свертокъ до четырехъ футовъ въ діаметрѣ; потомъ покатили его къ башнѣ казначейства (Trésor), которая казалась намъ удобнѣйшей для спуска. Тамъ къ одной изъ пушекъ, мы привязали лѣстницу и потихоньку спустили ее въ ровъ; тогда мы прикрѣпили блокъ и продѣли сквозь него веревку въ 360 футовъ.

«Перенеся наши вещи на башню, я привязалъ себя поперегъ этой веревкой и сталъ потихоньку спускаться; несмотря на то, что мой товарищъ выпускалъ ее потихоньку, при всякомъ шагѣ я вертѣлся въ воздухѣ какъ бумажный змѣй... Наконецъ я достигъ рва здоровъ и невредимъ. Тотчасъ же мой товарищъ спустилъ ко мнѣ кожаный мѣшокъ, деревянную лѣстницу, желѣзныя полосы и все остальное. За ними онъ послѣдовалъ самъ. Впродолженіе этого времени дождь пересталъ и часовой сталъ прогуливаться по брустверу саженяхъ въ пяти отъ насъ. Дорога черезъ садъ сдѣлалась невозможна. Мы взяли буравъ, полосы и пошли къ стѣнѣ раздѣлявшей рвы, не забывъ захватить съ собой бутылку водки... Въ ту минуту, когда я принимался за работу, надъ нашими головами футахъ въ десяти прошолъ главный рундъ съ фонаремъ. Чтобъ не быть открытыми, мы принуждены были погрузиться въ воду по горло. Когда рундъ прошолъ, я просверлилъ въ замазкѣ двѣ дыры, въ которыя мы воткнули полосы и общими усиліями выворотили камень.

«Выпивъ добрый глотокъ водки, мы продолжали нашу работу, погружаясь повременамъ въ воду, когда проходили рунды... Наконецъ отверстіе было готово; д'Алегръ пролѣзъ черезъ него; я же отправился за мѣшкомъ, который оставался у подножія башни..

«Вотъ мы въ большомъ рву и считаемъ себя внѣ опасности. Я взялъ свой мѣшокъ за одинъ конецъ, товарищъ мой за другой, и въ такомъ положеніи начинаемъ переправляться черезъ ровъ. Едва мы сдѣлали шаговъ двадцать, какъ попали въ водопроводъ.. д'Алегръ вмѣсто того, чтобъ стараться достигнуть другого берега, — водопроводъ былъ не шире шести футовъ, — бросилъ мѣшокъ и ухватился за меня; я треснулъ его кулакомъ такъ, что онъ поневолѣ отскочилъ, а я уцѣпился одной рукой за край водопровода, а другой схватилъ утопаю-

Digitized by Google

щаго за волосы и притащилъ къ себѣ. Помѣстивъ его такъ, чтобъ онъ не могъ захлебнуться, я бросился за своимъ мѣшкомъ, который къ счастію не потонулъ...

«Тогда только мы могли считать себя свободными, хотя страданія наши не кончились. Выйдя изо рва мы дрожали отъ холода, руки наши были въ крови и окоченѣли; мы немогли сами одѣваться и попеременно служили другъ другу камердинерами... Было пять часовъ, когда мы вышли на большую дорогу.»

Прибывъ въ Парижъ, наши бѣглецы отправились къ Силуэту, канцлеру герцога орлеанскаго, но его не было въ городѣ; тогда они пошли въ аббатство С. Жермень-де-Пре (S. Germain-des-Prés) къ одному ремесленнику Фресине, который увѣдомилъ ихъ, что Дежанъ де-Монтаньякъ, общій другъ ихъ, былъ въ Парижѣ. Это былъ человѣкъ всѣми уважаемый, одинъ изъ вождей протестантской партіи; онъ скрылъ Латюда и д'Алегра у одного изъ своихъ единовѣрцевъ, портного Рюи, потомучто онъ самъ состоялъ подъ надзоромъ полиціи.

Такъ прошолъ мѣсяцъ. Всѣ старанія маркизы де-Помпадуръ открыть бѣглецовъ оставались напрасны. Тогда они рѣшились искать убѣжища повѣрнѣе, и д'Алегръ, переодѣвшись нищимъ, отправился въ Брюссель. Прибывъ туда онъ имѣлъ неосторожность написать два письма: одно къ прежнему товарищу, другое къ маркизѣ, полное горечи и оскорбительныхъ выраженій. Латюдъ, получивъ извѣстіе, что другъ его въ безопасности, поспѣшилъ оставить Парижъ, но когда онъ прибылъ въ Брюссель, онъ узналъ, что д'Алегра выдали; тогда онъ переѣхалъ въ Амстердамъ, но и здѣсь онъ не нашолъ спасенія: интриги французскихъ агентовъ и малодушная услужливость голандскаго правительства бросили сперва Латюда въ тюрьму, а потомъ предали на жертву раздражонной фавориткѣ. Привезенный во Францію, онъ былъ посаженъ въ одну изъ ужаснѣйшихъ бастильскихъ темницъ съ тяжолыми цѣпями на рукахъ и на ногахъ. Сорокъ мѣсяцевъ провелъ онъ въ такомъ положеніи, испытывая невыразимыя страданія. Вотъ что говоритъ о состояніи его здоровья окулистъ Гражанъ, посланный къ нему начальникомъ полиціи:

«Милостивый государь! По вашему приказанію я нѣсколько разъ посѣщалъ арестанта въ бастиліи. Осмотрѣвъ его глаза и размысливъ о томъ что онъ мнѣ говорилъ, я не нашолъ ничего удивительнаго, что онъ почти совершенно потерялъ зрѣніе... Уже много лѣтъ, какъ онъ сидитъ въ тюрьмѣ, лишонный свѣжаго воздуха и солнечнаго свѣта... Въ подобныхъ случаяхъ натура страдаетъ и не можетъ удержаться отъ слезъ... Въ наукѣ признано, что частое и продолжительное изліяніе ихъ можетъ испортить зрѣніе...

Digitized by Google

«Зима на 1757 годъ была чрезвычайно сурова, такъ что Сева замерзла, а заключенный находился въ это время въ темницѣ, безъ одѣяла, въ тяжкихъ оковахъ. Въ его казематѣ были двѣ бойницы длиною футовъ въ пять, шириной въ пять дюймовъ: днемъ и ночью морозъ и вѣтеръ поражали его лицо... верхняя губа его раздвоилась до носу и обнажила зубы, на которыхъ холодъ истребилъ совершенно эмаль; корни волосъ вылѣзли и онъ сдѣлался лысымъ...

«Арестантъ не могши переносить своихъ страданій, рѣшился умереть; съ этой цѣлью онъ не ѣлъ впродолженіи 133 часовъ; ему открыли ротъ ключами и заставили принять пищу. Тогда онъ осколкомъ стекла открылъ себѣ вены и за ночь почти совершенно истекъ кровью, такъ что оставался нѣсколько дней безъ сознанія. Хотя впослѣдствіи онъ сдѣлался нѣсколько дороденъ, но эта дородность никакъ не служитъ признакомъ здоровья: она слѣдствіе избытка мокротъ, которыя сгущаясь производятъ разныя болѣзни...»

«Сверхъ того арестантъ жалуется на ревматизмъ и другіе недуги — но это не моя спеціальность...»

«Главнѣйшая причина потери зрѣнія заключается въ истощеніи крови... Какъ только больной наклонитъ голову, онъ чувствуетъ сотрясеніе въ верхней части черепа, какъ будто кто ударилъ его кулакомъ, и минуты двѣ-три ничего не видитъ.»

Далѣе докторъ въ медицинскихъ терминахъ объясняетъ причину болѣзни и совѣтуетъ дать Латюду болѣе свободы. Разумѣется, это донесеніе осталось безъ послѣдствій.

Между тѣмъ несчастный узникъ, не видя возможности бѣжать, надѣялся освободиться другимъ способомъ: онъ намѣренъ былъ оказать какую-нибудь услугу отечеству и въ награду просить свободы — и вотъ онъ предлагаетъ вооружить унтеръ-офицеровъ ружьями. Недостатокъ бумаги не останавливаетъ его: изъ размоченныхъ крошекъ хлѣба онъ дѣлаетъ таблички до 6-ти квадратныхъ дюймовъ; пряжку на брюкахъ превращаетъ въ рѣзецъ, обтачивая ее на цѣпяхъ; вмѣсто пера беретъ спинную кость карпа; чернила замѣняетъ кровью. Перевязавъ палецъ ниткой, онъ въ налившуюся кровью часть его вонзалъ шпинекъ отъ пряжки и извлекалъ такимъ образомъ нѣсколько капель крови... Написавъ свой проектъ, онъ обратился къ бастильскому духовнику Гриффе и просилъ его принять на себя ходатайство по этому дѣлу. Гриффе выпросилъ ему у начальника полиціи бумаги и представилъ его проектъ королю... Унтеръ-офицерамъ дали ружья, а Латюдъ остался попрежнему въ тюрьмѣ. Три мѣсяца дожидался онъ отвѣта; не получая его, онъ подалъ новый проектъ объ основаніи богадѣльни для вдовъ солдатъ и офицеровъ, погибшихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Но такъ какъ финансы королевства были въ плачевномъ состояніи, то онъ пред-

Digitized by Google

ложилъ увеличить пошлину на письма. Налогъ былъ увеличенъ, но богадѣльни не выстроили и Латюда оставили въ темницѣ...

Можетъ-быть онъ томился бы тамъ до самой смерти, но наводненіе Сены заставило перевести его въ темницу перваго этажа. Здѣсь онъ приучилъ къ себѣ голубей, помогалъ имъ строить гнѣзда и кормить птенцовъ; но и это утѣшеніе было скоро отнято у него: одинъ изъ тюремщиковъ, раздражонный отказомъ Латюда отдавать ему половину винной порціи, донесъ о голубяхъ коменданту, какъ о нарушеніи тюремныхъ правилъ. Тотъ приказалъ убить ихъ...

Не смотря на эти гоненія, Латюдъ продолжалъ представлять разные проекты. Въ числѣ ихъ былъ планъ учрежденія запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Сартинъ (Sartine), тогдашній начальникъ полиціи, пришолъ въ ужасъ; онъ черезъ третье лицо предложилъ Латюду свободу и 1.500 ливровъ пенсіи, если онъ откажется отъ этого проекта. Причиной такой щедрости было участіе Сартина въ знаменитомъ pacte de famine, созданномъ шайкой откупщиковъ, въ которую вошли многіе министры и вельможи, для того чтобы спекулировать на голодъ народа. Имѣя въ своихъ рукахъ деньги и власть, они скупали хлѣбъ и наживали такимъ образомъ огромные барыши (¹). Понятно, почему проектъ Латюда долженъ былъ имъ не нравиться. Они пытались подкупить его, но не успѣли: «я за пятьдесятъ тысячъ франковъ не откажусь отъ своего изобрѣтенія,» отвѣчалъ онъ съ гордостью — и остался въ Бастиліи...

Отчаявшись тронуть своихъ палачей, онъ рѣшился прибѣгнуть къ общественному мнѣнію. Получивъ позволеніе прогуливаться, онъ сталъ измѣрять глазомѣрно разстояніе между сенъ-антуанской улицей и башнями Бастиліи, и вычислилъ, что если бросить сильно пакетъ съ башни, то онъ можетъ упасть на улицу. Но чтобъ исполнить это, надо было преодолѣть множество затрудненій: у него не было ни бумаги, ни чернилъ, потомучто ихъ отняли вслѣдствіе нѣсколькихъ рѣзкихъ писемъ къ Сартину и маркизѣ де Помпадуръ; потомъ надо было освободиться на прогулкѣ отъ тюремщика и

(¹) Въ біографіи Латюда, помѣщонной въ Causes célèbres, говорится, что Сартинъ не имѣлъ никакого интереса заставить отказаться его отъ проекта, но изъ докладной записки Прево-де-Бомона королю видно, что Сартинъ участвовалъ въ pacte de famine. Вотъ что говорилъ онъ: M. de Sartine pendant 18 ans le plus ardent des conjurés et leur procureur-général, tenant correspondance avec les lieutenants-généraux des baillages dans tout le ressort du parlement de Paris, ainsi que je l'en ai fait convenir dans les interrogatoires, qu'il me faisait subir à la Bastille, d'où il ma fait transférer à Vincennes avec mes 5 compagnons, pour nous recéler, s'il ne pouvait nous corrompre.

Digitized by Google

плацъ-адъютанта, и выбрать людей, къ которымъ бросить записку о своихъ страданіяхъ.

Чтобъ отдѣлаться отъ постояннаго надзора и прогуливаться одному, Латюдъ сталъ противорѣчить плацъ-адъютанту и смѣяться надъ его расказами; сверхъ того онъ не ходилъ, а почти бѣгалъ, увѣряя, что это необходимо для его здоровья. Тогда плацъ-адъютантъ, большой охотникъ поболтать, выбралъ своей жертвой тюремщика. Мало-помалу они привыкли видѣть Латюда на одномъ концѣ платформы, тогда какъ сами были на другомъ... Во время своихъ прогулокъ, онъ внимательно осматривалъ дома сенъ-антуанскаго предмѣстья, стараясь встрѣтить какую-нибудь симпатичную физіономію. Онъ замѣтилъ двухъ молодыхъ женщинъ, которыя часто работали у окна. Онѣ показались ему достойными довѣрія и онъ не ошибся. Всякій день они обмѣнивались поклонами; всякій день въ часъ прогулки онѣ были у окна. Латюдъ, удостовѣрившись въ ихъ готовности помочь ему, принялся за составленіе записки...

Чтобъ достать бумаги, онъ вырвалъ нѣсколько страницъ изъ книгъ, которыя ему давали; вмѣсто пера онъ взялъ мелкую монету (pièce de deux liards), расплющилъ ее, согнулъ и сдѣлалъ раскепъ; чернила же вздумалъ составить изъ сажи... Во время прогулки онъ сталъ жаловаться на зубную боль и попросилъ у тюремщика трубки, когда тотъ не курилъ. При закуриваніи онъ ловко оторвалъ кусокъ труту. Возвратившись въ темницу, онъ притворился больнымъ коликой; докторъ прописалъ припарки и масло. Часть масла онъ отлилъ въ помадную банку, а изъ нитокъ сдѣлалъ свѣтильню; огонь же досталъ посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева. Держа тарелку надъ огнемъ, онъ собралъ копоть, которую и распустилъ въ сахарной водѣ.

Записка была готова. Латюдъ присоединилъ къ ней письма къ Ла-Бомелю, Мегегану и своимъ неизвѣстнымъ покровительницамъ. Выбравъ день, когда одна изъ нихъ проходила близь башни, онъ бросилъ пакетъ...

Черезъ нѣсколько дней, 18 апрѣля 1764 года, онъ увидѣлъ надпись огромными буквами, которую сестры выставили у окна: «маркиза де Помпадуръ умерла вчера». Можете себѣ представить радость несчастнаго. Онъ ожидалъ скораго освобожденія, но видя, что время тянется, написалъ къ Сартину письмо, въ которомъ упомянулъ о смерти маркизы. Встревоженный начальникъ полиціи немедленно явился: онъ хотѣлъ узнать кто сообщилъ Латюду эту новость, но не успѣвъ въ этомъ, удалился недовольный.

Время потекло обычной чередой. Арестантъ сталъ бомбардиро-

Digitized by Google

вать Сартина рѣзкими письмами и былъ за это переведенъ въ Венсень, съ предписаніемъ *забыть его тамъ*.

Онъ снова былъ въ темницѣ, снова здоровье его быстро разстроилось, но цѣль правительства была, чтобъ онъ страдалъ, а не умеръ, и потому его перевели въ лучшую комнату и позволили прогуливаться. Онъ воспользовался этой полусвободой и бѣжалъ, обезоруживъ часового. Но такъ велико было ослѣпленіе несчастнаго, что онъ даже послѣ всѣхъ своихъ опытовъ вѣрилъ въ правосудіе французскихъ министровъ. Онъ явился къ Шоазелю и тотчасъ же былъ арестованъ и заключенъ снова въ Венсень въ темницу въ семь съ половиною футовъ длины и пять ширины, куда не проникалъ лучъ свѣта... Въ этой каменной могилѣ онъ скоро нажилъ водяную. Тогда только перевели его снова въ хорошую комнату.

Посѣщеніе Малерба улучшило участь плѣнника: министръ былъ тронутъ его двадцати-шестью лѣтними страданіями и обѣщался похлопотать объ его освобожденіи, но люди, преслѣдовавшіе Латюда, опасались обличенія своихъ притѣсненій и выдали его за сумашедшаго и государственнаго преступника. Тогда Малербъ ограничилъ свое участіе только тѣмъ, что велѣлъ перевести его въ Шарантонъ.

Здѣсь кроткое поведеніе Латюда приобрѣло ему расположеніе отца Фачіо, начальника заведенія; онъ ходатайствовалъ за него у министра и наконецъ въ 1777 году несчастный страдалецъ былъ освобожденъ съ приказаніемъ отправиться въ изгнаніе. Хлопоты Латюда о полученіи какого-нибудь вознагражденія, стремленія его обнаружить злоупотребленія Сартина навлекли на него новое заключеніе въ Бисетръ и новыя страданія...

«Кромѣ крысъ, блохъ и другихъ насѣкомыхъ, говоритъ онъ, я принужденъ былъ сражаться съ другими непріятелями; самыми жестокими были сырость и холодъ. Едва шолъ дождь или становилась оттепель, какъ вода текла со всѣхъ сторонъ. Ревматизмы одолѣли меня: боль была такъ сильна, что я не могъ вставать по цѣлымъ недѣлямъ; тюремщики не давали мнѣ тогда супу, потомучто я не могъ подойти съ ложкой къ окошечку въ дверяхъ; они бросали мнѣ хлѣбъ на одѣяло и проходили мимо, не обращая никакого вниманія на мои страданія.

«Когда наступали холода, я терпѣлъ еще больше: окно моего казамата, загороженное толстой желѣзной рѣшоткой, выходило въ коридоръ, который въ этомъ мѣстѣ имѣлъ также отверстіе; черезъ него проникалъ ко мнѣ воздухъ и свѣтъ, но также снѣгъ и дождь; я не имѣлъ ни дровъ, ни свѣчей и часто былъ принужденъ разбивать замерзшую воду башмакомъ (sabot) и глотать куски льда... Если я запиралъ окно — новое горе: запахъ помойныхъ ямъ и сточныхъ трубъ

Digitized by Google

задушалъ меня, жогъ мнѣ глаза, ротъ, легкія... Такъ я страдалъ тридцать восемь мѣсяцевъ... я заболѣлъ.

«Скорбутъ обнаружился во мнѣ изнеможеніемъ во всѣхъ членахъ, болью, которая не позволяла ни встать, ни сѣсть. Въ десять дней мои ноги раздулись вдвое, тѣло почернѣло, десны не могли жевать. Я не получалъ пищи уже три дня и никто о томъ не заботился.

«Сосѣди мои дѣлали мнѣ разные вопросы, я не отвѣчалъ на нихъ: они сочли меня умершимъ и сказали о томъ тюремщикамъ. Тогда только перенесли меня въ больницу. Зала, въ которой я былъ помѣщонъ, заключала больныхъ сифилитическими болѣзнями изъ всѣхъ парижскихъ тюремъ; остальная часть ея была посвящена скорбуту. Когда больныхъ было много, кровати ставились рядомъ, матрасы клали поперегъ, а на нихъ больныхъ другъ подлѣ друга. Одѣяла, которыми одѣвались скорбутные, оставались безъ перемѣны во все время леченія, продолжавшагося иногда полгода; отъ стираксы, испареній больного и гнойной матеріи они превращались въ какую-то грязную, вонючую массу и въ этомъ видѣ, почти немытыя, давались другимъ больнымъ. Два раза въ недѣлю фельдшера притаскивали къ нашимъ постелямъ огромный чанъ съ горячей стираксой, которой намазывали большіе листы сѣрой бумаги и обертывали ими ноги больныхъ, обжигая тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе имъ не нравиться»...

Латюдъ пробылъ въ больницѣ пять мѣсяцевъ и вышелъ оттуда на костыляхъ для того, чтобы возвратиться въ новую темницу, еще хуже прежней. Здѣсь его увидѣлъ посѣтившій Бисетръ извѣстный филантропъ президентъ де Гургъ (Gourgues). Онъ прослезился, слушая расказъ объ его страданіяхъ и потребовалъ изложенія ихъ на бумагѣ, обѣщаясь употребить всѣ силы для его освобожденія. Латюдъ былъ въ затрудненіи: онъ не зналъ, какъ достать бумаги, чернилъ и перьевъ и какъ переслать свою докладную записку; тюремное начальство не допустило бы обнаруженія своихъ злоупотребленій. Къ счастію бѣднаго узника въ числѣ сторожей находился одинъ, который тронулся его несчастіями, далъ ему бумаги и взялся доставить пакетъ по адресу. Все было готово и вотъ сторожъ, выбравъ одинъ свободный день, отправился въ Парижъ, но на дорогѣ потерялъ записку. Съ тѣхъ поръ никакія убѣжденія не могли его заставить второй разъ попробовать счастія: онъ принялъ этотъ случай за волю провидѣнія и упорно отказывалъ Латюду даже въ бумагѣ...

Между тѣмъ потерянный пакетъ былъ найденъ мелочной торговкой маламъ Легро. Она пришла въ ужасъ, читая что вытерпѣлъ несчастный страдалецъ. Ея неутомимымъ усиліямъ одолженъ былъ онъ свободой: никакія трудности не устрашили ее; она писала просьбы, письма, хлопотала, надоѣдала министрамъ: обще-

Digitized by Google

ственное мнѣніе было возбуждено и 18 марта 1784 года указъ объ освобожденіи Латюда былъ подписанъ.

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ правосудія того времени.

Одинъ студентъ парижскаго университета просидѣлъ сорокъ-восемь лѣтъ въ одномъ изъ каменныхъ колпаковъ Бастиліи неизвѣстно за какую вину. Его ниразу не призвали къ допросу, несмотря на всѣ его требованія.

Португальскій священникъ Понсъ де Леонъ провелъ въ тюрьмѣ двадцать лѣтъ за то, что усомнился въ правосудіи Людовика XV.

Инженеръ Геронъ за то, что продалъ Фридриху II планы, отъ которыхъ отказалось французское министерство, былъ осужденъ на смерть, но отдѣлался двадцатилѣтнимъ заключеніемъ.

Луи Жозефъ Вандомъ за памфлетъ противъ любовницъ короля двадцать-восемь лѣтъ погибалъ медленной смертью въ темницахъ Венсеня.

Прево де Бомонъ за обнаруженіе pacte de famine высидѣлъ въ разныхъ тюрьмахъ двадцать два года.

Графъ Шавэнъ и кавалеръ де Мирабель пробыли въ тюрьмѣ по одинадцати лѣтъ: первый за непочтительный отзывъ о министрѣ Морепа, второй за произнесеніе неизвѣстно кѣмъ сочиненной эпиграмы на маркизу де Помпадуръ.

Двое факторовъ, напечатавшихъ брошюру о взяткахъ, которыя брала любовница министра Сенъ-Флорентэна, погибли безъ вѣсти въ темницахъ Бастиліи.

Бастильскій медикъ Фурнье за состраданіе къ заключеннымъ просидѣлъ въ темницѣ тринадцать мѣсяцевъ.

Семилѣтнюю дѣвочку, взятую въ одномъ собраніи конвульсіонеровъ, выдержали въ Бастиліи годъ и потомъ выпустили на произволъ судьбы.

Всѣ тюрьмы были полны заключенными; мало того: многіе монастыри были обращены въ тюрьмы. Попавшіе туда часто испытывали участь худшую участи бастильскихъ арестантовъ.

VI

Въ городѣ Реннь въ числѣ пансіонерокъ урсулинскаго монастыря находилась Жанна Кердалекъ, дочь одного небогатаго бретанскаго дворянина. Красота ея обратила на себя вниманіе герцога д'Эгильона, губернатора Бретани. Это былъ молодой, красивый человѣкъ съ благородными, манящими манерами, но эта блестящая наружность скрывала самаго безжалостнаго эгоиста, самаго безсо-

Digitized by Google

вѣстнаго негодяя... Неопытная дѣвушка полюбила его и слѣпо вѣрила его словамъ. Съ нетерпѣніемъ ожидала она его посланнаго всякій разъ и тайнымъ ходомъ спѣшила на свиданіе... Такъ прошло нѣсколько недѣль, какъ вдругъ отецъ ея пріѣхалъ въ городъ съ намѣреніемъ взять дочь изъ монастыря и выдать ее за одного изъ своихъ сосѣдей, который между тѣмъ успѣлъ уже сдѣлать формальное предложеніе. Жанна, занятая герцогомъ, наотрѣзъ отказала; отецъ настаивалъ... она рѣшилась обратиться къ своему любовнику. Тотъ обѣщалъ ей все, клялся защитить ее, увѣрялъ въ своей любви, а между тѣмъ передъ тѣмъ только приказалъ своему агенту не приводить ее къ нему болѣе... Успокоенная Жанна съ радостью воротилась въ монастырь, но тамъ ожидало ее страшное разочарованіе. За ней слѣдили, ночной визитъ ея къ герцогу былъ узнанъ и разгнѣванный отецъ заключилъ ее въ смирительный домъ.

Три года провела она тамъ, подвергаясь страшнымъ страданіямъ, потомъ была переведена въ монастырь кающихся въ городѣ Ваннь. Въ это время умеръ старый Кердалекъ, завѣщавъ сыну своему мщеніе за оскорбленіе чести семейства. Мщеніе это упало не на соблазнителя, а на бѣдную жертву его. Вѣрный обѣщанію, данному умирающему отцу, братъ Жанны велѣлъ перевести ее въ одинъ монастырь близь с.-Мало. Она принуждена была идти въ цѣпяхъ въ сопровожденіи грубыхъ слугъ, назначенныхъ присматривать за ней. Несмотря на всѣ эти предосторожности ей удалось бѣжать съ дороги.

Долго шла она по полямъ, пока наконецъ голодъ и усталость не заставили ее лишиться чувствъ. Очнувшись, она увидѣла себя на постели; хозяинъ дома и одинъ изъ друзей его г. Буабуассель хлопотали около нея... Оправившись, она расказала свою исторію, не сирывая ничего, кромѣ имени своего соблазнителя... Они были тронуты и г. Буабуассель предложилъ ей убѣжище въ своемъ замкѣ. Она съ благодарностью приняла его предложенія, но скоро принуждена была раскаяться. Любовныя преслѣдованія ея благотворителя не давали ей покоя; онъ употреблялъ все: угрозы, ласки, даже обѣщаніе жениться, если она забременѣетъ... Бѣдная Жанна покорилась необходимости...

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она родила дочь, которая скоро умерла... Поражонная этой потерей, она хотѣла поступить въ монастырь. Буабуассель обѣщалъ дать ей приданое, но день за день откладывалъ свое обѣщаніе. Видя себя обманутой, она бѣжала въ Парижъ, надѣясь найти защиту въ герцогѣ д'Эгильонѣ, но его не было въ то время въ городѣ... Шесть мѣсяцевъ прожила она въ

Digitized by Google

крайней бѣдности, распродала всѣ свои вещи и наконецъ по совѣту содержательницы отеля рѣшилась написать къ Вуабуасселю. Тотъ сейчасъ же отвѣчалъ ей, возобновляя прежнія увѣренія и умоляя поскорѣй возвратиться. Она послушалась, но едва пріѣхала, какъ онъ объявилъ, что никогда на ней не женится, а если она вздумаетъ бѣжать, то обвинитъ ее въ покражѣ вещей, проданныхъ ею въ Парижѣ.

Съ этихъ поръ жизнь Жанны сдѣлалась каторгой: она испытала все что подозрительность ревности и бѣшенство животной страсти могли придумать для ея мученія. Наконецъ она успѣла обмануть бдительность своего тюремщика и бѣжала.

На другой день по прибытіи въ Парижъ, она вслѣдствіе усильныхъ просьбъ и моленій, получила доступъ къ герцогу д'Эгильону. Долго показывалъ онъ видъ, что не знаетъ ее... Но когда она, оскорбленная такимъ лицемѣріемъ, возвысила голосъ, онъ тотчасъ прервалъ ее:

— Тише, пожалуста тише!.. Да, да!.. я припоминаю... Но это было такъ давно. Я былъ такъ занятъ... Чего же хотите вы?

— Хлѣба!

Герцогъ вынулъ золотую монету. Жанна, краснѣя, оттолкнула его руку.

— Я не этого прошу у васъ, сказала она: — я хочу мѣста, которое вы должны мнѣ достать, потомучто черезъ васъ я потеряла все: счастье, честь, будущность...

— Хорошо, я займусь вашимъ дѣломъ... но теперь мнѣ некогда: я долженъ ѣхать во дворецъ... Завтра или на дняхъ зайдите ко мнѣ или напишите письмо, какое мѣсто желаете получить... Но зачѣмъ вы оставили монастырь, какъ вы дошли до такого состоянія?..

Жанна хотѣла отвѣчать, но онъ не дожидаясь ея отвѣта, отворилъ двери.

Едва она ушла, какъ онъ позвалъ камердинера и приказалъ никогда не принимать ее.

Цѣлую недѣлю ходила она къ герцогу всякій день, но никакъ не могла добраться до него. Тогда она написала къ нему письмо:

«Милый герцогъ, говорила она, вы рождены съ сердцемъ нѣжнымъ, добрымъ и сострадательнымъ; я не прошу у васъ ничего кромѣ человѣколюбія, которымъ полна ваша прекрасная душа... Затѣмъ, напомнивъ герцогу о счастливыхъ минутахъ, проведенныхъ съ нимъ, она продолжаетъ: возвратившись отъ васъ я не нашла больше нѣжности въ сердцѣ моего милаго отца; гнѣвъ его отъ времени становился сильнѣе: мнѣ не позволили ходить въ парлуаръ, отняли бумагу и чернила и заперли въ комнатѣ, приказавъ черезъ день бичеваться...

Digitized by Google

Невольно я впала въ страшное уныніе: я бросилась къ ногамъ настоятельницы, которой была отдана подъ надзоръ и вскричала: ради Бога не откажите мнѣ въ утѣшеніи, скажите, возьметъ ли меня къ себѣ отецъ, увижу ли я опять тѣ мѣста, гдѣ я была такъ счастлива? Вы дорого заплатите за это любопытство, сказала сестра Пруденція, уходя. Черезъ два часа вошли въ мою комнату двѣ послушницы, обнажили меня по поясъ, скрутили руки за спиной цѣпями, заставили стать на колѣни и въ такомъ положеніи дали мнѣ по пятидесяти ударовъ плетями съ желѣзными нахвостниками... Я упала безъ чувствъ... кровь ручьями текла по всему тѣлу... Два мѣсяца съ половиной я не могла поправиться.

Наступилъ новый годъ. Я просила позволенія написать къ отцу, поздравить его съ праздникомъ... Тѣже двѣ послушницы явились ко мнѣ въ сопровожденіи слуги, который принесъ глухой фонарь. Онѣ заставили меня спуститься по семидесяти-четыремъ ступенькамъ въ подземелье, раздѣли, и взявъ въ руки по пучку крапивы, покрыли мнѣ все тѣло волдырями. Ты теперь знаешь, что такое адскій огонь, сказали онѣ: — умирай здѣсь... и захлопнули за собой дверь. Я провела въ этомъ подземельи девятнадцать дней въ глубокомъ отчаяніи; единственными товарищами моими были крысы: онѣ кусали меня... Я умирала... тогда только перенесли меня въ келью... Цѣлыя шесть лѣтъ послѣ того я провела въ совершенномъ уединеніи, въ четырехъ стѣнахъ, скованная по ногамъ. Эти цѣпи такъ въѣлись въ мое тѣло, что мясо отдѣлялось вокругъ нихъ на палецъ... Я буду носить слѣды ихъ всю жизнь» (¹).

Письмо заключалось новыми мольбами о помощи; бѣдная Жанна просила мѣста гувернантки или горничной. Въ трогательныхъ выраженіяхъ напоминала она герцогу о прошедшемъ, но онъ оставался глухъ къ ея просьбамъ.

Прошло пять дней, Жанна написала новое письмо — оно также осталось безъ отвѣта. Отчаяніе овладѣло ею; попеременно она доходила до безумія; въ эти минуты она бросалась въ церковь и тамъ горько плакала и горячо молилась. Одна дама обратила на нее вниманіе и однажды заговорила съ ней. Несчастная Жанна чувствовала потребность подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ горемъ и разсказала свою исторію, не называя впрочемъ герцога... Тогда новая знакомая посовѣтовала ей просить графа Жанна Дюбарри, чтобы онъ досталъ ей мѣсто черезъ сестру свою. Жанна послѣдовала этому совѣту, описала графу всю свою жизнь, но попрежнему скрыла имя своего обольстителя. На другой день къ ней явился повѣренный графа и хотѣлъ узнать это имя. Послѣ долгихъ колебаній Жанна

(¹) Это описаніе нисколько не преувеличено. См. «La religieuse», Diderot и réflexions sur les prisons des ordres religieux, Mabillon.

Digitized by Google

выдала свою тайну. Дюбарри этого только и было нужно. Сдѣлавъ свою невѣстку любовницей короля, онъ спекулировалъ на ея вліяніе. Замѣтивъ связь ея съ герцогомъ, онъ съ одной стороны опасался уменьшенія своего значенія, съ другой боялся, что король прогонитъ ее. Получивъ письмо Жанны, онъ по нѣкоторымъ соображеніямъ заподозрилъ д'Эгильона. Удостовѣрившись въ справедливости своей догадки, онъ поспѣшилъ расказать все дѣло невѣсткѣ, чтобъ поссорить ее съ герцогомъ. Дѣйствительно желаніе его едва не исполнилось: графиня встрѣтила д'Эгильона градомъ упрековъ; тотъ съ наглостью отпирался, увѣряя, что вся эта интрига дѣло враговъ его. Затѣмъ онъ поскакалъ къ Сенъ-Флорентэну и де-Сартину и просилъ ихъ арестовать Жанну. По его просьбѣ ее бросили въ For-l'Eveque, а для успокоенія графини Дюбарри нарядили слѣдствіе... Жанна была признана клевстницей и осуждена на пожизненное заключеніе.

Надѣемся, что эти примѣры достаточно показали какъ во Франціи средневѣковое варварство и произволъ взаимно поддерживали другъ друга. Лучъ свѣта не проникалъ въ густой мракъ парламентскихъ и королевскихъ указовъ. Знатный преступникъ всегда могъ быть увѣренъ въ совершенной безнаказанности; законы служили только къ удовлетворенію его капризовъ и ненависти. Поэтому неудивительно, что аристократы отстаивали упорно всякій камень этого зданія. Никогда болѣе глубокій разладъ не существовалъ между обществомъ и законодательствомъ: первое, проникнутое гуманными теоріями философовъ XVIII вѣка, было полно жизни и движенія; второе, неподвижное, одряхлѣвшее, держалось только преданіемъ и блескомъ наружныхъ украшеній. Новая сила — общественное мнѣніе грозно простирало надъ ней свою могучую руку. Не разъ его суровый голосъ напоминалъ правительству, что первый долгъ его — правосудіе, что законы должны измѣняться сообразно развитію общества. Мелкія уступки не могли удовлетворить тамъ, гдѣ дѣло касалось до радикальныхъ реформъ — и паденіе башенъ Бастиліи ознаменовало начало новой эры. Тогда только филантропическія ученія вѣка стали находить себѣ примѣненіе на практикѣ, но еще не одинъ разъ юридическая рутина сдерживала стремленіе общества къ преобразованію уголовнаго права.

В. ПОПОВЪ

Digitized by Google

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Денегъ дѣвать некуда, а капиталовъ нѣтъ. — Въ чемъ заключается истинное значеніе денегъ. — Въ безденежьи ли заключается причина жалобъ на безденежье? — Основаніе устройства свободныхъ банковъ. — Какъ объяснить явленіе, состоящее въ томъ, что и деньги и товары потеряли свою покупательную силу. — Различіе между торговымъ кризисомъ и атоніей. — Предположенія о новомъ выпускѣ бумажныхъ денегъ. — Московское страховое общество и складчины взаимнаго застрахованія. — Данковскій голова. — Новый московскій городской голова. — Предполагаемыя улучшенія въ календарѣ. — Послѣднія извѣстія о ходѣ крестьянскаго дѣла. — Страданія и жалобы извѣстнаго литератора г. Григорія Бланка.

Въ № 41 «Московскихъ Вѣдомостей» есть передовая статья, а въ этой статьѣ много курьезовъ. Но пусть читатели судятъ сами.

Передовая статья вызвана недѣльнымъ отчетомъ государственнаго банка. Въ послѣднее время онъ выдавалъ золота по полтора мильона въ недѣлю, а въ срединѣ февраля пришлась такая недѣля, что выдано было два съ четвертью мильона. «Куда какъ не за границу требуется и пойдетъ это золото?» заключаютъ «Московскія Вѣдомости». Положимъ что это и такъ, хотя это и нѣсколько торопливо, какъ увидимъ послѣ. Но слѣдующее заключеніе еще любопытнѣе: «Не ясный ли это признакъ, что намъ выгодно сбывать деньги за границу, *то-есть* что у насъ есть избытокъ въ денежныхъ знакахъ?» Далѣе выходитъ, что мы даже страдаемъ отъ избытка денежныхъ знаковъ, что это фактъ самый несомнѣнный изъ несомнѣнныхъ, что этотъ вопросъ давно разсмотрѣнный со всѣхъ сторонъ и всѣмъ уже успѣли прискучить нескончаемыя варьяціи этой темы. Далѣе съ забавнѣйшею важностью доказывается, будто бы у насъ денегъ черезчуръ много, а нѣтъ капиталовъ. Капиталовъ нѣтъ, а денегъ дѣвать некуда. Иначе сказать, у насъ

Digitized by Google

много того, чего у насъ нѣтъ; иначе сказать тотъ, или тѣ купцы, которые нашли *выгоду* выслать за границу въ одну недѣлю два съ четвертью мильона золотомъ, деньги имѣютъ, но не капиталисты; и ежели въ предыдущія недѣли высылали тоже съ *выгодою* по полтора мильона, то все-таки не капиталисты, а только люди, имѣющіе деньги. Далѣе еще говорится, что дѣла наши разстроены, что для поддержки предпріятій, дающихъ четыре и пять процентовъ, мы занимаемъ по девяти и десяти процентовъ, а все-таки денегъ у насъ куры не клюютъ, деньги дешевы, а дороги капиталы.

Ну если такимъ образомъ «разсмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ» вопросъ о нашей звонкой монетѣ,—какъ говоритъ статья,—«и всѣмъ уже успѣли прискучить нескончаемыя его варьяціи» — то сдѣлано еще немного, хотя и правда, что подобныя варьяціи въ самомъ дѣлѣ прискучить могутъ. Вотъ любопытно было бы, еслибы лица, распоряжающіяся государственными финансами, имѣли о нихъ такое же точно понятіе, какъ «Москов. Вѣдомости»; какую кашу сдѣлали бы они изъ финансовъ, съ забавнѣйшею важностью толкуя о томъ что́ намъ нужнѣе, «возстановленіе ли или упроченіе денежной единицы?» Любопытнѣе всего, что «Москов. Вѣдом.» ссылаются на «здравый смыслъ, не говоря уже о здравой экономической теоріи». И точно, въ особенности здравый смыслъ тутъ дѣло не лишнее.

Здравая экономическая теорія тоже была бы въ этомъ случаѣ не лишняя, если только она въ самомъ дѣлѣ здравая, и еще если она примѣняется къ факту правильно, безъ механической игры представленій, безъ узкости и темности сознанія, безъ выводовъ, сдѣланныхъ заранѣе. Къ этому еще надо прибавить, что такъ-называемая наука, политическая экономія, совсѣмъ еще не наука и требуетъ величайшей осторожности въ примѣненіи небольшого количества добытыхъ ею истинъ. И въ этомъ случаѣ примѣръ «Моск. Вѣд.» весьма поучителенъ.

Всѣ у насъ жалуются на безденежье, и жалуются очень справедливо. Самое несомнѣнное доказательство этого — высокій процентъ, платимый при обмѣнѣ векселей на деньги, то-есть дисконтъ. Если у васъ есть вексель, подписанный какимъ-нибудь извѣстнымъ торговцемъ, комерціи совѣтникомъ, срокомъ на годъ, то вамъ не легко будетъ промѣнять этотъ вексель на деньги: придется сдѣлать значительную уступку отъ шести до десяти и болѣе процентовъ. Продать этотъ вексель въ банкѣ — не всегда можно: банкъ покупаетъ векселя или принимаетъ ихъ къ учету только до извѣстной суммы, и то не свыше шестимѣсячнаго срока. Для каждаго торговца въ банкѣ постановлена извѣстная норма, дальше которой довѣріе банка простираться не должно, и понятно само собою, что эта сте-

Digitized by Google

пень довѣрія опредѣляется по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ: по слухамъ о ходѣ дѣлъ каждаго торговца, по количеству его имѣнія, по объему его оборотовъ, по знакомству, по протекціи, и такъ далѣе. Нерѣдко случается, что даже очень благонадежный вексель не принимается въ банкѣ къ учету, то-есть не покупается. Это бываетъ именно тогда, когда въ порфелѣ банка имѣется уже опредѣленное количество векселей даннаго лица; далѣе этого количества банкъ въ своемъ довѣріи идти не можетъ, столько же изъ осторожности, сколько (если еще не болѣе) по ограниченности своихъ собственныхъ средствъ. Тогда приходится искать частнаго покупателя на вексель, частнаго учета или дисконто, и дѣлать огромную уступку. Еслибы свободныхъ капиталовъ было много, то они разумѣется искали бы вѣрнаго помѣщенія, и отъ ихъ соперничества дисконтъ долженъ бы былъ понизиться. Но этого нѣтъ, стало-быть нѣтъ большого количества свободныхъ капиталовъ, стало-быть мало капиталовъ. «Моск. Вѣд.» говоритъ, будто это не значитъ, что мало денегъ; по ихъ мнѣнію денегъ больше, нежели нужно.

Мы посылаемъ много денегъ за границу; это несомнѣнно. Но это вовсе еще не значитъ, будто намъ *выгодно* сбывать ихъ за границу, будто у насъ есть лишнія деньги. Положимъ, что нѣкоторый богатый землевладѣлецъ заложилъ свое имѣніе, взялъ хорошій кушъ, и употребляетъ его на выкупъ своихъ векселей, на постепенное покрытіе мелкихъ своихъ долговъ, сдѣлавши одинъ долгъ крупный. Онъ выдаетъ много денегъ, но это вовсе не значитъ, что у него есть лишнія деньги и что ему *выгодно* сбывать ихъ, отдавать на вывозъ изъ своего дома. Пожалуй оно выгодно въ нравственномъ отношеніи, потомучто поддерживаетъ кредитъ до поры, до времени, но далеко не выгодно, какъ прямая спекуляція. Извѣстно также всякому, что кредитъ поддерживается лишь на нѣкоторое время, пока производятся уплаты, а потомъ, когда все-таки доходъ превышается расходомъ, кредитъ опять исчезаетъ и наступаютъ попрежнему стѣсненныя обстоятельства. У насъ точно такъ же усиленная высылка денегъ за границу показываетъ не излишекъ денегъ, а только то, что мы уплачиваемъ кое-какіе мелкіе долги, и когда всѣ долги будутъ заплачены, дѣла поправятся только при одномъ условіи, совершенно неизбѣжномъ: если итогъ цѣны привозимыхъ къ намъ изъ-за границы товаровъ не будетъ превышать итога цѣны товаровъ, отправляемыхъ за границу отъ насъ. Иначе сказать, надо: чтобъ расходъ не превышалъ дохода, и это единственное средство поправить дѣло.

Для уравненія расхода съ приходомъ, когда первый выше это-

Digitized by Google

рого, имѣются два средства, или уменьшить расходъ, то есть воздержаться отъ излишнихъ покупокъ за границей, или увеличить приходъ, то есть увеличить сбытъ своихъ продуктовъ, для чего усилить свою производительность. Послѣднее средство конечно выгоднѣе; но такъ какъ выгодный сбытъ зависитъ большею частію отъ большого запроса, который не въ нашихъ рукахъ, не въ нашей волѣ, то и надобно соединить первую мѣру со второю: значительную часть покупаемыхъ за границею товаровъ производить дома, причемъ и увеличится производительность.

У насъ на все стоитъ страшная дороговизна. Это фактъ несомнѣнный; съ нимъ даже согласны «Моск. Вѣд.». Они дѣлаютъ изъ этого факта такой выводъ, что значитъ денегъ у насъ много. Хлѣбъ дорогъ, рабочія руки дороги, квартиры дороги. Политическая экономія увѣряетъ, будто это значитъ, что деньги дешевы. Да нѣкоторой степени это такъ. Когда въ Калифорніи открылись золотыя россыпи и народъ кинулся на разработку драгоцѣннаго метала, то въ первое время золото было тамъ крайне дешево въ сравненіи съ предметами первой необходимости. Простой и самый неприхотливый рабочій въ одинъ день издерживалъ на хлѣбъ по червонцу, или по два. Была стало-быть большая дороговизна: золота было слишкомъ много относительно хлѣба. Но г. Катковъ въ своей газетѣ сильно ошибается, если думаетъ, что въ Калифорніи было лишнее золото. Смѣшно слышать, чтобы когда-нибудь могло быть лишнимъ такое добро, какъ золото; а если въ какомъ-нибудь краю земного шара на покупку куля хлѣба приходится употребить больше золота, нежели сколько нужно употребить на покупку того же въ другомъ краю, то это значитъ, что въ томъ первомъ краю не золота слишкомъ много, а хлѣба слишкомъ мало. И много ли нужно проницательности, чтобы понять такое простое дѣло? А вѣдь вотъ нѣтъ, не понимаютъ, да еще съ забавною важностью толкуютъ, что всѣмъ уже успѣли прискучить нескончаемыя варьяціи на эту тему. Можно согласиться только съ тѣмъ, что весьма легко прискучитъ безсмыслица, соединенная съ торжественно важнымъ диктаторскимъ тономъ. Пора политической экономіи окончательно усвоить мысль, что чего-нибудь хорошаго не бываетъ и не можетъ быть слишкомъ много. Современемъ, когда политическая экономія созрѣетъ до степени науки, эта истина будетъ общеизвѣстна, какъ дважды-два четыре. А покамѣстъ политическая экономія строитъ догадки, имѣющія основанія только подъ однимъ изъ своихъ угловъ, а всѣми остальными углами стоящія въ воздухѣ. Понятное дѣло, что онѣ разрушаются отъ малѣйшаго прикосновенія дѣйствительности или хоть здраваго смысла.

Digitized by Google

Страдаемъ мы отъ избытка денегъ, извольте видѣть. Но какъ же мы могли постараться необразить? Земледѣлецъ денегъ не дѣлаетъ, золота не кованъ; во времени жатвы или окончательной уборки съ полей продуктовъ у него, положимъ, осталась тысяча рублей. Сосѣдъ его рудокопъ, имѣющій кучу золота, предлагаетъ ему за извѣстное количество хлѣба не фунтъ, а два фунта драгоцѣннаго металла. Въ какомъ смыслѣ земледѣлецъ будетъ страдать отъ этого избытка? Развѣ только въ томъ, что тяжело будетъ это нести? Но это страданіе еще не велико, тѣмъ болѣе, что земледѣльцу надо будетъ отдать за извѣстное количество желѣза, сапоговъ, шляпъ и другихъ предметовъ для него необходимыхъ, тоже не фунтъ, а два фунта золота. Наконецъ могла бы случиться такая бѣда, что золота накопаютъ больше, чѣмъ на свѣтѣ желѣза. Но и это не бѣда, потому что тогда золото перестанетъ быть драгоцѣннымъ металомъ, потеряетъ свое достоинство какъ удобное орудіе мѣны, и человѣчество придумаетъ себѣ другія деньги, не такія громоздкія.

Такимъ образомъ выходитъ, что можно страдать отъ избытка денегъ только въ такомъ случаѣ, когда для нихъ нужно устроивать особыя дорогія помѣщенія и когда они слишкомъ громоздки. Едва ли и г. Катковъ станетъ утверждать, что мы уже дошли до этого.

Очевидно, что въ понятіяхъ г. Каткова происходитъ путаница вслѣдствіе неясного пониманія что такое деньги, и здѣсь мы говоримъ, конечно, не о знаменитомъ его четвертакѣ, хотя и въ немъ понятія не точны. Для облегченія дальнѣйшей бесѣды объ этомъ предметѣ, надо хорошенько условиться въ значеніи словъ.

Люди оказываютъ взаимныя другъ другу услуги посредствомъ мѣны, при чемъ одинъ уступаетъ другому часть своихъ продуктовъ. Но въ прямой мѣнѣ имѣются большія неудобства. Человѣкъ, располагающій тушею говядины, можетъ имѣть нужду въ хлѣбѣ, въ ножѣ, въ каленкорѣ, въ чаѣ, въ книгахъ и въ разныхъ другихъ предметахъ. Чтобы вымѣнять себѣ все это, онъ долженъ съ большими трудами отыскивать владѣльцевъ этихъ необходимыхъ для него вещей, и каждому изъ нихъ дать по части своего товара, котораго равноцѣнное количество опредѣлялось бы предварительнымъ уговоромъ. Но человѣкъ, обладающій каленкоромъ и желающій уступить нѣкоторую часть его въ обмѣнъ на другіе товары, можетъ быть только-что приобрѣлъ себѣ значительный запасъ мяса. Надо искать другого обладателя каленкора, еще не запасшагося говядиной. Для избѣжанія подобныхъ неудобствъ, люди уже въ отдаленнѣйшія времена, какъ только общество принимало нѣкоторую правильность, старались принять какое-нибудь особенное орудіе, посредствомъ котораго выражались бы цѣнности различныхъ про-

Digitized by Google

изведеній. Требовалось, чтобы это орудіе было общепринято въ обмѣнѣ на продукты и услуги, чтобы потомъ можно было произвольно мѣнять его на другіе продукты и другія услуги. Въ драгоцѣнныхъ металахъ, именно въ золотѣ и въ серебрѣ, имѣется много свойствъ, вслѣдствіе которыхъ они особенно удобны для этой цѣли. Но этимъ свойствамъ видно, что общепринятость ихъ не случайна и не произвольна. Одно изъ этихъ свойствъ — совершенное однообразіе качества. Золото и серебро, какъ тѣла простыя, вездѣ одинаковы: калифорнское, австралійское и сибирское золото ровно ничѣмъ одно отъ другого не отличаются; серебро мексиканское и уральское — одно и тоже вещество. Другое свойство — дѣлимость на мелкія части и удобное соединеніе въ большія массы посредствомъ плавки. Сверхъ того они весьма прочны, огонь производитъ въ нихъ весьма незначительныя измѣненія, а ржавчина не измѣняетъ вовсе; они долгое время могутъ переходить изъ рукъ въ руки, не претерпѣвая отъ тренія чувствительной потери. Они весьма тягучи, не ломки, удобно смѣшиваются съ другими металами, увеличивающими ихъ прочность, послѣ чего нельзя снова раздѣлить ихъ безъ большой потери; они получаютъ и удерживаютъ отпечатокъ, показывающій ихъ вѣсъ и степень чистоты металла. Всѣ эти свойства придаютъ имъ большую цѣнность при употребленіи въ ремеслахъ, независимо отъ услугъ, оказываемыхъ ими въ качествѣ монетъ; это весьма важное обстоятельство, потомучто оно старитъ и поддерживаетъ драгоцѣнные металы на степени равенства со всѣми остальными полезными произведеніями.

Другое обстоятельство, въ силу котораго они служатъ удобными посредниками мѣны, это то, что они заключаютъ большую цѣнность въ своемъ маломъ объемѣ. Это происходитъ частію отъ относительной рѣдкости мѣстонахожденій, откуда извлекаются драгоцѣнные металы, и частію — отъ первобытности орудій, употребляемыхъ для ихъ извлеченія изъ земли и низкой степени развитія рабочихъ — рудокоповъ. Это занятіе всегда представляло самыя соблазнительныя надежды и всегда сопровождалось большими случайностями и разочарованіями. Оно почти вездѣ было трудомъ народовъ, стоящихъ на низкой степени образованности или понижало умственный уровень тѣхъ, кто ему предавался. Отъ этого происходитъ двѣ выгоды относительно драгоцѣнныхъ металовъ, употребляемыхъ въ качествѣ посредниковъ мѣны. Первая выгода та, что малаго количества ихъ достаточно для замѣны большого количества другихъ полезныхъ продуктовъ; вторая та, что въ значительной степени поддерживается однообразіе ихъ цѣнности, причемъ довольно ограниченныя прибавки, дѣланныя въ разныя времена къ количе-

Digitized by Google

стамъ, уже существовавшимъ. Если принять въ соображеніе, что они очень прочны и что находящіяся въ обращеніи ихъ массы претерпѣваетъ меньше убавки, нежели всѣ остальныя вещи, переходя изъ рукъ въ руки они способствуютъ, то легко замѣтить, что даже небольшая ежегодная прибавка къ количеству, находящагося въ употребленіи (прибавка хотя меньшая противъ увеличенія всей массы продуктовъ за тоже время), быстро уменьшивала бы ихъ цѣнность и лишила бы ихъ того постоянства, которое есть главнѣйшее качество посредника всеобщей мѣны.

Но ясно, что въ извѣстное время въ данномъ мѣстѣ хлѣбомъ можетъ опредѣляться цѣнность золота, точно такъ же, какъ золотомъ опредѣляется цѣнность хлѣба или всякаго другого продукта, который можетъ быть пріобрѣтенъ. Хотя золото въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ менѣе всякаго другого продукта подвержено измѣнчивости, однако все-таки цѣнность его измѣняется не только по отношенію къ одному продукту, какъ хлѣбъ, но даже по отношенію къ серебру и ко всѣмъ прочимъ продуктамъ. Когда открылись золотоносныя края Калифорніи и Австраліи, произошла именно такого рода перемѣна: цѣнность золота понизилась и продолжаетъ понижаться, или что одно и тоже, цѣнность всей массы продуктовъ возвысилась въ сравненіи съ этимъ металомъ. Это происходитъ оттого, что новый годъ во всемірное обращеніе вступаетъ золота вчетверо больше того что вступало до 1848 года. Золото теперь добывается съ меньшимъ прямымъ трудомъ, стало быть надо меньше и непрямого труда на его добываніе. Прежде на всѣхъ рудокоповъ, занятыхъ добываніемъ золота, приходилось въ извѣстный періодъ времени положимъ пудъ золота, а нынче въ такой же точно періодъ приходится уже четыре пуда. Въ извѣстное время земледѣльцы нѣкоторой области заработывали своимъ трудомъ десять фунтовъ золота, а теперь они должны заработывать сорокъ фунтовъ. Конечно, съ 1848 года золото подешевѣло не настолько, не дѣло въ томъ, что ежели оно дешевле достается при добываніи его трудомъ прямымъ, рудокопнымъ, то настолько же дешевле оно должно доставаться и трудомъ косвеннымъ.

Когда драгоцѣнные металы поступаютъ въ торговлю и предлагаются въ видѣ песку или слитковъ, то легко замѣтить, что они имѣютъ значеніе всякаго другого товара. Однако старинные экономисты предполагали, что когда металы превращаются въ монету и выпускаются въ обращеніе правительствомъ подъ именемъ наполеонъ, долларовъ, франковъ или рублей, они получаютъ новыя свойства и менѣе подвержены перемѣнамъ, происходящимъ со всѣми обыкновенными произведеніями промышленности. Но ясно, что

Digitized by Google

монета отличается отъ своего сырого матеріала только извѣстною степенью чистоты, примѣсью опредѣленнаго количества болѣе грубаго металла и тѣмъ еще, что она дѣлается постоянно одной формы и вѣса, обозначенныхъ на надписи. Честность правительства ручается за тщательность и вѣрность пробы, что вкратцѣ выражается вензелемъ или портретомъ государя.

Чрезвычайная чувствительность, съ какою монета откликается на общіе законы торговли и повинуется имъ, оказывалась всякій разъ, когда люди пробовали удержать и золото и серебро въ одно время мѣрою цѣнности. Въ извѣстный день весьма возможно опредѣлить сколько золотниковъ серебра равняются одному золотнику золота. Очень легко сказать какого вѣсу долженъ быть сегодня имперіалъ, если онъ долженъ ходить совершенно наравнѣ съ десятью серебряными рублями. Но въ непродолжительномъ времени относительная цѣнность двухъ металовъ можетъ измѣниться, точно такъ же, какъ она можетъ быть не принята въ другихъ странахъ. Примѣровъ этому множество, и одинъ изъ самыхъ ясныхъ былъ въ тридцатыхъ годахъ въ Америкѣ. Тогда золотая монета дѣлалась очень чистая, цѣною ровно въ десять долларовъ. Во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ на одну такую монету можно было купить десять долларовъ, не больше. Но въ Англіи и во Франціи на ту же монету можно было купить серебра столько, что на монетномъ дворѣ оно уже цѣнилось въ 10 долларовъ и 66 центовъ. Поэтому всѣ десяти-долларовыя монеты были вывезены въ Европу *какъ товаръ*. Съ другой стороны и цѣнность золота можетъ понизиться, такъ что на десять серебряныхъ рублей иной разъ можно бываетъ купить золота на десять съ полтиной. Въ такомъ случаѣ должно исчезать серебро. Пониженіе достоинства серебряной монеты помогаетъ здѣсь на нѣкоторое время, но нельзя сказать, чтобы такимъ образомъ навсегда установилось отношеніе, которое по самому свойству вещей подвержено постоянному колебанію.

Всякій *законный* обладатель нѣкотораго количества драгоцѣнныхъ металовъ владѣетъ ими только въ обмѣнъ труда, употребленнаго прямо на ихъ добываніе, напримѣръ въ рудникахъ, или въ обмѣнъ на услуги, оказанныя его трудомъ или его капиталомъ, который есть не иное что, какъ скопленіе прежнихъ, еще не вознагражденныхъ услугъ. Обладатель драгоцѣнныхъ металовъ владѣетъ ими только *покамѣсть*, для обмѣна на другія услуги, когда придетъ нужда въ этихъ услугахъ. Онъ не можетъ ни ѣсть, ни пить своихъ металовъ, ни употребить ихъ на какое бы то ни было полезное дѣло, кромѣ обмѣна. Если металъ у него имѣетъ форму монеты, то на немъ вычеканено публичное ручательство цѣлаго общества въ

Digitized by Google

тель, что обладатель ея оказалъ извѣстное количество услугъ, на которыя въ свою очередь можетъ потребовать равнозначащихъ или равноцѣнныхъ услугъ, когда захочетъ. Бастіа, въ одной изъ своихъ великолѣпныхъ брошюръ, въ которыхъ онъ старался знакомить французовъ съ основаніями политической экономіи, подробно объяснялъ то что справедливо называю у него истиннымъ значеніемъ надписи, вычеканенной на монетѣ. По его словамъ, то, что написано на монетѣ значитъ: «Возвратите предъявителю сего, въ обмѣнъ на этотъ значокъ, столько же услугъ, сколько онъ оказалъ обществу; цѣнность его услугъ опредѣлена во столько-то золотниковъ и долей чистаго серебра, заключающагося въ этомъ значкѣ. Въ удостовѣреніе чего назначенные для этого публичные агенты вычеканили на этой штукѣ ея имя, рубль, и надлежащія эмблемы». Такимъ образомъ монета есть доказательство, росписка, квитанція въ томъ, что владѣтель ея оказалъ остальному человѣчеству нѣкоторую услугу, отдалъ эту услугу взаймы и въ свое время потребуетъ возврата. Такимъ образомъ рабочій, получившій за свой трудъ рубль, получилъ еще только росписку въ томъ, что общество отъ него приняло его работу и дало ему право требовать себѣ за это равнозначащей работы отъ другихъ. А когда одно общество посылаетъ другому два съ четвертью мильона рублей, то это значитъ, что первое получило отъ второго значительныя услуги на два съ четвертью мильона и посылаетъ въ этомъ квитанціи, вычеканенныя на металѣ; при этомъ второе общество можетъ требовать взаимныхъ услугъ отъ перваго, и по полученіи ихъ чеканенныя росписки возвратитъ, или въ обмѣнъ на эти же росписки возьметъ услуги отъ третьяго или какого еще другого общества.

Такимъ образомъ значеніе монеты въ обращеніи есть тоже самое что значеніе векселя, подписаннаго всѣми тѣми, кому монета можетъ быть предъявлена. Всякій, принимающій монету, возвращаетъ ея владѣльцу своимъ трудомъ или продуктами своего труда все то что тотъ сдѣлалъ полезнаго для человѣчества. Общество, посылающее другому на два съ четвертью мильона росписокъ на металѣ, или звонкой монеты, получило извѣстнаго рода услуги или то что оно считаетъ услугами, нѣсколько ранѣе, и конечно дало въ нихъ еще прежде росписки или квитанціи на бумагѣ, въ видѣ торговыхъ векселей. Еслибы предвидѣлся скорый возвратъ услугъ, то не было бы надобности въ замѣнѣ бумажныхъ росписокъ металлическими. Напримѣръ получили мы изъ Англіи фельсы или трубы для водопроводовъ и можемъ вознаграждать эту услугу хотъ напримѣръ хлѣбомъ. Получили желѣза на мильонъ, дали въ этомъ росписку на бумагѣ, отдали хлѣба на мильонъ и уничтожили

Digitized by Google

росписку. Тутъ оканчивается весь оборотъ. Но можетъ случиться и такъ, что мы ведемъ дѣла съ тремя различными иностранцами. Отъ одного, француза, мы получаемъ моды, отъ другого, бельгійца, ружья, отъ третьяго, англичанина, рельсы, и всего этого въ итогѣ на мильонъ, причемъ конечно выдаемъ три бумажныя росписки, каждая въ треть мильона. Потомъ мы отправляемъ къ англичанину хлѣбъ, сало и кожъ на мильонъ, и получаемъ тоже росписки на треть мильона, свою, обратно, да на двѣ трети мильона двѣ новыя. Но если англичанинъ тоже посылалъ французу желѣзо, и именно на треть мильона, и имѣетъ отъ него росписку въ полученіи, то вмѣсто новой росписки со стороны англичанина, мы можемъ взять у него росписку француза. Когда французъ, въ обмѣнъ на свои моды будетъ съ насъ требовать равноцѣнной услуги, то мы представляемъ ему его росписку, выданную англичанину, мѣняемся бумагами, и расчетъ конченъ. Тоже самое можемъ мы сдѣлать съ бельгійцемъ, если только у англичанина найдется бельгійская росписка въ треть мильона. Тогда весь торговый оборотъ кончается безъ денегъ, безъ металическихъ росписокъ. Нѣсколько сложнѣе, но въ дѣйствительности весьма часто дѣла такъ и дѣлаются.

Но можетъ случиться, что мы приняли услугъ или того что считаемъ услугами, на мильонъ, а возвратили всего только на девятьсотъ тысячъ. Тогда у иностранца застряла наша росписка, во сто тысячъ; онъ требуетъ отъ насъ услугъ цѣною на сто тысячъ, а мы этихъ услугъ оказать не въ силахъ. Подождавъ немного, именно столько, сколько по уговору ждать слѣдовало, онъ перестаетъ довольствоваться бумажною квитанціей, а требуетъ уже металической. Дѣло въ томъ, что металическая несравненно удобнѣе. Онъ будетъ требовать изъ Мокки грузъ кофе; тамъ пожалуй не примутъ въ уплату за него нашу бумажную росписку, потому, положимъ, что насъ не знаютъ. А золото тамъ хорошо знакомо. Такимъ образомъ англичанинъ заплатитъ за мокскій кофе не золотомъ, а тѣмъ желѣзомъ, которое онъ намъ поставилъ, и только металическую квитанцію въ этомъ передаетъ аравійскому производителю кофе. При этомъ трудъ, употребленный на то, чтобы вырастить кофе, будетъ оплаченъ трудомъ, употребленнымъ на приготовленіе желѣза и золота употребится въ дѣло только какъ посредникъ мѣны, какъ росписка, которую всѣ понимаютъ и которой всѣ вѣрятъ.

А вѣрятъ всѣ звонкой монетѣ потому, что вещество, изъ котораго она сдѣлана, само по себѣ годится въ дѣло и заключаетъ въ себѣ цѣнность, основанную на трудѣ, необходимомъ для производства этого вещества въ данное время, въ извѣстномъ мѣстѣ, тогда

Digitized by Google

какъ бумажную квитанцію можно превратить вдвое и почти безъ всякаго труда.

Понятно, что употребленіе звонкой монеты, этого посредника, этого векселя, по которому соглашается платить всякій своимъ трудомъ или продуктами своего труда, не имѣетъ никакого вліянія на основные законы мѣны. Монета облегчаетъ операцію мѣны, какъ самый благонадежный въ свѣтѣ вексель, который не можетъ упасть въ цѣнѣ по разстройству дѣлъ векселедателя, потомучто по немъ всякій готовъ заплатить своимъ трудомъ. Поэтому на монету не совсѣмъ удобно смотрѣть какъ на товаръ только. Правда, что въ обмѣнъ на товаръ идутъ и товары, и векселя, но монета есть именно такой товаръ, который всѣмъ нуженъ, такой вексель, который всѣми принимается безъ учета, въ нарицательной цѣнѣ. Кромѣ того монета облегчаетъ операцію мѣны тѣмъ, что служитъ мѣрою цѣнностей. Не будь монеты у англичанина, покупающаго мексикій кофе, какимъ образомъ сошолся бы онъ въ цѣнѣ съ аравитяниномъ? Онъ мѣняетъ кофе на желѣзо, доставленное въ Петербургъ. Какъ же объяснить и доказать аравитянину, что англичаниномъ оказана Петербургу значительная услуга, какъ не такою понятною и убѣдительною расписскою, какъ червонецъ? Сверхъ того монета въ качествѣ переводнаго векселя оживляетъ мѣну точно на такихъ же основаніяхъ, какъ оживляетъ ее желѣзная дорога и пароходъ, или еще больше: операція ускоряется.

Намъ напримѣръ нуженъ сахаръ. У насъ есть хлѣбъ, который на сахаръ удобно бы промѣнять, еслибы производители сахару нуждались въ хлѣбѣ. Но такъ какъ хлѣба имъ не нужно, то надо сдѣлать длинную операцію многосложной мѣны, пока доберемся до сахару. Надо промѣнять хлѣбъ на желѣзо, потомъ желѣзо на каленкоръ, а потомъ каленкоръ на сахаръ. Гораздо короче послать въ Гавану звонкой монеты и привести сахаръ, а эта звонкая монета, при нормальномъ ходѣ дѣлъ, эта росписка, вернется къ намъ въ свое время, когда производители сахару отошлютъ ее въ Англію, промѣняютъ ее на каленкоръ, производитель каленкору промѣняетъ ее на желѣзо, а производитель желѣза отдастъ намъ обратно за хлѣбъ.

Неужели же «Моск. Вѣд.» не поймутъ, что нѣтъ никакой возможности страдать отъ излишества звонкой монеты? Вѣдь это значитъ ни больше ни меньше, какъ страдалъ бы кто-нибудь отъ излишества услугъ, оказанныхъ имъ человѣчеству, отъ праве требовать себѣ возврата разнодѣнныхъ услугъ въ такомъ видѣ, какой ему заблагоразсудится. Ктоже страдаетъ отъ излишняго количества благонадежнѣйшихъ векселей, по которымъ готовъ платить всякій,

Digitized by Google

къ кому ни обратитесь, своимъ трудомъ или продуктами своего труда? Да и можетъ ли быть такого рода излишество, не говоря уже о томъ, что у насъ-то его далеко нѣтъ.

Но оставляя въ сторонѣ «Москов. Вѣд.» съ ихъ «механическою игрою представленій» или съ ихъ «сознаніемъ темнымъ и ненормальнымъ», какъ выражается г. Юркевичъ въ заглавіяхъ своихъ публичныхъ лекцій, нельзя не признать, что денегъ все-таки нѣтъ. Всѣ жалуются на безденежье и на общую дороговизну, и никакъ не могутъ объяснить себѣ отчего дѣла у насъ плохи. Возникаютъ даже очень любопытныя пренія, въ которыхъ спорящіе высказываютъ удивительныя вещи, неслыханныя убѣжденія и договариваются, какъ нѣкоторые любители допиваются, до чортиковъ. Дошли даже до вопроса: отчего дѣла у насъ плохи: отъ излишества или отъ недостатка бумажныхъ денегъ? Любопытный вопросъ и странный въ тоже время, тѣмъ болѣе странный, что переписка по поводу его печатается въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», которыя, судя по названію, должны бы спеціальнымъ образомъ быть знакомы съ бумажными знаками. Споръ ведется между г. Бунге и г. Шиповымъ, но которая изъ спорящихъ сторонъ лучше, рѣшить мудрено; кажется, что обѣ лучше. Г. Шиповъ говоритъ, что одно средство избавиться отъ тяготѣющаго надъ нами торговаго, промышленнаго и монетнаго кризиса — напечатать побольше бумажныхъ денегъ. На это г. Бунге столь же туманными, сколько и неясными фразами возражаетъ, что потребность въ орудіяхъ обращенія должна быть удовлетворена такими орудіями, которыя созданы торговлею и имѣютъ цѣнность, основанную на довѣріи, а не на обязательномъ курсѣ, и что «безденежье не есть воображаемая болѣзнь, отъ которой можно лечить промышленный міръ политико-экономическими статьями и увѣреніемъ, что болѣзнь пройдетъ сама собою».

Въ этомъ спорѣ принялъ участіе г. Скарятинъ, въ другой уже газетѣ, говоря, что не мѣшало бы напечатать побольше асигнацій, а въ третьей газетѣ промолвилъ свое длинно-худощавое слово и г. Катковъ. Дѣло дѣйствительно въ высшей степени интересное. Отъ ясваго пониманія его зависятъ наши надежды, наши расчеты, стало-быть наша экономическая будущность. Хотя г. Бунге и пишетъ г. Шипову, что споръ ихъ утомилъ читателей и самого г. Бунге, однако время нынче не то, чтобы отдыхать среди нерѣшонныхъ вопросовъ. Утомить можетъ только напыщенная туманность,

Digitized by Google

которая между прочимъ показываетъ смутное пониманье дѣла самимъ авторомъ.

Капиталъ, состоящій изъ вещей, недвижимости или денегъ, представляющихъ право на полученіе имущества, всякій капиталъ приобрѣтается и сохраняется только посредствомъ труда. Операція мѣны и торговли вовсе не увеличиваетъ народнаго капитала, то-есть массы полезныхъ вещей, находящихся въ обществѣ; ни звонкая монета, ни какіе кредитные знаки тоже не увеличиваютъ народнаго капитала до той минуты, пока не обмѣниваются на полезные предметы. Всякія деньги, въ видѣ ли золотой и серебряной монеты, или въ видѣ кредитныхъ билетовъ, все равно, не составляютъ богатства, не суть полезные предметы сами по себѣ; они полезны только какъ орудіе, какъ квитанціи, по которымъ обладатель ихъ можетъ получить предметы полезные, которые могутъ служить на удовлетвореніе голода, жажды, на сохраненіе въ нашемъ тѣлѣ необходимой теплоты, на питаніе ума и т. д. Надо лишь твердо убѣдиться въ этомъ и тогда нашъ финансово-промышленно-торговый кризисъ окажется дѣломъ въ высшей степени простымъ, понятнымъ.

Итакъ деньги металическія или бумажныя сами по себѣ не полезны, никуда не годятся, кромѣ обмѣна на другіе предметы, дѣйствительно полезные. Между тѣми и другими деньгами разница только та, что первыя пользуются несравненно большимъ довѣріемъ, чѣмъ вторыя, потомучто въ нихъ заключается, кромѣ условнаго значенія квитанціи на полученіе всякаго чужого труда или продуктовъ этого труда, еще значеніе внутреннее, не какъ монеты, а какъ метала. По существу дѣла человѣчество весьма могло бы обойтись вовсе безъ денегъ. Портной очень удобно могъ бы шить платье своему сосѣду сапожнику и его семейству, а сапожникъ могъ бы снабжать портного и его семейство обувью; къ концу года по точной оцѣнкѣ труда того и другого могло бы оказаться, что они другъ другу ничего не должны. На такихъ же точно основаніяхъ могла бы существовать цѣлая община, въ которой всѣ члены удовлетворялись бы во всѣхъ своихъ нуждахъ взаимными услугами, безъ употребленія денежныхъ знаковъ. Но для этого необходимо взаимное довѣріе. Надо, чтобы каждый членъ общины былъ твердо убѣжденъ, что работа его не пропадетъ даромъ, что за продукты своего годового труда онъ воспользуется небольшими частицами годового труда всѣхъ остальныхъ членовъ общины. Дѣло къ тому и идетъ.

Простѣйшая форма кредита или взаимнаго довѣрія въ обыкновенныхъ обществахъ есть текущіе счеты между двумя лицами, со-

Digitized by Google

стоящими въ частыхъ торговыхъ сношеніяхъ: Иванъ отпускаетъ Петру свои издѣлія, Петръ Ивану свои, а въ концѣ года можетъ оказаться, что они поквитались. Если же нѣтъ, если за Иваномъ осталось издѣлій на тысячу рублей, то онъ выдаетъ Петру росписку, по которой тотъ всегда можетъ получить въ лавкѣ Ивана товаровъ на тысячу рублей, или чтобы его не стѣснять, выдаетъ звонкую монету, тѣже росписки, по которымъ Петръ можетъ добыть себѣ товаровъ у всякаго другого лица, даже незнакомаго съ Иваномъ. Заплативъ разницу, оказавшуюся въ концѣ года, даже звонкою монетой, Иванъ тѣмъ неменѣе остается долженъ Петру или тому, кому тотъ монету передаетъ. Петръ можетъ передать монету Андрею, Сидору, Антону, и наконецъ десятый, сотый можетъ явиться съ тою же монетой къ Ивану, вытребовать отъ него недоданный въ прошломъ году Петру товаръ, причемъ монета-росписка возвращается къ своему прежнему владѣтелю.

Людей, непривычныхъ къ экономическимъ соображеніямъ, сбиваютъ здѣсь слова. Такъ какъ звонкая монета заканчиваетъ текущій счетъ, то имъ кажется, что она-то и составляетъ цѣль всей операціи. Но это ничего, что такъ кажется. Всѣмъ на свѣтѣ кажется, что солнце обращается вокругъ земли; но и при самомъ ясномъ пониманіи дѣла, въ языкѣ остаются слова, соотвѣтствующія тому что кажется, а не тому что происходитъ на дѣлѣ. Зная, что солнце по отношенію къ землѣ неподвижно, мы все-таки говоримъ, что солнце встаетъ, двигается и садится. Такъ и въ экономическихъ соображеніяхъ, надо стараться, чтобы общепринятыя выраженія не затемняли сущности дѣла, и говоря иной разъ о деньгахъ, какъ о цѣли, мы все-таки имѣли бы въ виду, что это не цѣль, а средство.

Удобнѣе всего дѣлаются торговые обороты не тамъ, гдѣ много звонкой монеты. Во Франціи монеты больше, чѣмъ въ Англіи. Даже въ Испаніи монеты больше, чѣмъ въ Соединенныхъ-штатахъ. А между-тѣмъ въ Англіи и въ Соединенныхъ-штатахъ кредитъ замѣнилъ употребленіе въ безчисленномъ множествѣ случаевъ, но уже не по текущимъ счетамъ, а по другой формѣ кредита. Иванъ долженъ Петру извѣстную сумму денегъ (подъ деньгами всегда разумѣется количество труда или его продуктовъ, представляемое суммою), а Петръ переводитъ этотъ долгъ на Андрея, которому самъ долженъ. Все это дѣлается на векселяхъ. Ежели случится, что Андрей долженъ Ивану такую же точно сумму, какую Иванъ долженъ Петру, то въ такомъ случаѣ вовсе безъ употребленія монеты обмѣнены были предметы, втрое превосходящіе сумму векселя. Но если Андрей Ивану не долженъ, то онъ все-равно принимаетъ его

Digitized by Google

вексель въ твердомъ убѣжденіи, что онъ въ срокъ заплатитъ, тѣмъ болѣе, что тутъ же и Петръ своею подписью обязывается произвести уплату въ случаѣ несостоятельности Ивана. Если до истеченія срока векселя Андрей захочетъ получить по немъ трудъ или его продукты въ замѣну переданнаго ему векселя, то онъ передаетъ вексель тому, съ кѣмъ вступаетъ въ дѣло. Если этотъ послѣдній имѣетъ полное довѣріе къ состоятельности Ивана и Петра, онъ можетъ принять переводъ безо всякаго иного ручательства. Но на практикѣ принято, что и Андрей подписываетъ вексель, то-есть обязывается по немъ уплатить, если первые подписавшіеся не уплатятъ. Такимъ образомъ вексель можетъ перейти черезъ большое количество рукъ, послужить всякій разъ къ переходу множества продуктовъ и замѣнить количество монеты, равное его цѣнности. Въ торговлѣ встрѣчаются векселя съ двадцатью, тридцатью и болѣе подписями.

Хранить дома деньги очевидно опасно; это обстоятельство повело къ устройству банковъ частными лицами или обществами. Въ эти банки принимаются деньги на храненіе и выдаются по запискамъ вкладчиковъ немедленно. Выгода этихъ записокъ состоитъ въ томъ, что онѣ могутъ писаться точь въ точь на требуемую сумму, и если получающій эту сумму тоже имѣетъ открытый счетъ у банкира, то простою запискою двухъ цыфръ совершается весь переводъ денегъ. Въ большомъ городѣ, гдѣ много банкировъ, деньги хранятся въ разныхъ домахъ, а результатъ выходитъ одинъ и тотъ же, потомучто каждый банкиръ принимаетъ векселя другихъ, и потомъ они сводятъ счеты между собою. Лондонскій Clearing House есть учрежденіе, гдѣ банкиры всякій день мѣняются векселями, и каждый при заключеніи дневныхъ дѣлъ платитъ или получаетъ излишекъ общаго счета того дня. Такимъ образомъ ежедневно производится у нихъ уплатъ почти на двадцать мильоновъ рублей, тогда какъ въ дѣйствительности происходитъ передача банковыхъ билетовъ едва на мильонъ.

Въ самое непродолжительное время банкиръ по опыту доходитъ до убѣжденія, что изо всѣхъ довѣренныхъ ему денегъ значительная часть праздно остается у него на рукахъ, такъ что онъ можетъ отдавать ее взаймы, удерживая только то что дѣйствительно понадобляется для выдачъ по запискамъ вкладчиковъ. Такимъ образомъ онъ вознаграждаетъ себя за трудъ, за рискъ и за издержки по пріему, выдачѣ вкладовъ. Выгода для общества здѣсь та, что въ обращеніи находится большое количество звонкой монеты, которая безъ этого оставалась бы неподвижно въ рукахъ своихъ обладателей. Экономія здѣсь такого же рода, какъ въ устройствѣ на извѣст-

Digitized by Google

номъ пути нѣкотораго числа пасажирскихъ экипажей, которые отходятъ всякій день въ опредѣленные часы, чѣмъ дается возможность всѣмъ живущимъ по тому пути путешествовать не имѣя собственнаго экипажа. Монета, точно такъ же, какъ и экипажи, помогаетъ производству только тогда, когда находится въ движеніи, и количество услугъ, оказываемыхъ деньгами и экипажами зависитъ отъ быстроты ихъ обращенія. Понятно также, что отъ этого уменьшается процентъ, за который можно достать взаймы деньги: этимъ способомъ на рынкѣ являются деньги, ищущія помѣщенія изъ процентовъ, оказывается много монеты, которая безъ того безполезно лежала бы въ карманахъ или въ сундукахъ лицъ, удаленныхъ одно отъ другого. Этимъ же способомъ увеличивается желаніе всѣхъ и каждаго промѣнять свои деньги на товары, такъ какъ всякій знаетъ, что ему въ случаѣ нужды легко можно будетъ достать деньги на время, до продажи своихъ произведеній.

Противуестественное положеніе, въ которомъ теперь находятся дѣла Соединенныхъ-штатовъ, въ соображеніе идти не могутъ; но въ 1852 году, напримѣръ, въ банкахъ Нью-Іорка было собственныхъ капиталовъ 62 мильона; имъ довѣрено было на храненіе 67 мильоновъ, а передавали они взаймы на короткіе сроки болѣе 150 мильоновъ, постоянно удовлетворяя своихъ вкладчиковъ по ихъ требованіямъ. Изъ этого видно, что довѣренныя имъ деньги весьма удобно отдаются взаймы.

По многимъ обстоятельствамъ для торговца не такъ удобно всякій разъ писать банкиру записку о выдачѣ хранящихся у него денегъ, какъ прямо имѣть квитанціи банкира въ полученіи имъ на храненіе денегъ, съ обязательствомъ немедленной выдачи ихъ предъявителю. Точно такъ же весьма удобно, чтобы эти банкирскія росписки были приготовлены различныхъ размѣровъ, для облегченія уплатъ крупныхъ, малыхъ и дробныхъ суммъ. Банковые билеты исполняютъ это условіе. Банкиръ или цѣлое общество банкировъ обыкновенно болѣе извѣстные, внушаютъ болѣе довѣрія (хотя можетъ-быть имѣютъ и не болѣе прочное основаніе), чѣмъ обыкновенный частный человѣкъ, подписывающій вексель. Поэтому частный человѣкъ можетъ употреблять банковые билеты въ дѣлахъ и съ такими людьми, которые могли бы опасаться того, что онъ почему-нибудь не заплатитъ по своему векселю. Кромѣ того банковые билеты удобнѣе монеты тѣмъ, что ихъ гораздо удобнѣе носить. Это весьма важное достоинство въ глазахъ лицъ, которымъ приходится платить или получать большія суммы. Банкиры, выдающіе билеты, имѣютъ ту выгоду, что билеты эти не представ-

Digitized by Google

ляются немедленно въ кассу, а болѣе или менѣе долгое время, смотря по обстоятельствамъ, остаются въ обращеніи.

Еще огромная выгода заключается въ томъ, что банкиры выдаютъ безпроцентные свои билеты подъ учетъ векселей, приносящихъ проценты. Это дѣлается такимъ образомъ. Петръ имѣетъ вексель, подписанный Иваномъ, суммою въ тысячу рублей и срокомъ на три мѣсяца. Но имѣя нужду въ деньгахъ, Петръ самъ подписываетъ (дѣлаетъ бланкъ) этотъ вексель и относитъ его къ банкиру. Тотъ принимаетъ его и выдаетъ своихъ безпроцентныхъ билетовъ, но уже не на тысячу рублей, а меньше; именно онъ удерживаетъ въ свою пользу проценты, которые включены въ сумму 1,000 рублей, и еще нѣкоторое количество за свой рискъ. Билетъ банкира можетъ перейти отъ Петра черезъ нѣсколько рукъ и на другой же день можетъ явиться для немедленнаго размѣна на звонкую монету. На этотъ случай у банкира всегда имѣется потребное количество монеты. За это банкиръ, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, получитъ съ Ивана, а если онъ несостоятеленъ, то съ Петра, всю тысячу, такъ что получитъ выговоренный при заключеніи сдѣлки барышъ. Но можетъ также случиться, что билетъ банкира будетъ бродить по бѣлу свѣту цѣлый годъ, и два, и больше, а между тѣмъ деньги отъ Ивана давно получены и пошли на покрытіе требованій различныхъ вкладчиковъ и опять возвращались въ видѣ чьего-нибудь вклада, и снова нѣсколько разъ уходили.

Такимъ образомъ понятно, что расчетливый банкиръ наживаетъ ужасающіе капиталы, несравненно большіе, нежели при какой-нибудь другой отрасли торговли или промышленности. Еслибы вознагражденіе за дѣятельность банкировъ, за ихъ умѣнье вести дѣла и за ихъ основные капиталы было меньше и приближалось къ обыкновенному уровню другихъ торговыхъ и промышленныхъ барышей, то общество пользовалось бы услугами банкировъ за болѣе дешовую цѣну. Дороговизна банкирскихъ услугъ происходитъ оттого, что во всѣхъ почти странахъ свободное соперничество банкировъ значительно стѣснено. Изъ банковыхъ дѣлъ устроена какая-то монополія для избранныхъ, съ особенными привилегіями. Даже когда людямъ позволяется дѣлать банкирскія дѣла, все-таки постановлены ограниченія, которыя мѣшаютъ имъ свободно соединять свои капиталы и кредитъ для обезпеченія возможно большей экономіи. Ближе всего къ свободной банкирской дѣятельности та система, которая утверждена въ нью-іоркскомъ штатѣ закономъ 1838 года. Тамъ произвольное количество людей можетъ образовать общество для банковыхъ операцій; эти общества или даже отдѣльныя лица могутъ выпускать въ обращеніе безпроцентные би-

Digitized by Google

летій на одинаковыхъ условіяхъ. Главное основаніе заключается въ томъ, что въ обезпеченіе принимающихъ билеты требуется, чтобы эти общества или также отдѣльные банкиры внесли обезпеченіе назначенному отъ штата чиновнику. Обезпеченіе можетъ состоять изъ облигацій нью-іоркскихъ займовъ, или займовъ Соединенныхъ-штатовъ, или изъ земель нью-іоркскаго штата, оцѣненныхъ въ двухъ пятыхъ дѣйствительной стоимости, кромѣ находящихся на нихъ строеній. Въ замѣнъ этихъ обезпеченій банкиръ получаетъ билеты, которые желаетъ выпустить, подписанные кѣмъ слѣдуетъ и записанные въ назначенномъ для того присутственномъ мѣстѣ. Проценты на внесенныя обезпеченія выплачиваются банкиру постоянно, пока онъ платитъ по своимъ билетамъ; въ случаѣ же, если онъ прекращаетъ платежи, директоръ банковаго департамента продаетъ его залоги и вырученными деньгами оплачиваетъ билеты. Такимъ образомъ пришли въ движеніе многіе десятки мильоновъ рублей, представлявшихъ неподвижную собственность.

Можно было бы еще впослѣдствіи подвергнуть подробному разсмотрѣнію вопросъ, нужны ли и выгодны ли даже и эти законодательныя предосторожности для обезпеченія получателей билетовъ. Обезпеченія устроены для того, чтобы не образовывались банки людьми не имѣющими капитала, которые подъ предлогомъ отдачи денегъ въ заемъ сами только занимали бы у публики. Такъ какъ капиталистъ продолжаетъ получать проценты и доходъ съ внесенныхъ имъ залоговъ, то онъ ничего не теряетъ отъ бездѣйствія своего капитала, а его билеты получаютъ, вслѣдствіе всѣмъ извѣстныхъ принятыхъ мѣръ предосторожности, и довѣріе и легкость обращенія, которыми онъ пользуется. Сверхъ того общество предохранено отъ чрезмѣрнаго и быстраго прилива и отлива бумажныхъ денегъ, что происходило бы непремѣнно, еслибы банкиры могли увеличивать количество выпускаемыхъ ими билетовъ безъ представленія новыхъ залоговъ. Съ другой стороны ихъ собственная выгода ручается за то, что они будутъ поддерживать обращеніе всѣхъ билетовъ, представляющихъ внесенные ими залоги, покрайней-мѣрѣ насколько по ихъ мнѣнію это будетъ безопасно. Если у нихъ дѣйствительно есть капиталъ выше того, который выпущенъ ими въ обращеніе, и если потому они имѣютъ право на большій кредитъ, то они могутъ требовать отъ банковаго департамента новыхъ для себя билетовъ, если вносятъ дополнительные залоги. Если у нихъ нѣтъ капитала, то нѣтъ достаточной причины, чтобъ они пользовались кредитомъ на воображаемыхъ основаніяхъ, кромѣ того кредита, который будетъ имъ лично оказанъ людьми, которые захотѣли бы принять участіе въ ихъ операціяхъ взносомъ своихъ

Digitized by Google

залоговъ. Свойство вносимыхъ залоговъ не имѣетъ вліянія на основной принципъ. Главное дѣло заключается въ томъ, чтобы залоги могли быть вѣрно и быстро проданы по своей номинальной цѣнѣ. Община, принимающая билеты банкира наравнѣ съ монетою, дѣлаетъ это въ томъ убѣжденіи, что у него достаточное количество звонкой монеты для исполненія всѣхъ его обязательствъ. Весь вопросъ между банковыми учрежденіями вполнѣ свободными, и тою системою, которая принята въ ньюйоркскомъ штатѣ, заключается вотъ въ чемъ: что для общины легче и дешевле: отыскивать степень довѣрія, какое можно оказывать человѣку, чрезъ особенныхъ поставленныхъ на это агентовъ, или предоставить всякому лицу искать этой степени на свой рискъ?

Не вдаваясь въ подробный разборъ этого вопроса, замѣтимъ только мимоходомъ, что его теоретическое рѣшеніе, хотя бы даже основанное на точныхъ данныхъ, собранныхъ въ той или другой странѣ, можетъ быть одно, а практическое примѣненіе для каждаго даннаго случая можетъ быть другое, измѣняясь сообразно съ обстоятельствами. Самое неоспоримое теоретическое положеніе непремѣнно должно измѣняться въ приложеніяхъ къ различнымъ обществамъ, потомучто каждый общественный организмъ въ данное время можетъ требовать тѣхъ или другихъ условій для своего процвѣтанія. По теоріи напримѣръ очень хорошо извѣстно всякому, что человѣкъ долженъ питаться мясною пищею и растительною; но есть случаи, когда это правило исполняемо быть не должно; есть напримѣръ болѣзненныя состоянія, въ которыхъ растительная пища, заключающая въ себѣ крахмалъ, должна быть вовсе запрещена. Въ приложеніи къ различнымъ обществамъ, законы политической экономіи (когда она сдѣлается наукой и когда основные принципы ея не будутъ подвержены ни сомнѣнію ни спору) должны имѣть широкія исключенія, потомучто въ жизни всякій разъ встрѣчается не отвлеченное нѣкоторое общество, и именно данное, съ своею исторіей, съ привычками, съ возрастомъ, съ темпераментомъ, отдѣльное и отличающееся отъ другихъ. Гигіена была бы весьма печальною наукой, еслибы она имѣла въ виду только отвлеченнаго человѣка, не принимая въ соображеніе возрастъ, полъ, привычки, образъ жизни, тѣлосложеніе и другія обстоятельства различныхъ организмовъ. А сборникъ соображеній и догадокъ, называемый нынче политическою экономіей, наукой, обыкновенно имѣетъ въ виду отвлеченное общество и всѣ на свѣтѣ общественные организмы хочетъ нагнуть къ своимъ законамъ. Въ медицинской практикѣ встрѣчаются случаи, когда организмъ послѣ тяжкой болѣзни не выноситъ тѣхъ условій, которымъ безопасно подвергался прежде

Digitized by Google

или которымъ подвергается другой, здоровый организмъ. Случается, что питаніе можно допустить только самое умѣренное, въ высшей степени *постепенное*, и самый незамѣтный переходъ къ нормальному порядку жизни. Но точно также случаются обстоятельства, когда еще далеко до окончанія болѣзни необходимо усилить питаніе, прибѣгать даже къ раздражающимъ средствамъ, чтобы недугъ не обратился въ безвыходную вялость, атонію, апатію, которая потомъ уже никогда не перейдетъ въ окончательное выздоровленіе. Вездѣ и во всемъ постепенность такая же точно нелѣпость, какъ вездѣ и во всемъ торопливость; и то и другое, употребленное неумѣстно и не вовремя, можетъ-быть одинаково гибельно для паціента.

Отсутствіе или упадокъ кредита въ обществѣ обозначаютъ или весьма опасную атонію, или только кризисъ. Во второмъ случаѣ надо ограничиться выжидательнымъ способомъ леченія; эта болѣзнь, какъ говоритъ г. Бунге, «пройдетъ сама собою». Въ первомъ случаѣ — дѣло плохо; политико-экономическими статьями тутъ ничего не сдѣлаешь; общество само должно сдѣлать энергическія усилія, а если оно лишено инициативы, то тѣ, въ чьихъ рукахъ его участь, должны принять самыя дѣятельныя мѣры.

Дѣла торговыя и промышленныя падаютъ; есть извѣстіе, что харьковская ярманка прошла самымъ плачевнымъ образомъ; оказывается множество банкротствъ; многіе плательщики вовсе на ярманку не явились; съ другихъ ярманокъ извѣстія точно такъ же неблагопріятны; фабрики закрываются; во многихъ мѣстахъ неурожаи; учетный процентъ необыкновенно высокъ; — все это тягостныя обстоятельства, но понятныя и предвидѣнныя въ иностранныхъ и нашихъ переводныхъ книжкахъ по части политической экономіи. Но ко всему этому присоединяется еще и то, что деньги дороги и въ тоже время дорого все то что покупается на деньги. Такое противорѣчіе въ иностранныхъ книжкахъ не предвидѣлось; тамъ ничего объ этомъ не сказано, и мы становимся въ тупикъ. Г. Бунге покрывается туманомъ; г. Катковъ говоритъ, что въ самомъ дѣлѣ у насъ нѣтъ денегъ, но это только потому, что мы страдаемъ отъ избытка денегъ, а г. Шиповъ предлагаетъ напечатать побольше асигнацій. Вотъ и бѣда безъ иностранной книжки. Въ отсутствіе нѣмецкаго капельмейстера мы и нотъ не разбираемъ и пошли кто въ лѣсъ, кто по дрова.

Въ самомъ дѣлѣ, политическая экономія учитъ, что ежели денегъ мало, то они дороги точно также какъ и всякій другой товаръ, котораго на рынкѣ мало. Это значитъ, что когда много денегъ, то ихъ покупательная способность уменьшается, а когда ихъ мало, то поку-

Digitized by Google

тательная способность ихъ возрастаетъ. Когда на рынкѣ товаровъ мало, какъ напримѣръ бываетъ въ Николаевскѣ, въ амурской области, то цѣна ихъ поднимается и за десятокъ яицъ люди платятъ два съ полтиной; если же, на оборотъ, привозъ великъ, то цѣна товаровъ понижается, и продавцы довольствуются самою ничтожною выгодой, а иногда продаютъ и въ убытокъ. Говорятъ еще, что цѣны возвышаются, когда увеличивается, оживляется обращеніе. А тутъ оказывается напротивъ: обращеніе уменьшается, а цѣны все ростутъ да ростутъ. Съ возвышеніемъ цѣнъ должно бы возрасти производство, а вмѣстѣ съ нимъ и предложеніе; а тутъ выходитъ, что производство падаетъ, такъ что законы политической экономіи не выполняются и оказываются несостоятельными. Практика не подчиняется теоріи, и надо принять мѣры, чтобы ихъ помирить.

Встарину всякій охотно приносилъ золото и серебро и бралъ асигнаціи. Прежніе казначеи наживали отъ лажа хорошія деньги, ибо на покупку бумажнаго рубля нужно было употребить отъ 1 р. 5 коп. до 1 р. 15 коп. серебряными или золотыми деньгами, благодаря всеобщему довѣрію къ бумажнымъ деньгамъ. Послѣ извѣстнаго измѣненія величины нашего рубля, измѣненія, совершенно напрасно придуманнаго графомъ Канкринымъ, бумажный рубль принимался везлѣ наравнѣ съ серебрянымъ, и дѣла шли болѣе или менѣе хорошо до тѣхъ поръ, пока крымская война не вынудила усиленнаго выпуска бумажекъ съ одной стороны, а проснувшаяся послѣ войны торговля не кинулась за границу добывать всевозможныхъ полезныхъ и безполезныхъ товаровъ. Безпристрастная оцѣнка тогдашняго оживленія торговли показываетъ, что въ ней-то и заключается источникъ нынѣшняго атоническаго ся состоянія. Крикуны, понимающіе свободу торговли навыворотъ, наговорили, будто необходимое тогда для насъ движеніе промышленности заключается въ томъ, чтобы выписать себѣ все изъ-за границы. Началась ужаснѣйшая оргія торговли, напоминающая безумныя траты тѣхъ господъ, которые закладывали имѣнія, чтобы пожуировать въ Парижѣ и дать два-три блестящіе праздника гдѣ нибудь въ Неаполѣ или въ Карлсбадѣ. Тогда уже не смотрѣли на издержки, а имѣли только въ виду, чтобы было, и сейчасъ же, то что взлумалось завести. Цѣны стали подниматься, и уже не по днямъ, а по часамъ.

Крикуны не подумали, что въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ неестественное напряженіе торговли имѣетъ слѣдствіемъ кризисъ,

Digitized by Google

который проходитъ болѣе или менѣе скоро, но все-таки проходитъ, благодаря внутреннимъ силамъ; они не замѣтили, что Россія находится въ обстоятельствахъ исключительныхъ. Вотъ какъ обыкновенно происходитъ кризисъ.

Страна, въ которой цѣны высоки и продолжаютъ возвышаться, очень хорошая страна для продавцовъ. Она привлекаетъ ввозъ товаровъ въ гораздо большемъ количествѣ, нежели въ нормальномъ положеніи дѣлъ. Поэтому же самому это плохая страна для покупателя, когда онъ имѣетъ въ виду вывозить. Продукты, которые могли бы вывозиться до напряженія торговли въ другія страны и дать выгоду при продажѣ по цѣнамъ этихъ странъ, все менѣе и менѣе даютъ барыша, по мѣрѣ возвышенія ихъ цѣны въ странѣ отпускающей, и наконецъ барышъ можетъ совершенно исчезнуть, — какъ мы видимъ это теперь у насъ почти по всѣмъ отпускнымъ товарамъ. При нормальномъ ходѣ дѣлъ, корабль, привозящій въ Петербургъ грузъ изъ Лондона, долженъ бы отвозить грузъ продуктовъ, купленныхъ въ Петербургѣ. Но приходящій грузъ не обмѣнивается на грузъ вывозимый, и корабль обыкновенно не ждетъ продажи привезенныхъ вещей. Хотя всѣ привозимые товары наконецъ оплачиваются товарами отвозимыми, но это замѣчается лишь въ итогѣ оборотовъ за большое число лѣтъ; но каждая отдѣльная операція иностранной торговли, точно такъ же, какъ и внутренней, производится посредствомъ звонкой монеты или знаковъ, ее представляющихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что по мѣрѣ увеличенія ввоза и уменьшенія вывоза у страны, вступающей въ кризисъ, образуется долгъ, относительно странъ, у которыхъ цѣнность привоза равняется цѣнности вывоза. Петербургскій получатель, задолжавшій Лондону, старается купить въ Петербургѣ лондонскій вексель, чтобы имъ покрыть свой долгъ. Но если англійскихъ векселей мало для покрытія всѣхъ долговъ петербургскихъ торговцевъ, то петербургскіе получатели покупаютъ векселя амстердамскіе, парижскіе, гамбургскіе, и посылаютъ ихъ въ Лондонъ для продажи тамъ лицамъ, имѣющимъ нужду производить уплаты въ Амстердамѣ, Парижѣ или Гамбургѣ. Купцы рѣшаются на высылку звонкой монеты только тогда, когда истощены уже всѣ средства для завершенія международнаго баланса посредствомъ векселей. По мѣрѣ увеличенія необходимости высылать золото, поднимается цѣна векселей: они начинаютъ продаваться съ преміей. Всякій получатель желаетъ избѣгнуть печальной необходимости посылать за границу золото, и всякій готовъ заплатить за иностранный вексель премію, лишь бы она не превышала расхода на провозъ и застраховку золота; цѣны векселей поднимаются сообразно съ числомъ желающихъ приобрѣ-

Digitized by Google

сти ихъ конкурентовъ. Наконецъ премія на векселя такъ высока, что становится выгоднѣе вывозить звонкую монету. Тогда всѣ, имѣющіе вклады въ банкахъ, требуютъ возврата своихъ денегъ монетою. Разныя домашнія бумаги вывозиться не могутъ и падаютъ въ цѣнѣ относительно монеты, съ которою сначала были равны. Банкиры стараются превратить въ золото векселя, по которымъ произведенъ учетъ; они прекращаютъ учетъ, требуютъ возврата произведенныхъ ссудъ и стараются извлечь изъ обращенія свои билеты, по которымъ всегда можетъ потребоваться звонкая монета. Купцы, потерявъ возможность производить займы и видя, что со всѣхъ сторонъ являются бумаги, требующія уплаты, весьма желаютъ продать, тогда какъ никто не хочетъ купить. Кризисъ начинается на большихъ биржахъ, ведущихъ заграничную торговлю, и распространяется на внутренніе рынки. Купцы, притѣсняемые кредиторами, въ свою очередь давятъ на своихъ должниковъ. Всякій старается продать и ограничиваетъ свои покупки до крайности. Тѣмъ не менѣе производятся продажи въ кредитъ, на долгіе сроки, только для того, чтобы какъ-нибудь добыть срочный вексель и сбыть его ростовщику, который рискуетъ много и наживается страшно. Являются процесы, банкротства, наступаетъ общее недовѣріе.

Вотъ это общее недовѣріе существуетъ теперь и у насъ; кризисъ дошолъ до этой точки, когда въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ начинается реакція въ противуположную сторону. Пока различныя купеческія фирмы падаютъ одна за другою, нѣкоторые счастливцы, менѣе увязшіе въ этой борьбѣ за деньги, переживаютъ кризисъ, пользуются общимъ желаніемъ продать и происходящимъ отъ этого пониженіемъ цѣнъ, и покупаютъ. Отъ упадка цѣнъ ограничивается привозъ до такой степени, что вывозъ становится относительно выгоднымъ. Товары, остававшіеся въ странѣ при высокихъ цѣнахъ, начинаютъ вывозиться, запросъ на звонкую монету по этому случаю приостанавливается. Банкиры, не боясь требованія звонкой монеты, начинаютъ съ осторожностью принимать векселя къ учету. Цѣны начинаютъ подниматься, купцы чувствуютъ расположеніе покупать, и мало-помалу дѣла принимаютъ свой естественный ходъ, впредь до новаго кризиса.

Но для этого надо прежде всего, чтобы цѣны упали, понизились; у насъ же онѣ все возвышаются, и это обстоятельство составляетъ существенное отличіе нашего кризиса отъ тѣхъ, которые бываютъ въ другихъ странахъ. Это обстоятельство сбиваетъ съ толку людей, разумѣющихъ политическую экономію только по иностраннымъ книжкамъ.

Digitized by Google

Дѣло въ томъ, что кризисъ тамъ имѣетъ другія причины, не то происхожденіе, какъ у насъ. Тамъ кризисъ приводится большимъ напряженіемъ жизненной силы, преувеличеніемъ напряженія отъ избытка силъ. У банкировъ накопляется много вкладовъ, вслѣдствіе чего учеты векселей дѣлаются быстрѣе и легче; банкиры ведутъ широкую торговлю кредитомъ и легкостью кредита подстрекаютъ торговцевъ къ оживленію и расширенію дѣлъ. По мѣрѣ увеличенія обращенія, цѣны возвышаются. Все что купецъ покупаетъ, идетъ у него въ продажу по высшей цѣнѣ противъ покупки. Естественно, что онъ желаетъ повторять эту операцію такъ быстро и такъ часто, какъ только возможно. Отъ этого является наклонность къ спекуляціи. Говорятъ тогда, что денегъ много; тогда всѣмъ вѣрится, что много денегъ лежитъ безъ употребленія, потомучто счеты банковъ указываютъ на большое число вкладовъ. Дѣйствительно, вклады существуютъ; но не лежатъ безъ употребленія; напротивъ, каждому рублю при помощи кредита дается двойное и тройное употребленіе. Въ обращеніи находится множество билетовъ и коммерческихъ бумагъ, которыя однакоже не монета, а обязательства уплатить такую-то сумму звонкою монетой по минованіи назначеннаго срока. Всѣ эти устроенные кредитомъ капиталы покупаютъ и покупаютъ; цѣны возвышаются; являются новыя предпріятія, требующія громадныхъ капиталовъ; дѣятельная мѣна товаровъ даетъ желѣзнымъ дорогамъ большіе дивиденды, акціи возвышаются въ цѣнѣ, является желаніе строить новыя дороги; ихъ акціи оплачиваются занятыми деньгами, пока еще не кончены земляныя работы полотна; потомъ компанія покупаетъ рельсы, платя за нихъ своими облигаціями, и кредитъ компаніи замѣняетъ собою кредитъ частныхъ лицъ при покупкѣ машинъ и окончательной отдѣлкѣ дороги. Цѣны возвышаются все болѣе и болѣе. Спекуляція разыгрывается.

У насъ этого не было. Во время войны торговля терпѣла вынужденную остановку. Въ первый годъ послѣ войны, по случаю неурожаевъ на западѣ и по случаю накопившихся у насъ запасовъ, сбытъ хлѣба за границу былъ великолѣпный. Корабли приходили за пшеницей и саломъ съ однимъ баластомъ, и разгружаясь близь устья Невы, увеличивали объемъ Гутуевскаго острова. Многіе корабли брали изъ Англіи вмѣсто баласта каменный уголь, который отъ этого въ Петербургѣ сталъ продаваться дешевле, чѣмъ въ самомъ Лондонѣ. Начался обильный приливъ денегъ, цѣны стали подниматься, и повидимому все шло совершенно нормально, какъ и въ другихъ странахъ, которыхъ обстоятельства тянутъ къ кризису. Но далѣе является особенность.

Digitized by Google

Точно какъ ребенку, которому подарили пять рублей, или точно какъ барину, получившему наслѣдство, намъ показалось, что богатства наши неистощимы. Принялись мы тратить свои сырые продукты самымъ безрасчетнымъ образомъ, не догадавшись, что наши доморощеные политико-экономы не имѣли понятія о той свободѣ торговли, которая намъ была нужна, а кричали только о свободѣ, полезной для иностранныхъ производителей. Какъ ребенокъ съ пятью рублями или баринъ съ наслѣдствомъ, мы думали, что можно намъ обойтись безъ дальнѣйшихъ усилій и все пойдетъ само собою, и повѣривъ на слово крикунамъ, вообразили, будто какой бы то ни было народъ можетъ быть богатъ и образованъ, если занимается производствомъ однихъ только сырыхъ продуктовъ. Но обстоятельства жестоко наказали насъ за довѣріе къ крикунамъ. Мы сдѣлали столько заказовъ заграницей, кромѣ огромной массы купленнаго, надавали столько векселей и надѣлали столько долговъ, что пришлось вывозить золото и серебро; кредитъ пропалъ и курсы на иностранныхъ биржахъ упали гораздо ниже того что было во время самаго разгара войны. Вывозъ не покрываетъ привоза. Всего золота, добываемаго въ Сибири и на Уралѣ, не достаетъ чтобы покрыть разницу и заплатить проценты по займамъ. А доморощеные фритредеры увѣряютъ, будто это ничего: монета найдетъ свой уровень. Конечно найдетъ, слова нѣтъ; да мы-то остаемся на мели. Естественно, что у насъ не должно остаться звонкой монеты, и всего удивительнѣе, если останется хоть сколько-нибудь высокопробныхъ рублей. Еслибы не было даже этого обстоятельства — громаднаго вывоза заграницу въ уплату процентовъ по государственнымъ займамъ, на покрытіе торговаго баланса и на издержки путешественниковъ, золото и серебро должны бы уходить за границу по одному уже тому, что звонкая монета дороже бумажной. Точь-вточь такъ же, какъ въ тридцатыхъ годахъ изъ Соединенныхъ-штатовъ вывозилось заграницу золото въ видѣ товара, когда курсъ его былъ непропорціоналенъ курсу серебра, наша звонкая монета должна бы уйти за границу по одному тому, что курсъ ея гораздо выше бумажныхъ денегъ, и несмотря на то, что курсъ бумажекъ обязателенъ, звонкая монета не слушается никакихъ регламентацій и запретовъ, просто не мѣняется на бумажки и пропадаетъ. А куда пропадаетъ, въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ, — за границу. И здѣсь вовсе дѣло не въ томъ, пользуются ли наши бумажныя деньги внутреннимъ кредитомъ или нѣтъ. Несомнѣнно извѣстно всѣмъ и каждому, что всѣ на свѣтѣ правительства завидуютъ тому довѣрію, какимъ пользуется наше правительство въ своей странѣ; здѣсь не о довѣріи къ правительству и рѣчь. Дѣло въ томъ, что въ частныхъ сдѣл-

Digitized by Google

кахъ, какъ мы говорили выше, звонкая монета удобнѣе: она принимается и китайцами, и манчжурами, и киргизами и потому исполняетъ назначеніе денегъ лучше чѣмъ бумажки. Г. Шиповъ совѣтуетъ напечатать еще больше бумажныхъ денегъ, расчитывая, что это оживитъ нашу торговлю и промышленность. Но это прямо повредитъ торговлѣ. Понятное дѣло, что еслибы напечатано было и роздано каждому жителю россійской имперіи по десяти тысячъ рублей бумажками, то на торговлю это не будетъ имѣть никакого вліянія, не прибавитъ богатства странѣ, потомучто богатство заключается въ произведеніяхъ различныхъ отраслей труда, а не въ *знакахъ*, ничего не означающихъ.

Но допустимъ даже, что правительство сочло бы удобнымъ исполнить мысль, защищаемую г. Шиповымъ и поддерживаемую въ «Сѣверной Почтѣ» г. Скуратовымъ. Какимъ образомъ эти новыя бумажки могли бы проникнуть въ обращеніе? Правительство наше производитъ свои финансовыя дѣйствія на основаніи ежегодныхъ смѣтъ, утверждаемыхъ въ законодательномъ порядкѣ. Каждая смѣта удовлетворяется изъ государственнаго казначейства, куда для этой цѣли поступаютъ всѣ государственные доходы. Недостатковъ прихода на покрытіе расходовъ не предвидится. Куда же могло бы дѣвать правительство вновь напечатанныя бумажки? Не раздавать же ихъ даромъ, только чтобы какъ-нибудь провести въ народное обращеніе.

Но г. Шиповъ придумалъ на это очень простое средство: раздать бумажки въ банкъ и во всѣ его отдѣленія, для облегченія ссуды подъ залогъ векселей, для производства учетовъ. Великолѣпная мысль. Но дѣло въ томъ, что она, за однимъ маленькимъ исключеніемъ, заимствована изъ «General Banking law» ньюйоркскаго штата. Точно также и тамъ правительство приготовляетъ и надлежащимъ образомъ чрезъ своихъ чиновниковъ подписываетъ безпроцентные билеты для банкировъ (здѣсь для конторъ банка). Разница въ томъ, что тамъ эти билеты выдаются банкирамъ подъ вѣрные залоги, а у насъ, такъ какъ конторы банка суть учрежденія правительственныя, подобныхъ обезпеченій не нужно. Но тамъ, въ ту минуту, какъ банкиръ перестаетъ выплачивать по своимъ билетамъ приносителю, на его залоги кладутся запрещенія, вслѣдъ за тѣмъ они продаются съ публичнаго торга, и билеты превращаются въ звонкую монету. При напечатаніи большого числа новыхъ бумажекъ, сообразно предложенію г. Шипова, эти бумажки, чтобы равняться съ ньюйоркскими банковыми билетами, по благодѣтельному вліянію на оживленіе торговли должны бы немедленно и безпрепятственно мѣняться на звонкую монету, каждому желающему, сколько

Digitized by Google

бы то ни было въ одиѣ руки. Тамъ банкирскія операціи съ билетами, по которымъ внесено обезпеченіе, тѣмъ особенно удобны, что ежели банкиръ не размѣнялъ одному кому-нибудь своего билета на звонкую монету, то немедленно, тотчасъ дѣла его приводятся въ надлежащій порядокъ, т. е. всѣ билеты его предъявляются къ размѣну въ банковый департаментъ, и такимъ образомъ окончательно извлекаются изъ обращенія. Всякій владѣтель банкирскаго билета не полѣнится ежедневно пробѣжать тотъ столбецъ своей газеты, гдѣ печатаются извѣстія о несостоятельныхъ банкирахъ. Поэтому напечатать бумажекъ можно сколько угодно; но при выпускѣ онѣ должны представлять соотвѣтственное количество звонкой монеты, которая не создается такъ легко, какъ бумажки.

Г. Бунге въ отвѣтѣ своемъ г. Шипову весьма основательно говоритъ, что «потребность въ орудіяхъ обращенія должна быть удовлетворена такими орудіями, которыя созданы торговлею и имѣютъ цѣнность, основанную на довѣріи, а не на обязательномъ курсѣ». Можно было бы прибавить, что цѣнность орудій торговли не можетъ быть основана ни на довѣріи, ни на обязательномъ курсѣ, а быть дѣйствительною, истинною, какъ въ звонкой монетѣ. Но г. Скуратовъ, поддерживающій предложеніе г. Шипова и тѣмъ самымъ показывающій какое онъ имѣетъ смутное понятіе о финансовыхъ операціяхъ и народномъ хозяйствѣ, съ самоувѣренностью, напоминающею г. Каткова, подсмѣивается надъ этими словами. «Г. Бунге не замѣчаетъ, говоритъ онъ, — что разсужденіе его вертится въ кругу невозможнаго; ибо *чтобы торговля могла создать орудія обращенія, основанныя на довѣріи, надобно прежде возстановить довѣріе и торговлю*, а этого-то, какъ доказано трехлѣтнимъ опытомъ, никакъ нельзя сдѣлать безъ усиленія количества орудій обращенія».

Вотъ тото и есть, господа политикоэкономы: намѣреваетесь возстановлять довѣріе и торговлю, не имѣя понятія объ этихъ щекотливыхъ предметахъ, воображая, будто торговля и довѣріе такъ сейчасъ и исполнятъ по вашему приказу. Постарайтесь же наконецъ понять, что эти вещи не легко возстановляются, что гораздо легче заставить судей быть справедливыми и строителей честными, гораздо удобнѣе приказомъ создать хорошую погоду, чѣмъ распорядиться, чтобы торговля шла успѣшнѣе, чтобы люди имѣли довѣріе другъ къ другу. Разсужденіе г. Бунге не вертится въ кругу невозможнаго. Оно значитъ только, что искуственныя мѣры для возстановленія терговли будутъ во всякомъ случаѣ безуспѣшны. Надо, чтобы это произошло само собою, внутренними своими средствами. Дѣло законодательства и разумной администраціи состоитъ вовсе не въ томъ чтобы по щучьему велѣнью создавать капиталы, произведенія про-

Digitized by Google

мышленности и торговлю. Правительственныя распоряженія могутъ только для всего этого приготовить и расчистить почву и облегчить условія, необходимыя для частной свободной дѣятельности. И торговля и довѣріе выгодны для частныхъ людей; поэтому можно спокойно положиться на дѣятельность частныхъ людей и быть увѣренными, что они похлопочутъ о развитіи того и другого, даже безъ помощи политикоэкономическихъ статей, если только будутъ устранены различныя тормозящія препятствія. Можетъ быть даже, что безъ нѣкоторыхъ политикоэкономическихъ статей было бы даже и лучше, хотя разумѣется не тогда, когда бы онѣ были запрещены, а когда бы писались въ другомъ направленіи, вслѣдствіе яснаго пониманія дѣла. А безъ яснаго понимамія крикуны раздули у насъ (сколько было ихъ силъ) страсть вывозить все изъ-за границы и старались увѣрить, будто странѣ, которая «сырой продуктъ имѣетъ», ничего болѣе и не надо. Нѣтъ, очень надо, именно надо имѣть фабрики для обработки этого сырого продукта.

Еслибы часть всѣхъ катиталовъ, употребленныхъ со времени крымской войны на поощреніе иностранныхъ фрабрикъ изобильною покупкою ихъ превосходныхъ издѣлій, была употреблена на поощреніе и развитіе фабрикъ своихъ, то была бы у насъ и звонкая монета, и не имѣли бы мы удовольствія слышать предположенія о великой выгодности напечатанія большого количества бумажныхъ денегъ. Жалко, что ни г. Шиповъ, ни г. Скуратовъ нигдѣ не говорятъ, сколько именно по ихъ понятіямъ слѣдовало-бы напечатать бумажекъ и на какой цифрѣ остановиться: сдѣлать-ли сотни двѣ-три мильоновъ, или мильярдъ, или нѣсколько мильярдовъ. Пусть бы уже для большаго курьоза они опредѣлили цыфру. Очень было-бы любопытно.

Постоянно пользоваться чужими издѣліями и чужими машинами для приготовленія этихъ издѣлій — точь-вточь тоже самое, что постоянно жить чужимъ умомъ. Это очень удобно, но кромѣ того, что это крайне унизительно, это со дня на день все дальше и дальше отодвигаетъ возможность начать когда-нибудь жить своимъ умомъ. Чтобы избавиться отъ опеки — одно средство: отказаться отъ постояннаго указыванья со стороны и завести какой ни-на-есть, да свой умишко. Вотъ это-то и будетъ значить: начинать съ начала, съ основанія, возстановить довѣріе и торговлю снизу, а не сверху, путемъ естественнымъ, безыскуственнымъ.

Для этого нужны только: возможно-большая свобода частной дѣятельности, образованность и уговоръ — поощрять больше своихъ, нежели чужихъ.

По случаю начала года почти всѣ акціонерныя общества публи-

Digitized by Google

кують результаты своей прошлогодней дѣятельности. Это очень любопытно, и въ свое время мы сдѣлаемъ сводъ этихъ результатовъ, что безъ сомнѣнія не будетъ безполезно. У насъ теперь около 150 обществъ, затратившихъ на свои предпріятія нѣсколько болѣе пятисотъ милліоновъ рублей серебромъ. Общее положеніе дѣлъ довольно плохо.

Покамѣстъ обратимъ вниманіе на одно только московское страховое общество. Его отчетъ весьма поучителенъ, потому особенно, что теперь по цѣлой Россіи во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ возбужденъ вопросъ о взаимномъ застрахованіи домовъ отъ пожарныхъ убытковъ. Города вообще недовольны тѣмъ, что страховыя общества берутъ слишкомъ высокія преміи и обогащаются насчетъ обывателей. Такъ было напримѣръ въ Данковѣ, рязанской губерніи. Городской голова, г. Ермаковъ, не краснорѣчиво, но понятно каждому высказалъ полезность взаимнаго застрахованія. Онъ между прочимъ прочиталъ статью газеты «Акціонеръ», въ которой вычислено, что московское страховое общество въ три года и семь мѣсяцевъ, за расходами на содержаніе администраціи, 370.886 рублей, получило чистаго дивиденда 102.687 рублей съ копѣйками. Далѣе, голова растолковывалъ какъ выгодно каждому застраховать свой домъ, платя невысокую премію, а въ случаѣ пожара получить всю сумму, въ которой застраховано имущество. Онъ предположилъ, что каждый домовладѣлецъ будетъ платить по одному проценту въ годъ съ цѣны своего дома, что составитъ со всей стоимости городскихъ домовъ въ Данковѣ, со 150.000 рублей, 1500 рублей въ годъ. Въ случаѣ опустошительнаго пожара, правительство предлагаетъ въ ссуду обществу третью часть понесенныхъ убытковъ. Общество согласилось, что сдѣланное головою предложеніе весьма выгодно, и положило составить проектъ взаимнаго страхованія. «Вотъ какъ много можетъ сдѣлать у насъ, въ провинціи, — прибавляетъ въ заключеніе кореспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей», — одинъ человѣкъ, понимающій дѣло и проникнутый сознаніемъ своего нравственнаго долга — служить обществу, его изображенному?»

Но дѣйствительно ли все будетъ такъ какъ изобразилъ данковскій голова. Въ самомъ дѣлѣ въ Данковѣ, какъ и въ другихъ городахъ, расчеты дѣлались на основаніи пятилѣтней сложности пожаровъ, а между тѣмъ наши города обыкновенно нѣтъ-нѣтъ, да и выгорятъ до тла, какъ въ прошедшемъ году Боровичи (по разсказу одного приказчика выгорѣлъ такъ чисто, «что самовара нечѣмъ было бы развести»), какъ не такъ давно горѣлъ Орелъ, Самара и другіе города. Кому же достопочтенный голова конечно

Digitized by Google

не имѣлъ въ виду послѣдняго отчета московскаго страхового общества за прошлый годъ. Это общество получило въ 1862 г. страховыхъ премій 954.022 р., выдало за перезастрахованіе 361.508 р., такъ что ему осталось только 592.514 рублей. Другіе доходы его съ разныхъ процентныхъ бумагъ доходили до 84.000 р. Всего въ приходѣ было съ небольшимъ 676 тысячъ, а за одни пожарные убытки, не считая другихъ расходовъ, выдано 1.082.934 рубля, такъ что общество понесло чистаго убытка 508.344 рубля. Для покрытія этого громаднаго ущерба оно взяло изъ запаснаго капитала болѣе 80, да изъ основного болѣе 428 тысячъ рублей. Весь основной капиталъ общества былъ два мильона, а теперь осталось изъ него немного болѣе полутора.

Страховыя общества берутъ болѣе одного процента преміи потому, что они имѣютъ основной капиталъ, безъ котораго никто не сталъ бы застраховывать у нихъ своего имущества. Возьмите еще въ соображеніе, что капиталъ, представляющій трудъ еще не отдаленный другимъ, вознаграждающимъ его трудомъ, долженъ приносить своему владѣльцу доходъ, иначе не будетъ возможности заманить его въ какія-нибудь дѣла и онъ будетъ лежать въ сундукѣ непроизводительно. Наконецъ нужно взять и то въ расчетъ, что тотъ, кто рѣшается употребить свой капиталъ на страховую операцію, долженъ кромѣ обыкновенныхъ процентовъ получить еще премію за свой рискъ, сопряженный съ предпріятіемъ.

Въ Перми взаимное страхованіе оправдывается тѣмъ, что при этомъ способѣ сбережется отъ четырехъ до пяти тысячъ рублей страховыхъ премій. Но развѣ въ томъ главнѣйшій, основной вопросъ, чтобы сберечь премію? Если вовсе не платить страховыхъ денегъ, то сбережется еще больше. Въ томъ дѣло, чтобы получить, въ случаѣ пожарнаго несчастія, всю сумму убытковъ сполна, и ежели только это условіе неизмѣнно, то затѣмъ позаботиться о возможномъ уменьшеніи преміи. Наконецъ пусть они постараются понять, что у нихъ страхованіе будетъ обязательное, и потому застрахованы будутъ всѣ дома, а при этомъ условіи точно такъ же и страховыя общества могли бы понизить свои преміи.

Въ Москвѣ происходили выборы городского головы. Избранъ въ эту должность князь Щербатовъ. Вмѣстѣ съ нимъ балотировались гг. Хлудовъ, Ляминъ, Кошелевъ и Селивановъ. Всѣ они получили избирательныхъ шаровъ 338, 278, 200, 153 и 82. Всѣхъ избирателей присутствовало 461; между ними потомственныхъ дворянъ было 87, личныхъ 91, купцовъ 91, мѣщанъ 99, ремесленниковъ 94. Москвичи поняли очень хорошо, что хотя званіе городского головы весьма почетное званіе, однако для поддержанія его

Digitized by Google

на надлежащей высотѣ, для головы не безполезно имѣть другое званіе, которое уже одно держало бы голову внѣ необходимости или поползновенія гнуть спину или по нѣскольку часовъ ждать въ пріемной комнатѣ сильныхъ міра сего. Передъ тѣмъ газеты много толковали не о томъ, кого слѣдуетъ или не слѣдуетъ выбрать, а больше всего вообще о трудностяхъ выбора между лицами, которыхъ общественный характеръ болѣе или менѣе неизвѣстенъ избирателямъ. Въ самомъ дѣлѣ, при отсутствіи у насъ какой бы то ни было гласной, явной дѣятельности, на чемъ избиратели могли основывать свой выборъ? Кромѣ того у насъ не водится, чтобы кандидаты говорили печатно сами за себя, чтобы излагали въ газетахъ свои виды и свои намѣренія. Это было бы по-правдѣ-сказать до нѣкоторой степени безполезно, потомучто программа дѣйствій будущаго головы съ точностью опредѣлена закономъ и онъ не можетъ дѣлать ни малѣйшихъ отступленій. Главнѣйшая обязанность его будетъ состоять въ твердой поддержкѣ постановленій общества противъ покушеній мѣстной администраціи. Независимо отъ важной обязанности своей — заботиться обо всемъ что относится до городского хозяйства и до интересовъ своихъ согражданъ, новый городской голова долженъ будетъ практически постановить границы вторженіямъ администраціи въ общественныя дѣла, и если онъ это сдѣлаетъ удачно и съ выгодою для общества, то имя его не погибнетъ въ исторіи нашего развитія. Сверхъ того ему придется съ величайшею внимательностью охранять гласныхъ отъ вторженія въ ихъ совѣщанія и отъ вліянія на ихъ постановленія самого городского головы, который точно такъ же можетъ вообразить себя администраторомъ. Это будетъ весьма трудно, потомучто ему тутъ надо будетъ бороться съ самимъ собою. Образованному, умному, дѣятельному человѣку въ этомъ званіи предстоитъ блестящее поле дѣятельности; но такъ какъ князь А. А. Щербатовъ еще не имѣлъ случая показать себя на поприщѣ публичной дѣятельности, сколько-нибудь подобной тому дѣлу, которое онъ принялъ теперь на себя, то мы, ничего не предсказывая, можемъ только ожидать дальнѣйшихъ извѣстій изъ Москвы. Наконецъ ему придется неусыпно преслѣдовать кое-какіе грѣхи, которые понемногу должны были втереться въ городское управленіе по одному уже тому, что главнѣйшее вліяніе на городскія дѣла до сихъ поръ находилось въ рукахъ одного только сословія исключительно. А давно уже извѣстно, что исключительность портитъ и путаетъ всякое дѣло. Въ настоящее время хорошій городской голова можетъ постановить прочныя основанія истинному общественному самоуправленію города.

Digitized by Google

Императорская академія наукъ, или лучше сказать, не она сама, а календарная комиссія, состоящая при академіи, или правильнѣе сказать, редакція календаря, состоящая при календарной комиссіи, состоящей при академіи, обнародовала ко всѣмъ больницамъ и благотворительнымъ учрежденіямъ приглашеніе: сообщить правила пріема больныхъ и разныхъ убогихъ и увѣчныхъ. Въ самомъ дѣлѣ это очень полезныя для академіи свѣдѣнія, которыя могутъ всегда пригодиться. Академія хочетъ ихъ напечатать въ календарѣ. Но тутъ является маленькое осложненіе. Обыкновенно академія требуетъ необходимыя для нея свѣдѣнія офиціальными отношеніями чрезъ своего секретаря. Вѣдомства, получившія такіе запросы, отвѣчаютъ тоже офиціальными отношеніями, такъ что свѣдѣнія, печатаемыя въ календарѣ, могутъ считаться обладающими высшею степенью достовѣрности въ офиціальномъ смыслѣ. Но такъ какъ редакція календаря обратилась теперь къ печати, и именно въ нѣмецкой петербургской газетѣ, откуда обращеніе переведено въ «Сѣверной Почтѣ», то это значитъ что-нибудь другое.. особенно если принять во вниманіе, что «редакція будетъ принимать съ благодарностью указаніе ошибокъ и недосмотровъ, вкравшихся въ календарь.» Нельзя не отозваться на такое приглашеніе съ большою готовностью.

Календарь, какъ извѣстно, печатается въ огромномъ числѣ экземпляровъ, именно отъ 35 до 40 тысячъ и продается въ пользу академіи по весьма высокой цѣнѣ, именно по 80 коп. сер. въ листахъ. Почему именно въ листахъ, когда никто на свѣтѣ календаря непереплетенаго или несшитаго непокупаетъ, это одна изъ тайнъ, которыми такъ богата академія наукъ. Если принять въ соображеніе, что имена святыхъ или то что собственно составляетъ календарь, набрано въ академической типографіи и желетъ слѣдующаго года только для необходимой перестановки дней и подвижныхъ праздниковъ, и за тѣмъ большая часть календаря точно такъ же набрана, то оказывается, что академія беретъ 80 коп. сер. только за приложенія къ календарю, которыя каждый годъ мѣняются и календаря собственно не составляютъ. Такой налогъ на всѣхъ потребителей календаря возможенъ только при монополіи самой несправедливой, и если можно возразить, что всякій воленъ купить себѣ календарь или не покупать его, то вѣдь и откупщики возражали тоже самое, когда имъ ставили монополію въ упрекъ. Кромѣ академіи наукъ никто не имѣетъ права печатать на русскомъ языкѣ календарей, оттуда дороговизна этого предмета первой необходимости для огромнаго числа публики. Это первый и важнѣйшій недостатокъ, на который надобно указать академіи; испра-

Digitized by Google

вить его очень легко: стоитъ только отказаться отъ монополіи, и тогда явятся у насъ въ большомъ количествѣ календари во всѣхъ родахъ и по дешовымъ цѣнамъ. Во Франціи есть календари прекрасно иллюстрированные, съ повѣстями, анекдотами, загадками, шарадами и всякой всячиной за 50 сантимовъ или за 13 копѣекъ. Если мы не скоро доживемъ до этой дешевизны, то покрайней-мѣрѣ можно надѣяться, что календарь, подобный тому, который академія продаетъ за 80 копѣекъ въ листахъ или 90 копѣекъ сшитый въ видѣ книги, можно будетъ имѣть за четвертакъ, не болѣе.

Потомъ любопытно было бы знать для кого и для чего печатаются элементы различныхъ планетъ, особенно 72 планетъ между Марсомъ и Юпитеромъ? Повидимому эта лишняя роскошь принята только для приданія календарю аромата учености. Кто занимается астрономіей, тотъ и безъ календаря найдетъ справку объ элементахъ, а для того, кто не занимается, это лишній баластъ.

Далѣе съ великою точностью изъ году въ годъ одна и таже роспись городовъ Россійской имперіи съ показаніемъ числа жителей, разстоянія отъ Петербурга и Москвы, широты и долготы мѣста. Не говоря уже о томъ, что здѣсь постоянно неправильно показано число жителей, эти данныя разнятся даже отъ цыфръ, извѣстныхъ въ статистическомъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Не показано откуда взята вѣдомость о числѣ жителей въ Россіи по исповѣданіямъ. Знать это было бы весьма важно для опредѣленія степени довѣрія, которое можетъ быть оказано этой таблицѣ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ слѣдующихъ двухъ таблицахъ государствъ и владѣній во всѣхъ частяхъ свѣта является множество противорѣчій. По одной таблицѣ въ Австріи 35,300,000 жителей, а по другой 36,039,364. Въ Венезуэлѣ по первой таблицѣ 1,564,433, а по второй 1,356,000. Дѣло въ томъ, что первая таблица составлена по Кольбу и Гюбнеру, а вторая по Дитерици. Что за роскошь? Кчему двѣ таблицы? Развѣ къ тому, чтобы показать какъ работаютъ заграничные нѣмцы, не получающіе отъ своихъ правительствъ ни жалованья, ни квартиръ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ? Но кажется, что Россія могла бы ожидать отъ своей академіи какихъ-нибудь выводовъ, какого-нибудь сравненія, короче сказать какого-нибудь труда, а не простой голой перепечатки цыфръ, съ переводомъ именъ на неизвѣстный нѣмецко-русскій, вѣроятно академическій языкъ. Напримѣръ Ирландія названа Ирляндіей; какая-то страна названа: «Пруссія по сѣверной границѣ въ таможенномъ союзѣ» (?), а далѣе: «Причитающіяся къ Пруссіи нѣмецкія области.» Въ ссылкѣ готскій календарь названъ альманахомъ. «*Пространство* Египта *занимаетъ* 8372 кв. м., отчего на кв. милю приходится 346 душъ *и въ этой*

Digitized by Google

страны находится большой городъ Каиръ» и проч. и проч. Наконецъ въ «Результатахъ» показанъ ложный полюсъ въ 2288 кв. миль. Это кто измѣрялъ?

Мѣры и вѣсы перепечатываются изъ календарей за прежніе годы, съ прежнею неудовлетворительностью. Кажется не нашей бы академіи приходилось указывать какъ нѣмцы разработываютъ метрологію.

Неизвѣстно для чего изъ готскаго календаря перепечатывается генеалогія иностранныхъ государей и владѣтельныхъ княжескихъ фамилій. Россія съ большимъ удобствомъ могла бы довольствоваться именами владѣтельныхъ особъ и именами наслѣдниковъ престоловъ, но какую пользу намъ доставитъ знаніе именъ «дѣтей своего дѣда» австрійскаго императора и т. д. Всѣ эти лица имѣютъ несомнѣнную важность въ своихъ отечествахъ, но для насъ имъ значеніе весьма не велико. Потомъ — какое значеніе имѣютъ теперь въ календарѣ владѣтельные дома моденскій, обѣихъ Сицилій и тосканскій, когда итальянское королевство давно признано Россіей? При каждомъ владѣтельномъ домѣ показано къ какому закону принадлежитъ вѣроисповѣданіе. Норвегія — лютеранскаго закона, Персія — мухамеданскаго. Замѣчательно, что не забыли замѣтить, что папа — католическаго закона.

Но нѣтъ возможности перечесть всѣхъ календарныхъ промаховъ, всего того что въ нашемъ календарѣ лишнее и что должно бы быть прибавлено. Гораздо легче и удобнѣе это сдѣлается само собою, когда академія откажется отъ своей монополіи и наступитъ время свободнаго составленія календарей и свободной торговли ими.

Невозможно заключить нашу скромную лѣтопись, не занеся въ нее послѣднихъ извѣстныхъ результатовъ по устройству бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Къ 12 марта уставныхъ грамотъ составлено всего 103,893, стало-быть несоставленныхъ осталось менѣе пяти съ половиною процентовъ. Изъ всѣхъ составленныхъ грамотъ не введено въ дѣйствіе по разнымъ причинамъ 6,354. Тѣми грамотами, которыя введены въ дѣйствіе, числомъ 97,539, опредѣлены поземельныя отношенія 8,661,748 душъ мужескаго пола. Такимъ образомъ изъ ста душъ бывшаго крѣпостного населенія не великопомѣстныхъ помѣщиковъ болѣе восьмидесяти восьми съ половиной поставлены въ окончательно-опредѣленныя отношенія къ своимъ бывшимъ помѣщикамъ. При составленіи и введеніи въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ менѣе трехъ съ половиною мильоновъ

Digitized by Google

осталось на издѣльной повинности или на барщинѣ. Изъ остальныхъ пяти съ половиною милліоновъ, обязанныхъ платить за пользованіе своими землями, 1,222,812 человѣкъ сдѣлались собственниками или заключали о томъ сдѣлки съ помѣщиками. Изъ этого числа около четвертой части вовсе не воспользовались содѣйствіемъ правительства 312,646 душъ, и это самые счастливые, потому что ихъ дѣло окончательно кончено, тогда какъ остальные будутъ еще платить за пріобрѣтенную землю болѣе или менѣе продолжительное время. Въ двадцать-одной губерніи введеніе уставныхъ грамотъ окончено.

А между тѣмъ, несмотря на то, что дѣло повидимому такъ далеко ушло отъ своего начала, такъ близко къ концу, все еще вопросъ является непріятная отрыжка стараго, отжившаго порядка вещей. Дѣло это въ высшей степени любопытное; тѣмъ болѣе, что относится къ лицу, весьма хорошо извѣстному въ литературномъ мірѣ, именно къ г. Григорію Бланку. Онъ сдѣлался знаменитъ въ то время, когда свирѣпствовалъ «Журналъ землевладѣльцевъ» и когда нашею литературой разрабатывался вопросъ о томъ, сѣчь или не сѣчь, когда серьозно писали о шестидцати ударахъ розгами и о величинѣ самыхъ розогъ.

20 мая прошлаго года г. Григорій Бланкъ писалъ къ г. министру внутреннихъ дѣлъ письмо, въ которомъ горько жаловался на потерю въ одномъ 1861 году со времени введенія положенія о крестьянахъ, пятнадцати тысячъ рублей серебромъ доходу по причинамъ, отъ него независящимъ. Потомъ онъ написалъ министру другое письмо, изъ котораго оказывается, что у него имѣнія находятся въ пяти губерніяхъ и повидимому заключаютъ въ себѣ двѣнадцать селеній. Въ четырехъ селеніяхъ уставныя грамоты были введены, а положеніе г. Бланка нисколько не улучшилось. «Денной и ночной грабежъ — пишетъ онъ (письмо напечатано въ орловскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, въ отчетѣ о постановленіяхъ губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ) — усиливается и производится все лераче и дераче: помѣщичьи десятины запахиваются и побиваются, копны съ нихъ воруютъ, также какъ и зерно изъ закромовъ; господскіе луга травятся или выкашиваются своевольно крестьянами, а сѣно, скошенное на помѣщика, валялось нынѣшнее лѣто болѣе трехъ недѣль въ рядахъ по полю, развѣваемое вѣтрами, растаскиваемое проѣзжими, гнившее подъ дождями (Какъ пишетъ человѣкъ, какъ убѣдительно, краснорѣчиво и картинно пишетъ!). Воровство лѣсныхъ матерьяловъ страшное, а господскія усадебныя, гумонныя и хозяйственныя строенія въ упадкѣ. (Очевидно однако, что въ этомъ, покрайней-мѣрѣ

[illegible] времени, и [illegible] злокозненные крестьяне)... Во всемъ только разореніе. Даже въ сараяхъ *своя* люди обираютъ экипажи, какъ напримѣръ въ моемъ воронежскомъ имѣніи. Повсюду пьянство, картежная азартная игра, развратъ, воровство и самоволство. *Это воспитаніе новаго народа, снятаго съ помочей* (Какая [illegible] игра словъ и какая горькая въ тоже время ирония). Прежде онъ плодился, населялъ помѣщичью землю и не заботился о своемъ потомственномъ существованіи. При вольности — первый вопросъ о способахъ жизни, и вотъ отвѣтъ готовъ: разграбленіе достояній помѣщиковъ, которымъ остается лишь безплодно *официально платиться*, страдать и ожидать, когда кто изъ нихъ съ потомствомъ пойдетъ по міру — хотя бы за продажею съ аукціона [illegible] имѣній въ банкахъ, куда они, разоренные, нуждающіеся въ содержаніи и воспитаніи семействъ не въ состояніи производить уплаты. Куда ни взгляни, всюду убытки и разстройство... (Мы пропускаемъ не менѣе сильныя мѣста). Вотъ свѣдѣнія, полученныя мною отъ одного изъ моихъ управляющихъ: «Неповиновеніе, грубость, ругательство, насмѣшка, распутство, гордость и прочее возвысились до того, что дворовые не работаютъ болѣе недѣли... При осмотрѣ моемъ ругаются площадными словами, оставляютъ работу и поднимаютъ игру зазорную, и преимущественно безъ меня, такъ что я заставалъ ихъ въ положеніи гнусномъ». Подобныя грустныя картины не видятъ только тѣ, кто не хочетъ ихъ знать. Но что изъ этого будетъ? Неужели наше конечное разореніе безпомощныхъ неизбѣжно?»

Министръ внутреннихъ дѣлъ отослалъ копію съ письма г. Григорія Бланка начальнику орловской губерніи, прося его навести справки и сдѣлать въ случаѣ нужды соотвѣтственныя распоряженія.

По справкѣ оказалось, что мировыя учрежденія не обязаны разбирать дѣлъ по части грубостей и насмѣшекъ надъ управляющимъ, такъ какъ это дѣло земской полиціи. Г. Григорій Бланкъ купилъ елецкое имѣніе свое у помѣщицы Львовой лѣтомъ 1860 года, а осенью, когда озимые посѣвы были кончены, распорядился разверстаніемъ своихъ угодій отъ крестьянскихъ. Крестьянамъ приходилось сѣять въ слѣдущемъ послѣ уборки ржи году, т. е. въ 1862, не тамъ, гдѣ стояла ихъ рожь, а гдѣ-то въ другихъ мѣстахъ, что весьма невыгодно, и потому они овесъ посѣяли на прежнихъ ржанищахъ, которые г. Григорій Бланкъ отрѣзалъ-было себѣ. По случаю воровства крестьянами копенъ съ господскихъ десятинъ, оказалось, что елецкое имѣніе г. Григорія Бланка состояло въ завѣдываніи временно-обязаннаго его крестьянина изъ тамбовской губерніи, кото-

Digitized by Google

рый свѣшенъ только въ концѣ августа за воровскую продажу послѣдняго хлѣба съ одного изъ дальнихъ участковъ черезполосной дачи. Воровство это открыто туземнымъ крестьяниномъ, бывшимъ крѣпостнымъ г. Григорія Бланка и хлѣбъ возвращенъ въ господскія закрома. Выходитъ, что въ уменьшеніи доходовъ виновата не безнравственность крестьянъ, а трудность найти благонадежныхъ управляющихъ, что испытываютъ теперь всѣ помѣщики. Крестьяне же, — какъ отзывается мѣстный мировой посредникъ, — не имѣютъ особенной преданности къ владѣльцу, однако не имѣютъ также противъ него особеннаго озлобленія, такъ какъ узнали его только недавно. Оказалось, что въ имѣніи г. Григорія Бланка работы производятся правильно, крестьянъ онъ обвиняетъ въ безнравственности, воровствѣ и проч. несправедливо, и потому орловское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе не считаетъ нужнымъ принимать какія-либо мѣры относительно его имѣнія, о чемъ оно донесло до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ.

Такимъ-то образомъ еще разъ непріятно напомнилъ о себѣ по крестьянскому дѣлу знаменитый литераторъ и землевладѣлецъ г. Григорій Бланкъ.

Digitized by Google

ПО ПОВОДУ ПОСЛѢДНЕЙ ПОВѢСТИ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО «КАЗАКИ»

(ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ «ВРЕМЕНИ»)

Лихорадочно-напряжонное состояніе нашего общества всѣхъ выбиваетъ изъ колеи, въ особенности литераторовъ. Романисты пускаются въ полемику, публицисты пишутъ романы, историки — драмы, лирическіе поэты — статьи по хозяйственной части и очень можетъ быть, что экзекуторы скоро начнутъ стихи писать. Я не критикъ, но по желанію вашему пишу и посылаю къ вамъ критическія замѣтки поповоду только-что прочитанной мною повѣсти «Казаки», соч. графа Л. Н. Толстого.

Кто не читалъ самой повѣсти, тотъ лучше сдѣлаетъ, если прочтетъ ее прежде чѣмъ станетъ читать письмо мое. Я не стану излагать содержаніе повѣсти и буду кратокъ повозможности; скажу вамъ тоже что сказалъ бы я и самому автору, еслибъ постарому увидѣлся съ нимъ и еслибъ онъ спросилъ моего мнѣнія.

Повѣсть «Казаки», есть произведеніе замѣчательнаго художника и въ тоже время не есть художественное произведеніе.

Еслибы оно было таковымъ, я не рѣшился бы взять на себя случайную роль судьи его. До уровня съ великими произведеніями искуства могутъ подниматься только великіе критики.

Еслибъ оно было таковымъ, я пришолъ бы отъ него въ такой восторгъ, что ничего бы написать не былъ въ состояніи, да и самый восторгъ постарался бы скрыть отъ глазъ литературной братіи: никто не нашолъ бы въ немъ затаеннаго чувства патріотической гордости и никто бы не повѣрилъ его искренности, — до такой степени въ наши трудные дни потребность наслаждаться искуствами заглушена иными потребностями, которые вопіютъ, и требуютъ удовлетворенія.

Напрасно сталъ бы я увѣрять, что отъ наслажденій умствен-

Digitized by Google

ныхъ точно также плодятся идеи, какъ плодятся люди отъ наслажденій чувственныхъ.

Мнѣ на это скажутъ: мы и съ тѣми-то идеями, которыя кой-какъ добыли, не знаемъ куда дѣваться, какъ провести ихъ въ жизнь и проч., и проч.

Напрасно я сталъ бы возражать, что отъ частныхъ или индивидуальныхъ идей еще далеко до идеи общей, всепокоряющей и всепроникающей, но что безъ первыхъ не будетъ и послѣдней, какъ безъ мелкихъ ручьевъ, и стоковъ не образуется ни одной большой рѣки.

Что такое идеи! скажутъ мнѣ: — идеи добываются фактами, а не вашими искусствами. Но... произведеніе искусства: тотъ же фактъ, точно такъ же какъ и всякое явленіе природы и точно такъ же достойно глубокаго изученія.

Когда новое явленіе природы поражаетъ естествоиспытателя, онъ наслаждается имъ или безсознательно какъ и всякій смертный, или сознательно, т.-е. изучаетъ его, находитъ ему мѣсто въ ряду другихъ явленій, старается понять значеніе его для науки или для общества... Онъ можетъ долго и добросовѣстно изучать его, но спорить съ нимъ не можетъ. Точно такое же отношеніе критика къ истинно-художественному поэтическому созданію: онъ можетъ изучать его, но спорить съ нимъ не можетъ.

Да и кого бы могъ онъ оспаривать! Если произведеніе принадлежитъ лирическому поэту, носитъ на себѣ печать его личности (субъективное произведеніе), то поэтъ уже не поэтъ, если можно его оспаривать; да и есть ли возможность оспаривать человѣка, который ироническиі смѣется или горько плачетъ, если только вы вѣрите въ искренность его смѣха, въ непритворность слезъ его. Тѣмъ душевнымъ настроеніямъ, которыхъ печать лежитъ на лирической поэзіи, можно сочувствовать или не сочувствовать, можно покоряться или не покоряться ихъ магическому вліянію, но не спорить; если же это поэтъ объективный, романистъ, повѣствователь, драматургъ, вы будете имѣть дѣло съ его произведеніемъ, — до личности поэта вамъ и дѣла нѣтъ. Когда Гоголь напечаталъ свою переписку съ друзьями, съ нимъ можно было спорить, соглашаться и не соглашаться съ нимъ, но когда онъ напечаталъ свою повѣсть «Шинель», отъ нея повѣяло такою жизнью, такою правдой, что изучать можно, даже находить кой-какіе недостатки можно, но есть ли возможность спорить съ такимъ произведеніемъ, въ которомъ невидать самого производителя, съ такимъ производителемъ, котораго мысль стала живымъ и яснымъ фактомъ. Промелькни эта мысль помимо факта, и споръ возможенъ — ибо мысль о

Digitized by Google

жизнь еще не жизнь, мысль о смерти — не смерть. Авторъ можетъ думать одно, читатель другое; онъ можетъ стоять на одной точкѣ зрѣнія, а на другой.

Графъ Л. Н. Толстой не лирикъ и не совершенно объективный писатель; что бы онъ ни писалъ, во всѣхъ его произведеніяхъ мелькаетъ его личность, выступаетъ собственная мысль его: такъ иногда онъ самъ себѣ мѣшаетъ, впутывая самого себя въ свои произведенія.

Когда я читалъ повѣсть его «Казаки», когда передо мной раскрывалась великолѣпная картина Кавказа, казацкой станицы, домашняго и вообще-служебнаго быта казаковъ, я не могъ не чувствовать, что изъ-за рамы этой картины выглядываетъ самъ художникъ и учитъ меня какъ понимать ее. Такъ стало-быть есть такія мѣста въ произведеніи, которыя сами по себѣ, безъ помощи художника, были бы неясны. Если есть — то картина не дорисована, не дописана и еще не имѣетъ права казаться вполнѣ художественнымъ произведеніемъ, а если все само собой ясно, то кчему же поясняютъ!

Наше время особенно богато литературными произведеніями, вызывающими на споръ.

Еслибъ произведеніе графа Л. Н. Толстого не дышало такою жизнью, не было такъ поразительно свѣжо, не заключало въ себѣ такъ много правды, словомъ не носило бы на себѣ печати сильнаго таланта, не стоило бы и спорить съ авторомъ.

Съ иными спорить трудно, потомучто поневолѣ вѣришь имъ, потомучто они стоятъ выше васъ и видятъ дальше васъ; съ иными трудно спорить, потомучто большинство стоитъ за нихъ; мысль ихъ нравится молодому поколѣнію. Съ иными легко, потомучто за ними меньшинство или болѣе или менѣе люди отсталые.

Трудность и легкость спора зависитъ также и отъ самаго произведенія. Жизнь, изображаемая авторомъ, стоитъ или за его убѣжденія или безпрестанно, помимо воли его, противорѣчитъ имъ.

Съ графомъ Л. Н. Толстымъ спорить и трудно, потомучто я увѣренъ, мысль его болѣе или менѣе гармонируетъ съ настроеніемъ нашего общества, и легко, потомучто въ его повѣсти сама жизнь безпрестанно споритъ съ авторомъ, противорѣчитъ его мысли, превращая ее въ какой-то парадоксъ, ничѣмъ необъясненный и ничѣмъ еще недоказанный.

Цивилизація не удовлетворяетъ насъ. Не поискать ли этого удовлетворенія въ простотѣ полудикой жизни, на лонѣ природы? вотъ задушевная мысль, проводимая авторомъ.

Она не нова. Пушкинъ проводилъ ту же мысль въ своей поэмѣ

Digitized by Google

«Цыганы», но Пушкинъ, какъ великій художникъ, выбралъ изъ среды кочующаго племени такіе идеальные типы, что сравнительно съ образованнымъ Алеко они кажутся и человѣчнѣе, и гораздо глубже его въ пониманіи человѣческаго сердца. Утомленному борьбой или скучающему въ безгдѣйствіи юношѣ сладко проникнуть въ такой широко-вольной, безмятежной жизни. У Пушкина мысль не расходится съ тѣми образами, которые возникаютъ у васъ въ душѣ при чтеніи его произведенія. Графъ Л. Н. Толстой остался вѣренъ природѣ, людямъ и будничной жизни; онъ неспособенъ что-нибудь идеализировать и вывелъ на сцену далеко не такихъ людей, съ которыми легко на долго мириться человѣку сколько-нибудь развитому. Въ той средѣ, въ которую онъ переноситъ васъ живетъ съ своимъ героемъ, Олениньмъ, тѣже условія, тѣже мелкіе расчеты, тѣже награды за подвигъ. И нетолько читатель, самъ герой Оленинъ колеблется: — то, при малѣйшемъ напоминаніи ему о московской жизни, чувствуетъ, что на него пахнуло той тяготою, отъ которой онъ отрекся; то въ самой станицѣ (напримѣръ въ обществѣ казачекъ, на имянинахъ у Устеньки) многое находитъ мутно пошлымъ и отвратительнымъ, что ему бѣжать хочется.

Повѣритъ ли послѣ этого читатель письму Оленина, въ которомъ онъ пишетъ къ своимъ на родину. «*Вы не знаете что такое счастье, что такое жизнь! Надо испытать жизнь во всей ея безискусственной красотѣ*» и пр. Что это: минутный порывъ или фраза? Ни то ни другое не заключаетъ въ себѣ силы, насъ убѣждающей, а между тѣмъ все что говоритъ Оленинъ, вся его жолчь и отвращеніе къ свѣту, къ полуобразованной московской средѣ, до такой степени противорѣчитъ всей его московской жизни, всему тому что онъ чувствовалъ покидая эту жизнь, тому что самъ авторъ говоритъ о немъ въ началѣ повѣсти, что поневолѣ воображаешь, что за Оленина говоритъ самъ авторъ. Вѣдь могъ же авторъ сладить со всѣми остальными характерами, отчего же онъ не сладилъ только съ Олениньмъ? Не оттого ли, что онъ менѣе равнодушенъ къ нему, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ?..

У Пушкина Алеко — сильный характеръ, и читатель имѣетъ полную возможность подозрѣвать, отчего онъ не ужился съ обществомъ; у графа Толстого герой безъ всякой силы. Это маленькій себялюбецъ, скорѣе избалованный жизнью, чѣмъ отстрадавшій ея противорѣчіями, маленькій Гамлетикъ, способный только на минутныя увлеченія. Отъ чего бы кажется ему бѣжать? Отъ самого себя? Но отъ себя убѣжать рѣшительно некуда. Куда ни приди, вездѣ будешь чужой. Авторъ, великій знатокъ и тонкій психологъ, не довольно вникъ въ радости и страданія своего Оленина

Digitized by Google

описывать его. Онъ вдругъ не отнесся къ нему съ иронiей, вдругъ не выдвинулъ на свѣтъ главную черту его характера. Это безпрестанный надзоръ его за собою ради страшнаго самолюбія и самосбереганія; авторъ щадитъ его, какъ отецъ щадитъ ребенка, щадитъ, имѣя въ рукахъ своихъ тончайшее изъ орудій — анализъ.

Пушкинъ казнитъ своего Алеко; графъ Толстой также *хотѣлъ казнить* своего героя, но не договорилъ послѣдняго слова. Договорить его онъ бы не рѣшился, ибо повредилъ бы нетолько герою, но и къ собственной мысли своей сталъ бы въ противорѣчіе.

Еслибы Алеко ужился между идеальными пушкинскими цыганами, онъ могъ бы еще быть счастливъ; онъ самъ нарушилъ это счастье, самъ убилъ свою свободу нарушая свободу другихъ. Но что сталось бы съ Оленинымъ, еслибъ онъ женился на казачкѣ Маріанѣ; какую роль сталъ бы онъ играть между казаками? Что бы сталъ дѣлать всю жизнь, еслибъ его не убили абреки? Ревновать къ женѣ, ходить на охоту или отъ скуки пьянствовать?

Авторъ хотѣлъ казнить героя своего за то только, что онъ не родился въ станицѣ, за то, что у него ничего съ казаками нѣтъ общаго, за то, что онъ не можетъ равнодушно убивать абрековъ, воровать ногайскихъ коней, лазить въ окошки къ дѣвкамъ и цѣловать ихъ не думая *что онъ и зачѣмъ онъ?* Словомъ авторъ казнитъ его не за какое-либо преступленіе противъ свободы, какъ казнитъ Пушкинъ своего Алеко, а просто за то только, что онъ развитѣе казаковъ. Но казня своего героя авторъ въ сущности спасаетъ его отъ той несвойственной ему животной жизни, которая бы досталась ему на долю, еслибъ онъ остался между казаками мужемъ *первобытной женщины*. Авторъ какъ кажется даже и не подозрѣваетъ, что холодность Маріаны спасла его Оленина.

Все что нашелъ Оленинъ истинно прекраснаго въ станицѣ, все это есть и въ средѣ образованной: красота есть; свободолюбивыя, никакихъ условій не признающія, безкорыстныя дѣвушки — есть; хорошія трудолюбивыя хозяйки, сознающія довольство — также есть. Людей ничего не признающихъ кромѣ страстей своихъ, людей непокорнощихся никакимъ свѣтскимъ условіямъ — также можно найти. Нашлись бы и такіе, которые никогда не гордились и не гордятся своимъ знакомствомъ съ аристократами и не чувствуютъ, подобно Оленину, ни малѣйшаго удовольствія, когда подходитъ къ нимъ на балѣ *князь Сергій* и говоритъ ласковыя рѣчи.

Оленинъ далеко не представитель лучшихъ людей нашего времени. Онъ человѣкъ явно отживающаго поколѣнія, нѣчто вродѣ

Digitized by Google

блѣдное отраженіе лучшихъ людей пушкинской эпохи. Наши передовые люди, поставив на все что есть лошадиное въ нашей цивилизаціи, не пойдутъ цаловаться на лонъ природы или искать отрады у дикихъ. Они лучше, подражая графу Льву Николаевичу Толстому, будутъ учить крестьянскихъ мальчиковъ, чѣмъ гоняться за какимъ-то счастьемъ внѣ всякой цивилизаціи.

Въ нашей цивилизаціи много гнили, потомучто гніетъ въ ней все отживающее, все ненужное живому, общественному организму, все чуждое и ему несвойственное; въ этомъ смыслѣ — чѣмъ больше гнили, тѣмъ лучше. Догнивающее отпадаетъ, замѣняясь новыми свѣжими элементами жизни. Мы навозъ, унавоживающій почву для другихъ поколѣній, — говорилъ когда-то Бѣлинскій, и не приходилъ отъ этого въ отчаяніе. Онъ не бѣжалъ отъ гнили ради эгоистическаго самосохраненія, а врывался въ нее, нарушалъ ножой ее, обдавая ее струями свѣжаго разъѣдающаго воздуха, заставлялъ ее еще больше гнить, чтобъ всѣ видѣли, что это гниль, и вѣроятно онъ гордился тѣмъ, что могъ на нее указывать, не меньше Лукашки, которому завидовали оттого, что ему удалось подстрѣлить Абрека.

Больная мысль человѣка, разбитаго жизнью, конечно очень искренно можетъ иногда пожелать той среды, гдѣ она надѣется на свое выздоровленіе, той среды, гдѣ по словамъ автора повѣсти — *люди живутъ какъ живетъ природа, умираютъ, родятся, совокупляются, опять родятся, дерутся, пьютъ, ѣдятъ, радуются и опять умираютъ*, той среды, гдѣ *нѣтъ никакихъ условій, исключая тѣхъ неизмѣнныхъ, которыя положила природа солнцу, травѣ, звѣрю, дереву*.

Но едвали такая жизнь дастъ полное успокоеніе разъ пробужденной, хоть и больной мысли. Живуча эта больная мысль! Если иногда и желаетъ она *бѣжать*, то развѣ потому только, что боится здоровой мысли, чувствуетъ, что не въ силахъ догнать ее и заодно съ нею дѣйствовать.

Въ ту жизнь, которую рисуетъ въ немногихъ словахъ графъ Л. Н. Толстой, и я бы охотно *на время* погрузился, для того, чтобы окрѣпнуть физически и опять воротиться на борьбу съ чернью насколько силъ хватитъ.

Я былъ также на Кавказѣ, также испыталъ на себѣ строгость полудикой женщинѣ, также наслаждался природой, и несмотря на это, — когда покидалъ Кавказъ, — писалъ съ непритворнымъ огорченіемъ:

И душа на просторъ вырывается
Изъ-подъ власти кавказскихъ громадъ.

Digitized by Google

. . . . . .

Душу, къ битвамъ житейскимъ готовую,
Я за снѣжный несу перевалъ, и проч.

Я, какъ видите, не разбиралъ критически самой повѣсти, ни слова не сказалъ вамъ о лучшихъ сторонахъ ея, — ихъ оцѣнятъ всѣ, нетолько горячіе поклонники таланта Л. Н. Толстого, но и люди къ нему совершенно равнодушные. Красоты этого произведенія перевѣшиваютъ его недостатки; отъ всего расказа вѣетъ кавказскимъ воздухомъ. Это неподдѣльный, неподкрашеный, неромантическій Кавказъ, съ романтическими героями. Каждый штрихъ, рисующій тамошнюю природу, вѣренъ, а казаки? Лукашка, дядя Ерошка, хорунжій! Да вы непремѣнно ихъ сами встрѣчали, если только когда-нибудь ломали походы тамъ, гдѣ

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ...

или вы непремѣнно ихъ встрѣтите, если туда поѣдете. Женскія лица также мастерски очерчены, въ особенности Маріана. Я какъ-то въ молодости самъ проѣзжалъ станицы и знакомился проѣздомъ съ казачками, и Маріаны и Устеньки еще до-сихъ-поръ смутно мелькаютъ въ моемъ воображеніи. Ихъ образы стали для меня яснѣе послѣ прочтенія повѣсти Л. Н. Толстого.

Мнѣ остается сдѣлать одно или два замѣчанія, иначе я увлекусь, и начну хвалить повѣсть... изъ благодарности къ тому, кто волшебствомъ пера своего перенесъ меня на Кавказъ, и затронулъ мои воспоминанія

Что прошло, то *стало* мило.

Первое замѣчаніе. Лучшіе эпизоды повѣсти «Казаки», а именно тотъ, гдѣ казакъ Лукашка застрѣливаетъ ночью переплывающаго черезъ Терекъ абрека; тотъ, гдѣ является братъ убитаго за его тѣломъ, и тотъ, гдѣ наконецъ братъ этотъ является съ другими абреками мстить за смерть убитаго, погибаетъ и подстрѣливаетъ Лукашку — эти три эпизода составляютъ почти отдѣльную повѣсть; читая ихъ, забываешь и Оленина и всѣ остальныя части. Эти эпизоды — повѣсть въ повѣсти. Такая сложность разбиваетъ, двоитъ вниманіе читателя.

Второе замѣчаніе. Авторъ не довольно выясняетъ враждебное отношеніе казаковъ ко всѣмъ, кто не казакъ. Откуда эта скрытая непріязнь даже къ своимъ защитникамъ? отъ религіозныхъ или иныхъ причинъ? Вообще, въ чемъ главная «суть» ихъ раскола, въ чемъ заключается та сила, которая связываетъ ихъ въ такое брат-

Digitized by Google

ство. Всего этого не видимъ изъ повѣсти, несмотря на то, что авторъ, обнаруживая наблюдательность и близкое знакомство съ тѣмъ краемъ, который взялся описывать, вдается въ длинныя, этнографическія, почти научныя подробности. Вообще весь расказъ изобилуетъ тѣми мелочами, изъ которыхъ каждая сама по себѣ — прелесть, но совокупность которыхъ, какъ излишнее богатство, по временамъ утомляетъ нетерпѣливаго читателя.

Вотъ все что могу сказать вамъ поповоду новой повѣсти; все это мое личное мнѣніе. Кто докажетъ мнѣ, что я въ чемъ-нибудь ошибся, тому я мысленно скажу спасибо.

Я. ПОЛОНСКІЙ

Digitized by Google

СКАЗАНІЕ О «ДУРАКОВОЙ ПЛѢШИ»

(поповоду распри «Современника» съ «Ясной Поляной»)

По Сенькѣ и шапка.

Нѣтъ! не способенъ я въ столь роковое время
Позорить гражданина санъ
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся славянъ!...

К. Р.

(изъ старыхъ студентскихъ тетрадокъ).

Едва я успѣлъ заявить во «Времени» (февраль № 2), что наша «живая струя» не совсѣмъ жива въ отношеніи къ вопросамъ о воспитаніи, какъ и въ «Современникѣ» являются въ январско-февральской книгѣ разомъ двѣ педагогическихъ статьи. Эти статьи имѣютъ претензію толковать и о чемъ-то иномъ, кромѣ знаменитаго вопроса «сѣчь или не сѣчь», постоянно торчавшаго незамѣчаемымъ бревномъ въ глазу «современныхъ» публицистовъ. Извѣстно было уже издавна, что «Современникъ» ко всему относится отрицательно; но въ былое время онъ покрайней-мѣрѣ ничего не проповѣдывалъ положительнаго, и это было опорою, даже основою его славы. Но, другія времена, другіе нравы,—теперь «Современникъ» съ своею новою редакціей, хотя и очень недавно, но зато энергически, сталъ проповѣдывать и положительное ученіе. Это показалось мнѣ тѣмъ интереснѣе, что вѣдь вообще говоря, «Современникъ» втихомолку считалъ насъ съ вами, читатель, за совершенныхъ пѣшекъ, а въ первой книжкѣ даже и положительно высказалъ, что мы съ вами (т.-е. люди, сочувствующіе и «по силѣ-мочи» содѣйствующіе прогресу только не по мыслямъ и по иниціативѣ «Современника», а вслѣдствіе внутренняго непреоборимаго побужденія) не кто иные, какъ люди изъ «Дуракова болота лѣзущіе на Дуракову

Digitized by Google

плѣшь» (зри фельетонъ первой книги «Современника»: *Наша общественная жизнь*).

Я давно уже подозрѣвалъ, что «Современникъ» добрался до этой «плѣши», честь открытія которой принадлежитъ ему одному въ литературѣ. Когда же я прочелъ двѣ педагогическія статьи въ его первой книгѣ, подозрѣнія мои оправдались на дѣлѣ. Одна изъ нихъ, статья г. Слѣпцова: «Педагогическія бесѣды» до того ерунда «съ различными помѣсями» (часто-повторяемое, хотя и безсмысленное выраженіе этой статьи), что нѣтъ ни малѣйшей возможности добиться въ ней никакого смысла, даже и такого, который вовсе не касался бы педагогіи (хотя педагогія, судя по заглавію, должна бы собственно быть на первомъ планѣ). Все это eo ipso служитъ несомнѣннымъ указаніемъ на климатическія и другія «матеріяльныя» условія мѣстности, на которой происходятъ засѣданія «Современника», обсуждающаго статьи, подлежащія печати, указаніемъ, по которому можно безошибочно угадать эту мѣстность и доказать, что она не иная какая, а именно Дуракова плѣшь. Статейка сама по себѣ не стоитъ ни малѣйшей рецензіи: это какой-то странный, несвязный бредъ г. Слѣпцова, это какой-то чудовищный, неуклюжій

Плодъ души *его* больной,
Иль плѣнной мысли раздраженья.

Она не заслуживаетъ, собственно говоря, даже и этого простого упоминанія, да только нельзя было не сказать о ней въ виду другой статьи, которая принадлежитъ повидимому совокупному творчеству редакціи (подъ этой другой статьей ни имени автора не подписано, ни псевдонима), а между тѣмъ не богъ-знаетъ какъ далеко ушла она отъ статьи г. Слѣпцова. Эта другая статья: «Наши толки о народномъ воспитаніи». Мы охотно оставили бы и ее пребывать во мракѣ неизвѣстности, полагая, что въ таковомъ мракѣ остаются всѣ статейки, неосвѣщенныя критикой; но... «въ ней находятся такія обскурантныя вещи, которыя можетъ-быть даже опасно оставить безъ нѣкотораго разъясненія въ настоящую минуту. Онѣ могутъ ввести въ заблужденіе довѣрчиваго читателя и притомъ имъ данъ такой оборотъ...» какъ говоритъ эта статья о графѣ Л. Н. Толстомъ. Эти «вещи» таковы, что противъ нихъ нельзя не вопіять, — и вотъ мы рѣшаемся поразсмотрѣть менѣе отвратительную статейку съ тѣмъ, чтобы слѣдя ее шагъ за шагомъ (какъ въ этой статейкѣ дѣлаютъ со статьею Толстого) по дорогѣ показать «Современнику», что онъ 1) *не умѣетъ мыслить*, потомучто кто умѣетъ мыслить самъ, тотъ умѣетъ понимать и мысли другихъ, какъ бы неясно онѣ ни были выражены; 2) *не умѣетъ понимать*, потому-

Digitized by Google

что нетолько не понимаетъ Толстого и всѣхъ вообще лицъ, составляющихъ по его мнѣнію какую-то странную «школу народнаго и національнаго мистицизма», но не умѣетъ понимать и тѣ книжки, которыя рекомендуетъ встрѣчному и поперечному; 3) *проповѣдуетъ ужасающія нелѣпости*, чисто-ретроградныя, далеко не гуманныя и всего менѣе согласныя съ тѣми идеями, въ силу которыхъ такъ сильно было его прежнее отрицаніе. Проповѣдуя о пользѣ экзаменовъ, о пользѣ нынѣшнихъ университетовъ, неудовлетворяющихъ потребностямъ молодого поколѣнія, о пользѣ системнаго изученія общепринятыхъ наукъ и безсистемнаго изученія знаменитыхъ книжекъ, «Современникъ» ведетъ въ Китай, прямо въ современный Китай; потомучто опровергая мнѣнія Толстого и доказывая истинность и непреложность своихъ мнѣній тѣмъ, что сравниваетъ его съ г. Аскоченскимъ и бьетъ его упреками въ стародурствѣ и обскурантизмѣ, «Современникъ» ведетъ читателей въ держиморство... Эти три признака служатъ несомнѣнными признаками пребыванія его на Дураковой плѣши и вотъ почему эту статейку мы называли «Сказаніемъ о Дураковой плѣши». Правы ли мы — пусть судятъ читатели.

Первыя страницы статьи «Наши толки о *народномъ* воспитаніи» посвящены насмѣшкѣ, далеко впрочемъ не ядовитой, и глумленью надъ народнымъ элементомъ въ литературѣ. Здѣсь главное заключается въ томъ, что будто бы люди, имѣющіе въ виду народъ, постоянно стремящіеся къ соединенію съ нимъ и другихъ зовущіе къ сближенію, люди съ этой цѣлью изучающіе народъ и его стремленія, будто-бы эти люди ничего народнаго не сказали, а пробавляются однимъ фразерствомъ, будто бы эти люди составляютъ одну «школу народнаго и національнаго мистицизма». Отказавшись отъ философіи, «Современникъ» забылъ надлежащее употребленіе словъ, и это не диво; гораздо страннѣе то, что онъ не понимаетъ, что во всемъ его краснорѣчіи только однѣ фразы и фразы, что онъ смѣшиваетъ самыя несходныя вещи.

«Этотъ мистицизмъ народности имѣетъ множество оттѣнковъ, начиная отъ незамысловатаго квасного патріотизма и ношенія національной (т.-е. кучерской) поддевки (¹) до туманной философіи Кирѣевскаго, до

(¹) Замѣтьте гг. «Современникъ», что поддевку носятъ только тѣ жалкіе цивилизаторы, эмансипаторы и т. п. аторы и ораторы, которые собрались просвѣщать народъ европейской цивилизаціей: народъ зоветъ ихъ «ряжеными», осмѣиваетъ и знать не хочетъ, не безъ вѣроятности полагая, что къ нимъ-то и относится: пріидутъ пастыріе во одеждѣ овчей, внутрь — удуже суть волци хищные. Порядочные люди не гнушаются ни кучерской поддевкой, ни зипуномъ, но *ходятъ сами въ нѣмецкой одежѣ*, зато и народъ не гнушается ими. *авт.*

Digitized by Google

проповѣди о почвѣ и погибели западной цивилизаціи, до фальшивыхъ М. П. Погодина, до международныхъ понятій «Дня», и пожалуй до художественно поэтическихъ обличеній нигилизма» (стр. 21).

Къ числу «оттѣнковъ» этого мистицизма принадлежитъ видите ли и Толстой.

«Графъ («*Современникъ» находитъ этотъ титулъ непремѣнно тужкымъ*) Толстой также врагъ всякаго нигилизма и также собирается защищать отъ чего-то народъ; «Современникъ» не могъ впрочемъ понять хорошенько (*вотъ въ томъ-то и дѣло*) отъ чего, потомучто самъ графъ Толстой выражается объ этомъ неопредѣленно: сначала говоритъ, что народъ желаетъ образованія, потомъ, что онъ противодѣйствуетъ въ этомъ обществу и т. п.» (стр. 22).

Статья Толстого совершенно удобопонятна; Толстой какъ всегда, такъ и въ этой статьѣ («Воспитаніе и образованіе», іюль «Ясной Поляны» 1862), является дѣйствительно врагомъ всякаго *нигилизма*, т.-е. ничтожества, пустозвонства и тому подобныхъ современныхъ добродѣтелей, а собирается онъ защищать народъ отъ всякаго деспотизма, откуда бы тотъ ни шолъ. «Современникъ» вѣроятно такъ его и понялъ, но не сознается въ этомъ, потомучто признаетъ деспотизмъ умѣстнымъ и законнымъ въ нѣкоторыхъ, конечно особенныхъ случаяхъ, до объясненія которыхъ онъ еще не дочитался въ своихъ книжкахъ. Говоритъ объ этомъ Толстой совершенно ясно и опредѣленно, а только не полно, потомучто защищать народъ отъ деспотизма семьи, религіи и правительства считаетъ не мужнымъ.

«Въ наукѣ и литературѣ встрѣчаются постоянно нападки на насиліе воспитанія семейнаго... встрѣчаются нападки на религіозное воспитаніе... встрѣчаются нападки на воспитаніе чиновниковъ, офицеровъ... Но на образованіе общественное не слышно нападокъ» (Іюль, «Я. П.», стр. 15).

На него-то и нападаетъ Толстой. Это вещи всѣмъ и каждому извѣстныя и которыя только «Современнику» кажутся новыми, потомучто онъ дальше своихъ любезныхъ книжекъ не пошолъ. Толстой и сначала говоритъ, что народъ жаждетъ образованія, и въ срединѣ, и въ концѣ, а противодѣйствуетъ народъ обществу, по его мнѣнію не «въ этомъ», какъ говоритъ «Современникъ», а «въ томъ, что ему то отцы, то попы, то чиновники, то агитаторы навязываютъ воспитаніе, а образованія, въ которомъ онъ нуждается, никто не даетъ; что его душатъ иностранной цивилизаціей, тогда какъ у него *есть своя;* что его хотятъ водить на помочахъ, тогда

Digitized by Google

какъ онъ самъ умѣетъ и стоять и ходить на собственныхъ ногахъ. Напрасно «Современникъ» говоритъ, что Толстой во имя народа отвергаетъ воскресныя школы и университеты, которые (и тѣ, и другіе) «добровольно» посѣщались сотнями слушателей: ничего подобнаго Толстой не говоритъ. Напротивъ онъ видитъ въ этихъ фактахъ «добровольнаго» посѣщенія то, что народъ жаждетъ образованія, что онъ безъ него жить не можетъ и непремѣнно, какъ свѣжаго воздуха, будетъ искать его, дай ему только волю. Отвергаетъ Толстой тѣ школы, тѣ университеты, которые не «добровольно», а поневолѣ посѣщаются за неимѣніемъ лучшихъ. «Все это узко, ограниченно, уродливо, по мнѣнію графа Толстого (стр. 22 совок. Совр.)» потомучто все это дѣйствительно узко, такъ какъ голяку легче черезъ угольное ушко пролѣзть, чѣмъ въ университетъ попасть, — ограниченно, такъ какъ тамъ и пріемъ студентовъ, и число предметовъ, и курсы наукъ, и пользованіе учебными пособіями, словомъ все ограничено, — уродливо, такъ какъ развивается тамъ все ненормально, неестественно, черезъ пень-колоду, а не

«потомучто все это или устроено безъ вѣдома народа (*поймите, что Толстой изъ-за того и хлопочетъ, чтобы это не было устроено съ чьего-нибудь вѣдома, а устроилось бы само собою*), или на иностранные образцы (*Толстой напротивъ въ насмѣшку называетъ мудрецами тѣхъ, кто устроилъ первый университетъ: наши аматеры цивилизаціи вовсе не вникнули въ сущность европейскихъ университетовъ, да и теперь не вникаютъ; онъ впрочемъ дѣйствительно съ презрѣніемъ относится къ тѣмъ иностраннымъ университетамъ, которые устроены по системѣ нашихъ. «Университеты нетолько наши, но и во всей Европѣ, какъ скоро не совершенно свободны, не имѣютъ другого основанія, какъ произволъ, и столь же уродливы, какъ монастырскія школы»* іюль, «Я. П.», стр. 13—14) или основано на принужденіи и деспотизмѣ школы (*вотъ это только и правда*) (напримѣръ воскресныя школы? или университетъ, посѣщаемый огромной массой посторонней публики?) стран. 22 совок. Совр.)

замѣчаетъ «Современникъ» въ скобкахъ. Да полно вамъ! Не противъ этого вопіетъ Толстой: развѣ не говоритъ онъ, что онъ не разъ защищалъ костомаровскій проектъ университета? развѣ въ заключеніе не объясняетъ онъ, что все дѣло образованія должно вестись на манеръ публичныхъ лекцій? Онъ противъ любезныхъ вамъ (см. стр. 36 совок. Совр.) экзаменовъ, матрикулъ, чиновныхъ привилегій и т. п. прелестей. Если онъ смѣется надъ воскресными школами, такъ онъ смѣется надъ ними въ другой статьѣ, и притомъ совершенно за дѣло: онъ смѣется надъ тѣмъ, что туда ходили поучать народъ люди безтолковые, увлекшіеся модой и представляетъ

Digitized by Google

примѣръ дѣйствительно смѣшной оригинальности, именно барынею, которая, расказывая о посѣщеніи Авраама тремя странниками, *кстати* заговорила о желѣзныхъ дорогахъ. Такъ вѣдь это дѣйствительно забавная дичь и точно также мало относится къ воскресной школѣ, какъ мало относился бы къ вашимъ любезнымъ книжкамъ смѣхъ надъ человѣкомъ, который объясняя, положимъ хоть по Молешоту, что въ мозгу есть сѣра и фосфоръ, заговорилъ бы кстати о производствѣ зажигательныхъ спичекъ. Не воскресныя школы бранитъ Толстой въ этой статьѣ, а неумѣлость барыни; точно также и говоря про университеты, не студентовъ бранитъ Толстой, а неумѣлость професоровъ, неразвитость среды, въ которой обращаются студенты, нераціоность устава университетскаго (и стараго, и новаго, вѣдь всѣ эти уставы по его мнѣнію на одну стать) и т. д. Напрасно вы (стр. 39 Соврем.) клевещете, будто Толстой «съ сосредоточенной злобой нападаетъ на все что есть у насъ свѣжаго», т. е. на молодое поколѣніе; онъ никогда и не думалъ нападать на него, напротивъ всѣ его симпатіи на сторонѣ молодого поколѣнія, да и оно очень хорошо это знаетъ и симпатизируетъ съ нимъ, что́ отчасти видно и изъ того, что окружающіе Толстого педагоги — исключительно молодые люди.

Вы говорите, что Толстой пишетъ такъ, что его и понять нельзя; вы его обзываете стародуромъ, обскурантомъ и т. п. Да «кто еси ты судяй чуждему рабу?» Ужь не професоръ ли вы полно, что такъ милы вамъ университеты?.. Поймите же, что вы-то и есть «новодуры», не умѣющіе трехъ словъ связать не укравши, не понадергавши ихъ изъ книжекъ, вы-то и есть «обскурантыи», неумѣющіе трехъ понятій связать, не жизненныхъ, куда вамъ, вы подлинка и о существованіи такихъ не знаете, а не умѣющіе связать трехъ понятій, понадерганныхъ вами же изъ вашихъ же книжекъ. Вотъ хоть тутъ: изобрѣли вы какую-то «школу народнаго и національнаго мистицизма» (что за безсмыслица, Создатель!) съ оттѣнками отъ квасного патріотизма и далѣе; вы забраковали буквально всѣхъ, имѣющихъ въ виду народность и національность. Кто же вы? космополиты? Да понимаете ли вы что́ такое европейскій космополитъ? Понимаете ли вы, что космополитъ-нѣмецъ стремится всѣхъ сдѣлать нѣмцами, космополитъ-французъ стремится сдѣлать всѣхъ французами, космополитъ-англичанинъ стремится сдѣлать всѣхъ англичанами и т. д. и т. д.? Вѣдь это только одни ублюдки европейской цивилизаціи и татаровизантійскаго развитія стремятся изъ русскихъ сдѣлаться нерусскими. Знаете ли вы что́ такое національность и народность? Знаете ли вы что́ такое тѣ «общія причины», которыя порождаютъ и разви-

Digitized by Google

ваютъ народный духъ или (можетъ-быть вамъ понятнѣе будетъ) народный геній? Знаете ли какъ силенъ ими этотъ народный духъ? Нѣтъ? Такъ возьмите въ зубы вами же рекомендуемаго Бокля и раскусите хоть слѣдующія мѣста (стр. 186, февраль «Времени», Бокля: «Исторія умственнаго развитія въ Испаніи») (¹).

«Внизу подъ этой поверхностью работали, далекія отъ всякихъ политическихъ лекарствъ, великія *общія причины* (²), дѣйствующія уже многія столѣтія и увѣренныя, что раньше или позже онѣ *принудятъ* политиковъ идти *по своимъ* слѣдамъ, принять политику, согласную *преданіямъ* страны и сообразоваться съ обстоятельствами, подъ вліяніемъ которыхъ составились эти преданія»; стр. 189: «Такимъ образомъ общія причины рѣшительно торжествовали надъ *каждымъ* препятствіемъ. Если разсматривать ихъ дѣйствіе за долгій періодъ времени, то среднее ихъ дѣйствіе *неодолимо* (*слышите ли?*)»

Противъ нихъ, вопреки имъ дѣйствовать нельзя; тутъ не поможетъ ни протекціонный духъ, проповѣдуемый вами и на языкѣ Бокля называемый «великимъ врагомъ цивилизаціи», ни даже свобода.

«Обстоятельства, заставившія дать муниципальныя привилегіи, измѣнились, а потому и привилегіи стали исчезать. *Не исходя изъ народныхъ привычекъ, онѣ погибли при первомъ случаѣ* (*понятно вамъ?*) (*стр. 189*)»

Людей дѣйствительно либеральныхъ и прогресивныхъ, но проводившихъ *свои* идеи, не обращая вниманія на эти общія причины, и порожденный ими народный духъ, онъ осуждаетъ: «ихъ дѣйствія были ошибочны и близоруки (стр. 177)», «не излечилась отъ безумія (*уразумѣли вы?*) либеральная партія» и т. д. Тутъ не поможетъ и насильственное воспитаніе, проповѣдуемое вами. Вспомните что говоритъ онъ о Карлѣ III:

«Онъ ввелъ насколько былъ въ состояніи новую жизнь въ старые университеты и сдѣлалъ все возможное для возстановленія наукъ и репутаціи университетовъ. Онъ основывалъ школы, увеличивалъ средства гимназій, награждалъ професоровъ и жаловалъ пенсіоны. Въ подобныхъ дѣлахъ его щедрость казалась неистощимой. Въ 1771 г. было признано, какъ установленный принципъ правительства, что изо всѣхъ вѣтвей

(¹) Я взялъ первую попавшуюся статью Бокля, но... *таковъ онъ весь.*
авт.

(²) Подъ общими причинами Бокль разумѣетъ климатическія условія и историческія событія; Льюизъ прибавилъ бы наслѣдственность организма.
авт.

Digitized by Google

государственнаго управленія забота о воспитаніи есть самая важнѣйшая (*не новости же однако вы, г. «Современникъ», проповѣдуете?*) (стр. 180)», но: «когда онъ умеръ, страна опять впала въ свое прежнее бездѣйствіе и стало ясно видно, что эти великія дѣла были не національныя, а политическія, другими словами — онѣ были одолжены своимъ совершеніемъ единственно дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, самыя ревностныя усилія которыхъ *становятся ничѣмъ*, если имъ противодѣйствуютъ общія причины (*убѣдились?*). Часто бываетъ трудно усмотрѣть эти причины, но даже сильнѣйшіе изъ насъ, къ великой своей досадѣ, должны оказывать имъ безусловную покорность (стр. 183)».

Противодѣйствовать можно только распространеніемъ чистаго знанія, чистой науки, неоскверненной прикосновеніемъ теоретиковъ:

«Пока наука съ ея смѣлымъ, изслѣдовательнымъ духомъ не утвердитъ свое право дѣлать *всякія* изслѣдованія согласно *своимъ собственнымъ* методамъ (*значитъ внѣ всякой теоріи*), мы можемъ быть увѣрены, что въ Испаніи *ни литература, ни университеты* (*а вотъ тутъ наука, подчиненная теоріи, тутъ воспитаніе насильственное*), ни законодатели, ни реформаторы всякаго рода, никто и ничто не въ состояніи будетъ освободить народъ отъ того безнадежнаго и омраченнаго состоянія, въ которое онъ ввергнутъ ходомъ событій (стр. 192)».

Вы хотите пересадить къ намъ европейскую цивилизацію?

«Наперекоръ усиліямъ послѣдовательныхъ правительствъ, наперекоръ вліянію иностранныхъ нравовъ, наперекоръ тѣмъ естественнымъ улучшеніямъ, которыя измѣняютъ положеніе обществъ и которыхъ испанцы неспособны были принять, наперекоръ всему этому въ Испаніи нѣтъ и признака національнаго прогреса (стр. 198).»

Поняли ли вы? Не думаете ли вы, что ученіе Толстого противорѣчитъ ученію Бокля? Такъ слушайте:

«Школа должна имѣть одну цѣль: передачу свѣдѣній, знанія (instruction), не пытаясь переходить въ нравственную область убѣжденій, вѣрованій и характера; цѣль ея должна быть одна — *наука*... Школа не должна считать ни одну науку, ни цѣлый сводъ наукъ необходимыми, а должна передавать тѣ знанія, которыми владѣетъ, предоставляя учащимся право воспринимать или не воспринимать ихъ; мы вѣримъ, что они знаютъ что имъ нужно, и для насъ достаточно труда угадать ихъ потребность и только отвѣчать на нее (стр. 40, 41; Іюль Я. П).. Хочешь наукой воспитать ученика, люби свою науку и знай ее, и ученики полюбятъ и тебя, и науку, и ты воспитаешь ихъ, но самъ не любишь ее, то сколько бы ты ни заставлялъ учить, наука не произведетъ воспитательнаго вліянія (стр. 43, тамъ же).»

Digitized by Google

Слѣдовательно историкъ и педагогъ принадлежатъ къ одной и той же школѣ: историкъ указалъ зло и средство противъ него; педагогъ старается о примѣненіи этого средства для достиженія общей имъ цѣли и оба на пути своемъ натыкаются, какъ на пень-колоду, на васъ и подобныхъ вамъ либераловъ.

Выписавъ содержаніе первыхъ страницъ статьи Толстого «Воспитаніе и образованіе», «Современникъ» просто напросто начинаетъ ругать его, вмѣсто того, чтобы опровергать его мнѣнія, да къ этому еще прибавляетъ: мы-де этимъ бы и покончили, да вотъ, глупый вы народъ читатели, примите пожалуй его статью за постановку вопроса. Будьте увѣрены, гг. «Современникъ» (умный вы народъ!), что это, какъ и слѣдуетъ, всѣ примутъ за рѣшеніе вопроса и только сдѣлаютъ въ немъ нѣкоторыя поправки. Вопросъ совершенно общій: имѣетъ ли право одинъ человѣкъ обдѣлать другого по образу и по подобію своему? и отвѣтъ понятенъ: нѣтъ; доказательство прямое, никто и ничто не даетъ ему этого права; доказательство отъ противнаго — никто не можетъ отнять тогда это право ото всякаго, даже и отъ мошенника. Чтоже тутъ обскурантнаго? Кому же въ настоящее время ново возставать противъ права насилія въ воспитаніи?

Вы говорите что у Толстого высказывается въ этой статьѣ

«незнаніе современной педагогической науки и таже вражда къ новымъ попыткамъ нашего общества, какая вообще свойственна нашей національно-мистической школѣ (стр. 25, совок. «Современникъ»).»

Позвольте оговориться: здѣсь ничего подобнаго не высказывается. *Вопервыхъ* Толстой своимъ положеніемъ не современную или довременную педагогическую науку отвергаетъ, а вообще всякую, которая имѣетъ въ виду насильно сдѣлать изъ человѣка то что ей вздумается, даже болѣе: не науку только о воспитаніи онъ отвергаетъ, а самое воспитаніе. *Вовторыхъ* въ этомъ же отношеніи онъ становится въ оборонительное положеніе и къ обществу, и притомъ не къ одному только образованному обществу, а и къ массѣ народной: онъ точно также говоритъ противъ совѣтовъ, даваемыхъ крестьянами, точно также вооружается противъ предразсудковъ о воспитаніи, господствующихъ въ ихъ массѣ, какъ говоритъ и вооружается противъ совѣтовъ и предразсудковъ образованнаго общества. Съ первымъ положеніемъ о ненужности воспитанія мы не согласны, потомучто этотъ вопросъ поставленъ неправильно: не въ томъ дѣло, нужно или не нужно воспитаніе, а въ томъ, что оно есть, что отъ него отбиться нельзя, что самъ Толстой, самъ того не замѣчая, воспитываетъ своихъ учениковъ и

Digitized by Google

прекрасно воспитываетъ. Во второмъ случаѣ мы совершенно согласны съ Толстымъ: мы тоже какъ и онъ возстаемъ противъ всякаго насилія въ воспитаніи, откуда бы оно ни шло, противъ всякаго вмѣшательства школы въ формированіе вѣрованій, убѣжденій и характера учащихся. Не довольно либерально чтоли это по вашему? Правда, Толстой никогда не дойдетъ въ либерализмѣ напримѣръ до почтеннаго г. Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова), этого замѣчательнаго нигилиста de lendemain, но и то сказать — г. Щедринъ неофитъ и каждому понятна его ревность. Всякому свое. А теперь позвольте слушать васъ дальше.

Вамъ угодно было вступиться за нѣмецкую педагогію, но какъ? Вы просто наговорили громкихъ, ни къ чему не ведущихъ фразъ, а именно, что педагогія наука незаконченная, что она въ связи съ обстоятельствами жизни общества, что въ ней есть свои ретрограды и верхогляды; извините, вы сказали «передовые люди» и т. п., пожалѣли, что Толстой на книжки ни на какія не ссылается (а вы-то на основаніи какихъ книжекъ толкуете? Вѣдь у васъ *ни одной* цитаты, ни одной нѣтъ), да тутъ же (вотъ кстати-то!) замѣтили, что Толстой о Песталоцци «высокомѣрно» отозвался:

«Песталоцци человѣкъ, скорѣе угадывавшій сердцемъ, чѣмъ открывавшій научными путями новую дорогу воспитанія; человѣкъ, давшій только мысль для дальнѣйшаго развитія и окончательно имѣющій теперь одно историческое значеніе (стр. 26, «Современникъ»)», говорите вы.

Что за пустая фраза! Перечтите же что сказалъ Толстой и вы убѣдитесь, что онъ несравненно больше вашего знакомъ съ тѣмъ, о чемъ вы говорите зря, съ его же словъ (Августъ. Я. П., стр. 28):

«Чтоже такое Песталоцци и знаменитая система, которой столько злоупотребляютъ въ наше время? Песталоцци никогда не былъ теоретикомъ, никогда не былъ философомъ и не оставилъ намъ никакой системы педагогіи. Когда я только начиналъ заниматься педагогіей, имя Песталоцци и ссылки на его мнимую теорію ввели меня въ то же заблужденіе, въ какое и теперь вводится большинство публики. Перечитавши все что написалъ Песталоцци и что объ немъ было писано, я убѣдился, что Песталоцци никогда не былъ философомъ, не положилъ никакихъ новыхъ основаній въ такъ-называемую науку воспитанія. Песталоцци вовсе не былъ философомъ какъ Руссо, Кантъ и Шелингъ, онъ былъ только хорошій учитель. Если ужь непремѣнно отыскивать заслугу Песталоцци въ философіи педагогіи, то заслуга эта будетъ состоять въ дальнѣйшемъ развитіи и примѣненіи мысли Руссо — свободы и самодѣятельности въ воспитаніи. Простая мысль эта, разбросанная по разнымъ мелкимъ сочиненіямъ, оставшимся отъ Песталоцци, состоитъ въ слѣдующемъ:

Digitized by Google

«Человѣкъ въ дѣйствительной жизни поучается не однимъ только словомъ, но и посредствомъ всѣхъ своихъ чувствъ. Въ старой же школѣ способъ поученія состоялъ только въ передачѣ слова, почему бы и въ школѣ не ввести способа передачи, дѣйствующаго на всѣ чувства ребенка?»

Скажите бога-ради, чѣмъ же это высокомѣрнѣе вашего отзыва? И неужели вы не понимаете, что мысль-то здѣсь совершенно таже что у васъ, да только не пустыми фразами сказанная, а дѣльно? Дальше Толстой говоритъ: «мысль эта совершенно ложна и совершенно справедлива» и разбираетъ что въ ней ложнаго и что справедливаго, къ какой нелѣпости пришла нѣмецкая педагогія въ лицѣ Грубе и Фребеля (а вы говорите, что у него цитатъ нѣтъ), выйдя изъ этой простой и прекрасной мысли и т. д. Гдѣ же тутъ незнаніе педагогіи? Изъ чего же вы вывели, что Толстой не умѣетъ различить теоретической педагогіи отъ существующей школы? Знаетъ онъ это различіе и какъ сейчасъ видѣли, знаетъ лучше васъ. Нигдѣ не говоритъ онъ, что здравыхъ понятій о педагогіи ни у кого нѣтъ. Онъ признаетъ философію педагогіи, о которой вы и понятія не имѣете; онъ знакомъ съ теоріями, о которыхъ вы и не слыхивали, онъ бывалъ въ разныхъ школахъ и хваленыхъ и хуленыхъ, тогда какъ вы со своей лежанки объ нихъ толкуете, да по воспоминаніямъ дѣтства; и все это привело его къ тому заключенію, что не теорія, а принципъ этой теоріи ложенъ, и потому какъ бы она прекрасна ни была, она все же никуда не годится. Вы ему рекомендуете осмотрѣться, опредѣлить причины дурного положенія школы. Да знаетъ онъ ихъ; неужели вы и этого-то изъ его статьи не поняли? Вы ему за новость объявляете, что школы дурны вслѣдствіе дурного общественнаго положенія. Да скажите на милость, развѣ вся его статья не направлена къ тому, что наука въ школѣ должна быть устранена отъ всякаго посторонняго вліянія, что наука должна быть внѣ разныхъ вліяній, что эти вліянія губятъ школу, что эти вліянія — явленія ненормальныя для школы. Что нѣмецкія и англійскія школы также плохи, Толстой твердитъ на каждомъ шагу, и въ нихъ онъ видитъ вредъ всякаго посторонняго вліянія. «Онъ все сваливаетъ на школу» говорите вы (стр. 27) и клевещете на него: ничего онъ на школу не сваливаетъ, онъ все сваливаетъ на постороннія вліянія, отъ которыхъ стремится освободить школу и на разные кундштуки, до которыхъ дошли, идя отъ той ложной мысли, что человѣка можно силою воспитать. Онъ объ этомъ-то именно и горюетъ, что «школа всегда была второстепеннымъ и подчиненнымъ отправленіемъ народной жизни»; онъ именно требуетъ самостоятельности школы и пусть въ нее

Digitized by Google

идетъ только тотъ, кто хочетъ, и пусть каждый, побывавшій въ ней выноситъ только науку, только знаніе, а не новые предразсудки вмѣсто старыхъ, не современныя нелѣпости вмѣсто отжившихъ.

«Такимъ образомъ, если графъ Толстой хочетъ говорить о принципахъ воспитанія въ ихъ широкомъ, идеальномъ смыслѣ, съ его стороны очень странно, предъявляя свои новыя требованія, нападать на эту существующую школу и считать ее послѣднимъ словомъ науки (стр 28, «Современникъ»).»

Да позвольте спросить, какъ вы читаете книги, которыя подвергаете критикѣ? Это должно быть вѣдь престранный какой-нибудь способъ у васъ придуманъ! Иначе какъ бы вы умудрились видѣть въ книгахъ совсѣмъ не то что въ нихъ есть? Съ чего вы взяли, что Толстой хочетъ толковать о принципахъ воспитанія, когда онъ не признаетъ самого «принципа воспитанія»? Съ чего вы взяли, что онъ считаетъ существующія школы послѣднимъ словомъ науки? Онъ на разбираемыхъ вами страницахъ говорилъ только одно: школа нелѣпа, если она сложилась подъ вліяніемъ постороннихъ обстоятельствъ и исправить ее при существованіи принциповъ воспитанія нельзя, потомучто принявъ этотъ принципъ, нельзя отвергать права воспитанія для однихъ, признавая его за другими, — это нелѣпость. Вы говорите, что есть книжки (вотъ онѣ наконецъ!), въ которыхъ можно повычитать кое-что на этотъ счетъ, т. е. о принципахъ воспитанія. Мы было обрадовались: думаемъ вотъ-то гдѣ наконецъ самая суть педагогическихъ принциповъ, вотъ-то познакомимся наконецъ мы съ послѣднимъ словомъ науки о воспитаніи; тутъ пожалуй и Р. Оуэнъ какъ слѣдуетъ объясненъ и разобранъ, а не такъ дико, какъ прежде когда-то объяснялъ и разбиралъ его «Современникъ».

Какъ вдругъ, о ужасъ! опять тѣже знаменитыя книжки, которыя уже не разъ предлагаемы были и прежде. Да послушайте, гг. «Современникъ», читали ли вы сами эти книжки? Если читали, такъ вы ихъ не поняли, вы имъ не сочувствуете, вы ихъ вѣрно тѣмъ же невѣдомымъ способомъ, шиворотъ на выворотъ читали, какъ читаете рецензуемыя вами книжки. Вѣдь право совѣстно за васъ... Развѣ можно дѣлать подобные прыжки? Повѣрите ли, читатель, — для ознакомленія съ послѣднимъ словомъ науки педагогіи «Современникъ» рекомендуетъ... Бокля, Льюиза и Молешота!.. Да хоть бы гг. «Современникъ» не рядомъ ставили эти имена! Какъ у васъ духу хватило поставить рядомъ съ именами Бокля и Льюиза имя г. д-ра Молешота? или, съ другой стороны, отчего уже вы не приори-

Digitized by Google

гли сюда и г. Бюхнера? Право, вы должно-быть не читали сами подхваливаемыхъ вами книжекъ. Вѣдь вотъ кто читалъ эти книжки, тотъ очень хорошо знаетъ какая непроходимая бездна лежитъ между Миллемъ, Боклемъ, Льюизомъ, Дарвиномъ и др. съ одной стороны и гг. Фейербахами, Молешотами, Мульдерами, Бюхнерами e tutti quanti съ другой. Кто ихъ изучалъ, тотъ очень хорошо знаетъ, что Милль, Бокль, Льюизъ, Дарвинъ и др. составляютъ совершенно новую школу, которая отвергаетъ цѣликомъ всю европейскую цивилизацію, проповѣдываемую вами, всю, отъ узкаго католицизма до широколобаго («малѣйшаго ума пространная столица») матеріялизма; — которая одинаково ненавидитъ заурядъ всѣхъ рабовъ, — всѣхъ, отъ рабскихъ поклонниковъ Наполеона III до рабскихъ поклонниковъ соціализма и комунизма; — которая проповѣдуетъ обособленіе частностей и приведеніе этихъ частностей въ гармоническое соотношеніе между собою и съ общимъ, что бы это за частности и что бы это за общее ни было, — люди и государство (Милль), люди и цивилизація (Бокль), органическія клѣточки и организмъ (Льюизъ), животныя особи и животное царство (Дарвинъ) и т. п.; школа, которая наконецъ представляетъ явленіе, до того органически вышедшее изъ отживающаго европейскаго міра, что къ ней принадлежатъ, какъ Рихардъ Вагнеръ, стремящійся индивидуализировать каждый инструментъ въ оркестрѣ, люди неимѣющіе быть-можетъ и понятія о ея существованіи. Эта школа признаетъ только одну власть — власть факта и несокрушимой логики, и ей нужды нѣтъ куда бы ни привели ее строгіе логическіе выводы. Вы знаете, что часто слышатся споры о душѣ, споры по нашему мнѣнію столь же безплодные и безполезные, бездоказательные и нескончаемые, какъ «древле» были безплодны и безполезны, бездоказательны и нескончаемы споры о томъ, была ли у Адама пуповина: дѣло не въ томъ слѣдуетъ ли различать въ человѣкѣ душу и тѣло, а въ томъ, что человѣкъ есть, и что онъ не только ѣсть и пить хочетъ, а хочетъ еще свободно мыслить и дѣйствовать. Вы знаете какъ различно понимаютъ при этомъ Льюиза тѣ идеалисты, для которыхъ непоколебимый авторитетъ чуть ли не въ папѣ, и тѣ матеріялисты, для которыхъ гг. Молешотъ и Бюхнеръ служатъ столь же неколебимыми авторитетами: одни считаютъ Льюиза своимъ единомышленникомъ, другіе своимъ. И вотъ я воображаю себѣ что́ было бы съ этими добрыми людьми, еслибы они порознь пришли къ Льюизу.

— Что вы думаете о существованіи души, сэръ? спрашиваетъ его идеалистъ.

Digitized by Google

— А вы какъ объ этомъ думаете, сэръ? спрашиваетъ его въ свой чередъ Льюизъ.

— Я думаю, что она существуетъ, сэръ.

— Это какъ *вамъ* угодно, сэръ; но вы знаете какія доказательства противнаго? и Льюизъ выяснилъ бы ему всѣ тѣ основанія, по которымъ отвергается существованіе души.

— Что вы думаете о душѣ, сэръ? спрашиваетъ его матеріялистъ.

— А вы что объ ней думаете, сэръ? переспрашиваетъ его Льюизъ.

— Я думаю, что ея нѣтъ, сэръ.

— Это какъ *вамъ* угодно, сэръ; но вы знаете чѣмъ доказывается ея существованіе? и онъ представилъ бы ему цѣлый рядъ доказательствъ существованія души.

Въ сущности Льюизъ, да и вся эта школа, предоставляютъ и себѣ и другимъ думать о подобныхъ неразрѣшимыхъ вопросахъ рѣшительно такъ, какъ каждому вздумается:

«Мы должны слѣдовать логикѣ (*разумѣется идя отъ точнонаблюденнаго факта*), мы должны идти туда, куда логика насъ ведетъ. Тотъ, кого безпокоитъ мысль о возвратѣ къ прошлому, тотъ, кто не расположенъ повѣрить, что всѣ явленія, совершающіяся въ его чувствительномъ организмѣ, имѣютъ одинъ общій источникъ, одну сродственную сущность, одно общее имя — духъ, имѣетъ полную свободу попытаться составить себѣ какое-нибудь другое убѣжденіе, которое бы не только было пріятное для него, но и объяснило бы факты лучше нашего. Это одинъ изъ тѣхъ предметовъ, относительно которыхъ ни одинъ разсудительный (*слышите?*) человѣкъ не станетъ навязывать своихъ убѣжденій. Завѣса таинственности, скрывающая отъ насъ истину относительно этого предмета, никогда не будетъ поднята. Мы, стоящіе передъ завѣсой, можемъ только составлять предположенія о томъ что скрывается за нею, можемъ только строить гипотезы; истины мы не можемъ видѣть (Льюизъ, Физ. об. жизни», т. II, стр. 190).

А вы помнится обрѣли истину?.. Ну, чтожъ? на «Дураковой плѣши» законы не писаны. Вотъ и деисты, и матеріялисты (т. е. гг. Фейербахи, Молешоты, Бюхнеры и проч.) тоже нашли истину; вамъ-то чего же зѣвать: не хуже ихъ, «смотритко насъ, какъ мы махнемъ.»

Ну-съ, и махнули: вотъ-де въ Боклѣ, Льюизѣ и Молешотѣ «заключаются послѣдніе выводы современной теоретической педагогіи.» «Въ нихъ», говорите вы (стр. 29), «графъ Толстой и можетъ, если хочетъ, найти тѣ понятія о правахъ человѣческой личности и

Digitized by Google

основахъ воспитанія, до которыхъ дошла современная мысль? Давайте сюда ваши книжки!

Начнемъ хоть съ г. д-ра Молешота, и прежде всего заявляю теперь же, пока бездоказательно, но если потребуется, то и съ ясными доказательствами, что нельзя признавать д-ра Молешота за авторитетъ ни въ какомъ дѣлѣ, ни даже въ спеціальности его, т. е. физіологіи. Онъ трудился много, работалъ усердно, но все это было не впрокъ, потомучто онъ работалъ съ предзанятой идеей, факты наблюдаетъ въ большинствѣ случаевъ невѣрно, объясняетъ ихъ часто совершенно ложно, сопоставляетъ вещи, неимѣющія никакой связи и т. д., и т. д.; словомъ всякій натуралистъ, изучающій Молешота, непремѣнно заподозритъ его до-тѣхъ-поръ пока изъ біографіи его неубѣдится, что это дѣйствительно благородный труженикъ. Это и заявляю какъ натуралистъ и потому какъ судья въ этомъ дѣлѣ болѣе или менѣе компетентный. Теперь я становлюсь на точку зрѣнія педагога и доискиваюсь въ его твореніяхъ педагогическихъ основъ. Чтоже вы тамъ нашли, гг. «Современникъ?» Молешотъ до конца ногтей самый отъявленный матеріялистъ. Для него ничего такъ-называемаго психическаго не существуетъ: «этотъ человѣкъ сталъ поэтомъ», скажете вы ему, «значитъ онъ пилъ шампанское», замѣтитъ онъ вамъ, и совершенно искренно прибавитъ:

«Wer weiss es nicht, wie viele edle Dichtergaben einem Trunke feurigen Weins ihren Ursprung verdanken? (стр. 2). Lehre der Nahrungsmittel, von Dr. J. Moleschott; ср. главы «О пивѣ, винѣ и водкѣ» и «Діэта художниковъ и ученыхъ»), т. е. кому же неизвѣстно какъ много благородныхъ поэтическихъ талантовъ обязаны своимъ происхожденіемъ (да еще ur, значитъ первоначальнымъ) питью искрометнаго вина?»

Вотъ и выводите педагогическія основы. Вопросъ: какъ сдѣлать поэта? Отвѣтъ по Молешоту совершенно положительный: напои любого шампанскимъ. Понимаете ли вы, что на подобныя вещи возражать нечего, развѣ сказать, что это молъ только у васъ у нѣмцевъ, а у насъ тапереча ежели по купечеству какой тамъ ни на есть отцовъ-сынокъ на шампанское разгуляется, такъ онъ значитъ бутылечку-то опорожнитъ, да порожнемъ-те ее и шарахнетъ въ трюмо тамъ чтоли, али во что ни на есть ломкое: обирай значитъ денежки, а вдраву моему не препятствуй. Молешотъ далъ бы точно такіе же положительные отвѣты и на всѣ другіе вопросы педагогическіе, да вотъ видите ли «наука еще до того не дошла», а она дойдетъ по мнѣнію Молешота до того, что въ одинъ прекрасный день мы съ вами получимъ возможность перемѣнять у людей мнѣнія совершенно матеріяльными средствами, т. е. покормивши ихъ какимъ-

Digitized by Google

набудь свободнѣе; ибо, по его мнѣнію, умъ человѣческій и оттѣнки пониманья людского зависятъ отъ большаго или меньшаго количества мозгу (что въ свой чередъ зависитъ отъ питанія), отъ количества фосфору, заключеннаго въ мозговой жидкости, и т. д. и т. д. словомъ совершенно отъ грубо-матеріяльныхъ причинъ. Онъ положительно утверждаетъ (стр. 148, въ главѣ о чаѣ и кофе), что развитіе умовъ въ XVII столѣтіи въ Лондонѣ зависѣло отъ учрежденія тамъ кофеенъ, причемъ изъ чтенія предыдущихъ страницъ видно, что онъ разумѣетъ тутъ исключительно вліяніе кофея. Такимъ образомъ и для васъ на вопросъ, какъ изъ консерватора сдѣлать нигилиста, онъ положительно отвѣтитъ: «прикармливайте его въ себѣ и пойте его кофеемъ и чаемъ. Однимъ словомъ Молешотъ кромѣ замѣтокъ о физическомъ воспитаніи дѣтей, замѣтокъ, въ которыхъ онъ признаетъ не только наслѣдственность организма и свойствъ, но даже передачу свойствъ вмѣстѣ съ молокомъ матери или *кормилицы* (сличи главу о діэтѣ младенцевъ), почти вовсѣ не говоритъ о воспитаніи, развѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда больше для красоты слога, чѣмъ по логическому ходу мысли, говоритъ фразы вродѣ: Alle sind wir gleich abhängig von Luft und Erde, Menschen und Thieren, Pflanzen und Steinen (стр. 212 тамъ же) «т. е. «всѣ мы зависимъ *породы* отъ воздуха и земли, людей и животныхъ, растеній и камней» (онъ пропустилъ еще воду, а чтобы ужь за одно хватить огня и воды!» славно бы, громко!), кромѣ подобныхъ замѣтокъ вы ничего не найдете. Изъ этихъ же замѣтокъ, кромѣ нелѣпости воспитанія ничего не извлечете, если только пойдете путемъ настоящей логики. Въ самомъ дѣлѣ: на человѣка (хоть на ребенка, это все равно человѣкъ, только маленькій) хочетъ дѣйствовать другой человѣкъ — воспитатель; но въ тоже время и въ той же мѣрѣ (gleich) дѣйствуютъ на воспитанника земля и воздухъ, люди и животныя, растенія и камни (огонь и вода еще бы, а онъ пропустилъ), слѣдовательно по его счету *шесть*, а по моему такъ и восемь, противъ *одного*. Гдѣже вы найдете гиганта столь могучаго, чтобы имъ противодѣйствовать? Однакоже положимъ, что вы сами и есть такой гигантъ, положимъ, что вы создали такъ воспитанника по образу и по подобію своему; но вотъ... положимъ вы возбудили въ вашемъ воспитанникѣ отвращеніе къ поэзіи, вогонде погремушки, — какъ не разъ заявлялъ «Современникъ»... а тутъ является какой-нибудь балагуръ, врялъ да и подпаиваетъ каждый вечеръ шампанскимъ вашего воспитанника и дѣлаетъ (понятно, что на этотъ разъ я строго держусь мнѣній Молешота) его поэтомъ. Вы говорили ему: «бери только памятью, не соображай, не думай, читай только «книжки» и заучивай ихъ, хотя бы и совершенно безъ смысла, лишь

дѣлаемъ это мы, будетъ человѣкъ» (не человѣкъ, а чудо), а тутъ шутникъ какой-нибудь озадачитъ его съ утра крѣпкимъ чаемъ, да въ полдень крѣпкимъ кофеемъ, да послѣ обѣда кофеемъ и чаемъ, да и пошолъ, и пошолъ, ну просто заморитъ его чаемъ и кофеемъ. Тотъ глядишь (опять-таки строго по мнѣнію Молешота) и соображать станетъ и мыслить, а до чего дойдетъ, это предоставляется вамъ самимъ обсудить, но не иначе, какъ принимая въ расчетъ наслѣдственность и передачу (матеріяльную, разумѣется) всѣхъ свойствъ и особенностей родительскихъ, вліяніе земли и воздуха, людей и животныхъ, растеній и камней и т. д., и т. д. Словомъ, начитавшись Молешота, вы должны будете признать, что воспитаніе—нелѣпость, ибо ни къ чему не ведетъ. Замѣтьте, что я не хочу говорить серьозно о г. д-рѣ Молешотѣ, потомучто вовсе не считаю его серьозным авторитетомъ ни въ какомъ дѣлѣ; я заговорилъ о немъ только для васъ. И не думайте чтобъ я не замѣтилъ и той частички правды, которая есть, хотя-бъ, и у доктора Молешота. Но вѣдь вы визжите отъ восторга. Вы принимаете лакейски и бездарно доктора Молешота въ руководство, вы даже разсуждать боитесь передъ его авторитетомъ, трусите, падаете до ногъ и берете изъ него все цѣликомъ потому только, что это Молешотъ, европейскій Молешотъ, авторитетъ, учитель, папа и проч. Теперь перехожу къ Льюизу: — потрудясь въ ваше удовольствіе, мы позволимъ себѣ потрудиться и въ свое.

Начиная говорить о Льюизѣ, мы прежде всего считаемъ обязанностью заявить вамъ, что онъ о васъ самаго дурного мнѣнія... Не вѣрите? Разверните его «Физіологію обыденной жизни» и читайте:

«Могучій мыслитель тотъ, кто думаетъ самъ по себѣ (*а не по книжкамъ*). Оригинальный писатель тотъ, кто не допускаетъ, чтобы у него одна фраза машинально влекла за собой другую. Если у него есть манера или манерность, онѣ его собственныя. *Умы низшаго разряда* думаютъ чужія думы, пишутъ чужія фразы. Отсюда происходитъ то, что, по выраженію Гете, въ этомъ мірѣ такъ мало голосовъ и такъ много эха (стр. 49, т. II, Физ. об. жизни; дальнѣйшія ссылки относятся къ тому же сочиненію и тому»).

Не желая быть такимъ эхо, онъ не на словахъ только какъ вы, а на самомъ дѣлѣ отказался отъ всякаго авторитета и вмѣстѣ отъ всякой теоріи:

«Изслѣдованія Флуранса сдѣлали эпоху въ наукѣ... Сочиненія Флуранса дѣйствительно увлекательны. Онѣ повидимому до того разрастаютъ и упрощаютъ все дѣло, что критика и ограниченія кажутся неумѣстнымъ нарушеніемъ вашей пріятной увѣренности. *Но* серьозный трудъ научаетъ недовѣрію къ научнымъ афоризмамъ... *Но* я не думаю,

чтобы его (т. е. Флуранса) заключенія выдерживали сличеніе съ фактами (*видите ли сколько но? а вы во всѣхъ критикахъ и ограниченіяхъ находите только одно но, да и то не въ смыслѣ слова, а въ видѣ окончанія въ словѣ* полѣно: *все де подъ ноги бросаютъ*)...» А выводы часто противорѣчатъ фактамъ, которые приводитъ онъ самъ непонимая ихъ значенія вслѣдствіе теоретическихъ предубѣжденій (*а вы Толстому совѣтуете держаться теоріи, не обращая вниманія на такіе факты, которыя у него передъ глазами*) (стр. 86, 87).

«Мы воздаемъ надлежащую дань уваженія проницательности Маршаль-Галла и его непоколебимой стойкости противъ оппозиціи всякаго рода (*таковы же чувства наши къ «Современнику», вельми похожему въ этихъ отношеніяхъ на Маршаль-Галла*); но мы оставляемъ за собою право строго (*замѣтьте*) разбирать мнѣнія даже и наиболѣе уважаемыхъ личностей (*мы тоже оставляемъ за собой это право*) (стр. 153) и т. п.

Но зато онъ и себя не считаетъ за авторитетъ, а вы считаете (см. обзоръ журналовъ въ «Современникѣ»); онъ и себѣ не даетъ права создавать теоріи: «*для меня это совершенно необъяснимо напримѣръ* (стр. 243)» фраза, которой онъ нисколько не стыдится, а вамъ все ясно, какъ день.

Льюисъ признаетъ, что человѣкъ постоянно, весь свой вѣкъ учится; но на науку онъ смотритъ далеко не такъ, какъ вы:

«Наука есть попытка привести ходъ *нашихъ* идей въ соотвѣтствіе съ ходомъ данныхъ явленій, согласить *наши* понятія съ самыми предметами; она не состоитъ въ томъ, чтобы создать для природы схему, соотвѣтствую *нашимъ* идеямъ» (стр. 72).

Если вы желаете знать что разумѣетъ Льюисъ подъ «нашими идеями», «нашими понятіями», мы рекомендуемъ вамъ прочесть въ его физіологіи главу «Свойства, переходящія отъ родителей къ дѣтямъ», въ которой вы увидите, что

«Мы наслѣдуемъ нервную систему точно также, какъ мышечную и костную; а вмѣстѣ съ нервною системою, мы наслѣдуемъ ея общія и частныя свойства, т. е. общую чувствительность системы, форму мозга и чувственныхъ узловъ. Послѣ этого ясно, что всѣ наклонности, зависящія отъ нервной системы, также будутъ передаваться; даже спеціальныя способности, каковы способность къ музыкѣ, къ математикѣ, остроуміе и т. д. перейдутъ въ наслѣдство, да даже приобрѣтенныя наклонности и ухватки будутъ передаваться» (стр. 339).

Конечно онъ не доводитъ это до крайности; такъ на слѣдующей страницѣ онъ говоритъ:

«Можно себѣ представить, что склонность къ религіозному чувству можетъ перейти по наслѣдству... но мы не можемъ себѣ представить,

Digitized by Google

чтобы могло передаться что-либо столь спеціальное, какъ вѣра въ извѣстный догматъ.»

Замѣчаніе совершенно вѣрное и подтверждаемое наблюденіемъ надъ самими публицистами «Современника»: наклонность безусловно вѣровать въ авторитетныя книжки нѣтъ сомнѣнія унаслѣдована ими, но догматъ, но содержаніе книжекъ, но имена авторовъ — все это какъ «частныя частности» измѣнилось. Отцы не давали дѣтямъ въ руки никакихъ книжекъ кромѣ псалтыря да прологовъ; дѣти не знаютъ теперь никакихъ книжекъ кромѣ Бокля, Льюиза и Молешота. Но смотрите какая полная наслѣдственность «общаго» порока нетерпимости: отцы въ своемъ рвеніи не умѣли отличить мелкоплавающихъ прологовъ отъ высокопарящихъ псалмовъ — и дѣти неумѣютъ отличить отстальхъ одностороннихъ умовъ отъ передовыхъ и повозможности всеобъемлющихъ. Вы видите до какой степени точности дѣйствуетъ законъ наслѣдственности, несмотря на благоприобрѣтенное образованіе; а чтоже въ необразованномъ человѣкѣ?

«Старинныя сочетанія идей, старыя вѣрованія не легко измѣняются Человѣкъ можетъ быть сегодня вполнѣ убѣжденъ логикою своего противника, а завтра онъ станетъ повторять свои прежнія убѣжденія точно также, какъ еслибы никто, никогда въ нихъ и не сомнѣвался. Его умственныя движенія могутъ совершаться только по старому пути» (стр. 49).

Неправда ли, что вы, публицисты «Современника», служите наилучшимъ доказательствомъ этого?..

Дома новы, да предразсудки стары!
Порадуйтесь: не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары...

Чтоже вы извлечете изъ Льюиза о наукѣ, о воспитаніи? Повѣрьте, что тоже самое что и изъ Бокля: «ни литература, ни университеты ничего не помогутъ: они дадутъ только новые предразсудки взамѣну старыхъ, *нисколько не лучшіе старыхъ*. Льюизъ признаетъ воспитаніе, — мы также, но и на этотъ разъ какъ всегда не въ томъ смыслѣ, не съ той точки зрѣнія и не для того признаемъ мы одну и туже истину съ «Современникомъ». Дѣло въ томъ какъ Льюизъ смотритъ на воспитаніе. *Вопервыхъ* — оговоримся (и это пріемъ Льюиза): онъ, какъ человѣкъ въ высшей степени образованный и добросовѣстный, никогда не станетъ въ физіологіи разсуждать о педагогіи; это видно и изъ того, что онъ о педагогіи *никогда не упоминаетъ*, и изъ того, что онъ не рискуетъ говорить даже о психологіи; вотъ напримѣръ одно мѣсто:

«Но это соображеніе переводитъ насъ въ область психологіи и мы

Digitized by Google

поэтому должны тутъ остановиться (стр. 98). «Мнѣ кажется, что вмѣсто анатомической или физіологической причины этого явленія нужно искать причину психологическую (стр. 287).»

и такимъ образомъ у него безумъ. *Восторгъ* посмотрите къ какимъ результатамъ пришелъ мы читая Льюиза съ педагогической цѣлью.

Онъ не признаетъ возможности убѣдить человѣка въ чемъ-нибудь такомъ, въ чемъ тотъ самъ не можетъ убѣдиться и вообще всему прирожденному отдаетъ полный перевѣсъ надъ наносимымъ; это видно изъ цитаты, приведенной нами («Старинныя сочетанія идей и пр.). Но онъ признаетъ въ человѣкѣ произволъ:

«Пощекочите лицо спящаго человѣка и рука его... подымется, чтобы почесать то мѣсто, которое вы щекотали. Сдѣлайте тоже самое съ человѣкомъ проснувшимся, и въ результатѣ... получите дѣйствіе другого рода, состоящее въ томъ, что онъ попроситъ васъ оставить его въ покоѣ или можетъ-быть *пустить вамъ подушкой въ голову* (стр. 170, 171).»

Вы вѣдь произвола вовсе не признаете, для васъ «человѣкъ свободенъ, какъ птица въ клѣткѣ» (зри эпиграфъ къ главѣ «О волѣ» въ препрославленной книгѣ Бюхнера). Впрочемъ это въ сторону. Дѣло въ томъ, что Льюизъ признаетъ не только произволъ, но еще развитіе:

«Машина не имѣетъ никакого развитія... Но организмъ развивается; въ немъ совершаются новыя приспособленія, такъ что сочетаніе дѣйствій, представляющееся невозможнымъ въ данное время, можетъ быть черезъ мѣсяцъ сдѣлается совершенно легкимъ (стр. 137).»

Онъ признаетъ воспитаніе произвола:

«Истина заключается въ томъ», цитируетъ онъ Бэйна (*психологъ; видите ли вы какъ велика его осторожность!*) «что надлежащее воспитаніе нашего произвола... зависитъ отъ того, что мы поставлены въ условія болѣе благопріятныя для его пріобрѣтенія (*замѣчайте это*)».

Далѣе онъ говоритъ отъ своего лица:

«Послѣ извѣстнаго числа попытокъ, идея боли до такой степени соединяется въ его (*ребенка*) головѣ съ представленіемъ чайника (*горячаго*), что дитя уже не обжигается болѣе. Потомъ оно засовываетъ руку въ корзину съ бисквитами, и результатомъ этого дѣйствія, вмѣсто боли, является бисквитъ. За повтореніе этой продѣлки его бранятъ, бьютъ или ставятъ въ уголъ; однимъ словомъ послѣдствія для него бываютъ непріятныя, и если наказаніе всегда слѣдуетъ за такого рода дѣйствіями, то дитя скоро выучивается воздерживаться отъ нападеній на бисквиты (стр. 181).»

Digitized by Google

Онъ признаетъ въ извѣстной степени и проповѣдуетъ надъ мыслями:

«Мы можемъ въ извѣстной степени управлять нашими мыслями... Какимъ образомъ это дѣлается, его не сознаемъ мы; мы сознаемъ въ извѣстномъ роде только, потому что онѣ нравятся намъ, интересуютъ насъ, или потому что ожиданіе какого-либо удаленнаго удовольствія или неудовольствія возбуждаетъ насъ; какъ только возникнутъ въ насъ другія мысли, другія идеи, мы подавляемъ ихъ точно также, какъ мы воздержались бы отъ движеній, которыя могли бы нарушить пріятное ощущеніе. Замѣчательно, что мы *не можемъ* вызвать въ себѣ по произволу какую-нибудь опредѣленную мысль; но если она возникнетъ (*возникнетъ — сама собою*) въ насъ, то мы можемъ не разставаться съ нею (стр. 483).»

Казалось бы, что изъ всего этого можно бы хотя и съ натяжкой вывести, что Льюизъ признаетъ воспитаніе въ томъ видѣ, въ какомъ именно вы его признаете. Можетъ-быть мы такъ и вывели бы; но... мы не можемъ признать подобный выводъ правильнымъ. Знайте, милостивые государи, что

«есть опытный путь, на который мы можемъ всегда полагаться: это путь *исключенія*. Онъ всегда указываетъ намъ на органъ, не служащій извѣстному отправленію, если оно, по удаленіи органа, продолжается (стр. 73).»

«Этимъ путемъ исключенія и пользуется всегда Толстой (сличи также «Логику» Д. С. Милля). Этимъ путемъ воспользуемся и мы. Воспитаніе можетъ помочь развитію, но только помочь, — создать оно ничего не можетъ. Есть въ свѣтѣ люди

«такіе, для которыхъ не существуетъ различія между синимъ и краснымъ цвѣтомъ; иные не могутъ отличить ясно различныхъ запаховъ и вкусовъ; нѣкоторые едва могутъ слѣдить за какой-нибудь мелодіей; одни боятся щекотки, другіе ея не чувствуютъ; одни очень чувствительны къ боли, другіе гораздо менѣе (стр. 237)...» «Крикъ летучей мыши въ такой степени высокъ и рѣзокъ, что нѣкоторыя особы не слышатъ его: онъ находится внѣ ихъ звуковыхъ предѣловъ (Льюизъ стр. 273).»

Такъ вотъ тутъ и извольте сунуться съ воспитаніемъ: въ этихъ случаяхъ оно ровно ничего не будетъ значить. А если есть случаи, въ которыхъ оно ничего не значитъ, то по логикѣ исключенія не въ немъ очевидно главная «суть» дѣла развитія. Можно внушать воспитаннику извѣстныя вещи, но онъ ихъ воспримитъ только тогда

а) *если способенъ воспринять*. Убѣжденія не дѣйствуютъ, какъ свидѣтельствуютъ ежедневный опытъ и Льюизъ, «способность на-

внешнъ отъ организма; но чтоже прикажете дѣлать, если онъ такъ рѣзки, что, подобно крику летучей мыши, онъ внѣ его умственныхъ предѣловъ? Чтоже дѣлать если онъ не затрогиваетъ его, не хватаетъ его за сердце, какъ другимъ не затрогиваютъ ни боль, ни щекотка? Чтоже дѣлать, если онъ не можетъ слѣдить за нимъ, какъ другіе не могутъ слѣдить за мелодіей, и твердо помня, что «соловья баснями не кормятъ», часто твердитъ «не сули орла на полетѣ, дай синицу да въ руки»? Чтоже дѣлать, если и запахъ и вкусъ ему недовѣдомы? Чтоже дѣлать, если для него безразличны утки и синяго, и краснаго цвѣта?

и б) *если онъ придутся ему по вкусу*. Это не менѣе важное обстоятельство: вкусъ дѣло великое. Карпентеръ имѣлъ мелочность сказать, что «всеядная обезьяна конечно рѣдко дотрогивается до ядовитаго плода, хотя онъ можетъ-быть вкусенъ.» Льюисъ замѣчаетъ на это:

«Но для кого онъ вкусенъ? для обезьяны? Еслибы плодъ былъ вкусенъ для обезьяны, то ядовитость конечно не удержала бы ее и она бы его съѣла; если же онъ не вкусенъ для обезьяны, то нѣтъ ровно ничего удивительнаго въ томъ, что она не дотронется до плода, какъ бы пріятенъ ни былъ вкусъ его для какого-нибудь другого животнаго (стр. 259).»

По одной изъ цитатъ («мы можемъ въ извѣстной степени и проч.») мы видимъ, что Льюисъ признаетъ этотъ вкусъ, эту разборчивость и въ отношеніи идей; мы видимъ также какъ Льюисъ опредѣляетъ науку. Какія же слѣдствія вытекаютъ изъ всего этого вмѣстѣ взятаго?

А вотъ какія: 1) воспитаніе въ смыслѣ измѣненія и образованія новыхъ убѣжденій и вѣрованій, въ смыслѣ измѣненія характера согласно волѣ воспитателя, т.-е. воспитаніе въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы его проповѣдуете, возможно только при одномъ условіи — *если за дѣйствіями и рѣчами противными воспитателю всегда слѣдуетъ наказаніе*, ибо въ противномъ случаѣ природныя способности и наклонности возьмутъ перевѣсъ, и воспитаніе окажется безполезнымъ... Tu quoque, Brute? Да изъ-за чего же расшибался покойный Добролюбовъ, пропираясь съ Пироговымъ о розгахъ, если вы, ближайшіе его, и еще на свѣжей могилѣ станете проповѣдывать наказаніе за ученье? 2) Но воспитаніе въ смыслѣ развитія и усовершенствованія существующихъ уже способностей, наклонностей, характера, даже вѣрованій и убѣжденій, не только возможно, а и необходимо. Толстой не словомъ совсѣмъ отвергаетъ воспитаніе; но на дѣлѣ онъ отвергаетъ только

Digitized by Google

воспитаніе въ вашемъ смыслѣ, въ смыслѣ передѣлки человѣка на новый ладъ. Въ этомъ смыслѣ отвергаемъ воспитаніе и мы, и притомъ съ двухъ сторонъ: г. Страховъ говоритъ, что есть въ ребенкѣ живая душа, которую воспитаніемъ передѣлать нельзя, но развить и усовершенствовать можно; я же думаю, что въ ребенкѣ есть прирожденныя сочетанія нервныхъ узловъ, прирожденное и опредѣленное взаимодѣйствіе нервныхъ центровъ и этого передѣлать нельзя, а совершить и облегчить взаимодѣйствіе можно. Такимъ образомъ былъ бы съ нами согласенъ и Льюисъ, еслибы только онъ заговорилъ о педагогіи, потомучто онъ вполнѣ убѣжденъ, что «умственныя движенія человѣка могутъ совершаться только по стирому пути.» Ктоже ближе къ Льюису въ педагогическомъ отношеніи: публицисты «Современника» или Толстой? Конечно Толстой, потомучто онъ на практикѣ именно такъ и ведетъ дѣло, какъ слѣдуетъ; а только, увлекшись ненавистью къ насилію въ воспитаніи, неправно понялъ подъ словомъ воспитаніе одно это насиліе.

Нужно ли вамъ еще разъ доказывать, что и Бокль не съ вами? Я думаю, что достаточно и представленныхъ мною выдержекъ изъ Бокля, чтобы убѣдиться въ этомъ...

Итакъ изъ указанныхъ вами авторовъ ни одинъ не согласенъ съ вашимъ взглядомъ на воспитаніе, и наоборотъ съ этими авторами очень легко дойти до убѣжденій Толстого. «Чтоже сей сонъ значитъ?» говоря вашей любимой поговоркой. Помоему это не болѣе и не менѣе, какъ явное доказательство пребыванія вашего на «Дураковой плѣши», мѣстность, честь открытія которой принадлежитъ безспорно вамъ. Съ чего же вы такъ яро «какъ съ дубу» обрушились на Толстого? Вы говорите ему:

«Кому могутъ быть интересны ваши умозаключенія, подкрѣпленныя только личнымъ вашимъ капризомъ, если есть выводы физіологіи, антропологіи, исторіи, подкрѣпленные строгими научными фактами? (стр. 29 совок. Совр.).»

Вотъ это мило! Понятно ли вамъ хоть теперь-то наконецъ, что еслибы требованіе подкрѣплять педагогическіе выводы выводами изъ физіологіи, антропологіи и исторіи, было не личнымъ вашимъ капризомъ, а дѣйствительною потребностью (мы этого не признаемъ, потомучто Толстой подкрѣпляетъ свои доводы совершенно достаточнымъ аргументомъ — трехлѣтнимъ опытомъ: вѣдь онъ не болтунъ-яйцо изъ среды «Современника», а человѣкъ дѣла), то Толстой, говоря противъ насильнаго воспитанія, могъ бы подтвердить, что оно не плодотворно — цитатами изъ Молешота; что оно безнравственно, какъ незаконное всякое насилованіе природы, цитата-

Digitized by Google

ни изъ Льюиса; что оно невозможно въ смыслѣ неприложимости на практикѣ — цитатами изъ Бокля. Далѣе вы продолжаете:

«Вы избавите ее (*молодую личность*) только отъ одного деспотизма, школьнаго, но остается тотъ же деспотизмъ семьи, деспотизмъ невѣжества, предразсудковъ, извращенныхъ нравственныхъ понятій и т. д., и т. д., отъ чего теперь избавляетъ отчасти (*по крайней мѣрѣ, прибавимъ мы отъ себя*) школа (стр. 29).»

Скажите пожалуйста, да какъ же можетъ случиться, чтобы знаніе, чистое знаніе, безъ примѣсей «теоретическихъ», знаніе, переданное съ любовью и съ увлеченіемъ, какъ этого требуетъ Толстой, какъ же можетъ случиться, чтобы такое знаніе оставило ученика рабомъ невѣжества, предразсудковъ, извращенныхъ нравственныхъ понятій и т. д.? Нѣтъ, это невозможно какой, разумѣется Дураковой плѣшки. Вы, читатель, думаете, что это самое, лежащее изъ того что сказалъ «Современникъ» о Толстомъ? Нѣтъ-съ, погодите-съ, «что дальше въ лѣсъ, то больше дровъ», «Современникъ» предлагаетъ взять Толстому деревеннаго мальчика, воспитаннаго на свободѣ (sic!).

«Какія же свѣдѣнія нужны для этой личности? (*читайте отчетъ объ воспитанникѣ и вы увидите что нѣтъ и тѣмъ рѣчь сбивалій, потребованныхъ самими дѣтьми такого рода*). Очевидно, что элементарныя свѣдѣнія, языкъ краснорѣчія, письмо и т. д. не могутъ особенно подвинуть свободнаго развитія (*а по мнѣнію Толстого видно, что лишь путь, стоитъ только не по дурацки обучать чтенію и письму*); высшая наука, но вы ее не одобряете. Судя по вашимъ высокомѣрнымъ отзывамъ, вы думаете, что и она сбилась съ пути... (стр. 30).»

Вотъ хорошо! да гдѣ же это, когда, на какой страницѣ выражена Толстымъ наука, — ничего не извѣстно; а вотъ мы и цитатами доказали, что Толстой отвергаетъ только прелесть всякой теоріи, а науку, т.-е. чистое знаніе, признаетъ; но видно въ томъ-то и бѣда его, что онъ не «теоретикъ». Далѣе «Современникъ» представляетъ теорію воспитанія. Что за теорія... но позвольте намъ ее разобрать (всѣ слѣдующія цитаты взяты изъ Совр. стр. 30 и 31):

«Люди здравомыслящіе думаютъ иначе. Они вполнѣ признаютъ свободу человѣческой личности, но только съ другой стороны.»

Неправда; люди здравомыслящіе признаютъ свободу не односторонне, а всесторонне; свобода, разсматриваемая съ какой-нибудь *одной* стороны, не удовлетворяетъ ихъ, напримѣръ: ни взятая отдѣльно свобода политическая (муниципальныя привилегіи, и въ Испаніи были, да опыты), ни взятая отдѣльно свобода слова и печати (это тоже было попробовано въ Испаніи), ни взятая отдѣльно

Digitized by Google

свобода отъ предразсудковъ (это тоже въ Испаніи: хотя не долго, но она была свободна отъ самыхъ закоренѣлыхъ предразсудковъ—входила въ сношенія съ невѣрными, вела съ ними торговлю, брала подати съ духовенства и т. п., что все было противно ея предразсудкамъ) и т. д.

«Эта свобода заключается по ихъ мнѣнію въ возможности развитія всѣхъ физическихъ и моральныхъ данныхъ, которыя человѣкъ имѣетъ отъ природы.»

Не говоря уже о нелѣпости выраженія «моральныя данныя отъ природы», мораль не природа, а напускное, условное, придуманное, — здѣсь подъ маской дешовенькаго, пустенькаго либерализма скрытое грубое ретроградство. Никто изъ здравомыслящихъ людей такъ узко не понимаетъ свободу, никто изъ уважающихъ свободу людей такъ обще не выражается о ней. Свобода заключается не въ возможности развитія вообще: опять повторяемъ вмѣстѣ съ Бокленъ — Испанія нетолько имѣла возможность развитія, ее еще подгоняли на пути развитія, насильно навязывали ей развитіе, однако же въ ней «идея свободы вымерла, если на самомъ дѣлѣ, въ настоящемъ своемъ значеніи она когда-нибудь существовала въ Испаніи» (Бокль, стр. 197, февраль «Время»). Не въ возможности развитія вообще заключается свобода, а въ возможности развитія активнаго, т. е. въ полной самобытности, въ самоуправленіи, самодѣятельности, самостоятельности, и главное, въ *самоупованіи*: «ничто не могло остановить движенія англійской цивилизаціи,» говоритъ Бокль (тамъ же), «англичане убѣждены, что они обладаютъ въ самихъ себѣ тѣми источниками и той плодовитостью соображенія, посредствомъ которыхъ люди могутъ сдѣлаться великими, счастливыми и мудрыми,» и въ другомъ мѣстѣ, собственно о самоуправленіи и самоупованіи, онъ говоритъ: «безъ нихъ малѣйшій толчокъ становится пагубнымъ. Въ Испаніи онѣ были неизвѣстны... Съ отсутствіемъ же самоуправленія и самоупованія никогда нельзя достигнуть истинной идеи независимости,» безъ этихъ качествъ «испанскіе либералы должны были съ горечью вспоминать о тѣхъ дняхъ, когда они *тщетно* пытались надѣлить свободой свое несчастное отечество (тамъ же стр. 188).» А вы признаете пассивное, насильственное развитіе! Какъ у васъ духу хватаетъ такъ нагло ссылаться на Бокля?

«Эта свобода развитія не достигается предоставленіемъ ребенка самому себѣ или случайностямъ окружающей среды.»

Значитъ для этой свободы съ измальства человѣка въ плѣнъ надо взять, не давать ему воли, уничтожить въ немъ способность

Digitized by Google

наблюдать и обсуждать, отнять у него самый лучшій способъ развитія, незамѣнимый никакими научными свѣдѣніями, собственный опытъ, и все это

«потомучто вопервыхъ онъ нуждается въ руководствѣ и помощи.»

Такъ-то, такъ; да «стулья-то зачѣмъ же ломать»; руководствуйте, помогите, но не забирайте въ ежовыя рукавицы.

«Вовторыхъ потомучто для свободы, нужно освободить его отъ множества вредныхъ вліяній этой среды (*да среда то эта въ немъ, поймите же наконецъ*), ея старыхъ непригодныхъ предразсудковъ, невѣжества и проч.»

Вотъ этого и довольно, чтобы обратить всю вашу теорію въ наборъ фразъ. Какъ вы достигнете этого «освобожденія»? Тутъ только два пути: а) *или изолировать ребенка;* но тогда онъ не будетъ знать жизни и какъ только выйдетъ изъ вашей школы, такъ тотчасъ же, несмотря на свои знанія, срѣжется на первомъ шагу, подобно Безарову, только несравненно хуже, потомучто не успѣлъ въ своей теоріи (¹); б) *или вы не вырвете его изъ среды;* но тогда зачѣмъ же помочь? Вы дайте ему просто знаніе и оставьте въ покоѣ его предразсудки и невѣжество: съ знаніемъ они уже никакъ не уживутся и исчезнутъ сами собою; между тѣмъ какъ истребляя въ немъ и то, и другое, и третье, вы дойдете до палки и розги, и что главное — убьете въ немъ самодѣятельность, самоупованіе, самобытность.

«Ребенокъ является въ жизнь безъ всей массы этихъ предразсудковъ разнаго рода (*истина, извѣстная со временъ Ж. Ж. Руссо, самаго яраго ея проповѣдника; но... «въ этой истинѣ, какъ лжи-то много»*) и они очевидно не составляютъ неизбѣжнаго свойства его человѣческой природы уже потому, что въ одномъ мѣстѣ они бываютъ одни, а въ другомъ другіе.»

(¹) Мнѣ представляется ваше возраженіе, но оно дотого странно, что я ставлю его подъ строкой... Не правда ли что вы укажете мнѣ на Ню-Лэнеркъ Р. Оуэна? Вѣдь правда? Такъ знайте же напередъ, что вы жестоко ошибетесь: Р. Оуэна вы незнаете совсѣмъ (это видно и по давнишней статьѣ Совр.), а я его изучалъ. Пока я вамъ только замѣчу, что дѣти въ Ню-Лэнеркѣ не были изолированы ни отъ вліянія природы своей страны, ни отъ вліянія самой націи: онѣ были изолираваны отъ вліянія кабака и вліянія подобныхъ вамъ, а равно и діаметрально вамъ противоположныхъ теоретиковъ. Въ Ню-Лэнеркѣ ребенокъ находилъ *все* что могло питать въ немъ чувства самоуправленія и самоупованія, и не находилъ ничего, что бы имѣло въ виду насиловать его природу. А въ Америкѣ, гдѣ и страна и люди другіе, и самъ Р. Оуэнъ опѣшалъ, а ужь онъ не вамъ цивилизаторамъ чета. Причина этого самая повашему пустая и ничтожная: породы людей не та, природа страны не та! *авт.*

Digitized by Google

Какъ это мило! А почему же нельзя сказать: «очевидно они *составляютъ* неизбѣжное свойство его организма уже потому, что въ одномъ мѣстѣ они бываютъ одни, въ другомъ другіе» и притомъ всегда извѣстные для каждаго опредѣленнаго уголка міра?.. Вы далѣе выводите, что первое дѣло воспитанія сберечь ребенка отъ нихъ. Значитъ вы хотите изолировать? Куда же вы будете готовить своего питомца? Если для жизни, то онъ долженъ знать эти господствующіе предразсудки, хотя бы они были совершенно безсмысленны. Не зная ихъ и вступивъ въ кругъ людей, слѣдующихъ этимъ предразсудкамъ, онъ будетъ поражонъ общепринятостью и новизною самыхъ предразсудковъ (разумѣется для него), а это два могучихъ стимула, которые, при его неопытности въ жизни, при его привычкѣ къ помочамъ, при наслѣдственномъ, органическомъ его предрасположеніи къ нимъ, — непремѣнно собьютъ его съ толку. — Цитировать ли дальше статью? Но отчего же нѣтъ? — и занятіе мусорщика представляется мнѣ такимъ же честнымъ занятіемъ, какъ всякое другое честное занятіе. Вотъ и Бокль считаетъ антицатію къ очисткѣ улицъ отъ мусора въ Мадритѣ несомнѣннымъ доказательствомъ невѣжества и ретроградства жителей. Отчего же не заняться разчисткой литературнаго мусора? Только мы будемъ дозволять себѣ пропуски: не обтирать же тряпкой каждый камень мостовой...

Далѣе слѣдуютъ пустыя фразы о томъ, что дѣломъ воспитанія будетъ развитіе природы человѣка; но въ томъ то и бѣда, что у каждаго человѣка своя природа, и воспитатель, если только онъ человѣкъ честный и развитый, не возмется опредѣлить свойства природы каждаго воспитанника — «чужая душа — потемки» говоритъ пословица. А еще дальше «Современникъ» находитъ, что есть только одно средство воспитанія:

«Это средство — чистое знаніе, чистая наука, дѣйствующая на внутреннюю природу человѣка однимъ сноснымъ, разумнымъ и необходимымъ для нея насиліемъ и деспотизмомъ — деспотизмомъ логики.»

Хорошо, фразисто, а толку мало. — Опять прежде всего оговорка: «сносный, разумный и необходимый деспотизмъ логики.» Да кто же вамъ сказалъ, что это такой деспотизмъ! или сами вы додумались? Но вотъ у меня есть пріятель, который тоже самъ додумался или дочитался, навѣрное не знаю, до совершенно противоположнаго убѣжденія, а именно онъ утверждаетъ, что «деспотизмъ логики — самый несносный, самый неразумный и самый ненужный деспотизмъ». Этотъ парадоксъ не безъ основаній. Въ са-

Digitized by Google

момъ дѣлѣ, что такое логика напримѣръ въ спорѣ? Ни больше, ни меньше, какъ умѣнье дѣлать умозаключенія, умѣнье вести къ прямому выводу и только. Изъ какихъ посылокъ дѣлается умозаключеніе, на чемъ основываясь приходятъ къ прямому выводу, — до этого логикѣ дѣла нѣтъ: (¹) будь посылки какія угодно, будь основанія самыя ложныя, — ея дѣло правильно вывести *изъ нихъ* заключенія, *на нихъ* основать выводъ. Ложность или истинность посылокъ и основаній опредѣляется не логикой, а здравымъ смысломъ, хотя конечно не безъ помощи логики, но всеже безъ абсолютнаго критеріума истины: такого критеріума нѣтъ, да и не будетъ, — доказательствомъ чему всѣ философскія школы древнія и новыя — у каждой есть свой особенный «абсолютный критеріумъ» истины, основанный не на иномъ чемъ, какъ только на вѣрѣ гг. философовъ въ его абсолютность. Идя отъ положенія, что я въ настоящую минуту на лунѣ, я приду къ заключенію, что до ночи осталось еще 144 часа, и таковъ деспотизмъ логики. Но дѣйствительно ли я сижу на лунѣ или нѣтъ,—до этого логикѣ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Совсѣмъ иное здравый смыслъ: онъ мнѣ подскажетъ, что прежде всего нужно оріентироваться и убѣдиться дѣйствительно ли я на лунѣ. Осматриваясь я составлю новый рядъ посылокъ, *вслѣдствіе* которыхъ деспотизмъ логики заставитъ меня признать, что я ошибаюсь. Тоже самое различіе между здравымъ смысломъ и логикой видно и въ нашемъ спорѣ: вы, гг. Современникъ, подчиняетесь деспотизму логики, — подчиняемся ему и мы; но вы съ одной точки зрѣнія смотрите на предметъ — съ точки зрѣнія узенькой теоріки, мы — съ нѣсколькихъ; вы однимъ путемъ идете, мы другимъ. Эта послѣдняя разница зависитъ не отъ логики, а отъ здраваго смысла; мы убѣдились, что мы не на лунѣ и что вы тамъ, да еще на Дураковой плѣши, а вы забрали себѣ въ голову, что вы на землѣ, да еще на троне какомъ-то, съ котораго то перунами мещете, то милостями осыпаете смертныхъ.

«Это средство остается единственнымъ законнымъ средствомъ воспитанія».

(Отмѣтимъ въ скобкахъ, что «Современникъ» признаетъ законность *нѣкотораго* деспотизма). Однакоже возиться съ мусоромъ — занятіе безъ сомнѣнія честное, но все же не совсѣмъ пріятное. Какъ бы поскорѣе его покончить? Поймите-съ, что Толстой имел-

(¹) Такъ профессору Карпову, вполнѣ подпинающемуся деспотизму логики, ничто не помѣшало дать въ примѣръ умозаключенія слѣдующее: «Всѣ планеты суть звѣзды; земля есть планета; слѣд. земля есть звѣзда» (см. «Систематическое изложеніе логики», проф. Карпова. стр. 179). *авт.*

Digitized by Google

но такую мысль и проповѣдуетъ, только онъ не признаетъ деспотизма даже логики, не признаетъ необходимости теорій даже новѣйшихъ. Вотъ мы не совсѣмъ такую мысль проводимъ: мы признаемъ не менѣе законнымъ путемъ и естественный путь воспитанія — вліяніе среды и природы (съ Толстымъ у насъ собственно разница въ терминахъ: онъ считаетъ этотъ путь путемъ образованія).

«Такимъ образомъ... вопросъ человѣческой свободы .. сводится только къ качеству передаваемаго знанія, къ тому *что* будетъ передаваться, а не *кто* будетъ передавать» (*).

Какъ же, оказывается, просто рѣшается вопросъ о человѣческой свободѣ, а мы-то думали, что его рѣшить — «не мутовку облизать». А въ «Современникѣ» сейчасъ рѣшили! Да тутъ же кстати порѣшили и то, что качество преподаваемаго знанія зависитъ оттого, *что* будетъ преподаваться, а не *кто* будетъ преподавать, т.-е. напримѣръ качество познаній въ естественныхъ наукахъ будетъ зависѣть отъ того, *что* будутъ преподавать — геологію и антропологію, или философію и богословіе, а не отъ того, *кто* будетъ преподавать геологію и антропологію — честный натуралистъ, широколобый матеріялистъ или узколобый ксендзъ, *кто* будетъ преподавать философію и богословіе — православный священникъ, ярый «волтерьянецъ», или философъ-гегелистъ... «Глѣ-жъ намъ въ болотѣ» порѣшить такъ скоро и такъ мудро такіе пустые вопросы! Наше дѣло слушать и удивляться тому, что изрекутъ господа — съ Дураковой плѣши...

Нигдевъ

(*) Курсивъ въ подлинникѣ.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общее положеніе европейскихъ державъ по польскому вопросу.

Французскія дѣла. — Пренія въ сенатѣ о польскихъ дѣлахъ. Рѣчь г. Бильйо — Приготовленія къ выборамъ. — Мексиканскій походъ.

Итальянскія дѣла. — Пренія о займѣ. — Мнѣнія о децентрализаціи. — Намѣренія министерства.

Послѣднія извѣстія.

Общее положеніе

Въ послѣдніе два мѣсяца Европа была въ крайне напряженномъ состояніи: въ воздухѣ пахло порохомъ, слышались далекіе перекаты пушечныхъ выстрѣловъ; почти всѣ головы были настроены на бравурный тонъ, а нѣкоторые особенно восторженные поборники силы оружія плевались ядомъ и желчью. Все это происходило по поводу польскаго возстанія. По всей Италіи были собранія для выраженія безкорыстнаго и безденежнаго сочувствія Польшѣ. Во Франціи сенатъ разсматривалъ множество прошеній и томъ, что слѣдуетъ помочь несчастной странѣ, старающейся завоевать свою независимость. Въ Англіи митинги слѣдовали одинъ за другимъ и въ парламентѣ раздавались воинственныя рѣчи, не съ цѣлью начать войну противъ Россіи, а только съ тѣмъ, чтобы пристращать колосса, которому теперь не до войны. Въ Пруссіи палата воспользовалась случаемъ, чтобы поговорить противъ министерства, и высказала такое сочувствіе къ Польшѣ, какого конечно не проявилось бы тогда, когда бы палата была съ министерствомъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Наконецъ въ Швеціи были собранія для изъявленія полнѣйшаго сочувствія повстанцамъ.

Но въ чемъ же было дѣло? Чего хотѣли всѣ изъявлявшіе сочувствіе? Въ чемъ заключался краткій смыслъ ихъ длинныхъ рѣчей?

Безъ сомнѣнія, сочувствіе здѣсь ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставлено Европѣ въ упрекъ: пламенное стремленіе повстанцевъ къ цѣли, твердое убѣжденіе, засвидѣтельствованное

Digitized by Google

кровью, смертью, невольно и прежде всего возбуждаетъ мысль о мученичествѣ, и по одному этому сочувствіе извинительно, понятно и даже дѣлаетъ честь Европѣ, незнающей подробностей внутреннихъ, домашнихъ отношеній Россіи къ Польшѣ. Дѣйствительно, весь этотъ шумъ происходилъ изъ прекрасныхъ побужденій; но хотя сначала и казалось, что всѣ хотѣли одного и того же, именно окончательнаго отдѣленія Польши отъ Россіи, чего хотѣли и повстанцы, однако потомъ оказалось, что самостоятельное существованіе Польши ни для которой изъ державъ не представляетъ ни малѣйшихъ выгодъ, а напротивъ, оказывается прямо въ убытокъ. По этому всеобщій энтузіазмъ въ пользу польскаго повстанья и прошелъ. Въ самомъ дѣлѣ, для котораго изъ европейскихъ государствъ могло бы принести какую-нибудь выгоду совершенное отдѣленіе Польши отъ Россіи, съ новыми границами, именно по Смоленскъ и Кіевъ со стороны Россіи, съ Помераніей и Силезіей со стороны Пруссіи и съ Червонною Русью и русинами со стороны Австріи.

Для Англіи, вопервыхъ, это было бы вовсе невыгодно; потому что тогда новая Польша была бы естественною союзницею Франціи, стало-быть усилила бы Францію больше нежели сколько нужно для безопасности Англіи. А что Польша и Франція находились бы между собою въ тѣсномъ союзѣ, на это указываетъ тождество религіи этихъ двухъ народовъ, признающихъ римскаго іерархическаго главою христіанскаго міра, и большимъ сходствомъ ихъ національныхъ характеровъ. Еслибы Польша составила самостоятельную большую державу и вѣроятно республику съ ультра-аристократическими учрежденіями, то при извѣстной степени согласія между Польшею и Франціей, Германія находилась бы въ такихъ прочныхъ и дружескихъ такахъ, что дѣло о рейнской границѣ было бы рѣшено мгновенно. Сверхъ того Франція при новой комбинаціи была бы уменьшена Польшей, какъ постоянно вооруженнымъ и оживленнымъ вѣковою ненавистью противъ Россіи передовымъ постомъ. Такое увеличеніе силъ Франціи и такое уменьшеніе значенія Германіи было бы невыгодно для Англіи. Нѣкоторые изъ тамошнихъ журналовъ въ первыхъ припадкахъ сочувствія къ повстанію говорили, что давно пора отодвинуть за предѣлы Европы сѣвернаго колосса, такъ какъ дѣятельность этого колосса должна ограничиться Азіей, а по мнѣнію сѣверной, въ окрестностяхъ тундръ на устьяхъ Енисея и Лены. Но другія газеты замѣтили весьма скоро, что Польша не таже славянщина, что ежели у насъ долгое время правительства отличались завоевательнымъ духомъ и показали всю свою силу въ расширеніи предѣловъ своихъ земель, пренебрегая внутреннимъ

Digitized by Google

благоустройствомъ, то въ Польшѣ всѣ наши слушатели точно такимъ же воинственнымъ духомъ, а въ тѣхъ границахъ, о которыхъ мечтаетъ патріотъ, она имѣла бы и достаточныя силы для осуществленія своихъ плановъ. Съ этой стороны выходитъ для Австріи — все равно, а со стороны усиленія Франціи — хуже, такъ что покровительствовать возстанію оказывается убыточно. Чтоже касается до того, чтобы поговорить о гуманности, объ амнистіи, предоставить Россіи свои дружескія соображенія о пользѣ прикрытія всѣхъ результатовъ возстанія прощеніемъ, то объ этомъ почему не поговорить. Оно не только не убыточно, но представляетъ даже выгоды въ томъ смыслѣ, что какъ бы то ни было, а свободная нація должна представить міру поучительное зрѣлище подобнаго сочувствія.

Для Австріи, вторыхъ, совершенное отдѣленіе Польши отъ Россіи оказывается дѣломъ еще болѣе неподходящимъ. Австрія съ самаго начала объявила, что мѣрнополданность жителей Галиціи не подлежитъ у нея нималѣйшему сомнѣнію, и что она ни въ какомъ случаѣ не пробавитъ въ Галиціи ни одного лишняго солдата, ни ни одного жандарма. Это обѣщаніе могло бы показаться нѣкоторымъ полякамъ, мало знакомымъ съ политикой Австріи, нѣсколько самонадѣяннымъ; но это совершенно такъ. Конечно въ Галиціи всегда было достаточное число войска, чтобы держать край въ повиновеніи, а потомъ австрійское правительство имѣетъ еще другое подобное оружіе противъ могущаго вспыхнуть возстанія. Правительство внимательно поддерживаетъ и при случаѣ разжигаетъ антагонизмъ между русскимъ или русинскимъ народонаселеніемъ и польскимъ. Въ Галиціи поляки составляютъ высшій и низшій классъ, русскіе — низшій и до значительной степени зависимый отъ двухъ первыхъ. Въ случаѣ движенія одной изъ этихъ національностей, другая не замедлитъ дать ей усиленный отпоръ что безъ сомнѣнія тѣмъ дѣйствительнѣе, что никакая вооруженная сила и никакая полиція въ свѣтѣ не можетъ съ такимъ неусыпнымъ вниманіемъ слѣдить за попытками движенія одного класса жителей, какъ другой классъ, враждебный. Въ случаѣ нужды, взаимная ненависть разгуляется до убійствъ и такихъ свирѣпствъ, которыхъ свидѣтелемъ было еще нынѣшнее поколѣніе. Зачѣмъ же тутъ войска? Въ случаѣ же, если бы Польша отдѣлилась, то она конечно потребовала бы и отъ Австріи или по крайней мѣрѣ стала бы пытаться завоевать тѣ области, которыя считаетъ она своими. Тогда антагонизмъ, поддерживаемый весьма дѣятельно, могъ бы оказаться безпримѣрнымъ; пришлось бы двигать войска, обезоруживать воинскія массы, держащія въ повиновеніи Венгрію, а пожалуй потерять Краковъ и всѣ Ка-

Digitized by Google

лицію. Мало этого. Польша отдѣлившаяся могла бы стремиться къ образованію могущественной славянской конфедераціи; и какъ страна новая, могла бы неуважать трактатовъ. Тогда сама Австрія съ большею легкостью разложилась бы на свои составныя части чрезъ выдѣленіе славянскаго элемента. Понятно, что такая перспектива не представляетъ ей особенныхъ поводовъ сильно желать отдѣленія Польши, и поговорить о пріятномъ обращеніи, предложить для царства польскаго провинціальную организацію въ родѣ той, какою пользуется Галиція (то-есть гораздо меньше того что имѣло уже въ послѣднее время царство польское), это можно, тѣмъ болѣе, что подобный разговоръ ни къ чему не обязываетъ. А между тѣмъ весьма удобно будетъ полиберальничать на чужой счетъ и безо всякаго риска.

Въ третьихъ для Пруссіи лишиться Познани; а еслибы желаніе повстанцевъ исполнилось, лишиться Силезіи и земель, принадлежащихъ къ германскому союзу оказывается точно такъ же невыгоднымъ. Вспомнитъ какъ въ прошедшемъ году, по поводу высказаннаго однимъ польскимъ депутатомъ намека на возможность отдѣленія Познани, палата единодушно, энергически возстала не только противъ мысли, но и противъ дерзости высказывать подобную мысль въ палатѣ народныхъ представителей. Дѣйствительно для всякой національности, имѣющей претензію на самостоятельность, всякая попытка отрѣзать какой-нибудь клокъ земли оскорбительна. На этотъ разъ польское возстаніе, въ случаѣ успѣха, могло дойти до отдѣленія Познани и другихъ земель, и потому грозило цѣлости Пруссіи. Но палата имѣла въ виду систематически, не торопясь, но и безъ устали находить каждый шагъ своего министерства неудовлетворительнымъ, неконституціоннымъ, достойнымъ порицанія. Извѣстно, что палата имѣла на это достаточное число поводовъ, и по поводу конвенціи Пруссіи съ Россіей выдвинула противъ министерства цѣлую батарею обвиняющихъ и порицающихъ ораторовъ. Въ сущности, въ глубинѣ души каждый депутатъ (кромѣ полякъ) былъ совершенно согласенъ съ мѣрами, принятыми министерствомъ; при другихъ отношеніяхъ къ министерству или при другомъ, болѣе умѣренномъ министерствѣ, палата не имѣла бы случая сказать противъ принятыхъ мѣръ, и не показала бы мнѣнія согласія съ мыслью повстанцевъ, которая по приведеніи своемъ въ исполненіе грозила отдѣленіемъ чуть не цѣлой половины Пруссіи.

Для одной Франціи успѣхи польскаго возстанія могли представить нѣкоторые задатки выгодъ; но такъ какъ императоръ Наполеонъ всегда стоитъ на сторонѣ прогресса, а не революціи, и такъ

какъ сверхъ того ему прямо и открыто пришлось бы вооружиться противъ цѣлой Европы, то и его правительство воздержалось отъ дѣятельнаго вмѣшательства не только оружіемъ, но даже и путемъ дипломатическимъ. Коллективная нота, которую оно хотѣло послать Россіи, окончательно не удалась, и потому оно должно было ограничиться дружелюбными представленіями и выраженіемъ надеждъ на великодушіе русскаго императора. Прежнія попытки русско-польскихъ дѣлъ были въ высшей степени любопытны.

Французскія дѣла

Въ сенатъ подано было нѣсколько прошеній, которыя имѣли цѣлью возбудить дѣятельное сочувствіе къ возстанію въ Польшѣ. Какъ должно, всѣ эти прошенія были переданы въ особую, составленную изъ сенаторовъ комиссію для ихъ разсмотрѣнія. Долгое время общественное вниманіе было занято ожиданіемъ того, что скажетъ принцъ Наполеонъ и что скажетъ министръ-ораторъ, которому довѣрено изъяснять міру намѣренія императорскаго правительства и толковать его волю. Газеты наперерывъ старались перетягивать одна другую въ вѣрности, доходили и разжигали другъ друга въ ненависти и самыхъ крестныхъ походахъ противъ сѣвернаго колосса. Разсказывались нечаянно такія вещи, которыхъ не могъ отказываться вѣрить, особенно даже разсказывалъ ихъ самый достовѣрный очевидецъ. Увѣряли, будто русскіе солдаты позволяютъ себѣ ужасающія варварства, неслыханныя жестокости, прежде того, напримѣръ, что вытягиваютъ жилы у плѣнниковъ и трупы заколотыхъ дѣтей носятъ на штыкахъ своихъ, въ видѣ трофеевъ. Другіе газеты тонко намекали, что рѣчь тутъ идетъ не о поляхъ и русскихъ, а не больше ни меньше, какъ о преобладаніи католичества надъ православіемъ, и всякій день разсказывали, будто въ различныхъ встрѣчахъ русскія войска были постыдно разбиты повстанцами, бѣжали въ безпорядкѣ и были дѣятельно преслѣдуемы на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ. Иная газета сообщала за достовѣрное, что по дѣламъ польскимъ происходитъ несогласіе между министрами и что потому въ министерствѣ скоро произойдутъ значительныя перемѣны. Другая изъ самыхъ несомнѣнныхъ источниковъ извѣщала, что для министра-оратора собираются всѣ рѣчи, сказанныя во французскомъ парламентѣ въ пользу Польши втеченіи послѣднихъ тридцати-трехъ лѣтъ. Наконецъ давно ожиданный день настаетъ, вниманіе удваивается, и вдругъ — отсрочка, по причинамъ, извѣстнымъ только министру-оратору. Что такое? Что могло

Digitized by Google

бы произойти? Неужели онъ затруднится въ выраженіи взглядовъ правительства, когда онъ кажется никогда въ карманъ за словомъ не лазитъ? Или можетъ-быть взгляды правительства не обозначились, не опредѣлились? Но эта послѣдняя мысль мелькала только у отъявленныхъ скептиковъ, невѣровавшихъ ни въ польское возстаніе, ни въ будущность Польши.

Но наконецъ давно жданный день наступилъ, рапортъ прочитанъ, но маркизъ де Буасси возбудилъ весьма важный предварительный вопросъ. По точному смыслу нынѣшней французской конституціи, онъ допускаетъ, что иностранецъ, имѣющій собственность во Франціи и терпящій какіе-нибудь убытки, можетъ обратиться съ жалобою въ сенатъ. Онъ допускаетъ точно также, что иностранецъ, только проѣзжающій по Франціи и на время подчинившійся всѣмъ законамъ этой страны, имѣетъ право жаловаться сенату въ случаѣ нарушенія этихъ законовъ. Но онъ ни подъ какимъ видомъ не хочетъ допустить, чтобы живущій во Франціи иностранецъ имѣлъ право подъ какимъ бы то ни было предлогомъ поднимать въ сенатѣ политическіе вопросы, которые могутъ поставить правительство въ нѣкоторое затрудненіе, и съ тою единственно цѣлью, чтобы принести пользу иноземнымъ интересамъ. Онъ не хочетъ допустить чтобы ирландцы, къ которымъ нельзя не питать сочувствія, подавали въ сенатъ прошенія противъ Англіи; точно также онъ не допускаетъ, чтобы поляки, спокойно проживающіе во Франціи и раздувающіе въ своемъ отечествѣ войну, жаловались сенату на Россію. Положимъ, что французъ, будь академикъ онъ или нѣтъ, сообщалъ сенату свои желанія на счетъ Польши, но съ тѣмъ только условіемъ, чтобы эти желанія подкрѣплялись и дѣйствіями. Если сочувствуетъ, то пусть и сочувствуетъ, пусть отправляется на помощь Польшѣ, а тамъ пожалуй можетъ и жаловаться на Россію. Кромѣ того онъ нашолъ въ поводахъ къ предстоявшимъ преніямъ важное отступленіе отъ принятаго порядка: прошенія не были розданы всѣмъ сенаторамъ, а между тѣмъ любопытно было бы знать, о чемъ именно будетъ идти рѣчь, кто и въ какомъ духѣ какія представилъ прошенія, и ежели прошенія представлены поляками, которые живутъ во Франціи, не подвергаясь ни малѣйшей опасности, то они должны быть отвергнуты, какъ незаслуживающія никакого вниманія.

По словамъ докладчика оказалось однако, что изъ 637 подписей на прошеніяхъ, только 30 принадлежатъ полякамъ, а остальныя всѣ французамъ. Затѣмъ начались и самыя пренія.

Виконтъ де ла Гроньеръ утверждалъ, что правительство должно

Digitized by Google

просить большей свободы для Польши и конституціонныхъ учрежденій, а не требовать независимости Польши.

Князь Понятовскій доказывалъ напротивъ, что Польша должна быть совершенно независима, и видѣлъ въ этомъ благо Европы.

Въ слѣдующее засѣданіе, 18 марта, маркизъ де ла Рошжаклинъ, наравнѣ съ прочими членами сената, выражалъ живѣйшее сочувствіе къ полякамъ, но утверждалъ, что раздѣлъ Польши, противъ котораго такъ много кричали, былъ такъ-сказать вынужденъ дѣйствіями самихъ поляковъ, потому что это народъ постоянно волнующійся и почти вовсе неудобоуправляемый. Потомъ онъ разсматривалъ какого рода права предоставлены полякамъ трактатами 1815 года, привелъ самый текстъ статей, относящихся до Польши, и доказывалъ, что участь поляковъ была предоставлена Австріи, Пруссіи и Россіи. Перейдя къ нынѣшнему положенію дѣлъ, ораторъ старался доказать, что Польша не совершенно лишена своихъ собственныхъ учрежденій, увѣрялъ, что расказы о настоящихъ событіяхъ въ Польшѣ по поводу рекрутскаго набора преувеличены; представилъ поляковъ неумѣющими довольствоваться никакими уступками и заключилъ, что по личностямъ, стоящимъ во главѣ нынѣшняго движенія, видно какъ все дѣло состоитъ не въ народномъ движеніи, а въ революціонныхъ судорогахъ. Такъ какъ Франція не можетъ къ нимъ присоединиться, то онъ подаетъ голосъ, согласно съ заключеніемъ комиссіи, что надо предоставить все дѣло мудрости императора, который сдѣлаетъ для выгодъ Польши все что сочтетъ удобнымъ и приличнымъ.

Графъ Валевскій оспаривалъ все сказанное предшествующимъ ораторомъ, утверждая, что договоры 1815 года весьма удовлетворительно опредѣлили права Польши и что нынѣшнее движеніе — не революціонное.

Принцъ Наполеонъ выражался, говорятъ, чрезвычайно сильно. Такъ о рѣчи маркиза де ла Рошжаклена онъ сказалъ, что «графъ Валевскій напрасно тратилъ время на ея опроверженіе, тогда какъ совершенно достаточно было бы энергически трижды сказать: ложь! ложь и ложь! Вотъ и все, чего стоила рѣчь этого оратора.» Намъ очень жаль, что мы не можемъ наравнѣ со всѣми русскими журналами, не только перевести, но и прочитать эту любопытную рѣчь. Это было бы весьма полезно для оцѣнки отношеній къ Россіи императорскаго принца. Знаемъ только, что онъ кончилъ словами: «Не хочу войны, но не хочу также и мира.» И когда эта фраза была встрѣчена смѣхомъ, онъ еще прибавилъ: «Такъ дѣйствуйте поскорѣе; какъ? — я не знаю и не хочу знать, но дѣйствуйте. Возстаніе будетъ продолжаться если мы его не пощ-

Digitized by Google

ритъ; пусть императоръ дѣлаетъ то что онъ считаетъ себя въ силахъ сдѣлать; но пусть сенатъ не подаетъ мнѣнія, которое можетъ быть дурно понято. Судьбы совершились; пусть всякій дѣйствуетъ по своей совѣсти. Что касается до меня, то я вѣрю въ успѣхъ дѣла, за которое возьмется императоръ.»

Это заключеніе буквально такъ было сказано; всякій видитъ, что понять тутъ ничего нельзя. Надо дѣйствовать, но также надо не вести войну и не быть въ мирѣ. Какія судьбы совершились и какъ сомнѣваться, что всякій изъ сенаторовъ дѣйствуетъ и безъ его совѣта по совѣсти, это уже совсѣмъ непонятно; и ежели принцъ во всемъ полагается на волю императора, то не зачѣмъ было и изрыгать на Россію ругательства и приводить въ подтвержденіе ихъ ложные слухи. Выходитъ, что нужно было только порисоваться и отвести душу, или приготовить слушателей къ умѣренной и мирной рѣчи г. Билльо, правительственнаго оратора.

Но въ тотъ день г. Билльо не говорилъ и отвѣтъ свой отложилъ до слѣдующаго дня. Онъ замѣтилъ только, что пренія послѣднихъ двухъ дней нетолько неудобны, но даже опасны. «Всякое неблагоразумное слово, сказанное въ этихъ стѣнахъ, раздаваясь электрическими отголосками по всей Европѣ, можетъ пролить въ Польшѣ цѣлыя рѣки крови; всякое неблагоразумное слово можетъ на политической шахматной доскѣ привести неисчислимыя осложненія. Пора уже слову спокойному, осмотрительному возстановить истинный смыслъ нынѣшнихъ событій. Поэтому прошу позволенія сената завтра, посредствомъ полныхъ объясненій, изгладить впечатлѣнія, которыя могли составиться вслѣдствіе преній. Я попробую доказать, что ежели сенатъ перейдетъ просто къ своимъ очереднымъ занятіямъ, то это будетъ согласно съ сочувствіемъ, которое мы всѣ питаемъ къ Польшѣ, согласно съ вашимъ довѣріемъ къ политикѣ императора, согласно въ особенности съ истинными интересами Франціи.»

Газеты говорятъ въ скобкахъ, что за симъ воспослѣдовала глубокая сенсація. Что это значитъ и чѣмъ выражается подобная сенсація, мы ни понять, ни догадаться не можемъ. Значитъ это вѣроятно, что сенатъ почувствовалъ ощущеніе чего-то, и почувствовалъ глубоко. Но чего? Обыкновеннаго ли удовольствія или простого любопытства? Все это неизвѣстно; вѣрно только то, что иногда въ скобкахъ поставленныя примѣчанія французскаго журналиста могутъ произвести въ читателѣ глубокую сенсацію.

Всей рѣчи г. Билльо мы приводить конечно не будемъ; она слишкомъ длинна и отличается обыкновенными достоинствами этого оратора, чрезвычайною благонамѣренностью, полнѣйшимъ довѣ-

Digitized by Google

ріемъ къ мудрымъ рѣшеніямъ императора и умѣнцемъ, оставить самую безгавѣтную похвалу французскому правительству, стало-быть тутъ же и самому себѣ. Рѣчь прерывалась рукоплесканіями, криками: «хорошо! прекрасно!» ропотомъ одобренія, глубокими сенсаціями, удвоенными движеніями вниманія и аджитаціей. Но нѣкоторыя мѣста рѣчи показываютъ совершенно ясно то положеніе, въ которое стала Франція къ польскому возстанію и Россіи....

Г. Билло сказалъ между прочимъ: «Здѣсь были произнесены достойныя сожалѣнія слова, а въ интересахъ самой Польши желательно было бы, чтобъ къ истиннымъ затрудненіямъ положенія не присоединялись искуственныя затрудненія отъ публичныхъ преній.» Около двухъ лѣтъ тому назадъ, когда начались въ Польшѣ первыя демонстраціи, въ «Монитерѣ» напечатана была слѣдующая фраза:

«Событія въ Варшавѣ были единодушно оцѣнены французскою печатью съ тѣми чувствами симпатіи, которыя даже перешли такъ сказать въ преданія. Но эти свидѣтельства участія оказали бы весьма плохую услугу тому дѣлу, которому они намѣрены служить, еслибы слѣдствіемъ ихъ было заблужденіе общественнаго мнѣнія, которое можетъ подумать, будто бы императоръ *поощряетъ надежды, которыхъ удовлетворить не можетъ.* Великодушныя намѣренія, которыми оживленъ императоръ Александръ со времени вступленія своего на престолъ, доказываются всего лучше мѣрою освобожденія крестьянъ. Это ручается также и за его желаніе осуществить всевозможныя улучшенія, сообразныя съ состояніемъ Польши, и остается только желать, чтобы ему не помѣшали *манифестаціи*, которыя могутъ поставить достоинство и интересы народа въ *антагонизмъ* съ намѣреніями императора.» Нынѣшній разъ г. Билло подтверждаетъ туже мысль, прибавляя, что польскій вопросъ есть вопросъ европейскій, котораго умныя и предусмотрительныя правительства не забываютъ. Новыя несчастія и новыя рѣки крови не въ состояніи разрѣшить этого вопроса и ненужны для того, чтобы о немъ напоминать. Ни хорошо, ни полезно, ни человѣчно возбуждать подобныя горестныя демонстраціи. Правительство не забываетъ своего сочувствія къ Польшѣ, но оно желаетъ отвращенія кровопролитія.... Выгоды и желанія Европы, Франціи и — скажу не колеблясь, — и самой Россіи, заключаются въ умиротвореніи Польши, что не можетъ совершиться иначе, какъ чрезъ удовлетвореніе законныхъ интересовъ. Но чтоже именно должно быть сдѣлано? Съ 1815 года мы видѣли, что въ этой несчастной странѣ смѣнялись очень многія системы. Конституція, данная императоромъ Александромъ I, довела до возстанія 1831 года. Строгое

Digitized by Google

системы, ни царствованіе императора Николая не усмирили и не уничтожили эту упорную національность. Доброта, человѣчность и миролюбивое расположеніе императора Александра II привели къ новому возстанію. Договоры 1815 года, на которые всякій сослается, составляютъ ли удовлетворительный способъ для излеченія нынѣшняго положенія? Договорами этими обѣщаны польскому народу національныя учрежденія и народное представительство. Но къ этимъ обѣщаніямъ тутъ же въ текстѣ немедленно прибавлено: «сообразно съ тѣмъ образомъ политическаго устройства, который govt. правительствъ, или управляющихъ, сочтетъ будетъ полезнымъ и приличнымъ.» Эта фраза, ограничивавшая обѣщаніе правомъ сдѣлать произвольную уступку, была предметомъ безконечныхъ, до сихъ поръ ни къ чему не приведшихъ сноровъ между державами. Когда Европа, или вѣрнѣе сказать либеральныя державы Европы говорили: Вы трактатами обязались устроить отдѣльное національное представительство и особую администрацію, — имъ отвѣчали: да, но сообразно съ тѣмъ образомъ политическаго устройства, который мы сочтемъ полезнымъ и приличнымъ, а подробности этого дѣла — вопросъ чисто внутренній, ни до которой иностранной державы не касающійся. Такимъ образомъ ничто еще не рѣшено, и вы сами видѣли, какъ одни за другими произведенные русскимъ правительствомъ опыты, болѣе или менѣе сообразные съ духомъ договора 1815 года, всѣ оказались безсильными; но это безсиліе лежитъ здѣсь въ самомъ порядкѣ дѣлъ. Если русское правительство даетъ мало этой страдающей національности, то она будетъ считать себя угнетенною, и останется въ положеніи угрожающаго волненія; если уступитъ много, то она употребитъ полученное для завоеванія того что будетъ ей недоставать. (Возгласы: Очень хорошо! очень хорошо!) Такимъ образомъ трактаты 1815 года не составляютъ еще разрѣшенія затрудненій. Они устроили положеніе, которое существовать не можетъ; они не разрѣшили вопроса: они постановили рядомъ элементы враждебные; они хотѣли усилить державы, раздѣлившія Польшу и соединить ихъ противъ общаго врага; но имъ не удалось: они навязали державамъ затрудненія, рану, боль ежеминутную. Эти обстоятельства можетъ-быть могли быть предвидѣны еще въ 1815 году, но съ тѣхъ поръ въ мирныя времена они уяснялись все болѣе и болѣе. Сами заинтересованныя правительства видятъ это, и они слишкомъ просвѣщены, чтобы не понять, какъ подобныя безпокойныя условія требуютъ глубокаго изученія и соглашенія всѣхъ противорѣчащихъ выгодъ. Вотъ, господа, въ какомъ видѣ представляется вопросъ и какъ надо стараться разрѣшить его, но не съ

Digitized by Google

равнодушию, которая можетъ оскорбить нѣкоторыя сиятія и удалить участіе, которое намъ необходимо; тутъ нужно спокойное вниманіе государственнаго мужа, который говоритъ: есть интересы, которые должны быть удовлетворены, страданіе, противъ котораго нужно лекарство; правительства заинтересованныя и страдающія сами знаютъ это, и во всей Европѣ имѣются по этому поводу такія убѣжденія и такія симпатіи, что при ихъ честномъ и дружескомъ вліяніи всякій легко пойметъ и настоящія выгоды и все положеніе (Выраженія сочувствія.). Затѣмъ, что же остается дѣлать? У насъ есть по этому поводу опыты прошедшаго. Двѣ либеральныя націи, Франція и Англія, съ 1830 года до сихъ поръ не вмѣстѣ, но отдѣльно дѣйствовали, наблюдали, совѣтовали, напоминали трактаты 1815 года. Франція, великодушная по своему народу и нерѣшительная по своему правительству, ограничивалась по большей части адресами, великодушными словами, но безъ дипломатическихъ дѣйствій по отношенію къ государю, который былъ расположенъ къ орлеанской династіи. Понятно, что все это не можетъ быть дѣйствительно. Но Англія была въ прекрасныхъ отношеніяхъ къ русскому правительству. А что она получила? Во время возстанія 1830 и 1831 годовъ, когда еще не было рѣшено чѣмъ кончится дѣло, она поручила своему посланнику въ Петербургѣ сдѣлать кое-какія замѣчанія насчетъ договоровъ 1815 года. Замѣчанія остались безъ послѣдствій. Потомъ Франція предложила Англіи сообща войти въ посредничество, но Англія отвѣчала: это общее вмѣшательство будетъ дурно принято въ Петербургѣ и сверхъ того будетъ недѣйствительно. Наконецъ когда Варшава была взята, англійскій кабинетъ писалъ своему посланнику, что дѣло оружія кончено и наступила пора сдѣлать замѣчанія въ пользу Польши. Въ отвѣтъ на это, въ депешѣ графа Несельрода къ русскому посланнику въ Лондонѣ, сказано было, что вѣроятно къ Россіи въ послѣдній разъ обращаются за объясненіями по вопросу, въ которомъ она одна можетъ и должна быть судьею.

Въ 1846 году, вслѣдствіе извѣстныхъ событій, краковская республика, которой существованіе обезпечено было договорами 1815 года, была присоединена къ Австріи трактатомъ, подписаннымъ Австріей, Пруссіей и Россіей. Опять приходилось напоминать тѣ же договоры, и опять три сѣверныя державы отвѣчали, что вопросъ касается ихъ однихъ. Вотъ и все что получалось отъ различныхъ дипломатическихъ разговоровъ и напоминаній. Правда, что все это сопровождалось пламенными рѣчами съ различныхъ трибунъ, шумными выраженіями сочувствія къ Польшѣ. Но эти политика съ большимъ количествомъ словъ и съ весьма малымъ дѣйствіемъ

Digitized by Google

вила тройное! нерасбитно: полстрелять несчастный народъ постоянными разсуждаиія, раздражать его государя, и быть совершенно недѣйствительною. Начинать тоже самое мы уже больше не хотимъ (Очень хорошо! прекрасно!). Итакъ что же дѣлать? Чтобы хорошо обсудить предстоящій намъ шагъ, надо хорошенько всмотрѣться въ партію, расположенную на этой шахматной доскѣ: кто съ нами, кто противъ насъ и кто сзади. При этомъ разсмотрѣніи прежде всего представляется Россія и ея государь, съ которымъ нашъ императоръ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, размѣнялся важными увѣреніями въ дружбѣ и уваженіи; государь, который во время войны нашей за независимость сосѣдняго народа и безопасность нашихъ границъ, самъ собою принялъ положеніе, воспрепятствовавшее нѣкоторымъ важнымъ затрудненіямъ со стороны Рейна. Этотъ государь, когда мы требовали отъ Саксоніи своихъ естественныхъ границъ, а дружественныя державы съ этимъ не соглашались и могли своими возраженіями привести затрудненія общеевропейскія, этотъ государь первый изъ всѣхъ своимъ твердымъ положеніемъ предупредилъ новыя зарождающіяся стремленія. Когда въ отношеніяхъ государей и народовъ разсматриваешь силы, съ которыми приходится считаться, когда съ дружбою однихъ соединяется соперничество другихъ и зависть нѣкоторыхъ, то становится ясною важность, необходимость беречь для себя нѣкоторыя помощи; нѣкоторыя прибавки на вѣсахъ, весьма полезныя среди противорѣчій и борьбы человѣческихъ интересовъ. Еслибы даже одинъ изъ этихъ дружескихъ отношеній было мало, чтобы дать намъ весьма законныя надежды за Польшу, развѣ этотъ государь не произвелъ въ своей странѣ самую громадную изъ всѣхъ революцій? Развѣ онъ не призвалъ къ свободѣ все это населеніе рабовъ, которое считается мильонами? Развѣ вступивъ на этотъ путь цивилизаціи и прогресса, онъ не будетъ увлеченъ силою обстоятельствъ въ этомъ направленіи? Развѣ вы полагаете, что на всемъ происходящемъ въ Россіи Польша не могла основать самыхъ законныхъ надеждъ? Или вы думаете, что это правительство, получавшее нынѣшнее направленіе отъ своего государя, будетъ такъ мало понимать свои выгоды, что возбудитъ затрудненія, вмѣсто того, чтобы искать разрѣшеній, обезпечивающихъ спокойствіе и миръ? Преобразованія въ великомъ народѣ не всегда дѣлаются легко. Являются возможныя затрудненія; благодарности мало, является опозиція. Весьма можетъ быть, что великое дѣло цивилизаціи, предпринятое императоромъ Александромъ II, составляетъ въ настоящую минуту для него и для его народа причину нѣкоторыхъ затрудненій, ослабленія, необходимости сосредоточить свои силы на

Digitized by Google

самъ себѣ. Безъ сомнѣнія, по окончаніи великаго дѣла Франція найдетъ въ цивилизаціи и въ прогрессѣ гражданскаго совершенствованія своихъ нынѣшнихъ затрудненій. Однакоже тѣмъ не менѣе справедливо, что въ настоящую минуту это вліяніе правительство найдетъ ему выгодно не оставлять нисколько затрудненіями своего внутреннихъ трудностей, и закинувъ ярмо свободы въ своей странѣ, оно не можетъ распространять ее въ странѣ сосѣдней... Что касается до Англіи, то ея положеніе совершенно особенное: въ рѣчахъ ея полнѣйшій либерализмъ, въ ея поведеніи — глубочайшая обстоятельность. Но какъ не могутъ на нее жаловаться, она часто имъ предупреждала; англійскіе ораторы много разъ повторяли то что хочу я выразить прошлогоднимъ словами лорда Росселя: «Никогда ни одинъ государственный человѣкъ Англіи, исполнявшій обязанность перваго министра, не имѣлъ мысли подать матеріальную помощь полякамъ... Никогда ни одинъ министръ не думалъ, чтобы его страна могла вмѣшаться иначе, какъ выраженіемъ своихъ мнѣній...» Почти съ самаго начала, т. е. 17 февраля, мы сдѣлали петербургскому кабинету представленія въ выраженіяхъ, сообразнымъ съ дружескими отношеніями, существующими между двумя правительствами. Мы представляли затрудненія, опасности, несчастія этого положенія. Намъ отвѣчено было въ выраженіяхъ благосклонныхъ, что не имѣвается отнять сдѣланныхъ уступокъ, что можетъ-быть не остановятся передъ дальнѣйшими уступками; въ другой разъ произнесено было даже слово амнистіи. Между тѣмъ произошло важное событіе: между Россіей и Пруссіей заключена была конвенція 8 февраля. Тутъ можно дѣйствовать болѣе энергически. Произошло международное событіе, которое давало право на замѣчанія международныя. Мы имѣли поводъ думать, что въ силу этой конвенціи 8 февраля войска той и другой державы имѣютъ право переходить границы, а это измѣняло обыкновенныя международныя отношенія по поводу событія внутренняго, относящагося только до одного правительства. Основываясь на чувствахъ, высказанныхъ на англійской трибунѣ, мы предложили британскому правительству дѣйствовать вмѣстѣ на Пруссію. Черезъ нѣсколько дней Англія отвѣчала намъ, что она видитъ неудобства въ общемъ дѣйствіи и послала свои ноты отдѣльно. Между тѣмъ съ нашимъ сиреномъ присоединилась еще одна. Прусскій парламентъ очень энергически выразился противъ конвенціи, которая и не была ратификована и несомнѣнно должна остаться мертвой буквой...»

Далѣе достопочтенный ораторъ, пристрастный къ описанію того что должна дѣлать Франція, рассказываетъ подробно какія пріятныя услуги цивилизаціи оказалъ императоръ Наполеонъ III,

Digitized by Google

водворить во Франціи истинную свободу, поддержанную и везде истинную правильную свободу, достаточную для народовъ и не безпокойную для правительствъ. «Императорскій либерализмъ, — говоритъ онъ, — мало-помалу распространяется по всей Европѣ.» Потомъ г. Бийо описываетъ какъ императоръ во всѣхъ великихъ внѣшнихъ дѣлахъ никогда не дѣйствовалъ одинъ, а обезпечивалъ себѣ успѣхъ союзами, настолько для обезпеченія самаго успѣха, сколько для отвращенія могущихъ возникнуть подозрѣній въ томъ, что будто бы онъ стремится къ преобладанію и завоеваніямъ. «Польскій вопросъ есть вопросъ въ высшей степени европейскій. Въ немъ нѣтъ у насъ ни особой политики, ни отдѣльнаго дѣйствія: онъ столько же затрогиваетъ и обязываетъ другія великія державы, какъ и насъ. Державы обязаны разрѣшеніемъ этого вопроса передъ самими собою, если въ нихъ есть чувство добра, права, справедливости и цивилизаціи; онѣ передъ самими собою обязаны присоединиться къ намъ и посредствомъ мирной и либеральной политики попробовать заставить Россію и Пруссію понять ихъ истинные интересы и наши, объяснивъ имъ чего именно требуетъ отъ нихъ человѣчество и міръ Европы. Въ этомъ смыслѣ начались теперь дипломатическіе переговоры, о которыхъ теперь всякое слово было бы неблагоразумно и несвоевременно.» Стало-быть сенатъ долженъ во всемъ положиться на мудрость императора, и оставивъ прошенія о польскихъ дѣлахъ въ сторонѣ, перейти къ своимъ очереднымъ занятіямъ.

Рѣчь г. Бийо была завершена восторженными похвалами мудрости императора Наполеона III, избранника народнаго, который положилъ предѣлъ безплоднымъ революціямъ, раздиравшимъ Францію.

Несмотря на послѣднюю рѣчь министра безъ портфеля, несмотря на многолѣтній опытъ, теперь во Франціи готовятся новые выборы въ такъ-называемое законодательное собраніе. Печальны эти приготовленія. Извѣстно, что въ законодательномъ собраніи было только пять членовъ, несогласныхъ съ абсолютными распоряженіями правительства. Доказано также, что правительство во Франціи считаетъ оппозицію для себя безполезною, въ противуположность тому знаменитому министру, который говорилъ, что онъ никакъ не согласился бы управлять страною безъ оппозиціи. Стало-быть французское правительство терпитъ этихъ пятерыхъ лишь какъ зло, отъ котораго оно еще не успѣло избавиться, или какъ тѣнь, необходимую для того, чтобы ярче выступалъ ослѣпительный свѣтъ согласія народныхъ представителей съ правительствомъ. Послѣднее вѣроятнѣе, и если вмѣсто пяти будетъ семь членовъ или

Digitized by Google

десять, составляющихъ тѣнь, дѣла пойдутъ не хуже и свѣтъ не потеряетъ своего блеска. Поэтому-то и печальны приготовленія къ выборамъ, какъ печальны были бы усилія ребенка, начинающаго только играть въ шахматы, когда бы онъ сталъ истощать всѣ усилія своихъ ребяческихъ соображеній въ борьбѣ противъ испытаннаго и сильнаго шахматнаго игрока. Много ходовъ сдѣлано, фигуры и пѣшки разставлены опытнымъ игрокомъ такъ искусно, что всякій разъ остаются антагонисту только одинъ или два невинные хода. И воображаетъ ребенокъ, что онъ ведетъ игру, и не замѣчаетъ, что нѣсколько разъ уже былъ подъ матомъ, что всѣ его фигуры давно могли бы быть взяты, и напрягаетъ соображеніе, и придумываетъ новый ходъ, наконецъ придумаетъ только тутъ шагъ, который нарочно оставленъ свободнымъ по волѣ поручика игрока. Но все продолжается игра, потомучто этого хочетъ опытный игрокъ, видящій въ этомъ свою выгоду. Продолжается игра и протянется еще на продолжительности жизни одного поколѣнія. А послѣ? Но какъ же знать что будетъ послѣ нашего поколѣнія? Въ послѣднее время событія слѣдуютъ одно за другимъ такъ быстро, что хорошо еще, когда можно загадывать впередъ на цѣлые двадцать пять лѣтъ. Послѣ могутъ явиться новыя условія и новыя комбинаціи, которыя теперь можетъ-быть и въ голову не приходятъ самымъ смѣлымъ утопистамъ или самымъ фанатическимъ консерваторамъ.

Мексиканскій походъ начинаетъ утомлять воинственную націю. Генералъ Форе не торопится взять Пуэблу, которая лежитъ на пути въ Мехико, и конечно у него есть на это совершенно достаточныя причины. Недостаетъ ли у него на это осадной артилеріи, или недостаетъ силъ, перевозочныхъ средствъ, провіанту или чего другого, все равно. Дѣло показываетъ въ томъ, что французскія войска стоятъ безъ движенія; какъ водится, состояніе всѣхъ частей не оставляетъ ничего болѣе желать, духъ солдатъ и офицеровъ въ блестящемъ положеніи, но результатовъ-то нѣтъ, пушки не трещатъ, военная слава не напускаетъ своего дурмана на человѣчьи головы и потому французамъ скучно. Газетчики было принялись лгать, что французскія войска нарочно не двигаются впередъ, хотя бы и могли это сдѣлать, собственно потому, что они хотятъ сдѣлать рѣшительный шагъ только передъ самыми выборами, чтобы громъ побѣдныхъ пушекъ оглушилъ хорошенько избирателей; которые по этому случаю потеряютъ голову и тотчасъ изберутъ правительственныхъ кандидатовъ. Но это соображеніе что-то уже слишкомъ тонко и рвется отъ малѣйшаго прикосновенія съ здраваго смысломъ и знаніемъ отношеній французскихъ избирательныхъ

Digitized by Google

мыслей. Выборы правительственныхъ кандидатовъ слишкомъ дорого обезпечены, чтобы нужно было для этого прибѣгать къ искусственному посеву, производимому посредствомъ пушечныхъ залповъ, а для этого третьяго времени, людей, умирающихъ какъ мухи въ непривычномъ для нихъ убійственномъ климатѣ, проіеетъ, и главное — рисковать пролить слабыми въ глазахъ полуцивилизованнаго народа за океаномъ — было бы слишкомъ уже хитро. Такой ошибки нельзя ожидать отъ нынѣшняго французскаго правительства, такъ искусно распоряжающагося своими захватными силами. Прошелъ какъ-то слухъ, будто французскія войска обошли Пуэблу и взяли Мехико... Но это оказалось видеромъ, разсеявшимся тучкой. Но подобно также войти въ положеніе газетчиковъ, которые остаются отчасти на мели, по случаю недостатка новостей. Приходится хоть что-нибудь придумывать, и это тѣмъ удобнѣе, что на другой день можно вставить опять статейку такого содержанія, что вчера напечатанное нами извѣстіе оказалось несправедливымъ, хотя поспѣшному истекало изъ самого благонадежнаго источника. При ближайшемъ соображеніи оказывается даже, что если это и правда (потому что какихъ чудесъ не можетъ надѣлать небѣлошеное оружіе наше!), то извѣстіе не могло прийти въ Европу какъ рано. Генералъ Фора могъ выступить изъ Оризабы какого-то числа, затѣмъ... и такъ далѣе. Подробные соображенія о различныхъ возможностяхъ займутъ какой-нибудь столбецъ, и все-таки газета наполнена.

Итальянскія дѣла.

Недавно состоялось положеніе о новомъ итальянскомъ займѣ въ семьсотъ милліоновъ франковъ. Въ послѣднее время злоупотребленія займовъ дошли до такой чудовищной степени, что семьсотъ милліоновъ ничтожемъ, и та сумма, которая изъ займа оставлена была на долю національной подписки, въ нѣсколько дней была покрыта съ избыткомъ: денегъ явилось втрое или вчетверо больше, нежели требовалось. Для настоящаго итальянскаго правительства это обстоятельство весьма благопріятное, но какого-то будетъ потомству расплачиваться за издержки предковъ, вотъ вопросъ. При употребленіи займа на постройку напримѣръ желѣзной дороги, когда деньги истрачены, остается дорога, дающая извѣстный доходъ, причемъ если доходъ выше тѣхъ процентовъ, которые по займу приходится платить, операція была выгодна, а если ниже, то все дѣло въ убытокъ (если не принимать въ соображеніе дру-

Digitized by Google

тѣхъ не прямо денежныхъ выгодъ, доставляющихъ пользою дорогой. Заемъ, произведенный правительствомъ, имѣетъ себя, когда бываетъ встрѣченъ, обыкновенно не составляетъ никакой доходной статьи, съ которой можно было бы собирать доходъ для уплаты процентовъ. Если заемъ былъ употребленъ съ пользой, то выгодность или невыгодность его выражается увеличеніемъ или неувеличеніемъ общаго уровня благосостоянія народа, большимъ или меньшимъ развитіемъ образованности и т. д. Въ окончательномъ результатѣ оказывается обыкновенно, что проценты платить легко, когда заемъ употребленъ съ пользою для народа, хотя непосредственно ближайшія слѣдствія неосязательны и такъ сказать невещественны. Было-быть, когда министръ финансовъ излагалъ передъ палатой общее положеніе денежныхъ дѣлъ государства, недостатковъ и потребностей, онъ неизбѣжно долженъ былъ коснуться и тѣхъ невещественныхъ результатовъ, къ которымъ стремится нынѣшнее правительство. Главною заботою министерства по его словамъ будетъ обезпеченіе независимости Италіи, стремленіе къ довершенію единства, свободы и главное дѣло — административная децентрализація. Имѣя въ виду такія прекрасныя обѣщанія, палата согласилась на заемъ, который имѣлъ благополучіе быть допущеннымъ на офиціальной продажѣ на парижской биржѣ. Было сказано нѣсколько поучительныхъ и нѣсколько блистательныхъ рѣчей по поводу этого предложеннаго займа. Противу всѣхъ стремленій министерства никто не возражалъ; были только новыя варіаціи на старыя темы. Но извѣстный депутатъ Броферіо возсталъ противъ децентрализаціи, чего повидимому отъ него нельзя было ожидать, такъ какъ онъ въ палатѣ одинъ изъ самыхъ свободныхъ. Но точка зрѣнія его довольно любопытна.

«Въ тонкутъ — говоритъ онъ — о децентрализаціи; въ послѣднее время даже самое слово централизаторъ сдѣлалось какъ будто ругательнымъ словомъ. Хотя не совсѣмъ удобно говорить противъ моды, однако я вамъ скажу, что я ненавижу вашу децентрализацію. Повидимому для Италіи, имѣющей свою особенную, своеобразную исторію, для Италіи, которая стремится по своимъ привычкамъ и различнымъ мѣстнымъ предразсудкамъ и предубѣжденіямъ скорѣе къ конфедераціи чѣмъ къ единству, невыносимо централизація — великое зло. Но помощу богу съ нашею новой децентрализаціей. Подъ этимъ прекраснымъ словомъ у насъ разумѣютъ не предоставленіе обществамъ надлежащей степени самоуправленія, не воздержаніе отъ администраторства, а напротивъ у насъ хотятъ, чтобы община управлялась сама собою, и прекрасно, если бы мы на этомъ остановились; но мы прибавляемъ подъ руко-

Digitized by Google

подставомъ обширнѣйшею, сдѣлавшимся опекой мѣстнаго времени, которой управляется министромъ. Это не самоуправленіе, а только тройная степень администратерства, вдесятеро горшая самой сверхной централизаціи. Децентрализація! Что вы мнѣ толкуете о ней, когда у васъ префектъ обличенъ всѣми атрибутами власти министра, только въ меньшемъ округѣ, въ болѣе тѣсномъ кругѣ дѣйствія. Въ началѣ соединенія Италіи всякій мелкій чиновникъ опредѣлался на службу не иначе какъ съ согласія министра, а теперь это считается даже недостойнымъ префекта, и опредѣленіе зависитъ отъ всякаго мельчайшаго начальника. Прекрасно, положимъ что это до нѣкоторой степени полезно. Но замѣтьте, что и увольненіе чиновника зависитъ отъ тѣхъ же мелкихъ лицъ, маленькихъ тиранновъ, которые дѣлаютъ что хотятъ, своевольничаютъ въ своихъ маленькихъ кружкахъ, какъ министры въ своихъ большихъ. Это вы называете децентрализаціей? Очень благодаренъ за такое благодѣяніе, но лучше еслибы его не было. Отъ этого въ администраціи у насъ завелось рабство, какого никогда не бывало даже подъ австрійскимъ владычествомъ и независимыхъ убѣжденій чиновникъ, въ родѣ тѣхъ, какихъ мы съ благоговѣніемъ видимъ въ Пруссіи, у насъ не мыслимъ. И что вы мнѣ толкуете о децентрализаціи, когда это результатъ, образующійся самъ собою изъ свободы мысли, свободы слова и просвѣщеннаго этою свободою общественнаго мнѣнія. Вы хотите обойти причины и создать прямо результатъ, хотите административнымъ путемъ внести отмѣну административности и порождаете чудовище, которое можно бы назвать сыномъ своего дѣла, еслибы это не былъ матушкинъ сынокъ преувеличеннаго чиновничества. Что мнѣ дѣлать съ вашей децентрализаціей, когда она ведетъ къ грубѣйшему злоупотребленію власти каждымъ изъ мелкихъ начальниковъ. Хороша ваша децентрализація, когда въ силу ея въ Бари префектъ смѣняетъ чиновника за то, что жена его, подчиненная, не хотѣла слушать галантныхъ предложеній начальства своего мужа. Прекрасная децентрализація, когда назначей префектуры въ Катанцаро теряетъ мѣсто за то, что не хотѣлъ допустить префекта сдѣлать маленькій заемъ въ казенной кассѣ. И это не отдѣльные случаи. Вы называете децентрализаціей преувеличеніе власти префектовъ, тогда какъ это должно быть наоборотъ. Съ тою децентрализаціей, которая предоставитъ администраціи только наблюденіе за исполненіемъ законовъ, предоставивъ все остальное обществу, я совершенно согласенъ. У насъ же это значитъ не болѣе какъ увеличеніе власти министра посредствомъ увеличенія власти каждаго изъ его подчиненныхъ на ступени подчиненности. Что мнѣ за нужда, что это ускоряетъ ходъ дѣлъ;

Digitized by Google

вовсе самолюбіе и самоуверенность заключаетъ въ себѣ тушу чего году; но чуть лучше дѣла пошутъ мѣсяцамъ вмѣсто лѣтъ, лишь бы люди были незаменимы. А то теперь все на свѣтѣ чиновники на службѣ слушающаго закону: всѣ теперь служатъ лишь, и подчиненный только напоминаетъ начальнику про общаго ихъ начальника, про законъ, немедленно онъ лишается мѣста, и жаловаться никуда не можетъ, потому что видите ли у насъ нынче въ модѣ децентрализація. Да куда она гонится наша децентрализація, когда она порождаетъ на мѣсто одного центральнаго распорядителя, министра, тысячи маленькихъ деспотовъ, распоряжающихся каждый въ своемъ кругу, какъ маленькій папа. Эта страшная привычка къ своевольничанью заставляетъ ихъ вмѣшиваться и въ дѣла общества, которыя уже до нихъ вовсе не касаются; а если свободный журналистъ выводитъ на всеобщій судъ такого малаго пирога, то онъ попадаетъ въ тюрьму, какъ это было недавно въ Джирдженти, а предлогъ всегда готовъ: такой-то вредный человѣкъ властей не признаетъ; каморристъ, гарибальдіецъ, столь крѣпкъ тюрьмы никуда не годится.»

Въ палатѣ депутатовъ были послѣ того пренія по поводу прошеній о польскихъ дѣлахъ. Рѣшено было передать эти прошенія правительству. Министръ иностранныхъ дѣлъ Висконти-Веноста разсказывалъ о планахъ, которыхъ держится министерство. Были посланы инструкціи итальянскому посланнику въ Петербургѣ для ходатайства въ пользу Польши. Министръ выразилъ надежду, что царствованіе императора Александра, прославившееся внутренними преобразованіями, будетъ также временемъ различныхъ благодѣтельныхъ мѣръ въ пользу Польши. Италія не можетъ забыть симпатическаго положенія Россіи во время войны 1859 года, точно такъ же какъ и недавняго акта признанія Италіи. Въ нотѣ, посланной въ Петербургъ, итальянское правительство сообщило свои опасенія насчетъ нынѣшняго положенія дѣлъ. Англія приглашала Италію принять участіе въ дипломатическихъ мѣрахъ, которыя будутъ сочтены приличными. Правительство приняло это предложеніе съ готовностью, и теперь Италія, сохранивъ полную свободу дѣйствій, занимаетъ свое мѣсто въ европейскомъ совѣтѣ. Постояннымъ девизомъ министерства будетъ: «Италія свободная всегда, но уединенная никогда!» (Какъ водится, рукоплесканія).

Послѣднія извѣстія

Въ Греціи окончательно избранъ королемъ второй сынъ датскаго

Digitized by Google

короля, подъ именемъ Георгія I. Дѣти его будутъ исповѣдовать греческую вѣру. Послана депутація для поднесенія ему короны.

Въ Соединенныхъ-Штатахъ продолжается рѣзня. Несмотря на знаменитую прокламацію президента Линкольна объ освобожденіи невольниковъ, они возставать не хотятъ или не могутъ. Недавно проникнувшій въ южные штаты отрядъ съ цѣлью поднять невольниковъ, былъ окруженъ, переловленъ и всѣ бѣлые офицеры его повѣшены. Неумолимая логика войны проявляется въ Соединенныхъ-Штатахъ можетъ-быть сильнѣе и послѣдовательнѣе, нежели гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ, во время какихъ либо другихъ военныхъ дѣлъ.

Въ Турціи перемѣнилось министерство. Но что изъ этого выйдетъ, — понятно само собою. Ничего не выйдетъ и дѣла попрежнему будутъ запутываться все болѣе и болѣе, если только тутъ *болѣе* возможно. Карты перетасовываются: наверху оказываются не тѣ, которыя были вчера, а тѣ, которыя были на верху поступаютъ въ безразличную массу, а играть этими картами продолжаютъ съ общаго согласія великія державы, дѣлая впрочемъ видъ, что это не игра, а самое настоящее, важное дѣло.

Digitized by Google

ОПЫТЪ «МОЛОДОГО ПЕРА»

Отвѣтъ на статью «Современника» «Тревоги Времени» (Современникъ, мартъ, № 3).

Впился-таки! Не выдержалъ самаго перваго натиска! Я и предрекалъ что вопьется... О молодое перо! Какой визгъ изъ-за того, что вамъ отдавили ножку. А вспомните-ка молодой, но блестящій талантъ, вспомните какъ вы курашились въ февралѣ надъ А. Скарронскимъ за его «Литературную полицію!» (¹). А вотъ какъ коснулось до васъ самихъ, такъ и наполнили тотчасъ же вселенную своими воплями:

Remplit les bois et les campagnes
Du cri perçant de ses douleurs,

Вотъ потому-то сейчасъ и видно, что еще молодой талантъ, да еще безъ всякой дресировки. А еще обижается за слово «молодой»!

Вы разсердились на статью во «Времени». Вы проговорились и упоминаете о ней въ вашей статьѣ «Тревоги Времени». А не надо бы было упоминать, не надо бы было проговариваться, что отъ нея пострадали, а слѣдственно, что васъ злость беретъ и тянетъ выругаться въ предупрежденіе разлитія жолчи. Статья ваша точно докторомъ вамъ прописана, по рецепту. Она пахнетъ аптекой, гофманскими каплями, уксусомъ и лавро-вишневой водой. Вотъ это-то и значитъ свои бока подставлять. Тутъ именно надобенъ видъ, что и видомъ не видалъ враждебной статьи и слыхомъ не слыхалъ о ней. А кто спроситъ: «Читали, какъ васъ отдѣлали?» — Э, вздоръ! что читать! есть мнѣ время читать *такія* статьи! A propos mon garçon, вѣдь «у испанскаго посланника вчера былъ кажется раутъ» (²)? Ну и замять разговоръ испанскими-то дѣлами.

(¹) См. «Современникъ», № 1 и 2 и отвѣтъ во «Времени»: «Журнальныя замѣтки» II. «Молодое перо».

(²) Фраза не наша. Сей фразой начиналась одна повѣсть одного гвардейскаго офицера въ стариннѣйшей «Библіотекѣ для чтенія» тридцатыхъ годовъ. Не безъ намѣренья ее помѣщаемъ.

Digitized by Google

Важности, солидности, великосвѣтской небрежности было бы больше. А то: «Ой больно»! Сейчасъ надо и показать что больно. И вышелъ болевыхъ: «Отравленная пожня или отравленный А. Скавронскій». Ну чтожъ что больно? До свадьбы заживетъ.

Въ вопросахъ же интересахъ говорю: добру улу; а непытдость!

Вы вообще ужасно-вѣшите. Молодая прыть. Вамъ ужасно хочется отличаться, поскорѣй, какъ можно поскорѣй увѣрить публику, что это не я; что это все отъ злобы, а я самый блестящій талантъ». Правда, ваше положеніе понятно и я искренно ему сочувствую. Какъ въ самомъ дѣлѣ: столько времени подвизаться на прихотливомъ поприщѣ русскаго юмора, столько лѣтъ попеременныя измѣнія поглощать, столько лѣтъ срывать цвѣты удовольствія, — «розы рвать и сіяніи поливать» и «вдругъ» — ругать! да еще какая; пользоваться «молодымъ перомъ», «молодымъ человѣкомъ» (что можетъ быть ужаснѣе!), ставать на одну доску съ А. Скавронскимъ, говорить, что подражаетъ Брамбеусу, *Дружинину* (согласитесь что «Дружинину-то» васъ наиболѣе и кольнуло. Такъ ли? Знаю и сердце человѣческое ль нѣтъ?). Говорить, наконецъ, будто ваши критическія статьи — одно искуство для искуства, цвѣты удовольствія, «росы лесуна», перлы, скатившіеся съ молодаго пера, употребляя съ ефемерною цѣлью.

«И брызгать перломъ водометъ» (1)

Шумиха словъ, колонки табачнаго дыма, вышушенные лошмъ вонючимъ курителомъ, и (что всего хуже) нѣкоторое литературное вредніе туда и сюда, литературныя такъ сказать *прибавленія* къ «Идеалу Современнику». По новому прибавленій лаютъ вамъ разные совѣты, вамъ прогрессисту-то! Да еще не простому прогрессисту, а переученному недавно въ нигилисты по реакціонной наклонности. И это въ первый разъ еще такъ относятся къ вамъ, въ первый разъ въ числа переломленіи столькихъ пріятныхъ лѣтъ литературной литературной игривости. Да какъ тутъ не рабѣситься, какъ тутъ не прорваться, какъ тутъ не проговориться. О! мой нигилистъ du lendemain! Будьте увѣрены, что я слишкомъ хорошо понимаю ваше положеніе.

Но остановимся на минуту для одного мимолетнаго объясненія. Вы горько жалуетесь, что мы называемъ васъ «молодымъ человѣкомъ», «молодымъ перомъ», «молодымъ, но блестящимъ талантомъ», «молодымъ». Вамъ кажется это неуважительно и вы дуетесь (Еслибъ вамъ не было горько, вы бы не высказались).

(1) Стихъ Всеволода Крестовскаго.

Digitized by Google

О неопытность! Да жалобы-то ваши я сейчас перечту доказательства вашей молодости. Какой юноша не обращается тогда его называютъ молодымъ человѣкомъ? Какой юноша не наклеитъ себѣ усовъ перочинными ножницами, чтобъ они поскорѣе росли? Я соглашаюсь, что все это признаки юношества, гражданства, прелести весны и молодого воодушевленія... Тѣмъ не менѣе вы сами себя съ головой и выдали. Но успокойтесь; объявляю вамъ торжественно, что нападки на вашу молодость я не прямо разумѣю вашъ лѣтъ, а говорю метафорически: въ сущности вы и рѣшительно вѣтъ, молодо вы или стары. Въ статьѣ моей «Молодое перо» я разумѣлъ только вашу молодость и неопытность въ россійской журналистикѣ, чтобъ сказать неопытность.

Я не въ силахъ надоѣдливо сильнѣе разумѣлъ это, о нѣтъ! Я искренно любовался тамъ на васъ, — я любовался этой прелестью, этимъ молодымъ прикосновенію и выдержкою, этимъ тамъ-сказать первымъ, радостнымъ волненіемъ молодого литературного дарованія. Я люблю эти первые вопросы, молодой человѣкъ! Вы показались мнѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ гувернеромъ въ русской литературѣ, молодымъ, краснощекимъ воспитателемъ отечественной словесности (вродѣ «Мерлета», изображенного на пасторѣ, о которомъ упоминалось какъ-то разъ въ «Голосѣ»). Но тамъ успокойтесь. Вы промахнулись, вы не сумѣли сыграть, что вамъ отдавали ножку. Но куражъ! Поправляйтесь послѣ. Какой солдатъ не надѣется быть фельдмаршаломъ!

Но однакожъ — (я все-таки не могу забыть этого!) отчего, отчего доходить до такого бѣшенства, до такого нервного сотрясенія, до такой пѣны у рта! До гошпитальныхъ-то какъ для чего доходить? Вѣдь вы ругаетесь какъ какой-нибудь сотрудникъ «Голоса», а хуже уже ничего про литературныхъ человѣка нельзя сказать. Вѣдь вамъ только одинъ шагъ остался до непрерывъ за табачную фабрику (¹). Вѣдь вся статья ваша — только «голосистая» отрыжка и ничего больше. Я «Голосъ» въ добавокъ еще, повторяю, теперь постигся и на постной мясѣ начинаю съ самой мелкимъ сидѣть... (Vous comprenez, n'est ce pas?)

Вижу, вижу васъ теперь, какъ на яву, о молодое, но необстоятельное дарованье, — вижу васъ именно въ тотъ самый моментъ, когда вамъ принесли сенатскую книгу «Времени» и сказали вамъ, что въ ней есть статья противъ васъ, подъ названіемъ «Мольдое перо». Вы сарказтически улыбнулись и сейчасъ разорвали книгу. Все это представляется мнѣ въ воображеніи какъ на фасадномъ

(¹) Обыкновенные литературные упреки «Искры» редактору «Времени», у котораго была табачная фабрика.

Digitized by Google

Когда утекла бѣшенство гости, вы вы были въ гостяхъ, вы прочли статью, постарались разумѣется скрѣпить себя; но нервная дрожь, нѣкоторое подергиваніе губъ, краска, пятнами выступившая на вашемъ лицѣ — все это ясно свидѣтельствовало о безконечной злобѣ, клокотавшей въ жаждущемъ похвалъ сердцѣ вашемъ. Вы даже попробовали улыбнуться и выговорить: «совсѣмъ не остро...» — Но какъ-то не вышло, какъ-то ужь очень жалко выговорилось. Покрайней мѣрѣ гости спохватились и старались на васъ не смотрѣть, старались заговорить о чемъ-нибудь другомъ. И вы все это тутъ же замѣчали... Но зато, помните ли, помните ли тяжелую минуту, когда вы пришли домой, и наконецъ остались одни, дали волю всему что сдерживали въ груди вашей? Помните ли какъ вы разломали стулъ, разбили въ дребезги чайную чашку, стоявшую на вашемъ столѣ, и въ ярости колотя что есть силы обѣими кулаками въ стѣну, вы клялись съ пѣной у рта написать такую статью, такую ругательную статью, что стоялъ міръ и будетъ стоять — а такой статьи еще не бывало до-сихъ-поръ ни на землѣ ни въ литературѣ! И вотъ вышла ваша «Тревога Времени»... О, помню, что мнѣ не надо было подкупать наборщиковъ вашей типографіи (въ чемъ вы насъ уверяли) чтобъ узнать, что вы тамъ писали, т. е. и разбитая чашка и кулаки въ стѣну и проч. и проч. Я предузналъ все это единственно однимъ воображеніемъ, но предузналъ по духу, по тону вашей отвѣтной статьи. Иначе что-же такое ваша статья? Откуда же могло помѣститься въ ней столько бѣшенства и печоночнаго разстройства? Откуда столько ругательствъ, столько личныхъ ругательствъ и уподобленій въ этой статьѣ и во всѣхъ другихъ выходкахъ противъ «Времени», помѣщенныхъ въ той же мартовской книжкѣ «Современника»? Тутъ ужь явная несвободность, а не наборщики.

Кстати, вотъ что: вѣдь я совершенно увѣренъ, что это вы сами написали: «Тревога Времени», а между тѣмъ вы объявляете, что эта статья будто бы прислана вашъ однимъ изъ друзей вашихъ, какимъ-то молодымъ нигилистомъ. Другими словами: вы спрятались подъ столъ, прикрывшись именемъ вымышленнаго друга. Пріемъ чрезвычайно наивный. Тю-тю, дескать, Костенька спрятался; нянюшка ищи... А насъ еще упрекаете, что мы сами себѣ письма пишемъ. Мало того: я даже совершенно увѣренъ, что и примѣчаніе отъ редакціи, сдѣланное къ вашей статьѣ, и разныя тамъ московскія профетіи о толстотѣ тѣла г. Лонинова, все это ваше, все это вы сами сочинили. Конечно я не имѣю никакихъ осязательныхъ фактовъ, но я убѣжденъ въ этомъ; мнѣ такъ кажется. Да этоже дѣлать съ убѣжденіемъ? Вообще спрячемъ вы... почему прятаться? Ужь

Digitized by Google

не было ли у васъ какихъ-нибудь особенныхъ цѣлей? А вотъ посмотримъ:

Вопервыхъ вы что-то заговорили о типографскихъ наборщикахъ. Это въ примѣчаніи отъ редакціи «Современника» къ вашей статьѣ. Выпишемъ-ка это примѣчаніе. Вотъ оно слово въ слово.

«Вѣрность этого замѣчанія поразительна. Во второмъ своемъ номерѣ, «Время», желая изобидѣть одного изъ нашихъ сотрудниковъ по поводу помѣщенной въ первомъ томѣ «Современника» рецензіи на «Литературную полицію» г. Скворецкаго, помѣстило статью «Молодые старцы», въ которой, вопервыхъ, сравнивается нашего сотрудника съ Бероцкимъ Брамбеусомъ, и вовторыхъ, обращаясь къ нему, постоянно называетъ его «молодымъ человѣкомъ». Точь-вточь такое же сравненіе и обращеніе дѣлалъ, два года тому назадъ, «Русскій Вѣстникъ», у котораго «Время» все это и заимствовало, разумѣется, внеся въ это заимствованіе своихъ собственныхъ «сапоговъ въ смятку». Эти «сапоги въ смятку» заключаются въ томъ, что будто бы нашъ сотрудникъ-рецензентъ до того «впился въ интересы редакціи «Современника», что, впившись, оставилъ прежнее у ворота...» Читая эти слова, мы долго не могли придти въ себя отъ изумленія. Что это такое да какой рецензіи не подписана! къ кому не можетъ относиться обвиненіе «впившагося» [illegible] [illegible] узнать «Время» кто именно написалъ статью, приведшую его въ такое волненіе? Или быть можетъ «Время» имѣетъ привычку справляться у наборщиковъ типографіи, въ которой печатается «Современникъ». Но если это такъ, то увѣряемъ васъ, о «Время», что наборщикъ, сообщившій интересныя для насъ свѣдѣнія, обманулъ васъ. Лицо, которое вы такъ легкомысленно упрекнули въ чемъ-то «прежнемъ», уже четыре года *постоянно* и *исключительно* печатаетъ свои сочиненія въ «Современникѣ»; если же въ прошломъ году и было помѣщено нѣсколько его разсказовъ во «Времени», то это произошло единственно оттого, что «Современникъ» былъ закрытъ, а наборщикъ [illegible] [illegible] бываетъ для типографа удобно. Слѣдовательно, интересы «Современника» всегда были близки этому рецензенту, слѣдовательно и впиваться было не во что, слѣдовательно и слова ваши, вообще, ваши слова, суть не болѣе, какъ толкованіе въ пустынѣ, о пустынѣ. Чтоже касается до того, что вы въ полемикѣ своей противъ неизвѣстнаго вамъ рецензента сослались на пословицу «береги честь смолоду», то надо думать, что презрѣнная эта выходка употреблена вами въ припадкѣ особеннаго увлеченія, и что впредь этого съ вами не случится. *Ред.*»

«Ну-съ, а вотъ я васъ теперь поймаю. Знаете что я хочу? Я хочу васъ изобличить. Я хочу выставить всему свѣту, что вы какой вы именно дѣятель въ отечественной словесности. А изобличивъ, я вамъ сдѣлаю предложеніе, можно ли [illegible]

[illegible] ? Вы [illegible] въ томъ, что вы думали я васъ неизобличу.

Вопервыхъ о наборщикѣ. Вы удивляетесь какимъ образомъ я могъ узнать ваше имя и предполагаете, что я непремѣнно долженъ былъ подкупить наборщика. Хоть тутъ у васъ и заключается одна [illegible] мысль, именно заявить о насъ публикѣ, что мы насъ [illegible] наборщикомъ [illegible] журналъ, т. е. почти что распечатываемъ чужія письма, [illegible] все это я смотрю какъ на пустяки. Разобиженъ вы очень, ну тамъ въ добавокъ еще воинственная кровь, Барклай де Толли зашевелился, однимъ словомъ простить вамъ на первый случай можно. Кстати же вы сами знаете — дѣло это слишкомъ пустовски разъясняется. О призваніи вашемъ изъ-за моря, къ участію въ «Современникѣ», конечно съ цѣлью подымать «Современникъ», сама редакція столько уже печатала въ своихъ объявленіяхъ, что узнать васъ очень легко было. Слѣдовательно это дѣло покончено. Но не въ томъ дѣло. Главная суть въ томъ состоитъ, что я теперь могу васъ назвать публично, изобличивъ васъ при этомъ, что вы умышленно съ тѣмъ чтобъ намъ повредить, исказили въ одномъ дѣльцѣ правду. Извольте прослушать.

Вы увѣряете — (т. е. редакція «Современника» увѣряетъ, но я считаю, что это все равно и имѣю право на это. Я положительно знаю, что вы участвуете въ интересахъ редакціи и слѣдственно примѣчаніе, сдѣланное редакціей къ вашей статьѣ, не могло васъ обойти. Вы знали про это примѣчаніе, вы можетъ-быть сами же держали его коректуру; безъ вашего вѣдома оно не могло пройти; можетъ быть наконецъ вы сами же его и писали также какъ и статью, въ чемъ я убѣжденъ. Слѣдовательно вы и отвѣчаете за все что *сочинено въ примѣчаніи*. Почему я такъ рѣзко говорю о моемъ правѣ [illegible] и такъ безцеремонно и публично нарушать [illegible] поведенія, вы поймете сейчасъ прочитавъ [illegible] — вы увѣряете въ примѣчаніи къ вашей статьѣ, что «лицо (т. е. вы), которое вы (по вашимъ словамъ) тайно *мысленно* упрекнули въ чемъ-то «прежнемъ» (1); уже четыре года *постоянно* и *исключительно* печатаетъ свои сочиненія въ «Современникѣ», и что если въ прошломъ году и было помѣщено нѣсколько разсказовъ этого лица (т. е. вашихъ) во «Времени», то это произошло *единственно* оттого, что «Современникъ» [illegible] *[illegible]* [illegible] *[illegible]* [illegible]

(1) См. статью Чернышевскаго. «Время» № 2 [illegible]

Зелѣные это [illegible]. Теперь въ другомъ мѣстѣ статьи «Тревоги Времени» вы говорите:

«И еще вы хвастаетесь, что васъ любитъ публика, что у васъ много подписчиковъ. Знаете ли, кому вы этимъ обязаны? вы обязаны этимъ «Современнику», который нѣкоторое время забулдывалъ, что вотъ вотъ можетъ вдругъ выйти, и вмѣшивался постыдно [illegible] перемѣнъ; вы обязаны вашею [illegible] «Современника», которое на минуту спорадическое у васъ [illegible] вы сады. И тутъ [illegible] свои [illegible] стоптанные вами сапоги въ сидку, а чужая [illegible]».

Короче сказать, еслибъ не случилось съ «Современникомъ» несчастья, т. е. еслибъ не принужденъ онъ былъ остановиться въ іюнѣ мѣсяцѣ, то понашему къ намъ бы не пришли литераторы съ своими статьями, что вы сами «единственно» только потому и печатали у насъ прошлаго года свои статьи, что «Современникъ» не издавался, и все это подразумѣвается потому, что нашъ журналъ самъ по себѣ до того ничтоженъ и не имѣетъ никакой цѣны, что къ нашъ нельзя идти такимъ молодымъ, но блестящимъ талантамъ какъ вы, когда издается «Современникъ». Это ясно и очень хорошо растолковано въ другой разъ въ газетѣ «Очерки», гдѣ одинъ господинъ уже успѣлъ подхватить вашу мысль и написалъ на насъ [illegible] статью съ ядомъ и ругательствами. Вотъ отрывокъ, въ которомъ подтверждается ваша мысль:

«Успѣхомъ своимъ «Время» обязано нѣкоторымъ, помѣщавшимся въ немъ белетристическимъ произведеніямъ, характеръ и направленіе которыхъ впрочемъ также относились къ характеру и направленію «Времени», какъ цвѣты къ морозу. Тутъ напечатаны были нѣкоторыя изъ произведеній Островскаго, Щедрина, Помяловскаго; тутъ же помѣщены были «Униженные и Оскорбленные» Ѳ. Достоевскаго, съ [illegible] героемъ Ванечкой и «Записки изъ Мертваго Дома». Особенно белетристическій отдѣлъ во «Времени» былъ сорѣзанъ [illegible] решительно [illegible] но и въ этомъ отношеніи редакція не [illegible]. Пожаръ [illegible] ей много къ украшенію ея журнала. Предпослѣ помѣщеніе статьи свои во «Времени» послѣ петербургскихъ пожаровъ, теперь публично объявляютъ, что они загнаны были въ этотъ журналъ горькою необходимостью (см. «Современникъ» № 3).»

Подъ этой статьею въ «Очеркахъ» подписано: Н. Дмитріевъ. Кстати объявленіе публики, что этотъ самый г. Н. Дмитріевъ [illegible] въ нашъ журналъ свою статью [illegible] «Провинціальная газета». Эту статью, по ея незначительности, мы не напечатали и возвратили назадъ автору. Теперь эта статья появилась въ «Современникѣ» (№ 1 и 2), а нашъ журналъ насъ въ

Digitized by Google

газетахъ и объявляетъ, что статьи запрещены были въ нашемъ журналѣ горькою необходимостью, т. е. запрещеніемъ «Современника».

Конечно отказъ напечатать статью г. И. Дмитріева во «Времени» запрещенію нужно принять въ соображеніе. Но вотъ что особенно удивляетъ насъ: почему же, если пропрятелю «Современника», г. И. Дмитріевъ обращался именно въ нашъ журналъ? Разве не было «Отечественныхъ Записокъ», «Библіотеки для Чтенія», «Русскаго Вѣстника» и множества второстепенныхъ изданій кромѣ «Времени»? Почему же непремѣнно всѣ эти блестящіе таланты (т. е. г. Дмитріевъ и «молодое перо») были тебе во «Вредо», а теперь объявляютъ, что были только заглушены въ нашъ одною необходимостью, т. е. запрещеніемъ «Современника»?

Но это въ скобкахъ, а теперь опять къ вамъ.

Ну что, если я васъ сейчасъ же изобличу и докажу, что вы говорите неправду, докажу тѣмъ, что назову васъ лично и объявлю, какія статьи печатали вы у насъ прежде запрещенія «Современника» и даже безо всякой необходимости?

Я имѣю на то право, милостивый государь! Намѣреніе ваше напечатать изданію «Времени» даетъ мнѣ это право. А покрайнее мы желали — это слишкомъ очевидно. Неужели вы скажете нѣтъ? Вы пытаетесь наши увѣрять въ другихъ газетахъ съ вашимъ именемъ, что «номеръ способствовалъ вашъ много къ украшенію». Слѣдовательно самая законнѣйшая въ такомъ случаѣ наша защита — это полнѣйшее изобличеніе васъ въ неправдѣ, съ фактами въ рукахъ.

И неужели-жъ, неужели-жъ предположить, что вы дѣйствительно сказали публично *непрободу, надѣлась на безнаказанность*? То-есть, разсуждали вы, вѣдь не узнаютъ кто сказалъ, имени-то не подписано, стало-быть и нельзя изобличить положительно. Ну и скажу, что я заглушенъ былъ въ нашъ журналъ единственно изъ горькой необходимости, другіе подвержены и пойдутъ и пойдутъ.

Не вѣрю и не хочу я вѣрить этому, милостивый государь. Вы желали намъ повредить, это такъ, но неужели вы хотите дѣйствовать изъ-за угла, спрятавшись подъ псевдонимъ въ надеждѣ на то, что его нельзя нарушить? Не вѣрю и потому еще разъ буду съ вами деликатенъ: я не открою полнаго имени вашего, милостивый государь, ни названія статьи вашей.

Вотъ почему я объявляю теперь только о томъ, что *напечатаны въ апрѣльскомъ нумерѣ «Времени» за прошлый годъ были помѣщены у насъ двѣ ваши статьи.*

Во-вторыхъ, что въ апрѣлѣ же мѣсяцѣ прошлаго года, какъ извѣстно вашъ сообщникъ и извѣстно цѣлому свѣту, «Современникъ»

Digitized by Google

еще назадъ. Мало того, на «Современникъ», на кому либо за сатиръ не прислали въ колоду, что пламенно его блескъ приостановлено въ іюнѣ мѣсяцѣ. А слѣдственно вы, милостивый государь, свободна, по своей собственной вашей волѣ поставили въ нашъ журналъ вашу статью, несмотря на то, что еще не кончалось «Современникъ» и еще не было никакой вторгной необходимости обращаться к нашему, а не къ «Современнику» (!).

Теперь позвольте васъ спросить: что обо всемъ этомъ можно подумать и какъ прилично теперь объясняться съ вами?

Я знаю, у васъ есть отговорка, что все это отчасти решенія «Современника», а не вы. Полно! А впрочемъ, подай, попробуйте отказаться отъ своего участія въ примѣненіи редакціи «Современника» къ «Трезогамъ Времени». Тогда мы уже принуждены будемъ обличить васъ еще хорошо и объявить публично, отъ какого именно мы, узнали всѣ подробности о томъ, до какой степени вы близки къ редакціи «Современника», а слѣдственно какъ можетъ теперь примѣненіе редакціи «Современника» къ статьѣ «Тревоги Времени» миновать ваше вѣдѣніе? Замѣтите, однакожъ, что мы знали бы какъ прежде, не сказать это и теперь, собственно потому, что вы заподозрили насъ въ подлыхъ наборщикахъ, тогда какъ сами очень хорошо знали, какъ мы узнали о томъ, что именно вы будете писать въ «Современникѣ» дальнѣйшее. Вотъ теперь о подлыхъ наборщикахъ лежитъ на насъ полное подозрѣніе, слѣдственно нашего изобличенія.

Это естественно и вполнѣ законно.

Ну-съ, а теперь позвольте васъ еще разъ изобличить.

Въ примѣчаніи къ вашей статьѣ говорится:

Что же касается до того, что вы въ полемикѣ своей противъ неизвѣстнаго вамъ рецензента сослались на пословицу «берегись съ колоды», то надо думать, что *предлогомъ* эта выходка употреблена вами въ припадкѣ особеннаго увлеченія, а что впередъ подобныя случаи

Вотъ видите: грозныхъ-то словъ наставили, а концы-то скры-

(1) Временная пріостановка «Современника» не принесла намъ никакой пользы. Ни одного новаго, значительнаго сотрудника она намъ не доставила. Гг. Островскій, Помяловскій, Щедринъ печатали у насъ еще долго до пріостановки «Современника». Во вторую же недѣлю апрѣля не участвовали ничего лишнаго въ «Современникѣ», да и Боже сохрани. Изъ 4300 подписчиковъ за прошлый годъ 4000 уже были у насъ до прекращенія «Современника». Молодое перо отлично хорошо знаетъ, что лѣтомъ подписка почти прекращается. Съ іюня до конца года у насъ врядъ ли прибавилось 300 подписчиковъ. Слѣдственно прекращеніе «Современника» и подписчиковъ нашъ не коснулось.

ли. Ну кчему вы скрыли отъ вашихъ читателей изъ-за чего вышло дѣло? Написали бы *все* и ваши читатели очень бы хорошо поняли, что выходка наша отнюдь не презрѣнная, а напротивъ въ высшей степени законная. Дѣло вышло изъ-за Тургенева. (¹) Въ вашей статьѣ «Литературная подпись» (²) вы упомянули о Тургеневѣ, что будто бы онъ недавно объявилъ въ газетахъ, что онъ, Тургеневъ, *такъ великъ*, что другіе литераторы видятъ его во снѣ. Въ статьѣ моей «Молодое перо» я изобличилъ васъ и доказалъ вамъ, что Тургеневъ нигдѣ и никогда не упоминалъ о томъ, что его видятъ другіе писатели во снѣ *собственно потому что онъ такъ великъ*. Не только буквально, *но даже и смысла такого* никакъ нельзя придать его обличительному письму на г. Некрасова. Я вывелъ на чистую воду, что слова эти и смыслъ этотъ прибавили вы сами отъ себя. Да поймите же наконецъ: тутъ дѣло вовсе не о Тургеневѣ, какъ писателѣ, т.-е. нравится онъ вамъ или не нравится, ретроградъ онъ или прогрессистъ? Тутъ дѣло просто о томъ, что вы взвели на человѣка, да еще отсутствующаго, вредную ему неправду; вы придали ему слова, совершенно выдуманныя вами, которыхъ онъ *никогда не говорилъ* и никогда и не думалъ говорить. А слѣдственно вы придавали ему смѣшныя и презрѣнныя черты характера, которыя сами въ немъ выдумали и тѣмъ самымъ умышленно старались повредить ему лично въ общемъ мнѣніи изъ интересовъ редакціи «Современника». Развѣ это все не очевиднѣйшіе факты? Вы навѣрно не будете имѣть человѣкости опровергать ихъ, потому что кто-жъ вамъ повѣритъ при такихъ фактахъ? Вспомните, что этотъ же самый «Современникъ» былъ совершенно изобличенъ Тургеневымъ въ явной несправедливости противъ него обнародованнымъ письмомъ г. Некрасова въ «Сѣверной Пчелѣ». Зная все это очень хорошо, вы все-таки рѣшились стать за «Современникъ». По моей взглядъ это въ высшей степени не хорошо. Но клянусь вамъ торжественно, что я совершенно былъ и буду убѣжденъ, что вы сдѣлали это некрасивое дѣльце не изъ грубаго какого-нибудь личнаго интереса. Тѣмъ-то и комиченъ для меня весь этотъ случай, что вы по моему мнѣнію сдѣлали все это совершенно безкорыстно, по глубокой добротѣ души, изъ пламеннаго желанія угодить «Современнику». Вы до того вошли въ интересъ «Современника», что рѣшились на всѣ эти поступки даже можетъ-быть и нисколько не прочитавши. Въ этомъ случаѣ вы были такъ-сказать plus royaliste que

(¹) См. статью «Молодое перо» «Время» № 2.
(²) «Современникъ» № 1 и 2-й.

ла мой. Это мое глубокое убѣжденіе и я не могу до сихъ поръ измѣнить его! Вотъ почему я и написалъ пословицу:

«Берегу честь съ молоду.»

Это значитъ, что еслибъ я не предполагалъ въ васъ чести, то и не написалъ бы вамъ, что надо беречь ее. Потомучто когда нѣтъ ничего, значитъ и беречь нечего. Да и судить васъ я позволилъ себѣ единственно только какъ литератора. И однакожъ несмотря на всѣ эти соображенія, у васъ все-таки на совѣсти «*литературное прибавленіе*», т. е. прибавленіе съ цѣлью повредить! Сравните это прибавленіе съ прибавленіемъ о «горькой необходимости», которое мы изобличили выше и скажите мнѣ, можно ли назвать мое обличеніе презрѣнной выходкой, какъ вы, несовѣстясь, говорите мнѣ въ глаза, въ примѣчаніи къ «Тревогамъ Времени» (¹)?

Теперь послѣ всѣхъ этихъ объясненій, позвольте мнѣ изложить вамъ, какъ смотрю я на васъ чисто въ одномъ только литературномъ отношеніи.

Вы — натура по преимуществу художественная и все что вы ни дѣлаете въ литературѣ, болѣе ничего какъ искуство для искуства. Вы примкнули къ «Современнику» не по убѣжденію, а изъ искуства для искуства (потомучто и въ «Современникѣ»- то убѣжденій почти совсѣмъ теперь нѣтъ, а ужь съ васъ спрашивать будетъ излишняя роскошь. Ну да вы еще съ молоду, слѣдовательно удовлетворяетесь не очень-то многимъ). Вы и начали въ немъ искуствомъ для искуства? Васъ тотчасъ же завлекло новое обаяніе. Прекрасное желаніе быть полезнымъ вашему журналу, доведено въ васъ, какъ въ натурѣ поэтической, до маниловщины. Изъ обыкновеннаго либерала васъ тотчасъ же перепекли въ нигилиста. Но какой же вы нигилистъ, помилуйте? Весь нигилизмъ вашъ заключается въ чемъ-нибудь вродѣ насмѣшекъ надъ толстотой тѣлесной конструкціи г. Лонгинова (котораго у васъ называютъ по имени. Прелесть!). Но весь нигилизмъ вашъ не можетъ тоже вамъ подсказать есть ли особенное какое-нибудь достоинство въ томъ, что вы тоненькой, и

(¹) Я все такъ пишу: «*вы говорите въ глаза*», хотя примѣчаніе къ «Тревогамъ Времени» подписано *не вами*, а редакціей «Современника». Но такъ какъ безъ вашего вѣдома это примѣчаніе не могло сочиниться, такъ вѣдь оно все равно. Пожалуй: вы пожалуй будете въ претензіи зачѣмъ я смѣшиваю васъ утвердительно здѣсь и редакцію «Современника» вообще? Очень-просто: я утвердительно говорю я объ этомъ потому только, что вы наговоромъ вашимъ о подкупѣ наборщиковъ «Современника», дали мнѣ сами это право. Разсудите: чтобъ опровергнуть наговоръ, я конечно долженъ сказать, что знаю *что первыхъ рукъ* какъ у васъ дѣла установились и на какихъ интересахъ. Стало-быть если я все это знаю, мнѣ и наборщиковъ подкупать было не надо.

Digitized by Google

вотъ, за недостаткомъ убѣжденій, вы плаваете неимѣетъ между сихъ двухъ противорѣчій и очень довольны. Какъ вы медленно плаваете видно изъ того, что вы до сихъ поръ еще бодчесь Катковъ. «Прихлопаетъ и не пикнете», говорите вы намъ, грозя намъ симъ московскимъ дѣятелемъ. Слова многознаменательныя. Вы не вѣрите даже и въ то (да и въ голову вамъ это никогда не заходило), что кто лжетъ, тотъ и слабъ, будь онъ хотя бы десять вершковъ росту. — Когда вы сочиняли ваши обличительныя вещи, вы и обличали не изъ негодованія какого-нибудь и не изъ убѣжденія въ чемъ-нибудь, а просто потому, что обличеніе модная такъ-сказать струя. Чѣмъ выше вы какъ литераторъ Надимова, который утверждалъ, что надо крикнуть на весь свѣтъ и т. д.? Увѣряю васъ, что тотъ кажется мнѣ еще выше васъ: у того была какая-то наивная общественная цѣль, а у васъ: искуство для искуства и ничего болѣе. Будто ужь не можетъ быть искуства для искуства въ обличительномъ родѣ? Увѣряю васъ, что вы тому яркій примѣръ. Вы зубоскалили какъ будто играя въ зубоскальство, оттого, и увѣренъ, что всѣ ваши изображенія вообще невѣрны и изъ любви къ искуству искажены. Не смѣшную сторону въ этихъ же явленіяхъ вы навѣрное просмотрѣли. Оттого всѣ ваши обличенія поражаютъ своимъ мелководіемъ, несмотря на безспорное остроуміе и сверхъ того, читая ихъ, выносишь впечатлѣніе, что тутъ нужно бы еще что-то непремѣнно досказать — иначе будетъ не полно. Соображаешь еще далѣе и прощаешь васъ отъ души. Ну какой же душенъ это нигилистъ? Ну что вы можете *отрицать*, вы, литераторъ по натурѣ воинственный и въ высшей степени вѣрующій во все свое право обличать? Что можете вы напримѣръ отрицать въ себѣ, вы, при такой необъяснимой самостоятельности? Когда вы писали ваши обличенія, я увѣренъ, вы нисразу не пострадали отъ мысли, что и вы можетъ-быть очень похожи на вашихъ героевъ, а эта мысль должна непремѣнно быть у всякаго обличителя. У васъ же холодный смѣхъ и ничего больше, разумѣется до тѣхъ поръ пока нераздражаетъ вашего самолюбія. Тутъ ужь святыхъ вонъ поноси и пропадай все на свѣтѣ. Живьемъ рады проглотить (ваши слова, употребленныя противъ насъ). Ваше творчество не сатира, а зубоскальство, а стало-быть и ваша дѣятельность не дѣло, а искуство для искуства. Вотъ почему я искренно, въ глубинѣ сердца моего, жалѣю и наклонность вашу къ «литературнымъ прибавленіямъ» и отнюдь не приписываю ихъ чему-нибудь очень дурному и нелитературному. Вы дѣлаете эти «прибавленія» ужасно невинно, младенчески чисто изъ добродѣтели, и ядъ вашъ, и злость ваша, и остроуміе ваше — все это тоже младенчески-чисто, потому что

Digitized by Google

все это одно невуство для невуства, а вы — художникъ, слѣдовательно у васъ уже такъ и чешется, чтобъ тотчасъ же все, за что вы схватитесь, возвести въ перлъ созданья.

Васъ потянуло къ нигилистамъ и вы даже не усомнились въ самомъ ли дѣлѣ это нигилисты, и такіе ли бываютъ нигилисты? Вы примкнули къ нимъ отъ души, вѣря, что они всѣхъ сильнѣе. Вы до сихъ поръ не замѣчаете до какой степени все это пробивается красненькой казенщиной, до какой степени малымъ удовлетворяется, до какой степени боится отрицать и до того слабо, что не можетъ существовать само по себѣ, а непремѣнно прикрытое общественной мойкой, красненькимъ крылышкомъ. Потребность прикрытія — это черта литературныхъ нигилистовъ нашихъ. Положите, вамъ придется еще кланяться «Головешкѣ» и уважать ее, чтобъ только сдѣлать себѣ партію. Вы не сдѣлаете, такъ какъ мы, вы не пойдете смѣло въ разрѣзъ всему что виляетъ и взятое само по себѣ, очень нехорошо. Вы не рискнете на столько врагомъ, на сколько мы рискнули. Вы говорите, что у насъ всего понемножку. Еслибъ мы были такіе же какъ вы, еслибъ мы желали только аплодисментовъ и вѣрили такимъ же слѣпенькимъ образомъ какъ вы вѣрите, то мы бы тотчасъ же къ вамъ примкнули и повѣрьте, что составили бы себѣ тотчасъ легонькую и безпорную карьеру; вѣдь вейербаннничать по писящему очень легко. Какой-нибудь «обличительный поэтъ» скитальца по литературѣ, какъ какая-нибудь безсонная нимфа по брегу Пеиса, а только-что примкнулъ къ казенной правотѣ въ Искрѣ и сдѣлался великимъ человѣкомъ. Мы возстали на хлѣбныхъ сенатуновъ, мы сказали святую правду, вы насъ за это злѣйше ругаете и говорите, что мы садимся между двухъ стульевъ. О юная неопытность! Какой это нигилистъ изъ «Головешки» васъ этому научилъ! Повѣрьте, что черезъ хлѣбныхъ-то сенатуновъ (къ которымъ и вы примыкаете) и пробиваетъ святая идея. Это-то и нужно искоренить и истребить во что бы ни стало. Имя уже брезгаетъ общество, тяготится имъ и ихъ оставляетъ. Увидите что когда святая идея прогресса выбьется изъ тенеречныхъ дранныхъ пеленъ и заявитъ себя чѣмъ-нибудь новымъ, вы сами ее не узнаете и примете пожалуй за ретроградство. Сыпля перлами остроумія, вы были начали увѣрять, что насъ вовсе не ругаютъ, что это мы сами выдумали. «За что васъ не любить-то», говорите вы. Слова ваши мы и принимаемъ за шутку, но сомнительно ли, что сквозь смѣхъ у васъ проглядываетъ и злъ. Нечего намъ кругомъ-то указывать. Мы всегда нападали и изобличали первые и вовсе не умываемся, что насъ ругаютъ. Если насъ никто не ругаетъ, какъ вы утверждаете, вы-то противъ насъ, изъ за чего выходите изъ

Digitized by Google

себя, вотъ уже три номера сряду? А это началось еще прошлаго года передъ закрытіемъ «Современника», потомучто тогда онъ серьозно струсилъ за свое безграничное прежнее вліяніе. Помните статью «о духѣ времени» г. Антоновича. Статейка изъ себя вылѣзала. Тогда-то вы и начали борьбу. А «Отечественныя-то записки» осенью, а старая-то «Библіотека для чтенія», а «Очерки» вотъ уже четвертый разъ бросающіеся на насъ съ тѣмъ, чтобъ насъ проглотить, а «Искра-то Искра!» а «Русское-то слово», — это отраженіе «Современника» въ грошовомъ зеркалѣ. Да вы припомните: вѣдь это такое бѣшенство, такая противъ насъ ярость, что они вѣдь не спятъ по ночамъ отъ насъ, а если спятъ, такъ я увѣренъ, что видятъ насъ каждую ночь во снѣ (такъ какъ ужь пошло все на сны). Да вѣдь мы пропитываемъ всѣхъ виршеплетовъ нашихъ съ ихъ малыми дѣтьми. А отчего, отчего это все? А оттого что у насъ у однихъ можетъ быть хватило на столько смѣлости, чтобъ такъ рѣзко высказать всю правду на счетъ бездарности, пошлости, лѣности и злокачественности этихъ прогресистовъ. Вы скажете, что тоже самое дѣлаетъ и Катковъ, и Скарятинъ, и Аскоченскій. Нѣтъ, не тоже самое. Тѣ во имя мрака ратуютъ, а мы во имя свѣта. Ихъ не слушаютъ, а насъ послушаютъ. И не говорите намъ, что мы садимся между двухъ стульевъ. Вздоръ, это и есть дорога! Вы ужь давно на полу сидите, да не догадываетесь. Погодите, можетъ и догадаетесь. А впрочемъ нѣтъ. Никогда не догадаетесь. Вѣдь пророчество наше сбылось, что «хлѣбные свистуны» закричатъ на насъ, что мы на нихъ нападая, на прогресъ нападаемъ. Ну какой они прогресъ, какіе они представители прогреса? Это бездарность, волочащая великую идею по улицѣ. Да мы въ тысячу разъ болѣе прогресисты уже хоть тѣмъ, что идолопоклонства въ насъ нѣтъ, что мы не смѣшиваемъ прогреса съ этими тупенькими представителями и попутно разворачиваемъ ихъ муравейникъ. Намъ пріятно смотрѣть какъ они тамъ копошатся. Скоро опять разворотимъ. Мы правду говоримъ и договоримся, что насъ поймутъ. Всѣ эти трудолюбивые муравьи не понимаютъ насколько мы дальше ихъ въ этомъ же самомъ прогресѣ идемъ. Вы говорите, что мы не понимаемъ что́ такое авторитетъ и смѣшиваемъ его съ лицами (О упрекъ изъ второго класа гимназіи! Сколько вы баловъ получили за это, мой нигилистъ?). Вотъ вамъ авторитетная идея: хлѣбные свистуны,—они всегда были споконъ вѣку вездѣ. Бездарность есть тотъ же застой прогреса. Гдѣ есть поступленіе впередъ, такъ въ головѣ движенія не должно быть бездарности. А гдѣ есть торговля прогресомъ изъ-за хлѣба и литературныхъ чиновъ, тамъ ужь полная мерзость запустѣнія. Это ужь наступаетъ такъ-сказать бюрократія прогре-

Digitized by Google

сизма. Вотъ вы къ ней-то и примкнули, думая, что она посильнѣе...

Ну довольно, кажется все. Итакъ я съ вами заболтался. Собственно направленіе наше я предъ вами защищать не стану. Кчему? Да кстати, благо припомнилъ. Есть еще одно обстоятельство, о которомъ надо упомянуть. Вы пишете про насъ:

«Мало того: я даже думаю, что если признавать силу булгаринской традиціи, то надо признать, что она тоже коснулась и насъ... разумѣется, *покуда* только невинной своей стороной.»

Вотъ видите ли: я хоть и никакой цѣны не даю инымъ вашимъ словамъ, но это *покуда я* не хочу пропустить безъ оговорки и вотъ что вамъ объявлю: я думаю, что самая существенная черта булгаринства есть — усиленное до малодушія самосохраненіе. Въ насъ же, хотя вы и обвиняете насъ въ булгаринствѣ, вовсе нѣтъ на столько слишкомъ ужь самоохранительнаго и виляющаго до малодушія благоразумія (какъ напримѣръ было въ Булгаринѣ), т. е. «пропадай другіе, было-бъ намъ хорошо». Вѣдь вотъ девизъ настоящаго булгаринства. Противъ насъ вы не найдете ничего, что бы оправдывало въ насъ подобный девизъ. Наше имя слава-богу честно. А потому и ваше словцо покуда никуда здѣсь негодится.

Ну вотъ и все. Хотѣлъ было я правда вамъ стихи сочинить, въ pendant къ вашимъ, въ которыхъ вы сравниваете насъ съ утками и съ разными птицами.

«Плавали въ заливьяхъ, да въ озерахъ тихихъ,
Страховыхъ плодили да Косицятъ сѣрыхъ,

Косицятокъ сѣрыхъ, Достоевскихъ бѣлыхъ.
Смирно поживали, въ рощѣ толковали».

Да что, и ваше-то стихи я нахожу плохими, а ужь у меня такъ ровно ничего не выходитъ. И знаете все хореемъ, да и стыдно какъ-то:

Вѣкъ и Вѣкъ и Левъ Камбекъ,
Левъ Камбекъ и Вѣкъ и Вѣкъ.
На пистончикѣ корнетъ
Страховъ жители планетъ.

Вотъ все что я выдумалъ, да пожалуй еще есть двѣ строчки:

Ро-ро-ро, ро-ро, ро-ро
Молодое перо.
Усь-усь, усь-усь-усь
Ахъ какой же это гусь.

Digitized by Google

Это въ pendant къ вашимъ уткамъ. Но вѣдь все такая дрянь и мои, да и ваши пожалуй. Точно на балалайкѣ что-то вытренькиваютъ. Впрочемъ мои стихи надо читать эдакъ нараспѣвъ, чтобъ что-нибудь вышло. Надо эдакъ руки въ боки, и притоптывать по комнатѣ шпорой. Можетъ и хорошо выйдетъ, не знаю. Впрочемъ какъ вамъ покажется. Тутъ ужь на вашъ собственный судъ.

Да вотъ еще хотѣлъ я спросить, щекотливый предметъ: Что это у васъ въ «Тревогахъ Времени» за Оленька Р. такая и Машинька Н.? Хоть убейте — ничего не понялъ, а очень интересно. Я долго размышлялъ: метафорически это иль нѣтъ, и право согрѣшилъ; — подумалъ: ужь не насчетъ ли поползновенія тутъ что-нибудь, а? Какая ужь думаю метафора? Воинственность, извѣстное дѣло... А впрочемъ Господь знаетъ что́ вы тутъ разумѣли; не разберешь! Да вотъ что еще: пишите-ка веселѣе! Я потому вамъ это говорю что знаю, у васъ талантъ, вы можете писать весело. Къ чорту гофманскія капли, неправда ли? А впрочемъ мелькаютъ и у васъ веселыя мысли. Напримѣръ когда вы говорите:

«Хотите, я сейчасъ же пять печатныхъ листовъ такихъ стиховъ напишу? Хотите, я каждый мѣсяцъ сто такихъ книжекъ сочиню, какъ 1-й № «Времени» за сей 1863 годъ?»

Ухъ страшно! Зарубитъ гусаръ. Сейчасъ видно военную косточку!.. Ну да прощайте, довольно съ вами.

P. S. A propos. Кланяйтесь Оленькѣ Р. и Машинькѣ Н., если онѣ въ самомъ дѣлѣ не выдумка. Вѣдь вотъ какъ однакожъ весело кричалось...

Какъ гусара не любить!
Это не годится...

Digitized by Google

ЖУРНАЛЪ

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

будетъ издаваться въ 1863 году, попрежнему, два раза въ мѣсяцъ, и будетъ сообщать обстоятельныя свѣдѣнія о ходѣ промышленности въ Россіи и за границею, биржевыя и акціонерныя извѣстія, техническія новости, какъ по химической, такъ и по механической части, всѣ необходимыя и интересныя свѣдѣнія по питейно-акцизному и табако-акцизному дѣлу, полную хронику правительственныхъ распоряженій по части мануфактуръ, торговли и всякаго рода промышленныхъ предпріятій, а равно обширныя монографическія описанія различныхъ отраслей промышленности въ Россіи, составленныя извѣстными нашими спеціалистами. Редакція надѣется также помѣстить рядъ статей по металлургіи, золотопромышленности, горному и соляному дѣлу. Кромѣ того, открывая отдѣлъ *фотографіи*, редакція помѣститъ въ немъ какъ первыя начала этого искуства, такъ и всѣ новѣйшія его усовершенствованія. Статьи техническія и торговоописательныя будутъ украшены рисунками и чертежами. Наконецъ, чтобы доставить читателямъ возможность слѣдить за сельскохозяйственными вопросами, столь важными, въ настоящее время, для Россіи, редакція вошла въ соглашеніе съ Императорскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ, и подписчики на журналъ «Промышленность» получатъ *безплатно 24 книжки «Трудовъ Императорскаго вольнаго экономическаго общества»*. Сверхъ того, въ 1863 году подписчики получатъ, въ видѣ преміи, *полный курсъ винокуренія*, профессора *М. Китарры*. **Цѣна** журналу «Промышленность», со всѣми приложеніями, **8** руб. **50** коп., съ пересылкою **10** руб. Частныя объявленія принимаются съ платою $^1/_{10}$ коп. съ буквы. *Адресъ:* въ редакцію журнала «Промышленность» въ С. Петербургѣ. Конторы редакціи: въ С. Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова, въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Редакторъ **В. Струбинскій.**

Digitized by Google

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

ВЪ БОЛЬШОМЪ ФОРМАТѢ

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

ГАЗЕТА ФИНАНСОВЪ, ТОРГОВЛИ И ПОЛИТИКИ

НА 1863 ГОДЪ

ЦѢНА: въ С.-Петербургѣ съ доставкою. . . . 10 руб.
» другіе города съ пересылкою. . . . 12 »

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ редакціи, на конногвардейскомъ бульварѣ, въ д. Стунѣевой, № 11.

СБОРНИКЪ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ РАСПОРЯЖЕНІЙ

ПО ПИТЕЙНО-АКЦИЗНОМУ УПРАВЛЕНІЮ

Выпускъ первый. Содержаніе: Положеніе о питейно-акцизномъ сборѣ и всѣ распоряженія по питейно-акцизному управленію, напечатанныя въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ, со дня обнародованія Положенія по 1 сентября 1862 года.

Digitized by Google

Выпускъ второй. Содержаніе: Всѣ распоряженія по питейно-акцизному управленію съ 1 сентября 1862 года по 1 января 1863 года, напечатанныя въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ.

Цѣна каждому выпуску **1** руб. сер., а за оба выпуска **2** руб. сер., съ пересылкою.

Продаются въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи Биржевыхъ Вѣдомостей, на конногвардейскомъ бульварѣ, въ д. Стунѣевой, у экзекутора департамента податей и сборовъ, въ губернскихъ питейно-акцизныхъ управленіяхъ и въ книжныхъ магазинахъ.

Примѣчаніе. **Выпускъ третій Сборника выйдетъ въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года; въ этотъ выпускъ войдутъ распоряженія по питейно-акцизному управленію, которыя будутъ напечатаны въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ съ 1 января по 1 мая 1863 года.**

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

КРАТКІЙ УЧЕБНИКЪ РУССКАГО ЯЗЫКА

Составленный по програмѣ военно-учебныхъ заведеній **И. Шестаковымъ.** Цѣна **50** коп. сер.

Лица, выписывающія прямо отъ автора, живущаго на Васильевскомъ островѣ, на углу Средняго проспекта и Малой Линіи, не менѣе 5 экз., за пересылку ничего не платятъ, а выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются сверхъ того уступкою 10%.

Digitized by Google

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. Ѳ. БАЗУНОВА

КОМИСІОНЕРА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ, МОРСКОГО УЧЕНАГО КОМИТЕТА И МОРСКОГО СБОРНИКА

Въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной.

НА СИХЪ ДНЯХЪ ПРИСТУПЛЕНО КЪ ПЕЧАТАНІЮ

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

АФАНАСЬЕВА-ЧУЖБИНСКАГО

подъ названіемъ

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО, въ двухъ частяхъ,

которыя въ непродолжительномъ времени поступятъ въ продажу. Содержаніе ихъ слѣдующее:

Часть 1. 1) Изъ корнетной жизни. 2) Донъ-Жуанъ. 3) Самодуры. 4) Одинъ изъ многихъ.

Часть 2. 1) Ремонтеры. 2) Прапорщикъ Сафьянчиковъ. 3) Монтеры. 4) Конокрады.

ПРОДАЮТСЯ

Поѣздка въ Южную Россію А. Афанасьева-Чужбинскаго. Томъ 1. Очерки Днѣпра. Спб. 1861. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 2 руб.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

Общій взглядъ на бытъ приднѣпровскаго крестьянина.

ПОѢЗДКА НА ДНѢПРОВСКІЕ ПОРОГИ И НА ЗАПОРОЖЬЕ.

ГЛАВА I. Прошедшее степи. Екатеринославъ. Жизнь города. Ярмарка. Близость пороговъ. Лоцманская каменка. Положенія. Нравы и обы-

Digitized by Google

чаи. — ГЛАВА II. Пороги. Древнія о нихъ свѣдѣнія. Судохотство. Каналы. Способъ проводить суда и плоты. Село Волошское. Встрѣча. Ненасытецъ. — ГЛАВА III. Плаваніе черезъ пороги. Лоцманы. Волнигъ. Змѣиная скеля. Становой. Вильный порогъ. Плоты. Крушеніе барокъ. Кичкасъ. Меноністы. — ГЛАВА IV. Выходъ изъ пороговъ. Островъ Хортица. Колонія. Преданія. Якубенко. Село Вознесенское. Хлѣбный магазинъ. Александровскъ. Почтовая контора. Пансіонъ. Лѣсная пристань. Описаніе фарватера. — ГЛАВА V. Плавни. Лѣса. Береговыя селенія. Тарасовка. Мысъ Доброй Надежды. Ильинское. Голая Грушевка. Чернышева. Борисоглѣбовка. Лысая Гора. Имѣніе графа Канкрина. Рѣка Конка. Балки. Разговоръ съ крестьяниномъ. Благовѣщенское. Лѣсная торговля. — ГЛАВА VI. Никополь. Древности. Интересные старики. Полиція. Торговля. Евреи. Вольные матросы. Судоходство. Бытъ жителей. Рыболовство. — ГЛАВА VII. Неплюева. Курганъ. Древняя Сѣчь. Капуловка. Могила Сѣрка. Сѣчь. Покровское. Послѣдняя Сѣчь. Остатки. Свѣдѣнія о богатствѣ Запорожской церкви. Бытъ жителей. Прогулка съ рыбакомъ. Ужинъ. Крѣпостное право.

ПОѢЗДКА ПО НИЗОВЬЯМЪ ДНѢПРА.

ГЛАВА I. Пароходство. Хлѣбная торговля. Грушевка. Ново-Воронцовка. Гирла. Леонтьевка. Гавриловка. Плавни. Кочкаровка. Дороговизна припасовъ. — ГЛАВА II. Каменка. Запорожское кладбище. Разговоръ съ туземцемъ. Блажкова. Замѣчательные курганы. Бизюковъ монастырь. Змѣи. Шведская колонія. Нравы и обычаи. Ново-Бериславская еврейская колонія. Бытъ евреевъ-земледѣльцевъ. — ГЛАВА III. Бериславъ. Положеніе его. Замѣчательная церковь. Торговля. Переправа. Чумаки. Паромщики. Старики. Село Козачье. Еврейская колонія Львова. Колонисты. Тягинка. Древнее городище. Аврашки. — ГЛАВА IV. Херсонъ. Построеніе города. Невѣрность описаній. Бульваръ. Торговля. Лѣсные дворы. Пристань. Хлѣбные торговцы. Судоходство и судостроеніе. Евреи. Караимы. Базаръ. Крѣпость. Садъ. Училище мореплаванія. Памятникъ Говарду. Могила Говарда. Сторожъ. Библіотека. Оригинальный способъ освѣщенія. — ГЛАВА V. Мало-Знаменка. Эксъ-становой. Древности. Знаменка. Мамайсурка. Нравы и обычаи. Старообрядцы. Винодѣліе. Масляница. Крестьянинъ Голубовъ и его процесъ. Имѣнія Штиглица. Старикъ Хвостенко и его расказы. Большая Лапатиха. Панскіе Каиры. Заводовка. Горностаевка. Софіевка. Каиры. Старикъ. Каховка. Ярмарка. Корсунскій монастырь. Козачьи Лагери. — ГЛАВА VI. Алешки. Историческія воспоминанія. Сѣчь. Перевозчики. Водный путь въ Херсонъ. Судоходство. Вольные матросы. Арбузы. Хутора. Интересная личность. Голая Пристань. Цѣлительное озеро. Гирла. Поѣздка въ гирлахъ. Збурьевка. Дубовыя рощи. Рыбальчая. Рыболовство. Прогнои. Соляной промыслъ. Покровка. Бытъ жителей. Кинбурнъ. Интересная встрѣча. Касперовка. Станиславовъ. Очаковъ.

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ изъ печати и поступитъ въ продажу: **Томъ 2. Поѣздка по Днѣстру.** Подробное содержаніе будетъ объявлено по выходѣ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

МАРТЪ. № 3

Нуженъ ли флотъ Россіи 5

Бѣглые воротились. (Романъ въ трехъ частяхъ). Часть третья. I. Новый побѣгъ Ильи Танцура. — II. Воля сказана и дѣдъ Зинецъ. — III. На что рѣшиться? — IV. Вѣсти изъ острога и изъ дому. — V. Сельскій агитаторъ. — VI. Князь Мангушко также наконецъ воротился. — VII. Бѣлая арапія. — VII. Развязка. А. Скавронскаго (автора повѣсти «Бѣглые въ Новороссіи»). 49

До свадьбы (изъ дневника одной дѣвушки). А- С...вой 155

Посланіе къ Основьяненкѣ (изъ Шевченко). Стих. Н. Гербеля . 188

Вещество (по ученію матерьялистовъ). Н. Страхова 191

Бутузка. (Романъ въ двухъ частяхъ). Часть вторая. И. Салова . 235

Грезы и пѣсни. Стих. Ѳ. Берга 322

Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ. Фельетонъ за все лѣто. Глава V. Ваалъ. — Глава VI. Опытъ о буржуа. — Глава VII. Продолженіе предыдущаго. — Глава VIII. Брибри и Мабишь. Ѳ. М. Достоевскаго 323

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Територіальная военная система. Статья первая. П. Бибикова . 1

Иностранная литература. Преступленія и наказанія (эскизы изъ исторіи уголовнаго права). Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes, étude historique par M. Jules Loiseleur. Paris 1863. — English convicts. The Wenstminster Review 1863. January. — Causes célèbres. — Système Pénitentiaire par Gustave de Beaumont et A. de Tocqueville. — Dei delitti et delle pene, per Beccaria. Статья первая. В. Попова 17

Наши домашнія дѣла (современныя замѣтки). Финансисты «Московскихъ Вѣдомостей». — Денегъ дѣвать некуда, а ка-

Digitized by Google

питаловъ нѣтъ. — Въ чемъ заключается истинное значеніе денегъ — Въ безденежьи ли заключается причина жалобъ на безденежье? — Основаніе устройства свободныхъ банковъ. — Какъ объяснить явленіе, состоящее въ томъ, что и деньги и товары потеряли свою покупательную силу. — Различіе между торговымъ кризисомъ и атоніей. — Предположеніе о новомъ выпускѣ бумажныхъ денегъ. — Московское страховое общество и складчины взаимнаго застрахованія — Данковскій голова — Новый московскій городской голова. — Предполагаемыя улучшенія въ календарѣ. — Послѣднія извѣстія о ходѣ крестьянскаго дѣла. — Страданія и жалобы извѣстнаго литератора г. Григорія Бланка 54

По поводу послѣдней повѣсти графа Л Н. Толстого «Казаки» (письмо къ редактору «Времени»). Я. Полонскаго 91

Сказаніе о «Дураковой плѣши» (по поводу распри «Современника» съ «Ясной Поляной». Игдева 99

ПОЛИТИКА. Общее положеніе европейскихъ державъ по польскому вопросу. — Французскія дѣла Пренія въ сенатѣ о польскихъ дѣлахъ. — Рѣчь г Бильйо. — Приготовленія къ выборамъ. — Мексиканскій походъ. — Итальянскія дѣла. — Пренія о займѣ — Мнѣнія о децентрализаціи. — Намѣренія министерства. — Послѣднія извѣстія 128

Опять молодое перо. Отвѣтъ на статью «Современника» тревоги «Времени». («Современникъ» мартъ № 3) 148

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

JUN 25 1943

Digitized by Google

Digitized by Google